

Последнее желание
Меч Предназначения

Анджеу
Санковски

Последнее желание
Меч Предназначения

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Анджеу
Санковски

ANDRZEJ
SAPKOWSKI

Ostatnie Życzenie
Miecz Przeznaczenia

АНДЖЕЙ

САПКОВСКИЙ

Последнее желание
Меч Предназначения

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

Серия основана в 1999 году

Andrzej Sapkowski

OSTATNIE ŻYCZENIE
1993

MIECZ PRZEZNACZENIA
1994

Серийное оформление А. Кудрявцева
Перевод с польского Е. Вайсброт
Художник А. Дубовик

Публикуется с разрешения издательства Nowa Publishers
и литературного агентства Александра Корженевского.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Сапковский А.

- С19** Последнее желание. Меч Предназначения: Фантастические романы / Пер. с польского Е. Вайсброта. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 640 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-002001-5

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогающего его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

© Andrzej Sapkowski, 1993, 1994

© Перевод. Е. Вайсброт, 1997

© ООО «Издательство АСТ», 2000

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

OSTATNIE ŻYCZENIE

Warszawa, 1993

ГЛАС РАССУДКА I

на пришла под утро.

Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Однако именно этот исчезающе тихий, едва уловимый шелест разбудил ведьмака, а может, только вырвал из полусна, в котором он мерно колыхался, словно погруженный в бездонную тонь, висящий между дном и поверхностью спокойного моря, среди легонько извивающихся нитей водорослей.

Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила накидку, медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Он наблюдал за ней из-под опущенных ресниц, не выдавая себя. Девушка осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сосочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользая от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого света нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук оста-

новила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добилась ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его рук, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его лицу, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв покой.

ВЕДЬМАК

1

отом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот. Он шел, а навьюченную лошадь вел под уздцы. Надвигался вечер, и лавки канатчиков и шорников уже закрылись, а улочка опустела. Было тепло, но на человеке был черный плащ, накинутый на плечи. Он обращал на себя внимание.

Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов. Трактир, как всегда в это время, был полон народу.

Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, поменьше, который назывался «У Лиса». Здесь было пусто — трактир пользовался не лучшей репутацией.

Трактирщик поднял голову от бочки с солеными огурцами и смерил гостя взглядом. Чужак, все еще в плаще, стоял перед стойкой твердо, неподвижно и молчал.

— Что подать?

— Пива, — сказал незнакомец. Голос был неприятный.

Трактирщик вытер руки полотняным фартуком и наполнил шербатую глиняную кружку.

Незнакомец не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потертую кожаную

куртку со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Вызиме почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан.

Незнакомец не присел к столу, где расположились немногочисленные посетители, а остался у стойки, внимательно изучая взглядом трактирщика.

— Ищу комнату на ночь, — проговорил он, отхлебнув из кружки.

— Нету, — буркнул трактирщик, глядя на обувку гостя, запыленную и грязную. — Спросите в «Старой Преисподней».

— Я бы хотел здесь.

— Нету. — Трактирщик наконец распознал выговор незнакомца. Ривянин.

— Я заплачу, — тихо и как бы неуверенно сказал чужак.

Тогда-то и началась эта паскудная история. Рябой верзила, с момента появления чужака не спускавший с него утрюмого взгляда, встал и подошел к стойке. Двое из его дружков встали шагах в двух позади.

— Ну, нету же местов, шпана ривская, — гаркнул рябой, подходя к незнакомцу вплотную. — Нам тута, в Вызиме, такие ни к чему. Это порядочный город.

Незнакомец взял свою кружку и отодвинулся. Взглянул на трактирщика, но тот отвел глаза. Он и не думал защищать ривянина. Да и кто любит ривян?

— Что ни ривянин, то ворюга, — продолжал рябой, от которого несло пивом, чесноком и злобой. — Слышь, что говорю, недоносок?

— Не слышит он, уши-то дерьмом забил, — промямлил один из тех, что стояли позади. Второй захохотал.

— Плати и выматывайся, — рявкнул рябой.

Только теперь незнакомец взглянул на него.

— Пиво допью.

— Мы те подмогнем, — прошипел дылда. Он выбил у ривянина кружку и, одновременно схватив одной рукой плечо, впился пальцами другой в ремень, пересекающий наискось грудь чужака. Один из стоявших позади размахнулся, собираясь уда-

рить. Чужак развернулся на месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик. Кто-то из гостей кинулся к выходу. С грохотом упал стол, глухо шмякнулась об пол глиняная посуда. Трактирщик — губы у него тряслись — глядел на чудовишно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже. В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, тонкий, истощенный крик женщины. Трактирщик затрясся, хватил воздуха, и его начало рвать.

Незнакомец отступил к стене. Сжавшийся, собранный, чуткий. Меч он держал обеими руками, вода острием по воздуху. Никто не шевелился. Страх, как холодная грязь, облепил лица, связал члены, заткнул глотки.

В трактир с шумом и лязгом ворвались трое стражников. Видимо, находились неподалеку. Обернутые ремнями палицы были наготове, но, увидев трупы, стражи тут же выхватили мечи. Ривянин прильнул спиной к стене, левой рукой вытащил из-за голенища кинжал.

— Брось! — рявкнул один из стражников дрожащим голосом. — Брось, бандюга! С нами пойдешь!

Второй толкнул стол, мешавший ему зайти ривянину сбоку.

— Жми за людьми, Чубчик! — крикнул он тому, что стоял ближе к двери.

— Не надо, — проговорил незнакомец, опуская меч. — Сам пойду.

— Пойдешь, пойдешь, сучье племя, только на веревке! — заорал тот, у которого дрожал голос. — Кидай меч, не то башку развалю!

Ривянин выпрямился. Быстро перехватил меч под левую руку, а правой, выставив ее в сторону стражников, начертил в воздухе сложный знак. Сверкнули набивки, которыми были густо покрыты длинные, по самые локти, манжеты кожаной куртки.

Стражники моментально отступили, заслоня лица предплечьями. Кто-то из гостей вскочил, другой помчался к двери. Женщина снова завопила. Дико, пронзительно.

— Сам пойду, — повторил незнакомец звучным металлическим голосом. — А вы трое — впереди. Ведите к ипату. Я дороги не знаю.

— Да, господин, — пробормотал стражник, опустив голову, и, робко озираясь, двинулся к выходу. Двое других, пятясь, вышли следом. Незнакомец, убрав меч в ножны, а кинжал за голенище, пошел за ними. Когда они проходили мимо столов, гости прикрывали лица полами курток.

2

Велерад, ипат Вызимы, почесал подбородок и задумался. Он не был ни суеверен, ни трусоват, но перспектива остаться один на один с белоголовым его не прельщала. Наконец он решился.

— Выйдите, — приказал стражникам. — А ты садись. Нет, не тут. Туда, подальше, если не возражаешь.

Незнакомец присел. При нем уже не было ни меча, ни черного плаща.

— Слушаю, — сказал Велерад, поигрывая тяжелой булавой, лежащей на столе. — Я Велерад, ипат, то бишь — градоправитель Вызимы. Что скажешь, милсдарь разбойник, прежде чем отправиться в яму? Трое убитых, попытка навести порчу — недурственно, вовсе недурственно. За такие штучки у нас в Вызиме сажают на кол. Но я — человек справедливый, сначала выслушаю. Говори.

Ривиянин расстегнул куртку, извлек из-под нее свиток из белой козловой кожи.

— Это вы на дорогах по трактирам приколачиваете, — сказал он тихо. — То, что тут написано, правда?

— А, — буркнул Велерад, глядя на вытравленные на коже руны. — Вон оно дело-то какое. Как же я сразу-то не сообразил. Ну да, правда. Самая что ни на есть правдивая правда. Подписано: Фольтест, король, владыка Темерии, Понтара и Махакама. Ну а коли подписано, стало быть, правда. Но руны рунами, а закон законом. Людей убивать не позволю! Усек?

Ривянин кивнул, — понял, мол. Велерад гневно засопел.

— Знак ведьмачий при тебе?

Незнакомец снова полез за полу куртки, вытащил круглый медальон на серебряной цепочке. На медальоне была изображена очертившаяся волчья морда.

— Как звать-то? Мне воще-то все равно как, спрашиваю не из любопытства, а для облегчения беседы.

— Геральт.

— Геральт так Геральт. Судя по выговору — из Ривии?

— Из Ривии.

— Так. Знаешь что, Геральт? Об этом, — Велерад хлопнул ладонью по козловой шкуре, — забудь. Выкинь из головы. Это дело серьезное. Многие пробовали. Это, брат, не то что пару-другую голодранцев прикончить.

— Знаю. Это моя профессия, милсдарь ипат. Написано: три тысячи оренгов награды.

— Три тысячи, — выпятил губы Велерад. — И принцесса в придачу, как людишки болтают, хоть этого милостивый Фольтест не написал.

— Принцесса мне ни к чему, — спокойно сказал Геральт. Он сидел неподвижно, положив руки на колени. — Написано: три тысячи.

— Ну, времена, — вздохнул градоправитель. — Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал, даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков! Ходячие, словно точильщики, по домам истребители драконов и топляков. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

— Вполне!

Велерад хлопнул в ладоши и крикнул:

— Пива! А ты, Геральт, садись поближе. Чего уж там.

Пиво было холодное и пенистое.

— Ну, говорю, времена настали, — снова затянул Велерад, прихлебывая из кружки. — Дерьма всякого развелось. В Махакаме, в горах, нечисть кишмя кишит. По лесам раньше волки были, а нынче, понимаешь, упыри, боровики всякие, куда ни плюнь — оборотень или какая другая зараза. По селам русалки да нищенки детей умыкают, уже на сотни счет пошел. Хвори,

о каких раньше никто и слыхом не слыхивал. Прямо волосы дыбом встают. Ну и еще это вот, для комплекта! — Он толкнул свиток по столу. — Неудивительно, Геральт, что на вас такой спрос.

— Это, градоправитель, королевское обращение, — поднял голову Геральт. — Подробности знаете?

Велерад откинулся на спинку стула, сплел пальцы на животе.

— Подробности, говоришь? А как же, знаю. Не то чтоб из первых рук, но источники надежные.

— Это мне и надо.

— Уперся, стало быть. Ну, как знаешь. Слушай. — Велерад отхлебнул пива, понизил голос. — Наш милостивый Фольтест, когда еще в принцах ходил, при старом Меделе, показал, на что способен, а способен-то он был на многое. Мы надеялись, что со временем это пройдет. Ан нет. Вскоре после коронации, тут же после смерти прежнего-то короля, Фольтест превзошел самого себя. У всех у нас челюсти отвалились. Короче: заделал дитятко своей сестрице Адде. Адда была моложе его, они всегда держались вместе, но никто ничего не подозревал, ну разве что королева... В общем, глядь, а Адда уже во-от с таким брюхом, а Фольтест начинает заводить разговоры о свадьбе. С сестрой, понял, Геральт? Положеньице сложилось хуже некуда, а тут аккурат Визимир из Новиграда задумал выдать за Фольтеста свою Дальку, прислал сватов, а нам, понимаешь, хоть держи королька-то нашего за ноги-руки, потому как он вознамерился гнать сватов взащей. Ну, обошлось, и слава богам, иначе-то оскорбленный Визимир кишки б из нас повыпускал. Потом, не без помощи Адды, которая повлияла на братца, нам удалось отсоветовать сопляку без времени в женихи лезть. Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там, одна повитуха выскочила в окно из башни и убилась насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что ребеночек, дитятко королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдается мне, особо не спешил пуповину перевязывать. Адда, на свое счастье, родов не пережила. А потом, братец ведьмак, Фольтест в очередной раз

стлупил. Ублюдка-то надо было спалить иль, может, закопать где-нито на пустыре, а не хоронить в саркофаге да упрятывать в подземельях дворца.

— Что теперь рассуждать, — поднял голову Геральт. — Поздно. Во всяком случае, надо было вызвать кого-нибудь из Посвященных.

— Это ты о мошенниках со звездочками на колпаках? А как же! Их сюда с десятков слетелось, но уже после того, как стало ясно, что в том склепе лежит. И по ночам из него вылазит. А вылазить-то начало не сразу, э, нет. Семь лет после похорон жили мы спокойно. А тут однажды ночью, аккурат было полнолуние, во дворце визг, крик, переполох! Да что долго рассусоливать, сам знаешь, оповещение королевское читал. Дитяtko подросло, и неплохо, да и зубки вымахали ого-го! Одним словом, упыриха! Эх, жаль, ты трупов не видел. Как я. Иначе б постарался Вызиму стороной обойти.

Геральт молчал.

— И тогда, — продолжал Велерад, — Фольтест скликал к нам целую орду всяческих колдунов. Орали они друг на дружку, чуть не побились своими посохами, которые, видно, носят, чтоб собак оттонять, ежели кто науськает. А науськивают-то, я думаю, регулярно. Ты уж прости, Геральт, ежели у тебя другое мнение о волшебниках. Полагаю, в твоём цеху их тоже немало, но на мой вкус — так это дармоеды и дурни. К вам, ведьмакам, в народе больше уважения и доверия. Вы хоть, как бы это сказать, конкретны, что ли.

Геральт улыbнулся, но смолчал.

— Ну, ближе к делу, — градоправитель, заглянув в кружку, долил пива себе и ривянину. — Некоторые советы этих колдунов казались не такими уж идиотскими. Один, например, предложил спалить упыриху вместе с дворцом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку заступом, остальным больше нравились осино́вые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела, конечно днем, когда дьяволица спит в гробу, притомившись после ночных утех. К несчастью, нашелся один шут в колпаке на лысом черепе, горбатый отшельник, который заявил, что все это чары и колдовство, что их можно расколдовать и из упырицы снова получится Фольтестова

дочечка, красивенькая как картинка. Надо только отсидеть в подвале всю ночь — и привет, дело в шляпе. После чего — представляешь себе, Геральт, что это был за придурок, — он отправился на ночь во дворец. Как легко догадаться, осталось от него маловато, почитай, только колпак да посох. Но Фольтест вцепился в его идейку, как репей в собачий хвост. Запретил убивать упырицу и изю всех возможных дыр королевства притащил в Вызиму шарлатанов, чтобы те переколдовали ведьму в принцессу. Это была, доложу я тебе, та еще компания. Какие-то скрюченные бабы, хромоножки, грязные, братец, завшипевшие, — страх, да и только. Слезы. Ну и давай они шаманить, в основном над тарелкой и кружкой. Правда, некоторых Фольтест не без помощи Совета расколол быстренько, нескольких даже остратки ради повесил на частоколе, но маловато, маловато. Я б, к примеру, всех их на шибеницу отправил. Ну о том, что за это время упырица ухитрилась загрызть кой-кого, наплевав на мошенников и их заклинания, думаю, говорить не приходится. Да и о том, что Фольтест во дворце больше не жил. И вообще никто уже там не жил.

Велерад замолчал, отхлебнул пива. Ведьмак тоже помалкивал.

— Так оно и идет, Геральт, шесть лет уже, потому как ОНО уродилось лет четырнадцать назад. Были у нас за это время и заботы иного характера, подрались мы с Визимиром из Новиграда, но по вполне достойным, понятным причинам, поскольку речь шла о передвижке пограничных столбов, а не о каких-то там доченьках или родственных узах. Фольтест, кстати, уже начинает снова поговаривать о женитьбе и разглядывать присылаемые соседскими дворами портреты, которые раньше прямым ходом отправлял в отхожее место. Но время от времени на него обратно находит, и он принимается рассылать гонцов на поиски новых колдунов. Ну и награду положил три тысячи, из-за чего сбежалось несколько сумасбродов, странствующих рыцарей, даже один свинопас, известный всей округе недоумок, да будет земля ему пухом. А упырице хоть бы хны. Время от времени загрызет кого. Привыкнуть можно. А от тех героев, что пытаются ее расколдовать, хоть та польза, что бестия нажрется, не отходя от саркофага, и не околачивается за пре-

делами дворцовых служб. А Фольтест живет теперь в новом дворце, вполне прилично.

— За шесть лет, — Геральт поднял голову, — за шесть лет никто не покончил с этим делом?

— Правда твоя. — Велерад проницательно глянул на ведьмака. — Потому, похоже, и сделать-то ничего нельзя. Придется терпеть. Я говорю о Фольтесте, нашем возлюбленном и милостивом монархе, который все еще велит приколачивать свои призывы и обращения на перепутьях. Только вот охотников вроде бы поубавилось. Недавно, правда, объявился один, так он хотел эти три тысячи непременно получить вперед. Ну, посадили мы его в мешок, значит, и кинули в озеро.

— Да уж, жулья хватает.

— Это точно. Их даже, я бы сказал, с избытком, — воддакнул ипат, не спуская с ведьмака глаз. — Потому, когда пойдешь во дворец, не требуй золота авансом. Если, конечно, пойдешь.

— Пойду.

— Ну, твое дело. Только не забудь мой совет. Ну а коли уж мы заговорили о награде, то последнее время людишки стали поговаривать о второй части. Я тебе говорил: принцессу в жены. Не знаю, кто это придумал, но ежели упырица выглядит так, как рассказывают, то шуточка получается невеселая. И все ж таки не было недостатка в дурнях, которые во весь опор помчались во дворец, как только разошлась весть, что появилась оказия затеяться в королевскую родню. Конкретно, два сапожниковых подмастерья. Слушай, почему сапожники такие идиоты, Геральт?

— Не знаю. А ведьмаки, милсдарь градоправитель, пытались?

— Не без того, а как же. Однако чаще всего, узнав, что упырицу надобно не убить, а расколдовать, тут же пожимали плечами и уезжали. Потому-то мое уважение к вашему брату серьезно выросло. Ну а потом приехал один, тебя помоложе, имени не упомянул, если он вообще его называл. Этот пробовал.

— Ну и?

— Зубастая принцесса растянула его кишочки на расстоянии полета стрелы.

Геральт покачал головой.

— Это все?

— Был еще один.

Велерад помолчал. Ведьмак не торопил.

— Да, — сказал наконец градоправитель. — Был. Сначала, когда Фольтест пригрозил ему шибеницей, ежели тот при-
бьет или покалечит упырицу, он только рассмеялся и стал
собирать манатки. Ну а потом...

Велерад снова снизил голос почти до шепота:

— Потом принял заказ. Понимаешь, Гера́льт, у нас в
Вызиме есть пара толковых людей, притом и на высоких
должностях, которым вся эта фигня осточертела. Слух прошел,
будто эти люди втихую убедили ведьмака не тратить времени
на всякие там фигли-мигли и чары, с ходу прибить упырицу, а
королю сказать, что, мол, чары не подействовали, что-де до-
ченька свалилась с лестницы — несчастный случай на произ-
водстве. Король, известно дело, разозлился, но все кончится
тем, что он не заплатит ни орена из обещанной награды.
Шельма ведьмак в ответ: дескать, задарма сами на чудовищ
ходите. Ну что было делать, скинулись мы, поторговались...
Только ничего из этого не получилось.

Гера́льт поднял брови.

— Ничего, говорю, — сказал Велерад. — Ведьмак не за-
хотел идти туда сразу, в первую же ночь. Лазил, тайлся, по
округе шастал. Наконец, говорят, увидел упырицу, вероятно, в
деле, потому что бестия не вылезает из гроба только ради того,
чтобы косточки поразмять. Ну, увидел он ее и в ту же ночь
слинял, не попрощавшись.

Гера́льт слегка скривил губы, изобразив некое подобие
улыбки.

— У толковых людей, — начал он, — вероятно, целы те
деньги? Ведьмаки вперед не берут.

— Ну да, — проговорил Велерад. — Вероятно, целы.

— И сколько там? По слухам.

— Кто говорит, восемьсот... — ухмыльнулся Велерад.

Гера́льт pokrutil головой.

— А кто, — буркнул градоправитель, — тысяча.

— Не густо, если учесть, что сплетни, как правило, завы-
шают. Кстати, король-то дает три тысячи.

— Ага. И невесту в придачу, — съехидничал Велерад. — Да и о чем мы толкуем? Известное дело, не получишь ты тех трех тысяч.

— Это почему же?

Велерад хватил рукой о столешницу.

— Геральт, не порти моего мнения о ведьмаках! Этому уже шесть лет с гаком! Упырица ужокошивает до полусотни людей в год, теперь, может, чуток поменьше, потому как все держатся в стороне от дворца. Нет, братец, я верю в колдовство, приходилось видеть то да се на своем веку, и верю, до определенной степени, разумеется, в способности магов и ведьмаков. Но что до переколдовывания — это уж чепуха, придуманная горбатым и сопливым старикашкой, который вконец поглупел от своего отшельнического харча, ерунда, в которую не верит никто. Кроме Фольтеста. Разве не так, Геральт? Адда родила упырицу, потому что спала с собственным братом, вот в чем суть, и никакие чары тут не помогут. Упырица пожирает людей, как... упырица, и надобно ее прикончить, нормально и попросту. Слушай, два года тому назад кметы из какой-то захудалой дыры под Махакамом, у которых дракон пожирал овец, пошли скопом, забили его дубинами и даже не посчитали нужным похвалиться. А мы тут, в Выземе, ожидаем чуда каждое полнолуние и запираем двери на семь засовов или же привязываем к столбу перед дворцом преступников, рассчитывая на то, что бестия нажрется и снова нырнет в свой гроб.

— Недурственный способ, — усмехнулся ведьмак. — Преступность пошла на убыль?

— Держи карман шире!

— Как пройти во дворец, в тот, новый?

— Я провожу тебя. А как с предложением толковых людей?

— Ипат, — сказал Геральт, — куда спешить? Ведь несчастный случай на работе может произойти действительно, независимо от моего желания. Тогда толковым людям придется подумать, как спасти меня от королевского гнева и подготовить те тысячу пятьсот оронов, о которых болтают... людишки.

— Речь шла о тысяче.

— Э, нет, милсдарь Велерад, — решительно сказал ведьмак. — Тот, кому вы предлагали тысячу, сбежал, стоило ему

взглянуть на упырицу, и даже не торговался. Стало быть, риск гораздо выше, чем на тысячу. Ну, конечно, в отличие от него я предварительно попрощаюсь.

Велерад почесал затылок.

— Геральт? Тысячу двести?

— Нет. Работа не из легких. Король дает три, а должен сказать, что расколдовать порой бывает легче, чем убить. В конце концов кто-нибудь из моих предшественников убил бы упырицу, если б это было так просто. Вы думаете, они дали себя загрызть только потому, что боялись короля?

— Ну, лады, братец, — Велерад грустно покачал головой. — По рукам. Только чтоб королю ни гуту о возможном несчастном случае на... производстве. От всей души советую.

3

Фольтест был щупл, отличался красивым — слишком уж красивым — лицом. Ему еще не стукнуло сорока, как решил ведьмак. Он сидел на резном черного дерева карле, протянув ноги к камину, у которого грелись две собаки. Рядом, на сундуке, сидел пожилой, могучего сложения бородатый мужчина. За спиной у короля стоял другой, богато одетый, с гордым выражением на лице. Вельможа.

— Ведьмак из Ривии, — нарушил король недолгую тишину, наступившую после вступительных слов Велерада.

— Да, государь, — наклонил голову Геральт.

— От чего у тебя так голова поседела? От волшебства? Ты вроде бы не стар? Ну ладно, ладно. Шучу. Опыт, надеюсь, у тебя какой-никакой есть?

— Да, государь.

— Рад бы послушать.

— Вы же знаете, государь, — склонился Геральт еще ниже, — что наш кодекс запрещает нам рассказывать о том, что мы делаем.

— Удобный кодекс, господин ведьмак, весьма удобный. Ну, а если, к примеру, без подробностей, с лесовиками дело имел?

— Да.

— С вампирами, лешими?

— Да.

Фольтест замялся.

— С упырями?

— Да.

Геральт поднял голову, глянул королю в глаза.

Фольтест смутился. Вроде бы.

— Велерад!

— Слушаю, государь!

— Ты ввел его в курс?

— Да, государь. Он утверждает, что принцессу можно расколдовать.

— Это-то я давно знаю. А каким образом, уважаемый господин ведьмак? Ах да, запамятовал. Кодекс. Ну хорошо. Только одно небольшое замечание. Захаживали тут ко мне несколько ведьмаков. Велерад, ты ему говорил? Хорошо. Поэтому мне ведомо, что ваша специальность в основном предусматривает... умерщвление, а не снятие порчи. Запомни, об этом и думать не смей. Если у моей дочери хоть волос с головы упадет, ты свою на плаху положишь. Это все. Острит и вы, государь Сегелин, останьтесь, сообщите ему все, что он пожелает. Они всегда много спрашивают, ведьмаки. Накормите, и пусть живет во дворце. Нечего по трактирам да корчмам валандаться.

Король встал, свистнул псам и направился к дверям, раскидывая соломку, покрывающую пол комнаты. У дверей обернулся.

— Если получится, ведьмак, награда твоя. Возможно, еще кое-что подброшу, если выкажешь себя хорошо. Конечно, в болтовне относительно женитьбы на принцессе нет ни на грош правды. Надеюсь, ты не думаешь, что я выдам дочь за первого попавшегося проходимца?

— Нет, государь, не думаю.

— Ну и славно. Это доказывает, что ты не глуп.

Фольтест вышел, прикрыв за собой двери. Велерад и вельможа, которые до этого стояли, тут же уселись за стол. Ипат допил наполовину полный кубок короля, заглянул в кувшин, чертыхнулся. Острит, занявший карло короля, глядел

на ведьмака исподлобья, поглаживая резные подлокотники. Сегелин, бородач, кивнул Геральту.

— Присаживайтесь, господин ведьмак, присаживайтесь. Сейчас ужин подадут. Так что бы вы хотели узнать? Градоправитель Велерад, я думаю, сказал вам все. Я знаю его, уверен, что он сказал скорее больше, чем меньше.

— Всего несколько вопросов.

— Задавайте.

— Господин градоправитель сказал, что после появления упырицы король призвал многих Посвященных.

— Так оно и есть. Только говорите не «упырица», а «принцесса». Так вам легче будет избежать оговорки при короле... и связанных с нею неприятностей.

— Среди Посвященных был кто-нибудь известный? Знаменитый?

— Такие бывали и тогда, и сейчас. Имен не помню... А вы, господин Острит?

— Не припомню, — сказал вельможа. — Но знаю, что некоторые пользовались славой и признанием. Об этом многие говорили.

— Было ли у них согласие в том, что заклятие можно снять?

— Им далеко было до согласия, — усмехнулся Сегелин. — По любому вопросу. Но такое предположение высказывали. Речь шла о простом, вообще не требующем магических способностей методе, и, как я понял, заключался он в том, чтобы провести ночь, от заката до третьих петухов, в подземелье, рядом с саркофагом.

— Чего уж проше, — фыркнул Велерад.

— Я хотел бы услышать, как выглядит... принцесса.

— Принцесса выглядит как упырь, — рявкнул Велерад, вскакивая со стула. — Как самый что ни на есть упыристый упырь, о каком мне только доводилось слышать! В ее высочестве, королевской доченьке, проклятом ублюдочном ублюдке, четыре локтя роста, она похожа на бочонок из-под пива, а пасть у нее от уха до уха, полная зубов, острых как кинжалы, у нее кроваво-красные зенки и рыжие патлы. Лапищи с когтями как у рыси, свисают до самой земли! Удивительно, как это мы еще

не начали посылать ее миниатюры дружественным дворам! Принцессе, чтоб ее чума взяла, уже четырнадцать годков, самое время выдать замуж за какого-нибудь принца!

— Притормозите, градоправитель, — поморщился Острит, поглядывая на дверь. Сегелин слабо улынулся.

— Описание весьма красочное и достаточно точное, а именно это вас интересовало, уважаемый ведьмак, верно? Велерад только забыл добавить, что принцесса передвигается с невероятной быстротой и что она гораздо сильнее, чем можно судить по росту и строению. А то, что ей четырнадцать, — факт. Если это имеет значение.

— Имеет, — сказал ведьмак. — А на людей она нападает только в полнолуние?

— Да, — ответил Сегелин. — Если это случается за стенами старого дворца. Во дворце же люди погибали независимо от фазы Луны. Но из дворца она выходит только по полнолуниям, да и то не всегда.

— Был ли хоть один случай нападения днем?

— Нет. Днем — нет.

— Она всегда пожирает жертвы?

Велерад смачно сплюнул на солому.

— А чтоб тебя, Геральт, сейчас же вечерять будем. Тыфу на тебя! Пожирает, обгладывает, оставляет — по-разному, в зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать, наголо. Мать ее...

— Осторожнее, Велерад, — прошипел Острит. — Об упырице — что хочешь, но Адду не оскорбляй, потому как при короле-то и сам не отважишься.

— А выжил кто-нибудь из тех, на кого она напала? — спросил ведьмак, казалось, не обратив внимания на вспышку вельможи.

Сегелин и Острит переглянулись.

— Да, — сказал бородач. — В самом начале, лет шесть назад, она набросилась на двух солдат, стоявших на страже у склепа. одному удалось сбежать.

— И позже, — вставил Велерад, — мельник, на которого она напала за городом. Помните?

4

В комнатку над кордегардией, где поместили ведьмака, мельника привели на другой день поздним вечером. Привел его солдат в плаще с капюшоном.

Особых результатов беседа не дала. Мельник был напуган, бормотал и заикался. Гораздо больше ведьмаку сказали его шрамы: у упырицы были внушающие уважение челюсти и действительно очень острые зубы, в том числе непомерно длинные верхние клыки — четыре, по два с каждой стороны. Когти, пожалуй, острее рысиных, хоть и не такие крючковатые. Впрочем, только поэтому мельнику и удалось вырваться.

Покончив с осмотром, Геральт кивком отпустил мельника и солдата. Солдат вытолкал парня за дверь и скинул капюшон. Это был Фольтест собственной персоной.

— Не вставай, — сказал король. — Визит неофициальный. Ты доволен допросом? Я слышал, ты с утра побывал во дворце?

— Да, государь.

— Когда приступишь к делу?

— До полнолуния четыре дня. После него.

— Хочешь сначала взглянуть на нее?

— Нет нужды. Но насытившаяся... принцесса... будет не так подвижна.

— Упырица, мэтр, упырица. Брось дипломатничать. Принцессой-то она только еще будет. Впрочем, именно об этом я хотел с тобой поговорить. Отвечай неофициально, кратко и толково — будет или не будет? Только не прикрывайся своими кодексами.

Геральт потер лоб.

— Я подтверждаю, государь, что чары можно снять. И если не ошибаюсь, действительно проведя ночь во дворце. Если третьи петухи застанут упырицу вне гробницы, то снимут колдовство. Обычно именно так поступают с упырями.

— Так просто?

— И вовсе не так просто, государь. Во-первых, эту ночь надо пережить. Во-вторых, возможны отклонения от нормы.

Например, не одну ночь, а три. Одну за другой. Бывают также случаи... ну... безнадежные.

— Так. — Фольтеста передернуло. — Только и слышу: убить чудище, потому что это случай неизлечимый! Я уверен, мэтр, что с тобой уже потолковали. А? Дескать, заруби людоедку без церемоний, сразу же, а королю скажи, мол, иначе не получалось. Не заплатит король, заплатим мы. Очень удобно. И дешево. Король велит отрубить голову или повесить ведьмака, а золото останется в кармане.

— А что, король обязательно прикажет обезглавить ведьмака? — поморщился Геральт.

Фольтест долго глядел в глаза ривянину. Наконец сказал:

— Король не знает. Но учитывать такую возможность ведьмак все-таки должен.

Теперь замолчал Геральт.

— Я намерен сделать все, что в моих силах, — сказал он наконец. — Но если дело пойдет скверно, я буду защищаться. Вы, государь, тоже должны учитывать такую возможность.

Фольтест встал.

— Ты меня не понял. Не о том речь. Совершенно ясно, что ты ее убьешь, если станет горячо, нравится мне это или нет. Иначе она убьет тебя, наверняка и бесповоротно. Я не разглашаю этого, но не покарал бы того, кто убьет ее в порядке самообороны. Но я не допущу, чтобы ее убили, не попытавшись спасти. Уже пробовали поджигать старый дворец, в нее стреляли из луков, копали ямы, ставили силки и капканы, пока нескольких «умников» я не вздернул. Но, повторяю, не о том речь. Слушай, мэтр...

— Слушаю.

— Если я правильно понял, после третьих петухов упырицы не будет. А кто будет?

— Если все пойдет как надо, будет четырнадцатилетняя девочка.

— Красноглазая? С зубищами как у крокодила?

— Нормальная девчонка. Но только...

— Ну?

— Физически.

— Час от часу не легче. А психически? Каждый день на завтрак ведро крови? Девичье бедрашко?

— Нет. Психически... трудно сказать... Думаю, на уровне, ну... трех-четырех годовалого ребенка. Ей понадобится заботливый уход. Довольно долго.

— Это ясно. Мэтр?

— Слушаю.

— А это... может повториться? Позже?

Ведьмак молчал.

— Так, — сказал король. — Стало быть, может. И что тогда?

— Если после долгого, затянувшегося на несколько дней беспмятства она умрет, надо будет сжечь тело. И как можно скорее.

Фольтест нахмурился.

— Однако не думаю, — добавил Геральт, — чтобы до этого дошло. Для верности я дам вам, государь, несколько советов, как уменьшить опасность.

— Уже сейчас? Не слишком ли рано, мэтр? А если...

— Уже сейчас, — прервал ривянин. — По-всякому бывает, государь. Может случиться, что наутро вы найдете в склепе расколдованную принцессу и мой труп.

— Даже так? Несмотря на разрешение на самооборону? Которое, похоже, не шибко тебе и нужно.

— Это дело серьезное, государь. Риск очень велик. Поэтому слушайте: принцесса должна будет постоянно носить на шее сапфир, лучше всего инклюз, на серебряной цепочке. Постоянно. Днем и ночью.

— Что такое инклюз?

— Сапфир с пузырьком воздуха внутри. Кроме того, в камине ее спальни надо будет время от времени сжигать веточки можжевельника, дрока и орешника.

Фольтест задумался.

— Благодарю за советы, мэтр. Я буду придерживаться их, если... А теперь слушай меня внимательно. Если увидишь, что случай безнадежный, убей ее. Если снимешь заклятие, но девочка не будет... нормальной... если у тебя возникнет хотя бы тень сомнения в том, что все прошло удачно, убей ее. Не бойся меня. Я стану на тебя при людях кричать, выгоню из дворца и из города, ничего больше. Награды,

разумеется, не дам. Ну, может, что-нибудь выторгуешь... Сам знаешь у кого.

Они помолчали.

— Геральт. — Фольтест впервые назвал ведьмака по имени.

— Слушаю.

— Сколько правды в слухах, будто ребенок родился таким только потому, что Адда была моей сестрой?

— Не много. Порчу надо навести. Чары не возникают из ничего. Но, думаю, ваша связь с сестрой послужила поводом к тому, что кто-то бросил заклинание, а значит, и причиной такого результата.

— Так я и думал. Так говорили некоторые из Посвященных, правда, не все. Геральт. Откуда все это берется? Чары, магия?

— Не знаю, государь. Посвященные пытаются отыскать причины таких явлений. Нам же, ведьмакам, достаточно знать, что их можно вызывать сосредоточением воли. И знать, как с ними бороться.

— Убивая?

— Как правило. Впрочем, чаще всего за это нам и платят. Мало кто требует снять порчу. В основном люди просто хотят уберечься от опасности. Если же у чудища на совести еще и трупы, то присовокупляется стремление отомстить за содеянное.

Король встал, прошелся по комнате, остановился перед висевшим на стене мечом ведьмака.

— Этим? — спросил он, не глядя на Геральта.

— Нет. Этот против людей.

— Наслышан. Знаешь что, Геральт? Я пойду с тобой в склеп.

— Исключено.

Фольтест повернулся, глаза сверкнули.

— Тебе известно, колдун, что я ее ни разу не видел? Ни при рождении, ни... позже? Боялся. Могу ее уже никогда не увидеть, верно? Имею я право хотя бы видеть, как ты будешь ее убивать?

— Повторяю, исключено. Это верная смерть. И для меня тоже. Стоит мне ослабить внимание, волю... Нет, государь.

Фольтест отвернулся и направился к двери. Геральту показалось, что он уйдет, не произнеся ни слова, без прощального жеста, но король остановился и взглянул на него.

— Ты вызываешь доверие, — сказал он. — Хотя я и знаю, что ты за фрукт. Мне рассказали, что произошло в трактире. Уверен, ты прибил этих головорезов исключительно ради рекламы, чтобы всколыхнуть людей, потрясти меня. Я уверен, ты мог столкнуться с ними и не убивая. Боюсь, мне никогда не узнать, идешь ли ты спасать мою дочь или же убить ее. Но соглашаюсь на это. Вынужден согласиться. Знаешь, почему?

Геральт не ответил.

— Потому что, — сказал король, — думаю, она страдает. Правда?

Ведьмак проницательно посмотрел на короля. Не подтвердил, не сделал ни малейшего жеста, но Фольтест знал. Знал ответ.

5

Геральт в последний раз выглянул в окно дворца. Быстро темнело. За озером помигивали туманные огоньки Вызимы. Вокруг дворца раскинулся пустырь — полоса ничейной земли, которой город за шесть лет отгородился от опасного места, не оставив ничего, кроме развалин, прогнивших балок и остатков шедчатого частокола, которые разбирать и переносить, видимо, не окупалось. Дальше всего, на другой край города, перенес свою резиденцию сам король — пузатая башня нового дворца чернела вдали на фоне темно-синего неба.

Ведьмак вернулся к запыленному столу, за которым в одной из пустых, разграбленных комнат готовился. Не спеша, спокойно, обстоятельно. Времени, как он знал, было достаточно. До полуночи упырица из склепа не вылезет.

Перед ним на столе стоял небольшой окованный сундучок. Геральт открыл его. Там тесно, в выложенных сухой травой отделениях, стояли флакончики из темного стекла. Ведьмак вынул три.

Поднял с пола продолговатый сверток, плотно укутанный овечьими шкурами и обвязанный ремнем. Развернул, достал из черных блестящих ножен, покрытых рядами рунических знаков и символов, меч с изукрашенной рукоятью. Острие заиграло идеальным зеркальным блеском. Лезвие было из чистого серебра.

Геральт прошептал формулу, медленно выпил содержимое двух флакончиков, после каждого глотка опуская левую руку на оголовье меча. Потом, плотно закутавшись в черный плащ, сел. На пол. В комнате не было ни одного стула. Как, впрочем, и во всем дворце.

Он сидел неподвижно, прикрыв глаза. Дыхание, поначалу ровное, вдруг ускорилося, стало хриплым, беспокойным. А потом полностью остановилось. Снадобье, с помощью которого ведьмак подчинил себе все органы тела, в основном состояло из чемерицы, дурмана, боярышника и молочая. Остальные компоненты не имели названий ни на одном человеческом языке. Не будь Геральт приучен к таким смесям с детства, это был бы смертельный яд.

Ведьмак резко повернул голову. Слух, обострившийся теперь сверх всякой меры, легко вылутил из тишины шелест шагов по заросшему крапивой двору. Это не могла быть упырица. Еще слишком светло. Геральт завел меч за спину, спрятал сундучок в утробах разрушенного камина и тихо, словно летучая мышь, сбежал по лестнице.

На дворе было еще достаточно света, чтобы приближающийся человек мог увидеть лицо ведьмака. Человек — это был Острит — резко попятился, невольная гримаса ужаса и отвращения искажила его лицо. Ведьмак криво усмехнулся — он знал, как выглядит. После мешанины из красавки, аконита и очанки лицо становится блее мела, а зрачки заполняют всю радужницу. Зато микстура позволяет видеть в глубочайшей тьме, а Геральту именно это и было нужно.

Острит быстро взял себя в руки.

— Ты выглядишь так, словно уже стал трупом, колдун, — сказал он. — Не иначе со страха. Не бойся. Я принес тебе жизнь.

Ведьмак не ответил.

— Не слышишь, что я сказал, ривский знахарь? Ты спасен. И богат. — Подбросив на руке солидный мешок, Острит кинул его под ноги Геральту. — Тысяча оренгов. Бери, садись на коня и выматывай отсюда!

Ривянин молчал.

— Чего вылупился! — повысил голос Острит. — И не задерживай меня. Я не намерен торчать здесь до полуночи. Не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты снимал заклятие. Нет, не думай, будто угадал. Я не в сговоре ни с Велерадом, ни с Сегелином. Просто не желаю, чтобы ты ее убивал. Ты должен уехать и оставить все как есть.

Ведьмак не шелохнулся. Он не хотел, чтобы вельможа понял, насколько сейчас обострились и ускорились его движения и реакции. Темнело быстро, это было только на руку Геральту, ведь даже полумрак сумерек был слишком ярким для его расширившихся зрачков.

— А собственно, почему все должно оставаться по-старому? — спросил он, стараясь помедленнее выговаривать слова.

— А вот это, — Острит гордо поднял голову, — не твоего ума дело.

— А если я уже знаю?

— Интересно...

— Легче будет скинуть Фольтеста с трона, если упырица дойдет людей еще больше? Если королевские фокусы вконец осточертеют и вельможам, и народу, верно? Я ехал к вам через Реданию и Новиград. Там на каждом углу толкуют о том, что кое-кто в Выземе посматривает на короля Визимира как на избавителя и истинного монарха. Но меня, господин Острит, не интересуют ни политика, ни наследование тронов, ни дворцовые перевороты. Я здесь для того, чтобы выполнить работу. Вы никогда не слышали о чувстве долга и элементарной порядочности? О профессиональной этике?

— Не забывай, с кем говоришь, бродяга! — яростно крикнул Острит, сжимая рукоять меча. — Я не привык спорить с кем попало! Этика, кодексы, мораль?! И кто это говорит. Разбойник, который, не успев прибыть, уже прикончил троих. Кто бил поклоны Фольтесту, а за его спиной торговался с Велерадом, словно наемный убийца! И ты еще осмеливаешься

задирать голову, холоп? Прикидываться Посвященным? Магом? Чародеем? Ты, паршивый ведьмак! Вон отсюда, пока я тебе череп не раскроил!

Ведьмак даже не дрогнул.

— Лучше б вам самому уйти, Острит, — сказал он. — Темнеет.

Острит попятился, мгновенно выхватил меч.

— Ты сам того хотел, колдун! Убью! Не помогут тебе твои штучки. При мне черепаший камень.

Геральт усмехнулся. Мнение о могуществе черепашого камня было столь же распространено, сколь и ошибочно. Но ведьмак не намеревался тратить силы на заклятия и тем более скрещивать серебряный клинок с оружием Острита. Он поднырнул под выписывающее круги острие и серебряными шипами манжета ударил вельможу в висок.

6

Острит очухался быстро и теперь водил глазами в абсолютной тьме. Он был связан. Геральта, стоявшего рядом, он не видел, но сообразил, где находится, и завыл протяжно, дико.

— Молчи, — сказал ведьмак. — Накличешь ее прежде времени.

— Проклятый убийца! Где ты? Развяжи немедленно, сукин ты сын! Вздерну поганца!

— Молчи.

Острит тяжело дышал.

— Оставишь меня ей на съедение? Связанного? — спросил он уже тише и совсем уж тихо добавил грязное ругательство.

— Нет, — сказал ведьмак. — Отпущу. Но не сейчас.

— Подлец, — прошипел Острит. — Чтобы отвлечь упыриду?

— Да.

Острит замолчал, перестал дергаться, лежал спокойно.

— Ведьмак?

— Да.

— А ведь я действительно хотел свалить Фольтеста. И не я один. Но лишь я желал его смерти, хотел, чтобы он помер в муках, чтобы свихнулся, чтобы живьем сгнил. Знаешь почему?

Геральт молчал.

— Я любил Адду. Королевскую сестру. Королевскую любовницу. Королевскую деву. Я любил ее... Ведьмак, ты здесь?

— Здесь.

— Я знаю, что ты думаешь. Но этого не было. Поверь, я не произносил никаких заклятий. Я не знаток по части чар. Только однажды, по злобе, сказал... Только один раз. Ведьмак? Ты слышишь?

— Слышу.

— Это его мать, старая королева. Наверняка она. Не могла видеть, как они с Аддой... Это не я. Я только однажды, понимаю, пытался уговорить ее, а Адда... Ведьмак! На меня нашло, и я сказал... Ведьмак. Так это я? Я?

— Это уже не имеет значения.

— Ведьмак? Полночь близко?

— Близко.

— Выпусти меня раньше. Дай мне больше времени.

— Нет.

Острит не услышал скрежета отодвигаемой покровной плиты саркофага, но ведьмак услышал. Он наклонился и кинжалом рассек ремни, связывавшие вельможу. Острит не стал дожидаться каких-либо слов, вскочил, неловко заковылял, одереvenевший, побежал. Глаза уже привыкли к темноте, и он увидел дорогу, ведущую из главной залы к выходу.

Из пола с грохотом вылетела плита, закрывавшая вход в склеп. Геральт, предусмотрительно укryвшийся за балюстрадой лестницы, увидел уродливую фигуру упырицы, ловко, быстро и безошибочно устремившейся за удаляющимся топотом башмаков Острита. Упырица не издавала ни звука.

Чудовищный, душераздирающий, сумасшедший визг разорвал ночь, потряс старые стены и не прекращался, то вздымаясь, то опадая и вибрируя. Ведьмак не мог точно оценить расстояние — его обостренный слух ошибался, но он знал, что упырица добралась до Острита быстро. Слишком быстро.

Он вышел на середину залы, встал у выхода из склепа. Отбросил плащ. Повел плечами, поправляя положение меча. Натянул перчатки. У него еще было немного времени. Он знал, что упырица, хоть и нажравшаяся, так быстро труп не бросит. Сердце и печень были для нее ценным запасом пищи, позволяющим долго оставаться в летаргии.

Ведьмак ждал. До зари, по его подсчетам, оставалось еще около трех часов. Пение петуха могло его только спутать. Впрочем, в округе скорее всего вообще не было петухов.

И тут он ее услышал. Она шла медленно, шлепая по полу. А потом он ее увидел.

Описание было точным: спутанный ореол рыжеватых волос окружал непропорционально большую голову, сидящую на короткой шее. Глаза светились во мраке, словно два карбункула. Упырица остановилась, уставившись на Геральта. Вдруг раскрыла пасть — словно похваляясь рядами белых клиновидных зубищ, потом захлопнула челюсть с таким грохотом, будто захлопнула крышку сундука. И сразу же прыгнула, с места, без разбега, целясь в ведьмака окровавленными когтями.

Геральт отскочил, закружился, упырица задела его и тоже закружилась, вспарывая когтями воздух. Она не потеряла равновесия и напала снова, немедленно, с полуоборота, щелкнув зубами у самой груди Геральта. Ривянин отскочил в другую сторону, трижды меняя направление вращения и тем самым сбивая упырицу с толку, отскакивая, сильно, хотя и не с размаху, ударил ее по голове серебряными шипами, сидящими на верхней стороне перчатки, на костяшках пальцев.

Упырица жутко зарычала, заполнив дворец гулким эхом, припала к земле, замерла и принялась выть. Глухо, злое, яростно.

Ведьмак зло усмехнулся. Первый «раунд», как он и рассчитывал, прошел успешно. Серебро было убийственным для упырицы, как и для большинства чудовищ, вызванных к жизни колдовством. Так что, выходит, бестия не отличалась от других, а это давало надежду на то, что чары удастся снять, серебряный же меч как крайнее средство гарантировал ему жизнь.

Упырица не спешила нападать. Теперь она приближалась медленно, оскалив клыки, пуская слюни. Геральт попятился,

пошел полукругом, осторожно ставя ноги, то замедляя, то ускоряя движение, тем самым рассеивая внимание ;пырицы, не позволяя ей собраться для прыжка. Продолжая движение, он разматывал длинную тонкую крепкую цепь с грузом на конце. Серебряную цепь.

В тот момент, когда упырица, напрягшись, прыгнула, цепь просвистела в воздухе и, свернувшись змеей, мгновенно оплела руки, шею и голову чудища. Не довершив прыжка, упырица упала, издав пронзительный визг. Она извивалась на полу, жутко рыча то ли от ярости, то ли от палящей боли, причиняемой ненавистным металлом. Геральт был удовлетворен — убить упырицу, если б он того хотел, не составляло труда. Но он не доставал меча. Пока ничто в поведении упырицы не говорило о том, что это случай неизлечимый. Геральт немного отступил и, не спуская глаз с извивающегося на полу тела, глубоко дышал, собираясь с силами.

Цепь лопнула, серебряные звенья дождем прыснули во все стороны, звеня по камням. Ослепленная яростью упырица, воя, кинулась в атаку. Геральт спокойно ждал и поднятой правой рукой чертил перед собой Знак Аард.

Упырица отлетела на несколько шагов, словно ее ударили молотом, но удержалась на ногах, выставила когти, обнажила клыки. Ее волосы поднялись дыбом, зашевелились так, будто она шла против резкого ветра. С трудом, кашляя, шаг за шагом, медленно, но шла! Все-таки шла!

Геральт забеспокоился. Он, конечно, не ожидал, что такой простой Знак совсем парализует упырицу, но и не думал, что бестия так легко оправится. Он не мог держать Знак слишком долго — это истощало, а меж тем упырице оставалось пройти не больше десятка шагов. Он резко снял Знак и отскочил вбок. Как и ожидал, застигнутая врасплох, упырица полетела вперед, потеряла равновесие, перевернулась, поскользнулась на полу и покатилась вниз по ступеням зияющего в полу входа в склеп. Снизу донесли истошные вопли.

Чтобы выиграть время, Геральт прыгнул на лестницу, ведущую на галерею. Не успел пройти и половины, как упырица вылетела из склепа и помчалась за ним, словно огромный черный паук... Ведьмак, дождавшись, пока она взбежит на лестницу, тут

же перемахнул через поручень и спрыгнул на пол. Упырица развернулась на лестнице, оттолкнулась и кинулась на него в невероятном, чуть ли не десятиметровом прыжке. Она уже не дала так легко провести себя — дважды ее когти рванули кожаную куртку ривянина. Но новый могучий удар серебряных шипов откинул упырицу. Она закачалась. Геральт, чувствуя вздымающуюся в нем ярость, покачулся, откинул туловище назад и сильнейшим ударом в бок повалил бестию на пол.

Рык, который она издала, был громче всех предыдущих. С потолка посыпалась штукатурка.

Упырица вскочила, дрожа от неудержимой злобы и жажды убийства. Геральт выжидал. Он уже выхватил меч и, чертя им в воздухе зигзаги, шел, обходил упырицу, следя за тем, чтобы движения меча не совпадали с ритмом и темпом шагов. Упырица не отскочила. Она медленно приближалась,водя глазами вслед за блестящей полоской клинка.

Геральт резко остановился, замер, поднял меч над головой. Упырица растерялась и тоже остановилась. Ведьмак, выписав острием двойной полукрут, сделал шаг в сторону упырицы. Потом еще один. А потом прыгнул, вертя меч над головой.

Упырица съежилась, попятилась. Геральт был все ближе. Глаза его разгорелись зловещим огнем, сквозь стиснутые зубы вырвался хриплый рев. Упырица снова отступила, отброшенная мощью сконцентрированной ненависти, злобы и силы, излучаемой нападающим на нее человеком, бьющей в нее волнами, врывающимися в мозг и внутренности. До боли пораженная неведомым ей прежде ощущением, она издала вибрирующий тонкий визг, закружилась на месте и в панике кинулась в мрачный лабиринт коридоров дворцовых подземелий.

Геральт, сотрясаемый дрожью, остановился посреди залы. Один.

«Сколько же понадобилось времени, — подумал он, — чтобы этот танец на краю пропасти, эта сумасшедшая, жуткая пляска привела к желаемому результату, позволила добиться психического сляния с противником, проникнуть в глубины сконцентрированной воли, переполнявшей упырицу. Воли злобной, болезненной, породившей эту уродину». Ведьмак вздрогнул, вспомнив тот момент, когда он поглотил этот заряд зла,

чтобы, словно зеркало, отразить его и направить на чудовище. Никогда он еще не встречался с такой концентрацией ненависти и убийственного неистовства. Даже у василисков, пользующихся самой дурной славой.

«Тем лучше, — думал он, направляясь ко входу в склеп, огромной черной дырой темнеющему в полу. — Тем лучше, сильнее был удар, полученный самой упырицей». Это дает чуть больше времени на дальнейшие действия, прежде чем бестия оправится от шока. Вряд ли он способен еще на одно такое усилие. Действие эликсиров слабеет, а до рассвета еще далеко. Нельзя допустить, чтобы упырица проникла в склеп до утренней зари, иначе весь труд пойдет насмарку.

Он опустился по ступеням. Склеп был невелик и вмещал три каменных саркофага. У первого от входа крышка была сдвинута. Геральт достал из-за пазухи третий флакончик, быстро выпил содержимое, спустился в саркофаг и лег. Как он и ожидал, саркофаг оказался двойным — для матери и дочери.

Крышку он задвинул только после того, как снова услышал сверху рев упырицы. Он лег навзничь рядом с мумифицированными останками Адды, на плите изнутри начертил Знак Ирген. Меч положил на грудь и поставил маленькие песочные часы, заполненные фосфоресцирующим песком. Скрестил руки. Воплей упырицы он уже не слышал. Он вообще уже ничего не слышал: четырехлистый вороний глаз и ласточкина трава набирали силу.

7

Когда Геральт открыл глаза, песок в часах уже пересыпался до конца, а значит, он спал даже дольше, чем следовало. Он прислушался — и ничего не услышал. Органы чувств уже работали нормально.

Он взял меч в одну руку, другой провел по крышке саркофага, выговаривая формулу, затем легко сдвинул плиту на несколько вершков.

Тишина.

Он отодвинул крышку еще больше, сел, держа оружие наготове, высунул голову. В склепе было темно, но ведьмак знал, что на дворе светает. Он высек огонь, зажег маленький каганец, поднял, на стенках склепа заплясали странные тени.

Пусто.

Он выбрался из саркофага, занемевший, озябший. И тут увидел ее. Она лежала на спине рядом с гробницей, нагая, без чувств.

Она не была красивой. Худенькая, с маленькими остренькими грудками, грязная. Светло-рыжие волосы укрывали ее почти до пояса. Поставив каганец на плиту, он опустился рядом с девочкой на колени, наклонился. Губы у нее были белые, на скуле большой кровоподтек от его удара. Геральт снял перчатку, отложил меч, бесцеремонно поднял ей пальцем верхнюю губу. Зубы были нормальные. Он хотел взять ее за руку, погруженную в спутанные волосы. И тут, не успев нащупать кисть, увидел раскрытые глаза. Слишком поздно.

Она рванула его когтями по шее, кровь хлестнула ей на лицо. Она взвыла, другой рукой целясь ему в глаза. Он повалился на нее, схватил за запястья, пригвоздил к полу. Она щелкнула зубами — уже короткими — перед его лицом. Геральт ударил ее лбом в лицо, прижал сильнее. У нее уже не было прежних сил, она только извивалась под ним, выла, выплевывала кровь — его кровь, — заливавшую ей рот. Нельзя было терять ни минуты. Геральт выругался и сильно укусил ее в шею под самым ухом, впился зубами и стискивал их до тех пор, пока нечеловеческий вой не перешел в тихий, отчаянный крик, а потом во всхлипывания — плач страдающей четырнадцатилетней девочки.

Когда она перестала двигаться, он отпустил ее, поднялся на колени, выхватил из кармана на рукаве кусок материи, прижал к шее. Нащупал лежащий рядом меч, приставил острое к горлу бесчувственной девочки, наклонился к ее руке. Ногти были грязные, обломанные, окровавленные, но... нормальные. Совершенно нормальные.

Ведьмак с трудом встал. Сквозь вход в склеп уже струилась липко-мокрая серость утра. Он направился к ступеням, но, покачнувшись, тяжело опустился на пол. Просачивающаяся сквозь намокшую материю кровь бежала по руке, стекала в

рукав. Он расстегнул куртку, разорвал рубаху и принялся обматывать шею, зная, что времени осталось совсем мало, что он вот-вот потеряет сознание...

Он успел. И погрузился в небытие.

В Вызиме, за озером, петух, распушив перья в холодном, влажном воздухе, хрипло пропел в третий раз.

8

Он увидел побеленные стены и потолок комнаты над кордегардией. Пошевелил головой, кривясь от боли, застонал. Шея была перевязана плотно, солидно, профессионально.

— Лежи, волшебник, — сказал Велерад. — Лежи, не шевелись.

— Мой... меч...

— Да, да. Самое главное, конечно, твой серебряный ведьмачий меч. Здесь он, не волнуйся. И меч, и сундучок. И три тысячи оронов. Да, да, молчи. Это я — старый дуралей, а ты — мудрый ведьмак. Фольтест не устает твердить это уже два дня.

— Два?

— Ага, два. Недурно она тебя разделала, видно было все, что у тебя там внутри, в шее-то. Ты потерял много крови. К счастью, мы помчались во дворец сразу после третьих петухов. В Вызиме в ту ночь никто глаз не сомкнул. Уснуть было невозможно. Вы там зверски шумели. Тебя не утомляет моя болтовня?

— Прин... цесса?

— Принцесса как принцесса. Худющая. И какая-то бестолковая. Все время плачет. И мочится в постель. Но Фольтест говорит, что это изменится. Я думаю, не к худшему, а, Геральт?

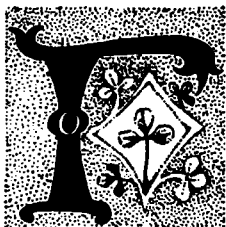
Ведьмак прикрыл глаза.

— Ну, хорошо, хорошо, ухажу. — Велерад поднялся. — Отдыхай. Слушай, Геральт. Прежде чем уйду, скажи, почему ты хотел ее загрызть? А, Геральт?

Ведьмак спал.

ГЛАС РАССУДКА II

1

еральт.

Его разбудили ослепительные лучи солнечного света, настойчиво пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Казалось, солнце, стоящее уже высоко, исследует комнату своими золотыми щупальцами. Ведьмак прикрыл глаза ладонью, ненужным неосознанным жестом, от которого никак не мог избавиться, — ведь достаточно было просто сузить зрачки, превратив их в вертикальные щелочки.

— Уже поздно, — сказала Нэннеке, раскрывая ставни. — Вы заспались. Июля, исчезни. Мигом.

Девушка резко поднялась, наклонилась, доставая с полу накидку. На руке, в том месте, где только что были ее губы, Геральт чувствовал струйку еще теплой слюны.

— Погоди... — неуверенно сказал он. Она взглянула на него и быстро отвернулась.

Она изменилась. Ничего уже не осталось от той русалки, того сияющего ромашкового видения, которым она была на заре. Ее глаза были синими, не черными. И всю ее усеивали веснушки — нос, грудь, руки. Веснушки были очень привлекательны и сочетались с цветом ее кожи и рыжими волосами. Но он не видел их тогда, на заре, когда она была его сном. Он со стыдом и сожалением отметил, что обижен на нее — ведь она перестала быть мечтой — и что он никогда не простит себе этого сожаления.

— Погоди, — повторил он. — Июля... Я хотел...

— Замолчи, Геральт, — сказала Нэннеке. — Она все равно не ответит. Уходи, Июля. Поторопись, дитя мое.

Девушка, завернувшись в накидку, поспешила к двери, шлепая по полу босыми ногами, смущенная, порозовевшая, неловкая. Она уже ничем не напоминала...

Йеннифэр.

— Нэннеке, — сказал он, натягивая рубаху. — Надеюсь, ты не в претензии... Ты ее не накажешь?

— Дурачок, — фыркнула жрица, подходя к ложу. — Забыл, где ты? Это же не келья и не Совет старейшин. Это храм Мелитэле. Наша богиня не запрещает жрицам... ничего. Почти.

— Но ты запретила мне разговаривать с ней.

— Не запретила, а указала на бессмысленность этого. Июля молчит.

— Что?

— Молчит, потому что дала такой обет. Это одна из форм самопожертвования, благодаря которому... А, что там объяснять, все равно не поймешь, даже не попытаешься понять. Я знаю твое отношение к религии. Погоди, не одевайся. Хочу взглянуть, как заживает шея.

Она присела на край ложа, ловко смотала с шеи ведьмака плотную льняную повязку. Он поморщился от боли.

Сразу же по его прибытии в Элландер Нэннеке сняла чудовищные толстые швы из сапожной дратвы, которыми его зашили в Вызиме, вскрыла рану, привела ее в порядок и перебинтовала заново. Результат был налицо — в храм он приехал почти здоровым, ну, может, не вполне подвижным. Теперь же он снова чувствовал себя больным и разбитым. Но не протестовал. Он знал жрицу долгие годы, знал, как велики ее познания в целительстве и сколь богата и разнообразна ее аптека. Лечение в храме Мелитэле могло пойти ему только на пользу.

Нэннеке ощупала рану, промыла ее и начала браниться. Все это он уже знал наизусть. Жрица не упускала случая повернуть всякий раз, как только ей на глаза попадалась памятка о когтях вызимской принцессы.

— Кошмар какой-то! Позволить самой обыкновенной упырице так изуродовать себя! Мускулы, жилы, еще чуть-чуть —

и она разодрала бы сонную артерию! Великая Мелитэле, Геральт, что с тобой? Как ты мог подпустить ее так близко? Что ты собирался с ней сделать? Оттрахать?

Он не ответил, только кисло улыбнулся.

— Не строй дурацкие рожи. — Жрица встала, взяла с комода сумку с медикаментами. Несмотря на полночь и небольшой рост, двигалась она легко и даже с шармом. — В случившемся нет ничего забавного. Ты теряешь быстроту реакций, Геральт.

— Преувеличиваешь.

— И вовсе нет. — Нэннеке наложила на рану зеленую кашицу, резко пахнущую эвкалиптом. — Нельзя было позволять себя ранить, а ты позволил, к тому же очень серьезно. Прямо-таки пагубно. Даже при твоих невероятных регенеративных возможностях пройдет несколько месяцев, пока полностью восстановится подвижность шеи. Предупреждаю, временно воздержись от драк с бойкими противниками.

— Благодарю за предупреждение. Может, еще посоветуешь, на какие гроши жить? Собрать подлюжины девочек, купить фургон и организовать передвижной бордель?

Нэннеке, пожав плечами, быстрыми уверенными движениями полных рук перевязала ему шею.

— Учить тебя жить? Я что, твоя мать? Ну, готово. Можешь одеваться. В трапезной ожидает завтрак. Поспеши, иначе будешь обслуживать себя сам. Я не собираюсь держать девушек на кухне до обеда.

— Где тебя найти? В святилище?

— Нет. — Нэннеке встала. — Не в святилище. Тебя здесь любят, но по святилищу не шайся. Иди погуляй. Я найду тебя сама.

— Хорошо.

2

Геральт уже в четвертый раз прошелся по обсаженной тополями аллейке, идущей от ворот к жилым помещениям и дальше в сторону утопленного в обрывистую скалу блока святилища и главного храма. После краткого раздумья он решил

не возвращаться под крышу и свернул к садам и хозяйственным постройкам. Там несколько послушниц в серых рабочих одеждах пропалывали грядки и кормили в курятниках птиц. В основном это были молодые и очень молодые девушки, почти дети. Некоторые, проходя мимо, приветствовали его кивком или улыбкой. Он отвечал, но не узнавал ни одной. Хоть и бывал в храме часто, порой раза два в год, но никогда не встречал больше трех-четырех знакомых лиц. Девушки приходили и уходили — вещуньями в другие храмы, повитухами и лекарями, специализирующимися по женским и детским болезням, странствующими друидками, учительницами либо гувернантками. Но не было недостатка в новых, прибывающих отовсюду, даже из самых удаленных районов. Храм Мелитэле в Элландере пользовался широкой известностью и заслуженной славой.

Култ богини Мелитэле был одним из древнейших, а в свое время — и самых распространенных и уходил корнями в незапамятные, еще дочеловеческие времена. Почти каждая нелюдская раса и каждое первобытное, еще кочевое, человеческое племя почитали какую-либо богиню урожая и плодородия, покровительницу земледельцев и огородников, хранительницу любви и домашнего очага. Большая часть култов слилась, породив култ Мелитэле.

Время, которое довольно безжалостно поступило с другими религиями и культами, надежно изолировав их в забытых, редко навещаемых, затерявшихся в городских кварталах церковках и храмах, милостиво обошлось с Мелитэле. У Мелитэле по-прежнему не было недостатка ни в последователях, ни в покровителях. Ученые, анализируя популярность богини, обычно обращались к древнейшим культам Великой Матери, Матери Природы, указывали на связи с природными циклами, с возрождением жизни и другими пышно именуемыми явлениями. Друг Геральта, трубадур Лютик, мечтавший стать авторитетом во всем мыслимом, искал объяснений попроще. Култ Мелитэле, говорил он, — култ типично женский. Мелитэле — патронесса плодovitости, рождения, она опекуна повивальных бабок. А рожающая женщина должна кричать. Кроме обычных визгов, суть которых, как правило, сводится к клятвенным заверениям, что-де она больше ни за какие коврижки не отдастся ни одному

паршивому мужику, рожаящая женщина должна призывать на помощь какое-либо божество, а Мелитэле для этого подходит как нельзя лучше. Поскольку же, утверждал поэт, женщины рожали, рожают и рожать будут, постольку богине Мелитэле потеря популярности не грозит.

— Геральт.

— Ты здесь, Нэннеке? Я искал тебя.

— Меня? — усмехнулась жрица. — Не Иолю?

— Иолю тоже, — признался он. — Ты против?

— Сейчас — да. Не хочу, чтобы ты мешал ей и отвлекал.

Ей надо готовиться и молиться, если мы хотим, чтобы из ее транса что-нибудь получилось.

— Я уже говорил тебе, — холодно сказал он, — что не хочу никакого транса. Не думаю, чтобы от него была какая-то польза.

— А я, — слегка поморщилась Нэннеке, — не думаю, чтобы от него был какой-то вред.

— Загипнотизировать меня не удастся, у меня иммунитет. Боюсь я за Иолю. Для нее как для медиума это может оказаться чрезмерным усилием.

— Иоля не медиум и не умственно отсталая ворожея, а девочка, пользующаяся особым расположением богини. Будь добр, не делай глупых мин. Я сказала, что твое отношение к религиям мне известно. Но мне это никогда особенно не мешало и, думаю, не помешает в будущем. Я не фанатичка. Тебе никто не запрещает считать, что нами правит Природа и скрывающаяся в ней мощь. Тебе вольно думать, что боги, в том числе и моя Мелитэле, — всего лишь персонификация этой Мощи, придуманная для простачков, чтобы они легче ее поняли, признали ее существование. По-твоему, это слепая сила. А мне, Геральт, вера позволяет ожидать от природы того, что воплощено в моей богине: порядка, принципов, добра. И надежды.

— Знаю.

— Ну, а коли знаешь, почему не доверяешь трансу? Чего боишься? Что я заставляю тебя биться лбом об пол перед статуей и распевать псалмы? Да нет же, Геральт! Мы просто немного посидим вместе, ты, я и Иоля. И посмотрим, позволяют ли способности этой девочки разобратся в клубке

опутывающих тебя сил. Может, узнаем что-нибудь, о чем хорошо было бы знать. А может, не узнаем ничего. Возможно, окружающие тебя силы Предназначения не пожелают объявиться нам, останутся скрытыми и непонятыми. Не знаю. Но почему бы не попробовать?

— Потому что это бессмысленно. Не окружают меня никакие клубки Предназначений. А если даже и окружают, то на кой ляд в них копать?

— Геральт, ты болен.

— Ты хотела сказать — ранен.

— Я знаю, что хотела сказать. С тобой что-то неладно, я чувствую. Ведь я знаю тебя с малолетства, ты тогда доставал мне только до пояса. А теперь чувствую, тебя захватил какой-то дьявольский вихрь, ты запутался, попал в петлю, которая постепенно затягивается вокруг тебя. Я хочу знать, в чем дело. Самой мне не суметь, я вынуждена положиться на способности Иои.

— Не слишком ли глубоко ты надумала проникнуть? И к чему эта метафизика? Если хочешь, я исповедуюсь тебе. Заполню твои вечера рассказами о самых интересных событиях последних нескольких лет. Вели приготовить бочонок пива, чтобы у меня в горле не пересыхало, и можно начать хоть сейчас. Только боюсь, ты разочаруешься, потому что никаких петель и клубков в моих рассказах не найдешь. Так, простые ведьмачьи истории.

— Послушаю с удовольствием. Но транс, повторяю, не помешал бы.

— А тебе не кажется, — усмехнулся он, — что мое неверие в смысл такого транса заранее перехеривает его целесообразность?

— Не кажется. И знаешь почему? — Нэннеке наклонилась, заглянула ему в глаза, странно улыбнулась. — Потому что это было бы первое известное мне доказательство того, что неверие имеет какую-либо силу.

КРУПИЦА ИСТИНЫ

1

Черные точки, движущиеся по светлому, исполосованному облаками небу, привлекли внимание ведьмака. Их было много. Птицы парили, выписывая правильные, спокойные круги, потом резко падали и тут же взмывали, трепеща крыльями.

Ведьмак долго наблюдал за птицами, стараясь определить расстояние и хотя бы приблизительно время, потребное на то, чтобы преодолеть его, с поправкой на рельеф местности, густоту леса, глубину и направление яра, о существовании которого он подозревал. Наконец откинул плащ, затанул на две дырочки ремень, наискось пересекающий грудь. Эфес и рукоять меча, висевшего за спиной, выглянули из-за правого плеча.

— Накинем пару верст, Плотвичка, — сказал ведьмак. — Сойдем с тракта. Сдается, пташки кружат не без причины.

Кобыла, само собой, не ответила, но двинулась с места, послушная привычному голосу.

— Кто знает, может, там лось валяется, — сказал Геральт. — А может, и не лось. Кто знает?

Яр действительно оказался там, где он и ожидал, — ведьмак сверху окинул взглядом кроны деревьев, плотно заполняющих распадок. Однако склоны яра были пологими, а дно сухое, без терновника и гниющих стволов. Он легко

выбрался на противоположный склон. Там раскинулся березняк, за ним — большая поляна, вересковые заросли и бурелом, тянущий кверху щупальца спутанных веток и корней.

Птицы, спугнутые появлением верхового, взмыли выше, раскричались пронзительно, хрипло.

Геральт сразу же увидел первый труп — белизна овчинного кожушка и матовая голубизна платья резко выделялись на фоне пожелтевших островков осоки. Второго трупа видно не было, но он знал, где тот лежит, — положение тела выдавали позы трех присевших на задние лапы волков, спокойно взиравших на ездока. Кобыла фыркнула. Волки как по команде не спеша беззвучно потрусили в лес, то и дело оборачивая на пришельца вытянутые морды. Геральт соскочил с лошади.

У женщины в кожушке и голубом платье не было лица, горла и большей части левого бедра. Ведьмак прошел мимо, не наклонившись.

Мужчина лежал лицом к земле. Геральт не стал переворачивать тело, видя, что и здесь волки и птицы не сплеховали. Впрочем, детальнее рассматривать труп не было нужды — плечи и спину шерстяной куртки покрывал ветвистый узор черной засохшей крови. Мужчина явно погиб от удара в шею, а волки изуродовали тело уже потом.

Кроме короткого меча в деревянных ножнах у мужчины на широком поясе висел кожаный мешочек. Ведьмак сорвал его, вывалил на траву кресало, кусочек мыла, воск для печатей, горсть серебряных монет, складной, в кожаном футляре нож для бритья, кроличье ухо, три ключа на кольце, амулет с фаллическим символом. Два письма, написанных на полотне, намочили от дождя и росы, руны расплылись, размазались. Третье, на пергаменте, тоже подпорченное влагой, все же возможно было прочесть. Это оказалось кредитное поручение, выданное мурривельским банком гномов купцу по имени Рулле Аспен или Аспем. Сумма была невелика.

Геральт наклонился, приподнял правую руку мужчины. Как он и ожидал, на медном кольце, врезавшемся в распухший и посиневший палец, был вычеканен знак цеха оружейников — стилизованные шлем с забралом, два скрещенных меча и выгравированная под ними руна «А».

Ведьмак вернулся к трупам женщины. Когда переворачивал тело, что-то кольнуло его в палец. Роза, приколотая к платью. Цветок увял, но лепестки сохранили свой цвет — темно-голубой, почти синий. Геральт впервые видел такую розу. Он перевернул тело на спину и вздрогнул.

На искалеченной шее женщины четко отпечатались следы зубов. Не волчьих.

Ведьмак осторожно попятился к лошади. Не отрывая взгляда от опушки леса, забрался в седло. Дважды объехал поляну, наклонившись, внимательно рассматривал землю, то и дело оглядываясь, потом, придерживав лошадь, тихо сказал:

— Да, Плотвичка, дело ясное, хоть и не до конца. Оружейник и женщина приехали верхом, со стороны вон того леса. Конечно, направлялись из Мурривеля домой — ведь никто не возит при себе неиспользованные аккредитивы. Ну а почему ехали здесь, а не по тракту — вопрос. И двигались через вересковые заросли бок о бок. Хотелось бы знать, почему оба слезли или свалились с коней. Оружейник погиб сразу. Женщина бежала, потом упала и тоже скончалась, а та погань, что не оставила следов, тащила ее по земле, ухватив зубами за шею. Стряслось это два или три дня назад. Коня разбрелись, не станем их искать.

Плотва, разумеется не ответив, беспокойно фыркнула, реагируя на знакомый тон голоса.

— Убил их, конечно, — продолжал Геральт, глядя на опушку, — не оборотень и не леший. Ни тот ни другой не оставили бы столько поживы для любителей полакомиться падалью. Если бы здесь было болото, я бы сказал, что это кикимора или глумец. Но здесь нет болот.

Наклонившись, ведьмак немного отвернул попону, прикрывавшую бок лошади, открыл притороченный к выюку второй меч с блестящей узорчатой чашкой эфеса и черной рифленой рукоятью.

— Да, Плотвичка. Сделаем-ка мы с тобой крюк. Надо посмотреть, чего ради оружейник и женщина ехали лесом, а не по тракту. Если будем спокойно проезжать мимо таких штучек, то не заработаем даже тебе на овес, согласна? А, Плотва?

Лошадь послушно двинулась вперед по бурелому, осторожно обходя ямы от вывороченных с корнями деревьев.

— Хоть это и явно не оборотни, рисковать нам ни к чему, — продолжал ведьмак, доставая из торбы, притороченной к седлу, пучок бореца и вешая его на мундштук. Лошадь фыркнула. Геральт расшнуровал куртку у шеи, вытащил медальон с одерившейся волчьей мордой. Медальон, висевший на серебряной цепочке, раскачивался в такт хода лошади, ртутью поблескивая в лучах солнца.

2

Красные черепицы конической крыши, увенчивающей башню, он заметил с вершины взгорья, на которую поднялся, срезав поворот еле заметной тропинки. Склон, поросший орешником, перекрытый иссохшими ветками, усеянный ковром желтых листьев, был довольно крут. Ведьмак вернулся назад, осторожно спустился с холма, выехал на тропинку. Он ехал медленно, то и дело придерживая Плотвичку, и, свесившись с седла, высматривал следы.

Лошадь дернула головой, дико заржала, заплясала на тропке, вздымая копытами облака высохших листьев. Геральт, охватив шею Плотвы левой рукой, правую сложил в Знак Аксий и водил ею над головой лошади, шепча заклинания.

— Неужто так уж скверно? — проворчал он, осматриваясь кругом и не снимая Знака. — Надо же! Спокойно, Плотвичка, спокойно.

Магия подействовала быстро, но подгоняемая ногой лошадь все же тронулась с места тяжело, с трудом, тупо, как-то ходульно, утратив размеренный ритм движения. Ведьмак ловко прыгнул на землю и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. И наткнулся на забор.

Между каменным забором и лесом не было просвета, листва молодых деревьев и кустов можжевельника спутывалась с плющом и диким виноградом, цеплявшимся за камни. Геральт задрал голову. И тут же почувствовал, как по шее, щекоча,

приподнимая волосы, присасывается и ползет какое-то невидимое мягкое существо. Он знал, в чем дело.

Кто-то глядел.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Плотовка фыркнула, мышцы у нее на шее задрожали под кожей.

На склоне, с которого он только что спустился, неподвижно, опершись одной рукой о ствол ольхи, стояла девушка. Ее белое облегающее платье контрастировало с блестящими иссиня-черными растрепанными волосами, спадающими на плечи. Геральту показалось, будто она улыбается, но уверенности не было — она стояла слишком далеко.

— Привет! — бросил он, подняв руку в дружественном жесте, и шагнул в ее сторону.

Девушка, слегка поворачивая голову, следила за его движениями. У нее было бледное лицо и огромные черные глаза. Улыбка — если это была улыбка — слетела с ее губ, словно ее стерли ластиком. Геральт сделал еще шаг. Зашелестели листья. Девушка косулей сбежала по склону, промчалась меж кустов можжевельника и, превратившись в белую черточку, скрылась в глубине леса. Длинное платье, казалось, вовсе не ограничивало свободу ее движений.

Лошадь ведьмака, вздернув морду, испуганно заржала. Геральт, все еще глядевший в сторону леса, машинально успокоил ее Знаком. Ведя Плотову за уздечку, пошел вдоль забора, по пояс утопая в лопухах.

Висящие на проржавевших петлях массивные, окованные железом ворота украшала большая латунная колотушка. После недолгого колебания Геральт протянул руку и коснулся позелевшего металла. И сразу отскочил, потому что ворота тут же со скрипом распахнулись, разгоняя по сторонам пучки травы, камушки и ветви. За воротами не было ничего — лишь пустой двор, запущенный, заросший крапивой. Ведьмак вошел, ведя лошадь за собой. Одурманенная Знаком лошадь не сопротивлялась, но ноги ставила жестко и неуверенно.

Двор с трех сторон был окружен забором и остатками деревянных строительных лесов, четвертую образовывала фасадная стена здания, усеянная оспинами отвалившейся штукатурки,

грязными потеками, увитая плющом. Облезлые ставни были закрыты. Двери тоже.

Геральт накинуд поводья Плотвички на столбик у ворот и медленно направился к дому по щебенчатой аллейке, проходящей вдоль низкой стенки небольшого фонтана, забитого листьями и мусором. Посередине фонтана на вычурном цоколе вздымался, выгибая к небу отбитый хвост, дельфин, выгесанный из белого камня.

Рядом с фонтаном, на чем-то вроде древней клумбы, рос розовый куст. Ничем, кроме цвета, он не отличался от других кустов роз, какие доводилось видеть Геральту. Цветы были исключением — индиго с легкой примесью пурпура на кончиках некоторых лепестков. Ведьмак коснулся одного, наклонился, понюхал. У цветков был типичный для роз, но немного более резкий запах.

Дверь особняка, а одновременно и все ставни с треском распахнулись. Геральт быстро поднял голову. По аллейке, скрипя щебенкой, прямо на него перло чудище.

Правая рука ведьмака мгновенно взвилась над правым плечом, в тот же миг левая рванула ремень на груди, и рукоятка меча сама скользнула в руку. Клинок с шипением выскочил из ножен, описал короткий огненный полукруг и замер, уставившись концом на мчащуюся бестию. Увидев меч, чудище резко остановилось. Щебень прыснул во все стороны. Ведьмак даже не дрогнул.

Существо было человекообразным, выраженным в довольно истрепанную, но хорошего качества одежду, не лишенную со вкусом подобранных, хоть и совершенно нефункциональных украшений. Однако человекообразность эта доходила лишь до грязноватого жабо, а выше вздымалась огромная, косматая медвежья голова с гигантскими ушами, парой диких глазниц и жуткой пастью с кривыми клыками, в которой ярким пламенем шевелился красный язык.

— Вон отсюда, смертный! — рявкнуло чудище, размахивая лапами, но не двигаясь с места. — Сожру! Разорву в клочья!

Ведьмак не шелохнулся, не опустил меча.

— Оглох, что ли? Вон, говорю, отсюда! — зарычало чудище и исторгло из глубин своих звуков, напоминающий нечто

между визгом свиньи и рыком оленя-самца. Ставни залопотали и захлопали, стряхивая мусор и штукатурку с парапетов. При этом ни ведьмак, ни чудище даже не пошевелились.

— Проваливай, покамест цел! — заорало существо, но вроде бы не так уж уверенно. — А то...

— Что «а то»? — прервал Геральт.

Чудище бурно засопело, наклонило ужасную голову.

— Гляньте-ка, храбрец выискался, — сказала оно спокойно, скаля клыки и глядя на Геральта кроваво-красным глазом. — Опусть свою железяку. Изволь. Может, еще не усек, что ты находишься во дворе моего личного дома? Или там, откуда ты родом, принято угрожать хозяевам мечами на их собственных подворьях?

— Принято, — сказал Геральт. — Но только тем хозяевам, которые приветствуют гостей ревом и посулами разорвать в клочья.

— Ишь ты, — занервничало чудище, — еще оскорбляет, бродяга. Тоже мне гость сыскался. Прет во двор, выпатывает чужие цветы, распоряжается как дома и думает, что ему немедленно поднесут хлеб-соль! Тьфу на тебя!

Чудище сплюнуло, засопело и захлопнуло пасть. Нижние клыки остались снаружи, придавая ему вид кабана-одиночки.

— Ну и что? — сказал ведьмак, опуская меч. — Так и будем стоять?

— А есть другие предложения? Лечь? — хохотнуло чудище. — Говорю же, спрячь железяку.

Ведьмак ловко засунул оружие в ножны на спине, не опуская руки, погладил оголовку, торчащую выше плеча.

— Желательно, — сказал он, — чтоб ты не делал слишком резких движений. Этот меч можно вынуть в любой момент и быстрее, чем думаешь.

— Видел, — кашлянуло чудище. — Если б не это, ты уже давно был бы за воротами с отметиной моего каблука на заднице. Чего тебе тут надо? Откуда ты взялся?

— Заплутал, — солгал ведьмак.

— Заплутал, — повторило чудище, грозно скривив пасть. — Ну, так выплутывайся. За ворота, стало быть. Обороти левое ухо к солнцу и так и держись — попадешь на тракт. Ну, чего ждешь?

— Вода тут есть? — спокойно спросил Геральт. — Лошадь пить хочет. Да и я тоже. Если тебе это не в тягость.

Чудище переступило с ноги на ногу, почесало ухо.

— Слушай, ты. Ты, что, меня в самом деле не боишься?

— А надо?

Чудище оглянулось, откашлялось, размашисто подтянуло широкие штаны.

— Ладно, чего уж. Гость в дом. Не каждый день встречается человек, который, увидев меня, не драпанул бы или не свалился без чувств. Ну, добро. Ежели ты усталый, но порядочный путник, приглашаю. Но ежели разбойник или вор, знай — дом выполняет мои приказы. За этими стенами команду я!

Он поднял косматую лапу. Ставни тут же заколотились о стену, а в каменном горле дельфина что-то глухо забулькало.

— Приглашаю, — повторил он.

Геральт не пошевелился, внимательно глядя на него.

— Один живешь?

— А тебе какое дело с кем? — зло проговорило чудище, разевая пасть, а потом громко расхохоталось. — Ага, понимаю. Небось, думаешь, держу сорок молодых, красавцев вроде меня. Нет, не держу. Ну так как, черт побери, воспользуешься приглашением от чистого сердца? Ежели нет, то ворота вон там, как раз за твоим задом.

Геральт сдержанно поклонился и сухо ответил:

— Принимаю приглашение. Закон гостеприимства не нарушу.

— Мой дом — твой дом, — ответило чудище столь же сухо. — Прошу сюда. А кобылу поставь там, у колодца.

Дом внутри тоже требовал солидного ремонта, однако в нем было в меру чисто и опрятно. Мебель вышла, вероятно, из рук хороших мастеров, даже если это и произошло давным-давно. В воздухе витал ощутимый запах пыли. Было темно.

— Свет! — буркнуло чудище, и лучина, воткнутая в железный захват, незамедлительно вспыхнула и выдала пламя и копоть.

— Недурственно, — бросил ведьмак.

— И всего-то? — захохотало чудище. — Похоже, тебя чем попало не проймешь. Я же сказал, дом выполняет мои приказы. Прошу сюда. Осторожнее — лестница крутая. Свет!

На лестнице чудище обернулось.

— А что это у тебя на шее болтается, гостюшка? А?

— Посмотри.

Чудище взяло медальон в лапу, поднесло к глазам, слегка натянув цепочку на шее Геральта.

— У этого животного неприятное выражение... лица. Что это?

— Цеховой знак.

— Ага, вероятно, твое ремесло — намордники? Прошу сюда. Свет!

Середину большой комнаты, в которой не было ни одного окна, занимал огромный дубовый стол, совершенно пустой, если не считать большого подсвечника из позеленевшей латуни, увитого фестонами застывшего воска. Выполняя очередную команду, свечи зажглись, замигали, немного осветив помещение.

Одна из стен была увешана оружием — композициями из круглых щитов, скрепляющихся алебард, рогатин и гизард, тяжелых мечей и топоров. Половину прилегающей стены занимал огромный камин, над которым располагались ряды шелушащихся и облезлых портретов. Стену напротив входа заполняли охотничьи трофеи — лопаты лосиных рогов, ветвистые рога оленей отбрасывали длинные тени на головы кабанов, медведей и рысей, на вздерошенные и расчехренные крылья орлиных и ястребиных тучел. Центральное; почетное место занимала отливающая старинной бронзой, подпорченная, с торчащей из дыр паклей голова скального дракона. Геральт подошел ближе.

— Его подстрелил мой дедуля, — сказала чудище, кидая в камин огромное полено. — Пожалуй, это был последний дракон в округе, позволивший себя поймать. Присаживайся, гость. Голоден?

— Не откажусь, хозяин.

Чудище уселось за стол, опустило голову, сплело на животе косматые лапы, некоторое время что-то бормотало, крутя

большими пальцами, потом негромко рыкнуло, хватив лапой о стол. Тарелки и блюда оловянно и серебристо звякнули, хрустально зазвонили кубки. Запахло жарким, чесноком, душицей, мускатным орехом. Геральт не выдал удивления.

— Так, — потерло лапы чудище. — Получше, чем слуги, а? Угощайся, гость. Вот пулярка, вот ветчина, это паштет из... Не знаю из чего. Это вот рябчики. Нет, ядрена вошь, куропатки. Перепутал, понимаешь, заклинания. Ешь, ешь. Настоящая, вполне приличная еда, не бойся.

— Я и не боюсь. — Геральт разорвал пулярку пополам.

— Совсем забыл, — усмехнулось чудище, — что ты не из путливых. А звать тебя, к примеру, как?

— Геральт. А тебя, хозяин? К примеру же.

— Нивеллен. Но в округе кличут Ублюдком либо Клыкачом. И детей мною пугают. — Чудище опрокинуло в глотку содержимое гигантского кубка, затем погрузило пальцы в паштет, выхватив из блюда половину за раз.

— Детей, говоришь, пугают, — проговорил Геральт с набитым ртом. — Надо думать, без причин?

— Абсолютно. Твое здоровье, Геральт!

— И твое, Нивеллен.

— Ну как винцо? Заметил, виноградное, не яблочное. Но ежели не нравится, наколдую другого.

— Благодарствую. Вполне, вполне. Магические способности у тебя врожденные?

— Нет. Появились, когда это выросло. Морда, стало быть. Сам не знаю, откуда они взялись, но дом выполняет все, чего ни захочу. Ничего особенного. Так, мелочь. Умею наколдовать жратву, выпивку, одежду, чистую постель, горячую воду, мыло. Любая баба сумеет и без колдовства. Отворяю и запираю окна и двери. Разжигаю огонь. Ничего особенного.

— Ну как-никак, а все же... А эта... как ты сказал, морда, она давно у тебя?

— Двенадцать лет.

— Как это вышло?

— А тебе не все равно? Лучше налей еще.

— С удовольствием. Мне-то без разницы, просто любопытно.

— Повод вполне понятный и в принципе приемлемый, — громко рассмеялось чудище. — Но я его не принимаю. Нет тебе до этого дела, и вся недолга. Однако, чтобы хоть малость удовлетворить твое любопытство, покажу, как я выглядел до того. Взгляни-ка туда, на портреты. Первый от камина — мой папуля. Второй — хрен его знает, кто. Третий — я. Видишь?

Из-под пыли и тенёт с портрета водянистыми глазами взирает какой-то толстячок с пухлой, грустной и прыщавой физиономией. Геральт, который и сам, на манер некоторых портретистов, бывал склонен польстить клиентам, грустно покачал головой.

— Ну, видишь? — ослабившись, повторил Нивеллен.

— Вижу.

— Ты кто такой?

— Не понял.

— Не понял, стало быть? — чудище подняло голову. Глаза у него загорелись, как у кота. — Мой портрет, гостюшка, висит в тени. Я его вижу, но я-то не человек. Во всяком случае, сейчас. Человек, чтобы рассмотреть портрет, подошел бы ближе, скорее всего взял бы свечу. Ты этого не сделал. Вывод прост. Но я спрашиваю без обиняков: ты человек?

Геральт не отвел взгляда.

— Если ты так ставишь вопрос, — ответил он после недолгого молчания, — то не совсем.

— Ага. Вероятно, я не совершу бестактности, если спрошу, кто же ты в таком разе?

— Ведьмак.

— Ага, — повторил Нивеллен, немного помолчав. — Если мне память не изменяет, ведьмаки довольно своеобразно зарабатывают на жизнь. За плату убивают разных чудищ.

— Не изменяет.

Снова наступила тишина. Языки пламени пульсировали, устремлялись вверх тонкими усиками огня, отражались блестящими в резном хрустале кубков, в каскадах воска, стекающего по подсвечнику. Нивеллен сидел неподвижно, слегка шевеля огромными ушами.

— Допустим, — сказал он наконец, — ты ухитришься выгадать меч прежде, чем я на тебя прыгну. Допустим, даже

успеешь меня полоснуть. При моем весе это меня не остановит, я повалою тебя с ходу. А потом дело докончат зубы. Как думаешь, ведьмак, у кого из нас двоих больше шансов перегрызть другому глотку?

Геральт, придерживая большим пальцем оловянную крышку графина, налил себе вина, отхлебнул, откинулся на спинку стула. Он глядел на чудище ухмыляясь, и ухмылка была исключительно паскудной.

— Та-а-ак, — протянул Нивеллен, ковыряя когтем в уголке пасти. — Надобно признать, ты умеешь отвечать на вопросы, не разбрасываясь словами. Интересно, как ты управишься со следующим? Кто тебе за меня заплатит?

— Никто. Я тут случайно.

— А не врешь?

— Я не привык врать.

— А к чему привык? Мне рассказывали о ведьмаках. Я запомнил, что ведьмаки похищают маленьких детей, которых потом пичкают волшебными травами. Кто выживет, становится ведьмаком, волшебником с нечеловеческими способностями. Их учат убивать, искореняют в них всяческие человеческие чувства и рефлексы. Из них делают чудовищ, задача которых уничтожать других чудовищ. Я слышал, говорили, уже пора начать охоту на ведьмаков, потому как чудовищ становится все меньше, а ведьмаков — все больше. Отведай куропатку, пока вовсе не остыла.

Нивеллен взял с блюда куропатку, целиком запихал в пасть и сжевал, словно сухарик, хрустя косточками.

— Молчишь? — спросил он невнятно, проглатывая птичку. — Что из сказанного правда?

— Почти ничего.

— А вранье?

— То, что чудовищ все меньше.

— Факт, их немало, — одерился Нивеллен. — Представитель оных как раз сидит перед тобой и раздумывает, правильно ли поступил, пригласив тебя. Мне сразу не понравился твой цеховой знак, гостюшка.

— Ты — никакое не чудовище, Нивеллен, — сухо сказал ведьмак.

— А, черт, что-то новенькое. Тогда кто же я, по-твоему? Клюквенный кисель? Клин диких гусей, тянущийся к югу тоскливым ноябрьским утром? Нет? Так, может, я — святая невинность, потерянная у ручья сисястой дочкой мельника? Э? Геральт? Ну скажи, кто я такой? Неужто не видишь — я аж весь трясусь от любопытства?

— Ты не чудовище. Иначе б не смог прикоснуться к этой вот серебряной тарелке. И уж ни в коем случае не взял бы в руку мой медальон.

— Ха! — рявкнул Нивеллен так, что язычки пламени свечей на мгновение легли горизонтально. — Сегодня явно день раскрытия страшных секретов! Сейчас я узнаю, что уши у меня выросли, потому что я еще сосунком не любил овсянки на молоке!

— Нет, Нивеллен, — спокойно сказал Геральт. — Это — результат глаза. Уверен, ты знаешь, кто навел на тебя порчу.

— А если и знаю, то что?

— Порчу можно снять. И довольно часто.

— Ты как ведьмак, разумеется, умеешь снимать порчу. Довольно часто?

— Умею. Хочешь попробовать?

— Нет. Не хочу.

Чудище раскрыло пасть и вывесило красный язычище длинной в две пяди.

— Ну что, растерялся?

— Верно, — признался ведьмак.

Чудище захохотало, откинулось на спинку стула.

— Я знал, что растеряешься. Налей себе еще, сядь поудобнее. Расскажу тебе всю эту историю. Ведьмак не ведьмак, а глаза у тебя не злые. А мне, видишь ли, приспичило поболтать. Налей себе.

— Уже нечего наливать-то.

— Дьявольщина, — откашлялось чудище, потом снова хватануло лапой по столу. Рядом с двумя пустыми графинами неведомо откуда появился большой глиняный кувшин в ивовой оплетке. Нивеллен сорвал клыками восковую печать.

— Как ты, вероятно, заметил, — начал он, наполняя кубки, — округа довольно пустынна. До ближайших людских

поселений идти да идти. Потому как, понимаешь, папуля с дедулей в свое время особой любовью ни у соседей, ни у проезжих купцов не пользовались. Каждый, кто сюда заворачивал, в лучшем случае расставался с имуществом, если папуля примечал его с башни. А несколько ближних поселков сгорели, потому как папуля, видишь ли, решил, что они задерживают оброк. Мало кто любил моего папулю. Кроме меня, разумеется. Я страшно плакал, когда однажды на возу доставили то, что осталось от моего папочки после удара двуручным мечом. Дедуля в ту пору уже не разбойничал, потому что с того дня, как получил по черепушке железным шестопером, жутко заикался, пускал слюни и редко когда вовремя успевал добежать до сортира. Получилось, что мне как наследнику досталось возглавить дружину.

— Молод я тогда был, — продолжал Нивеллен. — Прямо молокосос, так что парни из дружины мигом меня окрутили. Командовал я ими, как понимаешь, не лучше, чем, скажем, поросенок волчьей стаей. Вскоре начали мы выптворять такое, чего папочка, будь он жив, никогда б не допустил. Опускаю детали, перехожу сразу к сути. Однажды отправились мы аж под самый Гелибол, что под Миртом, и грабанули храм. Вдобавок ко всему была там еще и молоденькая жричка.

— Что за храм, Нивеллен?

— Хрен его знает. Но, видать, скверный был храм. Помню, на алтаре лежали черепа и мослы, горел зеленый огонь. Воняло, аж жуть! Но ближе к делу. Парни прижали жричку, стянули с нее одежду, а потом сказали, что, мол, мне пора уже стать мужчиной. Ну, я и стал, дурной сопляк. В ходе становления жричка плюнула мне в морду и что-то выкрикнула.

— Ну?

— Что я — чудище в человеческой шкуре, что буду чудищем из чудищ, что-то о любви, о крови, не помню. Кинжальчик маленький такой был у нее, кажется, спрятан в прическе. Она покончила с собой, и тут... Драпанули мы оттуда, Геральт, так что чуть коней не загнали. Нет. Скверный был храм...

— Продолжай.

— Дальше было так, как сказала жричка. Дня через два просыпаюсь утром, а слуги, как меня увидели, в рев. И в ноги

бац! Я к зеркалу... Понимаешь, Геральт, запаниковал я, случился со мной какой-то припадок, помню, как сквозь туман. Короче говоря, трупы. Несколько. Хватал все, что только под руку попадало, и вдруг стал страшно сильным. А дом помогал как мог: хлопали двери, летали по воздуху предметы, метался огонь. Кто успел, сбежал: тетушка, кузина, парни из дружины, да что там — сбежали даже собаки, воя и поджимая хвосты. Убежала моя кошечка Обжорочка. Со страху удар хватил даже тетушкиного попутая. И вот остался я один, рыча, воя, психуя, равнoso в пух и прах что ни попадя, в основном зеркала.

Нивеллен замолчал, вздохнул, шмыгнул носом и продолжал:

— Когда приступ прошел, было уже поздно что-нибудь предпринимать. Я остался один. Никому не мог объяснить, что у меня изменилась только внешность, что, хоть и в ужасном виде, я остался по-прежнему всего лишь глупым пацаном, рыдающим в пустом замке над телами убитых слуг. Потом пришел жуткий страх: вот вернутся те, что спаслись, и прикончат меня, прежде чем я успею растолковать. Но никто не вернулся.

Уродец замолчал, вытер нос рукавом.

— Не хочется вспоминать те первые месяцы, Геральт. Еще и сегодня меня трясет. Давай ближе к делу. Долго, очень долго сидел я в замке, как мышь под метлой, не высовывая носа со двора. Если кто-нибудь появлялся — а случалось это редко, — я не выходил, велел дому хлопнуть несколько раз ставнями либо рывкал через водосточную трубу, и этого обычно хватало, чтобы от сбежавшего посетителя только туча пыли осталась. Но вот однажды выглянул я в окно и вижу, как ты думаешь, что? Какой-то толстяк срезает розы с тетушкиного куста. А надобно тебе знать, что это не хухры-мухры, а голубые розы из Назаира, саженцы привез еще дедуля. Злость меня взяла, выскочил я во двор. Толстяк, как только обрел голос, который потерял, увидев меня, провизжал, что хотел-де всего лишь взять несколько цветков для дочурки, и умолял простить его, даровать жизнь и здоровье. Я уже приготовился было выставить его за главные ворота, но тут кольнуло меня что-то, и вспомнил я сказку, которую когда-то рассказывала Леника, моя няня, старая тетка. Черт побери, подумал я, вроде бы красивые девушки могут

превратить лягушку в принца или наоборот, так, может... Может, в этой брехне есть крупица истины, какая-то возможность... Подпрыгнул я на две сажени, зарычал так, что дикий виноград посыпался со стены, и рывкнул: «Дочка или жизнь!» Ничего лучшего в голову не пришло. И тут купец — а это был купец — кинулся в рев, потом признался, что его доченьке всего восемь годков. Ну смешно, а?

— Нет.

— Вот и я не знал, смеяться мне или плакать над своей паскудной судьбой. Жаль мне стало купца, посмотреть было тошно, как он трясется, пригласил его в дом, угостил, а на прощание насыпал в мешок золота и камушков. А надобно тебе знать, что в подвалах, еще с папулиных времен, оставалось много добра, я не очень-то знал, что с ним делать, так что мог позволить себе широкий жест. Купец просиял, благодарил, аж всего себя оплевал. Видно, где-то похвалился своим приключением, потому что не прошло и двух месяцев, как прибыл сюда другой купец. Прихватил большой мешок. И дочку. Тоже не малую.

Нивеллен вытянул ноги под столом, потянулся так, что затрепал стул.

— Мы быстренько договорились с торгашом. Решили, что он оставит мне дочурку на год. Пришлось помочь ему закинуть мешок на мула, сам бы он не управился.

— А девушка?

— Сначала, увидев меня, лишилась чувств, думала, я ее съем. Но через месяц мы уже сидели за одним столом, болтали и совершали долгие прогулки. Но хоть она была вполне мила и на удивление толкова, язык у меня заплетался, когда я с ней разговаривал. Понимаешь, Геральт, я всегда робел перед девушками, надо мной потешались даже девки из хлева, те, у которых вечно ноги в навозе и которых наши дружинники крутили как хотели, и так, и этак, и наоборот. Так даже они надо мной смеялись. Чего же ждать теперь-то, думал я, с этакой мордой? Я даже не решился сказать ей, чего ради так дорого заплатил за один год ее жизни. Год этот тянулся, как вонь за народным ополчением, и наконец явился купец и забрал ее. Я же с отчаяния заперся в доме и несколько месяцев не реагировал

ни на каких гостей с дочками. Но после года, проведенного в обществе купцовой доченьки, я понял, как тяжело, когда некому слова молвить. — Уродец издал звук, долженствовавший означать вздох, но прозвучавший как икота.

— Следующую, — продолжил он немного погодя, — звали Фэнне. Маленькая, шустрая, болтливая, ну прям королек, только что без крылышек. И вовсе не боялась меня. Однажды, аккуратно была годовщина моих пострижин, упились мы медовухи и... хе, хе. Я тут же выскочил из-под перины и к зеркалу. Признаюсь, был я обескуражен и опечален. Морда осталась какой была, может, чуточку поглупее. А еще говорят, мол, в сказках — народная мудрость! Хрен цена такой мудрости, Геральт! Ну, Фэнне скоренько постаралась, чтобы я забыл о своих печалях. Веселая была девчонка, говорю тебе. Знаешь, что придумала? Мы на пару пугали непрощенных гостей. Представь себе: заходит такой тип во двор, осматривается, а тут с ревом вылетаю я на четвереньках. А Фэнне, совсем без ничего, сидит у меня на загривке и трубит в дедулин охотничий рог!

Нивеллен затрясся от смеха, сверкнув белизной клыков.

— Фэнне, — продолжал он, — прожила у меня целый год, потом вернулась в семью с крупным приданым. Ухитрилась выйти замуж за какого-то шинкаря, вдовца.

— Продолжай, Нивеллен. Это интересно.

— Да? — сказала чудище, скребя за ушами. — Ну, ну. Очередная, Примула, была дочкой оскудевшего рыцаря. У рыцаря, когда он пожаловал сюда, был только тощий конь, проржавевшая кираса, и был он невероятно длинным. Грязный, как навозная куча, и источал такую же вонь. Примулу, даю руку на отсечение, видно, зачали, когда папочка был на войне, потому как была она вполне ладенькая. И в ней я тоже не возбуждал страха. И неудивительно, потому что по сравнению с ее родителем я мог показаться вполне даже ничего. У нее, как оказалось, был изрядный темперамент, да и я, обретя веру в себя, тоже не давал маху. Уже через две недели у нас с Примулой установились весьма близкие отношения, во время которых она любила дергать меня за уши и выкрикивать: «Загрызи меня, зверюга!», «Разорви меня, бестия!» и тому подобные idiotизмы. В перерывах я бегал к зеркалу, но,

представь себе, Геральт, поглядывал в него с возрастающим беспокойством, потому как я все меньше жаждал возврата к прежней, менее работоспособной, что ли, форме. Понимаешь, раньше я был какой-то растяпистый, а стал мужиком хоть куда. То, бывало, постоянно болел, кашлял и из носа у меня текло, теперь же никакая холера меня не брала. А зубы? Ты не поверишь, какие у меня были скверные зубы! А теперь? Могу перегрызть ножку от стула. Скажи, хочешь, чтобы я перегрыз ножку от стула? А?

— Не хочу.

— А может, так-то оно и лучше, — разъявил пасть уродец. — Девочек веселило, как я управлялся с мебелью, и в доме почти не оставалось целых стульев. — Нивеллен зевнул, при этом язык свернулся у него трубкой. — Надоела мне болтовня, Геральт. Короче говоря: потом были еще две — Илика и Венимира. Все шло как обычно. Тоска! Сначала смесь страха и настороженности, потом проблеск симпатии, подпитываемый мелкими, но ценными сувенирчиками, потом: «Грызи меня, съешь меня всю», потом возвращение ихних папуль, нежное прощание и все более ощутимый ущерб в сундуках. Я решил делать длительные перерывы на одиночество. Конечно, в то, что девичий поцелуйчик изменит мою внешность, я уже давно перестал верить. И смирился. Больше того, пришел к выводу, что все и так идет хорошо и ничего менять не надо.

— Так уж и ничего?

— Ну подумай сам. Я тебе говорил, мое здоровье связано именно с таким телом — это раз. Два: мое отличие действует на девушек как дурман. Не смейся! Я совершенно уверен, что в человеческом обличье мне пришлось бы здорово набегаться, прежде чем я нашел бы такую, например, Венимиру, весьма, скажу тебе, красивую девушку. Думаю, такой парень, каким я изображен на портрете, ее бы не заинтересовал. И, в-третьих, безопасность. У папули были враги, некоторым удалось выжить. У тех, кого отправила в мир иной дружина под моим печальным командованием, остались родственники. В подвалах — золото. Если б не ужас, который я внушаю, кто-нибудь да явился бы за ним. Например, кметы с вилами.

— Похоже, ты уверен, — бросил Геральт, поигрывая пустым кубком, — что в теперешнем своем виде никого не обидел. Ни одного отца, ни одной дочери. Ни одного родственника или жениха дочери. А, Нивеллен?

— Успокойся, Геральт, — буркнуло чудище. — О чем ты говоришь? Отцы чуть не обмочились от радости, увидев мою щедрость. А дочери? Ты бы посмотрел на них, когда они приходили в драных платьях, с лапками, изъеденными щелоком от стирки, спины сутулые от постоянного перетаскивания лоханей. На плечах и бедрах у Примулы еще после двух недель пребывания у меня не прошли следы от ремня, которым потчевал ее папочка-рыцарь. А у меня они ходили графинюшками: самое тяжелое, что в ручки брали, так это веер; понятия не имели, где здесь кухня. Я их наряжал и увешивал цацками. Своим волшебством нагревал по их желанию воду для жестяной ванны, которую папуля еще для мамы увел из Ассенгарда. Представляешь себе? Жестяная ванна?! Редко у какого графа, да что там, короля есть жестяная ванна! Для них, Геральт, это был сказочный дом. А что до постели... Зараза, невинность в наши дни встречается реже, чем горный дракон. Ни одной я не принуждал, Геральт.

— Но ты подозревал, что кто-то мне за тебя заплатит. И кто бы это мог быть?

— Какой-нибудь стервец, которому покоя не дают те крохи, что остались в моих подвалах, а дочек ему боги не дали, — выразительно произнес Нивеллен. — Человеческая жадность не знает предела.

— И больше никто?

— И больше никто.

Они помолчали, глядя на нервно подрагивающие язычки пламени свечей.

— Нивеллен, — вдруг сказал ведьмак. — Сейчас ты один?

— Ведьмак, — не сразу ответил уродец, — я думаю, мне определенно следует покрыть тебя не самыми приличными словами, взять за шиворот и спустить с лестницы. И знаешь за что? За то, что ты считаешь меня придурком. Я давно вижу, как ты прислушиваешься, как зыркаешь на дверь. Ты прекрасно знаешь, что я живу не один. Верно?

— Верно. Прости.
— Что мне твои извинения. Ты ее видел?
— Да. В лесу, неподалеку от ворот. В этом причина того, что купцы с дочками с некоторых пор уезжают от тебя несолоно хлебавши?

— Стало быть, ты и об этом знал? Да, причина в этом.

— Позволь спросить...

— Не позволю.

Опять помолчали.

— Что ж, воля твоя, — наконец сказал ведьмак, вставая. — Благодарю за хлеб-соль, хозяин. Мне пора.

— И верно. — Нивеллен тоже встал. — По известным причинам я не могу предложить тебе ночлег у себя, а останавливаться в здешних лесах не советую. После того, как окрута опустела, тут по ночам неладно. Тебе следует вернуться на тракт засветло.

— Учту, Нивеллен. А ты уверен, что не нуждаешься в моей помощи?

Чудище искоса глянуло на него.

— А ты уверен, что можешь мне помочь? Сумеешь освободить от этого?

— Я имел в виду не только это.

— Ты не ответил на вопрос. Хорошо... Пожалуй, ответил. Не сумеешь.

Геральт посмотрел ему прямо в глаза.

— Не повезло вам тогда, — сказал он. — Из всех храмов в Гелиболе и Долине Ниммар вы выбрали аккурат храм Корам Агх Тэра, Львиноголового Паука. Чтобы снять заклятие, брошенное жрицей Корам Агх Тэра, требуются знания и способности, которых у меня нет.

— А у кого есть?

— Так это тебя все-таки интересует? Ты же сказал, будто тебе сейчас хорошо.

— Сейчас, да. А потом... Боюсь...

— Чего?

Уродец остановился в дверях комнаты, обернулся.

— Я сыт по горло твоими вопросами, ведьмак. Ты только и знаешь, что спрашиваешь, вместо того чтобы отвечать. По-

хоже, тебя надо спрашивать по-другому. Слушай, меня уже некоторое время... Ну, я вижу дурные сны. Может, точнее было бы сказать «чудовищные». Как думаешь, только коротко, я напрасно чего-то боюсь?

— А проснувшись, ты никогда не замечал, что у тебя грязные ноги? Не находил иголок в постели?

— Нет.

— А...

— Нет. Пожалуйста, короче.

— Правильно делаешь, что боишься.

— С этим можно управиться? Пожалуйста, короче.

— Нет.

— Наконец-то. Пошли, я тебя провожу.

Во дворе, пока Геральт поправлял выюки, Нивеллен погладил кобылу по ноздрям, похлопал по шее. Плотовичка, радуясь ласке, наклонила голову.

— Любят меня зверушки, — похвалился Нивеллен. — Да и я их люблю. Моя кошка Обжорочка, хоть и сбежала вначале, потом все же вернулась. Долгое время это было единственное живое существо, моя спутница недоли. Вереена тоже...

Он осекся, скривил морду.

— Тоже любит кошек? — усмехнулся Геральт.

— Птиц, — ощерился Нивеллен. — Проговорился, язви его. А, да что там. Это никакая не новая купеческая дочка, Геральт, и не очередная попытка найти крупницу истины в старых небывлицах. Это нечто посерьезнее. Мы любим друг друга. Если засмеешься, получишь по мордасам.

Геральт не засмеялся.

— Твоя Вереена, — сказал он, — скорее всего русалка. Знаешь?

— Подозреваю. Худенькая. Черненькая. Говорит редко, на языке, которого я не знаю. Не ест человеческую пищу. Целыми днями пропадает в лесу, потом возвращается. Это типично?

— Более-менее, — ведьмак затынул подпругу. — Ты, верно, думаешь, что она не вернулась бы, если б ты стал человеком?

— Уверен. Знаешь, как русалки избегают людей. Мало кто видел русалку вблизи. А я и Вереена... Эх, язви ее... Ну, бывай, Геральт.

— Бывай, Нивеллен.

Ведьмак дал кобыле в бок и направился к воротам. Урод плелся сбоку.

— Геральт?

— Ну?

— Я не так глуп, как ты думаешь. Ты приехал следом за купцом, который тут недавно побывал. С ним что-то случилось?

— Да.

— Он был у меня три дня назад. С дочкой, впрочем, не из лучших. Я велел дому запереть все двери и ставни, не подавал признаков жизни. Они покрутились по двору и уехали. Девушка сорвала розу с тетушкиного куста и приколола к платью. Ищи их в другом месте. Но будь осторожен, это скверные места... Ночью в лесу опасно. Слышно и видно... неладное.

— Спасибо, Нивеллен. Я не забуду о тебе. Как знать, может, найду кого-то, кто...

— Может, найдешь. А может, и нет. Это моя проблема, Геральт, моя жизнь и моя кара. Я научился переносить, привык. Ежели станет хуже, тоже привыкну. А если уж станет вовсе не вмоготу, не ищи никого, приезжай сам и кончай дело. По-ведьмачьи. Бывай, Геральт.

Нивеллен развернулся и быстро пошел к особняку. Ни разу не оглянувшись.

3

Район был пустынный, дикий, зловеще недружелюбный. До наступления сумерек Геральт на тракт не вернулся, не хотел делать крюк, поехал напрямик, через лес. Ночь, положив меч на колени, провел на лысой вершине высокого холма у небольшого костерка, в который то и дело подбрасывал пучки бореца. Посреди ночи далеко в долине заметил свет, услышал шальной вой и пение и еще что-то такое, что могло быть только криком истязаемой женщины. Едва рассвело, он двинулся туда, но нашел лишь вытопанную поляну и обутленные кости в еще

теплом пепле. В кроне могучего дуба что-то верещало и шипело. Это мог быть леший, но мог быть и обычный лесной кот. Ведьмак не стал задерживаться, чтобы проверить.

4

Около полудня, когда он поил Плотвичку у родника, кобыла дико заржала, рванулась, оскалив желтые зубы и грызя мундштук. Геральт машинально успокоил ее Знаком и тут же увидел правильный круг, образованный торчащими из мха головками красноватых грибов.

— Ну, Плотва, ты становишься истеричкой, — сказал он. — Ведь нормальный же ведьмин круг. Что еще за сцены?

Кобыла фыркнула, повернувшись к нему мордой. Ведьмак потер лоб, поморщился, задумался. Потом одним махом оказался в седле, развернул коня, быстро поехал назад по собственным следам.

— «Любят меня зверушки», — буркнул он. — Прости, лошадка. Выходит, у тебя больше ума, чем у меня.

5

Кобыла прядала ушами, фыркала, рыла копытами землю, не хотела идти. Геральт не стал успокаивать ее Знаком, соскочил с седла, перекинул поводья через голову лошади. На спине у него был уже не старый меч в ножнах из кожи ящера, а блестящее красивое оружие с крестовой гардой и изящной, хорошо отбалансированной рукоятью, оканчивающейся шаровым эфесом из белого металла.

На сей раз ворота перед ним не раскрылись, потому что были и без того раскрыты, как он оставил их, уезжая.

Он услышал пение. Не понимал слов, не мог даже разобрать языка. Да это и не нужно было — ведьмак знал, чувствовал и понимал самую природу, сущность пения —

тихого, пронизывающего, разливающегося по жилам волной тошнотворного, обессиливающего ужаса.

Пение резко оборвалось, и тут он увидел ее.

Она прильнула к спине дельфина в высохшем фонтане, охватив обомшелый камень маленькими руками, такими белыми, что они казались прозрачными. Из-под бури спутанных черных волос на него глядели огромные, горящие, широко раскрытые антрацитовые глаза.

Геральт медленно приближался мягкими, пружинящими шагами, обходя фонтан полукругом со стороны забора, мимо куста голубых роз. Существо, прилепившееся к хребту дельфина, поворачивало вслед за ним миниатюрное личико, на котором читалась невыразимая тоска, полная такого очарования, что оно заставляло его постоянно слышать пение, хотя маленькие бледные губы не шевелились.

Ведьмак остановился в десяти шагах. Меч, медленно выползая из черных, покрытых эмалью ножен, блеснул над его головой.

— Это серебро, — сказал он. — Клинок серебряный.

Бледное личико не дрогнуло, антрацитовые глаза не изменили выражения.

— Ты так похожа на русалку, — спокойно продолжал ведьмак, — что можешь обмануть кого угодно. Тем более что ты редкая птишка, чернуля. Но лошади не ошибаются. Таких, как ты, они распознают инстинктивно и безошибочно. Кто ты? Думаю, муля или альп. Обычный вампир не вышел бы на солнце.

Уголки белогубого ротика дрогнули и слегка приподнялись.

— Тебя привлек Нивеллен в своем обличье, верно? Сны, о которых он говорил, — твоя работа? Догадываюсь, что это были за сны, и сочувствую ему.

Черноволосая не пошевелилась.

— Ты любишь птичек, — продолжал ведьмак. — Однако это не мешает тебе перегрызать глотки людям? А? Подумать только, ты и Нивеллен! Хорошая бы вышла парочка, урод и вампириха, хозяйка лесного замка. Сразу б подчинили себе все окрест. Ты, вечно жаждущая крови, и он, твой защитник, убийца по заказу, слепое орудие. Но сначала ему надо было стать настоящим чудовищем, а не человеком в маске чудища.

Огромные черные глаза прищурились.

— Что с ним, черноволосая? Ты пела, значит, насосалась крови. Прибегла к последнему средству — стало быть, не сумела покорить его разум. Я прав?

Черная головка легонько, почти незаметно, кивнула, а уголки губ поднялись еще выше. Выражение маленького личика стало жутеньким.

— Теперь, небось, считаешь себя хозяйкой дома?

Кивок, на этот раз более явный.

— Так ты — муля?

Медленное отрицательное движение головы. Послышалось шипение, которое могло исходить только из бледных, кошмарно усмехающихся губ, хотя ведьмак не заметил, чтобы они пошевелились.

— Альп?

То же движение.

Ведмак попятился, крепче стиснул рукоять меча.

— Значит, ты...

Уголки губ стали приподниматься выше, все выше, губы раскрылись...

— Брукса! — крикнул ведьмак, бросаясь к фонтану.

Из-за белых губ сверкнули острые клыки. Брукса подпрыгнула, выгнула спину, словно леопард, и взвизгнула. Звуковая волна тараном ударила в ведьмака, сбивая дыхание, ломая ребра, иглами боли вонзаясь в уши и мозг. Отскочив назад, он еще успел скрестить кисти рук в Знак Гелиотроп. Чары немного смягчили удар спиной о забор, но в глазах все равно потемнело, а остатки воздуха со стоном вырвались из легких.

На спине дельфина, в каменном кругу высохшего фонтана, там, где только что сидела изящная девушка в белом платье, расплывшись искрящееся тело огромного черного нетопыря, разевающего продолговатую узкую пасть, заполненную рядами иглоподобных снежно-белых зубов. Развернулись перепончатые крылья, беззвучно захлопали, и существо ринулось на ведьмака, словно стрела, пущенная из арбалета. Геральт, чувствуя во рту железный привкус крови, выкинул вперед руку с пальцами, растопыренными в форме Знака Квен, и выкрикнул заклинание. Нетопырь, шипя, резко повернул, с хохотом взвился в воздух

и тут же отвесно спикировал прямо на шею ведьмака. Геральт отпрыгнул, рубанул мечом, но промазал. Нетопырь медленно, грациозно, подвернув одно крыло, развернулся, обошел его и снова напал, разевая зубастую пасть безглазой морды. Геральт ждал, ухватив обеими руками меч и выгянув его в сторону нападающего. В последний момент прыгнул — не в сторону, а вперед, рубанув наотмашь, так что взвыл воздух. И снова промахнулся. Это было так неожиданно, что он выбился из ритма и уклонился с секундной задержкой. В тот же миг когти бестии вцепились ему в щеку, а бархатное влажное крыло принялось хлестать по шее. Ведьмак развернулся на месте, перенес вес тела на правую ногу, резко ударил назад... и в третий раз не достал фантастически подвижного зверя.

Нетопырь замахах крыльями, взлетел, помчался к фонтану. В тот момент, когда кривые когти заскрежетали по камням облицовки, жуткая, истекающая слюной пасть уже расплывалась, изменялась, исчезала, хотя проявляющиеся на ее месте бледные губки все еще не прикрывали убийственных клыков.

Брукса пронзительно, модулируя голос, завывала, уставилась на ведьмака ненавидящими глазами и снова завывала.

Удар волны был так силен, что переборол Знак. В глазах Геральта завертелись черные и красные крути, в висках и темени заломило. Сквозь боль, высверливающую уши, он услышал голоса, стоны и вопли, звуки флейты и гобоя, гул вихря. Кожа на лице занемела. Тряся головой, он упал на одно колено.

Черный нетопырь беззвучно плыл к нему, разевая на лету зубастую пасть. Геральт, хоть и выбитый из колен волной рева, среагировал автоматически. Вскочил, молниеносно подстраивая ритм движений к скорости полета чудища, сделал три шага вперед, вольт и полуоборот, и сразу же после этого быстрый, как мысль, удар. Острие не встретило сопротивления. Почти не встретило. Он услышал вопль, но на этот раз — вопль боли, вызванной прикосновением серебра.

Брукса, воя, прилипла к спине дельфина. Немного выше левой груди на белом платье расплывалось красное пятно под рассечкой не больше мизинца длиной. Ведьмак заскрежетал зубами — удар, который должен был располосовать бестию, обернулся всего лишь царапиной.

— Ори, вампириха, — буркнул он, отирая кровь со щеки. — Визжи. Теряй силы. И тогда уж я срублю твою престельную головку!

Ты. Ослабнешь первым. Колдун. Убью.

Губы не пошевелились, но ведьмак отчетливо слышал слова, они звучали у него в мозгу, глухо звеня, словно из-под воды.

— Посмотрим, — процедил он и, наклонившись, направился к фонтану.

Убью. Убью. Убью.

— Увидим!

— Вереена!!!

Нивеллен, наклонив голову, обеими руками вцепившись в дверную коробку, выполз из дома. Покачиваясь, двинулся к фонтану, неуверенно размахивая лапами. Полы куртки были заляпаны кровью.

— Вереена! — снова рявкнул он.

Брукса резко повернула голову. Геральт, занеся меч для удара, прыгнул к ней, но она среагировала гораздо быстрее. Резкий вопль — и очередная волна сбила ведьмака с ног. Он рухнул навзничь, пополз по гравию дорожки. Брукса выгнулась, напружинилась для прыжка, кльки у нее заблестели разбойничьими стилетами. Нивеллен, раскинув лапы, как медведь, пытался ее схватить, но она рявкнула ему прямо в морду, откинув на несколько сажен к деревянным лесам у стены, которые тут же с диким треском сломались, похоронив его под кучей досок.

Геральт, уже вскочив, мчался полукругом, обходя двор, стараясь отвлечь внимание бруксы от Нивеллена. Брукса, шурша белым платьем, неслась прямо на него, легко, как бабочка, едва касаясь земли. Она уже не вопила и не пыталась трансформироваться. Ведьмак знал, что она устала. Но знал и то, что, даже уставшая, она по-прежнему смертельно опасна. За спиной Геральта Нивеллен, рыча, ворочался под досками.

Геральт отскочил влево, завертел мечом, дезориентируя бруксу. Она двинулась к нему, белая, страшная, растрепанная. Он недооценил ее — она снова завопила. Он не успел сотворить Знак, отлетел назад, ударился спиной о стену, боль в позвоночнике пронзила ведьмака, парализовала руки, подсекала

колени. Он упал на четвереньки. Брукса, певуче воя, прыгнула к нему.

— Вереена!!! — рявкнул Нивеллен.

Она обернулась. И тогда Нивеллен с размаху вонзил ей между грудей обломанный острый конец трехметровой жерди. Она не крикнула. Только вздохнула. Ведьмак, слыша этот звук, задрожал.

Так они и стояли — Нивеллен на широко расставленных ногах, обеими руками державший жердь, конец которой он зажал под мышкой, и брукса, словно белая бабочка на шпильке, на другом конце жерди, тоже ухватившаяся за нее обеими руками.

Брукса душераздирающе охнула и вдруг сильно нажала на жердь. Геральт увидел, как на ее спине, на белом платье расцвело красное пятно, из которого в потоке крови мерзко и страшно вылезает обломанный острый конец. Нивеллен крикнул, сделал шаг назад, потом второй и начал быстро пятиться, но не отпускал жерди, таща за собой пробитую навывлет бруксу. Еще шаг — и он уперся спиной в стену. Конец жерди, который он держал под мышкой, скрипнул о кирпичи.

Брукса медленно, как-то даже нежно, передвинула маленькие ладони вдоль жерди, вытянула руки на всю длину, сильно ухватила за жердь и нажала снова. Уже почти метр окровавленного дерева торчал у нее из спины. Глаза были широко раскрыты, голова откинута назад. Вздохи стали чаще, ритмичнее, переходя в стон.

Геральт встал, но, зачарованный тем, что видит, по-прежнему не мог ни на что решиться. И тут услышал слова, гудящие внутри черепа, словно под сводом холодного и мокрого подвала.

Мой. Или ничей. Люблю тебя. Люблю.

Снова страшный, прерывистый, захлебывающийся кровью вздох. Брукса рванулась, передвинулась вдоль жерди, протянула руки. Нивеллен отчаянно зарычал, не отпуская жерди, пытаясь отодвинуть бруксу как можно дальше. Напрасно. Она еще больше переместилась вперед, схватила его за голову. Он пронзительно взвыл, замотал косматой головой. Брукса поднялась еще ближе, наклонила голову к горлу Нивеллена. Клыки сверкнули ослепительной белизной.

Геральт прыгнул. Прыгнул, как высвобожденная пружина. Каждое движение, каждый шаг, которые следовало теперь сделать, были его натурой, были заучены, неотвратимы, автоматичны и смертельно верны. Три быстрых шага. Третий, как сотни подобных шагов до того, кончился на левой ноге могучим, решительным движением. Поворот туловища, резкий, с размаху удар. Он увидел ее глаза. Ничто уже не могло измениться. Услышал ее голос. Впустую. Он крикнул, чтоб заглушить слово, которое она повторяла. Напрасно. Он рубанул.

Рубанул уверенно, как сотни раз до того, серединой лезвия, и тут же, не сбавляя ритма, сделал четвертый шаг и полуоборот. Клинок, в конце полуоборота уже освободившийся, двинулся следом за ним, сверкая, увлекая за собой шлейф красных капель. Волосы цвета воронова крыла заволновались, развеялись, плыли в воздухе, плыли, плыли, плыли...

Голова упала на гравий.

Чудовищ все меньше?

А я? Кто такой я?

Кто кричит? Птицы?

Женщина в коже и голубом платье?

Роза из Назаира?

Как тихо!

Как пусто. Какая пустота.

Во мне.

Нивеллен, свернувшись клубком, сотрясаемый спазмами и дрожью, лежал у стены дома в крапиве, обхватив голову руками.

— Встань, — сказал ведьмак.

Молодой, красивый, крепко сложенный мужчина с белой кожей, лежавший у стены, поднял голову, осмотрелся невидящим взглядом. Протер глаза пальцами. Взглянул на свои руки. Оцупал лицо. Тихо застонал, сунул палец в рот, долго водил им по деснам. Снова схватился за лицо и снова застонал, коснувшись четырех кровоточащих вспухших полос на щеках. Охнул, потом засмеялся.

— Геральт! Как это? Как это... Геральт!

— Встань, Нивеллен. Встань и иди. У меня во выюках лекарства, они нужны нам обоим.

— Я уже... не... Нет? Геральт? Как это?

Ведьмак помог ему встать, стараясь не глядеть на маленькие, белые, словно прозрачные руки, стиснутые на жерди, торчащей между маленькими грудками, облепленными мокрой красной тканью. Нивеллен застонал снова.

— Вереена...

— Не смотри. Идем.

Они пересекли двор, прошли мимо куста голубых роз, поддерживая друг друга. Нивеллен не переставал ощупывать лицо свободной рукой.

— Невероятно, Геральт. Через столько лет! Неужели это возможно?

— В каждой сказке есть крупица истины, — тихо сказал ведьмак. — Любовь и кровь. В них могучая сила. Маги и ученые не первый год ломают себе над этим головы, но поняли только одно...

— Что, Геральт, что?

— Любовь должна быть истинной.

ГЛАС РАССУДКА III

— Фальвик, граф Мойон. А это рыцарь Тайлес из Дорндаля.

Геральт небрежно поклонился, глядя на рыцарей. Оба были в латах и карминовых плащах со знаком Белой Розы на левом плече. Это его немного удивило: в округе, как он знал, не было ни одной командории этого ордена.

Нэннеке, казалось, свободно и беззаботно улыбнулась, заметив его удивление.

— Благородные господа, — сказала она вскользь, удобнее устраиваясь на своем похожем на трон кресле, — пребывают на службе у владельца здешних земель, дюка Эреварда.

— Князя, — подчеркнуто поправил Тайлес, младший из рыцарей, вперившись в жрицу взглядом ясных голубых глаз, в которых стояла неприязнь. — Князя Эреварда.

— Не будем вдаваться в детали, — усмехнулась Нэннеке. — В мои времена князьями именовали только тех, у кого в жилах текла королевская кровь, сегодня, похоже, это уже не имеет значения. Итак, этих господ я тебе представила, теперь объясню цель визита рыцарей Белой Розы в мою скромную обитель. Тебе следует знать, Геральт, что Капитул пытается получить от Эреварда земельные наделы для ордена, поэтому многие рыцари Розы поступили на службу к князю. А много

здесь, как, например, Тайлес, присягнули ему и приняли красный плащ, который, кстати, ему так к лицу.

— Такая честь, — ведьмак поклонился, так же небрежно, как и раньше.

— Не думаю, — холодно проговорила жрица. — Они приехали не для того, чтобы оказать тебе честь. А совсем даже наоборот. Они требуют, чтобы ты как можно скорее убрался отсюда. Говоря кратко и по сути, они намерены тебя выгнать. Ты считаешь это честью? Я — нет. Я считаю это оскорблением.

— Думается, благородные рыцари трудились напрасно, — пожал плечами Геральт. — Я не собираюсь здесь поселиться. Уеду сам, к тому же вскоре, и нет нужды меня торопить и... подталкивать.

— Вскоре? Немедленно! — буркнул Тайлес. — Сей же момент! Князь приказывает...

— На территории этого храма приказываю я, — прервала Нэннеке холодным, властным тоном. — Я обычно стремлюсь к тому, чтобы мои распоряжения не вступали в чрезмерное противоречие с политикой Эреварда. Если, конечно, его политика достаточно логична и понятна. В данном конкретном случае она иррациональна, поэтому я не собираюсь воспринимать ее серьезнее, нежели она того заслуживает. Геральт из Ривии мой гость, господа. Его пребывание в моем храме мне приятно. Поэтому Геральт из Ривии останется в моем храме до тех пор, пока ему этого хочется.

— Ты имеешь наглость противиться князю, женщина? — крикнул Тайлес, откидывая на руку плащ и демонстрируя во всей красе рифленый, украшенный латунью нагрудник. — Ты осмеливаешься подрывать авторитет власти?

— Тише, тише, — сказала Нэннеке и прищурилась. — Сбавь тон. Следи за тем, что говоришь и с кем говоришь.

— Я знаю, с кем говорю! — шагнул вперед рыцарь. Фальвик, тот, что постарше, крепко схватил его за локоть и стиснул так, что скрипнула железная перчатка. Тайлес яростно рванулся. — А говорю я то, что выражает волю князя, хозяина здешних владений! Знай, женщина, у ворот нас ожидают двенадцать солдат...

Нэннеке сунула руку в висящий на поясе мешочек и вынула небольшую фарфоровую баночку.

— Поверь мне, я не знаю, — спокойно сказала она, — что будет, если я разобью эту баночку у твоих ног, Тайлес. Возможно, у тебя разорвутся легкие. Не исключено, что ты покроешься шерстью. А может, и то и другое разом, кто знает? Пожалуй, только милостивая Мелитэле.

— Ты смеешь угрожать мне чарами, жрица? Да наши солдаты...

— Ваши солдаты, стоит хоть одному из них коснуться жрицы Мелитэле, будут висеть на акациях вдоль дороги до самого города, причем еще раньше, чем солнце коснется горизонта. Они отлично знают это. Да и ты тоже, Тайлес, так что перестань хамить. Я принимала тебя, сопляк, прости, Господи, обкаканный, и мне жаль твоей матери, но не ищущай судьбу. Не заставляй меня учить тебя хорошим манерам!

— Ну, ладно, ладно, — вставил ведьмак, которому все это уже надоело. — Похоже, моя скромная персона может стать причиной серьезного конфликта, а я не вижу повода потворствовать этому. Милсдарь Фальвик, вы кажется мне более уравновешенным, чем ваш спутник, которого, как я вижу, заносит по молодости. Послушайте, милсдарь, я обещаю вскоре покинуть здешние места. Через два-три дня. Заявляю также, что не собирался и не собираюсь впредь здесь работать, выполнять заказы и принимать поручения. Я тут не в качестве ведьмака, а просто как частное лицо.

Граф Фальвик глянул ему в глаза, и Геральт сразу понял свой промах. В глазах рыцаря Белой Розы тайлась чистая, невозмутимая и ничем не замутненная ненависть. Ведьмаку стало ясно, что выбрасывает и изгоняет его вовсе не дюк Эревард, а Фальвик и ему подобные.

Рыцарь повернулся к Нэннеке, уважительно поклонился и начал речь. Говорил он спокойно и почтительно. Говорил он логично. Но Геральт знал, что Фальвик лжет как сивый мерин.

— Почтенная Нэннеке, прошу простить меня, но князь Эревард, мой сеньор, не желает видеть в своих владениях ведьмака Геральта из Ривии. Неважно, охотится ли Геральт из Ривии на чудовищ или полагает себя частным лицом. Князь знает, что

Геральт из Ривии частным лицом не бывает. Ведьмак притягивает неприятности, как магнит железные опилки. Чародеи возмущаются и шлют петиции, друиды в открытую грозятся...

— Не вижу оснований заставлять Геральта из Ривии страдать от разнузданности здешних чародеев и друидов, — прервала жрица. — С каких это пор Эреварда стало интересовать мнение тех и других?

— Довольно болтать, — поднял голову Фальвик. — Или я выражаюсь недостаточно ясно, почтенная Нэннеке? Тогда скажу так ясно, что яснее некуда: ни князь Эревард, ни Капитул ордена не намерены ни дня терпеть в Элландере ведьмака Геральта из Ривии, известного как Мясник из Блавикена.

— Здесь не Элландер, — вскочила с кресла жрица. — Здесь храм Мелитэ! А я, Нэннеке, главная жрица Мелитэ, не желаю больше ни минуты терпеть вас на территории храма, господи!

— Милсдарь Фальвик, — тихо произнес ведьмак, — послушайте гласа рассудка. Я не хочу осложнений, да и вам, мне думается, они ни к чему. Я покину здешние места самое большее через три дня. Нет, Нэннеке, прошу тебя, помолчи. Мне все равно уже пора в путь. Три дня, граф. Большого я не прошу.

— И правильно делаешь, что не просишь, — сказала жрица, прежде чем Фальвик успел ответить. — Вы слышали, парни? Ведьмак останется здесь на три дня, ибо таково его желание. А я, жрица Великой Мелитэ, буду принимать его у себя эти три дня, ибо таково мое желание. Передайте это вашему Эреварду. Нет, не Эреварду. Его супружнице, благородной Эрмелле, и добавьте, что если она хочет, чтобы не прерывались поставки афродизий из моей аптеки, то пусть успокоит своего дюка. Пусть сдерживает его капризы и фанатерии, которые все больше начинают смахивать на кретинизм.

— Довольно! — тонко крикнул Тайлес, и голос перешел у него в фальцет. — Не желаю слушать, как какая-то шарлатанка оскорбляет моего сеньора и его супругу! Не прошу такого неуважения! Отныне здесь будет править орден Белой Розы. Конеч вашим рассадникам тьмы и предрассудков. А я, рыцарь Белой Розы...

— Слушай, ты, молокосос, — прервал Геральт, скверно ухмыльнувшись. — Сдержи свой дурной язычишко. Ты разговариваешь с женщиной, которую должно уважать. Тем более рыцарю Белой Розы. Правда, чтобы стать таковым, последнее время достаточно внести в скарбницу Капитула тысячу новиградских крон, потому-то орден и стал скопищем отпрысков ростовщиков и портняжек, но какая-то порядочность в вас, надеюсь, еще сохранилась? Или я ошибаюсь?

Тайлес побледнел и потянулся за мечом.

— Фальвик, — сказал Геральт, не переставая усмехаться, — если он вытянет меч, я отберу и отстегаю сопляка по заднице. А потом вышибу им двери.

Тайлес дрожащей рукой вытащил из-за пояса железную перчатку и со звоном кинул на пол к ногам ведьмака.

— Я смою оскорбление ордена твоей кровью, выродок! — взвизгнул он. — Вызываю тебя на поединок! Выходи во двор!

— У тебя что-то упало, сынок, — спокойно произнесла Нэннеке. — Подними, пожалуйста, здесь сорить не положено, здесь — храм. Фальвик, уведи отсюда своего придурка, иначе это кончится несчастьем. Ты знаешь, что надо передать Эреварду. Впрочем, я напишу ему личное письмо: вы не вызываете у меня доверия. Убирайтесь отсюда. Найдете выход сами, надеюсь?

Фальвик, удерживая разъяренного Тайлеса железной хваткой, поклонился, звякнув латами. Потом посмотрел в глаза ведьмаку. Ведьмак не улыбался. Фальвик перекинул через плечо карминовый плащ.

— Это был не последний наш визит, почтенная Нэннеке, — сказал он. — Мы вернемся.

— Именно этого я опасалась, — холодно ответила жрица. — К несчастью.

МЕНЬШЕЕ ЗЛО

1

Первыми, как обычно, на него обратили внимание кошки и дети. Полосатый котяра, дремавший на нагретой солнцем поленице, приподнял круглую голову, прижал уши, фыркнул и юркнул в крапиву. Трехгодовалый Драгомир, сын рыбака Тригли, прилагавший на пороге хаты все усилия к тому, чтобы еще больше испачкать и без того грязную рубашонку, раскричался, уставившись полными слез глазами на проезжавшего мимо верхового. Ведьмак ехал медленно, не пытаясь опередить воз с сеном, занимавший всю ширину улицы. За ведьмаком, вытянув шею и то и дело сильно натягивая веревку, трусил привязанный к луке седла навьюченный осел. Кроме обычного груза, длинноухий трудяга тащил на спине большую штуковину, обернутую попоной. Серо-белый бок осла покрывали черные полосы запекшейся крови.

Наконец воз свернул в боковую улочку, ведущую к амбарам и пристани, от которой веяло бризом и несло смолой и воловьей мочой. Геральт поторопил лошадь. Он оставил без внимания приглушенный крик торговли овощами, уставившейся на костлявую, когтистую лапу, свисающую из-под попоны и подпрыгивающую в такт шагам осла. Не оглянувшись и на растущую кучку возбужденных людей, следовавших за ним.

Перед домом войта, как обычно, было полно телег. Геральт соскочил с кобылы, поправил меч на спине, перекинул узду через деревянную коновязь. Толпа, следовавшая за ним, образовала вокруг осла полукольцо.

Вопли войта были слышны уже от самого входа в дом.

— Нельзя, говорю! Нельзя, мать твою! По-людски не понимаешь, паршивец?

Геральт вошел. Перед войтом, низеньким и толстым, покрасневшим от злости, стоял кмет, держа за шею вырывающегося гусака.

— А тебе чего... О Господи! Это ты, Геральт? Уж не ослеп ли я? — И снова обращаясь к просителю, крикнул: — Забирай это, хамло! Оглох, что ли?

— Сказали, — бормотал крестьянин, косясь на гуся, — вот, дескать, надоть чегой-то дать, уважаемый, потому как иначе-то...

— Кто сказал? — рявкнул войт. — Кто? Это что же, выходит, я взятки беру? Не позволю, сказано тебе! Вон, сказано тебе! Привет, Геральт.

— Привет, Кальдемейн.

Войт, пожимая руку ведьмаку, хлопнул его по плечу свободной рукой.

— Ты тут не бывал, почитай, года два? А? Что ж ты нигде не усидишь-то? Откуда занесло? А, хрен с ним, не все равно откуда! Эй, кто-нибудь, тащите сюда пива! Садись, Геральт, садись. У нас тут, понимаешь, черт-те что творится, потому как завтра ярмарка. Ну что там у тебя, выкладывай!

— Потом. Давай выйдем.

Толпа была уже раза в три побольше, но свободное пространство вокруг осла не уменьшилось. Геральт отвернул попону. Толпа ахнула и попятилась. Кальдемейн широко раскрыл рот.

— Господи, Геральт? Это что такое?

— Кикимора. Не будет ли за нее какой-нибудь награды, милсдарь войт?

Кальдемейн переступил с ноги на ногу, глядя на паучье, обтянутое черной высохшей кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглоподобные клыки в окровавленной пасти.

— Где... Откуда...

— На плотине, верстах в четырех от поселка. На болотах. Там, Кальдемейн, кажется, гибли люди. Дети.

— Угу, отлично. Но никто... Кто бы мог подумать... Эй, людишки, по домам, за работу! Тут вам не балаган! Закрой ее, Геральт. Мужики слетаются.

В комнате войт молча схватил кувшин пива и выпил до дна, не отрываясь. Тяжко вздохнул, потянул носом.

— Награды не будет, — утрировано сказал он. — Никто и не думал, что такая... такой... сидит на соленых болотах. Факт, несколько человек пропало в тамошних местах, но... Мало кто лазил по тем трясинам. А ты-то как там очутился? Почему не ехал большаком?

— На большаках не заработаешь, Кальдемейн.

— Я забыл. — Войт, надув щеки, сдержал отрывку. — А ведь какая была тихая округа! Даже домовые — и те редко отливали бабам в крынки с молоком. И вот, поди ж ты, под самым боком какая-то дрянь. Выходит, надо тебя благодарить. Потому как заплатить — не заплачу. Фондов нету. На награды-то.

— Скверно. Немного наличных мне б не помешали, чтобы перезимовать, — ведьмак отхлебнул из кружки, смахнул с губ пену. — Отправляюсь в Испаден, да не знаю, успею ли до снега. Могу застрять в каком-нибудь городишке вдоль Лутонского тракта.

— Надолго к нам, в Блавикен?

— Нет. Нельзя засиживаться. Зима подпирает.

— Где остановишься? Может, у меня? На мансарде есть свободная комната. На кой тебе к трактирщикам переться? Обдерут как липку, разбойники. Поболтаем, расскажешь, что в мире слышать.

— Охотно. А как на это твоя Либуше? Последний раз, я заметил, она не очень-то меня жалует.

— В моем доме бабы ни гуту. Но так, между нами, постарайся не делать при ней того, что недавно выкинул за ужином.

— Ты имеешь в виду, когда я запустил вилкой в крысу?

— Нет. Я имею в виду, что ты в нее попал, хотя было темно.

— Я думал, будет забавно.

— Оно и было. Только не делай этого при Либуше. Слушай, а эта... как там ее... Куки...

— Кикимора.

— Она тебе для чего-то нужна?

— Интересно, для чего бы? Если награды не будет, можешь выкинуть ее на помойку.

— А знаешь, это мысль. Эй, Карэлька, Борг, Носикамень! Есть там кто?

Вошел городской стражник с алебардой на плече, с грохотом задев острием о притолоку.

— Носикамень, — сказал Кальдемейн, — прихвати кого-нибудь в помощь, заведи от хаты осла вместе с той дрянью, что покрыта попоной, отведи за хлевы и утопи в навозной яме. Усек?

— Угу... Слушаюсь... Только, милсдарь войт...

— Чего еще?

— Может, прежде чем утопить...

— Ну?

— Показать ее мэтру Ириону? А вдруг ему куда-нито сгодится?

Кальдемейн хлопнул ладонью по столу.

— А ты не дурак, Носикамень. Слушай, Геральт, может, наш городской колдун отвалит тебе чего за эту падаль? Рыбаки приносят разных чудовищ, восьминогов там, крабаллонов, каракатов, на этом многие заработали. А ну, пошли в башню.

— Разбогатели? Собственного колдуна завели? Навсегда или временно?

— Навсегда. Мэтр Ирион. Уже год как в Блавикене. Сильный маг, Геральт, сразу видно.

— Не думаю, чтобы ваш сильный маг заплатил за кикимору, — поморщился Геральт. — Насколько мне известно, она на эликсиры не годится. Думаю, Ирион только отчитает меня. Мы, ведьмаки, не очень-то дружим с волшебниками.

— Никогда не слышал, чтобы мэтр Ирион кого-нибудь обругал. Заплатит ли, не обещаю, но попытка не пытка. На болотах таких куки... это, кикимор, может быть, много. И что тогда? Пусть колдун осмолит ее и в случае чего наведет на топи какие-нибудь чары или чего там еще.

Ведьмак ненадолго задумался.

— Ну что ж, один—ноль в твою пользу, Кальдемейн. Рискнем. Где моя шапка?

2

Башня, сложенная из гладко отесанных гранитных блоков, увенчанная каменными зубцами, выглядела вполне представительно, возвышаясь над побитыми крышами домов и полуразвалившимися кровлями халуп.

— Вижу, подновил, — сказал Геральт. — Волшебством или вас на работы согнал?

— В основном чарами.

— Какой он, этот ваш Ирион?

— Вполне нормальный. Людям помогает. Но отшельник, молчун. Почти не выходит из башни.

На дверях, украшенных розеттой и инкрустированных светлым деревом, висела огромная колотушка в форме плоской пучеглазой рыбьей головы, державшей в зубастой пасти латунное кольцо. Кальдемейн, видать, знакомый с действием механизма, подошел, откашлялся и проговорил:

— Приветствует войт Кальдемейн, явившийся к мэтру Ириону по делу. С ним приветствует также ведьмак Геральт из Ривии, также явившийся по делу.

Долгое время ничего не происходило, наконец рыбья голова, пошевелив зубастыми челюстями, выпустила облако пара.

— Мэтр Ирион не принимает. Уходите, добрые...

— Я не добрый человек, — громко прервал Геральт. — Я ведьмак. А вон там, на осле, лежит кикимора, которую я убил недалеко от городка. Любой волшебник-резидент обязан заботиться о безопасности района. Мэтру Ириону ни к чему оказывать мне честь беседой, и он не обязан меня принимать, ежели такова его воля. Но кикимору пусть осмотрит и сделает соответствующие выводы. Носикамень, раскрой кикимору и свали ее здесь, у самых дверей.

— Геральт, — тихо сказал войт. — Ты-то уедешь, а мне тут придется...

— Пошли, Кальдемейн. Носикамень, вынь палец из носа и делай что велит.

— Сейчас, — проговорила колотушка совсем другим голосом. — Геральт, это верно ты?

Ведьмак тихо выругался.

— Ну, зануда! Да, верно я. Ну и что с того, что это верно я?

— Подойди ближе к двери, — произнесла колотушка, выпуская облачко пара. — Один. Я тебя впускаю.

— А как с кикиморой?

— Черт с ней. Я хочу поговорить с тобой, Геральт. Только с тобой. Извините, войт.

— Да чего уж там, мэтр Ирион, — махнул рукой Кальдемейн. — Бывай, Геральт. Увидимся позже. Носикамень! Уродину в жижу!

— Слушаюсь!

Ведьмак подошел к инкрустированной двери, она слегка приоткрылась, ровно настолько, чтобы он мог протиснуться, и тут же захлопнулась, оставив его в полной темноте.

— Эгей! — крикнул он, не скрывая раздражения.

— Готово, — ответил удивительно знакомый голос...

Впечатление было настолько неожиданным, что ведьмак покачнулся и вытянул руки в поисках опоры. Опоры не было.

Сад цвел белым и розовым, воздух был напоен ароматом дождя. Небо пересекала многоцветная радуга, связывая кроны деревьев с далекой голубоватой цепью гор. Домик посреди сада, маленький и скромный, утонул в мальвах. Геральт глянул под ноги и увидел, что стоит по колено в тимьяне.

— Ну, иди же, Геральт, — прозвучал голос. — Я у дома.

Он вошел в сад. Слева заметил движение, оглянулся. Светловолосая девушка, совершенно нагая, шла вдоль кустов, неся корзинку, полную яблок. Ведьмак торжественно поклялся самому себе больше ничему не удивляться.

— Наконец-то. Приветствую тебя, ведьмак.

— Стрегобор! — удивился решивший не удивляться Геральт.

Ведьмаку встречались в жизни разбойники с внешностью городских советников, советники, похожие на вымаливающих подаяние старцев, блудницы, смотревшиеся принцессами, принцессы, выглядевшие как стельные коровы, и короли с манерами разбойников. Стрегобор же всегда выглядел так, как по всем канонам и представлениям должен выглядеть чародей. Он был высок, худ, согбен, у него были буйные кустистые брови и длинный крючковатый нос. Вдобавок он носил черный, ниспадающий до земли балахон с широченными рукавами, а в руке держал длиннющий посох с хрустальным шариком на конце. Ни один из знакомых Геральту чародеев не выглядел так, как Стрегобор. И — что самое удивительное — Стрегобор действительно был чародеем.

Они присели на терраске, окруженной мальвами, расположившись в плетеных ивовых креслах у столика со столешницей из белого мрамора. Нагая блондинка с корзиной яблок подошла, улыбнулась и снова направилась в сад, покачивая бедрами.

— Тоже иллюзия? — спросил Геральт, любясь колышущимися прелестями.

— Тоже. Как и все здесь. Но, дорогой мой, это иллюзия высшего класса. Цветы пахнут, яблоки можешь отведать, пчела может тебя ужалить, а ее, — чародей указал на блондинку, — ты можешь...

— Возможно, позднее...

— И верно. Что подельываешь здесь, Геральт? По-прежнему трудисься, за деньги истребляя представителей вымирающих видов? Что получил за кикимору? Наверное — ничего, иначе б не пришел сюда. Подумать только, есть люди, не верящие в Предназначение. Разве что знал обо мне. Знал?

— Не знал. Уж если я где не ожидал тебя встретить, так именно здесь. Если мне память не изменяет, раньше ты жил в Ковире, в такой же башне.

— Многое изменилось с тех пор.

— Хотя бы твое имя. Теперь ты вроде бы зовешься мэтром Ирионом?

— Так звали строителя этой башни, он скончался лет двадцать назад. Я решил, что его надо как-то почтить, ну и

занял его обитель. Я тут сижу за резидента. Большинство горожан живут дарами моря, а, как тебе известно, моя специальность — кроме иллюзий, разумеется, — это погода. Порой шторм пригашу, порой вызову, то западным ветром пригоню ближе к берегу косяк мерлангов или угрей. Жить можно. То есть, — добавил он грустно, — можно бы жить.

— Почему «можно бы»? И зачем ты сменил имя?

— У Предназначения масса обличей. Мое прекрасно снаружи и отвратительно внутри. Оно протянуло ко мне свои окровавленные когти...

— Ты ничуть не изменился, Стрегобор, — поморщился Геральт. — Плетешь ерунду и при этом строишь умные и многозначительные мины. Не можешь говорить нормально?

— Могу, — вздохнул чернокнижник. — Если это доставит тебе удовольствие, могу. Я забрался сюда, сбежав от жуткого существа, которое собралось меня прикончить. Бегство ничего не дало, оно меня нашло. По всей вероятности, попытается убить завтра, в крайнем случае — послезавтра.

— Та-а-ак, — бесстрастно протянул ведьмак. — Теперь понимаю.

— Что-то мне сдается, моя возможная смерть не очень-то тебя волнует.

— Стрегобор, — сказал Геральт. — Таков мир. Путешествуя, видишь многое. Двое быются из-за межи посреди поля, которое завтра истопчут кони дружин двух здешних графов, жаждущих уничтожить друг друга. Вдоль дорог на деревьях болтаются висельники, в лесах разбойники перерезают глотки купцам. В городах то и дело натыкаешься на трупы в сточных канавах. В дворцах тычут друг друга стилетами, а на пиршествах то и дело кто-нибудь валится под стол, синий от отравы. Я привык. Так чего же ради меня должна волновать грозящая кому-то смерть, к тому же грозящая не мне, а тебе?

— К тому же грозящая мне, — усмехнувшись, повторил Стрегобор. — А я-то считал тебя другом. Надеялся на твою помощь.

— Наша последняя встреча, — сказал Геральт, — имела место при дворе короля Иди в Ковире. Я пришел получить плату за уничтожение амфисбены, которая терроризировала всю

округу. Тогда ты и твой собрат Завист наперебой обзывали меня шарлатаном, бездумной машиной для убийств и, если мне память не изменяет, трупоедом. В результате Иди не только не заплатил мне ни шелонга, но еще велел за двенадцать часов убраться из Ковира, а поскольку клепсидра у него была испорчена, я едва-едва успел. А теперь ты говоришь, что рассчитаешься на мою помощь. Говоришь, что тебя преследует чудовище. Чего ты боишься, Стрегобор? Если оно на тебя нападет, скажи ему, что обожаешь чудовищ, оберегаешь их и следишь за тем, чтобы ни один трупоедский ведьмак не нарушил их покоя. Ну а уж если и после этого чудовище выпотрошит тебя и сожрет, значит, оно чудовищно неблагодарное чудовище.

Колдун, отвернувшись, молчал. Геральт рассмеялся.

— Не надувайся как жаба, маг. Говори, что тебе угрожает. Посмотрим, что можно сделать.

— Ты слышал о Проклятии Черного Солнца?

— А как же. Слышал. Только под названием Манин Сумасшедшего Эльтибальда. Так звали мага, который устроил бузу, в результате которой перебили или заточили в башни несколько десятков высокородных девиц. Даже королевских кровей. Якобы они были одержимы дьяволом, прокляты, порчены Черным Солнцем, как на вашем напыщенном жаргоне вы окрестили обыкновеннейшее солнечное затмение.

— Эльтибальд, который вовсе не был сумасшедшим, расшифровал надписи на менгирах дауков, на надгробных плитах в некрополях вождов, проанализировал легенды и мифы де-толаков. Никаких сомнений быть не могло. Черное Солнце должно было предвещать скорое возвращение Лилиты, почтенной на Востоке под именем Нийями, и гибель человечества. Дорогу для Лилиты должны были проложить «шестьдесят дев в златых коронах, кои кровью заполнят русла рек».

— Бред, — сказал ведьмак. — И вдобавок нерифмованный. Все причитные предсказания бывают в стихах. Всем известно, что имел в виду Эльтибальд и Совет Чародеев. Вы воспользовались бредом сумасшедшего, чтобы укрепить свою власть, разрушить союзы, не допустить родственных связей, устроить неразбериху в династиях — словом, как следует подергать за веревочки, подвязанные к марионеткам в коронах.

А ты мне мозги пудришь какими-то предсказаниями, которых постыдился бы даже кривой старик на ярмарке.

— Можно скептически относиться к теории Эльтибальда, к интерпретациям предсказателей. Но нельзя отрицать того факта, что у девушек, родившихся после затмения, наблюдаются чудовищные мутации.

— Почему же нельзя? Я слышал нечто диаметрально противоположное.

— Я присутствовал при вскрытии одной из них, — сказал волшебник. — Геральт, то, что мы обнаружили внутри черепа и спинного мозга, невозможно было однозначно определить. Какая-то красная губка. Внутренние органы смещены, перемещаны, некоторых вообще нет. Все покрыто подвижными жгутиками, сине-розовыми лоскутками. Сердце с шестью камерами. Две практически атрофированы, но тем не менее. Что ты на это скажешь?

— Я видел людей, у которых вместо рук орлиные когти, людей с волчьими клыками. Людей с дополнительными суставами, дополнительными органами и дополнительными чувствами. Все это были результаты вашей возни с магией.

— Говоришь, видел различные мутации? — поднял голову чернокожничник. — А скольких из них ты утробил за деньги в соответствии со своим ведьмачьим призванием? А? Потому как можно иметь волчьи клыки и ограничиться тем, что их показываешь девкам в хлеву, а можно иметь волчью натуру и нападать на детей. Именно так было с рожденными после затмения девочками, у которых обнаружили необъяснимая склонность к жестокости, агрессивность, бурные вспышки гнева и чрезмерный темперамент.

— У любой бабы при желании можно отыскать подобное, — усмехнулся Геральт. — Что ты плетешь? Выпытываешь, сколько мутантов я убил, а почему тебя не интересует, скольких я расколдовал, освободил от сглаза? Я, ведьмак, которого вы презираете. А что сделали вы, могущественные чернокожничники?

— Применили высшую магию. Нашу и священническую в различных храмах. Все испытания окончились смертью девушек.

— Это плохо говорит о вас, а не о девушках. Итак, первые трупы. Насколько я понимаю, вскрывали только их?

— Не только. Не смотри на меня так, сам прекрасно знаешь, что были и еще трупы. Сначала решили было ликвидировать всех. Но потом передумали... Тех же, которых все-таки... убирала, вскрывали. Одну подвергли вивисекции.

— И вы, сукины дети, еще осмеливаетесь критиковать ведьмаков? Эх, Стрегобор, Стрегобор, придет день, люди поумнеют и возьмутся за вас.

— Не думаю, чтобы это случилось очень скоро, — кисло заметил чародей. — Не забывай, мы действовали, защищая людей. Мутантки залили бы кровью целые страны.

— Так утверждаете вы, колдуны, задрав носы выше своего нимба непогрешимости. Коли уж об этом зашла речь, ты, вероятно, не станешь утверждать, что якобы, хотясь на так называемых мутантов, вы ни разу не ошиблись?

— Ладно, — сказал Стрегобор после долгого молчания. — Буду откровенен, хотя в собственных интересах и не следовало бы. Ошиблись, и к тому же не раз. Разделить их по группам оказалось весьма трудным делом. Поэтому мы перестали их... убивать, а стали изолировать.

— Ну да, ваши знаменитые башни, — фыркнул ведьмак.

— Да, наши башни. Однако это была очередная ошибка. Мы недооценили их, и многие сбежали. Среди принцев, особенно тех, что помоложе, которым нечего было делать, а еще меньше — терять, распространилась какая-то идиотская мода освобождать заключенных красоток. К счастью, большинство свернуло себе шею.

— Насколько мне известно, заточенные в башнях девушки быстро умирали. Поговаривают, не без вашей помощи.

— Наглая ложь. Однако действительно они быстро погрузались в апатию, отказывались от пищи... Что интересно, незадолго до смерти у них прорезывался дар ясновидения. Очередное доказательство мутации.

— Что ни доказательство, то все менее убедительное. Может, есть и другие?

— Есть. К примеру, Сильвена, хозяйка в Нароке, к которой нам не удалось даже приблизиться, так быстро она взяла

власть в свои руки. Сейчас там творятся жуткие вещи. Фиалка, дочь Эвермира, сбежала из башни, воспользовавшись шнурком, сплетенным из косичек, и давно терроризирует Северный Вельгад. Бернику из Тальгара освободил дурень-принц. Его же и ослепили, и теперь он сидит в яме, а самый заметный элемент пейзажа в Тальгаре — шибеница. Есть и еще примеры.

— Именно что есть, — сказал ведьмак. — В Ямурлаке, например, правит старичок Абрад, у него золотуха, ни одного зуба, родился он, почитай, лет за сто до затмения, а не уснет, ежели кого-нибудь не обезглавят в его присутствии. Вырезал всех родственников и перебил половину страны в состоянии, как это говорится, невменяемости. Заметны и следы чрезмерного темперамента, в юности у него, кажется, прозвище было Абрад Юбкодрал. Эх, Стрегобор, славно было бы, если б жестокость владык можно было объяснить мутацией или заклятиями...

— Послушай, Геральт...

— И не подумаю. Ты не убедишь меня в своей правоте и тем более в том, что Эльтибальд не был сумасшедшим разбойником. Вернемся к чудовищу, которое тебе якобы угрожает. Я выслушал тебя и должен сказать: рассказанная тобою история мне не нравится. Но я дослушаю ее до конца.

— Не перебивая ехидными замечаниями?

— Обещать не могу.

— Ну что ж, — Стрегобор засунул руки в рукава балахона, — тем больше это займет времени. Итак, история началась в Крейдене, маленьком северном княжестве. Женой Фредфалька, княжившего в Крейдене, была Аридея, умная, образованная женщина. В роду у нее было множество последователей искусства чернокнижников, и, вероятно, по наследству ей достался довольно редкий и могущественный артефакт, Зеркало Нехалены. Как известно, Зеркалами Нехалены в основном пользовались пророки и ясновидцы, потому что они безошибочно, хоть и путано, предсказывали будущее. Аридея довольно часто обращалась к Зеркалу...

— С обычным, как я думаю, вопросом, — прервал Геральт, — «Кто на свете всех милее?» Насколько мне известно, Зеркала Нехалены подразделяются на льстивые и разбитые.

— Ошибаешься. Аридею больше интересовала судьба страны. А отвечая на ее вопросы, Зеркало предсказало мучительную смерть ее самой и множества ее подданных от руки либо по вине дочери Фредефалька от первого брака. Аридея постаралась, чтобы известие это дошло до Совета, а Совет послал в Крейден меня. Думаю, не надо добавлять, что дочурка Фредефалька родилась вскоре после затмения. Я некоторое время наблюдал за девчонкой. И пока наблюдал, она успела замучить канарейку, двух щенков и ручкой гребня выколоть глаз служанке. Я проделал несколько тестов при помощи заклинаний, большинство их подтвердило, что девчонка была мутантом. Я доложил об этом Аридее, потому что Фредефальк души в доченьке не чаял. Аридея, как я сказал, была женщиной неглупой...

— Ясно, — снова прервал Геральт, — и надо думать, не шибко любила падчерицу. Предпочитала, чтобы трон наследовали ее собственные дети. О дальнейшем можно догадаться. Похоже, там не оказалось никого, кто мог бы свернуть дочурке шею. Да попутно и тебе в придачу.

Стрегобор вздохнул, воздел очи горе, то есть к небу, на котором по-прежнему многоцветно и красочно переливалась радуга.

— Я стоял за то, чтобы ее только изолировать, но княгиня решила иначе. Наняла егеря-бандита и отослала с ним мальшку в лес. Позже мы нашли его в зарослях. Он лежал без штанов, так что ход событий восстановить было нетрудно. Она воткнула ему шпильку в мозг через ухо, вероятно, когда его внимание было поглощено совершенно иным.

— Если ты думаешь, что мне его жаль, — буркнул Геральт, — то ошибаешься.

— Мы устроили облаву, — продолжал Стрегобор, — но девчонка как сквозь землю провалилась. А мне пришлось срочно ретироваться из Крейдена, потому что Фредефальк начал что-то подозревать. Лишь спустя четыре года я получил известие от Ариден. Она выследила девку, та жила в Махакаме с семью гномами зараз, которых убедила, что гораздо выгоднее обирать купцов на дорогах, чем зарабатывать антракоз в шахтах. Ее всюду называли Сорокопуткой, потому что пойманных она любила живьем насаживать на острые колья. Аридея не-

сколько раз нанимала убийц, но ни один не вернулся. А потом уж трудно было найти желающих, слух о девке прошел повсюду. Мечом научилась работать так, что мало какой мужик мог с ней сравниться. Меня снова вызвали, я тайком явился в Крейден и тут узнал, что Аридею отравили. Все считали, что это работа самого Фредефалька, который высмотрел себе наложницу помоложе и подренее, но я думаю, без Ренфри тут не обошлось.

— Ренфри?

— Так звали Сорокопутку. Я утверждаю, что Аридею отравила она. Князь Фредефальк вскоре погиб при странных обстоятельствах на охоте, а старший сын Аридеи пропал без вести. Конечно, и это тоже была работа девчонки. Я говорю «девчонка», а ей к тому времени стукнуло уже семнадцать. И она неплохо подросла.

— К тому времени, — продолжал колдун после недолгого молчания, — она и ее гномы уже нагнали страху на весь Махакам. Но однажды они по какому-то поводу повздорили, не знаю, то ли из-за дележа добычи, то ли из-за очередности ночи на неделе, важно, что в ход пошли ножи. Семерка гномов не пережила поножовщины. Вышла сухой из воды только Сорокопутка. Она одна. Но тогда я уже был в Махакаме. Мы встретились нос к носу, она мгновенно узнала меня и тут же сообразила, какова была моя роль тогда в Крейдене. Уверю тебя, Геральт, я едва успел выговорить заклинание, а руки тряслись у меня страшно, когда эта дикая кошка кинулась на меня, размахивая мечом. Я заточил ее в изящную глыбу горного хрусталя, шесть локтей на девять. Когда она погрузилась в летаргию, я кинул глыбу в гномовскую шахту и завалил ствол.

— Халтурная работа, — прокомментировал Геральт. — Легко расколдовать. Нельзя было, что ли, превратить в пепел? Ведь у вас столько исключительно милых заклинаний.

— Не у меня. Не моя специальность. Но ты прав, я скалтурил. Отыскался какой-то идиот королевич, истратил уйма денег на контрзаклинание, расколдовал ее и с триумфом привез к себе домой, в какое-то замызанное королевство на востоке. Его отец, старый разбойник, оказался умнее. Отстегал сыночка,

а Сорокопутку решил выпытать о сокровищах, которые та награбила вместе с гномами и хитроумно упрятала. Ошибка папеньки состояла в том, что когда ее нагую распластали на лавке у палача, у того в помощниках ходил старший сын короля. Как-то так получилось, что наутро тот же старший сын, к этому часу уже осиротевший и лишившийся родни, восседал на троне, а Сорокопутка заняла место первой фаворитки.

— Стало быть, не уродина.

— Дело вкуса. Долго ей в фаворитках ходить не довелось. До первого дворцового, громко говоря, переворота, потому как дворец тот больше походил на коровник. Вскоре оказалось, что она не забыла обо мне. В Ковире организовала на меня три покушения из-за угла. Я решил не рисковать и переждать в Понтаре. Она снова нашла меня. Тогда я сбежал в Ангрэн, но она и тут меня прищучила. Не знаю, как это у нее получается, следы я заметал хорошо. Наверно, свойство ее мутации.

— А что ж ты снова-то ее в хрусталь не заключил? Угрызения совести?

— Нет. Таковых не было. Однако оказалось, что она приобрела иммунитет против магии.

— Невозможно!

— Возможно. Достаточно заполучить соответствующий артефакт или обзавестись аурой. Это опять же могло быть следствием ее прогрессирующей мутации. Я сбежал из Ангрена и спрятался здесь, на Лукоморье, в Блавикене. Год прожил спокойно, но она снова меня вынюхала.

— Откуда знаешь? Она уже здесь?

— Да. Я видел ее в кристалле, — волшебник поднял палочку. — Она не одна, руководит бандой, а значит, замыслила что-то серьезное. Геральт, больше мне бежать некуда, я не знаю такого места, где бы можно было укрыться. Да. То, что ты прибыл сюда именно сейчас, не случайность. Это Предназначение. Судьба. Рок.

Ведьмак поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, это ясно. Ты убьешь ее.

— Я не наемный убийца, Стрегобор.

— Согласен, ты не убийца.

— За деньги я истребляю чудовищ. Бестий, угрожающих людям. Кошмариков и страховидл, созданных чарами и заклинаниями таких типов, как ты. Но не людей.

— Она не человек. Она — чудовище, мутантка, проклятый выродок. Ты привез кикимору. Сорокопутка хуже кикиморы. Кикимора убивает от голода, а Сорокопутка удовольствия ради. Убей ее, и я заплачу столько, сколько ты пожелаешь. В пределах разумного, конечно.

— Я уже сказал: истории о мутации и проклятии Лилиты я считаю вздором. У девушки есть причины рассчитаться с тобой, я в это вмешиваться не стану. Обратись к войту, к городской страже. Ты — городской волшебник, на твоей стороне здешний закон.

— Плевать мне на закон, на войта и на его помощь! — взорвался Стрегобор. — Не нужна мне защита, я хочу, чтобы ты ее убил! В эту башню не войдет никто, в ней я в полной безопасности. Но что мне с того, не могу же я сидеть в ней до конца дней своих! Сорокопутка не откажется от своего, пока жива, я знаю. Ну и что, прикажешь мне хиреть в этой башне и ждать, когда придет смерть?

— Девушки сидели... Знаешь что, колдун? Надо было предоставить охотиться на девочек другим чародеям, более могущественным, и предвидеть последствия.

— Я прошу тебя, Геральт.

— Нет, Стрегобор.

Чернокнижник молчал. Ненастоящее солнце на ненастоящем небе нисколько не сдвинулось к зениту, но ведьмак знал, что в Блавикене уже смеркается. Он почувствовал голод.

— Геральт, — сказал Стрегобор, — когда мы слушали Эльтибальда, у многих из нас возникали сомнения. Но мы решили выбрать меньшее зло. Теперь я прошу тебя о том же.

— Зло — это зло, Стрегобор, — серьезно сказал ведьмак, вставая. — Меньшее, большее, среднее — все едино, пропорции условны, а границы размыты. Я не святой отшельник, не только одно добро творил в жизни. Но если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще. Мне пора. Увидимся завтра.

— Возможно, — сказал колдун. — Если успеешь.

3

В «Золотом Дворе», лучшем постоялом дворе городка, былолюдно и шумно. Гости, местные и приезжие, были заняты в основном типичными для их национальности и профессии делами. Серьезные купцы спорили с краснолюдами относительно цен на товары и процентов кредита. Менее серьезные циппали за ягодицы девушек, разносивших пиво и капусту с горохом. Местные придурки прикидывались хорошо информированными. Девки всеми силами старались понравиться толстосумам, в то же время отталкивая безденежных. Возницы и рыбаки пили так, словно завтра с утра запретят выращивать хмель. Моряки распевали песни, восхваляющие морские волны, отвагу капитанов и прелести сирен, последнее — красочно и в деталях.

— Напряги память, Сотник, — сказал Кальдемейн трактирщику, перегибаясь через стойку так, чтобы его можно было услышать. — Шесть парней и девка, одетые в черные, украшенные серебром кожи по новиградской моде. Я видел их на заставе. Они остановились у тебя или «Под Альбакором».

Трактирщик наморщил выпуклый лоб, протирая кружку полосатым фартуком.

— Здесь они, войт, — сказал наконец он. — Говорят, приехали на ярмарку, а все при мечях, даже девка. Одеты, как ты сказал, в черное.

— Угу, — кивнул войт. — Где они сейчас? Что-то их не видно.

— В маленьком закутке. Золотом платили.

— Схожу один, — сказал Геральт. — Не надо превращать это в официальное посещение, во всяком случае, пока. Приведу ее сюда.

— Может, и верно. Но поосторожней. Мне тут драки ни к чему.

— Постараюсь.

Песня матросов, судя по возрастающей насыщенности ненормативными словами, приближалась к громкому финалу. Геральт приоткрыл жесткий и липкий от грязи полог, прикрывавший вход в эркер.

За столом сидело шестеро мужчин. Той, которую он ожидал увидеть, среди них не было.

— Ну чего?! — рявкнул тот, который заметил его первым, лысоватый, с лицом, изуродованным шрамом, проходящим через левую бровь, основание носа и правую щеку.

— Хочу увидаться с Сорокопуткой.

От стола поднялись две одинаковые фигуры с одинаково неподвижными лицами, светлыми всклокоченными волосами до плеч, в одинаковых облегающих одеждах из черной кожи, горячей серебряными украшениями. Одинаковыми движениями близнецы подняли со скамьи одинаковые мечи.

— Спокойно, Выр. Садись, Нимир, — сказал человек со шрамом, опершись локтями о стол. — С кем, говоришь, хочешь встретиться, братец? Кто такая — Сорокопутка?

— Ты прекрасно знаешь, о ком я.

— Что за тип? — спросил потный полуголый детина, крест-накрест перепоясанный ремнями и прикрытый на предплечьях шипастыми щитками. — Ты его знаешь, Ногорн?

— Нет, — сказал человек со шрамом.

— Альбинос какой-то, — хохотнул щуплый темноволосый мужчина, сидевший рядом с Ногорном. Тонкие черты лица, большие черные глаза и остроконечные уши выдавали в нем полукровку эльфа. — Альбинос, мутант, шутка природы. И надо же, впускают таких в шинки к порядочным людям.

— Я его где-то уже видел, — сказал плотный загорелый тип с волосами, заплетенными в косички, оценивая Геральта взглядом злых прищуренных глаз.

— Неважно, где ты его видел, Тавик, — сказал Ногорн. — Послушай, братец, Киврил только что тебя страшно обидел. Ты его не вызовешь? Такой скушный вечер.

— Нет, не вызову, — спокойно сказал ведьмак.

— А меня, если вылью на тебя эту рыбью похлебку, вызовешь? — захохотал голый по пояс.

— Спокойно, Десятка, — сказал Ногорн. — Раз он сказал нет, значит, нет. Пока. Ну, брат, говори, что хочешь сказать, и выматывайся. Имеешь возможность выйти сам. Если не воспользуешься, тебя вынесут половые.

— Тебе мне сказать нечего. Хочу увидеться с Сорокопуткой. С Ренфри.

— Слышали, парни? — Ногорн взглянул на дружков. — Он хочет видетсья с Ренфри. А зачем, братец, позволю узнать?

— Не позволю.

Ногорн поднял голову и глянул на близнецов, те тут же сделали шаг вперед, брэнча серебряными застешками высоких ботинок.

— Знаю, — вдруг сказал тот, с косой. — Вспомнил, где я его видел!

— Чего ты там бормочешь, Тавик?

— Перед домом войта. Он привез какого-то дракона на продажу, этакую помесь паука с крокодилом. Люди болтали, будто он ведьмак.

— Что такое ведьмак? — спросил голый, Десятка. — Э? Киврил?

— Наемный колдун, — сказал полуэльф. — Фокусник. Фокусы кажет за горсть сребреников. Я же сказал — шутка природы. Оскорбление человеческих и божеских законов. Таких надобно сжигать.

— Мы не очень обожаем колдунов, — прокрипел Тавик, не отрывая от Геральта взгляда прищуренных глаз. — Чтой-то мне сдается, Киврил, что в тутошней дыре у нас будет работы поболее, чем думалось. Их здесь не один, а ведомо, они держатся разом.

— Свояк свояка видит издалека, — зловеще усмехнулся полукровка. — И как только земля таких носит? Кто вас плодит, уродцев?

— Будь добр, повежливее, — спокойно сказал Геральт. — Твоя матушка, как вижу, достаточно часто бродила по лесу в одиночку, так что у тебя есть причина призадуматься над собственным происхождением.

— Возможно, — ответил полуэльф, не переставая усмехаться. — Но я, по крайней мере, знал свою мать. А вот ты, ведьмак, не можешь этим похвалиться.

Геральт чуточку побледнел и стиснул зубы. Ногорн, заметивший это, громко рассмеялся.

— Ну, братец, уж такого-то оскорбления ты не можешь спустить. Кажется, за спиной у тебя меч торчит? Ну так как? Выйдете с Киврилом во двор? Вечер — скуотища.

Ведьмак не ответил.

— Засранный трус, — фыркнул Тавик.

— Он вроде што-то говорил о матери Киврила? — спокойно продолжал Ногорн, опершись подбородком на сплетенные пальцы. — Што-то страшно оскорбительное, если я верно понял. Мол, распутничала или как-то так. Эй, Десятка, неужто ты сможешь слушать, как какой-то бродяга оскорбляет матушку твоего друга? Матушка, мать ее так, дело святое!

Десятка охотно поднялся, отстегнул меч, кинул на стол. Выпил грудь, поправил ошетилившиеся серебряными шипами щитки на предплечьях, сплюнул и сделал шаг вперед.

— Если ты сумлеваешься, — сказал Ногорн, — поясню: Десятка вызывает тебя на кулашный бой. Я сказал, што тебя отседова вынесут. Освободите-ка место.

Десятка приблизился, поднимая кулаки. Геральт положил руку на рукоять меча.

— Осторожнее, — сказал он. — Еще шаг — и тебе придется искать свою руку на полу.

Ногорн и Тавик вскочили, хватаясь за мечи. Молчаливые близнецы вытянули свои. Десятка попятился. Не пошевелился лишь Киврил.

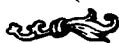
— Что здесь происходит, черт побери! Нельзя на минуту одних оставить?

Геральт очень медленно обернулся и встретился взглядом с глазами цвета морской волны.

Она была почти одного с ним роста. Соломенные волосы были подстрижены неровно, немного ниже ушей. Она стояла, опираясь одной рукой о дверь, в облегающем бархатном кафтанчике, перетянутом нарядным поясом. Юбка была неровной, асимметричной — с левой стороны доходила до лодыжки, а с правой приоткрывала крепкое бедро над голенищем высокого сапога из лосиной кожи. На левом боку висел меч, на правом — кинжал с большим рубином в оголовье.

— Онемели?

— Это ведьмак, — буркнул Ногорн.

— Ну и что?

— Он хотел говорить с тобой.

— Ну и что?

— Это колдун, — прогудел Десятка.

— Спокойно, парни, — сказала девушка. — Он хочет со мной говорить, это не преступление. Продолжайте свои дела. И без скандалов. Завтра торговый день. Думаю, вы не хотите, чтобы ваши фокусы испортили ярмарку — столь важное событие в жизни этого милого городка?

В наступившей тишине послышался тихий противный смешок. Смеялся Киврил, все еще небрежно развалившийся на лавке.

— Да ну тебя, Ренфри, — выдавил метис. — Важное... событие!

— Заткнись, Киврил! Немедленно.

Киврил перестал смеяться. Немедленно. Геральт не удивился. В голосе Ренфри прозвучало нечто очень странное. Нечто такое, что ассоциировалось с красным отблеском пожара на клинках, стонами убиваемых, ржанием коней и запахом крови. Видимо, у остальных тоже возникли подобные ассоциации, потому что бледность покрыла даже загорелую харю Тавика.

— Ну, белоголовый, — прервала тишину Ренфри. — Выйдем в большую залу, присоединимся к войту, с которым ты сюда пришел. Он, верно, тоже хочет со мной потолковать.

Кальдемейн, ожидавший у стойки, увидев их, прервал тихую беседу с трактирщиком, выпрямился, скрестил руки на груди.

— Послушайте, мазель, — твердо сказал он, не тратя времени на обмен ненужными учтивостями. — Я знаю от этого вот ведьмака из Ривии, что пришло вас в Блавикен. Похоже, вы в обиде на нашего колдуна.

— Возможно. Ну и что? — тихо спросила Ренфри, тоже не очень-то учтиво.

— А то, что на такие обиды есть городские или кастелянские суды. Кто у нас, на Лукоморье, собирается мстить за обиду железом, тот считается самым обыкновенным разбойником. А еще то, что либо завтра поутру вы вымететесь из Блавикена вместе со своей черной компашкой, либо я вас упрячу в яму, пре... как это называется, Геральт?

— Превентивно.

— Именно. Вы поняли, мазель?

Ренфри сунула руку в мешочек на поясе, достала сложенный в несколько раз пергамент.

— Прочтите, войт, если грамотный. И больше не называйте меня мазелью.

Кальдемейн взял пергамент, читал долго, потом молча подал Геральту.

— «Мои комесам, вассалам и свободным подданным, — прочитал ведьмак вслух. — Всех и каждого извещаю, поелику Ренфри, крейгенская княжна, пребывает на нашей службе и мила нам, то гнев наш падет на голову тому, кто ей чинить препятствия вознамерится. Аудоен, король...» Слово «препятствия» пишется через «е». Но печать, похоже, подлинная.

— Потому что подлинная и есть, — сказала Ренфри, вырывая у него пергамент. — Поставил ее Аудоен, ваш милостивый государь. Потому не советую чинить мне препятствия. Независимо от того, как это пишется, последствия для вас могут быть печальными. Не удастся вам, уважаемый войт, упрятать меня в яму. И не называйте меня мазелью. Я не нарушила ни одного закона. Пока что.

— Если нарушишь хоть на пядь, — Кальдемейн выглядел так, словно собирался сплюнуть, — брошу в яму разом с твоим пергаментом. Клянусь всеми богами, мазель. Пошли, Геральт.

— А с тобой, ведьмак, — Ренфри коснулась руки Геральта, — еще пару слов.

— Не опоздай на ужин, — бросил войт через плечо. — Иначе Либуше обозлится.

— Не опоздаю.

Геральт оперся о стойку. Поигрывая медальоном с волчьей мордой, висящим на шее, он смотрел в зелено-голубые глаза девушки.

— Я слышала о тебе, — сказала она. — Ты — Геральт из Ривии, белоголовый ведьмак. Стрегобор — твой друг?

— Нет.

— Это упрощает дело.

— Не думаю. Я не намерен оставаться в стороне.

Ренфри прищурилась.

— Стрегобор завтра умрет, — проговорила она тихо, отбрасывая со лба прядку неровно подстриженных волос. — Зло было бы меньше, если б умер только он.

— Если, а вернее, прежде чем Стрегобор умрет, умрут еще несколько человек. Другой возможности я не вижу.

— Скромно сказано — несколько.

— Чтоб меня напугать, требуется нечто большее, чем слова, Сорокопутка.

— Не называй меня Сорокопуткой, не люблю. Дело в том, что я вижу другие возможности. Стоило бы их обсудить, но, что делать, Либуше ждет. Она хоть ничего, эта Либуше?

— Это все, что ты имела мне сказать?

— Нет. Но теперь иди. Либуше ждет.

4

В его каморке на мансарде кто-то был. Геральт знал об этом еще прежде, чем подошел к двери, и понял по едва ощутимой вибрации медальона. Он задул каганец, которым освещал себе ступени, вынул кинжал из-за гленища, сунул его сзади за пояс. Нажал ручку. В комнатке было темно. Не для ведьмака.

Он, умышленно не торопясь, как бы сонно, переступил порог, прикрыл за собой дверь. В следующий момент, сильно оттолкнувшись, прыгнул ласточкой, навалился на человека, сидевшего на его лежанке, прижал того к постели, левое предплечье сунул ему под подбородок, потянулся за кинжалом. Но не вынул. Что-то было не так.

— Недурно для начала, — глухо проговорила Ренфри, неподвижно лежа под ним. — Я рассчитывала на это, но не думала, что мы так скоро окажемся в постели. Убери руку с моего горла, будь любезен.

— Это ты?

— Это я. Слушай, есть два выхода. Первый: ты слезешь с меня, и мы побеседуем. Второй — все остается как есть, но хотелось бы все же скинуть сапоги. Как минимум.

Ведьмак выбрал первый выход. Девушка вздохнула, встала, поправила волосы и юбку.

— Зажги свечи. В темноте я вижу не как ты, а видеть собеседника люблю.

Она подошла к столу, высокая, худощавая, гибкая, села, вытянув ноги в сапогах. Оружия вроде бы у нее не было.

— Выпить есть?

— Нет.

— В таком случае хорошо, что я прихватила, — засмеялась она, ставя на стол дорожный бурдючок и два кожаных кубка.

— Почти полночь, — холодно сказал Геральт. — Может, перейдем к делу?

— Минутку. Пей. Твое здоровье, Геральт.

— Взаимно, Сорокопутка!

— Меня зовут Ренфри, черт побери, — подняла она голову. — Разрешаю упускать княжий титул, но перестань именовать меня Сорокопуткой.

— Тише, разбудишь весь дом. Могу я наконец узнать, чего ради ты влезла сюда через окно?

— Какой догадливый! Я хочу спасти Блавилен от резни. Чтобы обсудить это с тобой, я лазила по крышам, словно мартовский кот. Цени.

— Ценю. Только вот не знаю, какой смысл в таком разговоре. Положение ясное. Стрегобор сидит в колдовской башне, чтобы его достать, тебе придется организовать осаду. Если ты это сделаешь, тебе не поможет твой королевский папирус. Если ты в открытую нарушишь закон, Аудоем не станет тебя защищать. Войт, стража, весь Блавилен выступят против тебя.

— Если выступит весь Блавилен, то жутко пожалеет. — Ренфри усмехнулась, показав хищные белые зубки. — Ты разгладил моих мальчиков? Ручаюсь, они свое дело знают. Представляешь себе, что произойдет, если начнется драка между ними и теми телками из стражи, которые то и дело спотыкаются о собственные алебарды?

— А ты, Ренфри, воображаешь, что я буду стоять в стороне и спокойно взирать на такую драку? Видишь, я живу у войта? При надобности буду рядом с ним.

— Не сомневаюсь, — посерьезнела Ренфри. — Только, скорее всего, один ты, потому что остальные попрячутся по подвалам. Нет на свете бойца, который управился бы с моей вооруженной мечами семеркой. Это не под силу ни одному человеку. Но, белоголовый, давай не будем пугать друг друга. Я сказала — резни и потоков крови можно избежать. Конкретно: есть два человека, которым это под силу.

— Я — само внимание.

— Один — Стрегобор. Лично. Он добровольно выйдет из своей башни, я отведу его куда-нибудь на пустырь, а Блавикен снова погрузится в благодатную апатию и вскоре забудет обо всем.

— Стрегобор, возможно, и похож на спятившего, но не до такой же степени.

— Как знать, ведьмак, как знать. Есть доводы, которые невозможно отвергнуть, и предложения, которые нельзя отбросить. К таким, например, относится тридамский ультиматум. Я предъявляю колдуну тридамский ультиматум.

— В чем его суть?

— Это маленькая и сладкая тайна.

— Пусть так. Только сомневаюсь в ее эффективности. У Стрегобора, стоит ему заговорить о тебе, начинают зубы стучать. Ультиматум, который заставил бы его добровольно отдаться в твои прелестные ручки, должен и вправду быть каким-то особым. Давай-ка перейдем сразу ко второй особе, которая может предотвратить резню в Блавикене. Попытаюсь угадать, кто это.

— Ну-ну. Интересно, насколько ты проницателен, белоголовый.

— Это ты, Ренфри. Ты сама. Ты проявишь воистину княжеское, да что я — королевское великодушие и откажешься от мести. Я угадал?

Ренфри откинула голову и громко рассмеялась, успев прикрыть рот рукой. Потом посерьезнела и уставилась на ведьмака горящими глазами.

— Геральд, я была княжной, но в Крейдене. У меня было все, о чем только можно мечтать, даже просить не было нужды. Слути по первому зову, платья, туфельки. Трусики из батиста. Драгоценности и бижутерия, буланый пони, золотые рыбки в бассейне. Куклы и дом для них повместительнее твоей здешней

лачуги. И так было до того дня, пока твой Стрегобор и эта шлоха, Аридея, не приказали егерю отвести меня в лес, зарезать и подать им мои сердце и печень. Прелестно, не правда ли?

— Скорее откровенно. Я рад, что ты тогда разделалась с егерем, Ренфри.

— Разделалась?!! Как же! Он смиловился и отпустил меня. Но сначала изнасиловал, сукин сын, отобрал серьги и золотую диадемку.

Геральт глянул ей в лицо, поигрывая медальоном. Она не отвела глаз.

— На том и кончилась княжна. Платице разорвалось, батистовые трусики навсегда потеряли белизну. А потом были грязь, голод, вонь, палки и пинки. Я отдавалась первому встречному за миску похлебки и крышу над головой. Знаешь, какие у меня были волосы? Как шелк и спадали на добрый локоть ниже икр. Когда я завшивела, мне обрезали косы ножницами для стрижки овец под самый корень. Больше они так и не отросли по-настоящему.

Она ненадолго замолчала, отбросила со лба неровную прядку.

— Я воровала, чтобы не подохнуть с голоду. Убивала, чтобы не убили меня. Сидела в ямах, провонявших мочой, не зная, повесят меня утром или только выпорют и выгонят. И все это время моя мачеха и твой колдун преследовали меня, нанимали убийц, пытались отравить. Насылали порчу. Проявить великодушие? Простить им по-королевски? Я ему по-королевски башку оторву, а может, сначала вырву обе ноги, там видно будет.

— Аридея и Стрегобор пытались тебя отравить?

— Именно что. Яблоком, заправленным вытяжкой из кра-савки. Меня спас один гном. Он дал мне рвотный камень, от которого, я думала, меня вывернет наизнанку, как чулок. Но — выжила.

— Один из семи гномов?

Ренфри, которая в этот момент как раз наполняла кубок, держа над ним бурдючок, замерла.

— Ого. Ты много обо мне знаешь. А что? Что ты имеешь против гномов? Или других гуманоидов? Если быть точной, они относились ко мне лучше, чем большинство людей. Но тебе до этого нет дела. Я сказала, Стрегобор и Аридея, пока могли,

преследовали меня как дикого зверя. Потом уже не могли, я сама стала охотником. Аридея откинула копыта в собственной постели. Для нее я составила особую программу. А теперь — для колдуна. Геральт, как ты считаешь, он заслуживает смерти? Ну скажи.

— Я не судья. Я — ведьмак.

— Именно что. Я сказала, есть два человека, которые могут предотвратить резню в Блавикене. Второй — ты. Тебя колдун пустит в башню, и ты его убьешь.

— Ренфри, — спокойно сказал Геральт, — по пути ко мне ты, случайно, не свалилась с крыши головой вниз?

— В конце концов, ведьмак ты или нет, черт побери! Говорят, ты убил кикимору, привез ее на ослике для оценки. Стрегобор хуже кикиморы, она — бездумная скотина и убивает, потому как такой ее боги сотворили. Стрегобор — изверг, маньяк, чудовище. Привези его мне на ослике, и я не пожалею золота.

— Я не наемный убийца, Сорокопутка.

— Верно, — улыбнулась она и откинулась на спинку стула, положив ноги на стол и даже не пытаясь прикрыть юбкой бедра. — Ты — ведьмак, спаситель людей, которых защищаешь от Зла. А в данном случае Зло — это железо и огонь, которые разгуляются здесь, когда мы встанем друг против друга. Тебе не кажется, что я предлагаю Меньшее Зло — самое лучшее решение? Даже для этого сукина сына Стрегобора. Можешь убить его милосердно, одним движением, случайно. Он умрет, не зная, что умирает. А я ему этого не гарантирую. Совсем наоборот.

Геральт молчал. Ренфри потянулась, подняв руки над головой.

— Понимаю твои сомнения, — сказала она. — Но ответ я должна получить немедленно.

— Знаешь, почему Стрегобор и княгиня хотели тебя убить тогда, в Крейдене, и после?

Ренфри резко выпрямилась, сняла ноги со стола.

— Думаю, это ясно, — взорвалась она. — Хотели отделаться от первородной дочери Фредефалька, потому что я была наследницей трона. Дети Аридеи родились в результате морганатической связи, и у них не было никаких прав на...

— Я не о том, Ренфри.

Девушка опустила голову, но только на мгновение. Глаза у нее разгорелись.

— Ну хорошо. Якобы я проклята. Испорчена еще в лоне матери. Я...

— Договаривай.

— Я — чудовище.

— А разве нет?

Какое-то мгновение Ренфри казалась беззащитной и надломленной. И очень грустной.

— Не знаю, Геральт, — шепнула она, потом черты ее лица снова ожесточились. — Да и откуда мне, черт побери, знать? Если я уколою себе палец, идет кровь. Ежемесячно тоже... ну сам понимаешь. Переем — болит живот, а перепью — голова. Если мне весело — я пою, если грустно — ругаюсь. Если кого-то ненавижу — убиваю, а если... А, дьявольщина, довольно. Твой ответ, ведьмак.

— Мой ответ таков: нет.

— Ты помнишь, о чем я говорила? — спросила она после недолгого молчания. — Есть предложения, которые нельзя отвергнуть, последствия бывают страшными. Я тебя серьезно предостерегаю, мое предложение относится именно к таким. Подумай как следует.

— Я подумал как следует. И отнесись ко мне серьезно, потому что я тоже предостерегаю тебя серьезно.

Ренфри какое-то время молчала, играя шнуром жемчуга, трижды обернутым вокруг красивой шеи и кокетливо прячущимся в углублении между двумя изящными полушариями, выглядывающими в разрезе блузки.

— Геральт, Стрегобор просил тебя убить меня?

— Да. Он полагал, что это будет Меньшее Зло.

— И ты отказал ему так же, как и мне?

— Так же.

— Почему?

— Потому что я не верю в Меньшее Зло.

Ренфри слабо улыbnулась, затем губы у нее искривились в гримасе, очень некрасивой при желтом свете свечи.

— Стало быть, не веришь. Видишь ли, ты прав, но только отчасти. Существуют просто Зло и Большое Зло, а за ними

обоими в тени прячется Очень Большое Зло. Очень Большое Зло, Геральт, это такое, которого ты и представить себе не можешь, даже если думаешь, будто уже ничто не в состоянии тебя удивить. И знаешь, Геральт, порой бывает так, что Очень Большое Зло схватит тебя за горло и скажет: «Выбирай, братец, либо я, либо то, которое чуточку поменьше».

— Можно узнать, куда ты клонишь?

— А никуда. Выпила немного, вот и философствую, ищу общие истины. Одну как раз нашла: Меньшее Зло существует, но мы не в состоянии выбирать его сами. Лишь Очень Большое Зло может принудить нас к такому выбору. Хотим мы того или нет.

— Я явно выпил слишком мало, — ехидно усмехнулся ведьмак. — А полночь меж тем уже миновала, как и всякая полночь. Перейдем к конкретным вопросам. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене, я тебе не дам. Не позволю, чтобы дело дошло до бойни и резни. Вторично предлагаю: откажись от мести. Откажись от намерения убить его. Таким образом ты докажешь ему, и не только ему, что ты не кровожадное, нечеловеческое чудовище, мутант и выродок. Докажешь, что он ошибается. Что причинил тебе Очень Большое Зло своей ошибкой.

Ренфри некоторое время смотрела на медальон ведьмака, вертящийся на цепочке, которую тот крутил пальцами.

— А если я скажу, ведьмак, что не умею прощать или отказываться от мести, то это будет равносильно признанию, что он и не только он прав? Верно? Тем самым я докажу, что я все-таки чудовище, нелюдь, демон, проклятый богами? Послушай, ведьмак. В самом начале моих скитаний меня приютил один свободный кмет. Я ему понравилась. Однако поскольку мне он вовсе не нравился, а совсем даже наоборот, то всякий раз, когда он хотел меня взять, он дубасил меня так, что утром я едва сползала с лежанки. Однажды я встала затемно и перерезала сердобольному кмету горло. Тогда я еще не была такой сноровистой, как теперь, и нож показался мне слишком маленьким. И, понимаешь, Геральт, слушая, как кмет булькает, и видя, как он дрыгает ногами, я почувствовала, что следы от его палки и кулаков уже не болят и что мне хорошо, так хорошо,

что... Я ушла, весело посвистывая, здоровая, радостная и счастливая. И потом каждый раз повторялось то же самое. Если бы было иначе, кто стал бы тратить время на мечь?

— Ренфри, — сказал Геральт. — Независимо от твоих мотивов и соображений ты не уйдешь отсюда посвистывая и не будешь чувствовать себя так хорошо, что... Уйдешь не веселой и счастливой, но уйдешь живой. Завтра утром, как приказал войт. Я уже тебе это говорил, но повторяю. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикине.

Глаза Ренфри блеснули при свете свечи, горели жемчужины в вырезе блузки, искрился Геральтов медальон с волчьей пастью, крутятся на серебряной цепочке.

— Мне жаль тебя, — неожиданно проговорила девушка, не спуская глаз с мигающего кружочка серебра. — Ты утверждаешь, что не существует Меньшего Зла. Так вот — ты останешься на площади, на брусчатке, залитой кровью, один-одинешенек, потому что не сумел сделать выбор. Не умел, но сделал. Ты никогда не будешь знать, никогда не будешь уверен. Никогда, слышишь... А платой тебе будет камень и злое слово. Мне жаль тебя, ведьмак.

— А ты? — спросил ведьмак тихо, почти шепотом.

— Я тоже не умею делать выбор.

— Кто ты?

— Я то, что я есть.

— Где ты?

— Мне холодно...

— Ренфри! — Геральт сжал медальон в руке.

Она подняла голову, словно очнувшись ото сна, несколько раз удивленно моргнула. Мгновение, краткий миг казалась испуганной.

— Ты выиграл, — вдруг резко бросила она. — Выиграл, ведьмак. Завтра рано утром я уеду из Блавикина и никогда не вернусь в этот задрипантый городишко. Никогда. Налевай, если там еще что-нибудь осталось.

Обычная насмешливая, лукавая улыбка опять заиграла у нее на губах, когда она отставила кубок.

— Геральт?

— Да?

— Эта чертова крыша очень крутая. Я бы лучше вышла от тебя на рассвете. В темноте можно упасть и покалечиться. Я княжна, у меня нежное тело, я чувствую горошину сквозь тюфяк. Если, конечно, он как следует не набит сеном. Ну, как ты думаешь?

— Ренфри, — Геральт невольно улыбнулся, — то, что ты говоришь, подобает княжне?

— Что ты, ядрена вошь, понимаешь в княжнах? Я была княжной и знаю: вся прелесть жизни в том и состоит, чтобы делать то, что захочется. Я что, должна тебе прямо сказать, чего хочу, или сам догадаешься?

Геральт, продолжая улыбаться, не ответил.

— Я даже подумать не смею, что не нравлюсь тебе, — поморщилась девушка. — Уж лучше считать, что ты просто боишься, как бы тебя не постигла судьба свободного кмета. Эх, белоголовый! У меня при себе нет ничего острого. Впрочем, проверь сам.

Она положила ему ноги на колени.

— Стяни с меня сапоги. Голенища — лучшее место для кинжала.

Босая, она встала, дернула пряжку ремня.

— Тут тоже ничего не прячу. И здесь, как видишь. Да задуй ты свою треклятую свечу.

Снаружи в темноте орал кот.

— Ренфри?

— Что?

— Это батист?

— Конечно, черт побери. Княжна я или нет? В конце-то концов?

5

— Папа, — монотонно тянула Марилька, — когда мы пойдем на ярмарку? На ярмарку, папа!

— Тихо ты, Марилька, — буркнул Кальдемейн, вытирая тарелку хлебом. — Так что говоришь, Геральт? Она выматывается из городка?

— Да.

— Ну не думал, что так гладко пойдет. С этим своим пергаментом да с печатью Аудоена она приперла меня к стенке. Я прикидывался героем, но, по правде говоря, хрен что мог им сделать.

— Даже если б они в открытую нарушили закон? Устроили шум, драку?

— Понимаешь, Геральт, Аудоен страшно раздражительный король, посылает на эшафот за любую мелочь. У меня жена, дочка, мне нравится моя должность. Не приходится думать, где утром достать жиру для каши. Одним словом, хорошо, что они уезжают. А как это, собственно, получилось?

— Папа, хочу на ярмарку.

— Либуше! Забери ты Марильку! Да, Геральт, не думал я. Расспрашивал Сотника, трактирщика из «Золотого Двора», о новиградской компании. Та еще шайка. Некоторых узнали.

— Да?

— Тот, со шрамом на морде, Ногорн, бывший приближенный Абергарда из так называемой ангренской вольницы. Слышал о такой вольнице? Ясно, кто не слышал. Тот, которого кличут Десяткой, тоже там был. И даже если не был, думаю, его прозвище пошло не от десяти добрых дел. Чернявый полуэльф Киврил — разбойник и профессиональный убийца. Вроде имеет какое-то отношение к резне в Тридаме.

— Где-где?

— В Тридаме. Не слышал? Об этом много было шуму. Три... Ну да, три года назад, потому как Марильке тогда было два годка. Барон из Тридама держал в яме каких-то разбойников. Их дружки, среди них, кажется, и полукровка Киврил, захватили паром на реке, полный пилигримов, а дело было во время Праздника Нис. Послали барону требование: мол, освободи всех. Барон, дело ясное, отказал, и тогда они принялись убивать паломников по очереди, одного за другим. Пока барон не смягчился и не выпустил их дружков из ямы, они спустили по течению больше десятка. Барону за это грозило изгнание, а то и топор: одни занимали на него зуб за то, что он уступил, только когда прикончили столько, другие подняли шум, что-де

очень скверно поступил, что, мол, это был прен... прецедент, или как его там, что, дескать, надо было перестрелять всех там из арбалетов вместе с заложниками или штурмом взять на лодках, не уступать ни на палец. Барон на суде толковал, что выбрал Меньшее Зло, потому как на пароме было больше четверти сотни людей, бабы, ребяшня...

— Тридамский ультиматум, — прошептал ведьмак. — Ренфри...

— Что?

— Кальдемейн, ярмарка.

— Ну и что?

— Не понимаешь? Она меня обманула. Никуда они не выедут. Заставят Стрегобора выйти из башни, как заставили барона из Тридама. Или вынудят меня... Не понимаешь? Начнут мордовать людей на ярмарке. Ваш рынок посреди этих стен — настоящая ловушка!

— О боги, Геральт! Сядь! Куда ты, Геральт?

Марилька, напуганная криком, разревелась, втиснувшись в угол кухни.

— Я ж тебе говорила, — крикнула Либуше, указывая на Геральта. — От него одна беда!

— Тихо, баба! Геральт! Сядь!

— Надо их остановить. Немедленно, пока люди не хлынули на рынок. Собирай стражников. Когда будут выходить с постоянного двора, за шею их и в яму!

— Геральт, подумай. Так нельзя, мы не можем их тронуть, если они ничего не сделали. Станут сопротивляться, прольется кровь. Это профессионалы, они вырежут мне весь народ. Если слух дойдет до Аудоена, полетит моя голова. Ладно, соберу стражу, пойду на рынок, буду следить за ними...

— Это ничего не даст, Кальдемейн. Когда толпа повалит на площадь, ты уже ничем не успокоишь народ, не остановишь панику и резню. Их надо обезвредить сейчас, пока рынок пуст.

— Это будет незаконие. Я не могу допустить. Что до полуэльфа и Тридама — это может быть сплетня. Вдруг ты ошибаешься, и что тогда? Аудоен из меня ремни нарежет!

— Надо выбрать Меньшее Зло!

— Геральт! Я запрещаю! Как войт, запрещаю! Положи меч! Стой!

Марилька кричала, прикрыв мордашку ручонками.

6

Киврил, заслонив глаза ладонью, посмотрел на солнце, выползающее из-за деревьев. На рынке начиналось оживление, погромыкивали тележки и возы, первые перекупщики уже заполняли палатки товаром. Стучал молоток, пел петух, громко кричали чайки.

— Намечается чудесный денек, — молвил Десятка задумчиво. Киврил косо глянул на него, но смолчал.

— Как кони, Тавик? — спросил Ногорн, натягивая рукавицы.

— Готовы, оседланы. Киврил, их все еще мало на рынке.

— Будет больше.

— Надо бы чего пожрать.

— Потом.

— Как же! Будет у тебя потом время. И желание.

— Гляньте, — неожиданно сказал Десятка.

Со стороны главной улочки приближался ведьмак, обходил прилавки, направляясь прямо к ним.

— Ага, — сказал Киврил. — Ренфри была права. Дай-ка самострел, Ногорн.

Он сгорбился, натянул тетиву, придерживая ногой стремячко. Тщательно уложил стрелу в канавку. Ведьмак шел. Киврил поднял арбалет.

— Ни шага дальше, ведьмак!

Геральт остановился. От группы его отделяло около сорока шагов.

— Где Ренфри?

Полукровка скривил свою красивую физиономию.

— У башни. Делает чародею некое предложение. Она знала, что ты придешь. Велено передать тебе две вещи.

— Говори.

— Первое — послание, которое звучит так: «Я есть то, что я есть. Выбирай. Либо я, либо то, другое, меньшее». Вроде бы ты знаешь, в чем дело.

Ведьмак кивнул, потом поднял руку, ухватил рукоять меча, торчащую над правым плечом. Блеснул клинок, описав круг над его головой. Он медленно направился в сторону группы.

Киврил мерзко, зловеще рассмеялся.

— Ну-ну! Она и это предвидела, ведьмак. А посему сейчас ты получишь то второе, что она велела тебе передать. Прямо меж глаз.

Ведьмак шел. Полуэльф поднес самострел к лицу. Стало очень тихо.

Звякнула тетива. Ведьмак махнул мечом, послышался протяжный звон металла по металлу, стрела, крутясь, взмыла вверх, сухо ударилась о крышу, загромычала в сточной трубе. Ведьмак шел.

— Отбил... — охнул Десятка. — Отбил в полете...

— Ко мне, — скомандовал Киврил. Лязгнули мечи, вырывающиеся из ножен, группа сомкнула плечи, оцетинились остриями.

Ведьмак ускорил шаг, его движения, удивительно плавные и мягкие, перешли в бег — не прямо, на оцетинившуюся мечами группу, а вбок, обходя ее по сужающейся спирали.

Тавик не выдержал первым, двинулся навстречу, сокращая расстояние. За ним рванулись близнецы.

— Не расходиться! — рявкнул Киврил, вертя головой и потеряв ведьмака из виду. Выругался, отскочил в сторону, видя, что группа распадается, кружится между прилавками в сумасшедшем хороводе.

Тавик был первым. Еще мгновение назад он гнался за ведьмаком, теперь вдруг увидел, что тот мелькнул у него слева, направляясь в противоположную сторону. Он засеменил ногами, чтобы остановиться, но ведьмак пролетел рядом прежде, чем он успел поднять меч. Тавик почувствовал сильный удар выше бедра. Развернулся и начал падать. Уже оказавшись на коленях, с удивлением взглянул на свое бедро и принялся кричать.

Близнецы одновременно, атакуя мчащуюся на них черную расплывчатую фигуру, налетели один на другого, ударились

плечами, на мгновение потеряв ритм. Этого оказалось достаточно. Выр, которого Геральт рубанул по всей ширине груди, согнулся пополам, опустил голову, сделал еще несколько шагов и рухнул на прилавок с овощами. Нимир получил в висок, закружился на месте и, обессилев, тяжело свалился в канаву.

На рынке закипело от бегущих перекупщиков, загрохотали переворачиваемые прилавки, поднялись пыль и крик. Тавик еще раз попробовал приподняться на дрожащих руках и упал.

— Десятка, слева! — рявкнул Ногорн, мчась полукругом, чтобы обойти ведьмака сзади.

Десятка быстро обернулся. Недостаточно быстро. Получил раз по животу, выдержал, размахнулся для удара, тут же получил снова — в шею под самым ухом. Напрягшись, сделал четыре неуверенных шага и свалился на тележку, полную рыбы. Тележка покатилась. Десятка соскользнул на брусчатку, серебрищуюся чешуей.

Киврил и Ногорн ударили одновременно с двух сторон, эльф с размаху сверху, Ногорн с присесту, низко, плоско. Оба удара ведьмак парировал, два металлических удара слились в один. Киврил отскочил, споткнулся, удержался на ногах, схватившись за деревянные столбики ларька. Ногорн бросился и заслонил его поднятым вверх мечом. Удар был настолько сильный, что его отшвырнуло назад, пришлось подогнуть колени. Вскakiвая, он заслонился рукой. Поздно. Получил удар в лицо симметрично старому шраму.

Киврил, оттолкнувшись спиной от ларька, перескочил через падающего Ногорна, налетел с полуоборота, ударил обеими руками, не попал, моментально отскочил. Удара он не почувствовал. Ноги под ним подкосились, когда, защищаясь, он попытался перейти с финтом к очередному выпаду. Меч выпал у него из руки, рассеченной с внутренней стороны, выше локтя. Он упал на колени, затряс головой да так и замер в красной луже, среди раскиданной капусты, баранок и рыбы.

На рынок вступила Ренфри.

Она шла мягким, кошачьим шагом, обходя возки и прилавки. Толпа, словно рой шершней, гудевшая в улочках и у стен домов, утихла. Геральт стоял неподвижно, держа меч в опущенной руке. Девушка подошла на десять шагов, остановилась.

Стало видно, что под кафтанчиком у нее кольчуга, короткая, едва прикрывающая бедра.

— Ты выбрал, — сказала она. — Ты уверен, что правильно?

— Здесь не будет второго Тридама, — с трудом сказал Геральт.

— И не было бы. Стрегобор высмеял меня. Сказал, что я могу перебить весь Блавикен и добавить несколько ближайших деревушек, но он все равно из башни не выйдет. Что так смотришь? Да, я обманула тебя. Я всю жизнь обманывала, если это было необходимо, чего же ради делать исключение для тебя?

— Уйди, Ренфри.

— Нет, Геральт, — рассмеялась она и быстрохватила меч.

— Ренфри.

— Нет, Геральт. Ты свой выбор сделал, теперь моя очередь.

Одним рывком она сдернула юбку с бедер, закружила ею в воздухе, обматывая материал вокруг левого предплечья. Геральт отступил, поднял руку, сложив пальцы в Знак. Ренфри снова засмеялась, коротко, хрипло.

— Пустое, белоголовый. Это меня не берет. Только меч.

— Отойди, Ренфри, — повторил он. — Отойди. Если мы скрестим мечи, я... Я уже не смогу...

— Знаю, — сказала она. — Но я... Я тоже не могу иначе. Просто не могу. Мы есть то, что мы есть. Ты и я.

Она двинулась на него легким, раскачивающимся шагом. В правой руке, выпрямленной и отведенной в сторону, поблескивал меч, левой она волокла юбку по земле. Геральт отступил на два шага.

Она прыгнула, махнула левой рукой, юбка взлетела в воздух, вслед за нею, заслоненный материалом, блеснул меч. Короткий удар. Геральт отскочил, ткань его даже не задела, а клинок Ренфри скользнул по его мечу, он машинально защитился серединой клинка, связал оба меча коротким вращением, пытаясь выбить у нее оружие. Это была ошибка. Она отбила его острие и сразу на полусогнутых, раскачивая бедрами, ударила, целясь в лицо. Геральт едва успел парировать удар,

отскочил от падающей на него ткани. Закружился, избегая мелькающего в молниеносных ударах меча, снова отскочил. Она налетела на него, бросила юбку прямо в глаза, ударила вблизи с полуоборота. Он уклонился, увернувшись совсем рядом с ней. Она знала эти приемы. Развернулась одновременно с ним и, почти коснувшись его, так что он почувствовал ее дыхание, проехала ему лезвием по груди. Боль резанула его, но он не сбил темпа. Развернулся еще раз, в противоположную сторону, отразил клинок, летящий к его виску, сделал быстрый финт и выпад. Ренфри отскочила, наклонилась для удара снизу. Геральт, присев в выпаде, молниеносно рубанул ее снизу, самым концом меча, через открытое бедро и пах.

Она не крикнула. Упала на колено и на бок, отпустила меч, впилась обеими руками в рассеченное бедро. Кровь толчками запульсировала между пальцами, ручейком стекая на изукрашенный пояс, на лосяные сапоги, на грязную брусчатку. Толпа, втиснутая в улочки, зашевелилась и заорала.

Геральт спрятал меч.

— Не уходи, — простонала она, свертываясь в клубок.

Он не ответил.

— Мне... холодно...

Он не ответил. Ренфри снова застонала. Кровь юркими струйками заполняла ямки между камнями брусчатки.

— Геральт... обними меня.

Он не ответил.

Она отвернулась и замерла, прижавшись щекой к камням. Кинжал с очень острым лезвием, который она до того скрывала своим телом, выскользнул из ее мертвеющих пальцев.

Прошла минута, показавшаяся вечностью. Ведьмак поднял голову при звуке стучавшего по брусчатке посоха Стрегобора. Волшебник быстро приближался, обходя трупы стороной.

— Ну бойня! — засопел он. — Видел, Геральт, все видел в кристале...

Он подошел ближе, наклонился. В ниспадающей к земле черной одежде, опирающийся о посох, он казался старым, очень старым.

— Невероятно, — покачал он головой. — Сорокопутка мертвая. Совершенно.

Геральт не ответил.

— Ну, Геральт, — выпрямился волшебник, — иди за повозкой. Возьмем ее в башню. Надо сделать вскрытие.

Он глянул на ведьмака и, не дождавшись ответа, наклонился над телом.

Кто-то, незнакомый ведьмаку, сидящий внутри него, стиснул рукоять меча, быстро выхватил его из ножен. «Только коснись ее, колдун, — сказал тот, кого ведьмак не знал. — Только коснись ее, и твоя голова окажется на брусчатке».

— Ты что, Геральт, спятил? Да ты ранен, в шоке! Вскрытие — единственный способ узнать...

— Не прикасайся к ней!

Стрегобор, видя занесенный над ним меч, отскочил, взмахнул посохом.

— Хорошо! — крикнул он. — Как хочешь! Но ты так никогда и не узнаешь! Никогда не будешь уверен! Никогда, слышишь, ведьмак!

— Прочь!

— Как хочешь. — Маг повернулся, ударил посохом в брусчатку. — Я возвращаюсь в Ковир, ни на мгновение не задержусь в этой дыре. Пошли со мной. Не оставайся здесь. Эти люди ничего не знают, не понимают, они видели только, как ты убиваешь. А ты убиваешь отвратительно, Геральт. Ну, пошли?

Геральт не ответил, даже не взглянул на него. Убрал меч. Стрегобор пожал плечами и быстро отошел, ритмично постукивая палкой.

Из толпы полетел камень, ударился о брусчатку. За ним просвистел второй, у самого плеча Геральта. Ведьмак, выпрямившись, поднял обе руки, проделал ими быстрое движение. Толпа зашумела, камни посыпались гуще, но Знак отбрасывал их в сторону — они пролетали мимо цели, оберегаемой невидимым, обтекаемым панцирем.

— Достаточно!!! — рявкнул Кальдемейн. — Кончайте, мать вашу...

Толпа загудела, как волна прибоя, но камни перестали летать. Ведьмак стоял неподвижно.

Войт подошел к нему.

— Это, — сказал он, широким жестом указывая на валяющиеся на площади неподвижные тела, — все? Так оно выглядит — Меньшее Зло, которое ты выбрал? Ты сделал уже все, что считал нужным?

— Да, — с трудом, не сразу ответил Геральт.

— Твоя рана серьезна?

— Нет.

— В таком случае уходи отсюда.

— Да, — сказал ведьмак. Он еще минуту постоял, избегая взгляда войта. Потом медленно, очень медленно повернулся.

— Геральт!

Ведьмак оглянулся.

— Не возвращайся сюда никогда, — сказал Кальдемейн. — Никогда.

ГЛАС РАССУДКА IV

оговорим, Иоля.

Мне необходим этот разговор. Говорят, молчание — золото. Возможно. Не знаю. Во всяком случае, своя цена у него есть.

Тебе легче, да, не отрицаю. Ведь ты добровольно избрала молчание, ты сделала из него жертву своей богине. Я не верю в Мелитэле, не верю в существование других богов, но ценю твой выбор, твою жертву, ценю и уважаю то, во что ты веришь. Ибо твоя вера и посвящение, цена молчания, которую ты платишь, сделают тебя лучше, достойнее. По крайней мере, могут сделать. А мое неверие не может ничего. Оно бессильно.

Ты спрашиваешь: во что я, в таком случае, верю?

В меч.

Видишь, у меня их два. У каждого ведьмака по два меча. Недоброжелатели болтают, будто серебряный — против чудовищ, а стальной — против людей. Это, конечно, неправда. Есть чудовища, которых можно сразить только серебряным клинком, но встречаются и такие, для которых смертельно железо. Нет, Иоля, не любое железо, а только то, которое содержится в метеоритах. Что такое метеориты? Ты, я думаю, не раз видела падающую звезду. Падающая звезда — короткая светящаяся полоска на ночном небе. Видя ее, ты, наверно, загадывала какое-нибудь желание, может, для тебя это был очередной

повод поверить в богов. Для меня метеорит всего лишь кусочек металла, который, падая, зарывается в землю. Металла, из которого можно выковать меч.

Можешь, ну конечно, можешь взять мой меч в руку. Видишь, какой он легкий? Даже ты его поднимешь без труда. Нет! Не прикасайся к острию, поранишься. Оно острее бритвы. Таким должно быть.

О да, я тренируюсь часто. Каждую свободную минуту. Мне нельзя терять навык. Сюда, в самый дальний уголок храмового парка, я тоже пришел, чтобы размяться, изгнать из мускулов мерзкое, вредное онемение, которое на меня нападает, текущий по моим жилам холод. А ты меня нашла. Забавно, несколько дней я пытался отыскать тебя. Хотел...

Мне нужен этот разговор, Иоля. Присядем, поговорим немного.

Ведь ты меня совсем не знаешь.

Меня зовут Геральт. Геральт из... Нет. Просто Геральт. Геральт из ниоткуда. Я ведьмак.

Мой дом — Каэр Морхен, Обиталище Ведьмаков. Я оттуда. Есть... Была такая крепость. От нее мало что осталось.

Каэр Морхен... Там «изготавливали» таких, как я. Теперь этого уже не делают, а в Каэр Морхене уже никто не живет. Никто, кроме Весемира. Кто такой Весемир? Мой отец. Чему ты удивляешься? Что в этом странного? У каждого есть какой-никакой отец. Мой — Весемир. Ну и что, что не настоящий. Настоящего я не знал, мать тоже. Не знаю даже, живы ли они. И, в общем-то, мне это безразлично.

Да, Каэр Морхен... Я прошел там обычную мутацию. Испытание Травами, а потом — как всегда. Гормоны, вытяжки, вирусы. И все заново. И еще раз. До результата. Считалось, что я перенес Трансмутацию удивительно хорошо, болел очень недолго. Ну и меня сочли достаточно иммунизированным — есть такое ученое слово — парнем и отобрали для следующих, более сложных... экспериментов. Эти были и того чище. Гораздо. Но, как видишь, я выжил. Единственный из всех, кого для этих экспериментов отобрали. С тех пор у меня белые волосы. Полное отсутствие пигмента. Как говорится — побочный эффект. Так, мелочишка. Почти не мешает.

Потом меня обучали всякому. Довольно долго. И наконец настал день, когда я покинул Каэр Морхен и вышел на большак. У меня уже был медальон. Вот этот. Знак Школы Волка. Дали мне и два меча — серебряный и стальной. Кроме мечей, я нес убеждение, запал, мотивировки и... веру. Веру в то, что я нужен и полезен. Потому что мир, Иоля, якобы полон чудовищ и бестий, а в мою задачу входило защищать тех, кому эти чудовища угрожают. Уходя из Каэр Морхена, я мечтал встретиться со своим первым чудовищем, не мог дожидаться той минуты, когда столкнусь с ним лицом к лицу. И дождался.

У моего первого «чудовища», Иоля, была роскошная лысина и отвратительные зубы. Я встретился с ним на тракте, где он вместе с дружками-мародерами из какой-то армии остановил крестьянскую подводку и вытащил девочку лет, вероятно, тринадцати, а может, и меньше. Дружки держали отца девочки, а лысый срывал с нее платице и верещал, что ей-де самое время узнать, что есть настоящий мужчина. Я подъехал, слез с седла и сказал лысому, что для него тоже настал такой час. Мне это казалось ужасно смешным. Лысый отпустил девчонку и кинулся на меня с топором. Он был страшно медлительный, но крепенький. Я ударил его дважды, только тогда он упал. Удары были не очень точные, но очень, я бы сказал, эффектные, такие, что дружки лысого сбежали, видя, что может сделать из человека ведьмачий меч.

Тебе не скучно, Иоля?

Мне нужна эта беседа. Она мне очень нужна.

Так на чем я остановился? Да, на моем первом благородном деянии. Видишь ли, Иоля, в Каэр Морхене мне в голову вдолбили, что не следует впутываться в такие истории, надо обходить их стороной, не изображать из себя странствующего рыцаря и не подменять стражей порядка. Я вышел на тракт не геройствовать, а за деньги выполнять поручаемые мне работы. А я вмешался словно дурак, не отъехав и пятидесяти верст от подножия гор. Знаешь, почему я это сделал? Хотел, чтобы девочка, заливаясь слезами, целовала мне, своему избавителю, руки, а ее отец рассыпался бы в благодарностях, стоя на коленях. Вместо этого отец девчонки сбежал вместе с мародерами, а девочку, на которую пролилась большая часть крови

лысого, вырвало, и с ней случился приступ истерии, а когда я к ней подошел, она с перепугу упала в обморок. С тех пор я почти никогда не встречал в подобные истории.

Я делал свое дело. Быстро набрался опыта. Подъезжал к оврагам деревень, останавливался у палисадников поселков и городищ. И ждал. Если народ плевался, ругался и кидал в меня камни, я уезжал. Если же кто-нибудь выходил и давал мне задание, я его выполнял.

Я посещал города и крепости, искал оповещения, прибитые к столбам на рощах. Искал сообщения вроде: «Срочно требуется ведьмак. Оплата по соглашению». А потом, как правило, было какое-нибудь урочище, подземелье, некрополь или руины, лесной овраг либо пещера в горах, забитая костями и воняющая падалью. И что-нибудь такое, единственной целью которого было убивать. От голода, ради удовольствия, выполняя чью-то большую волю, по другим причинам, но — убивать. Мантихор, выворотка, мглак, жагница, жряк, химера, леший, вампир, гуль, гравейр, оборотень, гигаскорпион, стрыга, упырь, яга, кикимора, гламец. И была пляска во тьме и взмахи меча. И был страх и ужас в глазах того, кто вручал мне потом плату.

Ошибки? А как же, были.

Но я всегда придерживался принципов. Нет, не кодекса. Иногда просто прикрывался кодексом. Людям это нравится. Тех, кто имеет кодексы и руководствуется ими, чтят и уважают.

Не существует никаких кодексов, Йоля. Еще не написан ни один кодекс для ведьмаков. Я свой себе придумал сам. Взял и придумал. И придерживался его. Всегда...

Ну, скажем, почти всегда.

Ведь бывало и так, что мне казалось, будто все ясно, никаких сомнений. Просто надо сказать себе: «А какое мне дело? Не все ли равно, я — ведьмак». И следовало прислушаться к гласу рассудка. Послушаться интуиции, если не опыта. Да хоть бы и обычного, самого что ни на есть обыкновеннейшего страха.

Надо было послушаться гласа рассудка и тогда...

Я не послушался.

Я думал, выбираю Меньшее Зло. Ну и выбрал... Меньшее Зло. Меньшее Зло! Я, Геральт из Ривии. Которого еще

называют Мясником из Блавикена. Нет, Иоля, не прикасайся к моей руке. Контакт может высвободить в тебе... Ты можешь увидеть...

Я не хочу, чтобы ты увидела. Не хочу знать. Мне известно мое Предназначение, которое крутит и вертит мною, как смерч. Мое Предназначение? Оно идет за мной следом, но я никогда не оглядываюсь.

Петля? Да, Нэннеке, кажется, чувствует это. Что меня тогда дернуло, в Цинтре? Разве можно было так глупо рисковать?

Нет, нет и еще раз нет. Я никогда не оглядываюсь. А в Цинтру не вернусь, буду обходить ее, как рассадник чумы. Никогда туда не вернусь.

Да, если мои расчеты верны, ребенок должен был родиться в мае, примерно в дни праздника Беллетэйн. Если я прав, то это было бы любопытное стечение обстоятельств. Потому что Йеннифэр тоже родилась в Беллетэйн...

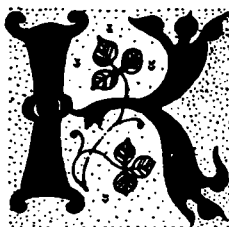
Пошли, Иоля. Смеркается.

Благодарю тебя за то, что ты согласилась со мной поговорить. Благодарю тебя, Иоля.

Нет, нет, со мной все в порядке. Я чувствую себя прекрасно. Вполне.

ВОПРОС ЦЕНЫ

1

горлу ведьмака был приставлен нож.

Ведьмак лежал, погрузившись в мыльную воду и откинув голову на скользкий край деревянной бадьи. Во рту чувствовался горький привкус мыла. Нож, тупой как валенок, болезненно скреб ему кадык, с хрустом перемещаясь к подбородку.

Цирюльник с миной художника, осознающего рождение шедевра, скребанул еще раз, как бы делая последний мазок, затем вытер ему лицо куском льняного полотна, смоченного чем-то таким, что вполне могло сойти за настойку лекарственного дягиля.

Геральт встал, позволил прислужнику вылить на себя ушат воды, вылез из бадьи, оставляя на полу следы мокрых ног.

— Полотенце, милсдарь. — Прислужник с любопытством глянул на его медальон.

— Благодарю.

— Вот одежда, — сказал Гаксо. — Рубашка, штаны, подштанники, камзол. А вот обувка.

— Вы обо всем подумали, кастелян. А в своих ботинках нельзя?

— Нельзя. Пива?

— Охотно.

Он одевался медленно. Прикосновение чужой, шершавой, непривычной одежды к распаренному телу портит настроение, которое установилось, пока он отмокал в воде.

— Господин кастелян?

— Слушаю вас, милсдарь Геральт.

— Не знаете ли, к чему все это? Зачем я тут нужен?

— Не мое дело, — сказал Гаксо, зыркнув на прислужников. — Мне велено вас надеть...

— Вы хотели сказать — одеть?

— Ну да, одеть и препроводить на пиршество, к королеве. Оденьте, виноват, наденьте камзол, милсдарь Геральт, и спрячьте под ним ведьминский медальон.

— Ведьмачий, господин кастелян, ведьмачий. Тут лежал мой кинжал.

— Уже не лежит. Он в безопасном месте, как и оба меча и остальное ваше имущество. Там, куда вы идете, ходят без оружия.

Ведьмак пожал плечами, одернул тесноватый пурпурного цвета камзол.

— А это что? — Он указал на вышивку, украшавшую грудь.

— О, конечно, — сказал Гаксо, — чуть не забыл. На время пиршества вы будете благородным хозяином Равиксом из Четыругла. Как почетный гость сядете одесную королевы. Таково ее желание. А на камзоле — ваш герб. На золотом поле черный медведь, на нем девица в голубом одеянии с распущенными волосами и воздетыми руками. Соболаговолите запомнить, у кого-нибудь из гостей может быть бзик на геральдике, такое частенько случается.

— Ясно. Запомню, — серьезно сказал Геральт. — А Четыругла — где это?

— Четыругл. Достаточно далеко. Вы готовы? Можно идти?

— Можно. Скажите-ка еще, государь Гаксо, по какому случаю пир?

— Принцессе Паветте исполняется пятнадцать, по обычаю заявили претенденты на ее руку. Королева Каланте хочет выдать ее за кого-нибудь из Скеллиге. Нам необходим союз с островитянами.

— Почему именно с ними?

— На тех, с кем у них союз, они нападают реже, чем на других.

— Существенный повод.

— Но не единственный. В Цинтре, милсдарь Геральт, традиция не позволяет править женщине. Наш король, Рёгнер, недавно скончался от морового поветрия, а другого мужа королева иметь не желает. Наша государыня Калантэ — женщина мудрая и справедливая, но король есть король. Тот, кто женится на принцессе, займет трон. Хорошо, если б попался боевой парень. А таких надо искать на островах. Они там народ жесткий. Ну пошли.

На середине внутренней галереи, окружавшей небольшой пустой дворик, Геральт остановился и тихо проговорил:

— Скажите, господин кастелян. Мы сейчас одни. Для чего королеве понадобился ведьмак? Вы должны кое-что знать. Кто, если не вы?

— Для того, для чего и всем остальным, — буркнул Гаксо. — Цинтра ничем не отличается от других мест. У нас есть и оборотни, и василиски, да и мантихор найдется, если толком пошукать. А стало быть, и ведьмак может пригодиться.

— Ох, крутите. Я спрашиваю, зачем королеве понадобился ведьмак на пиру, к тому же переодетый в голубого медведя с распущенными волосами.

Гаксо тоже остановился и даже перегнулся через балюстраду галереи.

— Творится что-то неладное, милсдарь Геральт, — буркнул он. — В замке, значит. Что-то тут появляется время от времени.

— Что?

— А что может появляться? Страховидло какое-то. Говорят, маленькое, горбатое, все в шипах, словно еж. Ночами по замку бродит, цепями гремит. Охает и стонет в покоех.

— Вы сами-то видели?

— Нет. — Гаксо сплюнул. — И видеть не хочу.

— Плетете, господин кастелян, плетете, — поморщился ведьмак. — Одно с другим не вяжется. Мы идем на обручальный пир. И что я там должен делать? Присматривать, как бы

из-под стола не вылез горбун и не захохал? Без оружия? Выряженный словно шут? Эх, государь Гаксо!

— А, думайте что хотите, — надулся Гаксо. — Велели ничего вам не говорить. Вы просили, вот я и сказал. А вы — мол, я треплюсь. Вежливость сверх меры!

— Простите, не хотел вас обидеть. Просто удивился...

— Перестаньте удивляться. — Гаксо, все еще обиженный, повернул голову. — Вы тут не для того, чтобы удивляться. И советую, милсдарь ведьмак, если королева прикажет вам раздеться догола, покрасить себе задницу голубой краской и повиснуть в сених головой вниз навряде канделябра, делайте это не удивляясь и немедленно. Иначе могут быть неприятности. Понятно?

— А как же. Идемте, государь Гаксо. Что бы там ни было, проголодался я после купания.

2

Не считая ни о чем не говорящего формального приветствия, когда она поименовала его «хозяином Четыругла», королева Калантэ не обменялась с ведьмаком ни словом. Пир еще не начинался, гости, громогласно объявляемые герольдом, продолжали съезжаться.

За огромным прямоугольным столом могли разместиться свыше сорока человек. Во главе стола на троне с высокой спинкой восседала Калантэ. По правую руку от нее уселся Геральт, по левую — Дрогодар, седовласый бард с лютней. Два верхних кресла слева от королевы пустовали.

Справа от Геральта вдоль длинной стороны стола уселись кастелян Гаксо и воевода с трудно запоминающимся именем. Дальше сидели гости из княжества Аттре — утрюмый и молчаливый рыцарь Раинфарн и его подопечный, пухлый двенадцатилетний князь Виндхальм, один из претендентов на руку принцессы. Дальше — красочные и разномастные рыцари из Цинтры и окрестные вассалы.

— Барон Эйлемберт из Тигта! — возгласил герольд.

— Кудкудак! — буркнула Калантэ, толкнув локтем Дро-годара. — Будет потеха.

Худой и усатый, богато вырядившийся рыцарь низко поклонился, но его живые веселые глаза и блуждающая на губах улыбка противоречили раболепной мине.

— Приветствую вас, государь Кудкудак, — церемонно произнесла королева. Прозвище барона явно срослось с ним крепче, нежели родовое имя. — Рада видеть.

— И я рад приглашению, — вздохнув, сообщил Кудкудак. — Что ж, погляжу на принцессу, ежели на то будет твоя воля, королева. Трудно жить в одиночестве, государыня.

— Ну-ну, государь Кудкудак, — слабо улыбнулась Калантэ, накручивая на палец локон. — Мы прекрасно знаем, что вы женаты.

— Охо-хо, — вздохнул барон. — Сама знаешь, государыня, какая слабая и нежная у меня жена, а теперь в наших краях как раз оспа ходит. Ставлю свой пояс против старых лаптей, что через год с ней будет все кончено.

— Бедненький Кудкудак, но и счастливцев одновременно. — Калантэ улыбнулась еще милее. — Жена у тебя действительно слабовата. Я слышала, когда на прошлогодней жатве она застала тебя в стогу с девкой, то гнала вилами чуть ли не версту, да так и не догнала. Надо ее лучше кормить и посматривать, чтобы по ночам спина не мерзла. И через год, вот увидишь, поправится.

Кудкудак посмурнел, но не очень убедительно.

— Намек понял. Но на пиру остаться могу?

— Буду рада, барон.

— Посольство из Скеллиге! — крикнул уже порядком охрипший герольд.

Островитяне вошли молодцеватыми гулками шагами, вчетвером, в блестящих кожаных куртках, отороченных мехом котика, перепоясанные клетчатыми шерстяными шарфами. Первым шел жилистый воин, смутлый, с оринным носом, рядом — плечистый юноша с рыжей шевелюрой. Все четверо склонились перед королевой.

— Почитаю за честь, — сказала Калантэ, слегка покраснев, — вновь приветствовать в своем замке знатного рыцаря Эйста Турсеаха из Скеллиге. Если б не хорошо известный факт,

что тебе претит мысль о семейных узах, я бы с радостью приняла весть, что ты, возможно, прибыл просить руки моей Паветты. Неужто одиночество стало тебе докучать?

— Довольно часто, прекрасная Калантэ, — ответил смуглолицый островитянин, поднимая на королеву горящие глаза. — Однако я веду слишком опасную жизнь, чтобы думать о постоянной связи. Если б не это... Паветта еще юный, нераспустившийся бутон, но...

— Что «но», рыцарь?

— Яблочко от яблоньки недалеко падает, — улыбнулся Эйст Турсеах, сверкнув белизной зубов. — Достаточно взглянуть на тебя, королева, чтобы увидеть, какой красавицей станет принцесса, когда достигнет того возраста, в котором женщина может дать счастье воину. Сейчас же бороться за ее руку должны юноши. Такие, как племянник нашего короля Брана, Крах ан Крайт, прибывший к тебе именно с этой целью.

Крах, наклонив рыжую голову, опустился перед королевой на одно колено.

— А кого ты еще привел, Эйст?

Кряжистый мужчина с бородой метлой и верзила с вольнкой за спиной опустились на колено рядом с Крахом ан Крайтом.

— Это доблестный друид Мышовур, как и я, — друг и советник короля Брана. А это Драйг Бон-Дху, наш знаменитый скальд. Тридцать же моряков из Скеллиге ждут во дворе, надеясь, что прекрасная Калантэ из Цинтры покажется им хотя бы в окне.

— Рассаживайтесь, благородные гости. Ты, милсдарь Турсеах, здесь.

Эйст занял свободное место на узкой стороне стола, отделенный от королевы только пустым стулом и местом Дрогодара. Остальные островитяне уселись слева, между маршалом двора Виссегердом и тройкой сыновей хозяина из Стрепта, которых звали Слиздяк, Дроздяк и Держигорка.

— Ну, более-менее все, — наклонилась королева к маршалу. — Начинаем, Виссегерд.

Маршал хлопнул в ладоши. Слуги с блюдами и кувшинами в руках строем двинулись к столу, приветствуемые радостным гулом.

Калантэ почти ничего не ела, лишь равнодушно ковыряла блюда серебряной вилок. Дрогодар, что-то быстро заглотав, бренчал на лютне. Зато остальные гости активно опустошали блюда с запеченными поросятами, птицей, рыбой и моллюсками, при этом опережал всех рыжий Крах ан Крайт. Раинфарн из Аттре строго следил за юным князем Виндхальмом, один раз даже дал ему по рукам за попытку ухватить кувшин с яблочной наливкой. Кудкудак, на секунду оторвавшись от бараньей ноги, порадовал соседей свистом болотной черепахи. Становилось все веселее. Звучали тосты, все менее складные.

Калантэ поправила тонкий золотой обруч на пепельно-серых, закрученных локонами волосах, слегка повернулась к Геральту, пытавшемуся разгрызть панцирь большого красного омара.

— Ну, ведьмак, — сказала она, — за столом уже достаточно шумно, чтобы незаметно обменяться несколькими словами. Начнем с любезностей. Я рада познакомиться с тобой.

— Взаимно рад, королева.

— А теперь так: у меня к тебе дело.

— Догадываюсь. Редко кто меня приглашает на пирушки из чистой симпатии.

— Надо думать, ты не очень-то интересный собеседник за столом. Ну а еще о чем-нибудь ты догадываешься?

— Да.

— О чем же?

— Скажу, когда узнаю, какое у тебя ко мне дело, королева.

— Геральт, — сказала Калантэ, коснувшись пальцами ожерелья, в котором самый маленький изумрудик был размером со скарабея, — как по-твоему, какое задание можно придумать для ведьмака? А? Выкопать колодец? Залатать дыру в крыше? Выткать гобелен, изображающий все позы, какие король Вриданк и прекрасная Кери испробовали во время первой ночи? Думаю, ты и сам прекрасно знаешь, в чем состоит твоя профессия.

— Знаю. И теперь могу сказать, о чем я догадался.

— Интересно.

— О том, что, как и многие иные, ты путаешь мою профессию с совершенно другой.

— Ах, — Калантэ с задумчивым и отсутствующим видом, слегка наклонившись к бренчащему на лютне Дрогодару, проговорила: — И кто же они такие, Геральт, те многие, которые оказались равными мне по невежеству? И с какой такой профессией эти глупцы путают твою?

— Королева, — спокойно сказал Геральт, — по пути в Цинтру мне встречались кметы, купцы, старьевщики-краснолюдцы, котельщики и лесорубы. Они говорили о бабе-яге, у которой где-то в здешних местах есть логово, этакий домик на когтистых курьих ножках. Упоминали о химере, гнездящейся в горах. О жагнидах-коромыслах и сколопендроморфах. Вроде бы встречается и мантихор, если как следует пошукать. Так что работы для ведьмака хватает, и при этом ему даже нет нужды наряжаться в чужие перья и гербы.

— Ты не ответил на вопрос.

— Королева, не сомневаюсь, что союз со Скеллиге, заключенный путем замужества твоей дочери, Цинтре необходим. Возможно, интриганов, которые хотят этому помешать, следовало бы проучить, да так, чтобы властитель не был в это замешан. Разумеется, лучше, если б это сделал никому здесь не известный хозяин из Четыругла, который тут же исчезнет со сцены. А теперь я отвечу на твой вопрос. Ты путаешь мою специальность с профессией наемного убийцы. А многие иные — это те, в руках у которых власть. Меня уже не раз призывали во дворцы, в которых проблемы хозяина требуют быстрых ударов меча. Но я никогда не убивал людей ради денег, независимо от того, требовали ли этого добрые или скверные обстоятельства. И никогда этого делать не стану.

Атмосфера за столом оживлялась пропорционально количеству убывающего пива. Рыжий Крах ан Крайт нашел благодарных слушателей, которые внимали его рассказу о битве под Твитом. Начертав на столе карту при помощи кости с мясом, смоченной в соусе, он наносил на нее тактическую ситуацию, при этом громко вереща. Кудкудак, доказывая справедливость данного ему прозвища, неожиданно закудахтал, словно самая настоящая квочка, вызвав всеобщее веселье пирующих и отчаяние слуг, решивших, что, насмехаясь над бдительностью охранников, в залу со двора проникла птица.

— М-да, судьба наказала меня чересчур уж догадливым ведьмаком, — улынулась Калантэ, но глаза ее были прищурены и злы. — Ведьмак, который без тени уважения или хотя бы элементарной почтительности раскрывает мои интриги и ужасные преступные планы. Послушай, а случайно, не притупило ли твоего рассудка восхищение моей красотой и привлекательностью? Никогда больше так не поступай, Геральт. Не говори так с теми, у кого в руках власть. Никто не простит тебе этого, а ты знаешь королей, знаешь, что средств у них достаточно. Кинжал. Яд. Подземелье. Раскаленные клещи. Есть сотни, тысячи способов, к которым обращаются короли, призывающие мстить за оскорбленную гордость. Ты не поверишь, Геральт, как легко задеть гордость некоторых владык. Редко кто из них спокойно выслушает такие слова, как «Нет», «Не буду», «Никогда». Мало того, достаточно их перебить либо вставить неподходящее словечко, и все — колесование обеспечено.

Калантэ сложила белые узкие ладони и слегка коснулась их губами, сделав эффектную паузу. Геральт не перебивал и не вставлял неподходящих словечек.

— Короли, — продолжала Калантэ, — подразделяют людей на две категории. Одним приказывают, других покупают. Ибо короли придерживаются старой и банальной истины: купить можно любого. Любого. Вопрос только в цене. С этим ты согласен? Ах, напрасно я спрашиваю, ты же ведьмак, выполняешь свою работу и берешь плату. В отношении тебя слово «купить» теряет свое презрительное звучание. И вопрос цены в твоём случае — дело очевидное, связанное со степенью сложности задачи, качеством исполнения, мастерством. И с твоей славой, Геральт. Нищие на ярмарках распевают о деяниях белоголового ведьмака из Ривии. Если хотя бы половина того, о чем они поют, правда, то могу поспорить, что цена твоих услуг немалая. Привлекать тебя к таким простым и банальным делишкам, как дворцовые интриги и грабежи, было бы пустой тратой денег. Это могут сделать другие, более дешёвые руки.

— БРАААК! ГРАААХ! БРАААК! — вдруг возопил Кудкудак, сорвав громкие аплодисменты за имитацию крика очередного животного. Геральт не знал какого, но не хотел бы

встретиться с чем-либо подобным. Он отвернулся, заметив спокойный, ядовито-зеленый взгляд королевы. Дрогодар, опустив голову и спрятав лицо за седыми волосами, опадающими на руки, тихо побрякивал на лютне.

— Ах, Геральт, — сказала Калантэ, жестом запрещая прислужнику доливать кубок. — Я все говорю, а ты все молчишь. Мы на пиру, нам хочется как следует повеселиться. Развесели меня. Мне начинает не доставать твоих ценных замечаний и проницательных комментариев. Не помешали бы парочка комплиментов, заверения в уважении и верности, например. Очередность — на твое усмотрение.

— Ну что ж, королева, — произнес ведьмак, — не спорю, я, несомненно, малоинтересный собеседник за столом. Надивиться не могу, что именно мне ты оказала честь, поместив рядом с собой. Ведь здесь можно было посадить гораздо более соответствующего твоим желаниям человека. Достаточно кому-либо приказать или кого-либо купить. Всего лишь вопрос цены.

— Говори, говори. — Калантэ откинула голову, прикрыла глаза и сложила губы, изобразив некое подобие милой улыбки.

— Я невероятно горд тем, что именно мне выпала честь сидеть рядом с королевой Калантэ из Цинтры, красоту которой превышает только ее мудрость. Не меньшей честью я почитаю и то, что королева соизволила слышать обо мне, а также и то, что на основании услышанного пожелала использовать меня для банальных делишек. Прошлой зимой князь Погробарк, не будучи столь тонок умом, пытался нанять меня для поисков красоты, которая, пресытившись его ухаживаниями, сбежала с бала, потеряв туфельку. Я с большим трудом убедил его, что для этого нужен ловкий охотник, а не ведьмак.

Королева слушала с загадочной улыбкой на устах.

— Да и другие владыки, не столь мудрые, как ты, государыня Калантэ, бывало, предлагали мне элементарные по сути задания. В основном их интересовали банальные убийства пасынка, отчима, мачехи, дядюшки, тетюшки, трудно перечислить. Им казалось, будто все упирается лишь в цену.

Улыбка королевы могла означать все что угодно.

— Поэтому повторяю, — Геральт слегка наклонил голову. — Я вне себя от гордости, имея возможность сидеть рядом

с тобой, королева. Гордость же для нас, ведьмаков, значит очень много. Ты не согласишься, королева, как много. Некий владыка однажды уязвил гордость ведьмака, предложив тому работу, не согласующуюся с честью и ведьмачьим кодексом. Более того, он не принял к сведению вежливого отказа, хотел удержать ведьмака в своих владениях. Все, кто бы ни комментировал этот случай, в один голос утверждали, что идея того владыки была не из лучших.

— Геральт, — сказала Калантэ, немного помолчав, — я ошиблась. Ты оказался очень интересным собеседником за столом.

Кудкудак, отряхнув усы и кафтан от пивной пены, задрал голову и пронзительно взвыл, весьма удачно подражая вою волчицы во время течки. Собаки во дворе и по всей округе поддерживали его воем.

Один из стрептских братьев, кажется, Держигорка, обмакнув палец в пиво, провел толстую черту около воинского подразделения, нарисованного Крахом ан Крайтом, и воскликнул:

— Ошибочно и бездарно! Нельзя было так действовать. На этом фланге надо было поставить конницу и ударить сбоку!

— Ха! — рявкнул Крах ан Крайт, хватив костью по столу, в результате чего лица и туники соседей покрылись пятнами соуса. — И ослабить середину? Ключевую позицию? Нелепица!

— Только слепец или чокнутый не маневрирует при такой ситуации!

— Точно! Верно! — крикнул Виндхальм из Аттре.

— А тебя кто спрашивает, говнюк?

— От говнюка слышу!

— Заткнись, не то огрею костью!

— Сиди на своей жопе, Крах, и помалкивай! — крикнул Эйст Турсеах, прерывая беседу с Виссегердом. — Довольно лаяться! Эй, господин Дрогодар! Талант пропадает! Чтобы слушать ваше прекрасное, но слишком тихое пение, необходима сосредоточенность и серьезность. Драйг Бон-Дху, кончай жрать и лакать! За этим столом ты никого не удивишь ни тем, ни другим. Подуй-ка в свои дудки и порадуй наши уши приличной боевой музыкой. С твоего позволения, благородная Калантэ!

— О мать моя, — шепнула королева Геральту, в немом отчаянии возводя глаза к потолку. Но кивнула, улыбнувшись естественно и доброжелательно.

— Драйг Бон-Дху, — проговорил Эйст, — сыграй нам песню о битве под Хочебужем! Она-то не подорвет нашего доверия к тактическим действиям полководцев! И еще раз поведает о том, кто покрыл себя неувядаемой славой в том бою! Здравие героической Калантэ из Цинтры!

— Здравие! Хвала! Слава! — рычали гости, наполняя кубки и глиняные кружки.

Дудки драйговской волюнки издали зловеющий гул, потом заняли ужасающим, протяжным, вибрирующим стоном. Пирующие запели, отбивая такт, то есть барабания чем попало по столу. Кудкудак алчно уставился на мешок из козлиной кожи, несомненно, зачарованный мыслью о том, как бы включить вырывающиеся из его чрева жуткие звуки в свой репертуар.

— Хочебуж, — сказала Калантэ, глядя на Геральта, — мой первый бой. Хотя я и опасаясь вызвать нарекания почтенного ведьмака, признаюсь, что тогда дрались из-за денег. Враг палил деревни, которые платили нам дань, а мы, ненасытные и жадные, вместо того чтобы допустить это, кинулись в бой. Банальный повод, банальная битва, банальные три тысячи трупов, расклеванных воронами. И заметь, вместо того чтобы устыдиться, я сижу тут, гордясь, что обо мне слагают песни. Даже если их маломелодичное пение сопровождается столь кошмарной, варварской музыкой.

Королева снова изобразила на лице пародию на улыбку, счастливую и доброжелательную, подняв пустой кубок в ответ на тосты, летевшие со всех сторон стола. Геральт молчал.

— Продолжим. — Калантэ приняла поданное Дрогодаром бедрышко фазана и принялась его изящно обгладывать. — Итак, ты возбудил во мне интерес. Мне рассказывали, что вы, ведьмаки, любопытная каста, но я не очень-то верила. Теперь верю. Если вас ударить, вы издаете такой звук, будто выковыаны из стали, а не вылеплены из птичьего помета. Однако это ни в коей мере не меняет того факта, что ты находишься тут, чтобы выполнить задание. И ты его выполняешь не мудрствуя лукаво.

Геральт не улыбнулся ни насмешливо, ни ехидно, хотя было у него такое желание.

— Я думала, — буркнула королева, уделяя, казалось, все внимание исключительно фазаньему бедрышку, — ты что-нибудь скажешь. Или улыбнешься. Нет? Тем лучше. Можно ли считать, что мы заключили соглашение?

— Нечеткие задания, — сухо бросил ведьмак, — невозможно четко выполнять, королева.

— А что тут нечеткого? Ты же сразу обо всем догадался. Действительно, я планирую союз со Скеллиге и замужество моей дочери, Паветты. Ты не ошибся, предположив, что моим планам что-то угрожает, а также, что нужен мне, дабы эту угрозу ликвидировать. Но на том твоя догадливость и кончается. Предположив, будто я путаю профессию твою с профессией наемного убийцы, ты сделал мне больно. Учти, Геральт, я вхожу в число тех немногих владык, которые абсолютно точно знают, чем занимаются ведьмаки и для каких дел их следует приглашать. С другой стороны, если некто убивает людей так же ловко, как ты, пусть даже и не ради денег, он не должен удивляться тому, что столь многие приписывают ему профессионализм в подобных делах. Твоя слава опережает тебя, Геральт, и она громче, чем треклятая вольнка Драйга Бон-Дху. Да и приятных звуков в ней столь же мало.

Волынщик, хоть и не мог слышать слов королевы, закончил свой концерт. Застольники наградили его хаотической, шумной овацией и с новыми силами кинулись истреблять запасы пищи и напитков, отдавшись воспоминаниям о ходе различных битв и непристойным шуткам о женщинах. Кудкудак то и дело издавал громкие звуки, однако невозможно было определить однозначно, были ли это подражания очередным животным или же попытки облегчить перегруженный кишечник.

Эйст Турсеах перегнулся через стол.

— Королева, вероятно, серьезные проблемы побуждают тебя все свое время посвящать исключительно хозяину из Четыругла, но, мне думается, пора бы уже взглянуть на процессу. Чего мы ждем? Не того же, чтобы Крах ан Крайт упился вконец. А это уже близко.

— Ты, как всегда, прав, Эйст. — Калантэ тепло улыбнулась. Геральт не переставал дивиться богатому арсеналу ее улыбок. — Действительно, мы с благородным Равиксом обсуждали чрезвычайно важные дела. Но не волнуйся, я посвящаю время и тебе. Но ты же знаешь мой принцип: сначала дела, потом удовольствия. Господин Гаксо!

Она подняла руку, кивнула кастеляну. Гаксо молча встал, поклонился и быстро побежал по лестнице, скрывшись в темной галерейке. Королева снова повернулась к ведьмаку.

— Слышал? Мы, оказывается, чересчур увлеклись беседой. Если Паветта уже перестала вертеться перед зеркалом, то сейчас придет. Поэтому слушай внимательно, повторять я не стану. Я хочу добиться того, что задумала и что ты довольно точно угадал. Никаких других решений быть не может. Что касается тебя, то у тебя есть выбор. Тебя могут заставить действовать по моему приказу... Над последствиями непослушания не вижу смысла рассусоливать. Послушание, разумеется, будет щедро вознаграждено. Или же ты можешь оказать мне платную услугу. Заметь, я не сказала: «Могу тебя купить», потому что решила не уязвлять твоего ведьмачьего самолюбия. Согласись, разница колоссальная?

— Размеры этой разницы как-то ускользнули от моего внимания.

— Так уж ты постарайся быть повнимательнее, когда я говорю с тобой. Разница, дорогой мой, состоит в том, что купленному покупатель платит по собственному усмотрению, а оказывающий услугу цену назначает сам. Ясно?

— Более-менее. Допустим, я выбираю форму платной услуги. Но тебе не кажется, что мне следует знать, в чем эта услуга состоит?

— Нет, не следует. Если это приказ, то он, конечно, должен быть конкретным и однозначным. Другое дело, когда речь идет о платной услуге. Меня интересует результат. Ничего больше. Какими средствами ты его обеспечишь — твое дело.

Геральт, подняв голову, встретился с черным пронизывающим взглядом Мышовура. Друид из Скеллиге, не спуская с ведьмака глаз, как бы в задумчивости крошил в руке кусочек хлеба, роняя крошки. Геральт взглянул на стол. Перед друидом

на дубовой столешнице крошки хлеба, зернышки каши и красные обломочки панциря омара быстро шевелились, бегая словно муравьи. И складывались в руны. Руны — на мгновение — соединились в слово. В вопрос.

Мышовур ждал, не спуская с Геральта глаз. Ведьмак едва заметно кивнул. Друид опустил веки и с каменным лицом смел крошки со стола.

— Благородные господа! — воскликнул герольд. — Паветта из Цинтры!

Гости утихли, повернув головы к лестнице.

Предваряемая кастеляном и светловолосым пажом в пурпурного цвета курточке, принцесса спускалась медленно, опустив голову. Волосы у нее были того же цвета, что у матери, — пепельно-серые, но она носила их заплетенными в две толстые косы, доходящие почти до ягодиц. Кроме диадемки с искусно вырезанной геммой и пояса из мелких золотых звеньев, охватывающего на бедрах длинное серебристо-голубое платье, на Паветте не было никаких украшений.

Сопровождаемая пажом, герольдом, кастеляном и Виссегердом, принцесса прошла к столу и заняла свободный стул между Дрогодаром и Эйстом Турсеахом. Рыцарь-островитянин не замедлил позаботиться о ее кубке и занять разговором. Геральт обратил внимание, что отвечала она не больше чем одним словом. Глаза у нее были постоянно опущены и все время прикрыты длинными ресницами, даже во время громогласных тостов, летевших со всех сторон стола. Ее красота, несомненно, произвела впечатление на пирующих. Крах ан Крайт перестал вскрикивать и молча глазел на Паветту, забыв даже о кубке с пивом. Виндхальм из Аттре пожирал принцессу глазами, переливаясь всеми цветами побежалости, словно лишь несколько песчинок в часах отделяли его от брачного ложа. Подозрительно сосредоточившись, разглядывали миниатюрное личико девочки Кудкудак и братья из Стрепта.

— Так, — тихо сказала Калантэ, явно довольная эффектом. — Что скажешь, Геральт? Без ложной скромности — дева уродилась в мать. Мне даже немного жаль отдавать ее в руки рыжему чурбану Краху. Вся надежда на то, что, может быть, из сопляка вырастет нечто такого же класса, как Эйст Турсеах.

Как ни говори — та же кровь. Ты меня слушаешь, Геральт? Цинтра должна вступить в союз со Скеллиге, ибо того требуют государственные интересы. Моя дочь должна выйти за соответствующего человека, ибо это моя дочь. Именно этот результат ты должен мне обеспечить.

— Я? Неужто недостаточно твоей воли, королева?

— События могут пойти так, что будет недостаточно.

— Что может быть сильнее твоей воли?

— Предназначение.

— Ага. Стало быть, я, слабый ведьмак, должен сопротивляться Предназначению, которое сильнее королевской воли. Ведьмак, борющийся с Предназначением! Какая ирония!

— В чем ты видишь иронию?

— Не будем об этом. Королева, похоже, услуга, которую ты требуешь, граничит с невозможностью.

— Если бы она граничила с возможностью, — процедила сквозь зубы Каланта, — я справилась бы сама, мне не понадобился бы знаменитый Геральт из Ривии. Перестань мудрствовать. Сделать можно все, это лишь вопрос цены. Черт возьми, в твоём ведьмачьем ценнике должна быть цена за то, что граничит с невозможностью. Думаю, немалая. Обеспечь нужный мне результат, и ты получишь то, что пожелаешь.

— Как ты сказала, королева?

— Дам, что пожелаешь. Не люблю повторять. Интересно бы узнать, ведьмак, ты перед каждой работой, за которую берешься, стараешься отбить у нанимателя охоту так же усиленно, как у меня? Время уходит, ведьмак. Да или нет? Отвечай.

— Да.

— Лучше. Лучше, Геральт. Твои ответы уже гораздо ближе к идеалу, все больше походят на те, какие я ожидаю. А теперь незаметно протяни левую руку и пощупай за спинкой моего трона.

Геральт сунул руку под желто-голубую драпировку. Почти сразу же наткнулся на меч, плоско прикрепленный к обитой тисненой козловой кожей спинке. Прекрасно знакомый меч.

— Королева, — бросил он тихо, — не говоря уж о том, что я раньше сказал относительно уничтожения людей, ты,

конечно, понимаешь, что против Предназначения меча недостаточно?

— Понимаю, — Калантэ опустила голову. — Необходим еще ведьмак, который этот меч держит. Как видишь, я позаботилась и об этом.

— Королева...

— Ни слова больше, Геральт. Мы и так слишком долго шушукаемся. На нас смотрят, а Эйст начинает закипать. Только не слишком усердствуй. Я хочу, чтобы рука у тебя была твердой.

Он так и поступил. Королева включилась в разговор, который вели Эйст, Виссегерд и Мышовур при молчаливом и сонном участии Паветты. Дрогодар отложил лютню и наверстывал упущенное в еде. Гаксо был неразговорчив. Воевода с трудно произносимым именем, который что-то слышал о делах и проблемах Четыругла, спросил из приличия, хорошо ли жеребятся кобылы. Геральт ответил, что, мол, да, лучше, чем жеребцы. Он не был уверен, что шутку правильно поняли. Больше вопросов воевода не задавал.

Мышовур все время пытался встретиться взглядом с ведьмаком, но крошки на столе уже не шевелились.

Крах ан Крайт все больше сближался с двумя братьями из Стрепта. Третий, самый младший, совсем захмелел, стараясь выдержать темп, предложенный Драйгом Бон-Дху. Похоже, скальд из этого состязания вышел трезвым как стеклышко.

Собравшиеся в конце стола более молодые и не столь важные гости фальшиво затанули известную песенку о рогатом козленочке и мстительной, напрочь лишенной чувства юмора бабулечке.

Кучерявый слуга и капитан стражи в желто-голубых цветах Цинтры подбежали к Виссегерду. Маршал, поморщившись, выслушал доклад, встал, подошел к трону и, низко наклонившись, что-то прошептал королеве. Калантэ быстро глянула на Геральта и ответила кратко, односложно. Виссегерд наклонился еще ниже, зашептал, королева резко взглянула на него, молча ударила ладонью по подлокотнику трона. Маршал поклонился, передал приказ капитану стражи. Геральт не расслышал, что это был за приказ. Однако увидел, что Мышовур беспокойно

шевелинулся и взглянул на Паветту — принцесса сидела неподвижно, опутив голову.

В зале послышались тяжелые, отдающие металлом шаги, пробивающиеся сквозь гул за столом. Пирующие подняли головы и обернулись.

Приближающаяся фигура была закована в латы, скомбинированные из металлических пластин и травленной в воске кожи. Выпуклый, граненый, черно-голубой нагрудник заходил на сегментную юбку и короткие защитные щитки на бедрах. Металлические наплечники щетинились острыми стальными иглами, забрало с густой сеткой, вытянутое на манер собачьей морды, было усеяно шипами, как кожа каштана.

Хрустя и скрипя, странный гость приблизился к столу и застыл напротив трона.

— Благородная королева, благородные господа, — проговорил пришелец из-за забрала, проделывая неуклюжий поклон. — Прошу простить за то, что нарушаю торжественный пир. Я Йож из Эрленвальда.

— Приветствую тебя, Йож из Эрленвальда, — медленно проговорила Калантэ. — Займи место за столом. Мы в Цинтре рады любому гостю.

— Благодарю, королева. — Йож из Эрленвальда еще раз поклонился, коснулся груди рукой в железной перчатке. — Однако я прибыл в Цинтру не как гость, а по делу — важному, не терпящему отлагательства. Если королева Калантэ позволит, я изложу его суть незамедлительно, не отнимая у вас непотребно времени.

— Йож из Эрленвальда, — резко сказала королева. — Похвальная забота о нашем времени не оправдывает неуважительности. А таковой я считаю то, что ты обращаешься ко мне из-за железного решета. Посему — сними шлем. Уж мы как-нибудь переживем потерю времени, кое тебе понадобится на такое действие.

— Мое лицо, королева, должно оставаться укрытым. Пока. С твоего позволения.

По зале пролетел гневный шум, гул, там и сям усиленный приглушенными ругательствами. Мышур, наклонив голову, беззвучно пошевелил губами. Ведьмак почувствовал, как закли-

нение на секунду наэлектризовало воздух, шевельнуло его медальон. Калантэ глянула на Йожа, прищурившись и постукивая пальцами по подлокотнику трона.

— Позволяю, — сказала она наконец. — Хотелось бы верить, что причина, которой ты руководишься, достаточно серьезна. Итак, говори, что привело тебя, Йож Безликий.

— Благодарю за позволение, — произнес пришелец. — Однако, чтобы отклонить укор в отсутствии уважения, поясню, что дело в рыцарском обете. Я не могу открыть лицо, пока не пробьет полночь.

Королева небрежным жестом подтвердила, что принимает объяснение. Йож сделал шаг вперед, скрипнув шипастыми латами.

— Пятнадцать лет тому назад, — пояснил он громко, — твой супруг, госпожа Калантэ, король Рёгнер, заблудился во время охоты в Эрленвальде. Плутая по бездорожью, упал с коня в яр и вывихнул ногу. Он лежал на дне яра и звал на помощь, но ответом было только шипение змей да вой приближающихся оборотней. Он, несомненно, погиб бы, если б не подоспевшая помощь.

— Я знаю. Так оно и было, — подтвердила королева. — И если ты это знаешь тоже, то, догадываюсь, что ты и был тем, кто оказал ему помощь.

— Да. Только благодаря мне он вернулся в замок целым и невредимым. К тебе, государыня.

— Значит, я обязана тебе благодарностью, Йож из Эрленвальда. Эта благодарность не становится меньше оттого, что Рёгнер, владыка моего сердца и ложа, уже покинул этот мир. Я рада бы спросить, каким образом могу проявить благодарность, однако боюсь, что благородного рыцаря, дающего обеты и руководствующегося во всех поступках рыцарским кодексом, такой вопрос может обидеть. Поскольку это предполагало бы, что помощь, которую ты оказал королю, не была бескорыстной.

— Ты прекрасно знаешь, королева, что она действительно не была таковой. Знаешь также, что я как раз и пришел за наградой, обещанной мне королем за спасение его жизни.

— Вот как? — улыбнулась королева, но в ее глазах забегали зеленые искорки. — Стало быть, ты нашел короля на дне

яра, безоружного, раненого, брошенного на произвол судьбы, на милость змей и чудовищ, и только после того, как он пообещал тебе награду, поспешил ему на помощь? А если б он не хотел или не мог обещать награды, ты оставил бы его там, а я до сих пор не знала бы, где белеют его кости? Ах как благородно! Уж наверняка ты руководствовался каким-нибудь рыцарским обетом.

Шум меж собравшимися усилился.

— И сегодня прибыл за наградой, Йож? — продолжала королева, улыбаясь все более злоежде. — Спустя пятнадцать лет? Вероятно, надеешься на проценты, которые набежали за это время? Здесь не гномий банк, Йож. Стало быть, говоришь, награду тебе обещал Рёгнер? Что делать, трудновато будет призвать его сюда, дабы он расплатился с тобой. Пожалуй, проще отправить тебя к нему, на тот свет. Там вы договоритесь, кто кому задолжал. Я достаточно сильно любила своего супруга, Йож, чтобы не думать о том, что могла бы потерять его уже тогда, пятнадцать лет назад, если б он не захотел с тобой торговаться. Эта мысль вызывает у меня не очень-то приятные чувства к твоей особе. Знаешь ли ты, замаскированный пришелец, что сейчас здесь в Цинтре, в моем замке и в моих руках, ты столь же беспомощен и близок к смерти, как Рёгнер тогда, на дне яра? Так что же ты можешь предложить мне, какую цену, какую награду, если я пообещаю, что ты уйдешь отсюда живым?

Медальон на шее Геральта дернулся, задрожал. Ведьмак быстро глянул на Мышовура, столкнулся с его пронизывающим, явно обеспокоенным взглядом. Он слегка покачал головой, вопросительно поднял брови. Друид тоже сделал отрицательное движение, едва заметно указав курчавой бородой на Йожа. Геральт не был уверен.

— Твои слова, — воскликнул Йож, — рассчитаны на то, чтобы испугать меня. И на то, чтобы вызвать гнев собравшихся здесь благородных господ, презрение со стороны твоей красавицы дочери, Паветты. Но самое главное — твои слова лживы. И ты прекрасно знаешь это!

— Иначе говоря, я вру... как сивый мерин. — На губах Калантэ заиграла очень неприятная улыбка.

— Ты отлично знаешь, королева, — спокойно продолжал пришелец, — что тогда произошло в Эрленвальде. Знаешь, что спасенный мною Рёгнер сам, по своей воле поклялся дать мне все, что я пожелаю. Я призываю всех в свидетели того, что я сейчас скажу! Когда король, которого я спас и отвел к лагерю, снова спросил, чего я хочу, я ответил. Попросил, чтобы он обещал отдать мне то, что оставил дома, но о чем не знает и чего не ожидает. И король поклялся, что быть посему. А вернувшись в замок, застал тебя, Калантэ, рожаящей. Да, королева, я ждал пятнадцать лет, а в это время проценты на мою награду росли. Сегодня, глядя на прекрасную Паветту, я вижу, что ожидание себя оправдало! Милостивые государи, господа и рыцари! Часть из вас прибыла в Цинтру просить руки принцессы. Заявляю, что вы прибыли напрасно. Со дня своего рождения, в силу королевской клятвы, прекрасная Паветта принадлежит мне!

Среди пирующих разразилась буря. Кто-то кричал, кто-то ругался, кто-то колотил кулаками по столу, переворачивая посуду. Держигорка из Стрепта выхватил торчащий в бараньей печени нож и принялся им размахивать. Крах ан Крайт, наклонившись, явно пытался вырвать поперечину из крестовины стола.

— Это черт знает что такое! Бесстыдство! Наглость! — орал Виссегерд. — Чем ты докажешь? Где твои доказательства?

— Лицо королевы, — воскликнул Йож, протянув руку в железной перчатке, — самое лучшее тому доказательство.

Паветта сидела неподвижно, не поднимая головы. В воздухе конденсировалось что-то очень странное. Медальон ведьмака дергался на цепочке под камзолом. Геральт увидел, как королева движением руки подозвала стоявшего рядом пажа и шепотом отдала ему короткий приказ. Какой, Геральт не расслышал, однако удивление, появившееся на лице мальчика, и то, что королеве пришлось повторить приказ, заставило его задуматься. Паж побежал к выходу.

Гомон за столом не прекращался. Эйст Турсеах повернулся к королеве.

— Калантэ, он говорит правду?

— А если даже и так, — процедила королева, кусая губы и теребя зеленый шарф на руке, — то что?

— Если он говорит правду, — насутился Эйст, — то обещание придется выполнить.

— Да?

— Надо понимать, — утрировано спросил островитянин, — что так же беззаботно ты относишься ко всем обещаниям? В том числе и к тем, которые так хорошо закрепились у меня в памяти?

Геральт, который никак не ожидал увидеть на лице Калантэ яркого румянца, влажных глаз и дрожащих губ, был изумлен.

— Эйст, — шепнула королева, — это совсем другое...

— Правда?

— Ах ты, сукин сын, — неожиданно рявкнул Крах ан Крайт, срываясь с места. — Последний глупец, который осмелился утверждать, будто я что-то сделал напрасно, был обглодан крабами на дне залива Алленкер. Не для того прибыл я сюда из Скеллиге, чтобы возвращаться ни с чем! Конкурент нашелся, мать твою шлюха! Оля-ля, а ну кто-нибудь принесите мне меч и дайте железяку этому дурню! Сейчас посмотрим, кто...

— А может, заткнешься, Крах? — ядовито бросил Эйст, опершись обеими руками о стол. — Драйг Бон-Дху! Головой отвечаешь за королевского племянника!

— Меня ты тоже успокоишь, Турсеах? — крикнул, вставая, Раинфарн из Аттре. — Кто посмеет удержать меня от того, чтобы смыть кровью позор, нанесенный моему князю? И его сыну Виндхальму, единственному, достойному руки и ложка Паветты! Подайте мой меч! Сейчас здесь, на месте, я покажу этому Йожу, или как там его кличут, как мы в Аттре отвечаем на подобные оскорбления! Интересно, найдется кто-нибудь или что-нибудь, способное меня остановить?

— А как же? Приличия, — спокойно сказал Эйст Турсеах. — Негоже начинать драку или бросать кому-либо вызов, не получив согласия хозяйки дома. Может, вы думаете, что тронная зала Цинтры — трактир, где можно лупить по мордам и пырять ножами, как только придет охота?

Собравшиеся снова принялись орать, перебивая друг друга, угрожая и размахивая руками. Шум оборвался, словно его ножом обрезали, когда в зале неожиданно раздался короткий бешеный рев разъяренного зубра.

— Да, — сказал Кудкудак, откашлявшись и поднимаясь со стула. — Эйст ошибся. Это даже не трактир. Это что-то вроде зверинца, потому и зубр был к месту. Благородная Калантэ, позволь высказать мое мнение относительно возникшей проблемы.

— Как вижу, — медленно сказала Калантэ, — многие имеют на сей счет свое мнение и высказывают его даже без моего позволения. Странно, почему никого не интересует мое собственное? А мое мнение таково: скорее чертов замок свалится мне на голову, чем я отдам Паветту этому... чудаку. У меня нет ни малейшего намерения...

— Клятва Рёгнера... — начал Йож, но королева тут же прервала его, хватив по столу золотым кубком.

— Клятва Рёгнера интересует меня не больше, чем прошлогодний снег! А что до тебя, Йож, так я еще не решила, позволю ли Краху либо Раинфарну схватиться с тобой или попросту велю повесить. Прерывая меня, когда я говорю, ты серьезно влияешь на мое решение!

Геральт, все еще обеспокоенный подергиванием медальона, обводя взглядом залу, неожиданно встретился с глазами Паветты, изумрудно-зелеными, как глаза матери. Принцесса больше не скрывала их под длинными ресницами — водила ими от Мышовура к ведьмаку, не обращая внимания на других. Мышовур вертелся, наклонившись, и что-то бормотал.

Кудкудак многозначительно кашлянул.

— Говори, — кивнула королева, — но по делу и в меру кратко.

— Слушаюсь, королева. Благородная Калантэ и вы, милсдари, господа и рыцари! Воистину удивительное условие поставил Йож из Эрленвальда королю Рёгнеру, странной награды захотел, когда король поклялся выполнить любое его желание. Но не надо прикидываться, будто мы никогда не слышали о подобных требованиях, о старом как мир Праве Неожиданности. О цене, которую может запросить человек, спасший чью-то жизнь в безнадежной, казалось бы, ситуации, кто высказал невозможное, казалось бы, желание. «Отдашь мне то, что выйдет первым встречать тебя». Вы скажете: это может быть собака, алебардник у ворот, даже

теща, с нетерпением ожидающая того момента, когда сможет набить морду возвращающемуся домой зятю. Либо: «Отдашь мне то, что застанешь дома, но чего не ожидаешь». После долгого путешествия, уважаемые гости, и неожиданного возвращения это обычно бывает хахаль в постели жены. Но вполне может быть и ребенок. Ребенок, указанный Предназначением.

— Короче, Кудкудак, — нахмурилась Каланта.

— Слушаюсь! Господи! Неужто вы не слышали о детях, указанных Предназначением? Разве легендарный герой Затрет Ворути не был еще ребенком отдан гномам, потому что оказался тем первым, кого отец встретил, вернувшись в крепость? А Неистовый Дейи, потребовавший от путешественника отдать ему то, что тот оставил дома, но о чем не знает? Этой неожиданностью оказался славный Супри, который позже освободил Неистового Дейи от лежавшего на нем заклятия. Вспомните также Зивелену, которая взошла на трон Меттины с помощью гнома Румплестельта, пообещав ему взамен своего первенца. Зивелена не выполнила обещания, а когда Румплестельт прибыл за наградой, колдовством принудила его бежать. Вскоре и она, и ребенок отравились и умерли. С Предназначением нельзя играть безнаказанно!

— Не путай меня, Кудкудак, — поморщилась Каланта. — Близится полночь, пора привидений. Помнишь ли ты еще какие-нибудь легенды со времен твоего, несомненно, трудного детства? Если нет, то садись.

— Прошу позволения, — барон покрутил свои длинные усы, — еще малость постоять. Хотелось бы напомнить присутствующим еще одну легенду. Это старая, забытая легенда, все мы ее, вероятно, слышали в нашем, несомненно, трудном детстве. В этой легенде короли всегда выполняли данные ими обещания. А нас, бедных вассалов, с королями связывает лишь королевское слово, на нем зиждятся трактаты, союзы, наши привилегии и наши лены. И что? Во всем этом надлежит усомниться? Усомниться в нерушимости королевского слова? Дождаться, что оно будет стоять не больше прошлогоднего снега? Воистину, если будет так, то после трудного детства нас ждет не менее трудная старость.

— На чьей ты стороне, Кудкудак? — крикнул Раинфарн из Аттре.

— Тихо, пусть говорит!

— Этот надутый петух оскорбляет монарха!

— Барон из Тигта прав!

— Тише, — неожиданно сказала Калантэ, вставая. — Позвольте ему закончить.

— Сердечно благодарю, — поклонился Кудкудак. — Я как раз кончил.

Опустилась тишина, странная после того шума, который только что вызвали слова барона. Калантэ продолжала стоять. Вряд ли кто-нибудь, кроме Геральта, заметил, как дрожит рука, которой она коснулась лба.

— Господа, — сказала она наконец, — должна вам кое-что объяснить. Да... Йож... говорит правду. Рёгнер действительно клятвенно пообещал ему отдать то, чего не ожидал. Похоже, наш незабвенный король был, простите, пентюхом в женских делах и не умел считать до девяти. А мне поведал истину только на смертном одре. Ибо знал, что бы я сделала с ним, признайся он в своей клятве раньше. Он знал, на что способна мать, ребенком которой так легкомысленно распоряжаются.

Рыцари и вельможи молчали, Йож стоял неподвижно, словно шипастая железная статуя.

— А Кудкудак, — продолжала Калантэ, — ну что ж, Кудкудак напомнил мне, что я не мать, а королева. Хорошо. Как королева завтра я соберу Совет. Цинтра — не тирания. Совет решит, должна ли клятва покойного короля повлиять на судьбу наследницы трона. Решит, следует ли ее и трон Цинтры отдать бродяге без рода и племени или же поступить в соответствии с интересами государства.

Калантэ ненадолго замолчала, косо взглянув на Геральта.

— А что касается благородных рыцарей, прибывших в Цинтру в надежде получить руку принцессы... то мне остается только выразить соболезнование по случаю жестокого оскорбления, обесчестия и осмеяния, которым они здесь подверглись. Не моя в том вина.

В гуле голосов, прокатившемся по зале, ведьмак уловил шепот Эйста Турсеаха.

— О боги моря, — выдохнул островитянин. — Так не годится. Ты явно провоцируешь их на кровопролитие. Калантэ, ты их попросту науськиваешь...

— Замолчи, Эйст, — яростно прошипела королева. — Не то я разгневаюсь.

Черные глаза Мышовура сверкнули, когда друид указал ими на Раинфарна из Аттре, который собирался встать с угрюмым, перекошенным лицом. Геральт немедленно прореагировал, опередив его, встал первым, шумно отодвинув стул.

— Возможно, Совет не понадобится, — громко и звучно сказал он.

Все удивленно замолчали. Геральт чувствовал на себе изумрудный взгляд Паветты, взгляд Йожа из-за решетки забрала, чувствовал вздымающуюся, как волна наводнения, Силу, густеющую в воздухе. Видел, как под влиянием этой Силы дым от факелов и светильников начинает принимать фантастические формы. Он знал, что Мышовур тоже это видит. Но знал также, что никто другой не замечает.

— Я сказал, — спокойно повторил он, — что, возможно, собирать Совет не понадобится. Ты понимаешь, что я имею в виду, Йож из Эрленвальда?

Шипастый рыцарь сделал два скрипучих шага вперед.

— Понимаю, — сказал он глухо из-за забрала. — Глупый бы не понял. Я слышал, что минуто назад сказала милостивая и благородная государыня Калантэ. Она нашла прекрасный способ отделаться от меня. Я принимаю твой вызов, незнакомый рыцарь.

— Не припомню, чтобы я тебя вызывал, — сказал Геральт. — Я не собираюсь драться с тобой, Йож из Эрленвальда.

— Геральт! — крикнула Калантэ, скривив губы и забыв о том, что ведьмака следует именовать «Благородным Равиксом». — Не перетягивай струны! Не испытывай моего терпения!

— И моего! — злоеце добавил Раинфарн.

А Крах ан Крайт только заворчал. Эйст Турсеах весьма многозначительно показал ему кулак. Крах заворчал еще громче.

— Все слышали, — проговорил Геральт, — как барон из Тигта рассказывал о славных героях, отнятых в детстве у родителей в силу таких же клятвенных обещаний, какое Йож вынудил

дать короля Рёгнера. Однако почему и зачем требуют таких клятв? Ты знаешь ответ, Йож из Эрленвальда. Такая клятва способна создать могучие, неразрывные узы Предназначения между требующим клятвы и ее объектом, то есть ребенком-Неожиданностью. Такому ребенку, избранному слепой судьбой, могут быть предначертаны необычные деяния. Он, может быть, способен сыграть невероятно важную роль в жизни того, с кем его свяжет судьба. Именно поэтому, Йож, ты потребовал от Рёгнера мзду, которую намерен ныне получить. Тебе не нужен трон Цинтры. Тебе нужна принцесса.

— Все именно так, как ты говоришь, незнакомый рыцарь, — громко рассмеялся Йож. — Именно этого я добиваюсь! Отдайте мне ту, которая станет моим Предназначением!

— Это, — сказал Геральт, — еще надо доказать.

— Ты смеешь сомневаться? После того, как королева подтвердила истинность моих слов? После всего, что сам только что сказал?

— Да. Потому что ты не сказал нам всего. Рёгнер, Йож, знал силу Права Неожиданности и весомость данной тебе клятвы. А дал он ее, зная, что закон и обычай обладают силой, защищающей клятвы. Следящей за тем, чтобы они исполнялись только в том случае, если их подтвердит сила Предназначения. Я утверждаю, что пока еще у тебя нет на принцессу никаких прав, Йож. Ты получишь их лишь после того, как...

— После чего?

— После того, как принцесса согласится уйти с тобой. Так гласит Право Неожиданности. Лишь согласие ребенка, а не родителей подтверждает клятву, доказывает, что ребенок действительно родился под сенью Предназначения. Именно поэтому ты вернулся спустя пятнадцать лет, Йож. Ибо именно такое условие включил в свою клятву король Рёгнер.

— Кто ты?

— Геральт из Ривии.

— Кто ты такой, Геральт из Ривии, что возомнил себя оракулом в вопросах обычаев и законов?

— Он знает закон лучше кого бы то ни было, — хрипло сказал Мышовур, — ибо к нему этот закон был когда-то применен. Его когда-то забрали из родительского дома, потому

что он оказался тем, кого отец, возвратясь, никак не думал застать дома. Он был предназначен для чего-то иного. И силой Предназначения стал тем, кто он есть.

— И кто же он?

— Ведьмак.

В наступившей тишине ударил колокол в кордегардии, тоскливым звоном возгласив полночь. Все вздрогнули и подняли головы. На лице глядевшего на Геральта Мышовура появилось странное выражение. Но заметнее и беспокойнее всех пошевелился Йож. Его руки в железных перчатках упали вдоль тела, шипастый шлем покачнулся.

Странная, неведомая Сила, заполнившая залу седым туманом, вдруг погустела.

— Это верно, — сказала Калантэ. — Геральт из Ривии — ведьмак. Его профессия достойна уважения и почтения. Он посвятил себя тому, чтобы оберегать нас от ужасов и кошмаров, которые рождает ночь, посылают злоеvidence, враждебные людям силы. Он убивает всех страшилищ и монстров, какие подстерегают нас в лесах и ярах. А также и тех, которые имеют наглость появляться в наших владениях.

Йож молчал.

— А посему, — продолжала королева, поднимая унизанную перстнями руку, — да исполнится закон, да исполнится клятва, выполнения которой домогаешься ты, Йож из Эрленвальда. Пробило полночь. Твой обет уже не действует. Откинь забрало. Прежде чем моя дочь выскажет свою волю, пусть она увидит твое лицо. Все мы хотим увидеть твое лицо.

Йож из Эрленвальда медленно поднял закованную в железо руку, рванул завязки шлема, снял его, схватившись за железный рог, и со звоном кинул на пол. Кто-то вскрикнул, кто-то вырутался, кто-то со свистом втянул воздух. На лице королевы появилась злая, очень злая ухмылка. Ухмылка жестокого торжества.

Поверх широкого полукруглого металлического нагрудника на них глядели две выпуклые черные пуговицы глаз, размещенные по обе стороны покрытого рыжеватою щетиной, вытянутого, тупого, украшенного дрожащими вибриссами рыла с пастью, заполненной острыми белыми зубами. Голова и шея стоящего

посреди залы существа топорщились гребнем коротких, серых, шевелящихся игл.

— Так я выгляжу, — проговорило существо, — о чем ты прекрасно знала, Калантэ. Рёгнер, рассказывая тебе о приключении, случившемся с ним в Эрленвальде, не мог умолчать о внешности того, кому был обязан жизнью. Ты прекрасно подготовилась к моему визиту, королева. Твой возвышенный и презрительный отказ исполнить данное слово не одобрили твои же вассалы. Когда провалилась попытка напустить на меня других, жаждущих заполучить руку Паветты, у тебя в запасе оказался еще убийца-ведьмак, восседающий по правую руку. И наконец, обычный, низкий обман. Ты хотела унижить меня, а унизила себя.

— Довольно. — Калантэ встала, подбоченилась. — Покончим с этим. Паветта! Ты видишь, кто, а вернее, что стоит перед тобой и надеется тебя заполучить. По букве и духу Права Неожиданности и извечного обычая решение принадлежит тебе. Отвечай. Достаточно одного твоего слова. Скажи: «Да» — и ты станешь собственностью, добычей этого чудидца. Скажешь: «Нет» — и ты уже никогда его не увидишь.

Пульсирующая в зале Сила стиснула виски Геральта железным обручем, шумела в ушах, поднимала волосы на шее. Ведьмак смотрел на белеющие фаланги пальцев Мышовура, стиснутые на краю стола. На тонкую струйку пота, сбегаящую по щеке королевы. На крошки хлеба на столе, которые, двигаясь, словно козявки, образовывали руны, разбегающиеся и снова собирающиеся в четкую надпись: «ВНИМАНИЕ!»

— Паветта! — повторила Калантэ. — Отвечай. Хочешь ли ты уйти с этим созданием?

Паветта подняла голову.

— Да.

Сила, переполнявшая залу, вторила ей, глухо гудя под сводами. Никто, абсолютно никто не издал ни малейшего звука.

Калантэ медленно, очень медленно опустилась на трон. Ее лицо не выражало абсолютно ничего.

— Все слышали, — раздался в тишине спокойный голос Йожы. — Ты тоже, Калантэ. И ты, ведьмак, хитрый наемный убийца. Мои права подтверждены. Правда и Предназначение

восторжествовали над ложью и мошенничеством. Что ж вам остается, благородная королева и переодетый ведьмак? Холодная сталь?

Никто не отозвался.

— Охотнее всего, — продолжал Йож, шевеля вибриссами и морщась, — я немедленно покинул бы это место вместе с Паветтой, но я не откажу себе в небольшом удовольствии. Ты, Калантэ, подведешь свою дочь ко мне и вложишь ее белую ручку в мою руку.

Калантэ медленно повернула голову и взглянула на ведьмака. В ее глазах был приказ. Геральд не шелохнулся, чувствуя и видя, как собирающиеся в воздухе капли Силы конденсируются на нем. Только на нем. Он уже знал. Глаза королевы превратились в узенькие щелочки, губы дрогнули...

— Что?! Что такое? — вдруг зарычал Крах ан Крайт, срываясь с места. — Белую ручку? В его лапу? Принцесса и этот щетинистый поганец? Это свиное рыло?

— А я собирался драться с ним как с рыцарем! — вторил ему Раинфарн. — С этим страховидлом, с этой скотиной? Затравить его собаками! Собаками!

— Стража! — взвизгнула Калантэ.

Дальше пошло прытко. Крах ан Крайт, схватив со стола нож, с треском повалил стул. Послушный приказу Эйста Драйт Бон-Дху, не раздумывая, изо всей силы хватил его по затылку дудкой от волынки. Крах повалился на стол между заливым осетром и кривыми «шпангоутами» ребер, оставшимися от запеченного кабана.

Раинфарн подскочил к Йожу, блеснув вытащенным из рукава кинжалом. Кудкудак, сорвавшись, пнул табурет прямо ему под ноги. Раинфарн ловко перепрыгнул преграду, но минутной задержки хватило — Йож обманул его коротким финтом и тут же послал на колени могучим ударом закованного в железо кулака. Кудкудак налетел, чтобы вырвать у Раинфарна кинжал, но его задержал князь Виндхальм, ухватив зубами за бедро, словно кровожадный пес.

От дверей бежали стражники, вооруженные гизармами, глевиями и пиками. Калантэ, прямая и грозная, указала им на Йожу властным, резким жестом. Паветта принялась кричать,

Эйст Турсеах ругаться. Все повскакивали с мест, не очень-то зная, что делать.

— Убейте его! — крикнула королева.

Йож, зловеще фыркая и оскалив клыки, обернулся к нападающим стражникам. Он был безоружен, но закован в покрывающую шипами сталь, от которой со звоном отскакивали острия глевий. Однако удар отбросил его назад, прямо на поднимающегося с пола Раинфарна, который остановил его, схватив за ноги. Йож зарычал, отражая железными налокотниками удары. Раинфарн пырнул его кинжалом, но острие скользнуло по пластинам нагрудника. Стражники, скрестив древки, приперли Йожа к облицовке камина. Раинфарн, повисший у него на поясе, отыскал в панцире щель и всадил туда кинжал. Йож согнулся.

— Да-а-ани! — тонко взвизгнула Паветта, вспрыгивая на стул.

Ведьмак с мечом в руке помчался по столу к дерущимся, раскидывая блюда, тарелки и кубки. Он знал, что времени мало. Визг Паветты становился все неестественнее. Раинфарн снова занес кинжал.

Геральт рубанул, соскочив со стола, подогнув колени. Раинфарн взвыл, покатился к стене. Ведьмак закружился, серединой меча достал стражника, пытавшегося всадить острие глевию между юбкой и нагрудником Йожа. Стражник рухнул на пол, теряя плоский шлем. От входа бежали новые.

— Так не пойдет! — зарычал Эйст Турсеах, хватая стул. С размаху сломал неудобный предмет мебели о пол, а с тем, что осталось в руке, бросился на приближающихся стражников.

Йож, которого зацепили одновременно два крюка гизарм, с грохотом повалился на пол, закричал и зафыркал. Третий стражник подскочил, занес глевию для удара. Геральт острием меча ткнул его в висок. Волокущие Йожа стражники отскочили, бросив гизармы. Те, что бежали от входа, попятились от обломка тяжелого стула, свистящего в руке Эйста, словно волшебный меч Бальмур в правой руке легендарного Затрета Воруты.

Визг Паветты достиг вершины и неожиданно оборвался. Геральт, угадав, что их ждет, ничком упал на пол, поймав взглядом зеленоватую вспышку, тут же почувствовал жуткую боль в ушах, услышал чудовищный гул и дикий крик, вырывающийся из

многочисленных глоток. А потом ровный, монотонный, вибрирующий вой принцессы.

Стол, разбрасывая крутом блюда с яствами, вертясь, поднимался, тяжелые дубовые стулья мотались по зале, разбиваясь о стены, носились тучи пыли, летали гобелены и ковры. От входа доносился хруст, крик и сухой треск древков переламывающихся, как пруттики, древков гизарм.

Трон вместе с сидящей на нем Калантэ подпрыгнул, стрелой пронесся через залу, с грохотом врезался в стену и развалился. Королева упала, беспомощная, словно тряпичная кукла. Эйст Турсеах, едва удержавшись на ногах, прыгнул к ней, заключил в объятия, всем телом заслонил от бьющего в стены и пол града обломков.

Геральт, стиснув в кулаке медальон, со всей доступной скоростью полз туда, где Мышовур, все еще неведомо каким чудом стоявший на коленях, а не лежавший на животе, поднимал вверх короткий прутик боярышника. На конце прутика красовался крысиный череп. На стене, за спиной друида, самым настоящим огнем пылал гобелен, некогда изображавший осаду и пожар крепости Ортагор.

Паветта выла. Кружась, она криком, словно батогом, хлестала все и вся. Те, кто пытался встать с пола, тут же падали и извивались либо прилипали к стене. На глазах Геральта огромная серебряная соусница, выполненная в виде многовесельной лодки с поднятым носом, свистя в воздухе, сбила с ног пытавшегося увернуться воеводу с трудно запоминающимся именем. С бревенчатого потолка тихо сыпалась штукатурка. Под потолком кружил стол, распластавшийся на нем Крах ан Крайт метал вниз чудовищные проклятия.

Геральт дополз до Мышовура, и они присели за горкой, которую, считая снизу, образовали Дроздяк из Стрепта, бочонок пива, Дрогодар, стул и лютия Дрогодара.

— Чистейшая, первородная Сила! — крикнул друид, перекрывая гул и грохот. — Она не может с нею справиться!

— Знаю! — крикнул Геральт. Свалившийся неведомо откуда запеченный фазан с несколькими полосатыми перьями, еще торчавшими в тушке, саданул его по спине.

— Ее надо удержать! Стены начинают давать трещины!

- Вижу!
- Ты готов?
- Да.
- Раз! Два! Давай!

Оба ударили одновременно, Геральт Знаком Аард, Мышовур — жутким трехступенчатым заклинанием, от которого, казалось, начнет плавиться паркет. Кресло, на котором сидела принцесса, разлетелось вдребезги. Паветта этого словно и не заметила — продолжала висеть в воздухе, внутри прозрачной зеленоватой сферы. Не переставая вопить, она повернулась к ним, и ее личико вдруг съежилось в злоеющей гримасе.

— А, чтоб тебя! — зарычал Мышовур.

— Внимание! — крикнул ведьмак, втягивая голову в плечи. — Блокируй ее, Мышовур, блокируй, не то нам конец!

Стол тяжело рухнул на пол, ломая под собой крестовину и все остальное, что оказалось внизу. Лежавший на столе Крахан Крайт подлетел на три локтя. Крутом падал, сыпался тяжелый град из блюд и остатков еды, разлетелись, ударяясь о паркет, хрустальные фужеры. Сорванный со стены карниз загудел, как гром, сотрясая основы замка.

— Она высвобождает все! — крикнул Мышовур, целясь прутиком в принцессу. — Она высвобождает все! Теперь вся Сила ринется на нас!

Геральт ударом меча отразил летящую на друида большую двузубую вилку.

— Блокируй, Мышовур!

Изумрудные глаза метнули в них две зеленые молнии. Молнии свернулись в ослепительные, вращающиеся воронки, вихри, изнутри которых рванулась на них Сила, тараном разрывая черепа, гася глаза, поражая дыхание. Одновременно с Силой посыпались стекло, майолика, блюда, подсвечники, кости, надкусанные края хлеба, доски, досочки и тлеющие поленья из камина. Дико крича, словно огромный глухарь, пролетел над их головами кастелян Гаксо. Огромная голова вареного карпа расплющилась на груди Геральта, на золотом поле, медведе и девице из Четыругла.

Сквозь сотрясающие стены заклатья Мышовура, сквозь крик и вой раненых, гул, грохот и звон, сквозь вой Паветты

ведьмак неожиданно услышал самый страшный звук, какой только ему доводилось когда-либо слышать.

Кудкудак, стоя на карачках, сжимал руками и коленями волюнку Драйга Бон-Дху. А сам, перекрикивая зверские звуки, вырывающиеся из меха, откинув голову назад, выл и рычал, визжал и скрежетал, мычал и орал, создавая невероятную мешанину из голосов всех известных, неизвестных, домашних, диких и мифических животных.

Паветта, изумленная, замолчала, глядя на барона широко раскрытыми глазами. Сила резко ослабла.

— Давай! — рявкнул Мышовур, размахивая прутиком. — Давай, ведьмак!

Геральт ударил. Зеленоватая сфера, окружающая принцессу, лопнула под ударом, словно мыльный пузырь, пустота мгновенно всосала неистовствующую в зале Силу. Паветта тяжело свалилась на паркет и расплакалась.

Сквозь краткую тишину, звенящую в ушах после недавнего светопреставления, сквозь разгром и опустошение, поломанные предметы мебели и полумертвые тела с трудом начали пробиваться голоса.

— *Cuach op arse, ghou! y badraigh mal an cuach*, — долдонил Крах ан Крайт, выплевывая кровь, сочившуюся из искусанной губы.

— Возьми себя в руки, Крах, — с трудом проговорил Мышовур, отряхивая одежду от гречневой каши. — Здесь женщины.

— Калантэ. Любимая. Моя. Калантэ! — повторял Эйст Турсеах в паузах между поцелуями. Королева раскрыла глаза, но не пыталась высвободиться из объятий. Только сказала:

— Эйст. Люди же смотрят.

— Ну и пусть.

— Не пожелает ли, черт возьми, кто-нибудь объяснить мне, что это было? — спросил маршал Виссегерд, выползая из-под сорванного со стены gobelena.

— Нет, — сказал ведьмак.

— Лекаря сюда! — тонко крикнул Виндхальм из Аатре, склонившись над Раинфарном.

— Воды сюда! — кричал один из стрептских братьев, Держигорка, пытаясь погасить собственным кафтаном тлеющий gobelen. — Воды, скорее!

— И пива! — прохрипел Кудкудак.

Несколько рыцарей, еще способных стоять на ногах, пытались поднять Паветту, однако та оттолкнула их, встала без их помощи и нетвердыми шагами направилась к камину, рядом с которым, прислонившись к стене, сидел Йож, неловко пытаясь освободиться от измазанных кровью пластин панциря.

— Ох уж эта теперешняя молодежь! — фыркнул Мышовур, глядя на них. — Раненько начинают! Одно только у них на уме.

— А именно?

— Разве ты не знаешь, ведьмак, что девица, то бишь нетронутая, не могла бы воспользоваться Силой?

— Пропади она пропадом, ее невинность, — буркнул Геральт. — И вообще, откуда у нее такие способности? Насколько мне известно, ни Калантэ, ни Рёгнер...

— Унаследовала через поколение, это уж точно, — проговорил друид. — Ее бабушка, Адалия, движением бровей поднимала разводной мост. Эй, Геральт, глянь-ка! А эта никак не успокоится!

Калантэ, висевшая на плече Эйста Турсеаха, указала на раненого Йожа стражникам. Геральт и Мышовур быстро, но, как оказалось, напрасно, подошли. Стражники отскочили от полулежащего тела, попятились, шепча и бормоча что-то невнятное.

Чудовищная морда Йожа расплылась, затуманилась, начала терять очертания. Шипы и щетина, покачиваясь, превратились в черные, блестящие, вьющиеся волосы и курчавую бородку, обрамляющие бледное, угловатое мужское лицо, украшенное крупным носом.

— Что... — заикаясь, произнес Эйст Турсеах. — Кто это? Йож?

— Дани, — ласково сказала Паветта.

Калантэ, стиснув зубы, отвернулась.

— Заколдованный? — проворчал Эйст. — Но как...

— Пробило полночь, — сказал ведьмак. — Именно сейчас. Звон, который мы слышали раньше, был недоразумением и ошибкой... звонаря. Верно, Калантэ?

— Верно, верно, — простонол мужчина по имени Дани, ответив вместо королевы, которая, впрочем, и не собиралась

отвечать. — Однако, может быть, кто-нибудь, вместо того чтобы болтать, пособит мне снять железяки и вызовет лекаря? Спятивший Раинфарн ткнул меня под ребро.

— К чему нам лекарь? — сказал Мышовур, вынимая прутик.

— Достаточно. — Калантэ выпрямилась, гордо подняв голову. — Довольно. Когда все кончится, я хочу видеть вас у себя в палатах. Всех, кто здесь стоит. Эйст, Паветта, Мышовур, Геральт и ты... Дани. Мышовур?

— Да, королева?

— А этот твой прутик... Я стукнулась спиной. И... окрестностями...

— Слушаюсь, королева.

3

— ...заклятие, — продолжал Дани, потирая виски. — С рождения. Я так и не знаю, в чем была причина и кто это сделал. С полуночи до зари — нормальный человек, с зари... сами видели что. Акерспаарк, мой отец, хотел это скрыть. В Мехте люди суеверные, чародейства и заклатья в королевской семье могли бы роковым образом сказаться на династии. Со двора меня забрал один из отцовских рыцарей, воспитал, вдвоем мы бродили по миру, странствующий рыцарь с оруженосцем, потом, когда он погиб, я блуждал один. Уж и не помню, от кого-то услышал, что от порчи меня может освободить только ребенок-Неожиданность. Вскоре я встретил Рёгнера. Остальное вам известно.

— Об остальном мы знаем либо догадываемся, — кивнула Калантэ. — Особенно о том, что ты вскружил голову моей дочери. Паветта! И давно?

Принцесса опустила голову и подняла один палец.

— Ну извольте! Ах ты, маленькая колдунья. У меня под носом! Ну дай только узнать, кто впускал его ночью в замок! Ох, доберусь я до фрейлин, с которыми ты ходила собирать первоцветы! Первоцветы, черт побери! Ну и что мне теперь с вами делать?

— Калантэ... — начал Эйст.

— Не спеши, Турсеах. Я еще не кончила. Дани, все сильно усложнилось. Ты с Паветтой уже скоро год, так? И ничего. Это значит, что ты не у того отца выторговал обещание. Предназначение подшутило над тобой. Какая ирония, как говаривает Геральт из Ривии. Ведьмак.

— Чхал я на Предназначения, заклатья и иронию, — поморщился Дани. — Я люблю Паветту, она любит меня, только это имеет значение. Ты, королева, не можешь помешать нашему счастью.

— Могу, Дани, могу, и еще как, — усмехнулась Калантэ одной из своих безотказных улыбочек. — Но, к твоему счастью, не хочу. Есть у меня небольшой должок перед тобой, Дани. За что, сам знаешь. Я решительно хотела... Мне следовало бы просить у тебя прощения, но я этого страшно не люблю. Короче — отдаю тебе Паветту, и мы квиты. Паветта? Ты еще не передумала?

Принцесса отрицательно и горячо покачала головой.

— Благодарю, господу, благодарю, — улыбнулся Дани. — Ты мудрая и великодушная королева.

— Еще бы. И прекрасная.

— И прекрасная.

— Если хотите, можете оба остаться в Цинтре. Здешние люди не так суеверны, как жители Мехта, и быстро привыкнут. Впрочем, даже в обличье Йожа ты был весьма симпатичен. Только вот на трон ты пока рассчитывать не можешь. Я собираюсь еще немного покороче... нет, поцарствовать рядом с новым королем Цинтры. Благородный Эйст Турсеах из Скеллиге сделал мне некое предложение.

— Калантэ...

— Да, Эйст, я согласна. Мне еще никогда не доводилось слышать любовного признания, лежа на полу, среди обломков собственного трона, но... Как бы ты сказал, Дани? Только это имеет значение, и пусть никто не встанет на пути к моему счастью, искренне советую. А вы что так глазеете? Я не такая старая, как можно подумать, глядя на мою почти замужнюю дочурку.

— Ох уж эта нынешняя молодежь, — проворчал Мышовур. — Яблочко от яблоньки...

— Что ты там бормочешь, колдун?

— Ничего, государыня.

— Ну и славно. Кстати, Мышовур, у меня есть предложение. Паветте понадобится учитель. Ей следует знать, как обращаться со своим особым даром. Я люблю свой замок и хотела бы, чтобы он стоял как стоит. При следующем приступе истерии моей до чертиков способной доченьки он может развалиться на куски. Твой ответ, друид?

— Почту за честь.

— Мне кажется, — королева глянула в окно, — светает. Пора...

Она резко повернулась туда, где Паветта и Дани о чем-то шептались, держась за руки и чуть не соприкасаясь лбами.

— Дани!

— Да, королева?

— Ты слышишь? Светает! Уже светло! А ты...

Геральт взглянул на Мышовура, Мышовур на Геральта, и оба рассмеялись.

— Что это вас так рассмешило, волшебники? Разве не видите...

— Видим, видим, — заверил Геральт.

— Мы ждали, пока ты сама увидишь, — хмыкнул Мышовур. — Меня интересовало, когда ты сообразишь.

— Что?

— Ты сняла заклятие. Ты его сняла, — сказал ведьмак. — В тот момент, когда произнесла: «Отдаю тебе Паветту», исполнилось Предначертание.

— Это уж точно, — подтвердил друид.

— О боги, — медленно проговорил Дани. — Наконец-то. Черт побери, я думал, буду больше радоваться, думал, заиграют боевые трубы или что-нибудь похожее... Привычка. Королева! Благодарю тебя. Паветта, ты слышишь?

— Угу, — сказала принцесса, не поднимая глаз.

— Таким образом, — вздохнула Калантэ, устало глядя на Геральта, — все хорошо кончается. Ведь верно, ведьмак? Заклятие снято, надвигаются две свадьбы, ремонт тронной залы займет примерно месяц, четверо убитых, бесчисленное множество раненых, Раинфарн из Аттре еле дышит. Радуйся!

Знаешь ли, ведьмак, был момент, когда я собиралась приказать тебе...

— Знаю.

— А теперь я должна воздать тебе... должное. Господи, какая тавтология, или как там ее... Я требовала результата, и вот он — результат. Цинтра заключает союз со Скеллиге. Моя дочь удачно выходит замуж. Мне только что подумалось, что все и без того окончилось бы успешно в соответствии с Предназначением, даже если б я не пригласила тебя на пир и не посадила рядом с собой. Но я ошибалась. Предназначение мог свести на нет кинжал Раинфарна. А Раинфарна сдержал меч в руке ведьмака. Ты честно отработал свое. Остался лишь вопрос цены. Говори, чего ты желаешь?

— Минуточку, — сказал Дани, ощупывая перебинтованный бок. — Вопрос цены, говоришь? Должник — я, и мне следует...

— Не прерывай меня, зять, — прищурилась Калантэ. — Твоя теща не терпит, когда ее прерывают. Запомни! И знай, никакой ты не должник. Так уж получилось, что ты был чем-то вроде предмета сделки, которую заключили мы с Геральтом из Ривии. Я сказала, мы квиты, и не вижу смысла бесконечно просить у тебя прощения. Но договор наш по-прежнему в силе. Ну, Геральт, твоя цена?

— Хорошо, — сказал ведьмак. — Прошу дать мне твой зеленый шарф, Калантэ. Пусть он всегда напоминает мне о цвете глаз прекраснейшей из всех известных мне королев.

Калантэ рассмеялась, сняла с шеи ожерелье с изумрудами.

— Эта безделушка, — сказала она, — выполнена из камней соответствующего оттенка. Сохрани ее вместе с приятными воспоминаниями.

— Можно и мне кое-что сказать? — скромно произнес Дани.

— Разумеется, зятек, прошу, прошу.

— Я продолжаю утверждать, что я — твой должник, ведьмак. Моей жизни угрожал кинжал Раинфарна. Меня убили бы стражники, если б не ты. И коли заходит речь о какой бы то ни было цене, платить должен я. Ручаюсь, меня на это хватит. Чего ты желаешь, Геральт?

— Дани, — медленно проговорил Геральт, — ведьмак, которому задают такой вопрос, обязан просить, чтобы его повторили.

— Повторяю. Ибо, видишь ли, я — твой должник еще и по другой причине. Когда я узнал там, в зале, кто ты такой, я возненавидел тебя и подумал о тебе очень скверно. Я считал тебя слепым, кровожадным орудием, кем-то таким, кто бездумно и беспощадно убивает, оттирает кровь с клинка и пересчитывает деньги. Но я убедился, что профессия ведьмака действительно достойна уважения. Ты защищаешь нас не только от Зла, притаившегося во тьме, но и от того, которое сидит в нас самих. Жаль, что вас так мало.

Калантэ улыбнулась. Впервые за эту ночь Геральт готов был признать, что улыбка получилась естественной.

— Хорошо сказал мой зять. К этому я должна добавить два слова. Ровно два. Прости, Геральт.

— А я, — серьезно сказал Дани, — повторяю: чего ты желаешь?

— Дани, — так же серьезно сказал Геральт, — Калантэ, Паветта. И ты, благородный рыцарь Турсеах, будущий король Цинтры. Чтобы стать ведьмаком, надобно родиться под сенью Предназначения, а очень мало таких, кто так рождается. Поэтому-то нас так мало. Мы стареем, погибаем и не можем никому передать свои знания, свои способности. Нам недостает наследников. А этот мир полон Зла, которое только и ждет момента, когда нас не станет.

— Геральт, — шепнула королева.

— Да, королева, ты не ошиблась. Дани! Ты дашь мне то, что уже имеешь, но о чем не знаешь. Я вернусь в Цинтру через шесть лет, чтобы проверить, было ли Предназначение ко мне благосклонно.

— Паветта, — раскрыл глаза Дани. — Неужели ты...

— Паветта! — воскликнула Калантэ. — Ты... Неужели...

Принцесса потупилась и покраснела. А потом ответила.

ГЛАС РАССУДКА V

еральт! Эй! Ты здесь?

Геральт оторвался от пожелтевших шероховатых страниц «Истории мира» Родерика де Новембра — интересного, хоть и несколько спорного произведения, которое изучал со вчерашнего дня.

— Я здесь. В чем дело, Нэннеке? Я тебе нужен?

— К тебе гость.

— Опять? Кто на сей раз? Дюк Эревард собственной персоной?

— Нет. На сей раз Лютик, твой дружок, шалопай, трутень и бездельник, жрец искусства, блистающая звезда баллады и любовных виршей. Как обычно, ослепленный славой, надутый, словно свиной пузырь, и пропахший пивом. Хочешь его видеть?

— Конечно. Это ж мой друг.

Нэннеке, вздохнув, пожала плечами.

— Не понимаю такой дружбы. Он — полная тебе противоположность.

— Противоположности сходятся.

— Ясно. Вот, изволь, шествует, — указала она движением головы. — Твой великий поэт.

— Он действительно великий поэт, Нэннеке. Думаю, не станешь утверждать, будто не слышала его баллад.

— Слышала, — поморщилась жрица. — А как же. Ну что ж, я в этом не разбираюсь, возможно, умение ничтоже сумняшея перескакивать с волнующей лирики на непристойное свинство как раз и есть талант. Ну ладно. Прости, я вынуждена уйти. Мне не хочется слушать ни его виршей, ни вульгарных шуточек. Я сегодня не в настроении.

Из коридора донесся залиvistый смех, треньканье лютни, и на пороге библиотеки возник Лютик в лиловой курточке из толстого сукна с кружевными манжетами, в шапочке набекрень. Увидев Нэннеке, трубадур преувеличенно почтительно поклонился, метя по полу приколотым к шапочке пером цапли.

— Мое глубочайшее почтение, э, почтеннейшая мать, — дурашливо запищал он. — Хвала Великой Мелитэле и жрицам ее, сосудам добродетели и мудрости...

— Перестань паясничать, Лютик, — фыркнула Нэннеке. — И не именуй меня матерью. При одной мысли, что ты мог бы быть моим сыном, меня охватывает ужас.

Она повернулась и вышла, шурша длинным платьем. Лютик, строя обезьяньи рожицы, изобразил поклон.

— Ну ничуть не изменилась, — сказал он добродушно. — По-прежнему не воспринимает шуток. Взъярилась на меня за то, что, приехав, я немного поболтал с привратницей, этой премиленькой блондиночкой с длинными ресницами, девичьей косой аж до складненькой попочки, не удипнуть которую было бы грешно. Ну я и удипнул, а Нэннеке, которая в этот момент как раз подошла... Да что там. Здравствуй, Геральт.

— Здравствуй, Лютик. Как узнал, что я здесь?

Поэт выпрямился, подтянул брюки.

— Я был в Вызиме. Услышал об упырице, узнал, что ты был ранен. Догадался, куда ты мог отправиться на лечение. Вижу, ты уже здоров?

— Правильно видишь. Но попробуй объяснить это Нэннеке. Садись, поболтаем.

Лютик присел, заглянул в книгу, лежащую на пюпитре, и усмехнулся.

— История? Родерик де Новембр? Читал, читал. Когда учился в Оксенфуртской академии, история занимала второе место в списке моих любимых предметов.

— А первое?

— География, — серьезно сказал поэт. — Атлас мира был большой, и за ним легче было скрыть пузырь с водкой.

Геральт сухо засмеялся, встал, снял с книжной полки «Тайны магии и алхимии» Лунини и Тирсса и извлек на свет Божий спрятанный за солидным томом пузатый, оплетенный соломкой сосуд.

— Ого, — явно повеселел поэт. — Мудрость и вдохновение, как вижу, по-прежнему укрываются в вивлиофиках. Это я люблю. На сливе, небось? Да, это алхимия, уж точно. Вот он — философский камень, воистину достойный изучения. Твое здорье, брат. О-ох, крепка, зараза.

— Что привело тебя сюда? — Геральт взял у поэта бутыл, глотнул и закашлялся, мотая забинтованной шеей. — Куда путь держишь?

— А никуда. То есть мог бы и туда, куда держишь ты. Сопровождать тебя. Долго намерен тут отсиживаться?

— Недолго. Местный дюк дал понять, что я нежелательный гость в его владениях.

— Эревард? — Лютик знал всех королей, князей, владык и сеньоров от Яруги до Драконьих гор. — Наплюй на него. Он не решится испортить отношения с Нэннеке, с богиней Мелителе. Народ как пить дать спалит его хозяйство.

— Мне ни к чему лишние заботы. А сижу я здесь и без того достаточно долго. Поеду на юг, Лютик. Далеко на юг. Здесь мне работы не найти. Цивилизация! На кой им хрен ведьмак? Когда я спрашиваю о какой-нибудь работе, на меня смотрят как на диковинку.

— Что ты плетешь? Какая там цивилизация? Я переправился через Буину неделю назад и наслушался в тутошних местах самых разных разностей. Похоже, есть тут и водяные, и व्यюны, и химеры, и летюги. Вообще, дрянь всяческая. Работы — по уши.

— Разности-то и я слышал. Половина или придумана, или преувеличена. Нет, Лютик. Мир изменился. Кое-что кончается.

Поэт отхлебнул из бутылки, прищурился, тяжело вздохнул.

— Опять начинаешь слезы лить над своей грустной ведьмачьей судьбой? Да еще и философствуешь? Обнаруживаю

пагубные последствия не того, какое надобно, чтения. Потому как к мысли об изменяющемся мире пришел даже этот старый хрыч, Родерик де Новембр. Изменчивость мира в принципе — то единственная идея в его трактате, с которой можно согласиться безоговорочно. Но идея, скажу я, не настолько новая, чтобы потчевать ею меня и при этом изображать из себя мыслителя, что, поверь, тебе вовсе не к лицу.

Вместо ответа Геральт тоже отхлебнул из бутылки.

— Конечно же, — снова вздохнул Лютик. — Мир изменится, солнце заходит, а водка кончается. Как думаешь, что кончается еще? Ты упоминал об окончании, философ.

— Вот тебе несколько примеров, — сказал Геральт, немного помолчав. — За последние два месяца, проведенных на этом берегу Буины. Однажды подъезжаю, гляжу — мост. Под мостом сидит тролль, с каждого прохожего и проезжего требует пошлину. Тому, кто отказывается, переламывает ногу, а то и две. Ну иду к солтысу — сколько дадите, спрашиваю, за этого тролля. Солтыс от изумления аж рот разинул. То есть как, спрашивает, а кто будет мост чинить, ежели тролля не станет? Тролль заботится о мосте, регулярно починяет, в поте лица, солидно, на совесть. Выходит, дешевле получается отваливать ему пошлину. Ладно. Еду дальше, гляжу — вилохвост. Небольшой такой, аршин пять от носа до хвоста. Летит, тащит в когтях овцу. Я — в село: сколько, спрашиваю, заплатите за гада? Мужики на колени, нет, кричат, это любимый дракон младшей дочки нашего барона, если у него с живота хоть одна чешуйка упадет, барон село спалит, а с нас шкуру сымет. Еду дальше, а есть все больше хочется. Выспрашиваю о работе, верно, есть, но какая? Тому поймай русалку, этому нимфу, третьему этакую духобабу... Вконец спятили, по селам девок полно, ан нет, подавай им нелюдей. Иной просит, чтобы я прикончил двусила и принес кость от его руки, потому как если ее размолоть и добавит в похлебку, то вроде бы потенция усиливается.

— Вот это-то как раз трепотня, — вставил Лютик. — Пробовал. Не усиливает ничегошеньки, а похлебка становится вроде отвара из онучей. Но если люди верят и готовы платить...

— Не стану я убивать двусилов. И других безвредных существ.

— Значит, будешь ходить с пустым брюхом. Разве что сменишь работу.

— На какую?

— А не все равно, на какую? Иди в священники. Был бы вовсе недурен со своими принципами, со своей моралью, со своим знанием человеческой природы и вообще всего сущего. То, что ты не веришь ни в каких богов, не проблема. Я мало знаю священников, которые верят. Стань священником и кончай проливать над собой слезы.

— Я не проливаю. Констатирую.

Люттик заложил ногу на ногу и с интересом стал рассматривать стершуюся подошву.

— Ты, Геральт, напоминаешь мне старого рыбака, который под конец жизни обнаружил, что рыбы пахнут, а от воды тянет холодом и ломит в костях. Будь последовательным. Трепом и стенаниями тут не поможешь. Если б я увидел, что потребность в поэзии кончается, повесил бы лютию на гвоздь и занялся садом. Розы выращивать.

— Ерунда. На такое самопожертвование ты не способен.

— Ну что ж, — согласился поэт, продолжая изучать подошву. — Может, ты и прав. Но у нас немного различные профессии. Спрос на поэзию и звуки лютии никогда не увянет. С тобой дело похуже. Вы, ведьмаки, сами себя лишаете работы. Медленно, но верно. Чем лучше и тщательнее работаете, тем меньше у вас остается работы. Ведь ваша цель, резон существования — мир без чудовищ, мир спокойный и безопасный. То есть мир, в котором ведьмаки не потребны. Парадокс, верно?

— Верно.

— Давным-давно, когда еще жили единороги, существовала большая группа девушек, которые хранили девственность, чтобы иметь возможность их ловить. Помнишь? А крысоловы со свирелями? Людишки прямо-таки дрались за них. А прикончили крыс алхимики, придумав сильнодействующие яды, к тому же помогли прирученные кошки, белые хорьки и ласки. Зверушки оказались дешевле, приятнее и не хлебали столько пива. Примечаешь аналогии?

— Примечаю.

— Так воспользуйся чужим опытом. Девственницы, занимавшиеся единорогами, мгновенно перестали быть таковыми, как только потеряли работу. Некоторые, стремясь наверстать годы воздержания, со временем стали широко известны техникой и пылом. Крысоловы... Ну этим лучше не подражай, все они, как один, спились и отправились к праотцам. Похоже, теперь настал черед ведьмаков. Ты читаешь Родерика де Новембра? Там, если мне память не изменяет, упоминаются ведьмаки, те, первые, что начали колесить по стране лет триста назад, когда кметы выходили на жатву вооруженными толпами, деревни окружали тройным частоколом, купеческие караваны напоминали колонны наемников, а на защитных валах немногочисленных городищ денно и нощно стояли готовые к стрельбе катапульты. Потому что мы, люди, были здесь незваными гостями. Здешними землями владели драконы, мантихоры, грифоны и амфисбены, вампиры, оборотни и упыри, кикиморы, химеры и летюги. И землю приходилось отбирать у них клочками, каждую долину, каждый перевал, каждый бор и каждую поляну. И удалось это не без неоценимой помощи ведьмаков. Но эти времена, Геральт, ушли безвозвратно. Барон не позволяет забить вилохвоста, потому что это, вероятно, последний драконид в радиусе тысячи верст и уже вызывает не страх, а сочувствие и ностальгию по ушедшему времени. Троль под мостом сжился с людьми, он уже не чудовище, которым пугают детей, а реликт и местная достопримечательность, к тому же полезная. А химеры, мантихоры, амфисбены? Сидят в чащобах и неприступных горах...

— Значит, я был прав. Кое-что кончается. Нравится тебе это или нет. Но кое-что кончается.

— Не нравится мне, что ты излагаешь прописные истины. Не нравится мина, с которой ты это делаешь. Что с тобой творится? Не узнаю тебя, Геральт. Эх, зараза, едем скорее на юг, в те дикие края. Вот прикончишь пару-другую чудовищ — и конец твоей хандре. А чудовищ там вроде бы немало. Говорят, как только какой-нито старой бабке жизнь опостылет, так идет она, сердечная, одна-одинешенька за хворостом в лес, не прихватив с собой рогатины. Результат гарантирован. Ты должен осесть там навсегда.

— Может, и должен. Но не осесть.

— Почему? Там ведьмаку легче заработать.

— Заработать легче, — Геральт отхлебнул из бутылки, — да потратить труднее. К тому же там едят ячневую кашу и просо, у пива привкус чего-то непонятного и комары грызут.

Лютик расхохотался во все горло, опершись затылком об оправленные в кожу корешки книг на полке.

— Просо и комары! Это напоминает мне наш первый совместный поход на край света. Помнишь? Мы познакомились на гулянье в Гулете, и ты уговорил меня...

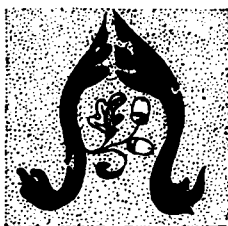
— Это ты меня уговорил. Тебе самому пришлось чесать из Гулеты, потому как у девушки, которую ты трахнул под настилом для музыкантов, оказалось четверо рослых братьев. Тебя искали по всему городу, грозились вывалить в соломе и опилках. Потому ты ко мне тогда и пристал.

— А ты чуть было из порток не выскочил от радости, что нашел попутчика. До того ты в дороге мог поболтать разве что с кобылой. Но пусть ты прав, было как говоришь. Я действительно тогда вынужден был скрыться на какое-то время, а Долина Цветов казалась мне самым подходящим местом. Ведь считалось, что это край населенного света, форпост цивилизации, самый что ни на есть выдвинутый пункт на границе двух миров... Помнишь?

— Помню, Лютик, помню.

КРАЙ СВЕТА

1

ютик осторожно спустился по ступеням трактира, держа в руках два истекающих пеной жбана. Бранясь себе под нос, он протиснулся сквозь кучку любопытствующих ребятишек. Пересек двор, обходя коровьи лепешки.

Вокруг выставленного на майдане стола, за которым ведьмак беседовал с солтысом, уже собралось десятка полтора поселенцев. Поэт поставил жбаны на стол, присел и сразу же понял, что за время его краткого отсутствия разговор нисколько не продвинулся.

— Я ведьмак, милсдарь солтыс, — повторил неведомо который раз Геральт, утирая губы. — Я ничем не торгую. Я не занимаюсь вербовкой в армию и не умею вылечивать сап. Я — ведьмак.

— Профессия такая, — пояснил неведомо который раз Лютик. — Ведьмак, понятно? Упырей убивает и вампиров. Всяку погань... укокошивает. Понимаете, солтыс?

— Ага! — Лоб солтыса, пропаханный глубокими бороздами от тяжелого мышления, разгладился. — Ведьмак! Ну да! А как же! Надоть было так сразу!

— Вот именно, — подтвердил Геральт. — Так вот я сразу и спрошу: найдется для меня в округе какая-никакая работа?

— А-а-а. — Солтыс снова принялся так натужно мыслить, что это можно было заметить невооруженным глазом. — Работа? Да нет... Разве что эти... Ну... Живоглоты? Вы о том, есть ли тут живоглоты?

Ведьмак усмехнулся и кивнул, почесав пальцем веко.

— Есть, — пришел к заключению солтыс после долгого раздумья. — А как же. Гляньте туды, горы видите? Там эльфы живут, там ихнее царство. Дворцы ихние, говорю, — ну прям из чистого золота. Ого-го! Эльфы, говорю. Ужас! Кто туды пойдет, не возвратится.

— Так я и думал, — холодно сказал Геральт. — Именно потому я туда и не собираюсь идти.

Люттик нахально захохотал. Как и ожидал Геральт, солтыс думал долго. Наконец сказал:

— Ага. Ну да, оно, конечно. Но тута есть и другие живоглоты... Видать, лезут из эльфовых краев. Ну есть, милсдарь ведьмак, есть, а как же. Конца-краю им нету. А хуже всех будут привидения, я верно говорю, людишки?

«Людишки» оживились, окружили стол со всех сторон.

— Привидения! — сказал один. — Да, да, староста верно глаголет. Блудная девка по хатам ходит на заре, а детишки оттого мрут!

— И домовые еще! — добавил другой, солдат из местной стражи. — Конямы гривы заплетают по стойлам, сталбыты!

— И нетопыри! Нетопыри тожить тута есть!

— И эти, как их, ну, порчуны! Из-за их человек аж коростой покрывается!

Несколько минут ушло на активнее перечисление чудовищ, досаждавших местным хозяевам своими гнусными поступками или самим только своим существованием. Геральт и Люттик узнали об отвертах и мамунах, из-за которых порядочный человек в дом не может попасть в пьяном виде, о летюге, которая, вишь ты, летает, сталбыть, и сосет у коров молоко, о бегающей в лесу голове на паучьих ногах, о кободах, носящих красные шапочки, и о грозной щучине, коя вырывает, слышь, белье из рук стирающих в реке баб и того и гляди возьмется за самих энтих баб. Не обошлось, как обычно, без жалоб на то, что-де старуха Нарадкова по ночам летает на помеле, а днем

ворует фрукты, мельник подмешивает в муку желудевый просев, а некий Дуда, говоря о королевском управляющем, обзывает того вором и сволочью.

Геральт выслушал спокойно, кивая в притворном внимании, задал несколько вопросов, в основном относительно дорог и топографии, затем встал и кивнул Лютику.

— Ну, бывайте здоровы, добрые люди, — сказал он. — Я скоро вернусь, тогда посмотрим, что удастся для вас сделать.

Они молча ехали вдоль халуп и заборов под лай собак и ор детей.

— Геральт, — проговорил Лютик, поднявшись на стременах и сорвав маленькое яблочко с выглянувшей за ограду ветки. — Ты постоянно сетуешь на то, что тебе все труднее найти занятие. А из сказанного нам следует, что работы у тебя здесь навалом, будешь вкалывать до зимы, причем без передышки. Ты бы заработал немного денег, я набрал бы чудные темы для баллад. Так почему, объясни мне, мы едем дальше?

— Я не заработал бы и шелонга, Лютик.

— Это почему же?

— А потому же, что в их словах не было и сотой доли правды.

— Не понял?

— Нет таких существ, о которых они говорили. Нет и не было.

— Да ты шутишь! — Лютик выплюнул зернышко и запустил огрызком яблока в лохматого пса, особо яростно кидавшегося на бабки лошади. — Невероятно. Я внимательно наблюдал за этими людьми, а я в людях знаю толк. Они не лгали.

— Верно, — согласился ведьмак. — Не лгали. Они глубоко верили во все сказанное. Что, однако, не изменяет факта.

Поэт какое-то время молчал.

— Ни одного, говоришь, из этих чудищ... Ни одного? Да быть того не может! Что-то из их придумок должно существовать. Хотя бы одно! Согласись.

— Соглашаюсь. Одно тут есть наверняка.

— Ну вот! Что?

— Нетопыри. Летучие мыши, стало быть.

Они выехали за околицу, на дорогу, шедшую по полям, желтым от рапса и волнующегося на ветру овса. Навстречу тащились груженные возы. Бард перекинул ногу через луку седла, поставил лютню на колено и натренькивал на струнах тоскливые мелодии, время от времени помахивая рукой хихикающим девчонкам в подобранных юбках, топающим по обочине с граблями на крепких плечах.

— Геральт, — сказал он вдруг, — но ведь чудовища существуют. Ну, может, их теперь не так много, как бывало, может, они не таятся за каждым деревом в лесу, но они — есть. Существуют. Так зачем же люди дополнительно придумывают таких, каких нет? Мало того, верят в свои придумки? А? Геральт из Ривии, прославленный ведьмак? А? Ты не задумывался над причиной?

— Задумывался, прославленный поэт. И знаю причину.

— Интересно бы услышать.

— Люди, — Геральт повернул голову, — любят выдумывать страшилищ и страхи. Тогда сами себе они кажутся не столь уродливыми и ужасными. Напиваясь до белой горячки, обманывая, воруя, исхлестывая жен вожжами, моря голодом старую бабу, четвертая топорами пойманную в курятнике лису или осыпая стрелами последнего оставшегося на свете единорога, они любят думать, что ужаснее и безобразнее их все-таки привидение, которое ходит на заре по хатам. Тогда у них легчает на душе. И им проще жить.

— Запомнил, — сказал Лютик после минутного молчания. — Подберу рифмы и сложу балладу.

— Сложи, сложи. Только не надейся на бурные аплодисменты.

Вскоре последние хаты селения скрылись у них из виду. И хоть ехали они медленно, вскоре осталась позади и полоса лесистых холмов.

— Хм. — Лютик остановил коня, осмотрелся. — Взгляни, Геральт. Разве не красиво? Идиллия, разрази меня гром. Глаз радуется!

Местность за холмами понемногу опускалась к ровным, плоским полям, изукрашенным мозаикой разноцветных посевов. Посреди, округлые и правильные, как листки клевера, стеклянились

зеркала трех озер, окаймленных темными полосами ольховника. Горизонт обозначала затянутая дымкой синяя линия гор, вздымающихся над черной бесформенной полосой бора.

— Едем, Лютик.

Дорога вела прямо к озерам вдоль дамбы и укрытых в ольховнике прудов, полных крякв, чирков, цапель и чомг. Богатство пернатой живности вызывало удивление, если учесть, что всюду просматривались следы деятельности человека — дамбы были ухожены, обложены фашиной, спуски для воды укреплены камнями и балками, шлюзовые щиты не прогнили, весело брызгали водой. В приозерном тростнике были видны лодки и помосты, а из глубины торчали шесты расставленных сетей и верш.

Лютик вдруг обернулся.

— За нами кто-то едет. На телеге!

— Это ж надо! — не оглядываясь, усмехнулся ведьмак. — На телеге! А я-то думал, местиные ездят на нетопырях.

— Знаешь, что я тебе скажу? — проворчал трубадур. — Чем ближе к краю света, тем тоньше становятся твои шуточки. Страшно подумать, до чего это может дойти!

Они ехали не спеша, а поскольку запряженная двумя пегими лошадьми телега была пустой, она догнала их быстро.

— Тпррр! — державший вожжи мужчина остановил коней сразу за ними. Кожушок он носил на голое тело, а волосы отпустил до самых бровей. — Славлю богов, милостивцы!

— И мы, — ответил Лютик, знакомый со здешними обычаями, — славим.

— Если хотим, — буркнул ведьмак.

— Меня зовут Крапивка, — сообщил возница. — Я слышал, как вы с солтысом из Верхнего Посада балакали. Знаю, что вы ведьмак.

Геральт опустил поводья, позволив кобыле пофыркать на придорожную крапиву.

— Слышал, — продолжал мужчина в кожухе, — как солтыс байки плел. Наблюдал за вами и диву давался. Давно я таких бредней и врак не слыхивал.

Лютик рассмеялся. Геральт молчал, внимательно глядя на парня. Крапивка кашлянул.

— А не возьметесь ли вы за настоящую, приличную работу, милсдарь ведьмак? — спросил он. — У меня для вас кое-что есть.

— И что же именно?

Крапивка глаз не опустил.

— О делах на дороге-то не болтают. Едемте ко мне, в Нижний Посад. Там поговорим. Ведь вам все равно туда.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что другой дороги тут нету, а ваши кони в ту сторону мордами, а не хвостами повернуты.

Лютик снова засмеялся.

— Что скажешь, Геральт?

— Ничего, — сказал ведьмак. — На дороге о делах не болтают. В путь, уважаемый Крапивка.

— Привязывайте коней к телеге и перелезайте ко мне, — предложил парень. — Удобнее будет. Чего ради задницу седлом мозолить?

— Святая истина.

Они перебрались на воз. Ведьмак с удовольствием растянулся на сене. Лютик, вероятно боясь испачкать модный зеленый кафтан, уселся на доску. Крапивка чмокнул коням, и телега затарахтела по укрепленной бревнами дамбе.

Переехали по мосту заросший кувшинками и ряской канал, миновали полосу скошенного луга. Дальше, насколько хватал глаз, тянулись обрабатываемые поля.

— Просто не верится, что это край света, конец цивилизации, — сказал Лютик. — Только глянь, Геральт. Рожь — что твое золото, а в кукурузе может спрятаться конный. Или вон та репа, посмотри, какая огромная.

— Да ты, никак, дока в сельском хозяйстве?

— Поэты должны знать все, — высокопарно проговорил Лютик. — В противном случае мы компрометировали бы себя. Учиться надо, дорогой мой, учиться. От села зависят судьбы мира, так что надобно разбираться в сельских делах. Деревия кормит, обувает, уберегает от холода, развлекает и поддерживает искусство.

— Ну, с развлечениями и искусством ты немного переборщил.

— А самогон из чего гонят?

— Понимаю.

— Мало понимаешь. Учись. Взгляни, видишь фиолетовые цветы? Это люпин.

— Вооце-то это вика, — вставил Крапивка. — Вы что, люпина не видели или как? Но в одном вы правы, милсдарь. Родится здесь все могутно и растет — глядеть приятственно. Оттого и говорят — Долина Цветов. Потому-то и поселились здесь наши деды, сначала выгурив отседова эльфов.

— Долина Цветов, или Дол Блатанна. — Лютик ткнул локтем растянувшегося на сене ведьмака. — Чуешь? Эльфов выгнали, а старое эльфово название оставили, только переименовали на свой лад. Недостаток фантазии. Ну и как вам живется здесь с эльфами, хозяин? Ведь они у вас в горах за межой.

— Не мешаем друг другу. Они сами по себе, мы сами по себе.

— Самый лучший выход, — сказал поэт. — Верно, Геральт?

Ведьмак не ответил.

2

— Благодарим за угощение. — Геральт облизал костяную ложку и положил ее в пустую тарелку. — Благодарим стократно, хозяин, а теперь, с вашего позволения, перейдем к делу.

— А и верно, можно, — согласился Крапивка. — Как, Дхун?

Дхун, солтыс Нижнего Посада, кряжистый мужик с угрюмым взглядом, кивнул девушкам, те быстро собрали со стола посуду и покинули комнату к явному сожалению Лютика, который с самого начала лыбился на них и вызывал смехи своими не совсем пристойными шуточками.

— Итак, слушаю, — произнес Геральт, глядя в окно, из-за которого доносились стук топоров и визг пилы. На дворе шла какая-то работа, резкий смоляной дух проникал в дом. — Говорите, чем могу быть полезен.

Крапивка взглянул на Дхуна. Тот кивнул, откашлялся и сказал:

— Сталбыть так. Есть тут у нас одно такое поле...

Геральт пнул под столом Лютика, который уже собрался съехидничать.

— Поле, — продолжал Дхун. — Я верно глаголю, Крапивка? Долго то поле пустовало, но распахали мы его и теперича сажаем на ём коноплю, хмель, лен. Большое поле, агромадное, глаголю. Аж под самый бор подходит...

— И что? — не выдержал поэт. — Что ж на том поле-то?

— Ну што-што? — Дхун поднял голову, почесал за ухом. — Што? Дьявол тама шатается, вот што.

— Что? — фыркнул Лютик. — Что такое?

— Я ж глаголю — дьявол.

— Какой дьявол?

— Какой-какой? Дьявол, и вся недолга.

— Дьяволов не бывает!

— Не лезь, Лютик, — спокойно сказал Геральт. — А вы продолжайте, уважаемый Дхун.

— Я ж глаголю — дьявол.

— Это я уже слышал. — Геральт, если хотел, мог быть чертовски терпеливым. — Перестаньте «глаголить» и скажите, как он выглядит, откуда взялся, чем вам мешает. По порядку, если можно.

— Ну да. Оно конечно. — Дхун поднял руку и принялся отсчитывать с большим трудом, загибая узловатые пальцы. — По порядку, ишь — мудёр! Ну, сталбыть, так. Выглядит-то он, мислдарь ведьмак, точь-в-точь как дьявол. Ни дать ни взять. Откедова взялся-то? А ниоткедова. Бах, сталбыть, трах, тарарах — глядим: дьявол. А мешать-то он нам, правду говоря, не шибко и мешает. Бывает, даже помогает.

— Помогает? — грохнул Лютик, пытаясь вытащить муху из пива. — Дьявол?

— Не лезь, я же просил. Продолжайте, уважаемый Дхун. И как же он вам помогает, этот, как вы его называете...

— Дьявол, — с нажимом повторил войт. — Угу, помогает, а как же: землю удобряет, почву рухлит, кротов изводит, птиц распутивает, за репой и буряками присматривает. Да и гусениц,

что в капусте заводятся, поедает. Хоша, правду сказать, и капусту тоже того — съедает. Но так, не очень, вроде бы шуткует. Одно слово — диавол.

Лютик снова захохотал, потом щелкнул пальцами и выстрелил вымоченной в пиве мухой в спящего у камина кота. Кот открыл один глаз и укоризненно взглянул на барда.

— И однако, — спокойно сказал ведьмак, — вы готовы мне заплатить, чтобы отделаться от того дьявола, так или нет? Иными словами, не хотите, чтобы он обретался в вашей округе?

— А кому ж, — Дхун утриемо взглянул на него, — хоща, чтобы диавол сидел у него на поле-то? Это наша земляца от дедов-прадедов, по королевской грамоте, и диаволу до нее никаких делов нет. Плевали мы на евонную помочь, што, у нас своих рук нету аль как? И вообще, милсдарь ведьмак, энто и не диавол никакой вовсе, а поганая скотина, и в черепушке евонной, прошу прощения, насрато так, што выдержат нету никакой мочи. Утром не ведаешь, што ему к вечеру в башку взбредет. То в колодезь наделает, то за девкой погонится, пугает, грозитя ее... это... Ну, в обчем, того... Крадет, милсдарь ведьмак, скот и провизию. Уничтожает и портит, надоедает всем, на дамбе ямы роет, словно крыса какая аль бобр, вода из одного пруда вконец вытекла, и карпы послули. В стогах трубку курил, сукин кот, пустил по ветру все сено...

— Понимаю, — прервал Геральт. — Значит, все-таки мешает.

— Не-а, — покрутил головой Дхун. — Не мешает. Озо-рует, вот што.

Лютик, сдерживая смех, отвернулся к окну. Ведьмак молчал.

— Да чего тут болтать, — проговорил молчавший до того Крапивка. — Вы — ведьмак или кто? Ну так наведите порядок с этим дьяволом. Искали работы в Верхнем Посаде, сам слышал. Так вот вам и работа. Мы заплатим сколь надо. Но учтите, мы не хотим, чтобы вы дьявола убили. Уж это точно.

Ведьмак поднял голову и нехорошо улыбнулся.

— Интересно. Я бы сказал — необычно.

— Што? — наморщил лоб Дхун.
— Необычное условие. Откуда вдруг столько милосердия?
— Убивать не можно, — Дхун еще сильнее сморщился, — потому как в той Долине...

— Нельзя, и вся недолга, — прервал Крапивка. — Поймайте его либо прогоните за седьмую гору. А будем расплачиваться — не обидим.

Ведьмак молчал, не переставая усмехаться.

— По рукам? — спросил Дхун.

— Сначала хотелось бы взглянуть на него, на этого вашего дьявола.

Селяне переглянулись.

— Ваше право, — сказал Крапивка и встал. — И ваша воля. Дьявол по ночам гуляет по всей округе, но днем сидит где-то в конопле. Или у старых верб на болоте. Там его можно увидеть. Мы вас не станем торопить. Хотите передохнуть, отдыхайте сколько влезет. Ни удобства, ни еды мы для вас не пожалеем, как того требует закон гостеприимства. Ну, бывайте.

— Геральт, — Лютик вскочил с табурета, выглянул во двор, на удаляющихся селян, — я перестаю что-либо понимать. Не прошло и дня, как мы разговаривали о выдуманных чудовищах, а ты вдруг нанимаешься ловить дьяволов. А о том, что именно дьяволы-то и есть выдумка, что это чисто мифические существа, знает каждый, за исключением, видать, темных кметов. Что должен означать твой неожиданный запал? Бьюсь об заклад, немного зная тебя, ты не снизошел до того, чтобы таким манером получить ночлег, харч и стирку?

— Действительно, — поморщился Геральт. — Похоже, ты меня уже немного знаешь, певун.

— В таком случае — не понимаю.

— А что тут понимать?

— Дьяволов нет! — крикнул поэт, окончательно вырывая кота из дремы. — Нет! Дьяволы не существуют, дьявол побори!

— Правда, — улыбнулся Геральт. — Но я, Лютик, никогда не мог противиться искушению взглянуть на то, чего не существует.

3

— Одно ясно, — проворчал ведьмак, окинув взглядом раскинувшиеся пред ними конопляные джунгли. — Этот дьявол не дурак.

— Откуда такой вывод? — полюбопытствовал Лютик. — Из того, что он сидит в непроходимой чаще? Любому зайцу ума хватит.

— Дело в особых свойствах конопли. Такое большое поле излучает мощную антимагическую ауру. Большинство заклинаний тут бессильно. А вон там, видишь, жерди? Хмель. Флюиды шишек хмеля действуют так же. Ручаюсь, это не случайность. Этот тип улавливает ауру и знает, что здесь он в безопасности.

Лютик откашлялся, подтянул брюки.

— Интересно, — сказал он, почесав лоб под шапочкой, — как ты приступишь к работе, Геральт? Никогда еще не видел тебя в деле. Полагаю, тебе кое-что известно о ловле дьяволов. Я пытаюсь припомнить древние баллады. Была одна о дьяволе и бабе, непристойная, но забавная. Понимаешь, баба...

— Отстань ты со своей бабой, Лютик.

— Как хочешь. Я только думал помочь, ничего больше. А к старым байкам надо относиться уважительно, в них — мудрость поколений. Есть, например, баллада о парне по имени Дурында, который...

— Прекрати. Пора браться за дело. Зарабатывать на еду и тюфяк.

— Что ты собираешься предпринять?

— Поштурую немного в конопле.

— Оригинально, — фыркнул трубадур. — Хоть и не очень.

— Ну а как бы начал ты?

— Интеллигентно, — напыжился Лютик. — Ловко. С об-лавы, например. Выгнал бы чертяку из зарослей, а в чистом поле догнал бы его на лошади и заарканил. Что скажешь?

— Очень оригинальная идея. Как знать, может, и удалось бы ее осуществить, если б ты пожелал принять участие, потому что для такой операции нужны по меньшей мере двое. Но пока

воздержимся. Для начала я хочу разобраться, что представляет собой этот черт. А значит, надо пошуровать в конопле.

— Эй, — бард только теперь заметил, — а где твой меч?

— А зачем он? Я тоже знаю балладу о чертях. Ни баба, ни парень по имени Дурында мечами не пользовались.

— Хм... — Лютик осмотрелся. — Что, лезть в самую середину?

— Тебе не обязательно. Можешь возвращаться в село и ждать меня там.

— Э, нет, — возразил поэт. — Пропустить такую оказию? Я тоже хочу увидеть черта, убедиться, действительно ли он так страшен, как его малюют. Я спросил, обязательно ли продирается сквозь коноплю, если есть стежка.

— Верно, — Геральт прикрыл глаза рукой. — Есть. Воспользуемся.

— А если это чертова тропа?

— Тем лучше. Не придется много ходить.

— Знаешь, Геральт, — толковал бард, следуя за ведьмаком по узкой, извилистой тропинке в конопле, — я всегда думал, что «черт» просто такая метафора, придуманная, чтобы было чем ругаться. «Черти взяли», «Черт с ним», «Черт знает что» и так далее. Так мы говорим на простом языке. Низушки, видя приближающихся гостей, говорят: «Снова кого-то дьяволы принесли». Краснолюды, ежели у них что-то не получается, причитают: «Дюввел хоел», а скверный товар называют «дюв-велшайсс». А в Старшей Речи есть такая поговорка: «A d'yeabl aер arse», прости за современный акцент, что означает...

— Я знаю, что это означает. Перестань болтать, Лютик.

Лютик замолчал, снял украшенную пером цапли шапочку, помахал ею и вытер вспотевший лоб. В зарослях конопли стояла тяжелая, влажная, душная жара, которую еще больше усиливал висящий в воздухе аромат цветущих трав и сорняков. Тропинка слегка вильнула и сразу за поворотом закончилась небольшой вытоптанной полянкой.

— Глянь-ка? — сказал Лютик.

В самом центре полянки лежал большой плоский камень, на нем — несколько глиняных мисочек. Между мисочками стояла почти полностью догоревшая сальная свеча. Геральт видел

прилепившиеся к лепешкам расплавившегося жира зерна кукурузы и бобов, а также другие косточки и семена.

— Так я и думал, — проворчал он. — Ему приносят жертвы.

— И верно, — сказал поэт, указывая на огорок. — И ставят черту свечку. Но кормят его, как видно, зернышками, словно чижики какого. Ну и хлеб! Все липкое от меда и дегтя. Что...

Дальнейшие слова барда заглушило громкое бляение. В конопле что-то запрыгало и затопало, а затем из путаницы растений вылезло самое поразительное существо, какое Геральту доводилось видеть.

У существа были выдуленные глаза, козьи рога и борода, и росту в нем было чуть больше сажени. Губы, подвижные, рассеченные и мягкие, тоже наводили на мысль о жующей козе. Нижнюю часть его тела по самые раздвоенные копыта покрывали длинные, густые, темно-рыжие волосы. Кроме того, у него был длинный, оканчивающийся метелкой хвост, которым оно энергично размахивало.

— Ук! Ук! — гукнул чудик, переступая копытами. — Ну чего надо? Прочь! Прочь! На рога возьму! Ук, ук!

— Тебе что, козел, когда-то по заду поддали? — не выдержал Лютик.

— Ук! Ук! Бе-е-е-е! — заблеял козерог. Трудно было сказать, что это: подтверждение, отрицание или просто бляение искусства ради.

— Замолчи, Лютик, — проворчал ведьмак. — Ни слова больше.

— Блеблебле-е-е-е! — яростно забулькало существо, при этом верхняя губа у него широко разошлась, являя желтые конские зубы. — Ук! Ук! Ук! Блеублеубле-е-е-е!

— Запросто! — кивнул Лютик. — Шарманка и звонок — твои. Когда пойдешь домой, можешь прихватить.

— Перестань, язви тебя, — прошипел Геральт. — Ты все портишь. Прибереги для себя глупые шуточки...

— Шуточки!!! — рывкнул козерог и подпрыгнул. — Шуточки, бе-е-е, бе-е-е! Новые шутники объявились, а? Шарик железные принесли? Я вам покажу шарики железные, стерве-

цы, ук, ук, ук! Пошутить приспичило, бе-е-е? Получайте свои шуточки! Получайте свои шарики! Ну получайте.

Существо подпрыгнуло и резко взмахнуло рукой. Лютик взвыл и уселся на тропинку, схватившись за лоб. Существо заблело, замахнулось снова. Мимо уха Геральта что-то просвистело.

— Получайте ваши шарики! Бе-е-е!

Железный шарик диаметром с дюйм хватанул ведьмака по плечу, другой ударил Лютика в колено. Поэт скверно выругался и кинулся бежать. Геральт, не ожидая больше, прыгнул следом, а шарики свистели у него над головой.

— Ук! Ук! Бе-е-е! — подпрыгивая, кричал козерог. — Я вам покажу шарики! Шутники засранные!

В воздухе просвистел очередной шарик. Лютик выругался еще противнее и схватился за ягодицу. Геральт прыгнул вбок, в коноплю, но не увернулся от снаряда, который угодил ему в лопатку. Следовало признать, черт кидался весьма прицельно и, казалось, располагал неисчерпаемым запасом шариков. Ведьмак, кружа меж растений, снова услышал торжествующее блеяние и тут же свист нового шарика, ругань и топот. Это Лютик улепетывал по тропинке.

А потом наступила тишина.

4

— Ну, знаешь, Геральт, — Лютик приложил ко лбу охлажденную в ведре подкову. — Такого я не ожидал. Какое-то рогатое чучело с козьей бородой, такой косматый болван, а погнал тебя, словно сопляка какого. А я получил по лбу. Глянь, какая шишка!

— Ты шестой раз показываешь. От этого она меньше не становится.

— Благодарю за сочувствие. А я-то думал, рядом с тобой буду в безопасности!

— Я не просил лезть за мной в коноплю. А вот держать за зубами свой болтливый язык — просил. Не послушался — теперь терпи. Молчи, если можешь, они идут.

В комнату вошли Крапивка и грузный Дхун. За ними семенила седенькая и скрученная кренделем бабуленька в сопровождении светловолосой и поразительно худенькой девчушки.

— Уважаемый Дхун и уважаемый Крапивка, — без предисловий начал ведьмак. — Прежде чем отправиться, я спрашивал, пытались ли вы сами что-нибудь предпринимать в отношении вашего черта-дьявола. Вы сказали: мол, нет. У меня есть основания полагать, что дело обстояло иначе. Жду объяснений.

Селяне перебросились несколькими словами, затем Дхун кашлянул в кулак и сделал шаг вперед.

— Вы, прощения просим, правы. Мы, это, соврали, потому как совестно было. Хотели самитко дьявола перехитрить, сделать так, чтобы он, значит, ушел от нас прочь...

— Каким образом?

— У нас, в Долине, — медленно произнес Дхун, — уже и ранее объявлялись страховидлы. Летучие драконы, земные вьюны, бурдалаки, упыри, агромадное паучье и разное змейство. А мы завсегда супротив энтото гадства искали совета в нашей книге.

— Что за книга?

— Покажи книгу, бабка. Книгу, глаголю! Книгу! Ей-бо, лопну ишас. Глуха аки пень! Лиле, скажи бабке, штоб книгу показала!

Светловолосая девочка вытащила большую книгу из скрюченных пальцев старухи и подала ведьмаку.

— В книжице энтотй, — продолжал Дхун, — котора в роду нашем уже с незапамятных времен храницца, описаны способы супротив всяческих чудищ, колдовства и уродцев, которые на свете были, есть аль будут.

Геральт взвесил на руке тяжелый, толстый, обросший жирной коркой томице. Девочка продолжала стоять перед ним, перебирая руками фартучек. Она была старше, чем ему показалось вначале, — в заблуждение ввела изящная фигурка, так отличающаяся от ядрененьких тел других посадских девушек, наверняка ее ровесниц.

Он положил книгу на стол и перевернул тяжелую деревянную крышку переплета.

— Глянь-ка, Лютик.

— Старшие Руны, — определил бард, заглядывая ему через плечо и все еще прижимая подкову ко лбу. — Самое древнее письмо, каким пользовались до введения современного алфавита. Оно исходит от рун эльфов и гномовых идеограмм. Забавный синтаксис, но так раньше говорили. Интересные гравюры и виньетки. Нечасто встречается подобное, Геральт, а если и попадает, то в храмовых библиотеках, а не по деревням на краю света. Откуда это у вас, уважаемые Дхун и Крапивка? Уж не хотите ли вы сказать, что умеете это читать? Бабка? Ты умеешь читать Старшие Руны? Ты вообще-то умеешь читать хоть какие-нибудь руны?

— Чаво-о-о?

Светловолосая девочка подошла к бабке и что-то шепнула ей на ухо.

— Читать? — старушка показала в улыбке беззубые десны. — Я? Нет, золотенькие, не обучена.

— Объясните мне, — холодно сказал Геральт, поворачиваясь к Дхуну и Крапивке, — каким образом вы пользуетесь книгой, не умея читать руны?

— Самая старшая бабка в селе всегда знает, что в книге есть, — утрюмо сказал Дхун. — А тому, что знает, учит молодую, когда ей уже пора в землю. Сами видите, нашей бабушке уже в сам раз. Тогда бабка пригрела Лилле и учит ее. Но пока нишшо бабка лучше знает.

— Старая ведьма и молодая ведьма, — буркнул Лютик.

— Если я верно понял, — недоверчиво сказал Геральт, — бабка знает всю книгу наизусть? Так, да? Бабушка?

— Всю-то нет, где уж там, — ответила бабка опять с помощью Лилле. — Только то, что около картинки стоит.

— Ага. — Геральт наугад отворил книгу. Различимый на порванной странице рисунок изображал пятнистую свинью с рогами в форме лиры. — А ну похвалитесь, бабушка. Что здесь написано?

Бабка зачмокала, взгляделась в гравюру, прикрыла глаза.

— Тур рогатый, либо таурис, — прощамкала она. — Неучами ошибочно изюбром именуемый. Рога имеет и бодает ними...

— Довольно. Очень хорошо, весьма... — Ведьмак перевернул несколько слипшихся страниц. — А здесь?

— Потучники и планетники разные. Энти дождем льют, энти ветер веют, энти мо́ланы мечут. Ежели пожелаешь урожай от их ухранить, возьми нож железный, новый, помёту мышшиного три лота, сала серой цапли...

— Bravo! Хм... А здесь? Это что?

Гравюра изображала расчехренное страховидло на лошади, с огромными глазищами и совсем уж непотребными зубищами. В правой руке оно держало солидных размеров меч, в левой — мешок денег.

— Ведьмак, — промямила бабка, — некоторыми ведьмином прозываемый. Вызывать его очень опасно, токмо тогда надобно, когда супротив чудищев и поганцев разных ничего поделать уже не можно, ведьмак справится. Однако ж следить надьтъ...

— Довольно, — проворчал Геральт. — Довольно, бабушка. Благодарю.

— Нет-нет, — запротестовал Лютик, ехидно ухмыльнувшись. — Как там дальше-то? Весьма, весьма интересная книженция! Говорите, бабушка, говорите.

— Э-э-э... Следить надьтъ, чтобы к ведьмаку не прикасаться, ибо от оного запаршиветь можно. И девок от него прятать, потому ведьмак охоч до них сверх меры...

— Ну точно, ну не в бровь, а в глаз, — засмеялся поэт, а Лиле, как показалось Геральту, едва заметно улыбулась.

— ...и хоча он весьма до злата жаден, — бормотала бабка, щуря глаза, — не давать ему больше как за утопца серебряный грош либо полтора. За котолака два серебряных гроша. За вампира — четыре серебряных гроша...

— Были ж времена, — проворчал ведьмак. — Спасибо, бабушка. А теперь покажите нам, где тут о дьяволе речь и что энта книга вообще о дьяволах говорит. Хотелось бы услышать поболее, любопытно узнать, каковой метод вы применили супротив оного-то.

— Осторожнее, Геральт, — засмеялся Лютик. — Начинаешь подражать им. Это заразительно.

Бабка, с трудом сдерживая дрожь в руке, перевернула несколько страниц. Ведьмак и поэт наклонились над столом.

Действительно, на гравюре фигурировал знакомый уже им шарометатель, волосатый, хвостатый и зловец ухмыляющийся.

— Дьявол, он же черт, — декламировала бабка. — Он же рокита, либо силван, а также леший. Супротив скотины и домашней птицы шkodник великий и паскудный. Кабы захо-тишь его с поля изгнать, таково сделай...

— Ну, ну, — проворчал Лютик.

— Возьми орехов лесных пригоршню, — тянула бабка, водя пальцем по пергаменту, — шаров железных пригоршню другую. Меду кувшин, дегтю другой. Мыла серого кадку малую, творога другую. Кады дьявол сидит, пойдя ночной порой. И зачни есть орехи. Дьявол тутже, лакомый зело, прибежит и спросит, смачно ли? Тут и дай ему шары-шарики железные...

— А, чтоб вас... — буркнул Лютик. — Чтоб вас наизнанку вывернуло.

— Тише, — сказал Геральт. — Ну, бабуля, дальше.

— ...зубы выломавши, дьявол, увидевши, как ты мед ку-шаешь, также меду пожелает. Дай оному дегтю, а сам кушай творог. Скоро услышишь, как у дьявола внутри бурчание и сквозение почнется, но сделай вид, будто ничего такого. А захотит дьявол творогу, то дай ему мыла. Апосля мыла уж дьявол не удержит...

— Итак, уважаемые, вы добрались до мыла? — прервал Геральт с каменным лицом, обернувшись к Дхуну и Крапивке.

— Куда там, — ахнул Крапивка. — Хорошо хоть до шариков-то. Ох, задал он нам перцу, когда шарики начал грызть...

— А кто велел давать ему столь шариков-то? — рассмеялся Лютик. — В книге сказано: мол, одну пригоршню. А вы ему цельный мешок этих шариков натаскали! Вы ему, дьяволу-то, амуниции, почитай, на два годка без малого натаскали, дурни!

— Осторожней! — усмехнулся ведьмак. — Начинаешь подражать им. Это заразительно.

— Благодарю.

Геральт быстро поднял голову, заглянул в глаза стоящей рядом с бабкой девочки. Лиле не отвела взгляда. Глаза у нее были ясные и чертовски голубые.

— Зачем вы приносите дьяволу жертвы зерном? Ведь видно же, он — типичное травоядное. Зерна не ест.

Лилле не ответила.

— Я задал тебе вопрос, девушка. Не бойся, от разговора со мной не запаршивеешь.

— Не выпрашивайте ни о чем, — бросил Крапивка с беспокойством в голосе. — Лилле... Она... Странная. Не ответит, не заставляйте ее.

Геральт не отрывал от Лилле глаз, а Лилле по-прежнему глядела на него. По спине у Геральта пробежали мурашки, выползли на шею.

— Почему вы не пошли на дьявола с дреколем и вилами? — повысил он голос. — Почему не расставили западни? Если б вы только захотели, его козлиная башка уже торчала бы на шесте в качестве пугала от ворон. Меня предупредили, чтобы я не пытался его убить. Почему? Ты запретила им, верно, Лилле?

Дхун поднялся с лавки. Головой чуть не задев потолок.

— Выдь, девка, — буркнул он. — Забирай бабку и выдь отседова.

— Кто она? — проговорил Геральт, когда за бабкой и Лилле захлопнулась дверь. — Кто эта девочка, Дхун? Почему пользуетесь у вас бóльшим уважением, нежели эта чертова книга?

— Не ваше дело, — глянул на него Дхун, и в его взгляде не было дружелюбия. — Умных девушек у себя в городах преследуете, на кострах спячете. У нас этого не было и не будет.

— Вы меня не поняли, — холодно сказал ведьмак.

— И не стараюсь, — проворчал Дхун.

— Я это заметил, — процедил Геральт, тоже не шибко сердечно. — Но одну основную вещь извольте понять, уважаемый Дхун. Нас по-прежнему не связывает никакой договор, я по-прежнему не обязан вам ничем. У вас нет оснований полагать, будто вы прикупили себе ведьмака, который за серебряный грош или полтора сделает то, чего вы сделать не умеете. Или не хотите. Или... не можете. Так вот, уважаемый Дхун, вы еще не купили ведьмака, и не думаю, чтобы это вам удалось. При вашем-то нежелании что-либо понимать.

Дхун молчал, исподлобья глядя на Геральта. Крапивка кашлянул, повертелся на лавке, возя лаптями по глинобитному полу, потом вдруг выпрямился.

— Милсдарь ведьмак, — сказал он. — Не сердчайте. Скажем, что и как. А, Дхун?

Посадский солтыс согласно кивнул.

— Когда мы сюда ехали, — начал Крапивка, — вы видели, как тут все растет, какие тут всходы. Другой раз такое вымахает, о чем где в другом месте и мечтать трудно. Даже невозможно. Ну вот. Поскольку у нас саженцы, да и зерно — штука преотличная, мы и дань этим платим, и продаем, и обмениваем...

— Что тут общего с чертом?

— А есть общее, есть. Чертыка раньше вроде бы пакостил и разные штучки подстраивал, а тут вдруг начал зерно воровать понемногу. Тогда мы ему стали класть помалу на камень в конопле, думали, нажрется и отстанет. Ан нет, продолжал красть. А когда мы от него запасы прятать начали по складам да сараям, на три замка запираемым, то он все равно как взбесился, рычал, блеял, «ук-ук» кричал, а уж коли он укукать начинает, то лучше ноги в руки. Грозился, мол...

— ...трахать начнет, — вставил Лютик с добродушной ухмылкой.

— И это тоже, — поддакнул Крапивка. — Да и о красном петухе напоминал. Долго говорить, — когда не смог больше красть, потребовал дани. Велел себе зерно и другое добро мешками целыми носить. Тогда мы обозлились и всем сходом решили ему хвостатую задницу отбить. Но...

Крапивка кашлянул, опустил голову.

— Нечего кружить-то, — неожиданно проговорил Дхун. — Неверно мы государя ведьмака оценили. Валяй все как есть, Крапивка.

— Бабка запретила дьявола бить, — быстро проговорил Крапивка, — но мы-то знаем, что это Лилле, потому как бабка... Бабка только то болтает, что ей Лилле велит. А мы... Сами видите, милсдарь ведьмак, мы слушаемся.

— Заметил, — поморщился Геральт. — Бабка может только бородой трясти и бормотать текст, которого и сама не понимает. А на девчонку вы глазете, как на статую богини, раскрыв

рты, не глядите ей в глаза, но пытаетесь угадывать ее желания. А ее желания — для вас приказы. Кто она, эта ваша Лилле?

— Так вы же оттадали, милсдарь. Вещунья. Ну, Мудрая, значит. Только не говорите об этом никому. Просим. Ежели до князя дойдет или, не приведите боги, до наместника...

— Не бойтесь, — серьезно сказал Геральт. — Знаю, в чем дело, и вас не выдам.

Встречающиеся по деревням странные женщины и девушки, которых жители называли вещуньями или Мудрыми, не пользовались особой симпатией у вельмож, собиравших дань и тянувших жилы из селян. Кметы всегда обращались за советом к вещуньям, почти по любому вопросу. Верили им слепо и безгранично. Принимаемые на основе таких советов решения зачастую полностью противоречили политике хозяев и владык. Геральт слышал о совершенно радикальных и непонятных случаях — об уничтожении племенных стад, прекращении сева либо уборки и даже о переселении целых деревень. Владыки преследовали «суеверия», зачастую не выбирая средств. Поэтому крестьяне очень быстро научились скрывать Мудрых. Но слушаться их не перестали. Потому что одно, как подсказывал опыт, не подлежало сомнению — по крупному счету всегда оказывалось, что Мудрые правы.

— Лилле не позволила нам убить дьявола, — продолжал Крапивка. — Велела сделать так, как указывает книга. Вы уже знаете — не получилось. Уже были неприятности с сеньором. Когда мы отдали зерна меньше, чем положено, он разорался, кричал, что разделается с нами. О дьяволе-то мы ему ни-ни, потому как сеньор строг ужасть, как и в шутках ничегошеньки не смыслил. И тут вы объявились. Мы спрашивали Лилле, можно ли вас... нанять?

— И что?

— Через бабушку сказала, что сначала ей надо на вас взглянуть.

— И взглянула.

— Ага. И признала вас, мы это знаем, умеем понять, что Лилле признает, а чего нет.

— Она не произнесла ни слова.

— Она ни с кем, окромя бабуки, словом не обмолвится. Но если б вас не признала — в хату б не вошла ни за что.

— Хм... — задумался Геральт. — Интересно. Вещунья, которая, вместо того чтобы вещать, молчит. Откуда она взялась?

— Не знаем, милсдарь ведьмак, — буркнул Дхун. — Но с бабкой, как твердят старики, тожить так было. Предыдущая бабка тожить приласкала неразговорчивую девку, такую, што явилась неведомо откель. А та девка — то как раз наша теперешняя бабка. Дед мой говаривал: мол, бабка таким манером возрождается. Совсем вроде как месяц на небе возрождается и всякий раз становится новый. Не смейтесь...

— Я не смеюсь, — покачал головой Геральт. — Я достаточно много видел, чтобы меня могли насмешить такие вещи. К тому же я и не думаю совать нос в ваши дела, уважаемый Дхун. Мои вопросы имеют целью установить связь между Лилле и дьяволом. Вы, пожалуй, уже и сами поняли, что такая связь существует. Поэтому, если вам дорога ваша вещунья, то относительно дьявола я могу вам дать только один совет: вы должны его полюбить.

— Знаете, — сказал Крапивка, — тут не только в дьяволе дело. Лилле никому не позволяет сделать ничего плохого. Ни одному существу.

— Конечно, — вставил Лютик. — Деревенские вещуньи идут с того же корня, что и друиды. А друид, ежели слепень сосет его кровь, так он тому еще и приятного аппетита пожелает.

— Точно, — слабо улыбнулся Крапивка. — В самое что ни на есть яблочко. То же было у нас с дикими свиньями, которые по огородам повадились лазать. И что? Гляньте в окно. Огороды как на картинке. Отыскался способ, Лилле даже не знает какой. Чего глаз не видит, того сердцу не жаль. Понятно?

— Понятно, — буркнул Геральт. — А как же. Ну и что? Лилле не Лилле, а ваш дьявол — это славян. Существо чрезвычайно редкое, но разумное. Я его не убью, ибо мой кодекс этого не позволяет.

— Ежели он такой страсть как разумный, — проговорил Дхун, — то попробуйте его на этот самый ум взять.

— И верно, — подхватил Крапивка. — Если у дьявола есть разум, значит, он крадет зерно по-умному. Так вы, милсдарь ведьмак, разузнайте, чего ему надо. Ведь он того зерна не жрет, в каждом разе — не столько. Так на кой ему зерно?

Нам назло или как? Чего он хочет? Узнайте и выгоните его из округи каким-нито ведьмаковским способом. Сделаете?

— Попытаюсь, — решил Герайт. — Но...

— А чего?..

— Ваша книга, дорогие мои, устарела. Понимаете, куда я клоню?

— По правде-то, — буркнул Дхун, — не очень.

— Я вам разъясню. Так вот, уважаемый Дхун, уважаемый Крапивка, если вы думаете, что моя помощь обойдется вам в серебряный грош или полтора, то глубоко заблуждаетесь.

5

— Эй!

В зарослях послышался шорох, гневное «ук-ук» и потрескивание жердей.

— Эй! — повторил ведьмак, предусмотрительно спрятавшись. — Покажись-ка, леший!

— Сам ты леший!

— Тогда кто? Черт?

— Сам ты черт! — Козерог выставил голову из конопли, скаля зубы. — Чего надо?

— Поговорить хочу.

— Смеешься или как? Думаешь, не знаю, кто ты такой? Парни наняли тебя, чтоб меня отсюда выкинул, э?

— Верно, — спокойно согласился Герайт. — Именно об этом я и хотел поговорить. А вдруг — договоримся?

— Вон оно что! — проблеял дьявол. — Хочешь отделаться малой ценой? Без трудов? Со мной такие штучки не пройдут, бе-е-е! Жизнь, человеке, это состязание. Выигрывает лучший. Хочешь у меня выиграть, докажи, что ты лучше. Чем болтать-то — давай устроим состязание. Победитель диктует условия. Я предлагаю гонки отсюда до старой вербы на дамбе.

— Не знаю, где дамба и где старая верба.

— Если б знал, я предлагать бы не стал. Люблю состязаться, но не люблю проигрывать.

— Это я заметил. Нет, не станем играть в догонялки. Жарковато сегодня.

— Жаль. Так, может, потягаемся в чем-нибудь другом? — Дьявол оскалил желтые зубы и поднял с земли большой бульжник. — Знаешь игру «Кто громче гукнет»? Чур, я гукаю первый. Закрой глаза.

— У меня другое предложение.

— Ну-ка, ну-ка?

— Ты отвалишь отсюда без состязаний, гонок и гукания. Сам, без принуждения.

— Засунь свое предложение а d'yeabl аер арге, — дьявол проявил знание Старшей Речи. — Никуда я не уберусь. Мне и здесь хорошо.

— Но ты слишком уж тут набезобразничал. Переборщил с шутками.

— Düwelsheyss тебе до моих шуток, — леший, оказывается, знал и язык краснотелов. — И цена твоему предложению такая же, как и düwelsheyss'у. Никуда я не уберусь. Другое дело, если победишь в какой-нибудь игре. Дать тебе шанс? Поиграем в загадки, ежели не любишь силовых игр. Сейчас я тебе загадку загадаю, если отгадаешь — выиграешь, а я уйду. Если нет — я останусь, а ты уберешься. Ну, напряги мозги, потому как загадка не из легких.

Не успел Геральт возразить, как дьявол заблеял, затопал копытцами, мазнул землю хвостом и продекламировал:

Розовы листочки, пухлые стручочки,
Зреет в мягкой глинке, рядом с ручеечком.
А на длинном стебле в точечках цветков.
Не давай котенку, чтобы он не сдох.

— Ну что это? Угадай.

— Понятия не имею, — равнодушно признался ведьмак, даже не пытаясь подумать.

— Скверно. Ты проиграл.

— А правильный ответ? У чего бывают... хм... в точечках цветочки?

— У капусты.

— Слушай, — проворчал Геральт, — твои шуточки начинают действовать мне на нервы.

— Я упреждал, — захохотал дьявол, — что загадка не из легких. Сорт такой. Что делать, я выиграл, остаюсь. А ты уходишь. Низко кланяюсь.

— Минуточку. — Ведьмак незаметно сунул руку в карман. — А моя загадка? Наверно, у меня есть право на реванш?

— Нету, — запротестовал дьявол. — Чего ради? А вдруг я не отгадаю? За дурака меня держишь?

— Нет, — покачал головой Геральт. — Держу тебя за зловредного, наглого, нахального балбеса. Сейчас поиграем в совсем новую, неизвестную тебе игру.

— Да? Ишь ты! Ну и что же это за игра?

— Игра называется, — медленно произнес ведьмак, — «Не делай другому то, что тебе самому неприятно». Закрывать глаза не обязательно.

Геральт наклонился, размахнулся, в воздухе резко просвистел дюймовый металлический шарик и со звоном врезался дьяволу точно между рогами. Сильван рухнул как подкошенный. Геральт щукой скользнул меж жердей и схватил дьявола за косматую ногу. Леший забекал и взбрыкнул, ведьмак прикрыл голову предплечьем, но у него все равно зазвенело в ушах, потому что дьявол, несмотря на неуклюжую фигуру, лягался с силой разъяренного мула. Геральт попытался ухватить брыкающиеся копыта, но не сумел. Козерог разошелся, заколотил по земле руками и лягнул его снова, на этот раз прямо в лоб. Ведьмак вырутался, чувствуя, как нога дьявола вырывается у него из пальцев. Оба они, расцепившись, покатались в разные стороны, с треском выворачивая жерди и запутываясь в побегах конопли.

Дьявол вскочил первым и кинулся на ведьмака, опустив увенчанную рогами голову. Но Геральт уже твердо стоял на ногах и легко уклонился, схватил лешего за рог, крепко рванул, повалил на землю и прижал коленями. Дьявол заблеял и плюнул ему в глаза, причем так, что этого не постыдился бы и верблюд, страдающий слюноизвержением. Ведьмак автоматически отступил, не отпуская, однако, дьяволиных рогов. Леший, мотая головой, лягнул его двумя копытами сразу и — что самое удивительное — обоими попал. Геральт дико вырутался, но рук

не разжал. Поднял дьявола с земли, припер к трещащим жердям и со всей силы долбанул ногой по косматому колену, а потом наклонился и наплевал ему прямо в ухо. Дьявол взвыл и зацелкал тупыми зубами.

— Не делай другому... — выдохнул ведьмак, — что тебе неприятно! Продолжаем игру?

— Блебле-е-е! — булькал, выл и плевался дьявол, но Геральт крепко держал его за рога и прижимал голову книзу, поэтому плевки попадали дьяволу на собственные копыта, вздымающие тучи пыли и травы.

Следующие несколько минут ушли на бурную возню, обмен ругательствами и пинками. Геральт если и мог чему-то радоваться, так исключительно тому, что никто его не видит, ибо картинка была воистину кретинская.

Очередной пинок разорвал дерущихся и разбросал их в разные стороны, в гущу конопли. Дьявол снова опередил ведьмака — вскочил и кинулся бежать, заметно прихрамывая. Геральт, тяжело дыша и вытирая лицо, бросился вдогонку. Они продрались сквозь коноплю, влетели в хмель. Ведьмак услышал цокот копыт мчащегося галопом коня. Звук, которого он ожидал.

— Здесь! Лютик! Я здесь! — крикнул он. — Во хмелю!

И тут он увидел над собой грудь лошади, а в следующую секунду на него наехали. Он оттолкнулся от коня, как от скалы, и рухнул навзничь. От удара о землю потемнело в глазах. Несмотря на это, он сумел откатиться вбок, за жерди, уклоняясь от удара копыт. Ловко вскочил, но тут на него налетел другой всадник и снова повалил. А потом вдруг кто-то надел на него, пригвоздив к земле.

И был блеск и пронизывающая боль в затылке.

И тьма.

6

Рот был забит песком. Когда Геральт попытался его выплюнуть, то понял, что лежит лицом к земле. Когда захотел пошевелиться, понял, что связан. Слегка приподнял голову. Услышал голоса.

Он лежал на земле у ствола сосны. Шагах в двадцати стояло несколько расседланных лошадей. Он видел их сквозь перистые папоротники, нечетко, но один из коней, несомненно, был гнедой Лютика.

— Три мешка кукурузы, — услышал он. — Хорошо, Торкве. Очень хорошо. Молодцом.

— Это еще не все, — сказал блеющий голос, который мог принадлежать только козерогу. — Посмотри на это, Галарр. Вроде бы фасоль, но совсем белая. И какая крупная! А вот это называется рапс. Они из него масло делают.

Геральт крепко зажмурился, потом снова открыл глаза. Нет, это был не сон. Дьявол и Галарр, кем бы он ни был, пользовались Старшей Речью эльфов. Но слова «кукуруза», «фасоль» и «рапс» были произнесены на общем.

— А это что такое? — спросил тот, кого звали Галарр.

— Льняное семя. Лен, понимаешь? Рубахи делают из льна. Гораздо дешевле, чем из шелка, и носится дольше. Способ обработки, кажется, довольно сложный, но я выпрошу, что и как.

— Только б принялся этот твой лен, только б не пропал у нас, как репа, — посетовал Галарр, по-прежнему пользуясь чудным воляпюком. — Постарайся раздобыть новые саженцы репы, Торкве.

— Чего проще, — бякнул дьявол. — Никаких проблем, все растет как на дрожжах. Доставлю, не бойся.

— И еще одно, — сказал Галарр. — Узнай наконец, в чем суть ихнего троеполья.

Ведьмак осторожно приподнял голову и попробовал повернуться.

— Геральт... — услышал он шепот. — Очнулся?

— Лютик, — тоже шепотом отозвался он. — Где мы... Что с нами...

Лютик тихо застонал. Геральт не выдержал, выругался, напрягся и перевернулся на бок.

Посреди поляны стоял дьявол, носивший, как он уже знал, звонкое имя Торкве. Он был занят погрузкой на лошадей мешков, корзин и вьюков. Помогал ему высокий худощавый мужчина, который мог быть только Галарром. Тот, услышав

движение ведьмака, повернулся. Его черные волосы заметно отливали темно-синим. На угловатом лице горели большие глаза. Уши заострились кверху.

Галарр был эльфом. Эльфом с гор. Чистой крови Аеп Seidhe — представитель Старшего Народа.

Галарр не был единственным эльфом в пределах видимости. На краю поляны сидело еще шестеро. Один был занят тем, что потрошил выюки Лютика, другой тренькал на лютне трубадур. Остальные, собравшись вокруг развязанного мешка, усиленно уничтожали репу и сырую морковь.

— Vanadain, Toruviel, — сказал Галарр, движением головы указывая на пленников. — Vedran! Enn'!

Торкве подскочил и заблеял.

— Нет, Галарр! Нет! Филавандрель запретил! Ты забыл?

— Нет, не забыл. — Галарр перекинул два связанных мешка через спину лошади. — Но надо проверить, не ослабли ли петли.

— Чего вы от нас хотите? — простонал трубадур, пока один из эльфов, прижав его к земле коленом, проверял узлы. — Зачем связываете? Что вам надо? Я — Лютик, тру...

Геральт услышал звук удара. Повернулся, выкручивая шею.

У стоящей над Лютиком эльфки тоже были черные глаза и буйно опадающие на плечи волосы цвета воронова крыла, только на висках заплетенные в две тоненькие косички. На ней была короткая кожаная курточка, надетая на свободную рубаху из зеленого сатина, и облегающие шелковые брючки, заправленные в сапоги для верховой езды. Бедра обмотаны цветным платком.

— Que glosse? — спросила она, глядя на ведьмака и поигрывая рукоятью длинного кинжала, висящего на поясе. — Que l'en ravienn el'ea?

— Nell'ea, — возразил он. — T'en pavienn; Aen Seidhe.

— Слышал? — повернулась эльфка к товарищу, высокому сеидхе, который и не думая проверять узлы Геральта с безразличной миной на вытянутом лице продолжал бренчать на лютне Лютика. — Ты слышал, Ванадайн? Человекообразное умеет говорить! К тому же нагло!

Сеидхе повел плечами. Перья, украшавшие его куртку, зашелестели.

— Еще один повод заткнуть ему глотку, Торувель.

Эльфка наклонилась над Геральтом. У нее были длинные ресницы, неестественно бледная кожа, обветренные, потрескавшиеся губы. Она носила ожерелье из фигурных кусочков золотистой бронзы, нанизанных на ремешок, несколько раз обернутый вокруг шеи.

— Ну-ка скажи что-нибудь, человекообразное, — прошипела она. — Посмотрим, куда годится твоя привыкшая лаять глотка.

— Тебе что, повод нужен, — ведьмак с усилием перевернулся на спину, выплюнул песок, — чтобы ударить связанного? А так, без предлога, не можешь? Я же видел, тебе это доставляет удовольствие. Ну, успокой душеньку.

Эльфка выпрямилась.

— На тебе я уже душу успокоила, когда у тебя были свободные руки, — сказала она. — Это я прошлась по тебе конем и дала по морде. Знай, что именно я прикончу тебя, когда придет время.

Он не ответил.

— Охотнее всего я б ткнула тебя кинжалом сейчас, глядя в глаза, — продолжала эльфка. — Но от тебя жутко несет, человек. Я прикончу тебя из лука.

— Воля твоя, — пожал плечами ведьмак, насколько это позволяли путы. — Как хочешь, благородная Aen Seidhe. В связанного и неподвижного ты должна бы попасть. Не промахнись.

Эльфка встала над ним, расставив ноги, и наклонилась, сверкнув зубами.

— Должна, — прошипела она. — И попаду, куда хочу. Но будь уверен, от первой стрелы ты не подохнешь. И от второй тоже. Постараюсь сделать так, чтобы ты чувствовал, что умираешь.

— Не подходи так близко, — поморщился он, изображая отвращение. — От тебя зверски несет, Aen Seidhe.

Эльфка отскочила, качнулась и с размаху пнула его в бедро. Геральт скорчился и сжался, видя, куда она собирается пнуть теперь. Это ему удалось, он получил по ноге, да так, что лязгнули зубы.

Стоящий рядом высокий эльф аккомпанировал ударам резкими аккордами на струнах лютни.

— Оставь его, Торувель, — заблеял дьявол. — Спятила? Галарр, вели ей прекратить!

— Thaess! — взвизгнула Торувель и пнула ведьмака еще раз. Высокий сендхе сильно рванул струны, одна с протяжным стоном лопнула.

— Достаточно! Довольно, о боги! — нервно крикнул Лютик, дергаясь в путах. — Зачем ты издеваешься над ним, глупая девка! Оставьте нас в покое! А ты перестань терзать лютню, слышишь?

Торувель повернулась к нему со злой гримасой на потрескавшихся губах.

— Музыкант! — проворчала она. — Гляньте-ка, человек, а музыкант! Лютнист! Надо же!

Она молча выхватила инструмент из рук высокого эльфа и, с размаху разбив о ствол сосны, бросила опутанные струнами остатки Лютику на грудь.

— На коровьем роге тебе играть, дикарь, не на лютне!

Повт смертельно побледнел, губы у него задрожали. Геральт, чувствуя вздымающуюся где-то внутри холодную ярость, притянул взглядом черные глаза Торувели.

— Что палишься? — прошипела эльфка, наклоняясь. — Грязное человекообразное! Хочешь, чтобы я выколола твои гадючьи зенки?

Ожерелье нависло над ним. Ведьмак напрягся, резко приподнялся, схватил ожерелье зубами и сильно рванул, подогнув ноги и выворачиваясь на бок. Торувель, потеряв равновесие, свалилась на него. Геральт метался в узах, как выброшенная на берег рыба. Он прижал собою эльфку, откинул голову так, что хрустнуло в шейных позвонках, и изо всей силы ударил ее лбом в лицо. Торувель взвыла, захлебнулась воздухом.

Его грубо стащили с нее, волоча за одежду и волосы. Подняли, кто-то ударил, он почувствовал, как перстни рвут кожу на скуле, в глазах заплесал и поплыл лес. Он увидел, как Торувель поднимается на колени, увидел кровь, текущую у нее из носа и рта. Эльфка выхватила из ножен кинжал, сгорбилась,

но вдруг разрыдалась, скуksилась, схватила за лицо и опустила голову в колени.

Высокий эльф в украшенной пестрыми перьями куртке взял у нее из руки кинжал и подошел к удерживаемому другими ведьмаку. Усмехнулся, поднимая клинок. Геральт видел его сквозь красный туман, кровь, сочившаяся из разбитого о зубы Торувьель лба, заливала ему глаза.

— Нет! — заблеял Торкве, подскакивая к эльфу и повисая у него на руке. — Не убивай! Нет!

— *Voerle, Vanadain,* — раздался вдруг звучный голос. — *Quess aen? Caelm, evellienn! Galart!*

Геральт повернул голову, насколько это позволяла вцепившаяся ему в волосы пятерня.

На полянку выехал снежно-белый, длинногривый конь. Грива, мягкая даже на вид, казалась шелковистой, как женские волосы. Шевелюра сидящего в богатом седле наездника была того же цвета. Волосы были перехвачены на лбу повязкой, усеянной изумрудами.

Торкве, побелев, подскочил к лошади, ухватил ее за стремя и засыпал белоголового эльфа потоком слов. Сеидхе, прервав его властным жестом, прыгнул с седла. Приблизился к Торувьели, осторожно отнял от ее лица окровавленный платок. Торувьель душераздирающе охнула. Сеидхе покрутил головой, повернулся к ведьмаку, подошел ближе. Его черные пылающие глаза, горевшие на бледном лице словно звезды, были обведены синими крутами, будто он несколько ночей кряду не знал сна.

— Кусаешься даже связанный, — сказал он без акцента, тихо, на общем языке. — Как василиск. Я сделаю отсюда выводы.

— Торувьель сама начала, — забебикал дьявол. — Она пнула его, связанного, словно сумасшедшая...

Эльф жестом велел ему замолчать. По его краткому приказу другие сеидхе перетащили ведьмака к сосне и привязали ремнями к стволу. Потом все присели рядом с лежащей Торувьелью, заслонив ее. Геральт слышал, как она вдруг вскрикнула, дергаясь в их руках.

— Я этого не хотел, — сказал дьявол, все еще стоявший рядом с ними. — Не хотел, человек. Я не знал, что они

появятся именно тогда, когда мы... Когда тебя оглушили, а твоего друга связали веревкой, я просил, чтобы вас оставили там, в хмеле. Но...

— Они не могли оставить свидетелей, — проворчал ведьмак.

— Может, нас не убьют? — простонал Лютик. — Может, нас не...

Торкве молчал, шмыгая мягким носом.

— Черт побери, ох, прости, — снова застонал поэт. — Убьют? В чем дело, Геральт? Свидетелями чего мы были?

— Наш козлорогий друг выполняет в Долине Цветов особую миссию. Верно, Торкве? По заданию эльфов он крадет семена, саженцы, рассаду, využívает сельскохозяйственные знания... Что еще, чертушка?

— Что удастся, — бебекнул Торкве. — Все, что они требуют. А ты скажи мне, чего они не требуют? Они голодают в горах, особенно зимой. А о земледелии понятия не имеют. Пока-то они приручат животных или птицу, пока-то что-нибудь вырастят на своих делянках... У них нет на это времени, человек.

— Плевал я на их время. Что я им сделал? Лично я? — простонал Лютик. — Что плохого сделал им я?

— Подумай хорошенько, — сказал беззвучно подошедший белоголовый эльф, — и, может быть, сам себе ответишь.

— Он просто мстит за все несправедливости, какие эльфы испытывали от людей, — криво усмехнулся ведьмак. — Ему все равно, кому мстить. Не дай обмануть себя благородной внешностью и изысканной речью, Лютик. Он ничем не отличается от той черноглазой, которая била нас ногами. Ему надо на ком-то разрядить свою бессильную ненависть.

Эльф поднял сломанную лютню Лютика. Некоторое время рассматривал искореженный инструмент, потом отбросил его в кусты.

— Если б я хотел дать волю ненависти или желанию отомстить, — сказал он, поигрывая перчатками из мягкой белой кожи, — я напал бы на долину ночью, спалил поселки и вырезал жителей. Детская забава, они даже не представляют охраны. Они не видят и не слышат нас, когда ходят в лес. Разве может быть что-то проще, легче, чем быстрая тихая стрела, пущенная из-за дерева? Но мы не охотимся на вас. Это ты,

человек со странными глазами, устроил охоту на нашего друга, сильвана Торкве.

— А, да что там, — бебекнул дьявол, — какая там охота. Мы немного поиграли...

— Это вы, люди, ненавидите всех, кто отличается от вас хотя бы только формой ушей, — спокойно продолжал эльф, не обращая внимания на козерога. — Поэтому отняли у нас землю, изгнали из домов, выгнали в дикие горы. Заняли нашу Dol Blathanna, Долину Цветов. Я — Filavandrel aen Fidhail из Серебряных Башен, из рода Feleaghn'ов с Бельх Кораблей. Теперь, изгнанный и оттесненный на край света, я просто Филавандрель с Края Света.

— Мир велик, — буркнул ведьмак. — Можем поместиться. Места хватит.

— Мир велик, — повторил эльф. — Это верно, человек. Но вы изменили этот мир. Сначала изменяли его силой, поступали с ним так, как со всем, что попадало вам под руку. Теперь, похоже, мир начал приспосабливаться к вам. Склонился перед вами. Подчинился вам.

Геральт не отвечал.

— Торкве сказал правду, — продолжал Филавандрель. — Да, мы голодаем. Да, нам угрожает гибель. Солнце светит иначе, воздух — другой, вода — уже не та, какой была. То, что мы некогда ели, чем пользовались, погибает, вырождается, хиреет, пропадает. Мы никогда не занимались земледелием, никогда, в отличие от вас, людей, не раздирали землю мотыгами и сохами. Вам земля платит кровавую дань. Нас она одаривала. Вы вырываете у земли ее богатства силой. Для нас земля рожала и цвела, потому что любила нас. Что ж, ни одна любовь не длится вечно. Но мы хотим выжить.

— Вместо того чтобы воровать зерно, его можно купить. Сколько надо. У вас множество того, что очень ценят люди. Вы могли бы торговать.

Филавандрель брезгливо поморщился.

— С вами? Никогда.

Геральт нахмурился, разрывая запекившуюся на щеке кровь.

— Идите вы к черту вместе с вашей наглостью и презрением. Не желая сосуществовать, вы сами обрекаете себя на

гибель. Сосуществовать, договориться — вот ваш единственный шанс.

Филавандрель сильно наклонился вперед, глаза у него блеснули.

— Сосуществовать на ваших условиях? — спросил он изменившимся, но все еще спокойным голосом. — Признать ваше превосходство? Сосуществовать как рабы? Парии? Сосуществовать с вами, оставаясь за пределами стен, которыми вы отторгаетесь от нас в своих городах? Сожительство с вашими женщинами и идти за это на шибеницу? И видеть, что происходит с детьми, появившимися на свет в результате такого сожительства? Почему ты избегаешь моего взгляда, странный человек? Как тебе удастся сосуществовать с ближними, от которых ты, кстати, немного отличаешься?

— Стараюсь помаленьку, — посмотрел ему в глаза ведьмак. — Справляюсь. Потому что должен. Потому что другого выхода у меня нет. Потому что смог подавить в себе спесь и зазнайство, которые хоть и дают мне защиту от «инности», но защите плачевную. Ибо я понял, что солнце светит иначе, что нечто изменяется, но не я являюсь осью этих изменений. Солнце светит иначе и будет светить, и без толку кидаться на него с мотыгой. Надо признавать факты, эльф, надо этому научиться.

— Как раз этого-то вы и добиваетесь, верно? — Филавандрель отер пот, выступивший на бледном лбу над белесыми бровями. — Именно это вы стремитесь навязать другим? Убедить всех, что вот он пришел, ваш час, ваша, человеческая, эпоха, что то, как вы поступаете с другими расами, столь же естественно, как восходы и закаты солнца? Что все обязаны с этим согласиться, смириться? И ты еще обвиняешь меня в спесивости? А что же тогда проповедуешь ты? Почему вы, люди, не поймете наконец, что ваше владычество над миром не более естественно, чем у вшей, расплодившихся в тулупе? С тем же успехом ты мог бы предложить мне сосуществовать со вшами, с таким же вниманием я слушал бы вшей, если б взамен за признание их верховенства мы согласились на совместное пользование тулупом...

— Знаешь что, эльф, не трать напрасно свое драгоценное время на споры с таким отвратным насекомым, как я, — сказал

ведьмак, с трудом сдерживая ярость. — Меня удивляет, как сильно тебе хочется в такой вине, как я, разбудить чувство вины и раскаяния. Ты жалок, Филавандрель. Ты разгорячился, ты жаждешь мести и осознаешь собственное бессилие. Ну давай, пырни меня мечом. Отыграйся на мне за всю человеческую расу. Увидишь, как тебе полегчает. А для начала вдарь меня по яйцам или по зубам, как это сделала твоя Торувель.

— Торувель больна, — сказал Филавандрель, отвернувшись.

— Знаю я эту болезнь и ее признаки. — Геральт сплюнул через плечо. — То, что я предложил, должно помочь.

— И верно, бессмысленный разговор. — Филавандрель встал. — Сожалею, но мы вынуждены вас убить. Месть тут ни при чем, это чисто практическое решение. Торкве продолжит выполнять свою задачу, и никто не должен подозревать, для кого он это делает. Мы не в состоянии воевать с вами, а на торговле и обмене провести себя не дадим. Мы не настолько наивны, чтобы не знать, чьим авангардом являются ваши купцы. Кто за ними идет. И какого рода сосуществование приносит.

— Слушай, эльф, — тихо проговорил молчавший до сих пор поэт. — У меня есть друзья. Люди, которые дадут за нас выкуп. Если хочешь, то и пишей. В любом виде. Подумай об этом. Ведь уворованные семена вас не спасут...

— Их уже ничто не спасет, — прервал его Геральт. — Не пресмыкайся перед ними, Лютик, не кланчи. Это бессмысленно и достойно сожаления.

— Для того, кто живет кратко, — усмехнулся Филавандрель, но улыбка получилась вымученной, — ты проявляешь поразительное презрение к смерти, человек.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — спокойно сказал ведьмак. — Философия в самый раз для вины, верно? А твое долголетие? Жаль мне тебя, Филавандрель.

— Это почему же? — поднял брови эльф.

— Вы жалостно смешны со своими уворованными мешочками семян на вьючных лошадях, с горсткой зерна, с теми крохами, за счет которых намерены выжить. И с вашей миссией, которая служит только тому, чтобы отвлечь ваши мысли от близкой гибели. Ведь ты-то знаешь, что это уже конец. Ничто не взойдет и не уродится на плоскогорьях, ничто вас уже

не спасет. Но вы — долговечны, вы будете жить долго, очень долго в собственноручно и высокомерно избранной изоляции, слабеющие, малочисленные, все более озлобленные. И ты знаешь, что произойдет, Филавандрель. Знаешь, что тогда отчаявшиеся юнцы с глазами столетних старцев и отцветшие, бездетные и больные, как Торувьель, девушки поведут в долины тех, кто еще сможет удержать в руках меч и лук. Вы спуститесь в цветущие долины навстречу смерти, желая умереть достойно, в бою, а не в постелях, на которые повалят вас анемия, туберкулез и цинга. И тогда, долгожитель Aen Seidhe, ты вспомнишь обо мне. Вспомнишь, что мне было тебя жаль. И поймешь, что я был прав.

— Время покажет, кто был прав, — тихо проговорил эльф. — И в этом преимущество долголетия. У меня есть возможность убедиться лично. Хотя бы благодаря украденным горстям зерна. У тебя такой возможности не будет. Сейчас ты умрешь.

— Пощади хотя бы его. — Геральт указал на Лютика движением головы. — Нет, не из патетического милосердия, а из соображений разума. Обо мне никто не вспомнит, но за него захотят отомстить.

— Ты неверно оцениваешь мой разум, — сказал эльф. — Если он выживет благодаря тебе, он, несомненно, почувствует себя обязанным отомстить за тебя.

— И не сомневайся! — взревел Лютик, бледный как смерть. — Можешь быть уверен, сукин сын! Убей меня тоже, потому что, клянусь, в противном случае я подниму против тебя весь мир. Ты увидишь, на что годны вши из тулупа! Мы перебьем вас, даже если для этого придется сровнять с землей ваши горы! Можешь быть уверен!

— Ну и глуп же ты, Лютик! — вздохнул ведьмак.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — гордо сказал поэт, причем эффект несколько подпортили стучавшие, как кастаньеты, зубы.

— Это решает дело. — Филавандрель вынул перчатки из-за пояса и натянул их. — Пора кончать этот досадный эпизод.

По его краткому приказу эльфы с луками выстроились напротив. Сделали они это быстро: явно уже давно ожидали

приказа. Один, как заметил ведьмак, все еще жевал репу. Торувель, у которой рот и нос были крест-накрест закрыты полосками ткани и берестой, встала рядом с лучниками. Но без лука.

— Завязать вам глаза? — спросил Филавандрель.

— Отойди, — буркнул ведьмак. — Иди ты в...

— A d'yeabl aep arse, — закончил Лютик, стуча зубами.

— Э, нет! — вдруг заблеял дьявол, подбегая и заслоня собою осужденных. — У вас что, разум отбило? Филавандрель! Мы так не уговаривались! Ты должен был вывезти их в горы, поддержать где-нибудь в пещерах, пока мы не закончим здесь...

— Торкве, — сказал эльф, — не могу. Я не могу рисковать. Ты же видел, что он, связанный, сделал с Торувелью? Я не могу рисковать.

— Мне плевать, что ты можешь, а чего нет! Что вы вообразили? Думаете, я позволю вам совершить убийство? Здесь, на моей земле? Здесь, рядом с моим поселком? Вы, проклятые дурни! Выматывайтесь отседова вместе со своими луками, иначе на рога подниму, ук, ук!!!

— Торкве, — Филавандрель вытер руки о пояс, — то, что мы собираемся сделать, — необходимость.

— Düwelsheyss, а не необходимость!

— Отойди в сторону, Торкве!

Козерог потряс ушами, заблеял еще громче, вытаращил глаза и согнул локоть популярным у краснолюдов оскорбительным жестом.

— Никого вы тут убивать не станете! Садитесь на коней и выбирайтесь в горы, за перевалы! В противном случае вам придется убить и меня!

— Ну рассуди, — медленно проговорил беловолосый эльф. — Если мы оставим их в живых, люди узнают о тебе, о том, что ты делаешь. Они поймают тебя и замучают. Ты их знаешь.

— Знаю, — буркнул дьявол, все еще заслоня собою Геральта и Лютика. — Получается, что мне они известны лучше, чем вам! И не знаю, честное слово, кого следует держаться. Жалею, что сошелся с вами, Филавандрель!

— Ты сам этого хотел, — холодно сказал эльф, подавая знак лучникам. — Ты сам хотел, Торкве.

Эльфы вытянули стрелы из колчанов.

— Отойди, Торкве, — сказал Геральт, стискивая зубы. — Это бессмысленно. Отойди в сторону.

Дьявол, не двигаясь, показал ему краснолюдский же жест.

— Я слышу музыку... — неожиданно заплакал Лютик.

— Это бывает, — сказал ведьмак, глядя на наконечники стрел. — Не бери в голову. Не стыдно поглупеть от страха.

Лицо Филавандреля изменилось, собралось в странную гримасу. Беловолосый сеидхе резко повернулся, что-то крикнул лучникам, кратко, отрывисто. Те опустили оружие.

На поляну вышла Лилле.

Это уже не была тощая деревенская девчонка в грубой холщовой рубаше. По покрывающей поляну траве шла — нет, не шла — плыла к ним Королева, сияющая, золотоволосая, огненноглазая, захватывающая дух Королева Полей, украшенная гирляндами цветов, колосьев, трав. У ее левой ноги топтался на непослушных ножках олененок, у правой шелестел большой еж.

— Dana Meabdh, — почтительно произнес Филавандрель. Потом наклонил голову и опустился на одно колено.

Преклонили колени и остальные эльфы, медленно, как бы с нежеланием, один за другим, низко и почтительно склоняя головы. Последней, кто опустился на колени, была Торувель.

— Hael, Dana Meabdh, — повторил Филавандрель.

Лилле не ответила. Она остановилась в нескольких шагах от эльфа, повела голубым взглядом по Лютику и Геральту. Торкве, хоть и он тоже согнулся в поклоне, тут же принялся развязывать узлы. Никто из сеидхе не пошевелился.

Лилле продолжала стоять перед Филавандрелем. Она не произнесла ни слова, не издала ни звука, но ведьмак видел, как меняются лица эльфов, ощутил обволакивающую их ауру и не сомневался, что между этой парой происходит обмен мыслями. Дьявол вдруг потянул его за рукав.

— Твой друг, — тихо проблеял он, — изволил упасть в обморок. Самое время. Что делать?

— Дай ему пару раз по щекам.

— С удовольствием.

Филавандрель поднялся с колен. По его приказу эльфы мгновенно кинулись седлать коней.

— Пойдем с нами, Дана Меабдх, — сказал беловолосый эльф. — Ты нам нужна. Не покидай нас, Извечная. Не лишай нас своей милости. Мы погибнем без нее.

Лиле медленно покачала головой, указала на восток, в сторону гор. Эльф поклонился, теребя в руках украшенные повдоя своего белогривого коня.

Подошел Лютик, бледный и молчаливый, поддерживаемый дьяволом. Лиле взглянула на него, улыбнулась. Посмотрела в глаза ведьмаку, смотрела долго. Не произнесла ни слова. Слова были не нужны.

Большинство эльфов уже были в седлах, когда подошли Филавандрель и Торувьель. Геральт посмотрел в черные глаза эльфки, горевшие над бинтами.

— Торувьель... — начал он. И не закончил.

Эльфка кивнула, сняла с луки седла лютню, прекрасный инструмент из легкого, искусно инкрустированного дерева с изящным, резным грифом и молча вручила Лютику. Поэт принял инструмент, поклонился. Тоже молча, но его глаза говорили о многом.

— Прощай, странный человек, — тихо сказал Филавандрель Геральту. — Ты прав. Слова не нужны. Они ничего не изменят.

Геральт молчал.

— После долгого раздумья, — добавил сендхе, — я пришел к выводу, что ты был прав. Когда пожалел нас. Посему до свидания. До скорого свидания. В тот день, когда мы спустимся с гор в долину, чтобы умирать с достоинством. Тогда мы будем искать тебя, я и Торувьель. Не подведи нас.

Они долго молчали, глядя друг на друга. Потом ведьмак ответил коротко и просто:

— Я постараюсь.

7

— О боги, Геральт, — Лютик перестал перебирать струны, прижал лютню, коснулся ее щекой. — Это дерево поет само! Его струны живут! Какой изумительный звук. Черт побери,

прости, Торкве, привычка, за такую лютенку несколько пинков и немного страха — очень низкая цена. Я позволил бы пинать себя с утра до вечера, если б знал, что получу. Геральт! Ты вообще-то меня слушаешь?

— Трудно вас не слышать. — Геральт поднял голову от книги, взглянул на дьявола, который все время заядло пищал на какой-то странной дудке, изготовленной из кусочков тростника различной длины. — Да слышу я вас, вся округа вас слышит.

— Düwelsheys, а не округа. — Торкве отложил дудку. — Пустырь, и все тут. Дичь. Эх, жаль мне моей конопли.

— Конопли ему жаль! — засмеялся Лютик, осторожно подкручивая покрытые искусной резьбой колки лютни. — Надо было сидеть в куще, как мышь под метлой, а не пугать девок, уничтожать дамбы и поганить колодцы. Думаю, теперь ты будешь осторожнее и прекратишь свои фокусы, а, Торкве?

— Я люблю фокусы, — сообщил дьявол, ослабившись. — И жизни тебе, в смысле себе, без них не представляю. Но так и быть, обещаю, что на новых землях буду осторожнее. Буду... откалывать более продуманные номера.

Ночь была облачная и ветреная, ветер валил тростник, шумел в кустах, в которых они разбили бивак. Лютик подкинул в костер хворосту, Торкве вертелся на подстилке, отмахиваясь хвостом от комаров. В озере плеснулась рыба.

— Нашу поездку на край света я опишу в балладе, — сообщил Лютик. — И тебя в ней тоже не забуду, Торкве.

— Не думай, что это тебе так легко сойдет с рук, — буркнул дьявол. — Я тогда тоже напишу балладу и не забуду тебя, да так не забуду, что ты двенадцать лет не сможешь появляться в приличном обществе. Тогда увидишь. Геральт?

— А?

— Ты вычитал что-то интересное в книге, которую обманом выудил у безграмотных кметов?

— Именно.

— Так прочти и нам, пока еще огонь не погас.

— Да, да, — зазвенел Лютик на лютне Торувьели. — Почитай, Геральт.

Ведьмак оперся на локоть, подвинул книгу поближе к огню.

— «Узреть ее можно, — начал он, — летней порой, с дней мая и древоточца по дни костров, но чаще всего это случается в праздник Серпа, который древние называли «Ламмас». Является она в виде Девы Светловолосой, в цветах вся, и все живое устремляется за ней и льнет к ней, все равно, травы ли, зверь ли. Поэтому и имя у нее Живия. Древние зовут ее «Данамеби» и особо почитают. Даже Бородачи, хоть они и внутри гор, не среди полей обретаются, уважают ее и именуют «Bloemenmagde».

— Данамеби, — буркнул Лютик. — Dana Meabdh, Дева Полей.

— «Куда Живия стопу поставит, там земля цветет и родит и буйно плодится зверье всякое, такая в ней сила. Люды всякие жертвы ей приносят из урожая, в надежде неустанной, что в их, а не в чужие края Живия наведается. Ибо говорят также, что осядет наконец Живия среди того люду, коний выше других вознесется, но все это так, пустые словеса. Потому правду мудрецы рекут, что Живия землю токмо любит и то, что растет на ней и живет, однако без разницы, травка ль то мельчайшая, либо червь самый тишайший, а люды всякие для нее значат не боле, чем наименьшая былинка, ибо и они уйдут когда-нибудь, а новые после них, иные придут племена. А Живия вечно есть, была и будет, всегда, по край времен».

— По край времен! — пропел трубадур и забренчал на лютне. Торкве присоединился высокой трелью на своей тростниковой пищалке. — Благодарю тебя, Дева Полей! За урожай, за цветы и Дол Блатанна и за шкуру нижеподписавшегося, в смысле — вышепропевшего, которую ты спасла от стрел. Знаете, что я вам скажу?

Он перестал играть, обнял лютню, словно ребенка, и по-смурнел.

— Пожалуй, не стану я упоминать в балладе ни эльфов, ни трудности, с которыми им приходится бороться. А то еще найдутся охотники до гор... Зачем ускорять...

Трубадур замолчал.

— Докончи, — горько сказал Торкве. — Ты хотел сказать: ускорять то, что неизбежно. Неизбежно.

— Не будем об этом, — прервал Геральт. — Зачем? Слова не нужны. Берите пример с Лилле.

— Она разговаривала с эльфом телепатически, — буркнул бард. — Я чувствовал. Правда, Геральт? Ты ведь воспринимаешь такую связь. Ты понял, о чем... Что она передавала эльфам?

— Кое-что.

— О чем она говорила?

— О надежде. О том, что все обновляется и не перестает обновляться.

— И всего-то?

— Этого было достаточно.

— Хм... Геральт? Лилле живет в деревне, среди людей. Не думаешь ли ты, что...

— Что так и останется среди них? Здесь, в Долине Бланна? Возможно. Если...

— Если что?

— Если люди окажутся того достойны. Если край света останется краем света. Если мы будем уважать границу. Ну, довольно болтать, парни. Спать пора.

— Верно. Полночь близко, костер угасает. А я посижу еще, у меня всегда рифмы лучше подбираются у догорающего костра. А для моей баллады нужно название. Хорошее название.

— Может, «Край света»?

— Банально, — фыркнул поэт. — Даже если это действительно край, надобно его назвать иначе. Метафорически. Полагаю, ты знаешь, что такое метафора, Геральт? Хм... Надо подумать... «Там, где...» Черт, о прости, Торкве, привычка. «Там, где...»

— Спокойной ночи, — сказал дьявол.

ГЛАС РАССУДКА VI

Ведьмак расшнуровал рубаху, отлепил от шеи намокший лен. В гроте было очень тепло, даже жарко, в воздухе висел тяжелый, влажный пар, каплями оседавший на омшелых валунах и базальтовых плитах стен.

Крутом были растения. Они тянулись из выдолбленных в основании, заполненных торфом углублениях, из огромных ящиков, корыт и горшков. Взбирались по стенам, деревянным решеткам и шестам. Геральт с любопытством осматривался, узнавал некоторые редкие экземпляры — те, что входили в состав ведьмачьих лекарств и эликсиров, магических фильтров и колдовских декоктов. И те, еще более редкие, о свойствах которых он мог лишь догадываться. Были здесь и такие, которых он вообще не знал и о которых даже не слышал. Стены грота покрывали пятна звездлистного донника, из гигантских горшков выпирали плотные шары пустоглава и побеги усыпанной кроваво-красными ягодами арены. Он узнавал мясистые, с толстыми прожилками листья скороцвета, бордово-желтые овалы безмера и темные стрелки пилорытки. Видел прильнувший к каменным глыбам перистый мох ставикрова, поблескивающие шишечки вороньего глаза и тигрино-полосчатые пластинки мышехвостого ятрышника.

В затененной части грота пузырились серые, словно полевой бульбжник, шапки гриба шибальца. Неподалеку рос пиво-

град — растение, способное нейтрализовать любой известный токсин или яд. Торчащие из заглубленных в грунт ящиков серо-желтые, невзрачные метелочки выдавали зарник — корень с сильными и универсальными лечебными свойствами.

Середину грота занимали водные растения. Здесь располагались кадки, полные роголистника и желтоватой ряски, бассейны, покрытые плотным ковром вглубки — пищи для паразитирующего куркума, стеклянные сосуды, забитые спутанными стеблями галлюциногенного двустрела, стройными темно-зелеными криптофигиями и клубками ниточников, грязевые, затененные корыта, питомники бесчисленных видов плесени, простейших болотных растений.

Нэннеке, закатав рукава жреческой одежды, достала из корзинки ножницы и костяные грабельки и молча принялась за работу. Геральт присел на скамеечку между столбиками света, падающего сквозь большие хрустальные плиты в потолке грота.

Жрица мурлыкала себе под нос, ловко погружала руки в гущу листьев и побегов, быстро щелкала ножницами, заполняя корзинку пучками растений. Попутно поправляла палочки и рамки, поддерживающие стебли, рыхлила землю ручкой грабелек. Иногда, раздраженно ворча, вырывала засохшие или подгнившие стебельки, кидала их в сборник гумуса для пищи грибам и каким-то незнакомым ведьмаку чешуйчатым и змееподобным растениям. Он даже не был уверен, что это вообще растения, ему казалось, что поблескивающие корни слабо шевелятся и тянутся к рукам жрицы волосатыми отростками.

Было тепло. Очень тепло.

— Геральт?

— Слушаю, — он поборол сонливость. Нэннеке, поигрывая ножницами, глядела на него из-за огромных перистых листьев муходрева.

— Повремени немного. Останься. На несколько дней.

— Не могу, Нэннеке. Мне пора.

— Что тебя так гонит? Наплюй на Эреварда. А этот бродяга, Лютик, пусть едет один. Оставайся, Геральт.

— Нет, Нэннеке.

Жрица щелкнула ножницами.

— Уж не потому ли ты бежишь из храма, что боишься, как бы она тебя здесь не нашла?

— Да, — признался он тут же. — Угадала.

— Загадка не из трудных, — проворчала Нэннеке. — Успокойся, Йеннифэр уже была. Два месяца тому. Так скоро не вернется. Мы повздорили. Нет, не из-за тебя, о тебе она даже не спрашивала.

— Не спрашивала?

— Вот где у тебя болит, — засмеялась жрица. — Ты эгоцентрист, как и всякий мужчина. Самое худшее для вас, когда вами не интересуются, верно? Хуже равнодушия. Не отчаивайся. Я достаточно хорошо знаю Йеннифэр. Она не спрашивала, но внимательно смотрела, пытаясь отыскать следы твоего присутствия. А на тебя была страшно зла, я это почувствовала.

— Из-за чего повздорили-то?

— Не все ли равно из-за чего?

— Можешь не говорить. Я и без того знаю.

— Сомневаюсь, — спокойно сказала Нэннеке, поправляя колышки. — Ты знаешь ее весьма поверхностно. Она тебя, по правде сказать, тоже. Довольно типично для уз, которые вас связывают или когда-то связывали. Обоих вас не хватает ни на что, кроме как на чересчур эмоциональную оценку последствий при одновременном игнорировании причин.

— Она была здесь, чтобы вылечиться, — сказал он холодно. — Из-за этого вы и поругались, признайся.

— Мне не в чем признаваться.

Ведьмак встал и застыл под одной из хрустальных плит в кровле грота.

— Подойди на минутку, Нэннеке. Взгляни на это.

Он развернул потайной кармашек в поясе, извлек маленький сверточек — миниатюрный мешочек из козьей кожи, высыпал содержимое на ладонь.

— Два бриллианта, рубин, три славных нефрита, привлекательный агат. — Нэннеке разбиралась во всем. — Сколько отдал?

— Две с половиной тысячи темерских орен. Плата за упырицу из Вызимы.

— За располосованную шею, — поморщилась жрица. — Ну что ж, вопрос цены. Но ты правильно поступил, обратив наличные в стекляшки. Орен держится слабо, а цены на камни в Вызиме невысоки, слишком близко от гномовых приисков в Махакаме. Продав камушки в Новиграде, получишь никак не меньше пятисот новиградских крон, а крона сейчас тянет на шесть с половиной орен и постоянно растет в цене.

— Я хочу, чтобы ты это взяла.

— На хранение?

— Нет. Нефриты — для храма, как, скажем, мое пожертвование богине Мелитале. Остальные камни... для нее. Для Йеннифар. Отдай, когда она навестит тебя, что, вероятно, случится вскоре.

Нэннеке взглянула ему прямо в глаза.

— На твоем месте я бы не стала этого делать. Поверь, ты ее еще сильнее разозлишь, если такое вообще возможно. Оставь все как есть, ты уже ничего не можешь ни исправить, ни улучшить. Сбежав от нее, ты вел себя... ну, скажем, не вполне достойно для зрелого мужчины. Пытаясь загладить вину драгоценностями, ты себя ведешь как мужчина весьма, весьма перезрелый. Поверь, я не знаю, какой тип мужчины мне меньше по душе.

— Она слишком властолюбива, — проворчал Геральт, отвернувшись. — Я не мог этого вынести. Она относилась ко мне, как...

— Перестань, — оборвала Нэннеке. — Не распускай нюни. Я тебе не мамочка, сколько можно повторять? Твоей поверенной тоже не намерена быть. Мне безразлично, как она к тебе относилась. А твоё к ней отношение интересует меня еще меньше. Посредничать или же вручать ей эти дурные камушки я не собираюсь. Если хочешь быть дураком — пожалуйста, но без меня.

— Ты не поняла. Я не собираюсь ублажать ее или покупать. Просто я ей кое-что должен, а лечение, на которое она рассчитывает, стоит, кажется, очень дорого. Я хочу ей помочь, вот и все.

— Ты, оказывается, еще больший дурень, чем я думала. — Нэннеке подняла корзинку. — Дорогое лечение? Помощь?

Геральт, для нее твои камушки — мелочь, не стоящая плевка. Знаешь ли ты, сколько Йеннифэр может получить за прерывание беременности у светской дамы?

— Это-то я как раз знаю. Как и то, что за лечение бесплодия она берет еще больше. Жаль, себе не в силах помочь. Поэтому ищет помощи у других, в том числе и у тебя.

— Ей не поможет никто, это совершенно исключено. Она волшебница. Как у большинства магичек, у нее атрофированные, совершенно непроизводительные гонады, и это необратимо. У нее никогда не будет ребенка.

— Не все чародейки в этом смысле ущербны. Я кое-что знаю об этом. Ты — тоже.

— Верно. — Нэннеке прищурилась. — Знаю.

— Не может быть правилом то, из чего есть исключения. И, пожалуйста, не надо говорить, что, мол, исключения подтверждают правила. Лучше расскажи об исключениях из таковых.

— Об исключениях, — холодно ответила богослужительница, — можно сказать только одно: они есть. Ничего больше. А Йеннифэр... Ну что ж, к сожалению, она в число исключений не входит. Во всяком случае, в том роде дефектности, о котором мы говорим. Потому что во всем остальном трудно найти исключение большее, нежели она.

— Чародеям, — Геральт не обиделся ни на холод, ни на намеки, — удавалось воскрешать мертвых. Мне известны документально подтвержденные случаи. А воскрешать мертвых, сдается, потруднее, чем ликвидировать атрофию желез или органов.

— Скверно тебе сдается. Я не знаю ни одного задокументированного удачного случая лечения атрофии либо регенерации желез внутренней секреции. Геральт, хватит, наша беседа начинает походить на консилиум. Ты в этом не разбираешься, а я разбираюсь. И если говорю, что Йеннифэр заплатила за приобретение определенных способностей утратой других, значит, так оно и есть.

— Если это настолько очевидно, то не понимаю, почему она все пытается...

— Ты вообще страшно мало понимаешь, — прервала жрица. — Страшно мало. Перестань беспокоиться о недугах Йен-

нифэр, подумай о своих. Твой организм тоже подвергли необратимым изменениям. Тебя удивляет она, а что скажешь о себе самом? Ведь тебе должно быть ясно, что ты никогда не будешь человеком, а меж тем ты только то и делаешь, что пытаешься быть им. И совершаешь человеческие ошибки. Ошибки, которые ведьмак совершать не должен.

Геральт прислонился к стене грота, отер пот со лба.

— Не отвечаешь, — заметила Нэннеке, улыбнувшись. — Неудивительно. Трудно спорить с гласом рассудка. Ты болен, Геральт. Ты неполноценен. Плохо реагируешь на эликсиры. У тебя ускоренный пульс, замедленная аккомодация глаз, запаздывающие реакции. У тебя не получаются самые простые Знаки. И ты намерен выйти на большак? Тебе надо лечиться. Необходима терапия. Но прежде — транс.

— Так вот зачем ты прислала ко мне Иолю? Ради терапии? Для облегчения транса?

— Глуп ты, как я погляжу!

— Не настолько.

Нэннеке отвернулась, засунула руку между мясистыми побегами незнакомых ведьмаку вьющихся растений.

— Ну ладно. Да, я прислала ее к тебе. Ради терапии, как ты изволил выразиться. И скажу тебе, это получилось. Утром ты реагировал гораздо лучше. Был спокойнее. Кроме того, Иоля тоже нуждается в терапии. Не злись.

— Я не злюсь ни на... терапию, ни на Иолю.

— А на глас рассудка, который слышишь?

Геральт не ответил.

— Транс необходим, — повторила Нэннеке, окидывая взглядом свой пещерный сад. — Иоля готова. Она установила с тобой физический и психический контакт. Если хочешь уехать, мы сделаем это сегодня ночью.

— Не хочу. Пойми, Нэннеке, в трансе Иоля может начать вещать. Пророчествовать, читать будущее.

— Именно это и имеется в виду.

— Вот-вот. А я не хочу знать будущего. Как я стану после этого делать то, что делаю? Впрочем, я знаю его и без того.

— Ты уверен?

Он промолчал.

— Ну хорошо, — вздохнула богослужительница. — Пошли. Да, Геральт, не хочется быть бестактной, но скажи мне... Скажи, как вы познакомились? Ты и Йеннифэр? Как это началось?

Ведьмак улыбнулся.

— Началось с того, что нам с Лютиком нечего было есть, и мы решили наловить рыбы.

— Надо понимать, вместо рыбы ты поймал Йеннифэр?

— Не совсем так. Я расскажу, как было. Но, если не возражаешь, после ужина — я немного проголодался.

— Тогда пошли. Я взяла все, что требовалось.

Ведьмак направился к выходу, еще раз повел глазами по пещерной теплице.

— Нэннеке?

— А?

— Половина того, что здесь растет, не встречается нигде в мире. Я не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Больше половины.

— В чем причина?

— Если я скажу, что причиной тому милость богини Мелитале, тебе, вероятно, этого будет недостаточно?

— Скорее всего, да.

— Так я и думала. — Нэннеке улыбнулась. — Видишь ли, Геральт, наше яркое солнце все еще светит. Но уже не так, как раньше. Хочешь, почитай книжки. А ежели не хочешь тратить на это времени, то, может, тебя удовлетворит, если я скажу, что хрусталь, из которого сделаны окна в кровле, действует как фильтр. Он отсеивает убийственные лучи, которых в солнечном свете все больше. Поэтому здесь живут растения, которых в естественных условиях нигде в мире не встретить.

— Понял, — кивнул ведьмак. — А мы, Нэннеке? Как с нами? Ведь и на нас светит то же солнце. Не следует ли и нам попрыгаться под такие стекла?

— В принципе следует, — вздохнула жрица. — Но...

— Что «но»?

— Но уже поздно.

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

1

ом выставил устатую голову, сильно рванул, забился, взбурлил воду, сверкнул белым брюхом.

— Осторожнее, Лютик! — крикнул ведьмак, упираясь каблуками в мокрый песок. — Держи, черт...

— Держу... — прокрихтел поэт. — Мать моя, ну чудовище! Не рыба — левиафан! Жратвы будет, боги!

— Трави, трави, а то бечева порвется!

Сом прильнул ко дну, рывком кинулся вниз по течению, в сторону излучины. Бечева зазвенела, перчатки Лютика и Геральта задымилась.

— Тяни, Геральт, тяни! Не отпускай, запутается в корнях!

— Бечева лопнет!

— Не лопнет! Тащи!

Они напряглись, потянули. Бечева со свистом рассекала воду, вибрировала, разбрасывала капли, блестящие, словно ртуть, в лучах восходящего солнца. Сом вдруг вынырнул, закружил под самой поверхностью воды, напряжение бечеvy ослабло. Они принялись быстро выбирать слабинку.

— Завялим, — засопел Лютик. — Отвезем в деревню и велим завялить. А головизна пойдет на уху!

— Осторожнее!

Чувствуя под брюхом мелководье, сом вывалился из воды до половины двухсаженного тела, дернул головой, хлестнул

плоским хвостом, резко ринулся в глубину. Перчатки снова задымили.

— Тяни! Тяни! На берег его, рыбью душу!!!

— Бечева трещит! Трави, Лютик!

— Выдержит! Не бойсь! А из головы... уху сварим...

Снова подтянутый ближе к берегу сом взвертелся и принялся яростно рвать бечеву, словно давая понять, что так легко не даст засунуть себя в горшок. Брызги взвились на сажень вверх.

— Шкуру продадим... — Лютик, упираясь и покраснев от натути, тянул бечеву обеими руками. — А усы... Из усов сделаем...

Никто никогда не узнает, что собирался поэт сделать из сомовьих усов. Бечевка с треском лопнула, и рыбаки, потеряв равновесие, повалились на мокрый песок.

— А, чтоб тебя! — рявкнул Лютик так, что эхо пошло по камышам. — Сколько жратвы пропало! Чтоб ты сдох, рыбий хвост!

— Говорил я, — Геральт отряхнул брюки, — говорил, не тяни силой! Испортил ты все, друг мой Лютик. Рыбак из тебя, как из козьей задницы труба.

— Неправда, — обиделся трубадур. — То, что это чудовище вообще заглотало наживку, моя заслуга.

— Интересно. Ты и пальцем не пошевелил, чтобы помочь закинуть крюк. Бренькал на лютне и драл глотку на всю округу, ничего больше.

— Ошибаешься, — ухмыльнулся Лютик. — Когда ты уснул, я снял с крючка живца и нацепил дохлую ворону, которую нашел в кустах. Хотел утром посмотреть на тебя, когда ты эту ворону вытянешь. А сом купился на ворону. На твоего живца хрен бы что клюнуло.

— Клюнуло-клюнуло. — Ведьмак сплюнул в воду и принялся наматывать бечеву на деревянную крестовину. — А повралось, потому что ты тянул по-дурному. Чем болтать, сверни лучше остальные лесы. Солнце взошло, пора в дорогу. Я пошел собираться.

— Геральт!

— Что?

— На второй лесе тоже что-то есть... Нет, тьфу ты, просто что-то зацепилось. Ты смотри, держит словно камень,

не справиться! Ну... пошло. Ха, ха, глянь! Не иначе барка времен короля Дезмода! А большая, едри ее... Глянь, Геральт!

Лютик, конечно, преувеличивал. Вытянутый из воды клубок прогнивших веревок, остатков сетей и водорослей был большой, но до барки времен легендарного короля ему было далеко. Бард распластал добычу на песке и начал копаться в ней мыском ботинка. В водорослях кишмя кишели пиявки, бокоплавыв и маленькие рачки.

— Эй! Глянь, что я нашел!

Геральт, заинтересовавшись, подошел. Находка оказалась изербатым глиняным кувшином, чем-то вроде двуручной амфоры, запутавшейся в сети, черной от сгнивших водорослей, колоний ручейников и улиток, покрытой вонючим илом.

— Ха! — гордо воскликнул Лютик. — Знаешь, что это?

— А как же! Старый горшок.

— Ошибаешься, — возвестил трубадур, щепкой соскребая с сосуда раковины и окаменевшую глину. — Это не что иное, как волшебный кувшин. Внутри сидит джинн, который исполнит три моих желания.

Ведьмак хохотнул.

— Смейся-смейся. — Лютик покончил с очисткой, наклонился и постучал по амфоре. — Слушай-ка, на пробке печать, а на печати волшебный знак.

— Какой? Покажи.

— Ишь ты! — Поэт спрятал кувшин за спину. — Еще чего. Я его нашел, и мне полагаются все желания.

— Не трогай печать! Оставь кувшин в покое!

— Пусти, говорю! Это мой!

— Лютик, осторожнее!

— Как же!

— Не трогай! О дьявольщина!

Из кувшина, который во время возни упал на песок, вырвался светящийся красный дым.

Ведьмак отскочил и кинулся за мечом. Лютик, скрестив руки на груди, даже не шевельнулся.

Дым запульсировал и на уровне головы поэта собрался в неправильной формы шар. Потом превратился в карикатурную

безносую голову с огромными глазищами и чем-то вроде клюва. В голове было около сажени диаметра.

— Джинн, — проговорил Лютик, топнув ногой, — я тебя освободил, и отныне я — твой повелитель. Мои желания...

Голова защелкала клювом, который был вовсе не клювом, а чем-то вроде обвислых, деформированных и меняющих форму губ.

— Беги, — крикнул ведьмак. — Беги, Лютик!

— У меня, — продолжал Лютик, — следующие желания. Во-первых, пусть как можно скорее удар хватит Вальдо Маркса, трубадура из Цидариса. Во-вторых, в Каэльфе проживает графская дочка Виргиния, которая никому не желает давать. Пусть мне даст. В-третьих...

Каково было третье желание Лютика, никому узнать не дано. Чудовищная голова выкинула две ужасающие лапы и схватила барда за горло. Лютик захрипел.

Геральт в три прыжка подскочил к голове, взмахнул серебряным мечом и рубанул от уха, через середину. Воздух завыл, голова пыхнула дымом и резко выросла, удваиваясь в размерах. Жуткая пасть, тоже значительно увеличившаяся, раскрылась, защелкала и взвизгнула, лапы дернули вырывающегося Лютика и прижали его к земле.

Ведьмак сложил пальцы Знаком Аард и послал в голову максимальную энергию, какую только ему удалось сконцентрировать. Энергия, превратившись в охватившем голову свечении в ослепительный луч, ударила в цель. Громыкнуло так, что у Геральта зазвенело в ушах, а от взрывной волны аж зашумели ивы. Чудовище оглушительно зарычало, еще больше раздулось, но отпустило поэта, взметнулось вверх, закружилось и отлетело к поверхности воды, размахивая лапами.

Ведьмак кинулся оттаскивать неподвижно лежащего Лютика, и тут его пальцы наткнулись на засыпанный песком круглый предмет.

Это была латунная печать, украшенная знаком изломанного креста и девятиконечной звезды.

Висящая над рекой голова уже вымахала до размеров стога сена, а ее раскрытая орущая пасть напоминала ворота овина средних размеров. Вытянув лапы, чудовище напало.

Геральт, не зная, что делать, зажал печать в кулаке и, выставив руку в сторону нападающего, выкрикнул формулу экзордизма, которой некогда его научила одна знакомая богослужительница. Никогда раньше он этой формулой не пользовался, поскольку в суеверия принципиально не верил. Эффект превзошел все ожидания.

Печать зашипела и раскалилась, обжигая ладонь. Гигантская голова замерла в воздухе над водой. Повисев так минутудругую, она взвыла, зарычала и превратилась в пульсирующий клуб дыма, в огромную клубящуюся тучу. Туча тонко взвизгнула и с невероятной скоростью помчалась вверх по течению реки, оставляя на поверхности воды бурлящую полосу. Через несколько секунд исчезла вдаль, только вода еще какое-то время приносила понемногу утихающий вой.

Ведьмак наклонился к поэту, стоящему на коленях на песке.

— Лютик? Ты жив, Лютик? Черт тебя побери! Что с тобой?

Поэт замотал головой, замахал руками и раскрыл рот для крика. Геральт поморщился и прикрыл глаза — у Лютика был хорошо поставленный, звучный тенор, а при сильном испуге он мог достигать невероятных высот. Но то, что вырвалось из горла барда, было едва слышным скрипом.

— Лютик! Что с тобой? Ну не молчи же!

— Х-х-х...е-е-е...кх...кх-х-уррвал

— Тебе больно? Что с тобой, Лютик?

— Х-х-х...к-к-ку-куррррва...

— Замолчи. Если все в порядке, кивни.

Лютик сморщился, с превеликим трудом кивнул, перевернулся на бок, скорчился, и его тут же вырвало кровью.

Геральт выругался.

2

— Боги милостивые! — Стражник попятился и опустил фонарь. — Что с ним?

— Пропусти нас, добрый человек, — тихо сказал ведьмак, поддерживая скорчившегося в седле Лютика. — Ты же видишь, мы спешим.

— Вижу, — сглотнул стражник, глядя на бледное лицо поэта и его залепанный черной запекшейся кровью подбородок. — Ранен? Это скверно выглядит.

— Я спешу, — повторил Геральт. — Мы в пути с рассвета. Пропустите нас, пожалуйста.

— Не можем, — сказал другой стражник. — Через ворота можно входить только от восхода до заката. Ночью не можно. Приказ. Не можно никому, разве что со знаком короля аль ипата. Ну и еще, если гербовый вельможа.

Лютик захрипел, скорчился еще больше, оперся лбом о гриву коня, затрясся, дернулся в сухом позыве. По шее лошади, изукрашенной засохшими «извержениями», потекла очередная струйка.

— Люди, — сказал Геральт как можно спокойнее, — вы же видите, ему плохо. Мне нужен кто-нибудь, кто его вылечит. Пропустите нас, прошу.

— Не просите. — Стражник оперся на алебарду. — Приказ есть приказ. Пропущу, а меня поставят к позорному столбу и выгонят со службы. Чем я тогда буду детей кормить? Нет, милостивые государи, не могу. Стадите друга с коня и отведите в сторожевую башню перед крепостной стеной. Там есть комната. Мы его перевяжем, до рассвета протянет, ежели на роду написано. Ждать осталось недолго.

— Тут перевязать мало, — скрипнул зубами ведьмак. — Нужен знахарь, жрец, способный медик...

— Такого ночью все равно не добудитесь, — сказал второй стражник. — Все, что мы можем сделать, это не заставлять вас перед воротами до рассвета торчать. В доме тепло и найдется, куда положить раненого, легче ему будет, чем в седле. Давайте поможем стащить с коня.

В комнате сторожевой башни действительно было тепло, душно и уютно. Огонь весело потрескивал в камине, за которым истово пел сверчок.

За тяжелым квадратным столом, заставленным кувшинами и блюдами, сидели трое.

— Простите, уважаемые, — сказал поддерживавший Лютика стражник, — ежели помешали... Чай, не будете супротив... Этот рыцарь, хм... Ну и второй, ранен, ну, я подумал...

— Правильно подумал. — Один из мужчин повернул к ним худощавое, угловатое лицо, встал. — Давайте кладите его на лежанку.

Мужчина был эльфом. Как и второй, сидевший за столом, на что указывала их одежда, являвшая собой характерную смесь человеческой и эльфьей моды. Оба были эльфами. Оседлыми. Прижившимися. Третий мужчина, на вид постарше, был человеком. Рыцарем, о чем говорила его одежда и седоватые волосы, постриженные так, чтобы можно было надеть шлем.

— Я Хиреадан, — представился более высокий из эльфов, тот, что с выразительным лицом. Как обычно с представителями Старшего Народа, его возраст определить было невозможно. Ему с равным успехом можно было дать и двадцать и сто двадцать лет. — А это мой родственник, Эррдиль. А вон тот вельможа — Вратимир.

— Вельможа, — с надеждой буркнул Геральт, но внимательный взгляд на герб, вышитый на тунике, развеял его надежды: разделенный на четыре части щит с золотыми лилиями был наискось пересечен серебряной полосой. Вратимир был не только незаконнорожденным, но более того — ребенком от смешанной человеческо-нелюдской связи. И как таковой, хоть и гербовый, не мог считаться полноправным вельможей и явно не пользовался привилегией прохода в город после наступления сумерек.

— Увы, — от внимания эльфа не ускользнул взгляд ведьмака, — и мы тоже вынуждены ждать рассвета. Закон не знает исключений, во всяком случае, для таких, как мы. Присоединяйтесь, милсдарь рыцарь.

— Геральт из Ривии, — представился ведьмак. — Я ведьмак, не рыцарь.

— Что с ним? — Хиреадан указал на Лютика, которого тем временем стражники уложили на топчан. — Похоже на отравление. Если так, могу помочь. У меня есть хорошее лекарство.

Геральт сел, потом кратко и осмотрительно изложил события у реки. Эльфы переглянулись. Седовласый рыцарь сплюнул сквозь зубы и поморщился.

— Невероятно, — сказал Хиреадан. — Что бы это могло быть?

— Джинн из бутылки, — буркнул Вратимир. — Прямо как в сказке...

— Не совсем. — Геральт показал на скорчившегося на топчане Лютика. — Не знаю ни одной сказки, которая бы кончалась так.

— У бедняги повреждения явно магического характера, — сказал Хиреадан. — Боюсь, мои медикаменты вряд ли пригодятся. Но облегчить страдания могут. Ты уже давал ему какие-нибудь лекарства, Геральт?

— Противоболевой эликсир.

— Пойдем, поможем. Поддержи ему голову.

Лютик жадно выпил смешанное с вином лекарство, поперхнулся последним глотком, раскашлялся и оплевал подушку.

— Я его знаю, — сказал второй из эльфов, Эррдиль. — Это Лютик, трубадур и поэт. Когда-то я слушал его при дворе короля Этайна в Цидарисе.

— Трубадур, — повторил Хиреадан, глядя на Геральта. — Паршиво, очень. У него повреждены мышцы шеи и гортань. Начинаются изменения в голосовых связках. Необходимо как можно скорее прекратить действие чар, иначе... Это может быть необратимо.

— То есть... Он что, не сможет говорить?

— Говорить сможет. Но петь — нет.

Геральт, не произнеся ни слова, сел на стул, опустил голову на стиснутые кулаки.

— Колдун нужен, — сказал Вратимир. — Лекарство или лечебное заклинание. Ты должен отвезти его в какой-нибудь другой город, ведьмак.

— Это почему же? — поднял Геральт голову. — А здесь, в Ринде? Нет, что ли, колдуна?

— Во всей Ринде плохо с магами, — сказал рыцарь. — Верно, господа эльфы? После того как король Эриберт наложил разбойничий налог на чары, магики бойкотируют столицу и города, которые рьяно выполняют всякие королевские распоряжения. А советники в Ринде, я слышал, славятся своим усердием. Верно? Хиреадан, Эррдиль, я прав?

— Прав, — подтвердил Эррдиль. — Но... Хиреадан, можно?

— Даже нужно, — сказал Хиреадан, глядя на ведьмака. — Незачем делать тайну из того, что и так вся Ринда знает. В городе, Геральт, временно обитает одна чародейка.

— Вероятно, инкогнито?

— Не совсем, — усмехнулся альф. — Особа, о которой я говорю, большая оригиналка. Пренебрегает и бойкотом, который совет чародеев объявил Ринде, и распоряжением городских советников, и чувствует себя прекрасно, ибо в результате здесь возник крупный спрос на магические услуги. Конечно, чародейка никаких налогов в казну не платит.

— Городской совет терпит?

— Волшебница живет в доме крупного купца, торгового фактора из Новиграда, и одновременно титулярного советника. Никто не смеет ее там тронуть. Она пользуется правом убежища.

— Скорее домашний арест, чем убежище, — поправил Эррдиль. — Практически она там в заключении. Но на недостаток клиентов не сетует. Богатых клиентов. На советников демонстративно чихает, устраивает балы и пирушки...

— А советники злятся, подзуживают против нее кого только могут, всеми способами подрывают ее репутацию, — добавил Хиреадан. — Распускают о ней отвратительные слухи, надеясь, что высший богослужитель из Новиграда запретит купцу предоставлять ей убежище.

— Не люблю лезть в такие дела, — буркнул Геральт. — Но выбора у меня нет. Как кличут того купца-посланника?

— Бо Берран, — ведьмаку показалось, что Хиреадан поморщился, произнося имя фактора. — Что ж, действительно, это твой единственный шанс. Вернее, единственный шанс того бедняги, твоего друга. Но захочет ли чародейка помочь... Не знаю.

— Будь внимателен, когда пойдешь, — сказал Эррдиль. — Шпики ипата наблюдают за домом. Если задержат, сам знаешь, что делать. Деньги открывают любые двери.

— Пойду, как только откроют ворота. Как зовут волшебницу?

Геральту почудилось, что на выразительном лице Хиреадана заиграл легкий румянец. Но это мог быть и отблеск огня из камина.

— Йеннифэр из Венгерберга.

3

— Хозяин спит, — повторил привратник, глядя на Геральта сверху. Он был на голову выше и почти в два раза шире в плечах. — Ты что, оглох, бродяга? Спит хозяин, говорю.

— Ну и пусть его спит, — согласился ведьмак. — У меня дело не к твоему хозяину, а к даме, которая у вас... квартирует.

— Дело, значит. — Привратник, оказывается, был человеком скорым на шутки, что при такой фигуре и внешности было удивительно. — Ну так иди в бордель и удовлетворяйся. Пшел вон!

Геральт отстегнул от пояса мешочек и подкинул его в руке, не выпуская ремешка.

— Меня не купишь, — гордо произнес цербер.

— А я и не собираюсь.

Привратник был слишком громоздок, чтобы обладать рефлексом, позволяющим уклониться или закрыться от быстрого удара обычного человека. А от удара ведьмака он не успел даже зажмуриться. Тяжелый мешок с металлическим звоном саданул его в висок. Он рухнул на дверь, обеими руками хватаясь за створку. Геральт оторвал его ударом в колено, толкнул плечом и хватил мешочком еще раз. Глаза у привратника помутнели и разбежались в комичном косоглазии, ноги сложились, как два складных ножика. Ведьмак, видя, что дылда хоть уже почти потерял сознание, но все еще пытается размахивать руками, приложил ему с размаха в третий раз, прямо по темечку.

— Деньги, — буркнул он при этом, — открывают любые двери.

В сенях было темновато. Из-за двери слева доносился громкий храп. Ведьмак осторожно заглянул туда. На разобранной лежанке спала, выводя носом затейливые рулады, толстая женщина в ночной рубашке, задранной выше бедер. Картина не из самых изысканных. Геральт затянул привратника в комнату и запер снаружи дверь на засов.

Справа располагалась следующая дверь, полуоткрытая, а за ней каменные ступени, ведущие вниз. Ведьмак уже собирался

было пройти мимо, когда снизу долетело невнятное ругательство, грохот и сухой треск бьющегося сосуда.

Помещение оказалось большой кухней, заполненной сильно пахнущими травами и смолистыми дровами. На каменном полу, меж черепков глиняного кувшина, низко наклонив голову, ползал на коленях совершенно нагой мужчина.

— Яблочный сок, мать твою, — произнес он так, что трудно было разобрать, крутя при этом головой, как баран, который по ошибке боднул крепостную стену. — Сок... яблочный... желает... Где слуги?

— Чего желаете? — вежливо спросил ведьмак.

Мужчина поднял голову и икнул. Глаза у него были тупые и красные.

— Она желает яблочного сока, — сообщил он и, с трудом приподнявшись, уселся на прикрытый овчиной сундук, опершись о печь. — Надо... отнести ей наверх, а то...

— Я имею удовольствие разговаривать с купцом Бо Берраном, фактором и посланником?

— Тише, — болезненно поморщился мужчина. — Не верещи. Слушай, там, в бочонке... сок... яблочный. Налей во что-нибудь... и помоги мне подняться по лестнице, лады?

Геральт пожал плечами, потом сочувственно покачал головой. Сам он по возможности избегал алкогольных приключений, но состояние, в котором пребывал купец, не было ему совсем уж чуждо. Он отыскал среди сосудов кувшин и оловянный кубок, зачерпнул из бочонка сока. Услышал храп и повернулся. Голый мужчина спал, свесив голову на грудь.

У ведьмака появилась дурная мысль облить его соком и разбудить, но он тут же раздумал. Взял кувшин и вышел из кухни. Коридор оканчивался тяжелыми, инкрустированными дверями. Он осторожно вошел, раскрыв их ровно настолько, чтобы можно было проскользнуть в комнату. Было темно, пришлось расширить зрачки. И тут же скривить нос.

В воздухе висел тяжелый запах прокисшего вина, свечей и перезрелых плодов. И чего-то наподобие смеси аромата сирени с крыжовником.

Он осмотрелся. На столе посреди комнаты громоздились кувшины, графины, кубки, бокалы, серебряные блюда и вазы,

тарелки, вилки и ножи с ручками из слоновой кости. Помятая, сползшая набор скатерть, твердая от воска, стекавшего с подсвечников, была залита вином, пестрела фиолетовыми пятнами. Апельсиновая кожура блестела словно цветы среди косточек слив и абрикосов, хвостиков от груш и обобранных от ягод виноградных кистей. Один кубок был перевернут и разбит. Другой цел, наполовину полон, и из него торчала индюшачья кость. Рядом с кубком стояла черная туфелька на высоком каблуке. Туфелька была сделана из кожи василиска. Дороже материала для обуви на свете не существовало.

Вторая туфелька валялась под столом на небрежно брошенном черном платье с белыми оборками и шитьем на тему растительных мотивов.

Геральт постоял минуту, нерешительно, борясь с чувством неловкости, желанием развернуться и уйти. Но это означало бы, что цербер в сених получил свое напрасно. Ведьмак не любил делать что-либо напрасно. В углу комнаты он заметил винтовую лестницу, на ступеньках которой лежали четыре увядшие розы и салфетка, испачканная вином и карминовой губной помадой. Запах сирени и крыжовника усиливался.

Лестница вела в спальню, пол которой покрывала большая косматая шкура. На шкуре валялась белая рубашка с кружевными манжетами и несколько белых роз. И черный чулок.

Второй чулок свисал с одного из четырех резных столбиков, поддерживавших балдахин над ложем. Рельефы на столбиках изображали фавнов и нимф в разных позах. Некоторые позиции были весьма любопытными. Другие — идиотски смешными. Многие повторялись. В принципе.

Геральт громко кашлянул, глядя на обилие черных локонов, выбивающихся из-под дамастового одеяла. Одеяло пошевелилось и застало. Геральт кашлянул громче.

— Бо? — невятно спросило обилие черных локонов. — Принес сок?

— Принес.

Из-под черных локонов возникло бледное треугольное лицо, фиалковые глаза и узкие, слегка кривившиеся губы.

— О-о-ох... — губы скривились еще сильнее. — О-о-ох... Умру от жажды...

— Прошу.

Женщина села, выбравшись из-под одеяла. У нее были ладные плечи и красивая шея, на шее — черная бархотка со звездообразным, искрящимся бриллиантами украшением. Кро-ме бархотки, на женщине не было ничего.

— Благодарю. — Она взяла кубок, жадно выпила, потом подняла руку и дотронулась до виска. Одеяло сдвинулось еще больше. Геральт отвел глаза. Тактично, но без особого желания.

— Кто ты, собственно говоря, такой? — спросила черно-волосая женщина, щуря глаза и прикрываясь одеялом. — Что тут делаешь? Где этот баран Берран?

— На который вопрос следует отвечать в первую очередь?

Он тут же пожалел об иронии. Женщина подняла руку, из пальцев выстрелила золотая лента. Геральт рефлекторно отреагировал, сложив ладони Знаком Гелиотропа, выхватил чары уже перед самым лицом, но разряд оказался настолько сильным, что его отбросило назад, на стену. Он сполз на пол.

— Не надо! — крикнул он, видя, что женщина поднимает руку снова. — Госпожа Йеннифэр! Я пришел с миром, без злых намерений!

От лестницы послышался топот, в дверях возникли фигуры слуг.

— Госпожа Йеннифэр!

— Уйдите, — спокойно бросила волшебница. — Вы больше не нужны. Я плачу вам за то, чтобы вы охраняли дом. Но если этот тип все же сумел войти, я займусь им сама. Передайте это господину Беррану. А для меня подготовьте баню.

Ведьмак с трудом выпрямился. Йеннифэр, придурившись, молча глядела на него.

— Ты отбил мое заклинание, — сказала она наконец. — Ты не волшебник, это видно. Но отреагировал невероятно быстро. Говори, кто ты, незнакомец. И советую, говори быстро.

Йеннифэр перевесилась с кровати, ухватив вырезанного на столбике фавна за неплохо для этой цели приспособленную анатомическую деталь. Не спуская глаз с Геральта, подняла с пола халат с меховым воротником. Плотно обернувшись, встала. Не спеша налила себе еще сока, выпила одним духом, откашлялась, подошла. Геральт незаметно массировал крестец,

который минуту назад довольно болезненно соприкоснулся со стеной.

— Геральт из Ривии, — повторила чародейка, глядя на него из-под черных ресниц. — Как ты сюда попал? И зачем? Надеюсь, ничего плохого Беррану не сделал?

— Не сделал. Госпожа Йеннифэр, мне нужна твоя помощь.

— Ведьмак, — проворчала она, подходя ближе и плотнее закутываясь в халат. — Мало того, что ты вообще первый ведьмак, какого я вижу в натуре, так к тому же еще и знаменитый Белый Волк. Наслышана, а как же.

— Представляю себе.

— Не знаю, что ты себе представляешь, — зевнула она и придвинулась совсем близко. — Ты позволишь? — Она коснулась рукой его щеки, заглянула в глаза. Он стиснул зубы. — Зрачки автоматически приспособляются к освещению или ты сужаешь их по желанию?

— Йеннифэр, — спокойно сказал Геральт, — я ехал в Ринду целый день, не останавливаясь. Я ждал всю ночь, пока раскроют ворота. Я дал по черепу привратнику, который не хотел меня впускать. Невежливо и нахально нарушил твой сон и покой. И все потому, что моему другу нужна помощь, которую в силах оказать только ты. Окажи ее, прошу, а потом, если пожелаешь, мы поболтаем о мутациях и аберрациях.

Она отступила на шаг, некрасиво скривила губы.

— О какого рода помощи идет речь?

— О восстановлении магически пораженных органов. Горла, гортани и голосовых связок. Поражение такое, словно его вызвал пурпурный туман. Либо что-то похожее.

— Похожее, — повторила она. — Короче говоря, не пурпурный магический туман поразил твоего друга. Так что это было? Ну говори, когда меня будят на рассвете, у меня нет сил и желания зондировать твой мозг.

— Хм... Лучше будет, если я все начну сначала...

— О нет, — прервала она — Если все так уж сложно, то немного повремени. Во рту противно, волосы взлохмачены, глаза слипаются, да и другие утренние заботы сильно ограничивают мои способности воспринимать сказанное. Спустись в баню и подожди. Я сейчас там буду, и ты мне все расскажешь.

— Йеннифэр, я не хотел бы показаться нахалом, но время уходит. Мой друг...

— Геральт, — прервала она, — ради тебя я вылезла из постели, хоть и не собиралась делать этого до обеда. Я готова отказаться от завтрака. Знаешь почему? Потому что ты принес мне яблочный сок. Ты спешил, ты страдал из-за мучений друга, ты ворвался сюда силой, колотя людей по черепам, и, несмотря на это, уделил внимание жаждущей женщине. Тем самым ты расположил меня к себе, и, возможно, я тебе помогу. Но от воды и мыла не откажусь. Иди в баню. Прошу.

— Хорошо.

— Геральт?

— Да? — Он задержался на пороге.

— Воспользуюсь okazjiей и искупайся тоже. По запаху я могу определить не только породу и возраст, но и масть твоего коня.

4

Она вошла в тот момент, когда Геральт, сидя нагишом на маленькой табуретке, ополаскивался из ушата. Он кашлянул и скромно отвернулся.

— Не стесняйся, — сказала она, кидая охапку одежды на вешалку. — Я не теряю сознания при виде голого мужчины. Трисс Меригольд, моя подружка, говаривает, что если ты видела одного, значит, видела всех.

Он встал, обернувшись полотенцем вокруг бедер.

— Прелестный рубец, — улынулась Йеннифэр, увидев его грудь. — Что это было? Попал под пилу на лесопилке?

Он не ответил. Чародейка продолжала его разглядывать, кокетливо наклонив голову.

— Первый ведьмак, которого мне удалось рассмотреть вблизи, к тому же совершенно раздетого. Ого-го! — Она наклонилась, прислушалась. — Как странно бьется твое сердце! Очень медленный ритм. Ты можешь регулировать выделение адреналина? Ах, прости, профессиональное любопытство.

Похоже, тебя раздражают разговоры о свойствах твоего организма. И ты привык эти свойства называть словами, которых я очень не люблю, и при этом впадаешь в патетический сарказм, которого я не люблю еще больше.

Он не отвечал.

— Ну довольно. Моя ванна остывает. — Йеннифэр сделала такое движение, словно хотела скинуть халат, но замаялась. — Я буду купаться, ты будешь рассказывать. Сэкономим время. Но... Не хочу тебя смущать, к тому же мы почти незнакомы. Поэтому, следуя правилам приличия...

— Я отвернусь, — неуверенно предложил он.

— Нет. Я должна видеть глаза собеседника. У меня есть идея получше.

Он услышал, как она произнесла заклинание, почувствовал, как задрожал медальон, и увидел черный халат, мягко падающий на пол. А потом услышал плеск воды.

— Теперь я не вижу твоих глаз, Йеннифэр, — сказал он, — жаль.

Невидимая волшебница, фыркнув, заплескалась в бадье.

— Рассказывай.

Геральт прекратил борьбу с брюками, сел на табурет. Застегивая пряжки ботинок, излагал приключение у реки, сокращая до минимума описание борьбы с сомом. Йеннифэр не походила на человека, интересующегося рыболовством.

Когда он дошел до того места, где существо-облако выбралось из кувшина, большая губка, намыливавшая невидимость, замерла.

— Так, так, — услышал он. — Любопытно. Джинн, запертый в бутылке.

— Какой там джинн, — возразил он. — Какая-то разновидность пурпурной мглы. Какой-то новый, неизвестный ее вид...

— Новый и неизвестный вид заслуживает того, чтобы его как-то назвать, — произнесла невидимая Йеннифэр. — Джинн — название ничуть не хуже других. Продолжай, пожалуйста.

Мыло в бадье пенилось в ходе его повествования, вода плескалась через край. В один из моментов что-то привлекло

его внимание, он пригляделся и заметил контуры и формы, проявленные мылом, покрывающим невидимость. Контуры и формы так увлекли его, что он онемел.

— Рассказывай! — подстегнул его голос, исходящий из ничего поверх контуров и форм. — Что дальше?

— Это все, — сказал он. — Я прогнал этого, как ты говоришь, джинна...

— Каким образом? — Черпак поднялся и вылил воду. Мыло исчезло, формы тоже. Геральт вздохнул.

— Заклинанием.

— Каким? — Черпак снова вылил воду. Ведьмак принялся следить за действиями черпака, ибо вода, хоть и ненадолго, тоже кое-что проявляла. Он повторил заклинание, ради безопасности заменяя гласную «э» вдохом. Думал понравиться чародейке знанием этого принципа и сильно удивился, услышав из бадьи дикий хохот.

— Что тут смешного?

— Твое заклинание... — Полотенце сплыло с вешалки и принялось вытирать остатки контуров. — Трисс лопнет от смеха, когда я ей расскажу! Кто тебя научил, ведьмак? Этому... заклинанию?

— Одна жрица из храма Гулдры. Это тайный храмовый язык...

— Кому тайный — тому тайный. — Полотенце хлестнуло о край бадьи, вода плеснула на пол, следы босых ступней обозначили шаги волшебницы. — Никакое это не заклинание, Геральт. И не советую повторять его в других храмах.

— Если не заклинание, так что? — спросил он, наблюдая за тем, как два черных чулка создают из воздуха одну черную ножку за другой.

— Шутливое выражение. — Трусики с оборками охватили нечто ласкающим глаз образом. — Хоть и не совсем цензурное.

Белая блузка с большим жабо в форме цветка порхнула вверх и сотворила формы. Как ведьмак заметил, Йеннифер не пользовалась никакими шутками с китовым усом, которые так любят женщины. Ей это было ни к чему.

— Какое выражение? — спросил он.

— Давай не будем об этом.

Из стоявшей на столике четырехгранной хрустальной бутылки вылетела пробка. В бане запахло сиренью и крыжовником. Пробка описала несколько кругов и прыгнула на место. Чародейка застегнула манжеты нижней рубашки, натянула платье и материализовалась.

— Застегни, — повернулась она спиной, расчесывая волосы черепашиным гребнем. У гребня, как заметил Геральт, был длинный заостренный конец, который в случае нужды мог заменить кинжал.

Он расчетливо медленными движениями, пряжка за пряжкой, застегивал платье, вдыхая аромат ее волос, черным каскадом ниспадающих до половины спины.

— Возвратимся к твоему «бутылочному» существу, — сказала Йеннифэр, вдевая в уши бриллиантовые серьги. — Конечно же, не твое смешное заклинание обратило его в бегство. Скорее всего, он просто разрядил ярость на твоём дружке и улетел, поскольку это ему надоело.

— Правдоподобно, — утрумо согласился Геральт. — Не думаю, чтобы он полетел в Цидарис укокошить Вальдо Маркса.

— Что ещё за Вальдо Маркс?

— Трубадур, который считает моего друга, тоже поэта и трубадура, бесталанщиной, потакающей низменным вкусам толпы.

Чародейка обернулась, странно блеснув фиалковыми глазами.

— А твой друг успел высказать желание?

— Даже два, и оба до крайности глупые. Почему ты спрашиваешь? Ведь очевидная же нелепица: исполнение желаний гениями, д'йини, духами лампы...

— Очевидная нелепица, — усмехнувшись, повторила Йеннифэр. — Конечно. Вымысел, глупая, бессмысленная сказка, как и все легенды, в которых добрые духи и ворожейки исполняют желания. Такие сказки придумывают несчастные простаки, которые даже и не помышляют о том, чтобы свои многочисленные желания и мечты исполнять собственными силами. Приятно знать, что ты не из их числа, Геральт из Ривии. Поэтому ты близок мне по духу. Я, если чего-то хочу, не мечтаю, а действую. И всегда добиваюсь того, чего желаю.

— Не сомневаюсь. Ты готова?

— Готова. — Волшебница подтянула ремешки туфелек и встала.

Даже на каблуках она была не слишком высока. Тряхнула волосами, которые, несмотря на активное расчесывание, сохранили красочно-взвихренный и выющийся беспорядок.

— Есть вопрос, Геральт. Печать, которая закрывала бутылку. Она все еще у твоего друга?

Ведьмак задумался. Печать была не у Лютика, а у него, к тому же сейчас. Но опыт учил, что волшебникам не следует говорить слишком многого.

— Хм... Думаю, да, — помедлив, ответил он. — Да, пожалуй, у него. А что? Эта печать так важна?

— Станный вопрос, — резко сказала она, — для ведьмака, специалиста по сверхъестественным чудовищам, которому следовало бы знать, что такая печать достаточно серьезна, чтобы к ней не прикасаться.

Он стиснул зубы. Удар был точным.

— Ну что ж, — проговорила Йеннифэр немного мягче. — Видимо, ведьмакам, как простым смертным, свойственно ошибаться. Ну, можно идти. Где твой друг?

— Здесь, в Ринде. В доме некого Эррдия. Эльфа.

— У Эррдия, — скривила она губы, внимательно посмотрев на него. — Знаю, где это. Полагаю, там же находится и его брат, Хиреадан?

— Верно. А что...

— Ничего, — прервала она и, прикрыв глаза, подняла руки. Медальон на шее ведьмака задержался, рванул цепочку.

На влажной стене бани разгорелся светящийся квадрат, обрамляющий фосфоресцирующее молочно-белое ничто.

Ведьмак тихо выругался. Он не любил порталов и перемещений с их помощью.

— Разве обязательно... — кашлянул он. — Здесь недалеко...

— Я не могу ходить по улицам, — отрезала она. — Здесь меня не любят, могут оскорбить, закидать камнями, а то и чем-нибудь похуже. Несколько человек портят мне репутацию, думая, что это сойдет им безнаказанно. Не бойся, мои порталы безопасны.

Геральт был свидетелем того, как однажды сквозь безопасный портал пролетела половина человека. Вторую так и не нашли. Он знал несколько случаев, когда люди входили в порталы, и о них больше никто никогда и ничего не слышал.

Волшебница в очередной раз поправила волосы, пристегнула к поясу расшитый жемчугами мешочек. Мешочек казался мало-ватым, чтобы вместить что-либо, кроме горсти медяков да губной помады, но Геральт знал, что это необыкновенный мешочек.

— Обними меня. Сильнее, я не фарфоровая. В путь!

Медальон завибрировал, что-то сверкнуло, и Геральт погрузился в черное ничто, в пронизывающий холод. Он ничего не видел, не слышал, не чувствовал. Холод был тем единственным, что регистрировали органы чувств.

Он хотел вырваться, но не успел.

5

— Уже час, как она туда вошла. — Хиреадан перевернула стоящую на столе клепсидру. — Начиная волноваться. Неужто с горлом Лютика все настолько плохо? Как думаешь, не заглянуть ли к ним?

— Она явно не желает этого. — Геральт с трудом допил кубок с травяным настоем. Он ценил и любил оседлых эльфов за ум, выдержку и специфическое чувство юмора, но их вкусов, касающихся пищи и напитков, не понимал и не разделял. — Я бы не стал мешать, Хиреадан. Магия требует времени. Пусть на это уйдут даже сутки, лишь бы Лютик выздоровел.

— Ну что ж, ты прав.

Из соседнего помещения доносился стук молотков, Эррдиль жил в заброшенной корчме, которую купил, намереваясь отремонтировать и въехать вместе с женой, тихой и неразговорчивой альфкой. Рыцарь Вратимир, который после совместно проведенной в кордегардии ночи пристал к компании, добровольно предложил Эррдию помощь в ремонтных работах. Вместе с супругами он взялся обновлять панель сразу же, как только

прошло замешательство, вызванное неожиданным и эффектным появлением ведьмака и Йеннифэр, выскочивших из стены в блеске портала.

— Если честно, — начал Хиреадан, — не думал, что у тебя так здорово пойдет. Йеннифэр не из тех, кто жаждет оказывать помощь. Заботы ближних не очень-то ее волнуют и нарушают сон. Короче говоря, не слышал, чтобы она когда-нибудь кому-нибудь чем-нибудь помогла бескорыстно. Интересно, ради чего она взялась помогать тебе и Лютику?

— Ты не преувеличиваешь? — усмехнулся ведьмак. — Она не произвела на меня такого уж скверного впечатления. Превосходство, верно, любит показывать, но по сравнению с другими колдунами, со всей их наглой сворой, она прямо-таки ходячее обаяние и доброжелательность.

Хиреадан улыбнулся.

— Твои слова звучат так, — сказал он, — словно ты считаешь, будто скорпион красивее паука потому, что у него такой прелестный хвостик. Будь внимателен, Геральт. Ты не первый, кто так о ней думает, не зная, что из своей красоты и доброжелательности она сделала оружие. Оружие, которым пользуется весьма ловко и беспринципно. Что, разумеется, отнюдь не умаляет того факта, что она на удивление красивая женщина. Думаю, не возражаешь?

Геральт быстро взглянул на эльфа. Ему уже второй раз показалось, что он замечает на лице Хиреадана след румянца. Это удивило его не меньше, чем слова. Чистокровные эльфы обычно не восхищаются женщинами людей. Даже очень красивыми. Йеннифэр же, хоть на свой манер и привлекательная, красавицей считаться не могла.

Вкусы вкусами, но в действительности мало кто называл колдуний «красавицами». В конце концов, все они происходили из тех общественных слоев, в которых Предназначением дочерей было исключительно замужество. Кто подумает осуждать дочь на годы кропотливой учебы и пытку соматическими изменениями, если ее можно просто удачно выдать замуж? Кому захочется иметь в родне колдунью? Несмотря на уважение, которым пользовались магики, родители чародеек не получали никакой выгоды, потому что к тому времени, когда девушка

завершала учебу, ее переставало что-либо связывать с семьей, в расчет шло только братство таких же, как она. Поэтому чародейками становились, как правило, дочери с нулевыми шансами на замужество.

В противоположность священникам и друидкам, которые неохотно брали на воспитание некрасивых или уродливых девушек, чародеи принимали любую, которая проявляла предрасположенность. Если же ребенок проходил сквозь сито первых лет обучения, в дело вступала магия — выпрямляющая и выравнивающая ноги, исправляющая сросшиеся кости, латающая заячьи губы, сглаживающая рубцы, шрамы и следы перенесенной оспы.

Молодая чародейка становилась «привлекательной», потому что того требовал престиж профессии. Результатом были псевдокрасивые женщины со злыми и холодными глазами дурнушек. Дурнушек, неспособных забыть о своей некрасивой внешности, прикрытой магической маской, причем не для того, чтобы их ошастливить, а исключительно ради упомянутого престижа.

Нет, Геральт не понимал Хиреадана. Его глаза, глаза ведьмака, замечали слишком много деталей.

— Нет, Хиреадан, — ответил он на вопрос. — Не возражаю. И благодарю за предупреждение. Но сейчас дело исключительно в Лютике. Он пострадал при мне, в моем присутствии. Я не сумел его уберечь, не смог помочь. Если б я знал, что это его вылечит, я уселся бы на скорпиона голым задом.

— Этого-то ты и должен опасаться больше всего, — загадочно усмехнулся эльф. — Потому что Йеннифэр знает об этом и любит использовать свое знание. Не доверяй ей, Геральт. Она опасна.

Геральт не ответил.

Наверху скрипнула дверь. Йеннифэр стояла на лестнице, опершись о поручни.

— Ведьмак, можешь на минутку заглянуть?

— Конечно.

Волшебница прислонилась спиной к двери одной из более-менее обставленных комнат, в которой поместили страдающего трубадура. Ведьмак подошел, молча взглянул. Он видел ее левое плечо, немного более высокое, чем правое. Нос, немного длинноватый. Губы, немного узковатые. Подбородок, скошен-

ный чуть больше, чем следовало бы. Брови, не очень правильные. Глаза... Он видел слишком много деталей. И совершенно напрасно.

— Что с Лютиком?

— Ты сомневаешься в моих способностях?

Он продолжал смотреть. У нее была фигура двадцатилетней девушки, хотя ее истинного возраста он предпочитал не угадывать. Двигалась она с естественной, непринужденной грацией. Нет, невозможно было угадать, какой она была раньше, что в ней исправили. Он перестал об этом думать, не было смысла.

— Твой талантливый друг будет здоров, — сказала она. — Его вокальные способности восстановятся.

— Я благодарен тебе, Йеннифэр.

— У тебя еще будет okazия это доказать, — улыбнулась она.

— К нему можно?

Она чуть помедлила, глядя на него со странной улыбкой и постукивая пальцами по дверной раме.

— Конечно. Входи.

Медальон на шее ведьмака начал резко, ритмично дрожать.

В центре пола лежал светившийся молочной белизной стеклянный шар размером с небольшой арбуз. Шар отмечал середину девятилучевой звезды, точнейшим образом вырисованной и касающейся лучами углов и стен комнаты. В звезду была вписана нарисованная красная пентаграмма. Концы пентаграммы были обозначены черными свечами, укрепленными в подсвечниках странной формы. Черные свечи горели также в изголовье постели, на которой лежал укрытый овечьими шкурами Лютик. Поэт дышал спокойно, уже не стонал и не хрипел, с его лица сбегала гримаса боли, теперь ее сменила блаженная улыбка идиота.

— Он спит, — сказала Йеннифэр. — И видит сон.

Геральт присмотрелся к изображению, начертанным на полу. Ощущалась заключенная в них магия, но он знал, что это была магия дремлющая, неразбуженная. Она была все равно что дыхание спящего льва, но в ней ощущался и скрытый до поры до времени львиный рык.

— Что это, Йеннифэр?

— Ловушка.

— На кого?

— В данный момент на тебя. — Волшебница повернула ключ в замке, покрутила его в руке. Ключ исчез.

— Итак, меня поймали, — холодно сказал он. — И что дальше? Начнешь покушаться на мою невинность?

— Не лсти себе. — Йеннифэр присела на край кровати. Лютик, все еще кретински улыбаясь, тихо застонал. Это, несомненно, был стон блаженства.

— В чем дело, Йеннифэр? Если это игра, я не знаю правил.

— Я говорила, — начала она, — что всегда получаю то, чего хочу. Так уж случилось, что я захотела иметь то, чем владеет Лютик. Я заберу это у него, и мы расстанемся. Не бойся, я не причиню ему вреда...

— То, что ты устроила на полу, — прервал Геральт, — служит приманкой для демонов. Там, где вызывают демонов, всегда кому-то приносят вред. Я не допущу этого.

— ...у него волос с головы не упадет, — продолжала чародейка, не обращая никакого внимания на его слова. — Голосок у него станет еще красивее, и он будет весьма доволен, даже счастлив. Все мы будем счастливы. И расстанемся без сожаления, но и без обиды.

— Ах, Виргиния, — застонал Лютик, не открывая глаз. — Прелестны твои груди, нежнее лебединого пуха... Виргиния...

— Спятил, что ли? Бредит?

— Он видит сон, — усмехнулась Йеннифэр. — Его мечта сбывается во сне. Я прозондировала его мозг до самого дна. Не очень-то много там оказалось. Чутьочку хлама, несколько желаний, уйма поэзии. Ну да не в том дело. Печать, которой была запечатана бутылка с джинном, Геральт. Я знаю, что она не у трубадура, а у тебя. Попрошу отдать ее мне.

— Зачем она тебе?

— Ну как бы тебе сказать? — Волшебница кокетливо улыбнулась. — Может, так: не твое это дело, ведьмак. Такой ответ устроит?

— Нет, — тоже улыбнулся Геральт. — Не устроит. Но не бичуй себя за это, Йеннифэр. Меня нелегко удовлетворить. До сих пор это удавалось только лицам более чем среднего уровня.

— Жаль. Стало быть, так и останешься неудовлетворенным. Что делать. Изволь печать. И не ухмыляйся так. Это не идет ни к твоей красоте, ни к твоей прическе. Если ты еще не заметил, то знай, что именно сейчас начала исполняться благодарность, которой ты мне обязан. Печать — первый взнос за голос певуна.

— Гляжу, ты разбросала цену на множество взносов, — холодно проговорил он. — Хорошо. Этого можно было ожидать, и я ожидал. Но пусть это будет честная торговля, Йеннифэр. Я купил твою помощь, и я заплачу.

Она скривила губы в улыбку, но ее фиалковые глаза оставались холодными.

— Уж в этом-то, ведьмак, не сомневайся.

— Я, — повторил он, — а не Лютик. Я забираю его отсюда в безопасное место. Сделав это, вернусь, выплачу второй взнос и последующие. Что же касается первого... — Он сунул руку в секретный кармашек на поясе, достал латунную печать со знаком звезды и ломаного креста. — Пожалуйста. Но не как первый взнос. Прими это от ведьмака как знак благодарности за то, что хоть и расчетливо, но ты отнеслась к нему доброжелательней, нежели это сделало бы большинство твоей братии. Прими это как доказательство доброй воли, призванное убедить тебя, что, позаботившись о безопасности друга, я вернусь сюда, чтобы расплатиться. Я не заметил скорпиона в цветах, Йеннифэр. И готов расплачиваться за свою невнимательность.

— Прекрасная речь, — колдунья скрестила руки на груди. — Трогательная и патетическая. Жаль только, напрасная. Лютик мне нужен и останется здесь.

— Он уже однажды столкнулся с тем, кого ты намерена сюда приволочь. — Геральт указал на изображения на полу. — Когда ты закончишь и притадишь сюда джинна, то независимо от твоих обещаний Лютик пострадает, возможно, еще больше. Ведь тебя интересует то существо из бутылки, верно? Ты намерена завладеть им, заставить служить себе? Не отвечай, я знаю, плевать мне на это. Делай что хочешь, притади хоть десяток демонов. Но без Лютика. Если ты подставишь Лютика, это уже не будет честной сделкой, Йеннифэр, и ты не имеешь

права за таковую требовать платы. Я не допущу... — Он осекся.

— Меня интересовало, когда же ты наконец почувствуешь, — хихикнула чародейка.

Геральт напрягся, собрал в кулак всю свою волю, до боли стиснув зубы. Не помогло. Его словно парализовало, он вдруг превратился в каменную статую, во вкопанный в землю столб. Не мог шевельнуть даже пальцем в башмаке.

— Я знала, что ты сумеешь отразить чары, брошенные открыто, — сказала Йеннифэр. — Знала также, что, прежде чем что-либо предпринять, ты постараешься расположить меня к себе красноречием. Ты болтал, а нависший над тобой заговор действовал и понемногу ломал тебя. Теперь ты можешь только говорить. Но тебе уже нет нужды мне нравиться. Я знаю, ты красноречив. И не надо продолжать, это только снизит эффект!

— Хиреадан... — с трудом проговорил он, все еще пытаясь бороться с магическим параличом. — Хиреадан поймет, что ты что-то замышляешь. Сообразит быстро, заподозрит в любой момент, потому что не доверяет тебе. Он не доверял с самого начала...

Чародейка повела рукой. Стены комнаты затуманились и окрасились однообразным мутно-серым тоном. Исчезли двери, исчезли окна, исчезли даже пыльные занавески и засиженные мухами картинки на стенах.

— Ну и что, если Хиреадан сообразит? — злоеце поморщилась она. — Помчится на помощь? Сквозь мой барьер не пройдет никто. Но, уверяю тебя, Хиреадан никуда не побежит, не сделает ничего мне во вред. Ничего. Он очарован мною. Нет, дело не в чернокнижии, я не привораживала его. Обычная химия организма. Он влюбился в меня, дурень. Ты не знал? Он даже хотел вызвать Бо на поединок, представляешь? Эльф, а ревнивый. Такое встречается редко. Геральт, я не случайно выбрала этот дом.

— Бо Берран, Хиреадан, Эррдиль, Лютик. Действительно, ты идешь к цели самым прямым путем. Но мною, Йеннифэр, не воспользуешься.

— Воспользуюсь, воспользуюсь. — Чародейка встала с кровати, подошла, старательно обходя начертанные на полу

знаки. — Я же сказала, ты мне кое-что должен за излечение поэта. Так, мелочь, небольшую услугу. После того что я сейчас собираюсь проделать, я сразу же исчезну из Ринды, а у меня в этом городишке еще есть кое-какие... неоплаченные долги, назовем это так. Некоторым людям я тут кое-что пообещала, а я всегда выполняю обещания. Однако поскольку сама я не успею, ты исполнишь мои обещания за меня.

Он боролся, боролся изо всех сил. Напрасно.

— Не дергайся, ведьмак, — ехидно усмехнулась она. — Впустую. У тебя сильная воля и хорошая сопротивляемость магии, но со мной и моими заклинаниями ты померяться не в состоянии. И не ломай комедию. Не пытайся покорить меня демонстрацией своей несгибаемой и гордой мужественности. Ты только самому себе кажешься несгибаемым и гордым. Ради друта ты сделал бы все и без чар, заплатил бы любую цену, вылизал бы мне туфли. А может, и еще кое-что, если б мне вдруг вздумалось повеселиться.

Он молчал. Йеннифэр стояла, усмехаясь и поигрывая прищипленной к бархотке обсидиановой звездой, искрящейся бриллиантами.

— Уже в спальне Бо, — продолжала она, — перекинувшись с тобой несколькими словами, я поняла, кто ты такой. И знала, какой монетой взять с тебя плату. Рассчитаться за меня в Ринде мог бы любой, например тот же Хиреадан. Но делаешь это ты, ибо ты должен мне заплатить. За притворное высокомерие, за каменное лицо, за саркастический тон. За мнение, будто ты можешь стоять лицом к лицу с Йеннифэр из Венгерберга, считать ее самовлюбленной нахалкой, расчетливой ведьмой и одновременно тарашиться на ее намыленные сиськи. Плати, Геральт из Ривии!

Она схватила его обеими руками за волосы и пылко поцеловала в губы, впившись в них, словно вампир. Медальон на шее задержался. Геральту почудилось, что цепочка укорачивается и стискивает горло словно гаррота. В голове сверкнуло, в ушах дико зашумело. Фиалковые глаза чародейки исчезли, и он погрузился во тьму...

Геральт стоял на коленях. Йеннифэр обращалась к нему мягким, нежным голосом.

— Запомнил?

— Да, госпожа.

Это был его собственный голос.

— Так иди и выполни мое поручение.

— Слушаюсь, госпожа.

— Можешь поцеловать мне руку.

— Благодарю тебя, госпожа.

Он пополз к ней, не поднимаясь с колен. В голове гудели десятки тысяч пчел. Ее рука источала аромат сирени и крыжовника... Сирени и крыжовника... Вспышка. Тьма.

Балюстрада, ступени. Лицо Хиреадана.

— Геральт! Что с тобой! Геральт, ты куда?

— Я должен... — его собственный голос. — Должен идти...

— О боги! Взгляните на его глаза!

Лицо Вратимира, искаженное изумлением. Лицо Эррдия. И голос Хиреадана.

— Нет! Эррдиль, нет! Не прикасайся к нему и не пробуй задержать. С дороги, Эррдиль! Прочь с его дороги!

Запах сирени и крыжовника...

Дверь. Всплеск солнца. Жарко. Душно. Запах сирени и крыжовника. «Будет буря», — подумал он. И это была его последняя сознательная мысль.

6

Тьма. Запах...

Запах? Нет — вонь. Вонь мочи, гнилой соломы и мокрых лохмотьев. Смерд коптящего факела, воткнутого в железный захват, закрепленный в стене из грубо отесанных каменных блоков. Отбрасываемая факелом тень на покрытом соломой земляном полу...

Тень решетки.

Ведьмак выругался.

— Наконец-то. — Он почувствовал, что кто-то приподнимает его, прислоняет спиной к влажной стене. — Я уже стал опасаться. Ты так долго не приходил в себя.

— Хиреадан? Где... Черт, голова разламывается... Где мы?

— А ты как думаешь?

Геральт отер лицо ладонью и осмотрелся. У противоположной стены сидели трое оборванцев. Он видел их смутно, они приткнулись как можно дальше от факела, почти в полной темноте. Под решеткой, отделяющей всех их от освещенного коридора, прикорнуло что-то на первый взгляд напоминающее кучу тряпья. На самом деле это был старик с носом, похожим на клюв аиста. Длина висящих сосульками волос и состояние одежды говорили о том, что он находится здесь не первый день.

— Нас кинули в яму, — утрюмо сказал Геральт.

— Рад, что ты обрел способность логически мыслить и делать выводы, — бросил эльф.

— Дьявольщина... А Лютик? Давно мы здесь сидим? Сколько времени прошло с тех пор...

— Не знаю. Когда меня кинули, я тоже был без сознания. — Хиреадан подгрёб солому, уселся поудобнее. — Разве это важно?

— Еще как, черт возьми. Йеннифэр... И Лютик. Лютик там, с ней, а она собирается... Эй, вы. Нас давно здесь заперли?

Оборванцы пошептались, но не ответили.

— Вы что, оглохли? — Геральт сплюнул, все еще не в состоянии отделаться от металлического привкуса во рту. — Я спрашиваю, какое сейчас время дня? Или ночи? Наверное, знаете, когда вам приносят жратву?

Оборванцы снова пошептались, покашляли.

— Милсдарь, — сказал наконец один, — оставьте нас в покое и, пожалуйста, не разговаривайте с нами. Мы — честные воры, мы не политические. Мы супротив власти не шли. Не... покушались. Мы токмо воровали.

— Угу, — сказал второй. — У вас свой угол, у нас свой. Каждому свое.

Хиреадан фыркнул. Ведьмак сплюнул.

— Так оно и есть, — промямлил заросший волосней старик с длинным носом. — В тюрьме каждый стережёт свой угол и держится своих.

— А ты, дедок, — насмешливо спросил эльф, — держишься их или нас? Ты к какой группе себя относишь? К честным или политическим?

— Ни к какой, — гордо ответил старик. — Ибо невинен есмь.

Геральт снова сплюнул.

— Хиреадан, — спросил он, массируя виски, — с этим покушением на власть... Верно?

— Абсолютно. Ты ничего не помнишь?

— Ну вышел на улицу... Люди на меня поглядывали... Потом... Потом был какой-то магазин...

— Ломбард, — понизил голос эльф. — Ты вошел в ломбард. И сразу же дал по зубам ломбардщику. Крепко. Даже очень.

Ведьмак сдержал проклятие.

— Ломбардщик упал, — тихо продолжал Хиреадан. — Ты дал ему несколько раз ногой по весьма чувствительным местам. На помощь прибежал слуга. Ты выкинул его через окно на улицу.

— Боюсь, — буркнул Геральт, — этим дело не ограничилось.

— Опасение вполне обоснованное. Ты вышел из ломбарда и направился по середине улицы, расталкивая прохожих и выкрикивая какие-то глупости относительно чести дамы. За тобой тянулся солидный хвост. Там же были я, Эррдиль и Вратимир. Ты остановился перед домом аптекаря Лавроносика, вошел и через минуту снова вышел, волоча Лавроносика за ногу. Затем обратился к собравшейся толпе с чем-то вроде речи.

— Какой?

— Говоря наиболее доходчиво, ты сообщил, что уважающий себя мужчина не должен называть курвой даже профессиональную проститутку, ибо это низко и отвратительно. Что применять определение «курва» по отношению к женщине, которую ты никогда не... имел — ты выразился более красочно — и никогда ей за это не давал денег, дело грязное и абсолютно недопустимое. Экзекуция, сообщил ты всем и вся, будет произведена немедленно, и это будет наказание в самый раз для такого говнюка, как Лавроносик. После чего зажал

голову аптекаря между колен, стащил с него портки и врезал по заднице ремнем.

— Продолжай, Хиреадан. Продолжай, не жалей меня.

— Лупцевал ты Лавроносика по заднице, не жалея сил, а аптекарь выл и верещал, плакал, взывал к помощи господней и людской, умолял сжалиться, обещал даже исправиться, но ты ему явно не верил. Тут подбежали несколько вооруженных бандитов, которых в Ринде почему-то принято именовать гвардией.

— А я, — покачал головой Геральт, — именно тогда и покусился на власть?

— Куда там! Ты покусился гораздо раньше. И ломбардщик, и Лавроносик числятся в городском совете. Вероятно, тебе интересно будет узнать, что оба требовали выкинуть Йеннифэр из города. Они не только голосовали за это в совете, но говорили о ней всякие гадости по корчмам и обсуждали ее весьма неизящным образом.

— Об этом я догадывался уже давно. Рассказывай. Ты остановился на гвардейцах. Это они бросили меня в яму?

— Хотели. Ох, Геральт, это было зрелище. Что ты с ними вытворял, описать невозможно. У них были мечи, дубины, палки, топоры, а у тебя только ясневый стек с ручкой, который ты отобрал у какого-то франта. И когда все уже лежали на земле, ты пошел дальше. Большинство из нас знало, куда ты направляешься.

— Хотел бы знать и я.

— Ты шел в храм. Ибо богослужитель Крепп, тоже член совета, уделял Йеннифэр много места в своих проповедях. Впрочем, ты вовсе и не скрывал своего мнения относительно богослужителя Креппа. Ты обещал прочитывать ему лекцию, касающуюся уважения к прекрасному полу. Говоря о нем, ты упускал его официальный титул, но добавлял иные эпитеты, вызывавшие заметное оживление у следовавшей за тобой детворы.

— Так, — проворчал Геральт. — Стало быть, прибавилось и богохульство. Что еще? Осквернение храма?

— Нет. Войти ты не успел. Перед храмом ждала рота городской стражи, вооруженная всем, что только нашлось в цейхгаузе, кроме катапульты, как мне кажется. Походило на то, что тебя просто-напросто изуечат. Но ты не дошел до них.

Неожиданно схватился обеими руками за голову и потерял сознание.

— Можешь не заканчивать. Но, Хиреадан, ты-то как очутился в яме?

— Когда ты упал, несколько стражников подскочили, чтобы продырявить тебя копьями. Я вступил с ними в собеседование. Получил по голове алебардой и очутился здесь, в яме. Мне, несомненно, пришьют обвинение в участии в противополодном заговоре.

— Ну, коли уж мы попали в обвиняемые, — заскрежетал зубами ведьмак, — то, как думаешь, что нам грозит?

— Если Невилл, ипат, успел вернуться из столицы, — буркнул Хиреадан, — то кто знает... Мы знакомы. Но если не успел, приговор вынесут политики, в том числе, разумеется, Лавроносик и ломбарддик. А это значит...

Эльф сделал короткий жест в районе шеи. Несмотря на царящий в подвале полумрак, этот жест оставлял мало места для домыслов. Ведьмак помолчал. Воры шепотом переговаривались. Сидящий за «невинность» дедок, казалось, спал.

— Прекрасно, — сказал наконец Геральт и грязно выругался. — Мало того, что я буду висеть, так еще зная, что оказался причиной твоей смерти, Хиреадан. И, вероятно, Лютиковой. Не прерывай. Я знаю, что это делишки Йеннифэр, но виноват все равно я. Моя дурь. Она окрутила меня, сделала из меня, как говорят краснолюды, дуба.

— Хм, — проворчал эльф. — Ни добавить, ни убавить. Я тебя предупреждал. Черт побери, тебя предупредил, а сам оказался таким же, пользуясь твоим выражением, дубом. Ты сетуешь на то, что я попал сюда из-за тебя. Я мог остановить тебя на улице, обезоружить, не допустить... Я этого не сделал. Боялся, что, когда развеются чары, которые она на тебя навела, ты вернешься и... причинишь ей зло. Прости.

— Прощаю великодушно. Потому как ты понятия не имеешь, какая сила была в ее заклинании. Я, дорогой эльф, обычный наговор перебиваю за несколько минут и при этом не теряю сознания. Заклинания Йеннифэр тебе бы не удалось сломать, а чтобы меня обезоружить... Вспомни гвардию.

— Повторяю, я думал не о тебе. Я думал о ней.

— Хиреадан?

— Да?

— Ты ее... Ты ее...

— Я не люблю возвышенных слов, — прервал эльф, грустно улыбнувшись. — Я ею, скажем так, сильно увлечен. Ты, вероятно, удивишься, как можно увлечься такой, как она?

Геральт прикрыл глаза, чтобы вызвать в памяти образ. Образ, который его необъяснимым образом, скажем так, не используя возвышенных слов, привлекал.

— Нет, Хиреадан, — сказал он. — Не удивлюсь.

В коридоре задуднили тяжелые шаги, послышался звон металла. На пол подвала легли тени четырех стражников. Проскрипел ключ, невинный старик резко отскочил от решетки и спрятался меж честных грабителей.

— Так быстро? — вполголоса удивился эльф. — Я думал, на то, чтобы поставить эшафот, потребуется больше времени...

Один из стражников, лысый как колено, дылда с истинно кабаньей щетиной на морде, ткнул в ведьмака.

— Этот.

Двое других схватили Геральта, грубо подняли и приперли к стенке. Воронки вжалась в угол, длинноносый дедок зарылся в солому. Хиреадан хотел вскочить, но упал на подстилку, отползая от приставленного к груди корда.

Лысый стражник остановился перед ведьмаком, подвернул рукава и помассировал кисть руки.

— Господин советник Лавроносик, — сказал он, — велели спросить, как тебе у нас в яме? Может, чего недостает? Может, холод докучает? А?

Геральт не счел нужным отвечать. Пнуть лысого он тоже не мог, потому что удерживавшие его стражники наступили ему на ноги тяжелыми ботинками.

Лысый коротко размахнулся и саданул его под дых. Не помогло защитное напряжение мышц. Геральт, с трудом хватая воздух, некоторое время рассматривал пряжку собственного пояса, потом стражники выпрямили его снова.

— Дык ничего тебе не надеть? — продолжал лысый, разя луком и гнилыми зубами. — Господин советник будет радый, что ты не жалуешься.

Второй удар, туда же. Ведьмак закашлялся, и его наверняка бы вырвало, если б было чем. Лысый повернулся боком. Сменил руку. Удар! Геральт снова устоял на пряжку собственного пояса. Хотя это и казалось странным, но выше пряжки не появилась дыра, сквозь которую просвечивала бы стена.

— Ну как? — Лысый немного отступил, явно собираясь размахнуться сильнее. — Нету никаких пожеланий? Господин Лавроносик велели спросить, нет ли каких? А чтой-то ты молчишь? Язык, что ль, свернулся? Щас я тебе его размотаю.

Удар!

Геральт и на этот раз не потерял сознания. А надо бы, потому что ему как-никак, а внутренние органы еще могли пригодиться. Однако, чтобы потерять сознание, надо было заставить лысого...

Стражник сплюнул, ощерился, снова помассировал пятерню.

— Ну как? Никаких желаний?

— Есть одно... — простонал ведьмак, с трудом поднимая голову. — Чтoб ты лопнул, сволота поганая.

Лысый заскрежетал зубами, отступил и замахнулся, теперь уже, как и хотел Геральт, примеряясь к голове. Но удар не состоялся. Стражник вдруг забулькал, словно индюк, покраснел, схватился обеими руками за живот, взвыл, зарычал от боли...

И лопнул.

7

— Ну и что мне с вами делать?

Потемневшее небо прорезала ослепительно яркая стрела молнии, после короткой паузы раздался хрупкий, протяжный гром. Ливень набирал силу, над Риндой проплывала дождевая туча.

Геральт и Хиреадан, сидевшие на лавке под большим гобеленом, изображающим Пророка Лебеду, пасущего овец, молчали, скромно потупившись. Ипат Невилл расхаживал по комнате, фыркая и гневно сопя.

— Вы, сволочные, засранные волшебники! — вдруг взорвался он, остановившись. — Невзлюбили мой город или как? Нет других городов на свете или что?

Эльф и ведьмак молчали.

— Чтобы такое... — захлебнулся ипат. — Чтобы ключника... Как помидор! Вдрызг! В красную жижу! Это бесчеловечно!

— Бесчеловечно и безбожно, — поддакнул присутствовавший в канцелярском покое ратуши богослужитель Крепп. — Так бесчеловечно, что любой дурак догадается, кто за этим стоит. Да, ипат. Хиреадана мы знаем оба, а этому, выдающему себя за ведьмака, не достало бы Силы, чтобы так уделатъ ключника. Это все работа Йеннифэр, богомерзкой ведьмы!

За окном, как бы подтверждая слова Креппа, громыхнуло.

— Она и никто другой, — продолжал богослужитель. — Несомненно. Кто ж, если не Йеннифэр, вздумал бы отыгаться на государевом советнике Лавроносике?

— Ха-ха-ха! — расхохотался ипат. — На это-то я как раз меньше всего злюсь. Лавроносик подкапывался под меня, на мое место метил. Теперь его уже люди слушать не станут. Как вспомнят, как он по заду отхватил...

— Недоставало еще, чтобы вы начали аплодировать сему преступлению, милсдарь Невилл, — поморщился Крепп. — Напоминаю, если б я на ведьмака не наслал бесогонного заклинания, то бишь экзорцизма, он поднял бы руку на меня и на достоинство храма...

— А ведь ты тоже скверно отзывался о ней в своих проповедях, Крепп. Даже Берран жаловался. Но что правда, то правда. Слышите, поганцы? — Ипат снова повернулся к Геральту и Хиреадану. — Нету вам прощения! Не подумаю потакать таким фокусам! Ну, давайте говорите, что у вас есть в свое оправдание, потому как если нет, то я начинаю на все ваши религии и устрою вам такое, что вы до смерти не забудете. А ну выкладывайте все немедленно, как на духу!

Хиреадан тяжело вздохнул и глянул на ведьмака многозначительно и с вопросом. Геральт тоже вздохнул, откашлялся.

И рассказал все. Ну, скажем, почти все.

— Стало быть, вон какие пироги, — произнес богослужитель, немного помолчав. — Хорошенькая история. Злой гений,

освобожденный от заклатья. И чародейка, которая занимала на этого гения зуб. Недурственная комбинация. Это может скверно кончиться, очень скверно.

— Что такое гений? — спросил Невилл. — И что надобно этой Йеннифэр?

— Волшебники, — пояснил Крепп, — черпают свою мощь из сил Природы, точнее, из так называемых Четырех Основ, сиречь элементов, популярно именуемых стихиями: Воздуха, Воды, Огня и Земли. У каждой из сих стихий имеется свое Измерение, на колдовском жаргоне Плоскостью именуемое. Существуют, стало быть, Плоскость Воды, Плоскость Огня и так далее. Измерения сии нам недоступны и заселены существами, именуемыми гениями...

— Именуемыми в легендах, — прервал ведьмак. — Потому что, насколько мне известно...

— Не прерывай, — обрезал его Крепп. — То, что тебе известно мало, было ясно уже с самого начала твоего рассказа, ведьмак. Так что помолчи и послушай тех, кто умнее тебя. Итак, гении. Их четыре рода, как и четыре Плоскости. Существуют д'йины, существа воздушные, марида, связанные со стихией Воды, ифриты, кои есть гении Огня, и д'ао — гении Земли...

— Ну, тебя понесло, Крепп, это называется словесный понос, — вставил Невилл. — Тут тебе не воскресная школа, не учи нас. Говори кратко: чего Йеннифэр хочет от того гения?

— Такой гений, ипат, есть живой сборник магической энергии. Волшебник, имеющий возможность по желанию призывать гения, может эту энергию направлять в виде заклинаний. Ему не надо тяжким трудом вытягивать Силу из Природы, за него это делает гений. Тогда могущество такого чародея становится огромным, почти безграничным.

— Что-то я не слышал о всесильных магах, — поморщился Невилл. — Совсем даже наоборот, сила большинства из них явно преувеличена. Этого не могут, то не в силах.

— Волшебник Стаммельфорд, — прервал богослужитель, снова впадая в менторский тон и встав в позу лектора, — некогда передвинул гору, коя заслоняла ему вид с башни. Никому ни до, ни после не удавалось совершить подобное. Ибо

Стаммельфорд, как гласит молва, пользовался услугами д'ао — гения Земли. Сохранились записи о подобных действиях других магов. Гигантские волны и катастрофические проливные дожди, несомненно, дело рук маридов. Огненные столбы, пожары и взрывы — работа огненных ифритов...

— Смерчи, ураганы, полеты над землей, — проворчал Геральт. — Джоффрей Монк.

— Верно. Однако, вижу, кое-что ты все-таки знаешь. — Крепп посмотрел на него благосклонней. — Говорят, старый Монк нашел способ заставить служить себе и д'йини — гения Воздуха. Ходили слухи, что не одного. Он якобы держал их в бутылках и использовал по мере надобности, по три желания от каждого гения. Потому что гении, дорогие мои, исполняют только три желания, а потом свободны и смыкаются в свои измерения.

— Тот, над рекой, ничего не исполнил, — решительно сказал Геральт, — сразу схватил Лютика за горло.

— Гении, — задрал нос Крепп, — существа зловредные и коварные. Не любят тех, кто загоняет их в бутылки и велит передвигать горы. Они делают все, чтобы не допустить произнесения желаний, и выполняют их таким способом, которым трудно овладеть. И предвидеть. Порою выполняют буквально, поэтому надо следить за тем, что говоришь. Чтобы гения захомутать, нужна железная воля, стальные нервы, могучая Сила и немалое умение. Из сказанного тобою следует, что твои умения, ведьмак, были невелики.

— Слишком малы, чтобы эту дрянь обуздать, — согласился Геральт. — Но все же я изгнал его, да так, что воздух выл. А это чего-нибудь да стоит, Йеннифэр, правда, высмеяла мой экзорцизм...

— Какой экзорцизм? А ну повтори.

Ведьмак повторил слово в слово.

— Что?! — Богослужитель побледнел, потом покраснел и наконец посинел. — Да как ты смеешь! Охальник!

— Простите, — пролепетал Геральт. — Честно-то говоря, я не знаю... значения этих слов.

— Так не повторяй, коли не знаешь! И где только ты мог их услышать!

— Ну довольно, — махнул рукой ипат. — Напрасно теряем время. Ладно. Теперь мы знаем, зачем волшебнице понадобился ваш гений. Но вы говорили, Крепп, что это скверно. Что именно скверно? Да пусть она его поймает и убирается ко всем чертям, мне-то какое дело. Я думаю...

Никому не дано узнать, что в этот момент думал Невилл, если даже это не было хвастовством. На стене возле гобелена с Пророком Лебедой неожиданно возник светящийся четырехугольник, что-то сверкнуло — и на середину комнаты вывалился... Лютик.

— Он невиновен! — крикнул поэт чистейшим звучным тенором, сидя на полу и водя кругом дурным взглядом. — Невиновен! Ведьмак невиновен. Я желаю, чтобы в это поверили!

— Лютик, — ахнул Геральт, удерживая Креппа, явно собиравшегося выкрикивать экзорцизмы, а может, и заклания. — Ты откуда свалился... Лютик?

— Геральт! — Бард вскочил с пола.

— Лютик!

— Это еще кто такой? — буркнул Невилл. — Черт побери, если вы не прекратите колдовать, я за себя не поручусь. Я сказал, здесь, в Ринде, колдовать нельзя! Сначала надо подать письменное прошение, потом оплатить пошлину и налог на имущество... Эй! А это, случайно, не певец, заложник ведьмы?

— Лютик, — повторил Геральт, держа поэта за руки. — Как ты сюда попал?

— Не знаю, — признался бард с глупейшим и обеспокоенным выражением на лице. — Честно говоря, я не совсем понимаю, что со мной творится. Помню немного, но провалиться мне, если знаю, что тут было явью, а что кошмаром. Однако припоминаю миленькую чернулечку с горящими глазами...

— Нашли время болтать о чернулечках, — прервал Невилл. — К делу, уважаемые, к делу. Ты кричал, что ведьмак невиновен. Как это понимать? Что, Лавроносик сам себя высек? Потому что ежели ведьмак невиновен, то иначе быть не могло. Разве что коллективная галлюцинация.

— Мне ничего не ведомо ни о... э... высечении, ни о галлюцинациях, — гордо проговорил Лютик, — ни о лавровых носиках. Повторяю: последнее, что я помню, была модничая

женщина, со вкусом одетая в черное и белое. Вышеупомянутая дама грубо кинула меня в светящуюся дыру явно магического портала. А до того дала четкое и ясное указание: по прибытии на место я должен был немедленно сообщить, цитирую: «Желаю, чтобы мне поверили, что ведьмак не виновен в том, что произошло. Таково, а не иное мое желание». Конец цитаты. Буквально так. Да, я спросил, в чем дело и зачем все это. Чернулечка не дала мне говорить. Обрутала неизысканно, взяла за шиворот и кинула в портал. Это все. А теперь...

Лютик выпрямился, отряхнул куртку, поправил воротник и фантазийное, хотя и грязное жабо.

— ...соблаговолите мне сказать, как называется и где находится лучший в этом городе кабак.

— В моем городе нет плохих кабаков, — медленно произнес Невилл. — Но прежде чем убедиться в этом, ты познакомишься с лучшей в моем городе ямой. Ты и твои дружки. Вы еще не на свободе, паршивцы, напоминаю! Гляньте-ка! Один плетет небылицы, другой выскакивает из стены и кричит о невинности, чего-то желает, верещит, требует, чтоб ему поверили. Он имеет нахальство желать...

— О боги! — Богослужитель вдруг хлопнул себя по лысине. — Понял! Я понял! Желание! Последнее желание!

— Что с тобой, Крепп? — напустился ипат. — Прихворнул?

— Последнее желание! — повторил богослужитель. — Она заставила барда высказать последнее, третье желание. Гением нельзя было овладеть, пока он не исполнил этого желания. А Йеннифэр поставила магическую ловушку и, вероятно, поймала гения, прежде чем тот успел сбежать в свое измерение! Господин Невилл, необходимо обязательно...

За окном громыкнуло. Да так, что задрожали стены.

— Черт, — проворчал ипат, подходя к окну. — Близко громыкнуло. Только б не в какой-нибудь дом, мне еще пожара не хватает... Боги! Взгляните! Вы только взгляните на это! Крепп!!! Что это?

Все кинулись к окну.

— Мамочка! — воскликнул Лютик, хватаясь за горло. — Это он! Тот сукин сын, который меня удушил!

— Д'йини! — крикнул Крепп. — Гений Воздуха!

— Над корчмой Эррдия! — закричал Хиреадан. — Над крышей!

— Она его сцапала! — Богослужитель высунулся так сильно, что чуть не вывалился. — Видите магический свет? Волшебница укула гения в ловушку!

Геральт молча глядел.

Давным-давно, еще будучи совершенным сопляком, когда он обучался в Каэр Морхене в Обиталище Ведьмаков, он и его дружок Эскель поймали большого лесного шмеля и привязали к стоявшему на столе кувшину длинной ниткой, вытянутой из рубашки. Глядя, какие штучки выделывает шмель на привязи, они надрывались от хохота до того момента, пока их не накрыл на этом деле Весемир, воспитатель, и не отделал ремнем.

Джинн, круживший над крышей будущего трактира Эррдия, вел себя точно как тот шмель. Он взлетал и опускался, взмывал и пикировал, яростно гудя, носился по круту. Потому что джинн, как и шмель из Каэр Морхена, был привязан скрученными нитями из ослепительно ярких разноцветных лучей света, плотно оплетающих его и оканчивающихся на крыше. Однако джинн располагал большими возможностями, нежели привязанный к кувшину шмель. Шмель не мог разрушать окрестных крыш, разваливать трубы, разносить в пыль и прах башенки и мансарды. Джинн мог. И делал это.

— Он уничтожает мой город! — взвыл Невилл. — Это чудовище уничтожает мой город!

— Хе-хе! — засмеялся богослужитель. — Сдается мне, вахла коса на камень! Это исключительно сильный д'йини! Воистину реку, не знаю, кто кого поймал, ведьма его или он ведьму! Ха, кончится тем, что д'йини сотрет ее в порошок, и очень хорошо сделает! Справедливость восторжествует!

— Наклал я на справедливость! — рявкнул ипат, не обращая внимания на то, что под окнами могли собраться потенциальные избиратели. — Гляди, Крепп, что творится! Паника, руины! Этого ты мне не сказал, лысый дурень! Умничал, языком трепал, а о самом главном ни-ни! Почему не сказал, что демон... Ведьмак! Сделай что-нибудь! Слышишь, невинный колдун? Наведи порядок! Прощаю тебе все прегрешения, но...

— Тут ничего не сделаешь, господин Невилл, — фыркнул Крепп. — Вы не обращали внимания на то, что я говорил, вот и все. Никогда не прислушивались к моим словам. Это, повторяю, невероятно сильный д'йини, иначе б чародейка его уже взяла. Я вам говорю, ее заклятия сейчас ослабнут, и тогда д'йини раздавит ее и сбежит. И наступит покой.

— А тем временем город превратится в развалины?

— Надо ждать, — повторил богослужитель. — Но не сложа руки. Отдайте приказ, ипат. Пусть люди покинут окрестные дома и приготовятся тушить пожары. То, что там сейчас творится, пустяк по сравнению с адом, коий разверзнется, как только гений покончит с волшебницей.

Геральт поднял голову, встретил взгляд Хиреадана, опустил глаза.

— Господин Крепп, — решил он вдруг. — Мне необходима ваша помощь. Я говорю о портале, которым сюда прибыл Лютик. Портал все еще соединяет ратушу с...

— Портала уже и след простыл, — холодно проговорил богослужитель, указывая на стену. — Не видишь?

— Портал, даже невидимый, оставляет след. Заклинанием можно этот след стабилизировать. Я пройду по нему.

— Да ты, никак, не в своем уме! Даже если такой проход не разорвет тебя на куски, то чего ты хочешь добиться? Оказаться в центре циклона?

— Я спрашиваю, вы можете произнести заклинание, стабилизирующее след?

— Заклинание? — Богослужитель гордо поднял голову. — Я не безбожный колдун! Я не произношу заклинаний! Мое могущество проистекает из веры и молитв!

— Можете или нет?

— Могу.

— Так за дело! Время не ждет!

— Геральт, — вклинился Лютик, — ты и впрямь сбрендил! Держись подальше от этого чертова удушителя!

— Прошу тишины! — проговорил Крепп. — И серьезно. Я молюсь.

— Пропади ты со своими молитвами! — не выдержал Невилл. — Я бегу собирать народ! Надо что-то делать, а не

стоять и впустую молотить языками. О боги, что за день! Что за отвратный день!

Ведьмак почувствовал, как Хиреадан тронул его рукой. Повернулся. Эльф посмотрел ему прямо в глаза, потом потупился.

— Ты идешь туда... потому что должен, правда?

Геральт замаялся. Ему показалось, что он улавливает аромат сирени и крыжовника.

— Пожалуй, да, — помедлил он. — Должен. Прости, Хиреадан...

— Не извиняйся. Я знаю, что ты чувствуешь.

— Сомневаюсь. Потому как и сам этого не знаю.

Эльф улыбнулся. Улыбка получилась не очень радостной.

— В том-то и дело, Геральт. Именно в том.

Крепп выпрямился, глубоко вздохнул.

— Готово, — сказал он гордо, указав на едва видимый контур на стене. — Но портал неустойчив и долго не протянет. К тому же нет никакой уверенности в его прочности. Может разорваться. Прежде чем туда ступить, господин ведьмак, подумайте о своих прегрешениях. Могу, конечно, благословить, но отпустить грехи...

— Недостанет времени, — закончил Геральт. — Знаю, господин Крепп. На это всегда не хватает времени. Выйдите все из комнаты. Если портал взорвется, у вас лопнут барабанные перепонки.

— Я останусь, — сказал Крепп, когда за Лютиком и эльфом закрылась дверь. Он пошевелил в воздухе руками, создавая вокруг себя пульсирующую ауру. — На всякий случай небольшая защита. А если портал взорвется... Попытаюсь выгнать, господин ведьмак. Тоже мне, великое дело — перепонки. Перепонки срastaются.

Геральт взглянул на него приветливей. Богослужитель улыбнулся.

— Мужественный вы человек, — сказал он, переходя на «вы». — Хоть и ведьмак. Хотите ее спасти, верно? Но мужество вам вряд ли поможет. Джинны — существа мстительные. Чародейке конец. Да и вы, если пойдете туда, тоже погибнете. Подумайте, чиста ли у вас совесть.

— Уже подумал. — Геральт встал перед слабо светящимся порталом. — Господин Крепп?

— Слушаю?

— Тот экзорцизм, который вас так взбудоражил... Что они значат, те слова?

— Да уж самое подходящее время для шуток и забав...

— Прощу вас, господин Крепп.

— Что делать, — сказал богослужитель, прикрываясь тяжелым дубовым стулом ипата. — Ваше последнее желание. Отказать не могу. Это значило... Хм... Хм... «Топай отсюда и... оттрахай себя сам».

Геральт вступил в ничто, и холод приглушил сотрясающий его смех.

8

Портал, ревя и бушуя, как ураган, стремительно выбросил его, выплюнул с разрывающей легкие силой. Ведьмак бессильно рухнул на пол, с трудом ловя воздух раскрытым ртом.

Пол дрожал. Вначале он подумал, что трясся он сам после путешествия сквозь разрывающий ад портала, но быстро понял ошибку. Вибрировал, трясся и трещал весь дом.

Он осмотрелся. Это была не та комнатка, в которой он последний раз видел Йеннифер и Лютика, а большая общая зала ремонтируемой корчмы Эррдия.

Увидел ее. Она стояла на коленях между стульями, склонившись над магическим шаром. Шар излучал сильное молочное сияние, просвечивая красным сквозь пальцы колдуньи. Свет, отбрасываемый шаром, создавал мигающую, колеблющуюся, но ясную картину. Геральт видел комнатку со звездой и раскалившейся сейчас добела пентаграммой, начертанной на полу. Видел вылетающие из пентаграммы разноцветные потрескивающие огненные струи, исчезающие вверх над крышей, откуда доносился яростный рев пойманного джина.

Йеннифер увидела его, вскочила и подняла руку.

— Нет! — крикнул он. — Не надо! Я хочу помочь тебе!

— Помочь? — зло фыркнула она. — Ты?

— Да.

— Несмотря на то, что я тебе сделала?

— Несмотря.

— Странно, но в принципе неважно. Мне не нужна твоя помощь. Убирайся немедленно.

— Нет!

— Убирайся! — взвизгнула чародейка, злое ще скривившись. — Тут становится опасно! Я не могу его взять, не понимаю, но мерзавец не слабеет. Я поймала его после того, как он выполнил третье желание трубадура. Ему уже полагается сидеть у меня в шаре. А он вообще не ослабевает. Похоже, становится еще сильнее! Но все равно, я его... осилу, сломаю...

— Не осилишь, Йеннифэр. Он убьет тебя.

— Меня не так легко убить...

Она осеклась. Потолок корчмы вдруг разгорелся и заблестел. Картина, которую проецировал шар, расплылась. На бревенчатом потолке вырисовался большой огненный квадрат. Чародейка чертыхнулась, подняла руку, из ее пальцев посыпались искры.

— Беги, Геральт!

— Что происходит, Йеннифэр?

— Он надувал меня... — простонала она, краснея от усилия. — Хочет до меня добраться. Создает собственный портал, чтобы пробиться сюда. Разорвать нити он не может, но сквозь портал пройдет. Я не могу... Не могу его удержать!

— Йеннифэр!

— Не отвлекай! Мне надо сосредоточиться... Геральт, беги. Я раскрою свой портал. Для тебя. Будь внимателен, это случайный портал, на другой у меня нет ни сил, ни времени... Не знаю, где ты опустишься... но ты будешь в безопасности... Приготовься...

Большой портал на потолке вдруг ослепительно разгорелся, раздался вищирь и деформировался, из пустоты возникла знакомая ведьмаку бесформенная, хлопающая обвислыми губами пасть, воющая так, что зануло в ушах. Йеннифэр вскочила, замахала руками и выкрикнула заклинание. Из ее руки вырвалось полотно света, охватившее джинна словно сеть.

Джинн зарычал и выдал из себя длинные лапы, которые, словно нападающие кобры, потянулись к горлу чародейки. Йеннифэр не отступила.

Геральт кинулся к ней, оттолкнул и заслонил собою. Джинн, опутанный магическим светом, выскочил из портала, как пробка из бутылки, кинулся на них, разева пасть. Ведьмак стиснул зубы и ударил его Знаком, без видимого результата. Но гений не напал. Он повис под самым потолком, раздулся до гигантских размеров, вытаращил на Геральта белые глазницы и зарычал. В этом рыке был как бы приказ, распоряжение. Геральт не понял какое.

— Сюда! — крикнула Йеннифэр, указывая на портал, который она выколдовала на стене у лестницы. По сравнению с порталом гения ее портал выглядел бедно, невзрачно и даже кустарно. — Сюда, Геральт! Беги!

— Только с тобой!

Йеннифэр, водя в воздухе руками, выкрикнула заклинание, разноцветные нити с треском рассыпали искры. Джинн закружился, словно бочонок, напряг узы, растянул их. Медленно, но верно он приближался к чародейке. Йеннифэр не отступала.

Ведьмак подскочил, ловко подставил ей ногу, схватил за талию одной рукой, другой вцепился в волосы на затылке. Йеннифэр грязно выруталась и ударила его локтем по горлу. Он не отпустил. Резкий запах озона, порожденного заклинанием, не заглушил аромата сирени и крыжовника. Геральт подсек чародейке ногу и прыгнул, унося ее прямо в опалесцирующее и мигающее ничто меньшего портала.

Портала, ведущего в неведомое.

Они вылетели, слившись в объятиях, упали на мраморный пол, заскользили по нему, перевернув огромный канделябр, а затем стол, с которого с грохотом и звоном посыпались хрустальные кубки, вазы с фруктами и огромная миска, заполненная толченым льдом, водорослями и устрицами. Кто-то взвизгнул, кто-то запищал.

Они лежали в самом центре ярко освещенной бальной залы. Богато разодетые мужчины и блистающие драгоценностями дамы, прервав танец, ошарашенно глядели на них. Музыканты на галерке оборвали мелодию разрывающей уши какофонией.

— Ты кретин! — крикнула Йеннифэр, пытаясь выцарапать ему глаза. — Идиот! Ты мне все испоганил! Я его уже почти поймала!

— Хрен ты поймала! — крикнул в ответ он, не на шутку обозленный. — Я спас тебя, глупая ведьма!

Она взвизгнула, как взбесившийся кот, ее руки сыпанули искрами. Геральт, отвернувшись, вцепился ей в кисти рук, и они принялись кататься среди устриц, засахаренных фруктов и толченого льда.

— У вас есть приглашения? — спросил вальяжный мужчина с золотой цепью камергера на груди, глядя на них сверху с высокомерной миной.

— Прочь, идиот! — снова взвизгнула Йеннифэр, все еще пытаясь выцарапать Геральту глаза.

— Это безобразие! — укоризненно проговорил камергер. — Поверьте, вы немного переигрываете со своей телепортацией. Я буду вынужден подать жалобу в Совет Чародеев. Я потребую...

Никто не узнал, что потребует камергер. Йеннифэр вырвалась, раскрытой рукой вцепилась ведьмаку по уху, изо всех сил пнула в лодыжку и прыгнула в угасающий на стене портал. Геральт кинулся следом, уже опробованным на практике движением схватив ее за волосы и талию. Йеннифэр, тоже подбравшаяся опыта, хватанула его по локтю. От резкого движения у нее лопнуло платье под мышкой, открыв красивую девичью грудь. Из роскошного декольте выскользнула устрица.

Они влетели в небытие портала. Геральт еще услышал слова камергера:

— Музыка! Продолжайте играть! Все в порядке. Прошу не обращать внимания на достойный сожаления инцидент.

Ведьмак был уверен, что с каждым очередным полетом через портал увеличивается вероятность несчастья, и он не ошибся. Они попали в цель, в корчму Эррдилля, но материализовались под самым потолком и, переломив поручни лестницы, с оглушительным грохотом свалились на стол. Стол не мог этого выдержать и не выдержал.

В момент падения Йеннифэр оказалась внизу. Геральт был уверен, что она потеряла сознание. Он ошибся.

Она ткнула его костяшками кулака в глаз и бросила прямо в лицо целую гроздь оскорблений, которых не постыдился бы краснолюдский могильщик, а краснолюдские могильщики были несравненными охальниками. Рутань сопровождалась яростными и беспорядочными ударами, наносимыми вслепую, куда попало. Геральт схватил ее за руки и, стараясь избежать удара лбом, вжался лицом в декольте чародейки, пахнущее сиренью, крыжовником и устрицами.

— Пусти, — крикнула она, извиваясь, словно уторь. — Идиот, глупец, насильник! Пусти, говорю! Привяжь сейчас лопнет, ее надо усилить, иначе джинн сбежит.

Геральт не ответил, хотя очень хотелось. Он сжал ее сильнее, пытаясь притиснуть к полу. Йеннифэр отвратительно вырвалась, рванулась изо всей силы и ударила его коленом в промежность. Прежде чем он сумел вздохнуть, она вырвалась, крикнула заклинание. Он почувствовал, как чудовищная сила поднимает его с пола и бросает через всю залу, а потом, не в силах вздохнуть, он саданулся о резной двухдверный шкаф и развалил его на мелкие кусочки.

9

— Что там творится? — Лютик, вцепившись в подоконник, пытался пробить взглядом завесу ливня. — Скажите, черт побери, что там происходит?

— Дерутся, — крикнул один из глазающих бродяг, отскакивая от окна корчмы словно ошпаренный. Его дружки-оборванцы тоже кинулись бежать, шлепая по грязи босыми ногами. — Колдун и ведьма дерутся!

— Дерутся? — удивился Невилл. — Они там дерутся, а этот затраханный демон тем временем превращает мой город в руины! Глядите, он повалил еще одну трубу! И раскидал черепицу. Эй, люди! Бегом туда! О боги, счастье, что дождь, был бы пожар как пить дать!

— Долго это не протянется, — утрюмо произнес богослужитель Крепп. — Магический свет ослабевает, привяжь сейчас лопнет. Господин Невилл! Прикажите людям отступать! Там

сейчас развернется пекло! От дома останутся развалины! Господин Эррдиль, над чем вы смеетесь? Это ж ваш дом. Что вас так развеселило?

— Я развалюху застраховал на кучу денег!

— С учетом магических и сверхъестественных случаев?

— Конечно.

— Разумно, господин эльф. Очень разумно. Поздравляю. Эй, люди, прячьтесь. Кому жизнь мила, не подходите близко!

Из Эррдильева хозяйства донесся оглушительный гул, сверкнула молния. Толпа попятилась, прячась за столбами.

— Зачем Геральт туда полез? — охнул Лютик. — На кой черт? Зачем уперся спасать колдунью? Зачем? Черт побери, Хиреадан, ты это понимаешь?

Эльф грустно улыбнулся.

— Понимаю, Лютик, понимаю.

10

Геральт отскочил от очередной оранжево-огненной стрелы, вылетевшей из пальцев чародейки. Она явно утомилась, стрелы были слабые и медлительные, он увертывался от них без особого труда.

— Йеннифэр! — крикнул он. — Успокойся! Да пойми же ты наконец, что я хочу тебе сказать! Ты не сможешь...

Он не закончил. Из рук волшебницы вырвались тоненькие красные молнии, впились в него в нескольких местах и буквально обмотали. Одежда зашипела и задымилась.

— Не смогу? — процедила она, встав над ним. — Сейчас увидишь, на что я способна. Достаточно, если ты просто полежишь и не будешь мне мешать.

— Сними это с меня! — зарычал он, пытаясь вырваться из огненной паутины. — Я горю, черт побери!

— Не шевелись, — посоветовала она, тяжело дыша. — Это жжет только когда двигаешься... Я не могу уделить тебе больше времени, ведьмак. Пошалили — и будет, хорошего понемножку. Я должна заняться джином, он готов сбежать...

— Сбежать? — крикнул Геральт. — Это ты должна бежать! Джинн... Йеннифэр, послушай меня. Я должен тебе кое в чем признаться... Должен сказать тебе правду. Ты удивишься.

11

Джинн рванулся на привязи, облетел круг, натянул удерживающие его нити и смел башенку с дома Бо Беррана.

— Ну и рычит! — поморщился Лютик, непроизвольно хватаясь за горло. — Как рычит! Жуть! Похоже, он чертовски взбешен!

— Ибо взбешен, — произнес богослужитель.

Хиреадан быстро взглянул на него.

— Что?

— Он взбешен, — повторил Крепп. — И неудивительно. Я бы тоже взбесился, доведись мне в точности выполнять первое желание, которое случайно высказал ведьмак...

— Что? — крикнул Лютик. — Геральт? Желание?

— Ведь у него в руке была печать, которая удерживала джинна в бутылке. Гений выполняет его желания. Поэтому волшебница и не может одолеть джинна. Но ведьмаку не следует ей об этом говорить, даже если он уже догадался. Не следует.

— Черт, — буркнул Хиреадан. — Я начинаю понимать. Ключник в подвале... Лопнул...

— Это было второе желание ведьмака. У него осталось еще одно. Последнее. Но, боги, он не должен выдавать этого Йеннифэр!

12

Она стояла неподвижно, наклонившись к нему и не обращая никакого внимания на джинна, мечущегося на привязи над крышей корчмы. Дом сотрясаясь, с потолка сыпалась известка, мебель ползала по полу, лихорадочно тряслась.

— Вот оно что, — прошипела она. — Благодарю. Тебе удалось меня обмануть. Не Лютик, а ты! Так вот почему джинн так борется! Но я еще не проиграла, Геральт. Ты недооцениваешь моей силы. Пока что у меня в руках и джинн, и ты. У тебя есть еще одно, последнее желание? Так выскажи его. Освободи джинна, и тогда я загну его в бутылку.

— Тебе не хватит сил, Йеннифэр.

— Ты недооцениваешь мои силы. Желание, Геральт, желание!

— Нет, Йеннифэр. Не могу... Джинн, может, и выполнит его, но тебя не простит. Освободившись, он убьет тебя, отыграется на тебе. Ты ослаблена, едва держишься на ногах. Ты погибнешь, Йеннифэр.

— Это мой риск! — яростно крикнула она. — Какое тебе дело до того, что станется со мной? Подумай лучше о том, что джинн может дать тебе! У тебя в запасе еще одно желание! Ты можешь пожелать что угодно! Воспользуйся возможностью! Используй ее, ведьмак! Ты можешь иметь все! Все!

13

— Они погибнут оба? — завыв Лютик. — Как это? Господин Скрепп или как вас там... Почему? Ведь ведьмак... Почему, я просто слов не нахожу, он не бежит? Почему? Что его там держит? Это же глупо...

— Глупо и бессмысленно, — горько проговорил Хиреадан. — Совершенно.

— Самоубийство и обыкновенный идиотизм!

— Это его профессия, — вставил Невилл. — Ведьмак спасает мой город. Призываю богов в свидетели: если он победит волшебницу и прогонит демона, я щедро его вознагражу...

Лютик сорвал с головы шапочку, украшенную пером цапли, плюнул на нее, кинул в грязь и растоптал, повторяя при этом самые разные слова на самых разных языках.

— Но ведь он... — вдруг простонал бард. — У него же в запасе есть еще одно желание. Он мог бы спасти и ее, и себя! Господин Крепп!

— Все не так просто, — задумался богослужитель. — Но если бы он как-то связал свою судьбу с судьбой... Нет, не думаю, чтобы он догадался. И лучше, пожалуй, чтобы не догадался.

14

— Желание, Геральт! Скорее! Чего ты желаешь? Бессмертия? Богатства? Славы? Власти? Могушества? Почестей? Скорее, у нас нет времени!

Он молчал.

— Ты хочешь стать человеком, — вдруг сказала она, мерзко усмехаясь. — Я угадала, верно? Вот чего ты хочешь, вот о чем мечтаешь! О высвобождении, о свободе, возможности быть тем, кем хочешь, а не тем, кем быть вынужден. Джинн исполнит это желание, Геральт. Выскажи его.

Геральт молчал.

Она стояла над ним в мигающем свете волшебного шара, в магическом свете, в разблесках удерживающих джинна лучей, с развевающимися волосами и горящими фиолетовым огнем глазами, выпрямившаяся, стройная, черная, страшная...

И прекрасная.

Она резко наклонилась, взглянула ему в глаза. Он почувствовал аромат сирени и крыжовника.

— Молчишь? Так вот чего ты желаешь, ведьмак! Вот каково твое самое потаенное желание! Ты не знаешь или не можешь решиться? Поници в себе, поници глубоко и тщательно, ибо, клянусь Силой, другой возможности тебе не представится!

А он вдруг обрел истину. Он знал. Знал, кем она была когда-то. О чем помнила, о чем не могла забыть, с чем жила. Кем была в действительности, прежде чем стала волшебницей.

Потому что на него смотрели холодные, пронизывающие, злые и мудрые глаза горбуны.

Он ужаснулся. Нет, не от осознания правды. Он ужаснулся оттого, что она читает его мысли, знает, что он угадал. И никогда ему этого не простит. Он приглушил в себе эту мысль, убил ее, выкинул из памяти, навсегда, без следа, чувствуя при этом огромное облегчение. Чувствуя, что...

Потолок лопнул. Джинн, опутанный сетью уже утасающих лучей, повалился прямо на них, рыча, и в рычании этом было торжество и жажда убийства. Йеннифэр кинулась ему навстречу, из ее рук вырвался свет. Очень слабый свет.

Джинн разинул пасть и протянул к ней лапы. А ведьмак вдруг понял, чего хочет.

И выговорил желание.

15

Дом взорвался, кирпичи, балки и доски взлетели вверх в туче дыма и искр. Из пыли выплыл джинн, огромный, как овин. Рыча и заливаясь торжествующим хохотом, гений Воздуха — д'йини, уже не связанный никакими обязательствами и ничьей волей, проделал над городом три крута, сорвал шпиль с башни ратуши, взмыл в небо и улетел, пропал, исчез.

— Убежал! Убежал! — воскликнул богослужитель Крепш. — Ведьмак добился своего! Гений улетел! Больше он никому не угрожает!

— Ах, — произнес Эррдиль с искренним восхищением. — Какие красочные развалины!

— Черт! Черт! — крикнул Лютик, скорчившись за стеной. — Развалился весь дом! Выжить не мог никто! Это говорю вам я, Лютик!

— Ведьмак Геральт из Ривии пожертвовал собой ради спасения города, — торжественно проговорил ипат Невилл. — Мы не забудем его, мы почтим его. Мы подумаем о памятнике...

Лютик стряхнул с рукава кусок заляпанного глиной тростникового мата, отряхнул курточку от хлопьев смоченной дождем

штукатурки, взглянул на ипата и несколькими тщательно подобранными словами высказал свое мнение о жертве, почестях, памяти и всех памятниках мира.

16

Геральт осмотрелся. Из дыры в потолке медленно капала вода. Крутом валялся хлам и кучи деревяшек. По странной случайности то место, где лежали они, было совершенно чистым. На них не упала ни одна доска, ни один кирпич. Все было так, словно их охранял невидимый щит.

Йеннифэр, слегка покрасневшая, опустилась рядом, уперев руки в колени.

— Ведьмак, — кашлянула она. — Ты жив?

— Жив. — Геральт отер пыль с лица, свистнул.

Йеннифэр медленным движением коснулась его запястья, нежно провела пальцами по ладони.

— Я тебя обожгла...

— Мелочь. Несколько пузырей...

— Прости. Знаешь, джинн убрался. Окончательно и бесповоротно.

— Ты жалеешь?

— Не очень.

— Ну и хорошо. Помоги мне встать, пожалуйста.

— Погоди, — прошептала она. — А твое желание... Я слышала, чего ты пожелал. Я одурела, просто одурела. Всего я могла ожидать, только... Что тебя заставило так поступить, Геральт? Почему... Почему я?

— Не знаешь?

Она наклонилась, он почувствовал на лице прикосновение ее волос, пахнувших сиренью и крыжовником, и вдруг понял, что никогда не забудет этого аромата, этого мягкого прикосновения, понял, что никогда уже не сможет сравнить их с другими запахами и другими прикосновениями. Йеннифэр поцеловала его, и он понял, что никогда не пожелает других губ, кроме этих мягких, влажных и сладких от помады. Он вдруг понял, что с

этой минуты для него будет существовать только она, ее шея, ее руки и грудки, высвободившиеся из-под черного платья, ее нежная, прохладная кожа, не сравнимая ни с одной из тех, которых он касался. Он видел совсем рядом ее фиалковые глаза, прекраснейшие глаза в мире, глаза, которые, он так этого боялся, станут для него...

...всем. Он знал это.

— Твое желание, — шепнула она, приложив губы к самому его уху. — Не знаю, может ли вообще исполниться твоё желание. Не знаю, существует ли в Природе Сила, способная исполнить такое желание. Но если может, то ты приговорил себя. Приговорил себя... ко мне.

Он прервал ее поцелуем, объятием, прикосновением, лаской, ласками, а потом уже всем, всем собою, каждою своей мыслью, единственной мыслью, всем, всем, всем. Они прервали тишину вздохами и шелестом раскидываемой по полу одежды, прервали тишину очень мягко и неторопливо, обстоятельно, заботливо и нежно, и хотя оба не очень-то знали, что такое заботливость и нежность, это свершилось, ибо они очень того хотели. И вообще, они не спешили — и весь мир вокруг перестал существовать, перестал существовать на краткий, совсем краткий миг, а им казалось, что это была целая вечность, потому что это действительно была целая вечность.

А потом мир снова возник, но теперь он существовал уже совершенно по-другому.

— Геральт?

— Ммм...

— И что теперь?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Потому что, понимаешь, я... Я не уверена, стоило ли тебе обречь себя на меня. Я не умею... Подожди, что ты делаешь... Я хотела тебе сказать...

— Йеннифэр... Йен...

— Йен, — повторила она, полностью подчиняясь ему. — Никто никогда меня так не называл. Скажи еще раз, пожалуйста, ну скажи.

— Йен...

— Геральт...

17

Дождь прекратился. Над Риндой загорелась радуга, она пересекла небо оборванной многоцветной дугой. Казалось, она вырастает прямо из разрушенной крыши корчмы.

— О боги, — буркнул Лютик. — Какая тишина... Они мертвы, говорю вам. Или поубивали друг друга, или мой джинн их прикончил.

— Надо бы взглянуть, — сказал Вратимир, вытирая лоб помятой шапкой. — Они могут быть ранены. Может, вызвать медика?

— Уж скорее могильщика, — сказал Крепп. — Знаю я этих колдуний, да и у ведьмака в глазах тоже чертики бегали. Что поделаешь, надо копать на жальнике две могилы. Правда, эту Йеннифэр я посоветовал бы перед захоронением проткнуть осиновым колом.

— Какая тишина, — повторил Лютик. — Только что доски летали, а теперь мертвая тишина, слышно, как муха пролетит.

Они подошли к развалинам будущей корчмы. Осторожно и медленно.

— Пусть столяр готовит гробы, — сказал Крепп. — Скажите столяру.

— Тише, — прервал Эррдиль. — Я что-то слышал. Что это было, Хиреадан?

Эльф откинул волосы с остроконечного уха, наклонил голову.

— Не уверен... Подойдем поближе.

— Йеннифэр жива, — вдруг сказал Лютик, напрягая свой музыкальный слух. — Я слышал, как она застонала. О, снова!

— Верно, — подтвердил Эррдиль. — Я тоже слышал. Застонала. Вероятно, ужасно страдает. Хиреадан, куда ты! Поберегись!

Эльф осторожно заглянул в разбитое окно и тут же отпрянул.

— Пошли отсюда, — сказал он кратко. — Не будем им мешать.

— Так они оба живы? Хиреадан? Что они там делают?

— Пошли отсюда, — повторил эльф. — Оставим их ненадолго вдвоем. Пусть останутся, она, он и его последнее желание. Переждем в какой-нибудь корчме, пройдет немного времени, и они к нам присоединятся. Оба.

— Нет, что они там делают? — заинтересовался Лютик. — Скажи же, черт побери!

Эльф улыбнулся. Очень, очень грустно.

— Не люблю громких слов, — сказал он. — Но другими словами этого не передать.

ГЛАС РАССУДКА VII

1

а поляне в полном вооружении, без шлема, в откинутах на плечо карминовом плаще ордена стоял Фальвик. Рядом, скрестив руки на груди, — плотный бородатый краснолюд в лисьей шубе, кольчуге и шлеме с бармицей из железных колец. Тайлес, без доспехов, в коротком стеганом камзоле, медленно прохаживался, время от времени помахивая обнаженным мечом.

Ведьмак осмотрелся, остановил коня. Крутом посверкивали полулаты и плоские каски окружавших поляну вооруженных пиками солдат.

— Дьявольщина, — проворчал Геральт. — Можно было ожидать.

Лютик развернул коня, тихо выругался, увидев отрезающих им отход пикинеров.

— В чем дело, Геральт?

— Ни в чем. Держи рот на замке и не встревай. Я попробую как-нибудь отбрезаться.

— Я спрашиваю, в чем дело? Снова приключение?

— Заткнись.

— Глупая была мыслишка съездить в город, — простонал трубадур, поглядывая на выступающие над лесом недалекие башенки храма. — Надо было сидеть у Нэннеке и не высовывать носа...

— Я же сказал, заткнись. Вот увидишь, все выяснится.

— Не похоже.

Лютик был прав. Не походило. Тайлес, размахивая мечом, продолжал рассказывать, не глядя на них. Солдаты, опершись на пики, глядели утрумо и равнодушно, с минами профессионалов, у которых убийство не вызывает усиленного выделения адреналина.

Геральт и Лютик слезли с коней. Фальвик и краснолюды медленно подошли.

— Вы оскорбили благородного Тайлеса, ведьмак, — сказал граф без предисловий и требуемых обычаем приветствий. — А Тайлес, как вы, вероятно, помните, бросил вам перчатку. На территории храма не годилось настаивать, поэтому мы подождали, пока вы выглядите из-под юбки богослужительницы. Тайлес ждет. Вы должны биться.

— Должен?

— Должны.

— А вам не кажется, господин Фальвик, — криво усмехнулся Геральт, — что благородный Тайлес оказывает мне слишком много чести? Я не имел удовольствия быть посвященным в рыцари, а что до рождения, то уж лучше не вспоминать о сопутствовавших ему обстоятельствах. Боюсь, вряд ли я достоин того, чтобы... Как это говорится, Лютик?

— Недостаточно достоин того, чтобы дать сатисфакцию и сойтись на ристалище, — продекламировал поэт, раздувая щеки. — Рыцарский кодекс гласит...

— Капитул ордена руководствуется собственным кодексом, — прервал Фальвик. — Если 6 рыцаря ордена вызвали вы, он мог бы отказать вам в сатисфакции либо нет, в зависимости от своего желания. Однако дело обстоит иначе: рыцарь вызывает вас, а тем самым поднимает до своего уровня, разумеется, исключительно на время, необходимое для того, чтобы смыть оскорбление. Вы не можете отказать. Отказ временно сравняться с ним в достоинстве делает вас недостойным.

— Весьма логично, — сказал Лютик, состроив чисто обезьянью рожицу. — Похоже, вы изучали философов, благородный рыцарь.

— Не лезь. — Геральт поднял голову, взглянул в глаза Фальвику. — Закончите, рыцарь. Я хотел бы знать, к чему вы клоните. Что произойдет, если я вдруг окажусь... недостойным?

— Что произойдет? — Фальвик ехидно усмехнулся. — А то произойдет, что я прикажу повесить тебя на суку, негодяй.

— Спокойнее, — вдруг хрипло проговорил краснолюд. — Без нервов, господин граф. И без оскорблений, лады?

— Не учи меня манерам, Кранмер, — процедил рыцарь. — И помни, князь отдал тебе приказания, которые ты должен исполнять скрупулезно.

— Это вы не учите меня, граф. — Краснолюд положил руку на засунутый за пояс обоюдоострый топор. — Я знаю, как исполнять приказы, обойдусь без поучений. Господин Геральт, разрешите. Я Деннис Кранмер, капитан стражи князя Эреварда.

Ведьмак чопорно поклонился, глядя краснолюду в глаза, светло-серые, отливающие сталью под палевыми кустистыми бровями.

— Удовлетворите желание Тайлеса, господин ведьмак, — спокойно продолжал Деннис Кранмер. — Так будет лучше. Цель — не убить, а лишь обезоружить противника. Примите вызов и позвольте ему вас обезоружить.

— Простите, что сделать? Не понял.

— Рыцарь Тайлес — любимец князя, — сказал Фальвик, зловеще улыбаясь. — Если ты, выродок, коснешься его в ходе поединка мечом, будешь наказан. Капитан Кранмер арестует тебя и доставит пред ясные очи его высочества. Для наказания. Таков приказ.

Краснолюд даже не взглянул на рыцаря, он не отрывал от Геральта своих холодных стальных глаз. Ведьмак слабо, но достаточно презрительно улыбнулся.

— Если я верно понял, — сказал он, — я должен согласиться на поединок, ибо, если откажусь, меня повесят. Если же буду драться, то должен позволить противнику меня искалечить, потому как ежели раню его я, то меня колесуют. Сплошь радостные перспективы. А может, облегчить вам дело? Удариться башкой о ствол сосны и самому себя... разоружить? Вас это устроит?

— Без шуточек, — прошипел Фальвик. — Не ухудшай своего положения. Ты оскорбил орден, бродяга, и должен быть наказан, надеюсь, дошло? А юному Тайлесу нужна слава победителя ведьмака, поэтому Капитул решил предоставить ему такую возможность. Иначе бы ты уже висел. Дашь себя победить — сохранишь свою поганую жизнь. Нам не нужен твой труп, мы хотим, чтобы Тайлес оставил отметку на твоей шкуре. А твоя шкура, шкура мутанта, зарастает быстро. Ну, поехали. Решай, выбора у тебя нет.

— Вы так думаете, господин граф? — Геральт усмехнулся еще противнее, оглянулся, прошелся по солдатам оценивающим взглядом. — А я думаю, есть.

— Да, это правда, — признал Деннис Кранмер. — Есть. Но тогда прольется кровь, много крови. Как в Блавикене. Вы этого хотите? Вы хотите отяготить совесть кровью и смертью? Потому что выбор, о котором вы думаете, господин Геральт, это кровь и смерть.

— Аргументируете очаровательно, даже пленительно, — пошутил Геральт. — Человека, на которого напали в лесу, вы пытаетесь взять на гуманизм, обращаетесь к его высшим чувствам. Просите, как я понял, не проливать кровь напавших на меня разбойников? Гляжу я на ваших пикинеров и вижу, как дрожат у них колени при одной только мысли о драке с Геральтом из Ривии, ведьмаком, который управляется с упырями голыми руками. Здесь не прольется ни капли крови, никто ничуть не пострадает. За исключением тех, кто сломает ноги, удирая в город.

— Я, — спокойно проговорил краснолюд и молодцевато задрал бороду, — не могу сказать ничего плохого о своих коленях. До сих пор я не убежал ни от кого и привычек не изменяю. Я не женат, о детях ничего не знаю, да и мать, малознакомую мне женщину, предпочел бы не втягивать в эту историю. Но данные мне приказы выполняю. Как всегда, скрупулезно. Не обращаясь ни к каким чувствам, ни к высшим, ни к низшим, прошу вас, господин Геральт из Ривии, принять решение. Я соглашусь с любым и поведу себя соответственно.

Они глядели друг другу в глаза, краснолюд и ведьмак.

— Ну хорошо, — сказал наконец Геральт. — Давайте кончать. Жаль терять день.

— Стало быть, согласен. — Фальвик поднял голову, глаза у него заблестели. — Согласен на поединок с благородным Тайлесом из Дорндаля?

— Да.

— Прекрасно. Приготовьтесь.

— Я готов. — Геральт натянул перчатку. — Не будем терять времени. Лютик, сохраняй спокойствие. Ты к этому вообще не имеешь никакого отношения. Правда, господин Кранмер?

— Абсолютно, — твердо сказал краснолюд и поглядел на Фальвика. — Абсолютно, господин Геральт. Как бы там ни было, это касается только вас.

Ведьмак вытянул меч из-за спины.

— Нет, — сказал Фальвик, доставая свой. — Своей бритвой ты драться не будешь. Возьми мой.

Геральт пожал плечами. Взял оружие графа и махнул им для пробы.

— Тяжелый, — отметил он холодно. — С таким же успехом можно биться заступами.

— У Тайлеса такой же. Шансы равные.

— Ах, вы такой шутник, рыцарь Фальвик. Ну невероятный!

Солдаты окружили поляну редкой цепью. Тайлес и ведьмак встали друг против друга.

— Господин Тайлес? Не желаете ли извиниться?

Рыцаренок стиснул зубы, заложил левую руку за спину, замер в позиции фехтовальщика.

— Нет? — усмехнулся Геральт. — Не послушаетесь гласа рассудка? Жаль.

Тайлес присел, прыгнул, напал молниеносно, без предупреждения. Ведьмак даже не подумал парировать, отклонился от плоского удара быстрым полуоборотом. Рыцаренок широко размахнулся, клинок снова рассек воздух. Геральт ловким пируэтом вышел из-под острия, мягко отскочил, сделал короткий финт и выбил Тайлеса из ритма. Тайлес выругался, рубанул широко, справа, на мгновение потерял равновесие, попытался

восстановить, неловко и высоко заслонившись мечом. Ведьмак ударил со скоростью и силой молнии, саданул напрямую, выбросил руку на всю длину. Тяжелое оружие со звоном столкнулось с клинком Тайлеса так, что тот сильно ударил рыцаря по лицу. Тайлес взвыл, упал на колени и коснулся лбом травы. Фальвик подбежал к нему. Геральт воткнул меч в землю и отвернулся.

— Стража! — выкрикнул Фальвик. — Взять его!

— Стоять! Ни с места! — крикнул Деннис Кранмер, кладя руку на топор.

Солдаты замерли.

— Нет, граф, — медленно сказал краснолюд. — Я всегда выполняю приказы... скрупулезно. Ведьмак не дотронулся до рыцаря Тайлеса. Мальчишка ударился о собственную сталь. Ему не повезло.

— У него ранено лицо! Он обезображен на всю жизнь!

— Кожа срастается. — Деннис Кранмер уставился на ведьмака стальными глазами и обнажил в улыбке зубы. — А рубец? Рубцы для рыцаря — почетная память, повод для славы и хвалы, которых так желал ему Капитул. Рыцарь без шрама — пшик, не рыцарь. Спросите его, граф, убедитесь, что он рад.

Тайлес крутился на земле, плевался кровью, стонал и выл, вовсе не походя на обрадованного.

— Кранмер! — рявкнул Фальвик, вырывая свой меч из земли. — Ты пожалеешь об этом, клянусь!

Краснолюд отвернулся, медленно вытащил из-за пояса топор, откашлялся и сочно поплевал в правую руку.

— Ох, господин граф, — проскрипел он. — Не клянитесь напрасно. Терпеть не могу клятв преступников, а князь Эревард дал мне право карать таких с ходу. Я пропущу ваши глупые слова мимо ушей. Но не повторяйте их, убедительно прошу.

— Ведьмак, — Фальвик, задышавшись от ярости, повернулся к Геральту, — убирайся из Элландера. Немедленно. Тотчас.

— Я редко когда соглашаюсь с ним, — буркнул Деннис, подходя к ведьмаку и отдавая ему меч, — но в данном случае он прав. Уезжайте отсюда как можно скорее.

— Принимаем ваш совет. — Геральт перекинул ремень через плечо. — Но сначала... Мне надо кое-что сказать благородному графу. Господин Фальвик!

Рыцарь Белой Розы нервно заморгал, вытер руки о плащ.

— Возвратимся на минутку к кодексу вашего Капитула, — продолжал ведьмак, стараясь не улыбаться. — Очень меня интересует одно дельце. Если б, положим, я почувствовал себя недовольным и оскорбленным вашим поведением во всей этой афере и если б, допустим, вызвал вас на бой здесь, сейчас, на месте, как бы вы поступили? Сочли бы меня достаточно... достойным того, чтобы скрестить со мной клинки? Или отказались бы, зная, что в таком случае я счел бы вас недостойным даже того, чтобы на вас плюнуть, отхлестать по морде и дать пинка под зад на глазах кнехтов? А? Граф Фальвик, будьте столь любезны, удовлетворите мое любопытство!

Фальвик побледнел, отступил на шаг, оглянулся. Солдаты избегали его взглядов, Деннис Кранмер скривился, высунул язык и плюнул на солидное расстояние.

— Молчите, — продолжал Геральт, — но я слышу в вашем молчании глас рассудка, господин Фальвик. Вы удовлетворили мое любопытство, а теперь я удовлетворю ваше. Если вас интересует, что будет, ежели орден пожелает каким-либо образом досадить матери Нэннике либо ее жрицам и послушницам или же слишком уж грубо обойдется с капитаном Кранмером, то знайте, граф, я отыщу вас и, не посмотрев ни на какой кодекс, выпущу из вас кровь, как из поросенка.

Рыцарь побледнел еще сильнее.

— Не забывайте о моем обещании, господин Фальвик. Пошли, Лютик. Нам пора. Бывай, Деннис.

— Успеха, Геральт, — широко улыбнулся краснолюд. — Бывай! Рад нашей встрече, надеюсь, не последней.

— Взаимно, Деннис. Стало быть, до свидания.

Они нарочито медленно, не оглядываясь, отъехали. На рысь перешли только когда скрылись в лесу.

— Геральт, — вдруг проговорил поэт, — полагаю, мы не поедем прямо на юг? Думаю, надо обойти стороной Элландер и владения Эреварда. А? Или ты намерен продолжать спектакль?

— Нет, Лютик, не намерен. Поедем лесами, потом свернем на Купеческий тракт. Помни, при Нэннеке о сегодняшней драке ни слова. Ни словечка.

— Надеюсь, мы отправимся сразу же?

— Немедленно.

2

Геральт наклонился, проверил исправленную скобу стремени, подогнал еще не размявшийся и туто идущий в пряжке стремени ремень. Подправил подпругу, сумы, скатанную за седлом попоу и притороченный к ней серебряный меч. Нэннеке неподвижно стояла рядом, скрестив руки на груди.

Подошел Лютик, ведя под уздцы своего темно-гнедого мерина.

— Благодарим за гостеприимство, уважаемая, — серьезно сказал он. — И уж не злись на меня. Я ведь все равно знаю, что ты меня любишь.

— Конечно, — серьезно ответила Нэннеке. — Люблю тебя, шалопая, хоть и сама не знаю за что. Ну, будьте...

— До встречи, Нэннеке.

— До встречи, Геральт. Следи за собой.

Ведьмак горько улыбнулся.

— Предпочитаю следить за другими. Это вообще-то полезнее.

Из-за храма, из-за оплетенных плющом колонн вышла Иоля в сопровождении двух младших послушниц. Она несла сундучок ведьмака. Иоля неловко избегала его взгляда, смущенная улыбка то появлялась, то сбегала с ее веснушчатой, пухленькой, покрытой румянцем мордашки. Сопровождающие ее послушницы не скрывали многозначительных взглядов, с трудом удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— Великая Мелитале, — вздохнула Нэннеке. — Целая процессия процессия. Возьми сундучок, Геральт. Я пополнила запасы твоих эликсиров, там все, чего не доставало. И то лекарство, знаешь, о чем я. Принимай регулярно каждые две недели. Не забывай. Это важно.

— Не забуду. Благодарю, Иоля.

Девушка опустила голову, подала ему сундучок. Ей так сильно хотелось что-то сказать. Но она не знала, что именно, какие слова произнести. И не знала, что сказала бы, если б могла. Не знала. И хотела.

Их руки соприкоснулись.

Кровь. Кровь. Кровь. Кости словно белые поломанные пруттики. Сухожилия словно белесые шпагаты, вырывающиеся из-под кожи, раздираемой огромными, оцетинившимися лапами и острыми зубами. Ужасный звук разрываемого тела и крик — бесстыдный и ужасающий в своем бесстыдстве. В бесстыдстве конца. Смерти. Кровь и крик. Крик. Кровь. Крик...

— Иоля!!!

Нэннеке с невероятной при ее комплекции скоростью припала к лежащей на земле, напрягшейся, сотрясаемой конвульсиями девушке, придерживая ее за плечи и волосы. Одна из послушниц остановилась словно громом пораженная, другая, более скорая, опустилась на колени в ногах Иоли. Иоля выпнулась дугой, раскрыв рот в беззвучном крике.

— Иоля! — кричала Нэннеке. — Иоля! Говори! Говори, детка! Говори!

Девушка напряглась еще сильнее, закусил губу, тонкая струйка потекла по ее щеке. Нэннеке, покраснев от усилия, крикнула что-то, чего ведьмак не понял, но его медальон рванул шею так, что он произвольно наклонился, согнутый, придавленный невидимым грузом.

Иоля застыла.

Люттик, бледный как полотно, громко вздохнул. Нэннеке поднялась с колен. С трудом. Медленно.

— Заберите ее, — бросила она послушницам. Их было уже больше, они сбежались, серьезные, изумленные и молчаливые.

— Заберите ее, — повторила жрица. — Осторожно. И не оставляйте одну. Я сейчас приду.

Она повернулась к Геральту. Ведьмак стоял неподвижно, тербя поводья вспотевшей рукой.

— Геральт... Иоля...

— Молчи, Нэннеке.

- Я тоже это видела... Мгновение. Геральт, не уезжай.
 - Я должен.
 - Ты видел... видел это?
 - Да. Не в первый раз.
 - И что?
 - Нет смысла оглядываться назад.
 - Не уезжай, прошу тебя.
 - Я должен. Займись Иолей. До свидания, Нэннеке.
- Жрица медленно покачала головой, хлопнула носом и вытерла рукой слезу резким, отрывистым движением.
- Прощай, — шепнула она, глядя ему в глаза.

МЕЧ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

«Miecz Przeznaczenie»

Warszawa, 1994

ПРЕДЕЛ ВОЗМОЖНОГО

1

Ему конец.

Столпившиеся у развалин жители молчали, уставившись на чернеющее в руинах отверстие — заваленный камнями вход в подземелье. Толстяк в желтой суконной куртке переступил с ноги на ногу, кашлянул, снял с головы берет.

— Погодим еще, — сказал он, вытирая пот с реденьких бровей.

— А чего годить-то? — фыркнул прыщавый. — Там в подвалах он и сидит, василиск-то, аль забыли, солтыс? Кто войдет, тому и конец. Мало людей, что ль, погибало? Чего ждать-то?

— Мы ж договаривались, — неуверенно проворчал толстяк. — Как же так?

— С живым договаривались-то, солтыс, — проговорил спутник прыщавого, гигант в кожаном фартуке резника. — А теперича он мертв, это уж как пить дать. Сызначала было ведомо, на смерть идет, как и другие до него. Он и зеркала не прихватил, с одним мечом полез. А без зеркала — знамо дело — василиска не приберешь.

— Считайте, сэкономили грóщи, — добавил прыщавый. — Потому как платить за василиска теперь некому. Идите спокойно домой. А коня и колдуньино хозяйство мы возьмем, не пропадать же добру.

— Оно, конечно, так, — сказал резник. — Упитанная кобыла, да и выюки плотно набиты. Глянем, что внутри.

— Как же так? Разве ж можно?

— Молчите, солтыс, и не встревайте, а то шишку заработаете, — предостерег прыщавый.

— Упитанная кобылка-то, — повторил резник.

— Оставь коня в покое, дорогуша.

Резник медленно обернулся к чужаку, который вышел из-за излома стены, из-за спин людей, скопившихся вокруг входа в подземелье.

У чужака были густые вьющиеся каштановые волосы, коричневая накидка поверх посаженного на вату кафтана, высокие сапоги верхового. И никакого оружия.

— Отойди от коня, — повторил он, ядовито усмехаясь. — Это как же? Чужой конь, чужая собственность, а ты уставишься на нее своими слезящимися глазенками, тлнешься к ней паршивой лапой? Это порядок?

Прыщавый, медленно засовывая руку за пазуху куртки, глянул на резника. Резник кивнул, указал головой на группку, из которой вышли еще двое. Плотные, стриженные. У обоих в руках дубинки, которыми на бойнях оглушают животных.

— Это кто ж ты такой, — спросил прыщавый, не выпнимая руки из-за пазухи, — чтобы указывать нам, что порядок, а что нет?

— А тебе какое дело, дорогуша?

— Оружия не носишь?

— Верно. — Чужак усмехнулся еще ядовитее. — Не ношу.

— А зря. — Прыщавый вытащил руку из-за пазухи. В руке был длинный нож. — Вовсе даже зря не носишь-то.

Резник тоже вытащил нож, похожий на охотничий. Те двое шагнули вперед, поднимая дубинки.

— А мне как-то ни к чему, — сказал чужак, не двигаясь с места. — Мое оружие ходит следом.

Из-за развалин, мягко, уверенно ступая, вышли две девушки. Толпа незамедлительно расступилась, попятилась, поредела.

Девушки улыбались, сверкая зубами, щуря глаза, от уголков которых к ушам бежали широкие синие полосы татуировки. Мускулы играли на крепких бедрах, вырисовывающихся под рысьими шкурами, и на нагих круглых предплечьях повыше перчаток из кольчужной сетки. За спинами, тоже прикрытыми кольчужкой, торчали рукояти сабель.

Прыдавый постепенно, медленно согнул ноги в коленях, упустил нож на землю.

Из дыры в развалинах донесся грохот камней, скрежет, затем из тьмы вынырнули две руки, вцепившиеся в выдербленный край стены. Вслед за руками появилась голова с белыми, припорошенными кирпичной пылью волосами, затем бледное лицо и наконец рукоять меча, выступающая над плечом. Толпа шумела.

Белоголовый, горбатясь, вытащил из дыры удивительное существо — странное тело, покрытое пылью, напитавшейся кровью. Держа существо за длинный ядерный хвост, он молча бросил его к ногам тучного солтыса. Солтыс отскочил, споткнувшись о валяющийся кусок стены и не сводя глаз с искривленного птичьего клюва, перепончатых крыльев и серповидных когтей на чешуйчатых лапах.

— Василаск, — произнес белоголовый, отряхивая брюки от пыли. — Как договаривались. Извольте мои двести линтаров. Настоящих линтаров, не шибко фальшивых! Предупреждаю — проверю.

Солтыс дрожащими руками извлек мешочек. Белоголовый осмотрелся, на мгновение задержал взгляд на прыдавом, на валяющемся у его ног ноже, потом перевел взгляд на мужчину в коричневой накидке, на девушек в рысьих шкурах.

— Как всегда, — сказал он, принимая кошель из дрожащих рук солтыса. — Я для вас жизнью рискую ради паршивых денег, а вы тем временем подбираетесь к моим вешичкам. Никогда, пропади вы пропадом, не изменитесь.

— Мы не трогали, — забормотал резник, пятясь. Двое с дубинками уже давно растворились в толпе. — Не трогали мы ваши вещи, милсдарь.

— Весьма рад, — усмехнулся белоголовый. При виде его улыбки, расцветающей на бледном лице, как распускающаяся роза, толпа стала быстро рассеиваться. — И потому, братец, я тебя тоже не трону. Иди с миром. Только быстро.

Прыщавый, пятясь, собрался бежать. Прыщи неприятно выделялись на его побледневшей физиономии.

— Эй, погоди-ка, — бросил ему человек в коричневой накидке. — Ты кое о чем забыл.

— О чем, милсдарь?

— Ты поднял на меня нож.

Одна из девушек, та, что повыше, вдруг качнулась на широко расставленных ногах и развернулась. Сабля, выхваченная неведомо когда, резко просвистела в воздухе. Голова прыщавого взмыла и по крутой дуге упала в зияющий провал, ведущий в подземелья. Тело быстро и тяжело, как срубленный ствол, рухнуло в кирпичный бой. Толпа ахнула. Вторая девушка, держа руку на рукояти сабли, ловко обернулась, защищая тыл. Это было ни к чему. Люди, спотыкаясь и кувыркаясь на развалинах, мчались что было сил к городку. Впереди внушающими уважение прыжками неся солтыс, всего на несколько сажен опережая огромного резника.

— Прекрасный удар, — холодно прокомментировал белоголовый, рукой в черной перчатке прикрывая глаза от солнца. — Прекрасный удар зерриканской саблей. Склоняю голову пред ловкостью и красотой свободных воительниц. Я — Геральт из Ривии.

— А я, — незнакомец в коричневой накидке указал на грудь, где красовался выцветший герб в виде трех черных птиц, сидящих рядом на однотонном золотом поле, — Борх по прозвищу Три Галки. А это мои девочки, Тэя и Вэя. Так их называю я, об их настоящие имена можно язык сломать. Обе, как вы догадались, зерриканы.

— Если б не они, я, похоже, остался бы и без коня, и без имущества. Благодарю вас, воительницы. Благодарю и вас, благородный господин Борх.

— Три Галки. И никаких господ. Тебя что-нибудь держит в здешних краях, Геральт из Ривии?

— Отнюдь.

— Прекрасно. Предлагаю: тут неподалеку, на перекрестье дороги к речному порту, есть трактир, «Под Задумчивым Драконом» называется. Тамошней кухне нет равных на сто верст окрест. Я как раз направляюсь туда перекусить и заночевать. Буду рад, если составишь компанию.

— Борх, — белоголовый отвернулся от коня, глянул в светлые глаза незнакомца, — не хочу, чтобы между нами вкралась какая-либо неясность. Я — ведьмак.

— Догадываюсь. А произнес ты это так, будто сообщил: я — прокаженный.

— Встречаются и такие, — медленно проговорил Геральт, — что предпочитают компанию прокаженных обществу ведьмака.

— Есть и такие, — засмеялся Три Галки, — которые предпочитают овец девушкам. Что ж, им можно только посочувствовать. И тем и другим. Повторяю предложение.

Геральт снял перчатку, пожал протянутую ему руку.

— Принимаю. Рад знакомству.

— Ну так в путь. Я голоден как волк.

2

Трактирщик протер тряпкой шершавые доски стола, поклонился и улыбнулся. У него недоставало двух передних зубов.

— Та-а-ак. — Три Галки какое-то время разглядывал закопченный потолок и копошащихся под ним пауков. — Та-а-ак... Для начала... Для начала пиво. Ну чтобы дважды не ходить, полный бочонок. А к пиву... Что можешь предложить к пиву, дорогуша?

— Сыр? — рискнул трактирщик.

— Не-а, — поморщился Борх. — Сыр будет на десерт. К пиву надо бы что-нибудь кисленького и остренького.

— Тогда так. — Трактирщик улыбнулся еще шире. Два передних зуба были не единственными, которых у него не доставало. — Угорьки с чесноком в масле и уксусе либо маринованные стручки зеленого перца.

— Порядок. И то и другое. А потом суп, такой, как я когда-то тут едал, в нем еще плавали разные там улиточки, рыбки и другая шикарная дрянь.

— Уха плотогонов?

— Во-во. А потом печенку с яичницей и луком. А потом кучу раков. Укропу засыпь в котел сколько влезет. А потом сыр и салат. А потом... ну там видно будет.

— К вашим услугам. Для всех? Четыре раза, стало быть?

Зерриканка, что повыше, отрицательно покачала головой, многозначительно похлопала себя по талии, обернутой плотно прилегающей льняной рубашкой.

— Забыл! — Три Галки подмигнул Геральту. — Девочки блюдут линию. Хозяин, печенку только для нас. Пиво давай сразу, вместе с угорьками. С остальным маленько повремени, чтоб не стыло. Мы пришли не обжираться, а просто провести время в приятной беседе.

— Понято. — Трактирщик снова поклонился.

— Расторопность — важная штука в твоем деле. Давай руку, дорогуша.

Звякнули золотые монеты. Трактирщик разинул рот до предела возможного.

— Это не аванс, — сообщил Три Галки. — Это за понятливость. А теперь жми на кухню, парень.

В эркере было тепло. Геральт расстегнул пояс, сбросил кафтан и закатал рукава рубахи.

— Похоже, — сказал он, — ты не страдаешь отсутствием наличных. Живешь привилегиями рыцарства?

— Частично, — усмехнулся Три Галки, не входя в детали. — Частично.

Быстро управившись с угорьками и четвертью бочонка. Зерриканки тоже не скромничали, явно повеселели и начали перешептываться. Взя, та, что повыше, вдруг рассмеялась.

— Девочки говорят на всеобщем? — тихо спросил Геральт, косясь на них краешком глаза.

— Слабо. И не болтливы. Что похвально. Ну как тебе суп, Геральт?

— Угу...

— Выпьем?

— Угу...

— Геральт, — Три Галки отложил ложку и воспитанно рыгнул, — вернемся ненадолго к нашему дорожному разговору. Я понял, что ты, ведьмак, путешествуешь с одного конца света на другой, а по пути, если попадетсЯ какое-нибудь чудовище, убиваешь. И на это живешь. В том и состоит ведьмачья профессия?

— Более-менее.

— А случается, что тебя специально куда-нибудь вызывают? Ну, скажем, по особому заказу. И ты едешь и выполняешь?

— Зависит от того, кто вызывает и зачем.

— И за сколько?

— Тоже верно, — ведьмак пожал плечами. — Все дорожает, а жить надо, как говаривала одна моя знакомая колдунья.

— Довольно четкий подход, я бы сказал, очень практичный. А ведь в основе лежит какая-то идея, а, Геральт? Конфликт сил Порядка с силами Хаоса, как говаривал один мой знакомый колдун. Полагаю, ты выполняешь некую миссию, защищаешь людей от Зла всегда и везде. Без разбора. Стоишь по четко определенную сторону... частокола.

— Силы Порядка, силы Хаоса. Какие громкие слова, Борх. Тебе обязательно надо поставить меня по какую-то сторону частокола в конфликте, который, как считается, извечен, начался задолго до нас и продлится, когда нас уже не будет. На чьей стороне стоит кузнец, когда подковывает коней? Или наш трактирщик, который уже мчитсЯ сюда с чутуном баранины? Что, по-твоему, определяет границу между Хаосом и Порядком?

— Все очень просто. — Три Галки посмотрел ему в глаза. — Хаос есть угроза, сторона агрессивная, Порядок же — сторона, которой угрожают, требуя защиты. Давай выпьем. И возьмемсЯ за агнца.

— Верно!

Блюдущие линию зерриканки устроили перерыв, который в ускоренном темпе заполнили пивом. Взя, наклонившись к плечу

подруги, снова что-то шепнула, касаясь косичкой столешницы. Тая, та, что пониже, громко рассмеялась, весело прищуриив татуированные веки.

— Да, — сказал Борх, обгладывая кость. — Продолжим беседу, если не возражаешь. Я понял, ты не стремишься встать на сторону какой-либо из Сил. Просто делаешь свое дело.

— Делаю.

— Но от конфликта между Хаосом и Порядком не убежишь. Ты — не кузнец, хоть и использовал такое сравнение. Я видел, как ты работаешь. Входишь в подземелье в руинах и выносишь оттуда усекновенного василиска. Есть, дорогуша, разница между подковыванием лошадей и уничтожением василисков. Ты сказал, что за соответствующую плату помчишься на край света и прикончишь чудовище, на которое тебе укажут. Предположим, свирепого дракона, опустошающего...

— Неудачный пример, — прервал Геральт. — Видишь ли, ты с самого начала напутал с Хаосом и Порядком. Драконов, которые, несомненно, представляют Хаос, я не убиваю.

— Как же так? — Три Галки облизнул пальцы. — Чего это вдруг? Ведь среди всех чудовищ дракон, пожалуй, самый вредный, самый жестокий и самый яростный. Самый что ни на есть отвратный гад. Нападает на людей, пышет огнем и похищает этих, как их, ну девиц, ежели такие найдутся. Мало, что ли, рассказов слышал? Не может быть, чтобы ты, ведьмак, не записал на свой счет парочку драконов.

— Я не охочусь на драконов, — сухо сказал Геральт. — Вилохвостов, ослизгов, летюг. И на истинных драконов тоже — зеленых, черных, красных. Прими это к сведению, и все тут.

— Ты меня удивил, — сказал Три Галки. — Ну ладно, принял к сведению. Впрочем, повременим с драконами, я вижу на горизонте нечто красное, это, несомненно, наши раки. Выпьем!

Они с хрустом рвали зубами красные панцири, высасывали белое мясо. Сильно щекочущая губы соленая вода бежала даже по кистям рук. Борх наливал пиво, уже задевая черпаком дно бочонка. Зерриканки еще больше развеселились, зыркали глазами по трактиру, злое еще ухмыляясь, ведьмак был уверен, что они ищут повода учинить скандал. Три Галки тоже, видимо,

это заметил, потому что вдруг пригрозил им раком, взятым за хвост. Девушки захихикали, а Тэя, выпятив губки будто для поцелуя, сделала глазки — при ее татуированной физиономии картинка была довольно жутенькая.

— Дикие, ну прям лесные коты, — буркнул Три Галки. — За ними нужен глаз да глаз. У них, дорогуша, раз-два — и на полу куча кишок. Но стоят любых денег. Если бы ты знал, на что они способны...

— Знаю, — кивнул Геральт. — Лучшего эскорта не сыскать. Зерриканки — прирожденные воины, их с детства натаскивают на драку.

— Я не о том. — Борх сплюнул на стол рачью лапку. — Я имел в виду, какие они в постели.

Геральт беспокойно глянул на девушек. Обе улыбались. Взя молниеносным, почти незаметным движением потянулась к тарелке. Глядя на ведьмака прищуренными глазами, с хрустом разгрызла панцирь. Ее губы блестели от соленой воды. Три Галки опять громко рыгнули и сказали:

— Итак, Геральт, на драконов ты не охотишься, ни на зеленых, ни на черных, ни на красных. Принял к сведению. А почему, позволь поинтересоваться, только на эти три цвета?

— Четыре, если быть точным.

— Ты упоминал три.

— Тебя интересуют драконы, Борх? Есть какая-то особая причина?

— Нет, просто любопытство.

— Угу. А что до цветов, то так принято классифицировать истинных драконов. Хоть это и не совсем точно. Зеленые драконы, самые распространенные, скорее серые, как обычные ослизги. У красных фактически красноватый или кирпичный цвет. Больших драконов темно-коричневого цвета принято называть черными. Самые редкие — белые драконы, мне такой никогда не встречался. Они держатся далеко на севере. Якобы.

— Интересно. А знаешь, о каких драконах я еще слышал?

— Знаю. — Геральт отхлебнул пива. — О тех же, о которых слышал и я. О золотых. Таких нет.

— Почему ты так утверждаешь? Только потому, что никогда не видел? Белого ты тоже не видел.

— Не в том дело. За морями, в Офире и Зангвешаре, есть белые лошади в черную полоску. Их я тоже никогда не видел, но знаю, что они существуют. А вот золотой дракон — существо мифическое. Легендарное. Как, скажем, феникс. Фениксов и золотых драконов не бывает.

Вэя, поставив локти на стол, с интересом глядела на него.

— Надо думать, ты знаешь, о чем говоришь. Ты же ведьмак. — Борх набрал пива из бочки. — Однако, я думаю, у каждого мифа, у каждой легенды должны быть какие-то корни. И у этих корней что-то лежит.

— Лежит, — согласился Геральт. — Чаще всего мечта, желание, тоска. Уверенность, что нет предела возможному. А иногда — случай.

— Именно что случай. Может, когда-то и был золотой дракон, единичная, неповторимая мутация?

— Если и так, то его постигла судьба всех мутантов, — отвернулся ведьмак. — Он чересчур отличался от других, чтобы выжить.

— Ха! — произнес Три Галки. — Теперь ты противодишь законам природы, Геральт. Мой знакомый колдун говаривал, что в природе у каждого существа есть продолжение и оно, существо, стало быть, выдюжит тем или иным образом. Конец одного — это начало другого, нет предела возможному, во всяком случае, природе таковые незнакомы.

— Крупным оптимистом был твой знакомый колдун. Только одного он не принял во внимание: ошибки, которую совершила природа. Или те, кто с ней играл. Золотой дракон и другие подобные мутанты если и существовали, то сохраниться не могли. Ибо мешала тому сама природа, предел возможного.

— Что еще за предел?

— Мутанты, — на скулах Геральта заиграли желваки, — мутанты стерильны, Борх. Только в легендах может выжить то, что в природе выжить не может. Только легенде и мифу не ведомы пределы возможного.

Три Галки молчали. Геральт взглянул на девушек, на их вдрут посерьезневшие лица. Вэя неожиданно наклонилась к нему, схватила его шею жесткой мускулистой рукой, прикоснулась к щеке губами, влажными от пива.

— Любят они тебя, — медленно проговорил Три Галки. — Пусть меня скособочит, они тебя любят!

— Что тут странного? — грустно улыбнулся ведьмак.

— Ничего. Но это надо обмыть. Хозяин! Еще бочонок!

— Куда ты! Ну разве что кувшин.

— Два кувшина! — рявкнул Три Галки. — Тэя, я на минуточку выйду.

Зерриканка встала, подняла с лавки саблю, окинула за тоскливым взглядом. Хоть до того, как заметил ведьмак, несколько пар глаз хищновато разгорелись при виде пухлого кошельа, никто не решился выйти вслед за Борхом, нетвердой походкой направлявшимся к выходу во двор. Тэя пожала плечами и последовала за работодателем.

— Как тебя по-настоящему зовут? — спросил Геральт оставшуюся за столом Вэю. Девушка сверкнула белыми зубами. Рубаха у нее была расшнурована почти до пределов возможно-го. Ведьмак не сомневался, что это очередной вызов залу.

— Альвэаэнэрле.

— Красиво. — Ведьмак был уверен, что зерриканка сложит губки бантиком и подмигнет. И не ошибся. — Вэя?

— А?

— Почему вы ездите с Борхом? Вы, свободные вонтели-ницы? Ты можешь ответить?

— Хм...

— Что «хм»?

— Он... — Зерриканка собрала лоб в складки, пытаясь отыскать слово. — Он... самый... красивый.

Ведьмак кивнул. Критерии, на основании которых женщины оценивали привлекательность мужчин, не впервой ставили его в тупик.

Три Галки ввалился в эркер, на ходу застегивая штаны и громко отдавая распоряжения трактирщику. Державшаяся в двух шагах позади Тэя, прикидываясь утомленной, осматривала залу, купцы и плотогонны старательно избегали ее взглядов. Вэя высасывала очередного рака, то и дело бросая на ведьмака многозначительные взгляды.

— Я заказал еще по утру, теперь жареному. — Три Галки тяжело опустился на стул, позвякивая незастегнутым поясом. —

Намучился я с этими раками и вроде бы проголодался. И договорился тут для тебя о ночлеге. Какой смысл тащиться ночью. Еще повеселимся. Ваше здоровье, девочки.

— Vessekheal, — сказала Вэя, подняв кубок. Тэя подмигнула и потянулась, при этом ее захватывающий дух бюст, против ожиданий Геральта, не разорвал рубаху.

— Повеселимся. — Три Галки перегнулся через стол и шлепнул Тэю по задку. — Повеселимся, ведьмак. Эй, хозяин, а ну жми сюда!

Трактирщик быстро прибежал, вытирая руки фартуком.

— Бадья у тебя найдется? Такая, для стирки, крепкая и большая?

— Сколь большая, господин?

— На четверых...

— На... четверых... — Трактирщик разинул рот.

— На четверых, — сказал Три Галки, вынимая из кармана пузатый мешочек.

— Найдется, — облизнулся трактирщик.

— Ну и чудно, — рассмеялся Борх. — Вели отнести ее наверх в мою комнату и наполнить горячей водой. Быстро, дорогуша. И пива вели тоже туда отнести, три кувшина.

Зерриканки захохотали и одновременно подмигнули.

— Которую хочешь? — спросил Три Галки. — Ну? Которую? Ведьмак поскреб затылок.

— Знаю, трудно выбрать, — с пониманием сказал Три Галки. — Я и сам порой колеблюсь. Ладно, разберемся в бадье. Эй, девочки! Помогите подняться по лестнице!

3

На мосту был заслон. Дорогу перегораживало длинное крепкое бревно, лежащее на деревянных козлах. Перед ним и за ним стояли алебардисты в кожаных, украшенных шишками куртках и островерхих шлемах с прикрывающими шею кольчугами. Над дорогой лениво шевелилось пурпурное полотнище со знаком серебряного грифа.

— Что за черт? — удивился Три Галки, шагом подъезжая к бревну. — Проезда нет?

— Грамота есть? — спросил стоявший ближе других алебардист, не вынимая изю рта прутик, который жевал то ли с голоду, то ли ради того, чтобы убить время.

— Какая Грамота? Что такое, мор, что ли? Иль война? Кто приказал перекрыть дорогу?

— Король Недамир, властитель Каингорна. — Стражник перебросил прутик в другой угол рта и указал на хорутвь. — Без Грамоты в горы не можно.

— Идиотизм какой-то, — сказал Геральт утомленным голосом. — Здесь же не Каингорн, а Голопольские владения. Голополье, а не Каингорн взимает пошлину с мостов через Браа. При чем тут Недамир?

— Не ко мне вопрос, — стражник выплюнул прутик. — Не мое дело. Мне только Грамоту проверить. Хотите — говорите с десятником.

— А где он?

— Вона там, за хозяйством сборщика пошлины на солнышке греется, — сказал алебардист, глядя не на Геральта, а на голые бедра зерриканок, лениво потягивающихся в седлах.

За домом сборщика пошлины на сохнувших бревнах сидел стражник, концом древка алебарды выводящий на песке женщину, вернее, ее фрагмент в весьма своеобразном ракурсе. Рядом, нежно касаясь струн лютни, полулежал худощавый мужчина в надвинутой на глаза фантазийной шапочке сливового цвета, украшенной серебряной пряжкой и длинным, нервно покачивающимся пером цапли.

Геральту были знакомы и эта шапочка, и это перо, известные от Буины до Ярути в замках, молельнях, на постоянных дворах, в корчмах и борделях. Особенно в борделях.

— Лютик!

— Ведьмак Геральт! — Из-под сдвинутой шапочки выглянули веселые синие глаза. — Надо же! И ты здесь? У тебя, случайно, Грамоты нет?

— Да что вы все носитесь с этой Грамотой? — соскочил с седла ведьмак. — Что тут происходит, Лютик? Мы хотели

перебраться на другой берег Браа, я, рыцарь Борх Три Галки и наше сопровождение. И, оказывается, не можем.

— Я тоже не могу. — Лютик встал, снял шапочку, с преувеличенной учтивостью поклонился зерриканкам. — Меня тоже не желают пропустить на другой берег. Меня, Лютика, известнейшего в радиусе тысячи верст менестреля и поэта, не пропускает этот вот десятник, тоже, как видите, жрец искусства.

— Никого без Грамоты не пуду, — понуро проговорил десятник, после чего дополнил рисунок последней, завершающей деталью, ткнув концом древка в песок.

— Ну и лады, — сказал ведьмак. — Проедем левым берегом. Правда, так до Хенгфорса дорога будет подальше, но что делать, на нет и суда нет.

— До Хенгфорса? — удивился бард. — Так ты, Геральт, не с Недамиром едешь? Не за драконом?

— За каким таким драконом? — заинтересовался Три Галки.

— Не знаете? Нет, серьезно? Ну, так надо вам обо всем рассказать, господа хорошие. Я все равно тут жду, может, проедет с Грамотой кто-нибудь из тех, кто меня знает, и позволит присоединиться. Присаживайтесь.

— Сейчас, — сказал Три Галки. — Солнце на три четверти от зенита, а у меня жажда, мочи нет. Не болтать же на сухую. Тэя, Вэя, вернитесь-ка рысью в городок и купите бочонок.

— Вы нравитесь мне, господин...

— Борх по прозвищу Три Галки.

— Лютик, именуемый Несравненным. Некоторыми девушками.

— Рассказывай, Лютик, — нетерпеливо бросил ведьмак. — Не торчать же тут до вечера.

Бард ухватил пальцами гриф лютни, резко ударил по струнам.

— Как предпочитаете, стихотворной речью или нормальной?

— Нормальной.

— Извольте. — Лютик тем не менее не отложил лютни. — Послушайте же, благородные господа, что случилось неделю тому неподалеку города вольного, Голопольем нареченного. Так вот, ранним утром, едва поднимающееся солнышко зарумянило висящие над полями и лугами покровы туманов...

— Ведь решили — нормальной! — напомнил Геральт.

— А разве нет? Ну ладно, ладно. Понимаю. Кратко, без метафор. На пастбища под Голополем повадился прилетать дракон.

— Э-э-э, — протянул ведьмак. — Что-то не верится. Уж сколько лет никто в тех местах не видывал драконов. А не были это обычные ослизг? Попадаются ослизги почти такие же большие...

— Не обижай, ведьмак. Я знаю, что говорю. Видел. Понимаешь, мне повезло, я как раз был в Голополе на ярмарке и видел все своими глазами. Баллада уже готова, но вы не хотели...

— Рассказывай. Большой был?

— В три конских тулова. В холке не выше лошади, но гораздо толще. Серый, как песок.

— Зеленый, стало быть.

— Ну да. Прилетел неожиданно, свалился прямо на отару овец, разогнал пастухов, задавил с дюжину животных, четырех зарезал и улетел.

— Улетел... — Геральт покачал головой. — И все? Конеч?

— Не конеч. На следующее утро прилетел снова, теперь уже поближе к городку. Спикировал на группу баб, стиравших белье на берегу Браа. Ух и драпали же они! В жизни своей так не смеялся. А дракон проделал три круга над Голополем и полетел на пастбища, там снова взялся за овец. Тут-то и началась паника и неразбериха, потому как до того мало кто верил пастухам. Ипат скликал местную милицию и цеховиков, но не успели они собраться, как народ взял дело в свои руки и прикончил дракона.

— Как?

— Весьма народным способом. Местный сапожник, Козо-ед, придумал, как доконать гадину. Забили овцу, напихали в нее чемерицы, волчьей ягоды, собачьей петрушки, серы и сапожного дегтя. Для верности местный аптекарь влил две кварты своей микстуры от чирьяков, а богослужитель из святилища Кревы прочитал над всей этой пакостью молитву. Потом поставили приготовленную таким образом овечку посреди стада и подперли колышками. По правде говоря, никто не верил, что

дракон клонет на это за версту смердящее дерьмо, но реальность превзошла все ожидания. Не удостоив вниманием живых и блеющих овечек, гад заглотал приманку вместе с колом.

— И что? Ну же, Лютик, говори.

— А я что? Ну вот. Прошло ровно столько времени, сколько требуется сноровистому мужику, чтобы расшнуровать дамский корсет, и дракон как примется рычать да пускать дымь передом и задом, подпрыгивать да пыгаться взлететь. Потом вдруг словно бы осовел и замер. Двое добровольцев отправились проверить, дышит ли еще отравленный гад, — местный могильщик и адепский дурачок, зачатый чокнутой дочкой дровосека и ротой кнехтов, проходивших через Голополье еще во времена правления воеводы Щукобоба.

— Ох, и заливаешь ты, Лютик!

— Не заливаю, а украшаю, а это разные вещи.

— Почти. Рассказывай, время уходит.

— Итак, как я сказал, могильщик и храбрый идиот отправились на разведку. Потом мы насыпали над ними небольшой, но радующий глаз курганчик.

— Так, — сказал Борх. — Стало быть, дракон еще жил?

— Эге, — весело сказал Лютик. — Жил. Но так ослаб, что не сожрал ни могильщика, ни полудиота, а только слизал с них кровь. А потом, ко всеобщему удивлению, улетел, поднявшись с немалым трудом. Взлетит локтей на полтораста — и хрясть об землю, да с грохотом, потом взлетит снова. Иногда брел, волоча лапы. Те, что посмелее, пошли за ним следом, не теряя его из виду. И знаете что?

— Ну, Лютик?

— Дракон скрылся в ущельях Пустульских гор, в районе истоков Браа и как в воду канул в тамошних пещерах.

— Все ясно, — сказал Геральт. — Дракон, вероятно, спал в тех пещерах несколько столетий летаргическим сном. Слышал я о таких случаях. Там же, скорее всего, хранятся его сокровища. Теперь понятно, почему алебардисты блокируют мост. Кому-то не терпится наложить лапу на его богатства. А этот «кто-то» — Недамир из Каингорна.

— Точно, — подтвердил трубадур. — Голополье аж бурлит, потому как там считают, что дракон и сокровища принад-

лежат им. Но боятся поссориться с Недамиром. Недамир — сопляк, еще даже бриться не начал, а уже успел показать, что с ним ссориться не с руки. А дракон, видать, ему потребен до зарезу, потому-то он так быстро и среагировал.

— Ты хотел сказать, не дракон, а сокровища.

— В том-то и дело, что больше дракон, чем сокровища. Потому что, понимаете, Недамир положил глаз на соседнее княжество, Маллеору. Там после неожиданной и странной смерти князя осталась княжна в возрасте, я бы сказал так: предпостельном. Вельможи из Маллеоры с неприязнью смотрят на Недамира и других претендентов, потому как знают, что новый властитель быстренько их обуздает, не то что малолетняя княжна. Вот они и раскопали где-то старое и пылью покрытое предсказание, будто митра и рука девушки положены тому, кто победит дракона. Поскольку дракона здесь никто давным-давно не видел, постольку все думали, что могут спать спокойно. Ясное дело, Недамир начинял бы на легенду и взял Маллеору силой, но когда разошлась весть о Голопольском драконе, он сообразил, что может побить маллеорских дворян их собственным оружием. Явись он с драконьей башкой в руках, народ встретил бы его как ниспосланного богами монарха, а вельможи не посмели бы и пикнуть. И после сказанного вы еще удивляетесь, что Недамир помчался за драконом, как кот с полным пузырем? К тому же за таким драконом, который уже и так еле ноги волочит? Для него это чистый подарок, улыбка судьбы, черт бы его побрал.

— А дороги перекрыл от конкурентов.

— Пожалуй. И от голопольцев. Но при этом по всей округе разослал конных с грамотами, адресованными тем, кто должен дракона прихлопнуть, потому как Недамир не горит желанием лично лезть в пещеру с мечом. Мигом собрали самых известных драконьеров. Многие тебе, вероятно, знакомы, Геральт.

— Возможно. Кто приехал?

— Эйк из Денесле — это раз.

— Скажите... — ведьмак тихо свистнул. — Богобоязненный и добродетельный Эйк, рыцарь без страха и упрека, собственной персоной.

— Ты его знаешь, Геральт? — спросил Борх. — Он что, действительно такой спец по драконам?

— Не только по драконам. Эйк управится с любым чудовищем. Он убивал даже мантихоров и грифов. Говорят, прикончил нескольких драконов. Силен рыцарь. Но здорово портит мне дело, курицын сын, потому как даже денег не берет. Кто еще, Лютик?

— Рубайлы из Криффрида.

— Ну, значит, дракону конец. Даже если он выкарабкался. Эта троица — та еще банда, дерутся не часто, но эффективно. Вымордовали всех ослизгов и вилохвостов в Редании, а попутно покончили с тремя красными и одним черным драконом, а это уже говорит о многом. Ну все?

— Нет. Присоединилась шестерка краснолюдов под командой Ярпена Зигрина.

— Его не знаю.

— Но о драконе Оквисте с Кварцевой горы слышал?

— Слышал. И видел камни из его сокровищницы. Были там сапфиры редчайшего оттенка и алмазы размером с черешню.

— Ну так знай, именно Ярпен Зигрин и его краснолюды уделали Оквиста. Об этом была сложена баллада, но слабая, не моя. Ежели не слышал, ничего не потерял.

— Все?

— Да. Не считая тебя. Ты утверждал, будто не знаешь о драконе, может, и верно. Ну теперь знаешь. И что?

— А ничего. Дракон меня не интересует.

— Ха! Хитер, Геральт. Все равно Грамоты-то у тебя нету.

— Повторяю, дракон меня не интересует. А ты, Лютик? Тебя-то что так тянет в те края?

— А как же иначе? — пожал плечами трубадур. — Надобно быть при событиях и зрелищах. О битве с драконом будут говорить. Но одно дело — сложить балладу на основе рассказов и совсем другое — если видел бой своими глазами.

— Бой? — засмеялся Три Галки. — И-эх! Что-то вроде забоя свиньи или разделки падали. Слушаю я вас и не могу в толк взять — знаменитые вояки мчатся сломя голову только для того, чтобы добить полудохлого дракона, отравленного каким-то хамом. Смех и слезы.

— Ошибаешься, — сказал Геральт. — Если дракон не пал от отравы на месте, значит, его организм уже нейтрализовал яд и дракон полностью восстановил силы. Впрочем, это не столь важно. Рубайлы из Кринфрида в любом случае его прикончат, но без боя, если хочешь знать, не обойдется.

— Значит, ставишь на рубайл, Геральт?

— Конечно.

— Как же, — усомнился молчавший до того стражник. — Драконище — существо магическое, и его иначе как колдовством не возьмешь. Уж если кто с ним и управится, так та волшебница, что проезжала тута вчера.

— Кто? — наклонил голову Геральт.

— Волшебница, — повторил стражник. — Я же сказал.

— Имя назвала?

— Угу. Только я позабыл. Грамота у нее была. Молодая, красивая, на свой манер, но глазищи... Сами знаете. Человека аж в дрожь кидает, когда такая на него зыркнет.

— Ты что-нибудь знаешь, Лютик? Кто это может быть?

— Нет, — поморщился бард. — Молодая, красивая, да еще и глаза. Тоже мне — приметы. Все они такие. Ни одна из тех, кого я знаю, а знаю я, поверь, многих, не выглядит старше двадцати пяти — тридцати, а ведь некоторые из них, слышал я, еще помнят те времена, когда бор шумел там, где теперь стоит Новиград. В конце концов, зачем существуют эликсиры из мандрагоры? Да и в глаза они себе тоже этот поскрип накапывают, чтобы блестили. Баба, она и есть баба.

— Не рыжая? — спросил ведьмак.

— Нет, господин, — ответил десятник. — Черная.

— А конь какой масти? Гнедой с белой звездочкой?

— Нет. Вороной. Как она. И вообще, говорю вам, она дракона прикончит. Дракон — работа для колдуна. Человеческая сила супротив него слаба.

— Интересно, что б на это сказал Козоед, — рассмеялся Лютик. — Сыдись у него под рукой что-нибудь покрепче чемерицы и волчьей ягоды, сегодня драконья шкура уже сушилась бы на голопольском частоколе, баллада была бы сложена, а я не парился бы здесь на солнце...

— Как получилось, что Недамир не взял тебя с собой? — спросил Геральт, искоса поглядывая на поэта. — Ты же был в Голополе, когда они отравлялись. Или король не любит артистов? Как вышло, что ты тут жарись, вместо того чтобы тренькать при королевском стремени?

— Виной тому некая юная вдова, — грустно сказал Лютик. — Черт бы ее побрал. Загулял я, а на другой день Недамир и прочие были уже за рекой. Прихватили даже Козоеда и лазутчиков из голопольской милиции, только обо мне забыли. Я толкую десятнику, а он свое...

— Есть Грамота — пускаю, — равнодушно проговорил алебардист, отливая на стену дома сборщика пошрины. — Нет Грамоты — не пускаю. Приказ такой...

— О, — прервал его Три Галки. — Девочки возвращаются с пивом.

— И не одни, — добавил, вставая, Лютик. — Гляньте, какой конь. Суций дракон!

Со стороны березовой рожицы галопом мчались зерриканки, а между ними всадник на крупном боевом беспокойном жеребце.

Ведьмак тоже поднялся.

На наезднике был фиолетовый бархатный кафтан с серебряными гаунами и короткий плащ, отороченный собольим мехом. Выпрямившись в седле, он гордо глядел на них. Геральту были знакомы такие взгляды. И не сказать, чтобы нравились.

— Приветствую вас. Я — Доррегарай, — представился наездник, медленно и с достоинством слезая с коня. — Мэтр Доррегарай. Чернокнижник.

— Мэтр Геральт. Ведьмак.

— Мэтр Лютик. Поэт.

— Борх по прозвищу Три Галки. А с моими девочками — они вон там вынимают пробку из бочонка — ты уже познакомился, мэтр Доррегарай.

— Действительно, — не улыбувшись, проговорил чародей. — Мы обменялись поклонами, я и прелестные вонтельницы из Зеррикании.

— Ну и славно. — Лютик роздал кожаные кубки, которые принесла Вэя. — Выпейте с нами, мэтр чародей. Господин Борх, десятнику тоже налить?

— Конечно. Иди к нам, вояка.

— Я думаю, — проговорил чернокнижник, благовоспитанно отхлебнув небольшой глоток, — что к заставе на мосту вас привела та же цель, что и меня?

— Если вы имеете в виду дракона, мэтр, — сказал Лютик, — то так и есть. Я собираюсь сложить балладу на месте. Увы, вот этот десятник, человек, видно, неотесанный, не желает пропускать. Требуется Грамоты. И все тут.

— Прощения просим. — Алебардист выпил свое пиво, причмокнул. — У меня приказ никого без Грамоты не пропускать. А похоже, уже все Голополье скучилось тут с телегами и готово отправиться в горы за драконом. У меня приказ...

— Твой приказ, солдат, — насутился Доррегарай, — касается только орущей гольтбы, распутных девок, которые распространяют болезни, воров, подонков общества и гуляк. Но не меня.

— Без Грамоты никого не пропущу, — нахмурился десятник. — Клянусь...

— Не клянись, — прервал Три Галки. — Лучше выпей-ка еще. Тэя, налей этому мужественному воину. И давайте присядем, милостивые государи. Пить стоя, торопливо и без соответствующей торжественности не пристало благородным людям.

Расселись на тюках вокруг бочонка. Алебардист, свежавозведенный в благородные, покраснел от удовольствия.

— Пей, боевой сотник, — поторапливал Три Галки.

— Я вроде бы десятник, не сотник. — Алебардист еще больше покраснел.

— Но будешь сотник, пренебреженно, — осклабился Борх. — Парень ты хват, башковитый, мигом дорастешь.

Доррегарай, отказавшись от добавки, повернулся к Геральту.

— В городишке все еще толкуют о василиске, уважаемый ведьмак, а ты, вижу, уже на дракона замахнулся, — тихо сказал он. — Интересно, тебе позарез нужны наличные или ты из чистого удовольствия забиваешь существа, которым угрожает вымирание?

— Странное любопытство, — ответил Геральт, — в устах того, кто сломя голову мчит, чтобы успеть выбить у зарезанного дракона зубы, столь ценные при изготовлении колдовских

снадобий и эликсиров. А правда ли, уважаемый мэтр, что лучшие зубы те, которые выбивают у живого дракона?

— Ты уверен, что я еду ради этого?

— Уверен. Но тебя уже опередили, Доррегарай. Тут успела проследовать твоя коллега с Грамотой, каковой ты, к примеру, не имеешь. Черноволосая, ежели тебя это интересует.

— На вороном коне?

— Кажется.

— Йеннифэр, — недовольно буркнул Доррегарай. Ведьмак незаметно для всех вздрогнул.

Наступившую тишину прервала отрыжка будущего сотника.

— Никого... этта... без Грамоты...

— Двести линтаров хватит? — Геральт спокойно вытащил мешочек, полученный за василиска от тучного солтыса.

— Геральт, — загадочно улынулся Три Галки. — Так все-таки...

— Прости, Борх. Сожалею, но я не поеду с вами в Хенгфорс. Может, другим разом. Может, еще встретимся.

— Ничего не влечет меня в Хенгфорс, — медленно произнес Три Галки. — Ну вовсе ничего, Геральт.

— Спрячьте свой мешок, милсдарь, — грозно произнес будущий сотник. — Это взятка и ничего боле. И за триста не пропушу.

— А за пятьсот? — Борх вынул свой мешочек. — Спрячь мешок, Геральт. Я заплачу пошлину. Меня это начало забавлять. Пятьсот, господин солдат. По сто со шуки, считая моих девочек за одну прелестную штуку. А?

— Ой-ей-ей, — запричитал будущий сотник, пряча под курточку мешочек Борха. — Что я королю скажу?

— Скажешь, — молвил Доррегарай, выпрямляясь и вынимая из-за пояса изящную костяную палочку, — что удар тебя хватил, как только ты увидел.

— Что, господин?

Чародей взмахнул палочкой, выкрикнул заклинание. Сосну, росшую на прибрежном откосе, моментально охватило бушующее пламя.

— По коням! — Лютик запрыгнул в седло, закинул лютию за спину. — По коням, господа! И... дамы!

— Убирай шлагбаум! — рывкнул на алебардистов разом разбогатевший десятник, имеющий солидные шансы стать сотником.

На мосту, за заслоном, Взя натянула поводья, конь загарцевал, застучал копытами по бревнам. Девушка, размахивая косичками, что-то пронзительно крикнула.

— Верно, Взя! — отозвался Три Галки. — Вперед, милсдари, по коням! Поедем по-зеррикански, с грохотом и свистом!

4

— Ну, гляньте-ка, — сказал старший из рубайл, Богольт, кряжистый и грузный, словно ствол старого дуба. — Недамир не прогнал вас на все четыре стороны, а ведь я был уверен, что поступит именно так. Ну что ж, не нам, худородным, оспаривать королевские решения. Просим к костру. Устраивайте лежанки, парни. А так, между нами, ведьмак, о чем ты с королем болтал?

— Ни о чем, — сказал Геральт, удобнее пристраиваясь спиной к подтянутому ближе к костру седлу. — Он даже из палатки не вышел. Послал только своего фактотума, как там его...

— Гилленстерна, — подсказал Ярпен Зигрин, крепкий, бородатый краснолюд, подкладывая в костер огромный смолистый пенёк, который приволок из зарослей. — Фанфарон надутый. Жирный хряк. Когда мы присоединились, он явился, нос до неба, фу-фу, говорит, не забывайте, говорит, краснолюды, кому тут подчиняться следует, говорит, здесь король Недамир распоряжается, а его слово — закон, ну и так далее. Я стоял, слушал и думал: велю своим парням повалить его на землю и сдеру с него плащ. А потом раздумал: ну его, снова шум пойдет, мол, краснолюды зловердные, агрессивные, мол, сукины дети, и с ними невозможно это, ну как его, сосуту... стосуществовать... или как там. И обратно где-нито учинят погром, в городишке каком-нибудь. Ну и стал я вежливенько слушать, головой кивать.

— Похоже, господин Гилленстерн ничего другого и не умеет, — вставил Геральт, — потому что и нам сказал то же самое и нам тоже оставалось только кивать.

— А по-моему, — проговорил второй из рубайл, расстеляя попону на куче хвороста, — лучше б вас Недамир прогнал. Народищу прется на того дракона, страх сколько. Это уже не экспедиция, а поход на жальник. Я, к примеру, в толкучке биться не обожаю.

— Успокойся, Нищука, — сказал Богольт. — С народом топтать лучше. — Ты, что ль, никогда на драконов не ходил? На них завсегда тьма народу тянется, целая ярманка, прям-таки бурдель на колесах. А как только гад нос высунет, сам знаешь, кто на поле остается. Мы и никто боле.

Богольт на минуту замолчал, как следует хлебнул из большой оплетенной бутылки, шумно высморкался, откашлялся.

— Другое дело, известно, что порой только апосля того, как дракона прикончат, начинается потеха и резня, и головы летят, как груши. Как начнут сокровища делить, тут уж охотники прут друг на друга. Ну что, Геральт? Эй! Я прав? Ведьмак, с тобой говорю-то.

— Известны мне такие случаи, — сухо подтвердил Геральт.

— Известны, говоришь? Не иначе как с чужих слов, потому как не слышал я, чтоб ты когда на драконов охотился. Сколь ни живу, не слышал, чтобы ведьмак на дракона ходил. Тем более странно, что ты сюда явился.

— Верно, — прожедил сквозь зубы Кеннет по прозвищу Живодер, самый младший из рубайл. — Чудно чтой-то. А мы...

— Погодь, Живодер. Сейчас я говорю, — прервал его Богольт. — Впрочем, шибко-то разводить не собираюсь. Ведьмак и так понял, что к чему. Я его знаю, и он меня знает, пока-то мы друг дружке дорогу не перебегали и, мыслю, не будем. Потому как, заметьте, парни, ежели б, к примеру, я захотел ведьмаку в деле помешать либо добычу из-под носа увести, то ведьмак-то с ходу б меня своей ведьмачьей бритвой секанул и имел бы право. Я верно говорю?

Никто не подтвердил, но и не отрицал. Похоже, Богольту не очень-то это и нужно было.

— Ну само собой, кучей-то топать весельше, как я сказал. И ведьмак может в кумпании сгодиться. Окрута дикая, безлюдная, а вдруг да выскочит на нас какая-никакая химера аль жряк какой, а то и упырь, и могут дел наделать. А ежели тута Геральт будет, то никаких хлопот не жди, потому как это его специальность. А вот дракон — не его специальность. Я верно говорю?

Снова никто не подтвердил и не отрицал.

— Господин Три Галки, — продолжал Богольт, передавая бутылъ краснолюду, — едет с Геральтом, и мне этого достаточно. Рекомендация вполне... Так кто вам мешает, Нищука, Живодер? Не Лютик же?

— Лютик, — сказал Ярпен Зигрин, подавая барду бутылъ, — завсегда приклепает где чего интересного творится, и все знают, что он не помешает, не поможет и не задержит. Он что-то вроде репья на собачьем хвосте. Нет, ребята?

«Ребята», бородатые и квадратные краснолюды, захохотали, тряся бородами. Лютик сдвинул шапочку на затылок и хлебнул из бутылки.

— О-о-ох, зараза, — хватил он ртом воздух. — Дух перехватывает. Из чего вы ее гоните, из скорпионов?

— Одно мне не нравится, Геральт, — сказал Живодер, принимая бутылъ от менестреля. — То, что ты колдуна суды притащил. Тут уж от колдунов скоро продыху не будет.

— Верно, — подхватил краснолюд. — Живодер верно толкует. Этот Доррегарай нужен нам как свинье седло. У нас уже есть своя ведьма, собственная, благородная Йеннифэр, тьфу, тьфу.

— Угу, — проворчал Богольт, почесывая бычьей шеей, с которой только что снял ошейник, утыканный железными шипами. — Колдунов-то тут уже по горлышко. Аккурат на две штуки больше, чем надѣть. И что-то уж больно липнут они к нашему Недамиру. Гляньте только, мы тут под звездочками, у костра, а они, изволите видеть, в тепле, в королевской палатке уже шушукуются, умники. Недамир, ведьма, колдун и этот Гилленстерн. А похуже всех — Йеннифэр. И чего они шушукуются? А того, как нас объегорить, вот чего.

— И мясо косуль жрут, — утрюмо вставил Живодер. — А мы чего ели-то? Сурка. А сурок, он чего? Он крыса и ничего боле. Так чего мы жрали? Крысу!

— Не беда, — сказал Ниидука. — Скоро драконьего хвоста отведаем. Ничего нету лучше, как драконий хвост, запеченный на угольях.

— Йеннифэр, — продолжал Богольт, — паршивая, зло-вредная и зубастая баба. Не то что твои девочки, милсдарь Борх. — Энти тихие и милые, вона, гляньте, сидят себе рядышком с лошадьми, сабли вострят, а я проходил, шутку кинул — улыгнулись, зубки показали. Да, им-то я рад, не то что Йеннифэрихе, та все чегой-то затевает, надумывает... Говорю вам, парни, надоть присматриваться, а то весь наш уговор коту под хвост пойдет.

— Какой уговор, Богольт?

— Ну что, Ярпен, сказать ведьмаку-то?

— Не вижу супротив показатиев, — учено выразился краснолюд.

— Водяра кончилась, — вставил Живодер, переворачивая бутыль вверх дном.

— Так тащи еще. Ты самый молодой. А уговор-то, Геральт, мы придумали, потому как мы не наемники и никакие там не платные холопы, и не пошлет нас Недамир на дракона, кинув под ноги пару шпук золота. Правда такова, что мы одолеем дракона без Недамира, а вот Недамир без нас не одолеет. А отседова следует, кто стоит больше и чья доля должна быть больше. И мы, сталбыть, решили честно — те, кто врукопашную пойдут и дракона уложат, берут половину. Недамир, учитывая благородное происхождение и титул, берет четверть. В любом случае. А остальные, ежели будут помогать, поровну поделят оставшуюся четверть промежду собой. Что ты об этом думаешь?

— А что об этом думает Недамир?

— Не сказал ни да ни нет. Но лучше пусть уж не лезет, хлюст. Я ему, дескать, сам он на дракона не пойдет, должен положиться на профессионалов, то бишь, на нас, рубайл, да на Ярпена с парнями. Мы, а не кто иной, сойдемся с драконом на длину меча. Остальные, в том числе и колдуны, если помогут, поделят меж собой четверть сокровищев.

— Кроме колдунов вы кого еще включаете в число остальных? — заинтересовался Лютик.

— Уж конечно, не музыкантов и рифмоплетов, — хохотнул Ярпен Зигрин. — Тех, кто работает топором, а не лютней.

— Та-а-ак, — протянул Три Галки, глядя в звездное небо. — А чем поработает сапожник Козоед и его сброд?

Ярпен Зигрин сплюнул в костер и проворчал что-то по-краснолюдски.

— Милиция из Голополя знает тутошние горы и сойдет за провожатых, — тихо сказал Богольт, — потому справедливо будет допустить их к дележке. А вот с сапожником-то дело другое. Понимаете, будет паршиво, ежели хамы решат, что как только в округе появится дракон, то вместо того, чтобы слать за спецами, можно просто сунуть ему отраву и продолжать с девками в кустах озоровать. Ежели такой порядок распространится, то нам не иначе как на побирушки придется идти. Э?

— Правда, — добавил Ярпен. — Потому, говорю вам, с энтим сапожником должно случиться что-нибудь, пока он, трахнутый, в легенду не попал.

— Должно случиться, стало быть, случится, — убежденно сказал Нищука. — Это на мне.

— А Лютик, — подхватил краснолюд, — задницу ему в балладе обработает, на смех подымет. Чтоб осрамить во веки веков.

— Об одном вы забыли, — сказал Геральт. — Есть тут один, кто может вам все попутать. Который ни на какие дележки и договора не пойдет. Я об Эйке из Денесле. С ним вы говорили?

— О чем? — проскрипел Богольт, поправляя палкой поленья в костре. — С Эйком, Геральт, не поговоришь. Его дела не интересуют.

— Подъезжая к вашему лагерю, — сказал Три Галки, — мы встретили его. Он в полном вооружении стоял коленями на камнях и не отрывал глаз от неба.

— Он всегда так, — сказал Живодер. — Размышляет или молится. Говорит, так надо, потому как боги наказали ему людей от худа оберегать.

— У нас в Кринфриде, — буркнул Богольт, — таких в телятнике держат на цепи и дают куски угля, тогда они на

стенах разные разности малюют. Но довольно о ближних сплетничать, поговорим об интересе.

В круг света беззвучно ступила закутанная в шелковый плащ невысокая молодая женщина с черными волосами, покрытыми золотой сеточкой.

— Чем это тут так несет? — спросил Ярпен Зигрин, прикидываясь, будто ее не видит. — Не серой ли?

— Нет. — Богольт демонстративно потянул носом, глядя в сторону. — Мускус или что-то вроде.

— Нет, пожалуй, это... — поморщился краснотол. — Ах! Так это ж благородная госпожа Йеннифэр! Здравсьте, здравсьте!

Чародейка медленно обвела взглядом собравшихся, на мгновение задержала блестящие глаза на ведьмаке. Геральт еле заметно улыбнулся.

— Позвольте присесть?

— Что за вопрос, благотельница вы наша, — сказал Богольт и икнул. — Присядьте вот тут, на седле. Сдвинь зад, Кеннет, и подай благородной колдунье седло.

— Вы тут о делах, я слышу. — Йеннифэр уселась, вытянув стройные ноги в черных чулках. — Без меня?

— Не смели, — сказал Ярпен Зигрин, — беспокоить столь важную особу.

— Ты, Ярпен, — прищурилась Йеннифэр, повернувшись к краснотолу, — лучше б помолчал. С первого дня ты делаешь вид, будто меня вообще не существует, так уж и продолжай в том же духе, не утруждай себя.

— Да что вы, госпожа! — Ярпен показал в улыбке неровные зубы. — Как можно! Да пусть меня клеи лесные покусают, ежели я не трактирую, нет, не тракую вас лучше, чем нежели воздух. Воздух, к примеру, мне случается испортить, а касательно вас я б себе этого ни в коем разе не позволил.

Бородатые «ребята» зашлись хохотом, но тут же замолкли, увидев синее мерцание, вдруг охватившее чародейку.

— Еще одно слово — и от тебя останется лишь испорченный воздух, — сказала Йеннифэр, и в ее голосе прозвучал металл. — И грязное пятно на траве.

— И верно, — кашлянул Богольт, разряжая обстановку. — Помолчи, Зигрин. Послушаем лучше, что нам скажет

госпожа Йеннифэр. Она только что заметила, будто мы тут болтаем о делах без нее. Отседова вывод, что у нее есть какое-то предложение. Послушаем. Только б не предложила собственными чарами уделать дракона.

— А что? — подняла голову Йеннифэр. — Думаешь, невозможно, Богольт?

— Может, и возможно. Но нам не окупится, потому как вы тогда потребуете половину драконьего богатства.

— Как минимум, — холодно сказала чародейка.

— Ну вот, сами видите, нас это ну никак не устраивает. Мы, милсдарыня чародейка, бедные солдаты — если добыча пройдет мимо нашего носа, то голодать нам как пить дать. Мы щавелем и лебедой пробиваемся...

— Разве что в праздник сурок какой аль суслик попадет-ся, — грустно вставил Ярпен Зигрин.

— ...водой колодезной запиваем. — Богольт отхлебнул из бутылки и слегка встряхнул ее. — У нас, госпожа Йеннифэр, нету другого выхода, как только получить свою долю или зимой под забором коченеть. А постоянный двор денег стоит.

— И пиво, — добавил Нищука.

— И девки распутные, — размечтался Живодер.

— Потому, — Богольт взглянул на небо, — мы сами, без чар и вашей помощи дракона уделаем.

— Ты уверен? Запомни, существует предел возможного, Богольт.

— Может, он и существует, только я ни разу не встречал. Нет, госпожа, повторяю, мы сами дракона прикончим, без всяких там чар.

— Тем более, — добавил Ярпен Зигрин, — что у чар тожить наверняка есть свои пределы возможного, которые, в противу наших, нам неведомы.

— Ты сам придумал, — медленно спросила Йеннифэр, — или тебе подсказали? Уж не присутствие ли ведьмака в вашем глубокоуважаемом обществе позволяет вам так задираться?

— Не-а, — сказал Богольт, глядя на Геральта, который, казалось, дремал, лениво растянувшись на попоне и положив голову на седло. — Ведьмак тут ни при чем. Послушайте, благородная Йеннифэр. Мы сделали королю предложение, он

отмолчался. Ну ничего, мы народ терпеливый, до утра погодим. Ежели король предложение примет, едем дальше разом, нет — мы возвращаемся.

— Мы тоже, — буркнул краснолюд.

— Никакой торговли не будет, — продолжал Богольт, — так сказать, на нет и суда нет. Передайте наши слова Недамиру, милсдарыня Йеннифэр. А вам скажу, предложение выгодно и вам, и Доррегараяу, ежели вы с ним столкнетесь. Нам, учтите, драконий труп до фени, токмо хвост возьмем. Остальное ваше будет, бери, выбирай! Не пожалею для вас ни зубов, ни мозга, ничего, что вам потребно для колдовства.

— Конечно, — добавил, хихикая, Зигрин, — падаль будет ваша, чародейская. Никто не отберет. Разве что другие трупоеды.

Йеннифэр встала, закинула плащ на плечо.

— Недамир не намерен ждать утра, — сказала она резко. — Он уже сейчас согласен на ваши условия. Наперекор, чтоб вы знали, моим и Доррегараявым советам.

— Недамир, — медленно процедил Богольт, — проявляет мудрость, удивительную для столь недозрелого короля. Потому как по мне, госпожа Йеннифэр, мудрость — это, в частности, умение пропускать мимо ушей глупые или неискренние советы.

Ярпен Зигрин хмыкнул в бороду.

— Запоесте иначе, — чародейка уперлась руками в бока, — когда завтра дракон вас исхлещет, изрешетит и раздолбает ваши кости. Станете мне туфли лизать и скулить, моля о помощи. Как всегда. Я достаточно хорошо знаю вас и вообще таких, как вы. До тошноты.

Она повернулась и ушла во мрак, не попрощавшись.

— В мое время, — сказал Ярпен Зигрин, — чародейки сидели в башнях, читали умные книги и помещивали лопатками в тиглях. Не путались у воинов под ногами, не лезли в наши дела. И не крутили задом у мужчин перед глазами.

— А задок-то, честно говоря, ничего себе, — сказал Лютик, настраивая лютню. — А, Геральт? Геральт! Эй, куда ведьмак запропастился?

— А нам-то что? — буркнул Богольт, подбрасывая поленья в костер. — Ушел. Может, по нужде. Его дело.

— Конечно, — согласился бард и ударил по струнам. — Спеть вам чего-нибудь?

— А что, спой, — сказал Ярпен Зигрин и сплюнул. — Только не думай, будто за твое бляение я дам тебе хоть шелонг. Тут, парень, не королевский двор.

— Оно и видно, — кивнул трубадур.

5

— Йеннифэр.

Она обернулась, точно удивленная, хотя ведьмак не сомневался, что она уже давно слышала его шаги. Поставила на землю деревянный ушат, выпрямилась, откинула со лба волосы, высвобожденные из-под золотой сеточки и теперь крутыми локонами спадающие на плечи.

— Геральт.

Как обычно, она носила только два своих цвета — черное и белое. Черные волосы, черные длинные ресницы, позволяющие только гадать о цвете скрытых ими глаз. Черная юбка, черный короткий кафтанчик с белым меховым воротником. Белая рубашка из тончайшего льна. На шее — черная бархотка, украшенная усеянной бриллиантами обсидиановой звездой.

— Ты ничуть не изменилась.

— Ты тоже, — поморщилась она. — И в обоих случаях это одинаково нормально. Однако напоминать об этом, хоть, может, это и не самый скверный способ начать разговор, бессмысленно. Правда?

— Правда, — кивнул он, глядя туда, где стояла палатка Недамира и горели костры королевских лучников, частично загороженные темными квадратами фургонов. Со стороны дальнего костра долетал звучный голос Лютика, напевающего «Звездным трактом», одну из своих самых удачных любовных баллад.

— Ну что ж, со вступлением покончено, — сказала волшебница. — Что дальше? Слушаю.

— Видишь ли, Йеннифэр...

— Вижу, — резко прервала она. — Но не понимаю. Зачем ты приехал? Ведь не ради же дракона? В этом-то, думаю, ничего не изменилось?

— Нет. Ничего.

— Так зачем же, спрашиваю, ты присоединился к нам?

— Если я скажу, что из-за тебя, поверишь?

Она молча глядела на него, и в ее блестящих глазах было что-то, что никак не могло понравиться.

— Поверю, почему бы нет, — сказала она наконец. — Мужчины любят встречаться с бывшими любовницами, любят освежать воспоминания. Любят думать, будто давние любовные игры дают им что-то вроде пожизненного права собственности на партнершу. Это хорошо влияет на их самочувствие. Ты не исключение. Несмотря ни на что.

— Несмотря ни на что, — усмехнулся он, — ты права, Йеннифэр. Твоя внешность прекрасно влияет на мое самочувствие. Иначе говоря, я рад, что вижу тебя.

— И это все? Ну допустим, я тоже рада. Нарадовавшись, желаю спокойной ночи. Видишь, я отправляюсь на отдых. А предварительно намерена смыть с себя пыль и грязь. Но при этом привыкла раздеваться. Посему удались и с присущим тебе тактом обеспечить мне минимум удобств.

— Йен, — протянул он к ней руки.

— Не называй меня так! — яростно прошипела она, отскакивая, а из пальцев, протянутых в его сторону, посыпались голубые и красные искры. — Если коснешься, выжгу глаза, прохвост.

Ведьмак попятился. Чародейка, немного остыв, снова откинула волосы со лба, встала перед ним, упершись руками в бока.

— Ты что думаешь? Что мы весело поболтаем, вспомним давние времена? А может, в завершение всего пойдем вместе на воз и под займемся любовью на овчинах, так просто, чтобы освежить воспоминания? Да?

Геральт, не зная, читает ли чародейка его мысли или удачно угадывает, молчал, криво улыбаясь.

— Эти четыре года сделали свое, Геральт. У меня все прошло, и только исключительно поэтому я не наплевала тебе в глаза при сегодняшней встрече. Но пусть тебя не обманывает моя сдержанность.

— Йеннифэр...

— Молчи! Я дала тебе больше, чем кому-либо из мужчин, паршивец. Сама не знаю, почему именно тебе. А ты... О нет, дорогой мой. Я не девка и не случайно прихваченная в лесу эльфка, которую можно в одно прекрасное утро бросить, оставить на столе букетик фиалок и уйти, не разбудив. Которую можно выставить на посмешище. Осторожней! Если сейчас ты скажешь хоть слово, пожалеешь!

Геральт не произнес ни слова, безошибочно чувствуя бурлящую в Йеннифэр злобу. Чародейка снова смахнула со лба непослушные локоны, взглянула ему в глаза.

— Что ж, мы встретились, — тихо сказала она. — Не надо выставлять себя на посмешище. Сохраним лицо. Прикинемся хорошими знакомыми. Но не ошибись, Геральт. Между нами уже нет ничего. Ничего, понимаешь? И радуйся, ибо это означает, что я уже отказалась от некоторых проектов, еще совсем недавно касавшихся тебя. Однако отсюда вовсе не следует, что простила. Я тебя никогда не прощу, ведьмак. Никогда.

Она резко повернулась, схватила ушат, расплескивая воду, и ушла за воз.

Геральт отогнал бренчавшего над ухом комара и медленно пошел к костру, у которого в этот момент редкими хлопками награждали выступление Лютика. Он посмотрел на темно-синее небо по-над черной пилой вершин. Хотелось смеяться. Неведомо чему.

6

— Эй, там, осторожней! Следите! — крикнул Богольт, оборачиваясь на козлах назад, к колонне. — Ближе к скале! Следите!

Возы катились, подсакивая на камнях. Возницы ругались, хлестали лошадей кнутами, наклонившись, беспокойно следили, достаточно ли далеко колеса проходят от края каньона, вдоль которого бежала узкая, неровная дорога. Внизу, на дне пропасти, белой пеной среди валунов бурлила река Браа.

Геральт придержал коня, прижимаясь к каменной стене, покрытой редким коричневым мхом и белым налетом, напоминающим лишайник. Он дал фургону рубайл опередить себя. От головы припелся Живодер, ведущий колонну совместно с разведчиками из Голополя.

— Добро! — крикнул он. — Двигайтесь скорее. Дальше просторней!

Король Недамир и Гилленстерн, оба верхом, в сопровождении нескольких конных лучников, поравнялись с Геральтом. Следом за ними громыхали по камням телеги королевского обоза. Еще дальше катился воз краснолюдов, которым, без передышки рутаясь, правил Ярпен Зигрин.

Недамир, худошавый и веснушчатый подросток в белом кожушке, миновал ведьмака, окинув его величественным, хоть и явно утомленным взглядом. Гилленстерн распрямился, придержал коня.

— Позвольте вас, господин ведьмак, — произнес он властно.

— Слушаю. — Геральт прижал лошадь каблуками, медленно двинулся рядом с канцлером за обозом. Его удивляло, что при своем солидном животе Гилленстерн предпочитал седло более удобной телеге.

— Вчера, — Гилленстерн, слегка натянув поводья, украшенные золотыми шишечками, откинул с плеча бирюзовый плащ, — вчера вы сказали, будто вас дракон не интересует. А что же в таком случае интересует, господин ведьмак? Зачем вы едете с нами?

— Мы в свободной стране, милсдарь канцлер.

— Пока что. Но в нашем cortege каждый, господин Геральт, должен знать свое место. И роль, кою будет исполнять, выполняя волю короля Недамира. Вам понятно?

— В чем дело, милсдарь Гилленстерн?

— Скажу. Говорят, последнее время с вами, ведьмаками, трудно договориться. Вроде бы, если ведьмаку укажут чудовище, подлежащее убиению, он, вместо того чтобы хватать меч и рубить, начинает рассуждать, следует ли это делать, не выходит ли это за пределы возможного, не противоречит ли кодексу и действительно ли данное чудовище — чудовище, словно этого

не видно с первого же взгляда. Похоже, вам просто стало здорово везти. В мое время ведьмаки не брезговали деньгами. Не рассуждали, рубили, что им скажут, им было все едино, что оборотень, что дракон, что сборщик податей. Важно было как следует рубануть. Ну как, Геральт?

— У вас есть для меня какое-то задание, Гилленстерн? — сухо спросил ведьмак. — Так говорите. Подумаем. А ежели нет, то чего ради впустую языком молоть, не правда ль?

— Задание? — вздохнул канцлер. — Нет. Речь идет о драконе, а это явно превышает пределы твоих возможностей, ведьмак. Уж предпочитаю рубайл. Тебя же я хотел лишь предупредить. Предостеречь. Ведьмачьи причуды, в основе которых лежит деление чудовищ на добрых и злых, я и король Недамир можем терпеть, но не желаем о них слышать, а тем более видеть, как их претворяют в жизнь. Не лезьте в королевские дела, ведьмак. И не якшайтесь с Доррегараем.

— Я не привык, как вы выразились, якшаться с чародеями. Откуда такие мысли?

— Доррегарай, — сказал Гилленстерн, — переплюнет своими причудами даже ведьмаков. Не ограничивается делением чудовищ на хороших и плохих. Считает, что все они хорошие.

— Немного преувеличивает.

— Несомненно. Но отстаивает свои взгляды с яростным упорством. Я, честно говоря, не удивлюсь, если с ним что-нибудь приключится. А то, что он присоединился к нам в странном обществе...

— Я не спутник Доррегарая. И он не мой спутник.

— Не прерывай. Общество довольно странное. Ведьмак, напичканный принципами, словно лисья шуба блохами. Чародей, повторяющий друидские бредни о равновесии в природе. Молчаливый рыцарь Борх Три Галки и его эскорт из Зеррикании, в которой, как известно, складывают жертвы к лапам статуи дракона. И все они ни с того ни с сего присоединяются к охоте. Странно, верно?

— Пусть будет странно.

— Так знай, — сказал канцлер, — что у самых загадочных проблем бывают, как говорит практика, самые простейшие решения. Не заставляй меня, ведьмак, прибегать к ним.

— Не понял?

— Понял, понял. Благодарю за беседу, Геральт.

Геральт остановился. Гилленстерн послал коня вперед, догнал обоз и присоединился к королю. Мимо проехал Эйк из Денесле в стеганом кафтане из светлой кожи и с вмятинами от снятых лат, ведя за собой выючного коня, нагруженного оружием, цельным серебряным щитом и огромной пикой. Геральт приветливо поднял руку, но странствующий рыцарь отвернулся, сжав тонкие губы, и прищипорил коня.

— Не очень-то он тебя любит, — сказал Доррегарай, подъезжая. — А, Геральт?

— Оно и видно.

— Конкурент? Оба вы работаете в одной области, так сказать, только Эйк — идеалист, а ты — профессионал. Почти никакой разницы, особенно для тех, кого убиваете.

— Не надо сравнивать меня с Эйком, Доррегарай. Неизвестно, кого ты обижаешь таким сравнением, его или меня, но сравнивать не надо.

— Как хочешь. По мне, честно говоря, оба вы одинаково отвратны.

— Благодарю.

— Не за что. — Чародей похлопал по шее коня, напуганного воплями Ярпена и его краснолюдов. — Я считаю, что называть убийство призванием отвратительно, низко и глупо. Наш мир пребывает в равновесии. Уничтожение, избиение каких-либо существ, заселяющих этот мир, нарушает равновесие. А это, в свою очередь, приближает гибель, гибель и конец того света, который мы знаем.

— Друидская теория, — отметил Геральт. — Знаком. Однажды мне ее изложил один старый гиерофант, еще в Ривии. Спустя два дня после беседы его разорвали на куски крысолоки. Нарушения равновесия не наблюдалось.

— Мир, повторяю, — Доррегарай равнодушно посмотрел на него, — пребывает в равновесии. Природном. У каждого вида есть свои естественные враги, и каждый является естественным врагом для других видов. К людям это тоже относится. Уничтожение естественных врагов человека, чему ты посвятил свою жизнь и что уже становится заметно, грозит вырождением расы.

— Знаешь что, колдун, — занервничал Геральт, — подойди как-нибудь к матери, у которой василиск сожрал ребенка, и скажи ей, что она должна радоваться, потому как благодаря этому человеческая раса избежала вырождения. Посмотришь, что она тебе ответит.

— Прекрасный аргумент, ведьмак, — сказала Йеннифэр, подъехав к ним сзади на своем вороном. — А ты, Доррегарай, следи за словами.

— Я не привык скрывать свои взгляды.

Йеннифэр въехала между ними. Ведьмак заметил, что золотую сеточку на волосах она сменила на ленту из скрученного белого платочка.

— Так поскорее начни скрывать, Доррегарай, — сказала она. — Особенно перед Недамиром и рубайлами, которые подозревают, что ты намерен помешать им прикончить дракона. Пока ты лишь болтаешь, они смотрят на тебя как на неопасного маньяка. Но как только попытаешься что-либо предпринять, они свернут тебе шею, ты и охнуть не успеешь.

Чародей пренебрежительно усмехнулся.

— Кроме того, — продолжала Йеннифэр, — проповедуя такие взгляды, ты подрываешь основы нашей профессии и призвания.

— Это чем же?

— Свои теории ты можешь прилагать к любым существам и червям, Доррегарай, но только не к драконам. Ибо драконы — естественные наисквернейшие враги человека. И речь идет не о деградации человеческой расы, а о самом ее существовании. Чтобы выжить, надо расправиться с врагами, с теми, кто может свести на нет самое возмможность выживания.

— Драконы — не враги человека, — вставил Геральт. Чародейка взглянула на него и улыбнулась. Одними губами.

— Об этом, — сказала она, — предоставь судить нам, людям. Ты, ведьмак, создан не для оценок. Ты создан для работы.

— Как заводная, безвольная игрушка?

— Это твои слова, не мои, — холодно ответила Йеннифэр. — Но сравнение точное.

— Йеннифэр, — сказал Доррегарай, — для женщины с твоим образованием и твоего возраста ты высказываешь пора-

зительные глупости. Почему именно драконов ты считаешь основными врагами людей? Почему не других, во сто крат более страшных существ, на совести которых гораздо больше жертв, чем у драконов? Почему не хирикки, вилохвосты, мантихоры, амфисбены или грифы? Почему не волки?

— Скажу почему. Преимущество человека перед другими расами и видами в том, что его борьба за соответствующее место в природе, за жизненное пространство может быть выиграна лишь тогда, когда он окончательно исключит кочевой образ жизни — переходы с места на место в поисках пищи, следуя календарю природы. Иначе он не достигнет нужного темпа прироста, человеческое дитя слишком долго не обретает самостоятельности. Только находящаяся в безопасности за стенами города или крепости женщина может рожать в нужном темпе, то есть ежегодно. Плодовитость, Доррегарай, — это прогресс, условие выживания и доминирования. И тут мы подходим к драконам. Ни одно чудовище, кроме дракона, не может угрожать городу или крепости. Если драконов не уничтожить, люди ради безопасности станут распыляться, вместо того чтобы объединяться, потому как драконье пламя в густозастроенном поселке — это кошмар, это сотни жертв, это ужасающая гибель. Поэтому драконы должны быть выбиты до последнего, Доррегарай.

Доррегарай взглянул на нее, странно улыбнулся.

— Знаешь, Йеннифэр, не хотел бы я дожить до того часа, когда осуществится твоя идея о царстве человека, когда тебе подобные займут надлежащее им место в природе. К счастью, до этого дело никогда не дойдет. Уж скорее вы все друг другу глотки перегрызете, перетравите, передохнете от дурмана и тифа, ибо грязь и вши, а не драконы угрожают вашим изумительным городам, в которых женщины рожают ежегодно, но только один новорожденный из десяти доживает до одиннадцатого дня! Да, Йеннифэр, плодовитость, плодовитость и еще раз плодовитость. Займись, дорогая моя, деторождением, это более естественное для тебя занятие. Оно займет у тебя время, которое сейчас ты бесплодно тратишь на придумывание глупостей. Прощай.

Прищипнув коня, чародей направился к голове колонны. Геральт, кинув взгляд на бледное и искаженное яростью лицо Йеннифэр, заранее посочувствовал колдуну. Он знал, в чем

дело. Йеннифэр, как и большинство чародеек, была стерильна. Но, как многие чародейки, страдала от этого факта и на упоминание о нем реагировала совершенно дико. Доррегарай, вероятно, знал об этом. Однако, скорее всего, не предполагал, насколько она мстительна.

— Накличет он себе хлопот на голову, — прошипела Йеннифэр. — Ох, накличет. Будь осторожнее, Геральт. Не думай, что, ежели в случае чего ты не проявишь рассудительности, я стану тебя защищать.

— Не волнуйся, — усмехнулся он. — Мы, то есть ведьмаки и безвольные игрушки, всегда действуем рассудительно. Поскольку однозначно и четко помечены границы возможного, в пределах которых мы можем действовать.

— Ну, ну, смотри. — Йеннифэр, все еще бледная, взглянула на него. — Ты обиделся, как девочка, которую обвинили в утрате невинности. Ты — ведьмак, и этого ничем не изменить. Твое призвание...

— Прекрати, Йен, меня начинает мутить.

— Не говори со мной так, ведьмак. А твои тошноты меня мало интересуют. Как и прочие реакции из ограниченного ведьмачьего ассортимента.

— Тем не менее некоторые из них тебе придется увидеть, если ты не перестанешь потчевать меня байками о возвышенных предназначениях и борьбе во благо людей. И о драконах, ужасных врагах племени человеческого, я знаю больше.

— Да? — прищурилась чародейка. — И что же ты такое знаешь, ведьмак?

— А хотя бы то, — Геральт не обратил внимания на резкое, предостерегающее дрожание медальона на шее, — что если б у драконов не было сокровищ, то никакая собака, не говоря уж о чародеях, не заинтересовалась бы ими. Даже странно, что при каждой охоте на дракона неподалеку обязательно крутится какой-нибудь чародей, крепко связанный с гильдией ювелиров. Например, ты. И позже, хотя на рынок должны, казалось бы, посыпаться камни и камушки, они почему-то туда не попадают и их цена не падает. Не рассказывай мне сказочки о призвании и борьбе за выживание расы. Я слишком хорошо и слишком долго тебя знаю.

— Слишком долго, — повторила она, зловеще скривив губы, — это уж точно. Но не думай, что слишком хорошо. Ты, сукин сын. Черт, до чего ж я была глупа. А, иди к дьяволу! Видеть тебя не могу!

Она хлестнула вороного, помчалась вдоль колонны. Ведьмак сдержал коня, пропустил телегу краснолюдов, рычащих, ругающихся, высвистывающих что-то на костяных свирелях. Между ними, развалившись на мешках с овсом и побрякивая на лютие, возлежал Лютик.

— Эгей! — орал Ярпен Зигрин, сидевший на козлах, указывая на Йеннифэр. — Чтой-то там чернеет на дороге? Интересно, что? Похоже на кобылу.

— Несомненно! — отвечивал Лютик, сдвигая на затылок сливового цвета шапочку. — Кобыла! Верхом на мерине! Невероятно!

Ярпеновы парни затрясли бородами в хохоте. Йеннифэр сделала вид, будто не слышит.

Геральт остановил коня, пропустил лучников Недамира. За ними, на некотором удалении, ехал Борх, а следом — зеррик-канки, образуя арьергард колонны. Геральт дождался, пока они подъедут, повел свою кобылу бок о бок с лошадью Борха. Ехали молча.

— Ведьмак, — вдруг проговорил Три Галки. — Хочу тебя спросить.

— Спрашивай.

— Почему ты не завернешь?

Ведьмак какое-то время глядел на него.

— Ты действительно хочешь знать?

— Хочу, — сказал Три Галки, поворачиваясь к нему лицом.

— Я еду с ними, потому что я безвольная игрушка. Потому что я — пучок пакли, гонимый ветром вдоль дорог. Куда, скажи мне, я должен ехать? И зачем? Здесь, по крайней мере, собрались те, с кем есть о чем поговорить. Те, кто не замолкают, когда я подхожу. Те, кто, даже не любя меня, говорят мне это прямо в глаза, не кидают камни из-за заборов. Я еду с ними по той же причине, по какой поехал с тобой в трактир плотогонов. Потому что мне все равно. У меня нет места, куда

я мог бы стремиться. У меня нет цели, которая должна быть в конце пути.

Три Галки откашлялся.

— Цель есть в конце любого пути. Она есть у каждого. Даже у тебя, хоть тебе и кажется, будто ты не такой, как все.

— Теперь я тебя спрошу.

— Спрашивай.

— А в конце твоего пути есть цель?

— Есть.

— Счастливцев.

— Дело не в счастье, Геральт. Дело в том, во что ты веришь и чему отдаешь себя. В чем твое призвание. Никто не может знать об этом лучше, чем... Чем ведьмак.

— Я сегодня то и дело слышу о призвании, — вздохнул Геральт. — Призвание Недамира — захватить Маллеору. Призвание Эйка из Денесле — защищать людей от драконов. Доррегарай чувствует призвание к совершенно обратному. Йеннифэр, учитывая определенные изменения в организме, не может исполнить своего призвания и мечется из стороны в сторону. Черт побери, только рубайлы да краснолюды не чувствуют никакого призвания, а просто хотят нахапать как можно больше. Может, поэтому меня к ним так тянет?

— Не к ним тебя тянет, Геральт из Ривии. Я не слеп и не глух. Не при звуке их имен ты схватился тогда за мешочек. Но кажется мне...

— Напрасно кажется, — беззлобно сказал ведьмак.

— Прости.

— Напрасно извиняешься.

Они сдержали лошадей в самое время, чтобы не налететь на резко остановившуюся колонну лучников из Каингорна.

— Что случилось? — поднялся на стременах Геральт. — Почему остановились?

— Не знаю, — повернул голову Борх. Взя с удивительно сосредоточенным лицом быстро произнесла несколько слов.

— Поскачу в голову, — сказал ведьмак. — Узнаю.

— Останься.

— Почему?

Три Галки минуту помолчал, глядя в землю.

— Почему? — повторил Геральт.

— Поезжай, — бросил Борх. — Может, так-то оно и лучше.

— Что — лучше?

— Поезжай.

Мост, связывающий два берега каньона, выглядел солидно, был построен из толстых сосновых бревен, опирался на четырехугольный столб, о который поток, шумя, разбивался на длинные полосы пены.

— Эй! Живодер! — рявкнул Богольт, подводя телегу. — Ты чего остановился?

— Черт его знает, что это за мост!

— А чего ради нам на него лезть? — спросил Гилленстерн, подъезжая ближе. — Что-то не светит мне лезть с телегами на эту кладку. Эй, сапожник! Ты почему ведешь туда, а не по тракту? Ведь тракт идет дальше к западу?

Героический отравитель из Голополя приблизился, скинул барашковую шапку. Выглядел он презабавно, облаченный в натянутый на сермягу старомодный полупанцирь, который выковали еще, почитай, при короле Самбуке.

— Тут дорога короче, государь, — пояснил он не канцлеру, а непосредственно Недамиру, лицо которого по-прежнему выражало прямо-таки болезненную усталость.

— Чем какая? — спросил, поморщившись, Гилленстерн. Недамир не удостоил сапожника даже взглядом.

— Это, — сказал Козоед, указывая на три вздымающиеся над округой щербатые вершины, — Хиява, Пустула и Скочий Зуб. Дорога ведет к руинам старой крепости, обходит Хияву с севера, за истоками реки. А по мосту мы можем дорогу срезать. По ущелью выйдем на равнину меж горами. А если там драконьих следов не найдем, пойдем дале на восток, осмотрим яры. А еще дале на восток лежат ровнютенькие луговины, отсюда прямая дорога в Каингорн, к вашим, государь, владениям.

— И где это ты, Козоед, такого ума об энтих горах поднабрался? — спросил Богольт. — У колодок сапожных аль как?

— Нет, милсдарь. В ребячестве овец тут пас.

— А мост выдюжит? — Богольт приподнялся на козлах, глянул вниз, на пенящуюся реку. — Пропасть сажен сорок.

— Выдюжит.

— А откуда вообще взялся такой мост в этой глуши?

— Его, — сказал Козоед, — в давние времена тролли срубили, а кто тута ездил, крепко им платить должен был. А так как редко кто тута ездил, то тролли по миру пошли. А мост остался.

— Повторяю, — гневно сказал Гилленстерн, — у нас телеги с грузом и фуражом, на бездорожье мы можем застрять. Не лучше ли трактом ехать?

— Можно и трактом, — пожал плечами сапожник, — но дорога дальняя. А король говорил, что ему надоть к дракону срочно, потому как он высматривает его, словно коршун падь.

— Падаль, — поправил канцлер.

— Пусть падаль, не все едино? — согласился Козоед. — А мостом все равно ближе.

— Ну, так вперед, Козоед, — решил Богольт. — Жми передом, ты и твое войско. У нас такой обычай — вперед пускать самого боевитого.

— Не больше одной телеги сразу, — предостерег Гилленстерн.

— Лады. — Богольт стегнул лошадей, телега задуднила по бревнам моста. — За нами, Живодер! Глянь-ка, колеса ровно идут?

Геральт придержал коня, дорогу ему загородили лучники Недамира в пурпурно-желтых кафтанах, столпившиеся на каменной площадке.

Кобыла ведьмака фыкнула.

Дрогнула земля. Горы загудели, зубчатый край каменной стены вдруг затуманился на фоне неба, а сама стена неожиданно заговорила глухим осязаемым гулом.

— Внимание! — зарычал Богольт уже с другой стороны моста. — Эй, там, внимание!

Первые камни, пока еще мелкие, зашуршали и застучали по лихорадочно дрожащему обрыву. На глазах у Геральта часть дороги, раскрываясь в черную, чудовищно быстро увеличивающуюся щель, оборвалась и с оглушительным грохотом рухнула в пропасть.

— По коням! — рявкнул Гилленстерн. — Ваше величество! На другую сторону!

Недамир, вжавшись головой в гриву коня, рванулся на мост, за ним прыгнул Гилленстерн и несколько лучников. Следом, грохоча, ввалился на трясущиеся бревна королевский фургон с полощущимся на ветру прапором с грифом.

— Лавина! С дороги! — взвыл сзади Ярпен Зигрин, хлеща бичом по конским крупам, опережая второй воз Недамира и раскидывая по сторонам лучников. — С дороги, ведьмак! С дороги!

Рядом с телегой краснолюдов прогарцевал Эйк из Денесле, выпрямившийся и чопорный. Если б не смертельно бледное лицо и сжатые в гримасе дрожащие губы, можно было подумать, что странствующий рыцарь не замечает сыплющихся на дорогу камней и обломков. Сзади, в группе лучников, кто-то дико кричал, ржали кони. Геральт рванул поводья, пришпорил коня, в тот же момент земля перед ним запылила от летящих сверху камней. Телега краснолюдов с грохотом протарахтела по камням, перед самым мостом подскочила и с треском осела набок, на сломанную ось. Колесо отбилась от огородки, полетело вниз, в кипень.

Лошадь ведьмака, по которой били острые обломки камней, встала на дыбы. Геральт хотел соскочить, но зацепился застёжкой башмака за стремя и упал на бок, на дорогу. Лошадь заржала и понесла прямо на пляшущий над пропастью мост. По мосту бежали краснолюды, верёвца и проклиная кого-то.

— Быстрее, Геральт! — крикнул бегущий за ним Лютик, оглянувшись.

— Вставай, ведьмак! — крикнул Доррегарай, мечась в седле и с трудом удерживая взбесившегося коня.

Позади них дорога тонула в клубах пыли, вздымаемой летящими обломками, разбивающимися в щепы телеги Недамира. Ведьмак уцепился за ремни выюков, притороченных за седлом чародея. Услышал крик.

Йеннифэр свалилась вместе с лошадью, отползла в сторону, подальше от бьющих вслепую копыт, припала к земле, заслоняя руками голову. Ведьмак отпустил седло, побежал к ней, ныряя в поток камней, перескакивая через разверзающиеся под ногами провалы. Рванул Йеннифэр за плечо, она поднялась на колени. Ее глаза были широко раскрыты, из рассеченной брови текла кровь. Струйка уже доходила до мочки.

— Вставай! Йен!

— Геральт! Осторожно!

Огромная плоская каменная глыба, с грохотом скользя по стене обрыва, двигалась прямо на них. Геральт упал, прикрыв собой чародейку. В этот момент блок взорвался, развалился на миллиарды осколков, посыпавшихся на них и жалающих, словно осы.

— Быстрее! — крикнул Доррегарай. Сидя на пляшущем коне и размахивая палочкой, он дробил в пыль летевшие с обрыва камни. — На мост, ведьмак!

Йеннифэр, изогнув пальцы, махнула рукой, крикнула что-то непонятное. Камни, сталкиваясь с голубоватой полусферой, неожиданно выросшей над их головами, испарялись, как капли воды, падающие на раскаленное железо.

— На мост, Геральт! — крикнула чародейка. — За мной!

Они побежали, догоняя Доррегарая и нескольких спешившихся лучников. Мост качался и трещал, бревна изгибались, кидая их от перил к перилам.

— Скорее!

Мост вдруг осел с пронзительным треском, та половина, которую они уже оставили позади, с грохотом рухнула в пропасть, вместе с ней телега краснолюдов, разваливаясь на части при ударах о каменные острия, под сумасшедшее ржание коней. Часть моста, на которой они находились, выдержала, но Геральт вдруг сообразил, что они уже бегут вверх, по быстро увеличивающейся крутизне. Йеннифэр, тяжело дыша, выругалась.

— Йен, держись!

Остатки моста заскрежетали и опустились. Они упали, уцепившись за щели между бревнами. Йеннифэр не удержалась, пискнула, словно девочка, и поехала вниз. Геральт, уцепившись одной рукой, другой выхватил кинжал, всадил острие между бревнами и теперь уже обеими руками ухватился за рукоять. Суставы в локтях затрещали, когда Йеннифэр рванула его, повиснув на ремне и ножнах меча. Помост снова хрустнул и наклонился еще больше, став почти вертикальным.

— Йен, — простонал ведьмак. — Сделай что-нибудь... Дьяволыщина, кинь заклинание!

— Как? — услышал он злое приглушенное ворчание. —
Ведь я же вишу!

— Освободи одну руку!

— Не могу!

— Эй! — крикнул сверху Лютик. — Держитесь? Эй!

Геральт не считал нужным подтверждать очевидное.

— Давайте веревку! — орал Лютик. — Быстрее, мать вашу...

Около трубадура возникли рубайлы, краснолюды и Гилленстерн. Геральт услышал тихие слова Богольта:

— Погоди, певун. Она сейчас отвалится. Тогда выгнем ведьмака.

Йеннифэр зашипела, словно змея, повиснув на спине Геральта. Ремень болезненно впился ему в грудь.

— Йен! Ты можешь нащупать опору? Ногами? Можешь что-нибудь сделать ногами?

— Да, — простонала она. — Подрыгать...

Геральт глянул вниз на реку, кипящую меж острых камней, о которые бились крутящиеся, немногочисленные бревна моста, на лошадь и труп в ярких одеждах Каингорна. За камнями в изумрудной прозрачной пучине лениво двигались против течения веретенообразные тела огромных форелей.

— Держишься, Йен?

— Еще... да...

— Подтянись. Надо найти опору.

— Не могу...

— Веревку! Дайте веревку! — кричал Лютик. — Вы что, судурили? Ведь свалятся оба!

— Может, оно и к лучшему? — задумчиво проговорил невидимый Гилленстерн.

Мост затрепал, просел еще больше. Пальцы Геральта, стиснутые на рукояти, начали неметь.

— Йен...

— Заткнись... и перестань верещать...

— Йен...

— Не называй меня так...

— Выдержишь?

— Нет, — холодно сказала чародейка. Она уже не боролась, просто висела у него на спине мертвым, инертным грузом.

— Йен?

— Заткнись.

— Йен. Прости меня.

— Никогда.

Что-то ползло по бревнам вниз. Быстро. Словно змея.

Излучающая синий свет веревка, извиваясь и свиваясь, будто живая, нащупала подвижным концом шею Геральта, передвинулась под мышки, замоталась в свободный узел. Чародейка застонала. Он был уверен, что она заплачет. Но ошибся.

— Внимание! — крикнул сверху Лютик. — Мы вытаскиваем вас! Нищука! Кеннет! Наверх их! Тяните!

Болезненный рывок, удушающая хватка натянутой веревки. Йеннифэр тяжело вздохнула. Они поехали вверх, быстро, скребя животом по шероховатым доскам настила.

Наверху Йеннифэр встала на ноги первой.

7

— Из всего обоза, король, — сказал Гилленстерн, — мы спасли лишь фургон, не считая рубайловых телег. От отряда осталось семеро лучников. По той стороне пропасти дороги уже нет, только щебень да гладкая стена, насколько позволяет видеть излом. Неизвестно, уцелел ли кто-нибудь из оставшихся, когда мост рухнул.

Недамир не ответил. Эйк из Денесле, выпрямившись, стоял перед королем, вперив в него взор блестящих, лихорадочно горящих глаз.

— Нас преследует гнев богов, — сказал он, вздымая руки. — Видать, согрешили мы, король. Это был священный поход, поход против зла. Ибо дракон есть зло, да, любой дракон есть воплощение зла. Я не прохожу безразлично мимо зла, я давял его ногами... Уничтожаю. Как велят боги и Святая Книга.

— Что он мелет? — поморщился Богольт.

— Не знаю, — сказал Геральт, поправляя упряжь. — Не понял ни слова.

— Тихо, — сказал Лютик. — Я пытаюсь запомнить, может, удастся использовать, когда подберу рифмы.

— Святая Книга гласит, — окончательно разошелся Эйк, — что изойдет из бездны змий, дракон отвратный, семь глав и десять рог имеющий! А на спине у него усядется дева в пурпуре и багрянце, и кубок золотой будет у нее в руке, а на челе выписан будет знак всякого и полного распутства!

— Я ее знаю! — обрадовался Лютик. — Это Чилия, жена солтыса Зоммерхальдера!

— Успокойтесь, господин поэт, — произнес Гилленстерн. — А вы, рыцарь из Денесле, говорите ясней, если можете.

— Противу зла, король, — завопил Эйк, — надобно поспешать с чистым сердцем и совестью, с поднятой главою! А кого мы видим здесь? Краснолюдов, кои есть поганцы, рождаются в темнотах и темным силам поклоняются! Чародеев-богохульников, присваивающих себе божеские права, силы и привилегии! Ведьмака, коний есть отвратный проклятый извращенец, противуестественное творение. И вы еще удивляетесь, что на наши головы пала кара? Мы дошли до предела возможного! Не надо испытывать божескую милость. Призываю вас, король, очистить от нечисти наши ряды, прежде чем...

— Обо мне ни слова, — жалостно вставил Лютик. — Ни слова о поэтах. А вообще-то я стараюсь...

Геральт ухмыльнулся Ярпену Зигрину, ласково поглаживающему острие засунутого за пояс топора. Краснолюд, развеселившись, ослабился. Йеннифэр демонстративно отвернулась, притворившись, будто разорванная до самого бедра юбка занимает ее больше, нежели слова Эйка.

— Вы немного переборщили, милсдарь Эйк, — резко проговорил Доррегарай. — Впрочем, уверен, из благородных побуждений. Я считаю совершенно никчемным ваше мнение о чародеях, краснолюдах и ведьмаках. Хотя, мне кажется, все мы уже привыкли к таким речам, все же говорить так невежливо и не по-рыцарски, милсдарь Эйк. И уж вовсе не понятно после того, как вы, а не кто другой, бежите и подаете волшебную эльфову веревку ведьмаку и чародейке, которым угрожает смерть. Из сказанного вами следует, что вам скорее следовало бы молиться, чтобы они упали.

— Черт возьми, — шепнул Геральт Лютику. — Так это он подал веревку? Эйк? А не Доррегарай?

— Нет, — буркнул бард. — Эйк. Именно он.

Геральт недоверчиво покачал головой. Йеннифэр чертыхнулась себе под нос и выпрямилась.

— Рыцарь Эйк, — сказала она с улыбкой, которую любой, кроме Геральта, мог счесть любезной. — Как же так? Я — нечисть, а вы спасаете мне жизнь?

— Вы дама, госпожа Йеннифэр, — рыцарь чопорно поклонился. — А ваше красивое и искреннее лицо позволяет думать, что вы когда-нибудь отречетесь от чернокнижничества.

— Чернокнижия, хотели вы сказать.

Богольт фыркнул.

— Благодарю вас, рыцарь, — сухо сказала Йеннифэр. — И ведьмак Геральт также вас благодарит. Поблагодари его, Геральт.

— Да меня скорее удар хватит, — ведьмак обезоруживающе искренне вздохнул. — За что же? Я мерзкий извращенец. А моя безобразная и лживая физиономия не сулит никаких надежд на исправление. Рыцарь Эйк вытащил меня из пропасти случайно, только потому, что я лихорадочно цеплялся за красивую даму. Виси я там один, Эйк и пальцем бы не шевельнул. Я не ошибаюсь, рыцарь?

— Ошибаетесь, господин Геральт, — спокойно отозвался странствующий рыцарь. — Никому из нуждающихся в помощи я не отказываю. Даже ведьмаку.

— Поблагодари, Геральт. И извинись, — резко сказала чародейка. — В противном случае ты подтвердишь, что по крайней мере в отношении тебя Эйк был совершенно прав. Ты не можешь сосуществовать с людьми. Потому что ты — иной. Твое участие в экспедиции — ошибка. Тебя сюда пригнала бессмысленная цель. Поэтому будет целесообразно отделиться. Я считаю, что ты и сам это понял. А если нет, то пойми наконец.

— О какой цели вы говорите, госпожа? — вклинился Гилленстерн.

Чародейка взглянула на него, но не ответила. Лютик и Ярпен Зигрин усмехнулись многозначительно, но так, чтобы чародейка этого не заметила.

Ведьмак взглянул в глаза Йеннифэр. Они были холодны как лед.

— Прошу прощения и благодарю, рыцарь из Денесле, — наклонил он голову. — Благодарю всех присутствующих за мое непреднамеренное и поспешное спасение. Я слышал, когда висел, как вы наперегонки рвались мне на помощь. Прошу всех присутствующих простить меня. За исключением благородной Йеннифэр, которую я благодарю, ни о чем не прося. Прощайте. Мерзость по собственной воле покидает благородную компанию. Ибо вы у мерзости уже вот где сидите! Бывай, Лютик.

— Эй, Геральт! — крикнул Богольт. — Не разыгрывай из себя целочку. Не делай из мухи слона. К черту...

— Лю-ю-юди!

Со стороны устья уделья бежал Козоед и несколько голопольских милиционеров, высланных на разведку.

— Что такое? Чего он орет? — поднял голову Нищука.

— Люди... Ваши милости... — задыхался сапожник.

— Отдышись, человеке, — сказал Гилленстерн, засовывая большие пальцы за золотой пояс.

— Дракон! Там дракон!

— Где?

— За уделем... На равнине... Господин, он...

— По коням! — скомандовал Гилленстерн.

— Нищука! — рывкнул Богольт. — На телегу! Живодер, на коня и за мной!

— В галоп, парни! — завопил Ярпен Зигрин. — Галопом, мать вашу так!

— Эй, погодите! — Лютик забросил лютию за спину. — Геральт, возьми меня на коня!

— Прыгай!

Уделье окончилось россыпью светлых камней, все более редких, образующих неправильную окружность. За ними местность мягко понижалась, переходя в поросшую травой, слегка холмистую луговину, со всех сторон замкнутую известняковыми стенами, в которых зияли тысячи отверстий. Три узких каньона, устья высохших потоков, выходили на луговину.

Богольт первым доскакал до каменного барьера, резко осадил коня, поднялся на стремянах.

— О зараза, — сказал он. — О чертова зараза. Этого... этого не может быть!

— Чего? — спросил Доррегарай, подъезжая. Рядом с ним Йеннифэр, спрыгнув с телеги, налегла грудью на каменную глыбу, выглянула, попятилась, протерла глаза.

— Что? Что такое? — крикнул Лютик, выглядывая из-за спины Геральта. — Что такое, Богольт?

— Дракон-то... дракон... золотой.

Не больше чем в ста шагах от каменной горловины удела, из которого они только что вышли, у дороги, ведущей к северной части каньона, на куполообразном невысоком холме сидело существо. Оно сидело, изогнув правильной дугой длинную изящную шею, склонив узкую голову на выпуклую грудь, оплетя хвостом передние выпрямленные лапы.

Было в этом существе, в его позе что-то невообразимо грациозное, что-то кошачье, что-то противоречащее его явно змеиной родословной. Несомненно, змеиной. Ибо существо было покрыто спящей глаза золотой чешуей с четким рисунком. Да, существо, сидящее на холме, было золотым — золотым от острых, зарывшихся в землю когтей до конца длинного хвоста, слегка шевелящегося меж покрывающих холмик растений. Глядя на них огромными золотыми глазами, существо расправило широкие золотистые нетопыриные крылья и так сидело, неподвижное, как бы требуя, чтобы им любовались.

— Золотой дракон, — шепнул Доррегарай. — Невероятно... Живая легенда!

— Не существует в мире, чертова мать, золотых драконов, — заявил Ницука и сплюнул. — Я-то знаю, что говорю.

— А что же в таком случае сидит на холме? — трезво спросил Лютик.

— Обман какой-то...

— Иллюзия...

— Это не иллюзия, — сказала Йеннифэр.

— Это золотой дракон, — проговорил Гилленстерн. — Самиый настоящий золотой дракон.

— Золотые драконы бывают только в легендах!

— Перестаньте, — вклинился Богольт. — Нечего дергаться! Любому болвану ясно, что это золотой дракон. Да и какая

разница, милсдари, золотой, синий, пегий в крапинку или клетчатый? Он невелик, уделаем его в момент. Живодер, Нищука, разгружайте телегу, вытаскивайте снаряжение. Тоже мне разница — золотой не золотой.

— Есть разница, Богольт, — сказал Живодер, — и большая. Это не тот дракон, на которого мы охотимся. Не тот, подравленный под Голопольем, который сидит в яме на драгоценностях и золоте. А этот сидит только на собственной заднице. Так на кой он нам ляд?

— Это золотой дракон, Кеннет, — буркнул Ярпен Зигрин. — Ты когда-нибудь такого видел? Не понимаешь? За его шкуру мы возьмем больше, чем вытащили бы из обычного сундучища с сокровищами.

— И к тому же это не ухудшает ситуации на рынке драгоценных камней, — добавила Йеннифар, нехорошо усмехаясь. — Ярпен прав. Договор действует. Есть что делить, разве нет?

— Эй, Богольт? — крикнул Нищука с воза, с грохотом копаясь в снаряжении... — Что надеваем на себя и лошадей? Чем эта золотая гадина может ударить? Огнем? Кислотой? Паром?

— А хрен ее знает, — задумался Богольт. — Эй, чародеи! Легенды о золотых драконах говорят, как такое чудо уделать?

— Как? А проще простого! — крикнул Козоед. — Чего тут мурыжить, а ну давайте-ка сюда животягу какую-никакую. Напихаем в нее чего-нибудь ядовитого и подкинем гаду, пусть сожрет и того...

Доррегарай искося глянул на сапожника. Богольт сплюнул. Лютик отвернулся. На его лице читалось отвращение. Ярпен Зигрин усмехнулся, уперев руки в бока.

— Чего глазете? — спросил Козоед. — За работу, надо решить, чем труп нафаршировать, чтобы гад поживее его заглотнул. Чем-нибудь жутко ядовитым, отравой какой смердящей или гнилью.

— Ага, — проговорил краснолюд, не переставая усмехаться. — Ядовитое, паскудное и смердящее. Ясно. Знаешь что, Козоед? Получается — ты.

— Что?

— Дерьмо ты, вот что. Мотай отседава, халтурщик, чтоб глаза мои тебя не видели.

— Господин Доррегарай, — проговорил Богольт, подходя к чародею, — оправдайте хоть чем-нибудь свое присутствие. Припомните легенды и сказания. Что вам известно о золотых драконах?

Чародей улыбнулся, гордо выпрямился.

— Что мне известно о золотых драконах, говоришь? Мало, но все-таки...

— Так слушаю.

— И слушайте, слушайте внимательно. Вон там, перед нами, сидит золотой дракон. Живая легенда, последнее, быть может, и единственное в своем роде существо, уцелевшее от вашего неудержимого стремления убивать. Легенду не убивают. Я, Доррегарай, не позволю вам тронуть этого дракона. Понятно? Можете собирать шмотки, приторачивать вьюки и возвращаться по домам.

Геральт был уверен, что начнется суматоха. Он ошибался.

— Уважаемый чародей, — прервал тишину Гилленстерн, — следите за тем, что и кому вы говорите. Король Недамир может приказать вам, Доррегарай, приторочить вьюки и убираться к черту. Но не наоборот. Вам это ясно?

— Нет, — гордо ответил чародей. — Неясно. Ибо я — Доррегарай, и мне не может приказывать король, владения которого можно охватить взглядом с высоты частокола, огораживающего паршивую, грязную, прости Господи, засранную крепость. Известно вам, милсдарь Гилленстерн, что стоит мне произнести заклинание и шевельнуть рукой, как вы превратитесь в коровью лепешку, а ваш незрелый король — в нечто непронижимо худшее? Вам ясно?

Гилленстерн не успел ответить, потому что Богольт, подскочив к Доррегарай, схватил его за плечи и повернул к себе лицом. Нищука и Живодер, молчаливые и угрюмые, высунулись из-за спины Богольта.

— Послушай-ка, господин магик, — тихо сказал огромный рубайла, — прежде чем шевелить руками-то. Я мог бы долго толковать тебе, уважаемый, что обычно делаю с такими

засратыми легендами и дурацкими трепачами, как ты. Но мне чтой-то не хотца. Вот тебе заместо ответа. Тебе это ясно?

Богольт кашлянул, приложил палец к носу и с близкого расстояния сморкнул чародею на мыски ботинок.

Доррегарай побледнел, но не пошевелился. Он видел — как и все — цепной шестопёр на рукояти длиной в локоть, который держал Нищука в низко опущенной руке. Он знал — как и все, — что время, нужное для заклинания, несравненно большее, чем то, какое требуется Нищуке, чтобы раскроить ему череп.

— Ну, — сказал Богольт. — А теперь аккуратненько отойди в сторонку. А ежели тебе придет охота снова раскрыть пасть, то быстренько засунь в нее пук травы. Потому как если я еще раз услышу твой вой, ты меня запомнишь.

Богольт отвернулся, потер руки.

— А ну, Нищука, Живодер, за работу, а то эта гадина еще, чего доброго, сбежит.

— Не похоже, чтобы он собирался бежать, — сказал Лютик, рассматривая поле предполагаемой битвы. — Посмотрите.

Сидевший на холмике золотой дракон зевнул, задрал голову, махнул крыльями и хлестнул по земле хвостом.

— Король Недамир и вы, рыцари! — зарычал он так, словно это была латунная труба. — Я дракон Виллентретенмерт! Похоже, не всех остановила лавина, которую, не считите это похвальбой, я спустил вам на головы. Вы смогли добраться аж сюда. Вам известно, что отсюда есть три выхода. Дорогами на восток, к Голополюю, и на запад, к Каингорну, можете воспользоваться. Но по северному каньону не пойдете, ибо я, Виллентретенмерт, запрещаю. Если же кто-либо не желает послушаться моего приказа, того я вызываю на бой, на честный рыцарский поединок. На конвенционном оружии, без колдовства, без польхания огнем. Бой до полной капитуляции одной из сторон. Жду ответа через вашего гарольда, как того требует обychай!

Все стояли, широко раскрыв рты.

— Он умеет говорить! — просипел Богольт. — Невероятно!

— К тому же жуть как мудро, — сказал Ярпен Зигрин. — Кто-нибудь из вас знает, что такое конфессионное оружие?

— Конвенционное, а не конфессионное. Обычное, а не магическое, — сказала Йеннифэр насупившись. — Однако меня удивляет другое. Невозможно членораздельно говорить, если у тебя раздвоенный язык. Этот стервец пользуется телепатией. Будьте внимательны, это действует двусторонне. Он может читать ваши мысли.

— Он что, вконец спятил или как? — заволновался Кеннет-Живодер. — Честный поединок? С дурным-то гадом? Еще чего! А ну пошли на него кучей! В куче — сила.

— Нет!

Они оглянулись.

Эйк из Денесле, уже на коне, в полном вооружении, с пикой при стремени, выглядел гораздо солиднее, чем пеший. Из-под поднятого забрала лихорадочно блестели глаза, светилось бледное лицо.

— Нет, господин Кеннет, — повторил рыцарь. — Только через мой труп. Я не допущу, чтобы в моем присутствии оскорбляли рыцарскую честь. Тот, кто рискнет нарушить принципы рыцарского поединка...

Эйк говорил все громче, его возбужденный голос то и дело ломался и дрожал от волнения.

— ...кто оскорбляет честь, тот оскорбляет и меня, и кровь его либо моя прольется на сию измученную землю. Скотина требует поединка? Хорошо! Пусть гарольд протрубит мое имя! Да исполнится воля богов! У дракона сила клыков, когтей и дьявольская злоба, а у меня...

— Ну кретин, — буркнул Ярпен Зигрин.

— А у меня благородство, у меня вера, у меня слезы девушек, которых этот гад...

— Кончай, Эйк, тошнит! — рыкнул Богольт. — Дальше, в поле! Принимайся за дракона, чем болтать-то!

— Эй, Богольт, погоди, — вдруг сказал краснолюд, почесав бороду. — Забыл об уговоре? Если Эйк положит гадину, он возьмет себе половину...

— Эйк ничего не возьмет, — ощерился Богольт, — я его знаю. Ему достаточно, если Лютик сложит о нем песенку.

— Тихо! — крикнул Гилленстерн. — Да будет так. Против дракона выступит благородный странствующий рыцарь Эйк

из Денесле, бьющийся в цветах Каингорна и тем самым олицетворяющий копье и меч короля Недамира. Таково королевское решение.

— Извольте! — заскрежетал зубами Ярпен Зигрин. — Копье и меч Недамира. Уделал нас каингорнский кролик. И что теперь?

— А ничего, — сплюнул Богольт. — Надеюсь, ты не думаешь связываться с Эйком, Ярпен? Он болтает ерунду, но уж коли забрался на кобылу и его понесло, то лучше отойти с дороги. Пусть идет, зараза, и пусть укокошит дракона. А там посмотрим.

— Кто будет гарольдом? — спросил Лютик. — Дракон требовал гарольда. Может, я?

— Нет. Это тебе не песенки распевать, Лютик, — поморщился Богольт. — Пусть гарольдом будет Ярпен Зигрин. У него голос как у бугая.

— Лады. А чего? — сказал Ярпен. — Давайте сюда знаменщика со знаком, чтобы все было как положено.

— Только говорите вежливо, господин краснолюд. И изысканно, — напомнил Гилленстерн.

— Не учите меня жить, — гордо выпятил живот краснолюд. — Я ходил послом, когда вы еще хлеб называли «ням-ням», а мух — «муф-муф».

Дракон по-прежнему спокойно сидел на холме, весело помахивая хвостом. Краснолюд вскарабкался на самый большой валун, откашлялся и сплюнул.

— Эй, ты там! — заорал он, взявшись за бока. — Дракон поиметый! Слушай, чего тебе гарольд скажет. Я, сталбыты! Первым за тебя благородно примется странствующий, мать его так, рыцарь Эйк из Денесле! И всадит тебе пику в брюхо, как того требует священный обычай, на погибель тебе и на радость бедненьким девицам и королю Недамиру! Драка должна быть честной и по правилам, пыхать огнем не можно, а только конфессионально дубасить друг дружку, пока энтот другой лапти не откинет, не помрет, сталбыты! Чего тебе от души и сердца желаем. Усек, дракон?

Дракон зевнул, взмахнул крыльями, потом, припав к земле, быстро спустился с холма на ровное место.

— Понял, уважаемый гарольд! — прорычал он. — Так пусть же выйдет на поле боя благородный Эйк из Денесле. Я готов!

— Ну прям цирк, да и только. — Богольт сплюнул, утрюмым взглядом проводил Эйка, шагом выезжавшего из-за барьера камней. — Уссаться можно...

— Заткнись, Богольт! — крикнул Лютик, потирая руки. — Смотри, Эйк намерен атаковать! Черт побери, вот будет баллада, всем балладам баллада!

— Уррра! Хвала Эйку! — крикнул кто-то из группы лучников Недамира.

— А я, — утрюмо бросил Козоед, — я б его все ж для верности начинил серой.

Эйк, уже в поле, отсалютовал дракону поднятой пикой, опустил забрало и прищепил коня.

— Ну-ну, — сказал краснолюд. — Глуп-то он, может, и глуп, но в атаках сечет. Гляньте только!

Эйк, наклонившись и укрепившись в седле, на полном скаку опустил пику. Дракон, против ожидания Геральта, не отскочил, не пошел полукругом, а, прижавшись к земле, кинулся прямо на атакующего рыцаря.

— Бей его! Бей, Эйк! — рявкнул Ярпен.

Эйк, хоть и мчался галопом, не ударил вслепую, куда попало. В последний момент он ловко изменил направление, перекинул пику над головой лошади. Проносясь мимо дракона, ударил изо всей силы, привстав на стремях. Все крикнули в один голос. Геральт к хору не присоединился.

Дракон ушел от удара мягким, ловким, полным грации поворотом и, свернувшись, словно живая золотая лента, молниеносно, но тоже мягко, истинно по-кошачьи, достал лапой живот коня. Конь споткнулся, высоко подкинул круп, рыцарь качнулся в седле, но пики не выпустил. В тот момент, когда лошадь почти зарылась ноздрями в землю, дракон резким движением лапы смел Эйка с седла. Все увидели валетевшие в воздух, кружащие пластины лат, услышали грохот и звон, с которым рыцарь свалился на землю.

Дракон, присев, придавил коня лапой, опустил зубастую пасть. Конь душераздирающе взвизгнул, рванулся и утих.

В наступившей тишине прозвучал глубокий голос Виллент-ретенмерта:

— Мужественного Эйка из Денесле можно убрать с поля, он не способен к дальнейшему бою. Следующий.

— Ну курва, — бросил Ярпен Зигрин в наступившей тишине.

8

— Обе ноги, — сказала Йеннифэр, вытирая руки льняной тряпкой. — И кажется, что-то с позвоночником. Латы на спине вмяты, словно он получил железной палицей. А ноги — ну это из-за собственной пики. Не скоро он снова сядет в седло, если сядет вообще.

— Профессиональный риск, — буркнул Геральт.

— Это все, что ты можешь сказать? — поморщилась чародейка.

— А что бы ты хотела услышать?

— Дракон невероятно скор, Геральт. Слишком скор, чтобы с ним мог тягаться человек.

— Понял. Нет, Йен. Я — пас.

— Принципы? — ядовито усмехнулась чародейка. — Или самый обыкновенный страх? Это единственная человеческая эмоция, которую в тебе не уничтожили?

— И то и другое, — равнодушно согласился ведьмак. — Какая разница?

— Вот именно. — Йеннифэр подошла поближе. — Никакой. Принципы можно нарушить, страх — преодолеть. Убей дракона. Ради меня.

— Ради тебя?

— Ради меня. Мне нужен этот дракон, Геральт. Весь. Я хочу получить его только для себя одной.

— Используй чары и убей.

— Нет. Убей его ты. А я чарами сдержу рубайл и остальных, чтобы не мешали.

— Будут трупы, Йеннифэр.

— С каких пор тебе это мешает? Займись драконом, я беру на себя людей.

— Йеннифэр, — холодно сказал Геральт, — не понимаю. Зачем тебе дракон? Неужто тебя до такой степени ослепил золотой блеск его чешуи? Ты же не бедствуешь, у тебя неисчерпаемый источник прокорма, ты знаменита. В чем же дело? Только не говори мне о призвании, прошу тебя.

Йеннифэр молчала, наконец, скривив губы, с размаху пнула лежащий в траве камень.

— Существует человек, который может мне помочь. Кажется, это... ты знаешь, о чем я... Кажется... это не необратимо. Есть шанс. Я еще могу иметь... Понимаешь?

— Понимаю.

— Это очень сложная операция, очень дорогая. Но взамен за золотого дракона... Геральт?

Ведьмак молчал.

— Когда мы висели на мосту, — проговорила чародейка, — ты просил меня кое о чем. Я исполню твою просьбу. Несмотря ни на что.

Ведьмак грустно улыбнулся, указательным пальцем коснулся обсидиановой звезды на шее Йеннифэр.

— Слишком поздно, Йен. Мы уже не висим. Я раздумал. Несмотря ни на что.

Он ожидал самого худшего, клубов огня, молнии, удара в лицо, оскорблений, проклятий. И удивился, видя только сдерживаемую дрожь губ. Йеннифэр медленно отвернулась. Геральт пожалел о сказанном. Ему было стыдно за прорвавшиеся эмоции. Предел возможного, который он переступил, лопнул, словно струна лютни. Он взглянул на Лютика, успел заметить, как трубадур быстро отвернулся, избегая его взгляда.

— Ну так, с проблемами рыцарской чести покончено! — воскликнул уже нацепивший латы Богольт, встав перед Недамиром, все еще сидевшим на камне. — Рыцарская честь все еще валяется там и стонет. — Выражение скуки не покидало лица короля. — Глупо было, милсдарь Гилленстерн, выпускать Эйку в качестве вашего рыцаря и вассала. Я не собираюсь указывать пальцем, но знаю, кому Эйк обязан сломанными ногами. Выходит, мы быстренько, одним махом, отделались от

двух проблем. От одного психа, собиравшегося по-идиотски оживлять легенды о смелом рыцаре, в поединке побеждающем дракона, и одного пройдохи, который думал на этом подзаработать. Вы знаете, о ком я говорю, Гилленстерн? Ну и лады. А теперь наш черед. Теперь дракон наш. Теперь мы, рубайлы, прикончим его. Но уже для себя.

— А уговор, Богольт? — процедил канцлер. — Как с уговором?

— В заднице у меня ваш уговор, многоуважаемый Гилленстерн.

— Это кощунство! Это измывательство над королем! — топнул ногой канцлер. — Королем Недамиром...

— Ну что король? Что король-то? — крикнул Богольт, опираясь на огромный двуручный меч. — Может, король желает самолично пойти на дракона? А может, вы, его верный слуга, упихаете в латы свое брюхо и выйдете в поле? Почему бы нет, извольте, мы подождем, ваша милость. У вас был шанс, Гилленстерн. Если бы Эйк прикончил дракона, вы получили бы его целиком, нам не досталось бы ничего, ни единой золотой чешуйки с его хребта. А теперь поздно. Протрите глаза. Некому биться в цветах Каингорна. Второй такой дурень, как Эйк, не сыщется!

— Неправда! — Сапожник Козоед припал к королю, все еще занятому рассматриванием только ему одному ведомой точки на горизонте. — Ваше величество, милсдарь король! Погодите малость, скоро подойдут наши из Голополья! Наплюйте вы на выпендривающихся дворян, гоните их взащей! Увидите, как действуют те, кто силен рукой, а не словами!

— Закрой хайло, — спокойно бросил Богольт, стирая пятнышко ржавчины с нагрудника. — Заткни хайло, хам, не то я заткну тебе его так, что зубы в горле застрянут.

Козоед, видя приближающихся Кеннета и Нищуку, попятился за спины голопольских милиционеров.

— Король! — крикнул Гилленстерн. — Что прикажешь, король?

Гримаса безразличия вдруг сползла с лица Недамира. Несовершеннолетний монарх сморщил веснушчатый нос и встал.

— Что прикажу? — тоненько произнес он. — Наконец-то ты спросил об этом, Гилленстерн, вместо того чтобы решать за

меня и говорить за меня и от моего имени. Очень рад. Отныне пусть так и будет. С этой минуты ты будешь молчать, Гилленстерн, и слушать приказы. И вот первый: собирай людей, вели положить на телегу Эйка из Денесле. Мы возвращаемся в Каингорн.

— Ваше...

— Ни слова, Гилленстерн. Госпожа Йеннифэр, благородные господа, я прощаюсь с вами. Я потерял на этой экспедиции немного времени, но и получил многое. Многому научился. Благодарю вас за слова, госпожа Йеннифэр, господин Доррегарай, господин Богольт. И благодарю за молчание, господин Геральт.

— Король, — сказал Гилленстерн. — Как же это? Что же это? Дракон уже вот-вот. Руку протянуть. Король, твоя мечта...

— Моя мечта, — задумчиво повторил Недамир. — У меня ее еще нет. А если я здесь останусь... Может, тогда ее у меня уже не будет никогда.

— А Маллеора? А рука княжны? — не сдавался канцлер, размахивая руками. — А трон? Король, тамошний народ признает тебя...

— В задницу тамошний народ, как любит говорить господин Богольт, — засмеялся Недамир. — Трон Маллеоры и без того мой, потому что у меня в Каингорне триста латников и полторы тысячи пеших против их тысячи зазнавшихся щитников. А признать меня они и без того признают. Я до тех пор буду вешать, сносить головы и волочить по улицам лошадьми, пока меня не признают. А их княжна — это жирная телка, и плевать мне на ее руку, мне нужна только ее... короче, пусть родит наследника, а потом я ее все равно отравлю. Методом мэтра Козеда. Довольно болтать, Гилленстерн. Приступай к выполнению полученного приказа.

— Воистину, — шепнул Лютик Геральту, — он многому научился.

— Многому, — подтвердил Геральт, глядя на холмик, на котором золотой дракон, опустив узкую треугольную голову, лизал ярко-красным, раздвоенным языком что-то такое, что сидело в траве около него. — Но не хотел бы я быть его подданным, Лютик.

— И что теперь с нами будет, как думаешь?

Ведьмак спокойно смотрел на маленькое серо-зеленое существо, трепыхавшее крылышками летучей мыши рядом с золотыми когтями наклонившегося дракона.

— А как тебе все это, Лютик? Что ты об этом думаешь?

— Какое значение имеет, что я думаю? Я поэт, Геральт. Разве мое мнение кому-то интересно?

— Интересно.

— Ну так я тебе скажу. Я, Геральт, когда вижу гада, змею, допустим, или другую ящерку, то меня аж тошнить начинается, так я этим паскудством брезгую и боюсь. А вот этот дракон...

— Ну?

— Он... Он красивый, Геральт.

— Спасибо, Лютик.

— За что?

Геральт повернул голову, медленно потянулся к пряжке ремня, наискось пересекавшего грудь, затянул его на две дырочки. Поднял правую руку, проверяя, в нужном ли положении находится рукоять меча. Лютик смотрел на него, широко раскрыв глаза.

— Геральт! Ты собираешься...

— Да, — спокойно сказал ведьмак. — Есть предел возможному. С меня достаточно. Ты идешь с Недамиром или остаешься, Лютик?

Трубадур наклонился, осторожно и заботливо положил лютию рядом с камнем, выпрямился.

— Остаюсь. Как ты сказал? Предел возможному? Оставляю себе право так назвать балладу.

— Это может быть твоя последняя баллада, Лютик.

— Геральт?

— Что?

— Не убивай его... Можешь?

— Меч — это меч, Лютик. Уж коли его возьмешь в руки...

— Постарайся.

— Постараюсь.

Доррегарай захихикал, повернулся к Йеннифар и рубайлам, указал на удаляющийся королевский обоз.

— Вон там, смотрите, — сказал он, — уходит король Недамир. Больше он уже не отдает королевских приказов

устаи Гилленстерна. Он уходит, послушавшись гласа рассудка. Хорошо, что ты здесь, Лютик. Думаю, тебе есть смысл начать сочинять бабладу.

— О чем?

— А вот о том, — чародей вынул из-за пазухи палочку, — как мэтр Доррегарай, черно книжник, погнался по домам паршивцев, пожелавших по-паршивски убить последнего золотого дракона, оставшегося на свете. Не двигайся, Богольт! Ярпен, руки прочь от топора! И не вздумай пошевелиться, Йеннифэр! Вперед, паршивцы, за королем, как за родной матерью, марш! Марш по коням, по телегам. Предупреждаю: кто сделает хотя бы одно неверное движение, от того останется вонь и стеклышко на песке. Я не шучу.

— Доррегарай! — прошипела Йеннифэр.

— Уважаемый чародей, — дружелюбно проговорил Богольт, — ну нельзя же так...

— Молчи, Богольт. Я сказал: дракона не трогать. Легенду не убивают. Кру-у-угом — и прочь отсюда.

Йеннифэр неожиданно выбросила руку вперед, и земля вокруг Доррегарая вздыбилась голубым огнем, запылькала пылью разорванного дерна и щебня. Чародей покачнулся, охваченный пламенем. Ницука, подскочив, ударил его в лицо костяшками пальцев. Доррегарай упал, из его палочки вырвалась красная молния и погасла в камнях. Живодер, подскочив с другой стороны, пнул лежащего чародея, размахнулся, чтобы повторить. Геральт прыгнул между ними, оттолкнул Живодера, выхватил меч, ударил, метаясь между наплечником и нагрудником лат. Ему помешал Богольт, парировав удар широким клинком двуручного меча. Лютик подставил ногу Ницуке, но впустую — Ницука вцепился в яркий кафтан барда и влепил ему кулаком меж глаз. Ярпен Зигрин, подскочив сзади, подрубил Лютику ноги, ударив топоридцем под коленями.

Геральт собрался в пируэте, ускользнул от меча Богольта, коротко ударил подлетевшего к нему Живодера и сорвал с него железный наручник. Живодер отскочил, споткнулся, упал. Богольт гакнул, шибанул мечом, как косой. Геральт проскочил над свистящим лезвием, головкой меча саданул Богольта в нагрудник, откинул, ударил, метя в щеку. Богольт, видя, что не сумеет

парировать тяжелым мечом, бросился назад, упал навзничь. Ведьмак подскочил к нему и в этот момент почувствовал, что земля уходит у него из-под немеющих ног. Увидел, как горизонт становится дыбом. Напрасно пытаясь сложить пальцы в защитный Знак, он тяжело ударился боком о землю, выпустив меч из помертвевшей руки. В ушах гудело и шумело.

— Свяжите их, пока действует заклинание, — сказала Йеннифэр откуда-то сверху и очень издалека. — Всех троих.

Доррегарай и Геральт, оглушенные и бессильные, не сопротивляясь, позволили себя спутать и привязать к телеге. Лютик рвался и ругался, поэтому еще до того, как его связали, получил по физиономии.

— Зачем их связывать, предателей, сукиных сынов, — сказал Козоед, подходя. — Укокошить сразу, и кранты.

— Сам ты сын, к тому же сучий, — сказал Ярпен Зигрин. — Не оскорбляй собак. Пшел вон, подметка гнилая.

— Ишь, какие смелые, — проворчал Козоед. — Поглядим, достанет ли вам храбрости, когда мои из Голополья подойдут, а они уже вот-вот. Посмо...

Ярпен, вывернувшись с неожиданной при его тучности ловкостью, треснул сапожника топориком в лоб. Стоявший рядом Нищука добавил пинком. Козоед пролетел несколько сажен и зарылся носом в траву.

— Вы это попомните! — крикнул он, стоя на четвереньках. — Всех вас...

— Парни! — рявкнул Ярпен Зигрин. — Надавайте сапожнику по заду, дратва его мать! Хватай его, Нищука!

Козоед ждать не стал. Вскочил и рысью кинулся в сторону восточного каньона. За ним последовали голопольские охотники. Краснолюды с хохотом кидали им в спины камни.

— Сразу как-то воздух чище стал, — засмеялся Ярпен. — Ну, Богольт, беремся за дракона.

— Не спешите, — подняла руку Йеннифэр. — Братся-то вы можете, да только за ноги. За свои. Все, сколько вас тут есть.

— Не понял? — Богольт ссутулился, глаза его злоежде разгорелись. — Что вы сказали, госпожа ведьма?

— Выматывайтесь отсюда вслед за сапожником, — повторила Йеннифэр, — все. Я сама управляюсь с драконом. Неконвенционным оружием. А на прощание можете меня поблагодарить. Не вмешайся я, вы испробовали бы на себе ведьмачьего меча. Ну быстренько, Богольт, не заставляй меня нервничать. Предупреждаю, я знаю заклинание, с помощью которого могу превратить вас в мерингов. Достаточно рукой пошевелить.

— Ну уж нет, — процедил Богольт. — Мое терпение дошло до предела возможного. Не позволю делать из себя идиота. Живодер, отцепи-ка дышло. Чую, и мне понадобится неконвенционное оружие. Сейчас, с вашего позволения, кто-то отхватит по крестцу. Я не стану тыкать пальцем, но сей момент получит по крестцу одна паршивая ведьма.

— Только попробуй, Богольт. Доставь мне удовольствие.

— Йеннифэр, — укоризненно сказал краснолюд. — Почему?

— А может, я просто не люблю делиться, Ярпен?

— Ну что ж, — усмехнулся Ярпен Зигрин. — Глубоко человеческое чувство. Настолько человеческое, что не хуже краснолюдского. Приятно видеть свойские... свойства у чародейки. Потому как и я тоже не люблю делиться, Йеннифэр.

Он согнулся и коротко замахнулся. Железный шар, появившийся неведомо откуда и когда, свистнул в воздухе и ударил Йеннифэр в лоб. Прежде чем чародейка успела прийти в себя, она уже висела в воздухе, удерживаемая за руки Живодером и Нищукой, а Ярпен опутывал ей щиколотки веревкой. Йеннифэр яростно крикнула, но один из стоявших позади парней Ярпена закинул ей ременные поводья на голову, сильно стянул, ремень, врезавшийся в раскрытый рот, заглушил крик.

— Ну и как, Йеннифэр? — спросил Богольт, подходя. — Как же ты сделаешь из меня мерина? Коль и рукой не можешь пошевелить?

Он разорвал ей воротник кафтанчика, рубашку. Йеннифэр визжала, давась поводьями.

— Нет у меня сейчас времени, — проговорил Богольт, бесстыже ощупывая ее под ржание краснолюдов, — но погоди малость, ведьма. Прикончим дракона — поиграем. Привяжите ее как следует к колесу, парни. Обе лапки к ободу, так, чтобы она и пальцем не пошевелила. И пусть ее теперь никто не

трогает, мать вашу так, прошу прощения. Очередность установим в зависимости от того, кто как покажет себя с драконом. Эй, кто-нибудь, уберите ремень.

— Богольт, — проговорил связанный Геральт тихо, спокойно и зловеще. — Осторожней. Я отыщу тебя на краю света.

— Удивительно, — ответил рубайла так же спокойно. — Удивительно. Я б на твоём месте сидел тихо. Я знаю тебя и вынужден серьёзно отнестись к угрозе. У меня не будет выхода. Ты можешь не выжить, ведьмак. Мы ещё вернемся к этому вопросу. Нищука, Живодер, на коней.

— Ну судьба, — застонал Лютик. — На кой ляд я вязался?

Доррегарай, наклонив голову, рассматривал сгустки крови, медленно капавшие из носа на живот.

— Может, перестанешь глазеть! — с трудом выговорила чародейка, словно змея, извиваясь в веревочной петле и напрасно пытаясь скрыть обнаженные прелести. Ведьмак послушно отвернулся. Лютик — нет.

— На то, что я вижу, — засмеялся бард, — ты, небось, использовала никак не меньше бочонка эликсира из поскрипа, Йеннифэр. Кожа как у шестнадцатилетки, искусай меня гусыня.

— Заткнись, курвин сын! — взывала чародейка.

— Сколько тебе, собственно, лет, Йеннифэр? — продолжал Лютик. — Сотни две? Ну, скажем, сто пятьдесят. А сохранилась как...

Йеннифэр вывернула шею и плюнула в него, но промахнулась.

— Йен, — укоризненно сказал ведьмак, вытирая оплеванное ухо о плечо.

— Пусть он перестанет глазеть!

— И не подумая, — сказал Лютик, не спуская глаз с роскошной картины, каковую представляла собой растрепанная чародейка. — Ведь мы из-за нее тут сидим. И нам могут перерезать горло. А ее, самое большее, изнасилают, что в ее-то возрасте...

— Заткнись, Лютик, — сказал ведьмак.

— И не подумая, — повторил бард. — Я как раз собираюсь сложить балладу о двух сиськах. И попрошу не мешать...

— Лютик, — Доррегарай потянул кровоточащим носом, — будь серьезным.

— Я и так чертовски серьезен.

Богольт, поддерживаемый двумя краснолюдями, с трудом вскарабкался в седло, тяжелый и неуклюжий от лат и наложенных на них кожаных защитных пластин. Нищука и Живодер уже сидели на конях, держа поперек седел огромные двуручные мечи.

— Лады, — кашлянул Богольт. — Пошли на него.

— Э, нет, — произнес глубокий голос, звучавший как латунная труба. — Это я пришел к вам!

Из-за кольца валунов вынырнула, посверкивая золотом, длинная морда, стройная шея, вооруженная рядом треугольных зубчатых выростов, когтистые лапы. Злые змеинные глаза с вертикальными зрачками глядели из-под роговых век.

— Я не мог усидеть на поле, — сказал дракон Виллентре-тенмерт, осматриваясь, — потому пришел сам. Охотников бить-ся вроде бы все меньше?

Богольт взял поводья в зубы, а длинный меч — в обе руки.

— Еффо фатиг, — сказал он невнятно, грызя ремень. — Ну ты готоф? Тафай!

— Готов, — сказал дракон, выгибая спину дугой и нагло задирая хвост.

Богольт оглянулся. Нищука с Живодером медленно, нарочито спокойно обходили дракона с двух сторон. Сзади ждали Ярпен Зигрин и его парни с топорами в руках.

— А-а-ах! — рявкнул Богольт, ударив коня пятками и поднимая меч.

Дракон сжался, припал к земле и сверху, из-за собственного хребта, словно скорпион, ударил хвостом, целясь не в Богольта, а в Нищуку, нападавшего сзади. Нищука под аккомпанемент звона, хруста и ржания свалился вместе с конем. Богольт, припав в галопе, рубанул, дракон ловко отскочил от широкого лезвия. Инерция галопа пронесла Богольта мимо. Дракон вывернулся, встал на задние лапы и рванул когтями Живодера, одним ударом разорвав живот лошади и бедро наезднику. Богольт, сильно откинувшись в седле, сумел завернуть коня и, не отпуская вожжей из зубов, атаковал снова.

Дракон хлестнул хвостом по бегущим к нему краснолюдам, повалил всех на землю и бросился на Богольта, как бы мимоходом прихлопнув Живодера, пытавшегося встать. Богольт, мотая головой, пробовал управлять разъяренным конем, но дракон был гораздо проворнее. Хитро зайдя Богольту слева, чтобы затруднить тому удары, он хватил его когтистой лапой. Конь встал на дыбы и кинулся вбок. Богольт вылетел из седла, выпустил меч и потерял шлем, рухнул спиной на землю, ударившись головой о камень.

— Ходу, парни! В горы! — взвыл Ярпен Зигрин, перебивая рев Нищуки, придавленного конем. Развевая бородами, краснолюды рванулись к скалам со скоростью, поразительной при их коротких ногах. Дракон не преследовал. Он спокойно сидел и осматривался. Нищука метался и орал под конем. Богольт лежал неподвижно. Живодер отполз к скалам боком, словно огромный металлический краб.

— Невероятно, — шептал Доррегарай. — Невероятно...

— Эй! — Лютик рванулся в веревках так, что телега затряслась. — Что это? Вон там? Глядите!

Со стороны восточного каньона ползла огромная туча пыли, вскоре до них донеслись крики, топот. Дракон вытянул шею, рассматривая.

На равнину выкатились три большущие телеги, забитые вооруженными людьми. Разделившись, они начали окружать дракона.

— Это... Черт побери, это же милиция и цеховые из Голополя! — крикнул Лютик. — Они обошли истоки Браа! Да, это они! Гляньте-ка, Козоед, там, впереди!

Дракон опустил голову, нежно подтолкнул к возу маленькое, серенькое, попискивающее существо. Потом ударил хвостом о землю, зарычал и стрелой помчался навстречу голопольцам.

— Что это? — спросила Йеннифэр. — Это маленькое? То, что копошится в траве? Геральт?

— Это то, что дракон защищал от нас, — сказал ведьмак. — То, что недавно проклюнулось в пещере, там, в северном каньоне. Дракончик, вылупившийся из яйца драконицы, отравленной Козоедом.

Дракончик, спотыкаясь и елозя по земле выпуклым животиком, неуверенно подбежал к телеге, пискнул, встал столбиком, растопылив крылышки, потом, не задумываясь, прижался к бедру чародейки. Йеннифэр с растерянным выражением лица громко вздохнула.

— Он тебя любит, — проворчал Геральт.

— Маленький, а не дурак. — Лютик, вывернувшись в узах, ощерился. — Гляньте, куда мордашку-то сунул, хотел бы я быть на его месте, черт побери! Эй, малый, беги! Это Йеннифэр! Гроза драконов. И ведьмаков. Во всяком случае — одного ведьмака. Это уж точно.

— Помолчи, Лютик! — крикнул Доррегарай. — Глядите туда, на поле! Они уже на него напали, гром их разрази!

Телеги голопольцев, гремя, как боевые колесницы, мчались на мчащегося к ним дракона.

— Бей его! — орал Козоед, вцепившись в плечи возницы. — Бей, братва, куда попало и чем попало! Не жалей!

Дракон ловко отскочил от наезжающего на него первого воза, искрящегося остриями кос, вил и рогатин, но попал между двумя другими, из которых на него упала запущенная ремнями огромная двойная рыбацкая сеть. Дракон, запутавшись, повалился, рванулся, сжался в клубок, растопырил лапы. Сеть, разрываемая на куски, громко затрещала. С первой телеги, которая уже успела развернуться, на него кинули новые сети, полностью опутавшие его. Две оставшиеся телеги развернулись и помчались к дракону, тарахтя и подсакивая на выбоинах.

— Попался в сети, карась! — орал Козоед. — Сейчас мы с тебя чешуи-то сдерем!

Дракон зарычал, пальнул вздымающимся к небу клубом пара. Голопольские милиционеры кинулись к нему, соскакивая с телег. Дракон снова зарычал, отчаянно, вибрирующим рыком.

Из северного каньона отозвался высокий боевой клич.

Выгнувшись в сумасшедшем галопе, развевая светлыми косами, пронзительно визжа, окруженные мигающими разблесками сабель, из каньона вылетели...

— Зерриканки! — крикнул ведьмак, бессильно дергая веревки.

— О дьявольщина! — подхватил Лютик. — Геральт! Понимаешь?

Зерриканки промчались через толпу голопольцев, точно раскаленный нож сквозь кусок масла, помечая свой путь порубанными трупами, на ходу соскочили с коней, остановились около рвущегося в сетях дракона. Первый из подбежавших милиционеров тут же лишился головы. Второй замахнулся на Вэю вилами, но зерриканка, держа саблю обеими руками, распорол его от промежности до груди. Остальные поспешно ретировались.

— По телегам! — крикнул Козоед. — По телегам, ребята! Задавим их телегами!

— Геральт! — вдруг крикнула Йеннифэр, подгибая связанные ноги и резким движением всовывая их под вывернутые назад связанные руки ведьмака. — Знак Игни. Пережигай! Надунал веревку? Пережигай, мать...

— Вслепую? — ахнул Геральт. — Я же тебя обожгу, Йен!

Он послушался, почувствовал, как печет пальцы, сложенные в Знак Игни над связанными щиколотками. Йеннифэр отвернулась, стиснула зубами воротник кафтанчика, сдерживая стон. Дракончик, пища, тыркался крыльшками ей в бок.

— Йен!

— Пережигай! — взывала она.

Узы сдали в тот момент, когда отвратительная удушливая вонь горящей кожи стала невыносимой. Доррегарай издал странный звук и, потеряв сознание, повис на веревках у колеса телеги.

Чародейка, скривившись от боли, напряглась, поднимая уже свободную ногу. Крикнула яростным, полным боли и злобы голосом. Медальон на шее Геральта рвался словно живой. Йеннифэр напрягла бедро и, махнув ногой в сторону атакующих голопольских телег, прокричала заклинание. Воздух заискрился, пахло озоном.

— О боги, — изумленно простонал Лютик. — Какая будет баллада!

Заклятие, брошенное стройной ножкой, не совсем удалось чародейке. Первая телега вместе со всем, что в ней находилось, просто окрасилась в золотой, словно бабочка-калужница, цвет,

чего голопольские вояки в пылу боя просто не заметили. Со второй телегой дело пошло лучше — весь ее экипаж мгновенно превратился в огромных пупырчатых лягушек, которые, потешно квакая, прыснули во все стороны. Телега, лишившись управления, перевернулась и разлетелась в щепы. Коня, истерически ржа, умчались, волоча за собой сломанное дышло.

Йеннифэр закусил губу и снова махнула в воздухе ногой. Калужно-золотой воз, сопровождаемый бравурными звуками, долетавшими откуда-то сверху, неожиданно превратился в золотистый дым, а бойцы оказались в траве, образовав красочную кучу-малу. Колеса третьей телеги из круглых превратились в квадратные. Результат сказался незамедлительно. Коня встали на дыбы, телега перевернулась, а голопольское войско вывалилось на землю. Йеннифэр, уже из чистой мстительности, яростно махала ногой и выкрикивала заклятия, превращая голопольцев в черепах, гусей, тысяченожек, фламинго и поросят. Зерриканки ловко и методично дорезали остальных.

Дракон, разорвав наконец сеть в клочья, вскочил, захлопал крыльями, зарычал и помчался, вытянувшись струной, за уцелевшим от бойни сапожником Козоедом. Козоед несясь быстрее лани, но дракон был еще быстрее. Геральт, видя раскрывающуюся пасть и блестящие, острые как кинжалы зубы, отвернулся. Услышал чудовищный вопль и жуткий хруст. Лютик глупо хихикнул. Йеннифэр, бледная как полотно, согнулась пополам, вывернулась набок, и ее вырвало под телегу.

Наступила тишина, прерываемая лишь соответствующим гогогом, кваканьем и попискиванием недобитых голопольских милиционеров.

Вэя, нехорошо усмехаясь, встала над Йеннифэр, широко расставив ноги. Подняла саблю. Йеннифэр, бледная, подняла ногу.

— Нет, — сказал Борх по прозвищу Три Галки, сидевший на камне. На коленях он держал дракончика, спокойного и довольного.

— Не надо убивать госпожу Йеннифэр, — повторил дракон Виллентретенмерт. — Теперь уже нет смысла. Больше того, теперь мы благодарны госпоже Йеннифэр за неоценимую помощь. Освободи ее, Вэя.

— Ты понимаешь, Геральт, — шепнул Лютик, растирая затекшие руки. — Понимаешь? Есть такая древняя легенда о золотом драконе. Золотой дракон может...

— Может принять любой облик, — проворчал Геральт. — Человеческий тоже. Я где-то слышал об этом, но не верил.

— Господин Ярпен Зигрин! — крикнул Виллентретенмерт краснолюду, вцепившемуся в отвесную скалу в двадцати локтях от земли. — Чего вы там ищете? Сурков или сусликов? Это вроде бы не ваше любимое блюдо, насколько я помню. Спускайтесь и займитесь рубайлами. Им нужна помощь. Я больше не буду убивать. Никого.

Лютик беспокойно поглядывал на зерриканок, зорко осматривавших поле боя, пытался привести в чувство все еще лежавшего без сознания Доррегара. Геральт смазывал мазью и перевязывал обожженные щиколотки Йеннифэр. Чародейка шипела от боли и бурчала заклинания.

Покончив с делом, ведьмак встал.

— Оставайтесь здесь, — сказал он, — мне надо с ним поговорить.

Йеннифэр, морщась, встала.

— Я с тобой, Геральт, — взяла она его под руку. — Можно? Я тебя провожу, Геральт.

— Со мной? Я думал...

— Не думай, — прижалась она к его плечу.

— Йен?

— Все хорошо, Геральт.

Он взглянул ей в глаза. Теплые. Как прежде. Он наклонил голову и поцеловал ее в губы, горячие, мягкие и жадные. Как прежде.

Подошли. Йеннифэр, поддерживаемая Геральтом, глубоко, как перед королем, присела, взяв платье кончиками пальцев.

— Три Гал... Виллентретенмерт, — произнес ведьмак.

— Мое имя в вольном переводе на ваш язык означает Три Черные Птицы, — сказал дракон. Дракончик, вцепившись коготками в его предплечье, подставил шейку под ласкающую руку.

— Хаос и Порядок, — улыбнулся Виллентретенмерт, — помнишь, Геральт? Хаос — это агрессия. Порядок — защита

от нее. Следовало мчаться на край света, чтобы противодействовать агрессии и злу, правда, ведьмак? Особенно когда плата, по твоим словам, соответствующая. А на этот раз она явно соответствовала. Это были сокровища драконицы Миргтабракке, той, которую отравили под Голопольем. Она призвала меня, чтобы я помог ей, отразил грозящее ей зло. Миргтабракке уже улетела. Вскоре после того как с поля унесли Эйка из Денесле. Времени у нее было предостаточно, пока вы болтали и скандалили. Но она оставила мне свое сокровище, мою плату.

Дракончик пискнул и затрепыхал крылышками.

— Так ты тоже...

— Да, — прервал дракон. — Что делать, такие времена. Существа, которых вы привыкли называть чудовищами, с некоторых пор чувствуют все большую угрозу со стороны людей. Они уже не могут управиться сами. Им нужен Защитник. Этакий... ведьмак.

— А цель... цель, которая — в конце пути?

— Вот она. — Виллентретенмерт поднял предплечье. Дракончик испуганно запищал. — Я ее достиг. Благодаря ему я выдержу, Геральт из Ривии, докажу, что пределов возможному нет. Ты тоже когда-нибудь найдешь такую цель, ведьмак. Даже те, которые отличаются, могут выжить. Прощай, Геральт. Прощай, Йеннифэр.

Чародейка, сильнее схватив руку ведьмака, снова присела. Виллентретенмерт встал, взглянул на нее, и лицо у него посерьезнело.

— Прости за откровенность и прямолинейность, Йеннифэр. Это написано на ваших лицах, мне даже нет нужды читать ваши мысли. Вы созданы друг для друга, ты и ведьмак. Но ничего из этого не получится. Ничего. Мне жаль.

— Знаю. — Йеннифэр слегка побледнела. — Знаю, Виллентретенмерт. Но и я хотела бы верить, что нет пределов возможному. Или хотя бы в то, что они еще очень далеки.

Вэя, подойдя, коснулась плеча Геральта, быстро произнесла несколько слов. Дракон рассмеялся.

— Геральт, Вэя говорит, что долго будет помнить бадью «Под Задумчивым Драконом». Она рассчитывает на то, что мы еще когда-нибудь встретимся.

- Что-что? — спросила Йеннифэр, прищурившись.
- Ничего, — быстро ответил ведьмак. — Виллентретен-мерт?
- Слушаю тебя, Геральт из Ривии.
- Ты можешь принять любую форму? Любую, какую пожелаешь?
- Да.
- Почему же человека? Почему Борха с тремя галками в гербе?

Дракон дружески улынулся.

— Не знаю, Геральт, при каких обстоятельствах впервые встретились давние предки наших рас. Но факт в том, что для драконов нет ничего более отвратительного, чем человек. Человек пробуждает в драконах инстинктивное, нерациональное отвращение. Со мной дело обстоит иначе. Мне... вы симпатичны. Прощайте.

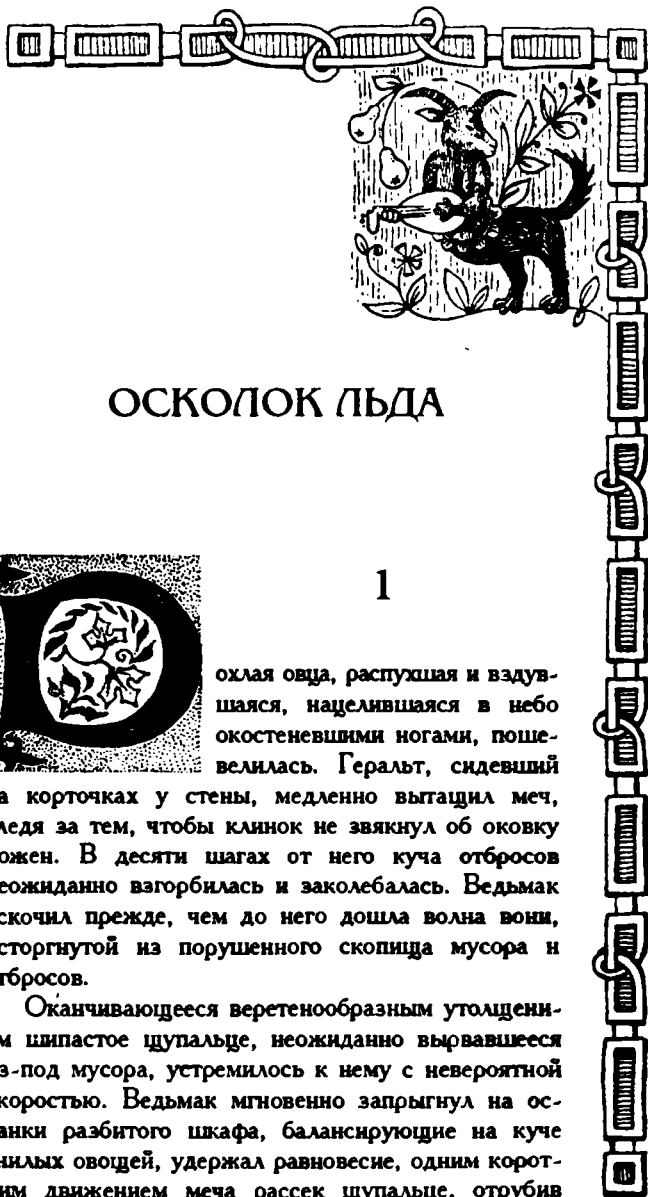
Это не было постепенное, расплывающееся преобразование, не туманное, пульсирующее дрожание, как при иллюзии. Это было словно мгновение ока. В том месте, где только что стоял курчавый рыцарь в накидке, украшенной гербом с тремя черными птицами, сидел золотой дракон, красиво изогнувший длинную шею. Склонив голову набок, дракон распростер крылья, ослепительно золотые в лучах солнца. Йеннифэр громко вздохнула.

Вэя, уже в седле, рядом с Тэей, махнула рукой.

— Вэя, — сказал ведьмак. — Ты была права.

— Хм?

— Он самый красивый.

ОСКОЛОК ЛЬДА

1

охлая овца, распушная и вздувшаяся, нацелившаяся в небо окостеневшими ногами, пошевелилась. Геральт, сидевший на корточках у стены, медленно выгащил меч, следя за тем, чтобы клинок не звякнул об оковку ножен. В десяти шагах от него куча отбросов неожиданно взгорбилась и заколебалась. Ведьмак вскочил прежде, чем до него дошла волна вони, исторгнутой из порушенного скопища мусора и отбросов.

Оканчивающееся веретенообразным утолщением шипастое щупальце, неожиданно вырвавшееся из-под мусора, устремилось к нему с невероятной скоростью. Ведьмак мгновенно запрыгнул на останки разбитого шкафа, балансирующие на куче гнилых овощей, удержал равновесие, одним коротким движением меча рассек щупальце, отрубив

палицеобразную присоску. И тут же отскочил, но, поскользнувшись на досках, по бедра погрузился в вязкую массу.

Куча словно взорвалась, вверх взвились густая вонючая жижа, черепки горшков, прогнившее тряпье и бледные ниточки квашеной капусты, а из-под них вырвалось огромное веретенообразное, бесформенное, как гротескная картофелина, тело, стегавшее воздух тремя щупальцами и культей четвертого.

Геральт, увязший и лишенный возможности двигаться, ударил с широкого разворота бедер и гладко обрубил другое щупальце. Два последних, каждое с добрую ветку толщиной, тяжело упали на него, еще глубже вбивая в помойку. «Картофелина» двинулась к нему, пропахивая борозду, словно влекомая силой бочка. Он увидел, как она лопается, разевая широкую пасть, заполненную огромными неровными зубами.

Он позволил щупальцам схватить себя и, с чавканьем вырвав из смердящего месива, потащить к телу, вращательными движениями вгрызающемуся в помойку. Зубастая пасть дико и яростно зачавкала. Оказавшись рядом с жуткой пастью, ведьмак ударил мечом, ухватившись за него обеими руками, сталь вошла плавно и мягко. От тошнотворно сладкой вони перехватило дыхание. Чудище зашипело и задергалось, щупальца отпустили добычу, конвульсивно задергались в воздухе. Геральт, погрязая в отходах, рубанул ее еще раз, наотмашь, острие отвратно заскрипело и заскрежетало по ощерившимся зубам. Существо забулькало и осело, но тут же раздулось, шипя, брызгая на ведьмака вонючим месивом. Нащупав опору отчаянными движениями увязающих ног, Геральт вырвался, бросился вперед, расталкивая отходы грудью, словно пловец воду, рубанул изо всей силы сверху, всем весом навалился на острие, входящее в тело чудища между фосфоресцирующими белыми глазами. Чудище булькающе застонало, задергалось, разливаясь по куче отбросов, словно проколотый пузырь, разя острым теплыми волнами смрада. Щупальца вздрагивали и извивались среди гнили и мрази.

Ведьмак выбрался из гущи, встал на покачивающемся, но твердом основании. Почувствовал, как что-то липкое и отвратительное, что проникло в башмак, ползет по лодыжке. «К колодцу, — подумал он. — Поскорее отмыться от этой мер-

зости. Отмыться». Щупальца еще раз шлепнули по отбросам, громко и мокро, и замерли.

Упала звезда, секундной молнией оживив черный, усеянный огоньками небосвод. Ведьмак не загадал желания.

Он тяжело, хрипло дышал, чувствуя, как кончается действие принятых перед борьбой эликсиров. Прилегающий к стенам города гигантский сборник мусора и отходов, уходящий отвесно к поблескивающей ленте реки, при свете звезд выглядел красиво и привлекательно. Ведьмак сплюнул.

Чудище было мертво, уже стало частью той кучи, в которой некогда обитало.

Упала вторая звезда.

— Помойка, — с трудом проговорил ведьмак. — Мерзость, дрянь и дерьмо.

2

— От тебя зверски несет, — поморщилась Йеннифэр, не отрываясь от зеркала, перед которым смывала краску с век и ресниц. — Искупайся.

— Воды нет, — сказал он, заглянув в ведро.

— Чепуха. — Чародейка встала, широко распахнула окно. — Какую желаешь: морскую или обычную?

— Для разнообразия морскую.

Йеннифэр резко раскинула руки, выкрикнула заклинание, проделав короткое движение. В раскрытое окно вдруг повеяло насыщенной морской прохладой, створки дрогнули, и в комнату со свистом ворвалась зеленая, собранная в неправильной формы шар водяная пыль. Лохань запенилась волнующейся, бьющей о края, плещущей на пол водой. Чародейка вернулась к прерванному занятию.

— Ну как? Успешно? — спросила она. — Что там такое было, на свалке?

— Думается, ригтер. — Геральт стащил башмаки, скинул одежду и опустил ноги в лохань. — Черт, Йеннифэр, холодно. Не сможешь подогреть?

— Нет. — Чародейка, приблизив лицо к зеркалу, с помощью стеклянной палочки капнула себе что-то в глаз. — Такое заклинание ужасно утомляет и вызывает у меня тошноту. А тебе после эликсиров холодная вода на пользу.

Геральт не спорил. Спорить с Йеннифэр было бесполезно.

— Трудно было? — Чародейка погрузила палочку в флакончик и капнула в другой глаз, смешно скривив рот.

— Ничего особенного.

Из-за раскрытого окна долетел грохот, треск ломаемого дерева и голос, фальшиво, нескладно и нечленораздельно повторяющий припев популярной непотребной песенки.

— Риггер. — Чародейка потянулась к очередному флакончику из стоящей на столе солидной батарее, вынула пробку. В комнате запахло сиренью и крыжовником. — Времена настали! В городе и то легко найти работу для ведьмака. Нет нужды таскаться по пустырям. Знаешь, Истредд утверждает, что это становится правилом. Место вымирающих в лесах и болотах существ занимает что-то другое, какая-то новая мутация, приспособленная к искусственной, созданной людьми среде.

Геральт, как всегда, поморщился при упоминании об Истредде. Он уже пресытился постоянными ахами и охами Йеннифэр по поводу гениальности Истредда. Даже если Истредд был прав.

— Истредд прав, — продолжала Йеннифэр, втирая в щеки и веки нечто, пахнущее сиренью и крыжовником. — Посуди сам, псевдокрысы в каналах и подвалах, риггеры на свалках, пласкуны в загаженных рвах и стоках, прудовики в мельничных прудах. Какой-то симбиоз получается, не думаешь?

«И гули на кладбищах, пожирающие покойников на следующий же день после похорон, — подумал Геральт, споласкивая мыльную пену. — Полный симбиоз. Точно».

— Да. — Чародейка отставила флакончик и баночки. — В городах тоже можно найти занятие для ведьмака. Думаю, когда-нибудь ты наконец оседешь в каком-нибудь городе.

«Скорее меня удар хватит», — подумал он. Но вслух не сказал.

Противоречить Йеннифэр значило довести дело до скандала, а скандалить с Йеннифэр было небезопасно.

— Ты закончил, Геральт?

— Да.

— Вылезай из лохани.

Йеннифэр, не вставая, небрежно махнула рукой и проговорила заклинание. Вода из лохани вместе с той, что разлилась по полу и стекала с Геральта, собралась в полупрозрачный шар и со свистом вылетела в окно. Послышался громкий плеск.

— А, чтоб вас, сукины дети! — долетел снизу сердитый возглас. — Некуда, что ли, обмылки плескать? Чтоб вас вши живьем зажрали, чтоб вас сказило, чтоб вы сдохли!

Чародейка прикрыла окно.

— Черт побери, Йен, — захохотал ведьмак. — Могла бы откинуть подальше.

— Могла, — буркнула она. — Да не хотела.

Йеннифэр взяла со стола светильник и подошла к Геральту. Белая ночная рубашка, повторяющая все движения тела, делала ее невероятно привлекательной. «Больше, чем будь она голый», — подумал он.

— Хочу тебя осмотреть, — сказала она. — Риггер мог оцарапать.

— Но не оцарапал. Я бы почувствовал.

— После эликсиров? Не смеши. После эликсиров ты не почувствуешь и открытого перелома, пока торчащая кость не станет цепляться за живые изгороди. А на ригтере могло быть все, до столбняка и трупного яда включительно. В случае чего, еще не поздно противодействовать. Повернись.

Он чувствовал на теле мягкое тепло светильника, случайные прикосновения ее волос.

— Вроде бы все в порядке, — сказала она. — Ляг, пока эликсиры не свалили с ног. Эти смеси чертовски опасны. Ты день ото дня постепенно убиваешь себя.

— Я вынужден принимать их перед дракой.

Йеннифэр не ответила. Снова присела к зеркалу, медленно расчесала черные, крутые, блестящие локоны. Она всегда расчесывала волосы перед тем, как лечь в постель. Геральт считал это чудачеством, но обожал наблюдать за ней во время этой процедуры и подозревал, что Йеннифэр это знала.

Ему вдруг стало очень холодно, а эликсиры буквально лихорадили его, немела шея, по низу живота ходили водовороты

тошноты. Он выругался под нос, свалился на кровать, не переставая при этом глядеть на Йеннифэр.

Шевеление в углу обратило на себя его внимание. На криво прибитых к стене, покрытых тенётами оленьих рогах сидела небольшая, черная как смоль птица и, наклонив голову, глядела на ведьмака желтым неподвижным глазом.

— Что это, Йеннифэр? Откуда оно вылезло?

— Что? — повернула голову Йеннифэр. — Ах, это? Пустельга.

— Пустельга? Пустельги бывают рыжевато-крапчатые, а эта черная.

— Это магическая пустельга. Я ее сделала.

— Зачем?

— Нужно, — отрезала Йеннифэр. Геральт не стал задавать вопросов, знал, что Йеннифэр не ответит.

— Идешь завтра к Истредду?

Чародейка отодвинула флакончик на край стола, спрятала гребень в шкатулку и закрыла дверцы трельяжа.

— Иду. Утром. А что?

— Ничего.

Она легла рядом, не задув светильника. Она никогда не гасила свет, не терпела спать в темноте. Светильник ли, фонарь ли, свеча ли должны были догореть до конца.

Всегда. Еще одно чудачество. У Йеннифэр было невероятно много чудачеств.

— Йен?

— А?

— Когда мы уедем?

— Не нуди. — Она дернула перину. — Мы здесь всего три дня, а ты задаешь этот вопрос по меньшей мере трижды в день. Я сказала, у меня здесь дела.

— С Истреддом?

— Да.

Он вздохнул и обнял ее, не скрывая намерений.

— Эй, — шепнула она. — Ты же принимал эликсиры...

— Ну и что?

— Ну и ничего. — Она захихикала, словно малая девчушка, прижалась к нему, выгнувшись и приподнявшись, чтобы

скинуть рубашку. Восхищение ее наготой, как всегда, отзывалось у него дрожью в спине, мурашки побежали по пальцам, соприкоснувшимся с ее кожей. Он дотронулся губами до ее груди, округлых и нежных, с такими бледными сосочками, что они выделялись только формой. Запустил пальцы в ее волосы, пахнущие сиренью и крыжовником.

Она поддавалась его ласкам, мурлыча, как кошка, терлась согнутым коленом о его бедро.

Вскоре оказалось — как обычно, — что он переоценил свою сопротивляемость магическим эликсирам, забыл об их вредном влиянии на организм. «А может, и не эликсыры, — подумал он, — может, утомление, на которое я уже рутинно не обращаю внимания? Но организм, хоть и подправленный искусственно, не поддается рутине. Реагирует естественно. Только беда в том, что происходит это тогда, когда не надо. Зараза!»

Но Йеннифэр — как обычно — не пала духом из-за каких-то пустяков. Он почувствовал, как она касается его, услышал, как мурлычет тут же около его уха. Как обычно, он невольно подумал о космическом множестве других okazji, во время которых она наверняка не упускала случая воспользоваться этим весьма практическим заклинанием. А потом — перестал об этом думать.

Как обычно — было необычно.

Он смотрел на ее губы, на их уголки, дрожащие в безотчетной улыбке. Он хорошо знал эту улыбку, она всегда казалась ему скорее улыбкой триумфа, нежели счастья. Он никогда не спрашивал ее об этом. Знал, что не ответит.

Черная пустельга, сидевшая на оленьих рогах, встряхнула крыльями, щелкнула кривым клювом. Йеннифэр повернула голову и вздохнула. Очень тоскливо.

— Йен?

— Ничего, Геральт, — поцеловала она его. — Ничего.

Пламечко светильника дрожало. В стене скреблась мышь. Тихонько, мерно, монотонно шуршал короед в комодике.

— Йен?

— Да?

— Уедем отсюда. Я себя здесь скверно чувствую. Город влияет на меня отвратительно.

Она повернулась на бок, провела рукой по его щеке, откинула волосы, проехала пальцами ниже, коснулась затянувшихся шрамов, покрывающих шею сбоку.

— Знаешь, что означает название этого города? Аэдд Гинваэль?

— Нет. На языке эльфов?

— Да. «Осколок льда».

— Удивительно не подходит для здешней паршивой дыры.

— У эльфов, — задумчиво шепнула чародейка, — есть легенда о Королеве Зимы, которая во время бурана пронесится по странам на саних, запряженных белыми лошадьми. Королева разбрасывает кругом твердые, острые, маленькие кристаллики льда, и беда тому, кому такая льдинка попадет в глаз или сердце. Он — погиб. Ничто больше не в состоянии обрадовать его, все, что хоть чуточку теплее снега, будет казаться ему некрасивым, отвратительным. Он потеряет покой, забросит все, последует за Королевой, за своей мечтой и любовью. Но... никогда не найдет ее и погибнет от тоски. Кажется, здесь, в этом городе, в незапамятные времена случилось нечто подобное. Красивая легенда, верно?

— Эльфы все ухитряются принарядить в красивые слова, — буркнул он сонно, водя губами по ее плечу. — Это вовсе не легенда, Йен. Это красивое описание отвратного явления, имя которому Дикий Гон, проклятие некоторых мест. Необъяснимое коллективное умопомрачение, заставляющее людей присоединяться к призрачному стаду, мчащемуся по небу. Мне доводилось видеть такое. Действительно, это часто случается зимой. Мне предлагали немалые деньги за то, чтобы я положил конец заразе, но я не взялся. Против Дикого Гона нет средств...

— Ведьмак, — шепнула она, целуя его в щеку. — В тебе нет ни крохи романтики. А я... я люблю легенды эльфов, они такие красивые. Жаль, у людей нет таких. Может, когда-нибудь появятся? Может, люди создадут их? Но о чем могут говорить легенды людей? Кругом, куда ни глянь, серость и неопределенность. Даже то, что начинается красиво, быстро кончается скукой и обыденностью, заурядностью, тем человеческим ритуалом, тем тоскливым ритмом, который именуется жизнью. Ах, Геральт, нелегко быть чародейкой в нашем мире, но по сравне-

нию с обычным человеческим существованием... Геральт? — Она положила голову на его мерно вздымающуюся грудь. — Спи. Спи, ведьмак.

3

Город отвратно влиял на него.

С самого утра. С самого утра все портило ему настроение, угнетало и злило. Его злило, что он проспал и поэтому самое утро практически оказалось самым полднем. Его нервировало отсутствие Йеннифер, которая ушла еще до того, как он проснулся.

Вероятно, торопилась, потому что все причиндалы, которые она обычно аккуратненько раскладывает по шкатулкам, в беспорядке валялись на столе, словно кости, брошенные гадалкой. Кисточки из тонкого волоса, большие для напудривания лица, маленькие, которыми она накладывала помаду на губы, и совсем малюсенькие для краски, которой она чернила брови и ресницы. Мелки и стерженьки для век и бровей. Щипчики и серебряные ложечки. Баночки и скляночки из фарфора и молочно-белого стекла, содержащие, как он знал, эликсиры и мази с такими банальными ингредиентами, как сажа, гусиный жир и морковный сок, и такими грозными, таинственными, как мандрагора, которую еще именуют поскрипом, антимионий, красавка, конопля, драконья кровь и концентрированный яд гигантских скорпионов. А надо всем этим, вокруг, в воздухе витали ароматы сирени и крыжовника — благоуханий, которые она употребляла всегда.

Она была в этих предметах. Была в этом аромате.

Но не было ее.

Он спустился, ощущая растущее беспокойство и нарастающее раздражение. На все.

Его раздражала холодная ячичница, которую подал трактирщик, на мгновение с трудом оторвавшись от девочки, которую тискал в подсобке. Раздражало, что девочке было, самое большее, двенадцать лет и в глазах у нее стояли слезы.

Теплая весенняя погода и радостный гул пульсирующей жизнью улицы не исправили Геральтова настроения. Все не нравилось ему в Аэдд Гинваэль, городке, который, по его мнению, был скверной пародией на все известные ему городки — преувеличенно шумным, душным, грязным и нервирующим.

Он неотрывно улавливал слабый запах свалки в одежде и волосах. Решил пойти в баню.

В бане испортила настроение мина банщика, глядевшего на его медальон и на меч, лежавший на краю кадки. Нервировало, что банщик не предложил ему девки. Он не думал воспользоваться девкой, но в банях их предлагали всем, поэтому его злило сделанное для него исключение.

Когда он вышел, резко пахнувший серым мылом, его настроение не улучшилось, а Аэдд Гинваэль ничуть не стал красивее. По-прежнему в нем не было ничего такого, что могло бы нравиться. Ведьмаку не нравились кучи навоза, покрывающие улочки. Не нравились бродяги, сидевшие на корточках у стены храма. Не нравились каракули, выведенные на стене и вопиющие: **ЭЛЬФЫ — В РЕЗЕРВАЦИИ!**

В замок его не пустили, а отослали за войтом в купеческую гильдию. Это его расстроило. Расстроило также, когда старшина цеха, эльф, велел искать войта на рынке и при этом глядел на него с презрением и превосходством, странным для того, кому вот-вот предстоит обратиться в резервацию.

На рынке было пруд пруди народу, полно ларьков, телег, лошадей, волов и мух. На возвышении стоял позорный столб с правонарушителем, которого чернь забрасывала грязью и дерьмом. Правонарушитель с достойным удивления спокойствием всячески поносил своих мучителей самыми грязными словами, не очень-то возвышая голос.

Для Геральта, неплохо разбиравшегося в ситуации, цель пребывания войта в этом бедламе была абсолютно ясна. У приезжих купцов взятки были предусмотрительно заложены в ценах, стало быть, им надо было кому-то эти взятки сунуть. Войт, также знакомый с обычаем, явился, дабы купцы не страдали напрасно.

Место, где он вершил дела, было обозначено грязно-голубым балдахином, растянутым на шестах. Там стоял стол, окру-

женный галдящими «кланентами». За столом сидел войт Гербольт, демонстрируя всем и вся пренебрежение и презрение, нарисованные на поблекшей физиономии.

— Эй! А ты куда?

Геральт медленно повернул голову. И моментально заглушил в себе злость, взял себя в руки, превратился в твердый, холодный осколок льда. Он уже не мог позволить себе какие-либо эмоции. У мужчины, заступившего дорогу, были желтоватые, как перья иволги, волосы, такие же брови над светлыми пустыми глазами. Тонкие кисти рук с длинными пальцами лежали на поясе из массивных латунных пластин, отягощенном мечом, булавой и двумя кинжалами.

— Ага, — сказал мужчина. — Узнаю. Ведьмак, не правда ли? К Гербольту?

Геральт кивнул, не переставая наблюдать за руками мужчины. Он знал, что их опасно было упускать из виду.

— Слышал о тебе, укротитель чудовищ, — сказал желтоволосый, внимательно глядя на руки Геральта. — Хотя, сдается, мы никогда не встречались, думаю, ты тоже обо мне слышал. Я Иво Мирс. Но все называют меня Цикада.

Ведьмак кивнул в знак того, что слышал. Знал он и цену, которую за голову Цикады давали в Вызиме, Казльфе и Ваттвейре.

Если бы заинтересовались его мнением, он сказал бы, что цена слишком мала. Но его мнением не интересовались.

— Добро, — сказал Цикада. — Войт, как мне ведомо, ждет тебя. Можешь идти. Но меч, дружок, оставь. Мне тут, понимаешь, платят за то, чтобы я придерживался такого церемониала. Никто с оружием не должен подходить к Гербольту. Понятно?

Геральт равнодушно пожал плечами, расстегнул ремень, обмотал им ножны и передал меч Цикаде. Цикада усмехнулся уголком рта.

— Надо же, — сказал он. — Вежливенько, ни слова супротив. Я знал, что сплетни о тебе преувеличены. Хотелось бы, чтобы ты как-нибудь попросил меч у меня. Увидел бы ответ.

— Эй, Цикада! — крикнул войт. — Пропусти его! Идите сюда, живо, господин Геральт. Здрасьте, здрастьте. Уйдите, господа купцы, оставьте нас вдвоем. Ваши дела должны уступить

проблемам гораздо более важным для города. Петиции оставьте моему секретарю!

Показная любезность встречи не обманула Геральта. Он знал, что это просто элемент торга. Купцы получили время на обдумывание, достаточно ли велики взятки.

— Бьюсь об заклад, Цикада пытался тебя спровоцировать. — Гербольт небрежно махнул рукой в ответ на столь же небрежный поклон ведьмака. — Пусть тебя это не волнует. Цикада хватается за оружие исключительно по приказу. Правда, это ему не очень-то нравится, но пока я плачу, он вынужден слушаться, иначе — долой со двора на большак. Не волнуйся.

— На кой вам ляд такие Цикады, войт? Неужто здесь так уж опасно?

— Не опасно, потому что плачу Цикаде. — Гербольт засмеялся. — Его слава идет далеко, и это мне на руку. Видишь ли, Аэдд Гинваэль и другие города в долине Тоины подчиняются наместнику из Рикверелина. А наместники последнее время сменяются каждый сезон. Впрочем, не понятно, зачем их менять, ведь каждый второй все равно или полу-, или четверть-эльф, проклятая кровь и порода. Все скверное — от эльфов. Каждый новый наместник, — продолжал напыжившийся Гербольт, — начинает с того, что убирает ипатов, войтов и солтысов старого режима и сажает в кресла своих родичей и знакомых. А после того, что Цикада когда-то сделал со ставленником очередного наместника, меня уже никто не пытается согнать с должности, и я теперь самый старый войт самого старого, уж и не помню, которого по счету, режима. Ну мы тут болтаем, а хрен упал, как любила говаривать моя первая жена, да будет ей земля прахом, в смысле — пухом. Перейдем к делу. Так что за гадина устроилась на нашей свалке?

— Риггер.

— В жизни ни о чем подобном не слышал. Надеюсь, убит?

— Убит.

— И во сколько же это обойдется городской казне? В семьдесят?

— В сто.

— Но, но, господин ведьмак! Уж не белены ль вы обвелись? Сто марок за убитого червяка, поселившегося в куче дерьма?

— Червяк не червяк, войт, а восьмерых человек сожрал, как вы сами утверждаете.

— Человек? Тоже мне люди! Уродец, как я уже сообщал, скушал старого Закорка, известного тем, что никогда не трезвел, одну старуху из пригорода и нескольких детишек перевозчика Сулирада, что обнаружилось не прытко, потому как Сулирад и сам не знает, сколько у него детей, он их строгаёт в таком темпе, что сосчитать не успеваёт. Люди! Человеки! Восемьдесят!

— Если б я не убил риггера, он вскоре сожрал бы кого-нибудь позначительнее. Допустим, аптекаря. И откуда бы вы тогда брали мазь от шанкра? Сто.

— Сто марок — куча денег. Не знаю, дал бы я столько за девятиголовую гидру. Восемьдесят пять.

— Сто, милсдарь Гербольт. Учтите, хоть это и не была девятиголовая гидра, никто из местных, не исключая славного Цикады, не сумел управиться с риггером.

— Потому как никто из местных не привык копать в дерьме и отбросах. Мое последнее слово — девяносто.

— Сто.

— Девяносто пять, чтоб тебя демоны и дьяволы...

— Согласен.

— Ну. — Гербольт широко улыбнулся. — С этим покончено. Ты всегда торгуешься с таким блеском, ведьмак?

— Нет, — не улыбнулся Геральт. — Скорее — редко. Но хотел доставить вам удовольствие, войт.

— И доставил, чтоб тебя чума... — захохотал Гербольт. — Эй, Перегрибок! А ну гони сюда! Книгу давай и мешок и отсчитай мигом девяносто марок.

— Договорились же о девяноста пяти?

— А налог?

Ведьмак неслышно выругался. Войт поставил на квитанции размашистую закорючку, потом поковырял в ухе чистым кондом пера.

— Надеюсь, теперь на свалке будет покой? А, ведьмак?

— Должен. Там был только один риггер. Правда, он мог успеть расплодиться. Риггеры обоеполые, как улитки.

— Что ещё за сказки? — Гербольт искоса глянул на него. — Для размножения нужны двое, то бишь самец и самка.

Или ригтеры плодятся, словно блохи или мыши из гнилой соломы в матраце? Каждый дурак знает, что нет мышей и мышиц, все они одинаковые и выводятся сами из себя и из гнилой соломы.

— А улитки вылупляются из мокрых листьев, — вставил секретарь Перегрибок, все еще занятый складыванием монет в столбики.

— Каждый это знает, — согласился Геральт, дружелюбно улыбаясь. — Нет улитов и улитц. Есть только листья. А кто думает иначе, тот ошибается.

— Довольно, — обрезал войт, подозрительно глянув на него. — Хватит трепаться о червях. Я спросил, не может ли у нас на свалке снова что-нибудь вылупиться, и будь добр ответить. Ясно и кратко.

— Примерно через месяц надо бы проверить, лучше всего с собаками. Маленькие ригтеры не безопасны.

— А ты бы не мог взять это на себя, ведьмак? Относительно оплаты договоримся.

— Нет. — Геральт взял деньги из рук Перегрибка. — Я не намерен торчать в вашем прелестном городе даже неделю, не то что месяц.

— Интересные ты вещи говоришь. — Гербольт криво усмехнулся, глядя ему прямо в глаза. — Воистину интересные. Потому как, я думаю, ты пробудешь здесь дольше.

— Плохо думаете, войт.

— Неужто? Ты приехал с черной ворожейкой, как там ее, забыл... Гунивер вроде бы. «Под Осетром» остановился. Говорят, в одном с ней номере.

— А что?

— А то, что она, всякий раз как заворачивает в Аэдд Гинваэль, так быстро не выезжает. А бывать-то она у нас уже бывала.

Перегрибок улыбнулся широко, цербато и многозначительно. Гербольт по-прежнему глядел в глаза Геральту. Без улыбки. Геральт усмехнулся. Как только мог наипаскуднейше.

— Вообще-то я ничего не знаю. — Войт отвел глаза и покрутил каблуком землю. — И мне до этого столько же дела, как до дерьма собачьего. Но чародей Истредд, запомни, у нас — особа важная. Незаменимая для города, я бы сказал,

бесценная. Люди его уважают. Местные, да и неместные тоже. Мы в его чародейства носа не сует, да и в личные и всякие прочие дела тоже.

— Может, оно и верно, — согласился ведьмак. — А где он живет, позвольте узнать?

— Не знаешь? Вон видишь дом? Вон тот, белый высокий, что торчит промеж складом и цейхгаузом, словно, чтобы долго не думать, свечка в жопе. Но сейчас ты его там не заставишь. Истредд недавно недалеко от южного вала что-то выкопал в земле и теперь роет кругом, точно крот. И людей у меня согнал на эти раскопки. Пошел я, спрашиваю вежливо: чего, мол, мэтр, копаешься в яме, словно дитя малое, люди ж смеяться начинают. Что там в той земле есть? А он поглядел на меня, как на голяка какого, и говорит: «История человечества. Ответы на вопросы. На вопросы, что было, и на вопросы, что будет». Хрен, что там было, я ему: целина, кусты и упыри, пока города не построили. А что будет, зависит от того, кого в Рикверелине наместником поставят, опять какого-нибудь полуэльфа паршивого. А в земле нет никакой истории, ничего там нет, разве что червяки, если кому для рыбалки надо. Думаешь, он послушался? Куда там! Копают дальше. Так что, ежели хочешь с ним увидеться, иди к южному валу.

— Э, милсдарь войт, — фыркнул Перегрибок, — сейчас-то он дома. Сейчас ему не до раскопок, сейчас, когда...

Гербольт грозно зыркнул на него. Перегрибок скуксился и закашлялся, переступая ногами. Ведьмак, по-прежнему скверно улыбаясь, скрестил руки на груди.

— Да, хм, хм, — откашлялся войт. — Как знать, может, и верно, Истредд сейчас дома. В общем, мне-то какое дело?

— Будьте здоровы, войт, — сказал Геральт, не потрудившись даже сделать вид, будто кланяется. — Желаю успешно закончить день.

Он подошел к Цикаде, вышедшему, бренча оружием, на встречу. Молча протянул руку за своим мечом, который Цикада держал на сгибе локтя. Цикада отступил.

— Торопишься, ведьмак?

— Тороплюсь.

— Осмотрел я твой меч.

Геральт окинул его взглядом, который при всем желании нельзя было назвать теплым.

— Есть чем похвалиться, — кивнул он. — Мало кто его осматривал. А еще меньше тех, кто мог об этом рассказать.

— Хо-хо, — сверкнул зубами Цикада. — Жуть как грозно это прозвучало, аж мурашки по телу. Мне всегда было интересно, ведьмак, почему люди так вас боятся. Думаю, уже знаю.

— Я тороплюсь, Цикада. Возврати меч, будь добр.

— Дым в глаза, ведьмак, ничего больше, только дым в глаза. Вы пугаете людей, словно пасечник пчел, дымом и вонью, своими каменными физиономиями, своей болтовней, слухами, которые, верно, сами о себе распускаете. А пчелы драпают от дыма, дурные, вместо того чтобы воткнуть жало в ведьмакову задницу, которая тут же распухнет, как и любая другая. О вас говорят, будто вы чувствуете не как люди. Брехня. Если б кого из вас как следует пырнуть, почувствовал бы.

— Ты кончил?

— Угу, — сказал Цикада, возвращая меч. — Знаешь, что меня интересует?

— Знаю. Пчелы.

— Не-а. Я вот думаю, если б ты вошел в улочку с одной стороны с мечом, а я — с другой, то кто бы из нас дошел до ее конца? Вопрос, думается мне, стоит того, чтобы поспорить.

— Чего ты цепенешься, Цикада? Идешь ссоры? Что тебе надо?

— А ничего. Просто интересно, сколь правды в том, что люди болтают. Мол, вы, ведьмаки, так хороши в бою, потому как нету у вас ни сердца, ни души, ни жалости, ни совести. И этого достаточно? Обо мне, к примеру, говорят то же. И не без оснований. Вот и любопытно узнать, кто из нас двоих зашел бы в улочку и вышел бы из нее живым. А? Стоит поспорить? Как думаешь?

— Я же сказал, тороплюсь. Не стану терять времени на глупые раздумья. И спорить не привык. Ибо спорит либо дурак, либо подлец. Первый — не знает, а спорит, второй знает, но спорит. Но если тебе когда-нибудь взбредет в голову помешать мне пройти по улочке, то добром советую, Цикада, сначала подумай как следует.

— Дым, — усмехнулся Цикада. — Дым в глаза, ведьмак. Ничего больше. До встречи, как знать, может, в какой-нибудь улочке?

— Как знать.

4

— Здесь мы можем свободно поговорить. Садись, Геральт. Больше всего в мастерской бросалось в глаза внушительное количество книг — именно они занимали большую часть просторного помещения. Толстые томища заполняли шкафы, прогибали полки стеллажей, громоздились на сундуках и комодах. На взгляд ведьмака, книги стояли целого состояния. Не было, разумеется, недостатка и в других типичных элементах декора — чучела крокодила, висящей под потолком рыбы-ежа, покрытого пылью скелета и солидной коллекции банок со спиртом, содержащих, пожалуй, любую пакость, какую только можно себе представить, — сколопендр, пауков, змей, жаб, а также неисчислимое множество человеческих и нечеловеческих органов, в основном внутренних. Был там даже гомункулус или что-то, что напоминало гомункулуса, но с таким же успехом могло оказаться копченым младенцем.

На Геральта коллекция впечатления не произвела — он полгода жил у Йеннифэр в Венгерберге, а Йеннифэр располагала еще более интересным собранием, содержащим даже невероятных размеров фаллос, взятый, кажется, от горного тролля. Было у нее не совсем удачно выполненное чучело единорога, на спине которого она обожала заниматься любовью. Геральт считал, что если и существует место, еще менее пригодное для любовных игр, так это, пожалуй, только спина единорога живого. В отличие от него, считавшего кровать роскошью и ценившего все мыслимые возможности, предоставляемые этим чудесным предметом мебели, Йеннифэр была на удивление изобретательной. Геральт вспоминал приятные моменты, проведенные с чародейкой на крутой крыше, в забитом пылью дупле, на балконе, причем — чужом, на перилах моста, в раскачивающейся на бешеной реке лодке и во время левитации

в тридцати саженьях над землей. Но хуже всего был единорог. Наступил все же счастливый день, когда кукла сломалась под ними, развалилась и разлетелась на куски, подбросив массу поводов для смеха.

— Что тебя так забавляет, ведьмак? — спросил Истредд, присаживаясь к длинному столу, уставленному неизмеримым количеством истлевших черепов, костей и ржавых железяк.

— Всякий раз, когда я вижу такое, — ведьмак уселся напротив и указал на банки и склянки, — я задумываюсь, действительно ли нельзя заниматься магией без всей этой мерзопакости, при одном взгляде на которую желудок подсказывает к горлу.

— Дело вкуса, — сказал чародей, — и привычки. Что одному противно, другого как-то не трогает. А что противно тебе, Геральт? Интересно, что может быть противно тому, кто, как я слышал, ради денег может по шейку лезть в дерьмо и нечистоты? Пожалуйста, не принимай мой вопрос за оскорбление или провокацию. Мне действительно интересно, чем можно вызвать у ведьмака чувство отвращения.

— А в этой баночке ты, случайно, хранишь не менструальную ли кровь невинной девицы, Истредд? Понимаешь, мне становится противно, когда я представляю себе, как ты, серьезный чародей, пытаешься с бутылочкой в руке капля по капле добыть эту ценную жидкость, преклонив колени у самого, так сказать, источника.

— В самое яблочко, — усмехнулся Истредд. — Я, разумеется, говорю о качестве шутки, потому что относительно содержимого баночки ты промахнулся.

— Но тебе доводилось использовать такую кровь, правда? К некоторым заклинаниям, я слышал, и не приступишь, если под рукой нет крови девушки, лучше всего убитой во время полнолуния молнией с ясного неба. Чем, интересно, такая кровь лучше крови старой проститутки, которая спьяну свалилась с колокола?

— Ничем, — согласился чародей, мило улыбнувшись. — Но если вылезет наружу, что эту роль практически столь же успешно может выполнять кровь хряка, которую гораздо легче добыть, то любой голодранец примется экспериментировать с чарами. А вот если гольгубе придется набирать в бутылочки и использовать так заинтересовавшую тебя девичью кровь, дра-

коньи слезы, яд белых тарантулов, бульон из отрезанных ручек новорожденных или из выкопанного в полночь трупа, то у многих, уверяю, отпадет охота.

Они замолчали. Истредд, казалось, в глубокой задумчивости постукивал ногтями по лежащему перед ним потрескавшемуся, коричневому, утратившему нижнюю челюсть черепу и при этом указательным пальцем водил по зубчатому краю отверстия, зияющего в височной кости. Геральт ненавязчиво посматривал на него и пытался сообразить, сколько же чародею может быть лет. Он знал, что наиболее способные умели затормозить процесс старения перманентно в любом возрасте. Мужчины ради репутации и престижа предпочитали возраст более преклонный, зрелый, говорящий о знаниях и опыте. Женщины — типа Йеннифер — меньше заботились о престиже, а больше о привлекательности. Истредд выглядел не старше верных сорока. У него были слегка седеющие, прямые, доходящие до плеч волосы и многочисленные, придающие серьезность морщинки на лбу, около рта и в уголках глаз. Геральт не знал, естественна или же вызвана чарами глубина и мудрость серых мягких глаз. После краткого раздумья он пришел к выводу, что это не имеет значения.

— Истредд, — прервал он молчание. — Я пришел, потому что хотел увидаться с Йеннифер. И хоть не застал ее, ты пригласил меня зайти побеседовать. О чем? О голодранцах, пыгающихся порушить вашу монополию на магию? Знаю, что к этому сброду ты причисляешь и меня. Я не удивлен. Правда, мне на мгновение почудилось, что ты окажешься не таким, как твои кореша, которые часто вступали со мной в серьезные разговоры только ради того, чтобы сообщить, как они меня не любят.

— Я не намерен извиняться за своих, как ты выразился, «корешей», — спокойно ответил чародей. — Я их понимаю, потому что мне, как и им, пришлось крепко потрудиться, чтобы овладеть искусством чернокнижника. Еще совсем мальчишкой, когда мои ровесники бегали по полям с луками, ловили рыбу или играли в чет-нечет, я корпел над манускриптами. От каменного пола в башне у меня ломило кости и болели суставы. Летом, разумеется, потому что зимой хрустел лед на зубах. От пыли старых свитков и книг я кашлял так, что глаза лезли на

лоб, а мой мэтр, старый Рётшльд, никогда не упускал случая стегануть меня по спине плеткой, считая, видимо, что иначе мне не добиться успехов в науке. Я не испробовал ни военной службы, ни девочек, ни пива. А ведь это были лучшие годы, когда все удовольствия особо притягательны и приятны.

— Несчастный, — поморщился ведьмак. — Ну прямо-таки слеза прошибает.

— К чему ирония? Я пытаюсь объяснить тебе причины, по которым чародеи не любят сельских знахарей, заклинателей, целителей, ведьм и ведьмаков. Называй это как хочешь, даже обычной завистью, но именно в этом причина антипатии. Нас элит, когда мы видим в руках профанов и халтурщиков искусство магии, которую нас научили воспринимать как элитарный дар, привилегию наилучших и священную мистерию. Даже если это дедовская, бездарная и достойная осмеяния магия. Поэтому мои коллеги тебя не любят. Я, сказать по правде, тоже.

Геральту уже надоели дискуссия, окольные разговоры, его охватило неприятное чувство беспокойства, которое действовало, как улитка, ползающая по шее и спине. Он посмотрел прямо в глаза Истредду, стиснув пальцами край столешницы.

— Мы говорим о Йеннифэр, верно?

Чародей поднял голову, продолжая тихонько постукивать ногтями по лежащему на столе черепу.

— Завидная проницательность, — сказал он, выдержав взгляд ведьмака. — Прими мои поздравления. Да, относительно Йеннифэр.

Геральт смолчал. Когда-то, давно, много-много лет назад, еще молодым, ведьмак поджидал в засаде мантихора. И чувствовал, что мантихор приближается. Не видел его, не слышал, но чувствовал. Он никогда не забывал этого ощущения. И теперь было то же самое.

— Твоя проницательность, — заговорил чародей, — позволит нам сэкономить массу времени, на которое ушло бы дальнейшее плутание вокруг да около. А так — вопрос поставлен открыто.

Геральт смолчал.

— Близо мы с Йеннифэр познакомились довольно давно, — продолжал Истредд. — Долгое время это было знаком-

ство без обязательств, заключавшееся в долгих либо коротких более-менее регулярных встречах. Такие ни к чему не обязывающие связи повсеместно практикуются людьми нашей профессии. Только вот это вдруг перестало мне нравиться. Я решил предложить ей остаться со мной навсегда.

— Что она ответила?

— Сказала — подумает. Я дал ей время на размышления. Знаю, решить ей было непросто.

— Зачем ты все это говоришь, Истредд? Чем руководишься, кроме достойной уважения, но, как ни говори, странной искренности, столь редкой у людей вашего круга? Какова цель твоей искренности?

— Самая прозаическая, — вздохнул чародей. — Видишь ли, именно ты мешаешь Йеннифер принять решение. Поэтому я прошу тебя отойти в сторону. Скрыться из ее жизни, перестать мешать. Короче — отправиться к чертовой матери. Лучшее всего втихую и не попрощавшись, как, по ее словам, ты привык поступать.

— И верно. — Геральт вымученно улыбнулся. — Твоя прямолинейность поражает меня все больше. Всего я мог ожидать, но не такой просьбы. А тебе не кажется, что, чем просить, следовало бы просто ударить в меня из-за угла шаровой молнией? И исчезла бы преграда, осталось бы лишь немножко сажки, которую надо соскрести со стены. Легкий и верный способ. Потому что, видишь ли, просьбой можно пренебречь, а шаровой молнией — нет.

— Не вижу причин для отказа.

— Почему же? Разве твоя странная просьба не простое предостережение, предвещающее молнию или какое другое не менее веселенькое действо? А может, она будет поддержана неким более звонким аргументом? Суммой, которая ошарашит жадного ведьмака? И сколько же ты намерен заплатить, чтобы я уступил тебе дорогу к счастью?

Чародей перестал постукивать по черепу, положил на него руку, сжал пальцы. Геральт заметил, как побелели фаланги.

— Я не хотел оскорблять тебя таким предложением, — сказал чародей. — Я был далек от этого. Но... если... Геральт, я чародей, и не из последних. Я не считаю нужным похвастаться

всесилием, но многие из твоих пожеланий, буде ты захотел бы их высказать, я мог бы исполнить. Некоторые, например, вот так же просто.

Он небрежно махнул рукой, словно отгоняя комара. В воздухе над столом тут же запорхало множество сказочно цветастых бабочек-аполлонов.

— Я хочу, Истредд, — процедил ведьмак, отмахиваясь от насекомых, — чтобы ты перестал лезть в наши с Йеннифэр отношения. Мне неинтересно, какие предложения ты ей делаешь. Ты вполне мог исповедоваться ей, когда она была с тобой. Потому что раньше было раньше, а теперь есть теперь. Теперь она со мной. Я что, должен отойти, облегчить тебе жизнь? Отказываюсь. Я не только не помогу, но буду мешать в меру своих скромных возможностей. Как видишь, я не менее откровенен, чем ты.

— Ты не имеешь права мне отказывать.

— За кого ты меня принимаешь, Истредд?

Чародей внимательно посмотрел на него, перегнувшись через стол.

— За ее мимолетное увлечение. За минуты опьянения, в лучшем случае за каприз, за приключение, которых у Йеннифэр были сотни, ибо Йенна обожает игру эмоций, она импульсивна, и ее капризы непредсказуемы. За это я тебя и принимаю, потому что, перекинувшись с тобой несколькими словами, понял, что она не могла относиться к тебе просто как к инструменту. А такое, поверь, с ней бывает очень часто.

— Ты не понял вопроса.

— Ошибаешься, понял. Но я умышленно говорю исключительно об эмоциях Йенны. Потому что ты — ведьмак, и никаких эмоций у тебя быть не может. А мою просьбу выполнить не желаешь лишь потому, что тебе кажется, будто она тебе нужна, думаешь, что... Нет, Геральт, ты с ней только потому, что этого хочет она, и так будет, пока она этого желает. А то, что чувствуешь ты, — лишь отражение ее эмоций, интереса, который она к тебе проявляет. Ради всех демонов Низа, Геральт, ты же не ребенок, ты же знаешь, кто ты. Мутант. Не пойми меня превратно, я не намерен тебя унижать или презирать. Просто отмечаю факт. Ты — мутант, а одно из основных

свойств твоей мутации сводится к абсолютной бесстрастности. Таким тебя сотворили, чтобы ты мог выполнять свою работу. Понимаешь? Ты не можешь ничего чувствовать. То, что ты принимаешь за чувства, — лишь клеточная соматическая память, если ты знаешь, что означает это слово.

— Представь себе — знаю.

— Тем лучше. Послушай. Я прошу тебя о том, о чем могу просить ведьмака. Человека не смог бы. Я откровенен с ведьмаком, с человеком не мог бы себе этого позволить. Геральт, я хочу дать Йенне понимание и определенность, нежность и счастье. Можешь ты положить руку на сердце предложить ей то же? Не можешь. Для тебя это ничего не значащие слова. Ты волочишься за Йенной, тешась, словно ребенок, минутной симпатией, которой она одаряет. Ты, словно одичавший кот, в которого все кидают камни, мурлычешь, радуясь тому, что нашелся кто-то, кто не брезгует тебя приласкать. Понимаешь, что я имею в виду? Знаю, понимаешь, не дурак, это ясно. Так что, сам видишь, у тебя нет права отказать мне, если я вежливо прошу.

— У меня такое же право отказывать, — процедил Геральт, — как у тебя просить, стало быть, наши права взаимно уничтожаются. А посему возвращаемся к исходной точке, а она такова: Йен, которой, видимо, наплевать и на мою мутацию, и на ее последствия, сейчас со мной. Ты сделал ей предложение — это твое право. Она сказала, что подумает? Это — ее право. Тебе кажется, якобы я мешаю ей принять решение? Будто она колеблется, и причина ее колебаний — я? А это уж — мое право. Если она колеблется, то, надо думать, не без причин. Вероятно, я что-то ей все же даю, хоть, возможно, для этого у ведьмаков в словаре и нет нужных слов.

— Послушай...

— Нет. Послушай ты. Говоришь, когда-то она была с тобой? Как знать, может, не я, а ты был всего лишь ее мимолетным увлечением, капризом, игрой эмоций, столь типичной для нее? Я даже не исключаю, Истредд, что она воспринимала тебя всего лишь как инструмент. Этого, господин чародей, нельзя исключить только на основании разговора. В таких случаях, сдается мне, инструмент бывает существеннее болтовни.

Истредд даже не дрогнул. Геральта удивило его самообладание. Тем не менее затянувшееся молчание, похоже, свидетельствовало о том, что удар попал в цель.

— Играешь словами, — сказал наконец чародей. — Упиваешься ими. Словами хочешь заменить нормальные, человеческие ощущения, которых у тебя нет. Твои слова не выражают чувств, это лишь звуки, такие же издает этот вот череп, стоит по нему постучать. Ибо ты так же пуст, как и он. Ты не имеешь права...

— Прекрати, — резко прервал Геральт. Может быть, даже слишком резко. — Прекрати упорно отказывать мне в правах, с меня достаточно, слышишь? Я сказал: наши права равны. Нет, черт возьми, мои — больше.

— Серьезно? — Чародей немного побледнел, доставив тем Геральту невыразимое удовольствие. — Это почему же?

Ведьмак на секунду задумался и решил добить его.

— А потому, — выпалил он, — что вчера ночью она была со мной, а не с тобой.

Истредд пододвинул череп поближе, погладил. Рука, к огорчению Геральта, даже не дрогнула.

— По-твоему, это дает какие-то права?

— Только одно: право делать выводы.

— Та-а-ак, — протянул чародей. — Прекрасно. Ну что ж. Со мной она была сегодня утром. Сделай вывод, имеешь право. Я уже сделал.

Молчание длилось долго. Геральт отчаянно искал слова. И не нашел. Ни одного.

— Пустая болтовня, — сказал он наконец, вставая, злой на себя, потому что прозвучало это грубо и глупо. — Ухожу.

— Иди к черту, — так же грубо бросил Истредд, не глядя на него.

5

Когда она вошла, он в одежде лежал на кровати, подложив руки под голову. И притворялся, будто глядит в потолок, хотя глядел на нее.

Йеннифэр медленно прикрыла за собой дверь. Она была прекрасна.

«Какая же она красивая, — подумал он. — Все в ней прекрасно. И опасно. Ее цвета, контраст черного и белого. Прелесть и угроза. Ее иссиня-черные волосы, натуральные локоны. Скулы, четкие, обозначенные морщинкой, которую улыбка — если она сочтет нужным улыбнуться — образует около губ, чудесно узких и бледных под помадой. Ее брови, чудесно неправильные, когда она смывает уголек, которым подчеркивает их днем. Ее нос, чудесно длинноватый. Ее маленькие руки, чудесно нервные, беспокойные и ловкие. Талия, тонкая и гибкая, подчеркнутая чрезмерно стянутым пояском. Стройные ноги, придающие во время движения красивые очертания черной юбке. Она прекрасна».

Йеннифэр молчала. Села за стол, положила подбородок на сплетенные пальцы.

— Ну хорошо, начнем. Наше затянувшееся драматическое молчание слишком банально, на мой вкус. Давай покончим с этим. Вставай и не таращись на потолок с обиженной миной на физиономии. Ситуация достаточно глупая, и нет нужды делать ее еще глупее. Вставай, говорю.

Он послушно встал, сел верхом на стул напротив. Она не избегала его взгляда. Можно было ожидать.

— Повторяю, давай покончим с этим по-быстрому. Чтобы не ставить тебя в неловкое положение, я отвечу сразу на все вопросы, их не надо даже задавать. Да, правда, отправляясь с тобой в Аэдд Гинваэль, я ехала к Истредду и знала, что, встретившись, пойду с ним в постель. Я не думала, что это выйдет наружу, а вы станете похваляться друг перед другом. Знаю, что ты сейчас чувствуешь, и мне это неприятно, но виновной я себя не считаю.

Он молчал.

Йеннифэр тряхнула головой, ее блестящие черные локоны каскадом упали на плечи.

— Геральт, скажи что-нибудь.

— Он... — Геральт кашлянул. — Он называет тебя Йенна.

— Да, — она не опустила глаз. — А я его — Валь. Это его имя. Истредд — прозвище. Я знаю его долгие годы. Он

очень близок мне. Не смотри на меня так. Ты мне тоже близок. В этом вся проблема.

— Ты думаешь, принять ли его предложение?

— Понимаешь, думаю. Я сказала — мы знакомы много лет. Много... лет. Меня с ним объединяют увлечения, цели, стремления. Мы понимаем друг друга без слов. Он может дать мне опору, а кто знает, не придет ли день, когда опора мне потребуется. А прежде всего... Он... он меня любит. Так я думаю.

— Я не буду тебе препятствием, Йен.

— Препятствием? Неужели ты ничего не понимаешь, глупец? Если бы ты стал мне препятствовать, если б просто помешал, я мгновенно отделалась бы от такого препятствия, телепортировала бы тебя на конец полуострова Бремервоорд либо смерчем перенесла в страну Ханна. С минимальными усилиями впавила бы тебя в глыбу кварца и поставила в саду на клумбе с пионами. Я могла бы так очистить твой мозг, что ты забыл бы, кем я была и как меня звали. При условии, что хотела бы. Потому что я роста могла бы сказать: «Было очень приятно, пока!» Могла бы втихую уйти, как ты это сделал однажды, сбежав из моего дома в Венгерберге.

— Не кричи, Йен, не нападай. И не вытаскивай на свет историю с Венгербергом, мы же поклялись не возвращаться к ней. Я не в обиде на тебя, Йен, я же тебя не укоряю. Знаю, что к тебе нельзя приложить обычные мерки. Ну а то, что мне грустно... Убивает сознание, что я тебя теряю... Ну так это клеточная память. Атавистические остатки чувств мутанта, очищенного от эмоций.

— Не терплю, когда ты так говоришь! — вспыхнула она. — Не терплю, когда ты произносишь это слово. Никогда больше не произноси его при мне. Никогда!

— Разве это меняет факт? Я — мутант.

— Нет никакого факта. Не произноси при мне этого слова.

Черная пустельга, сидевшая на рогах оленя, взмахнула крыльями, заскрежетала когтями. Геральт взглянул на птицу, на ее желтый неподвижный глаз. Йеннифер снова оперлась подбородком о сплетенные пальцы.

— Йен...

— Слушаю.

— Ты обещала ответить на вопросы. На вопросы, которые я даже не должен задавать. Остался один, самый важный. Тот, который я никогда тебе не задавал. Который боялся задавать. Ответь на него.

— Не смогу, Геральт, — жестко сказала она.

— Не верю. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Нельзя хорошо знать чародейку.

— Ответь на мой вопрос, Йен.

— Отвечаю: не знаю. Но разве это ответ?

Они замолчали. Долетающий с улицы гул утих, успокоился. Клонящееся к закату солнце запалило огни в щелях ставен, пронизало комнату наклонными лентами света.

— Аэдд Гинваэль, — проворчал ведьмак. — Осколок льда... Я чувствовал. Знал, что этот город... враждебен мне. Он — плох.

— Аэдд Гинваэль, — повторила она громко. — Сани Королевы эльфов. Почему? Почему, Геральт?

— Я еду за тобой, Йен, потому что поводья моих лошадей запутались в полозьях твоих. А вокруг меня — пурга. И мороз. Холод.

— Тепло растопило бы в тебе льдинку, которой я ранила тебя, — шепнула она, — и развеялись бы чары, и увидел бы ты меня такой, какова я в действительности.

— Так стегани белых коней, Йен, пусть мчат они меня на север, туда, где никогда не наступает оттепель. Чтобы никогда не наступила. Я хочу как можно скорее оказаться в твоём ледовом замке.

— Этого замка не существует. — Губы Йеннифэр дрогнули, скривились. — Он — символ. А наша езда — погоня за мечтой. Недостижимой. Потому что я, Королева эльфов, жажду тепла. В этом моя тайна. Поэтому каждый год в снежной замети несут меня мои сани через какой-нибудь городок, и каждый год кто-нибудь, пораженный моими чарами, запутывает поводья своих лошадей в полозьях моих саней. Каждый год. Каждый год кто-нибудь новый. Без конца. Ибо тепло, которого я так жажду, одновременно уничтожает чары, уничтожает магию и прелесть. Мой избранник, пораженный ледяной звездочкой, вдруг становится обыкновенным никем. А я в его оттаявших глазах делаюсь не лучше других... смертных.

— И из-под идеальной белизны проступает весна, — сказал он. — Проступает Аэдд Гинваэль, паршивый городок с прекрасным названием. Аэдд Гинваэль со своей мусорной кучей, огромной вонючей помойкой, в которую я должен лезть, потому что мне за это платят, потому что для того меня и сделали, чтобы я лез во всякую мерзость, которая у других вызывает ужас и отвращение. Меня лишили способности чувствовать, чтобы я не мог ощущать, сколь омерзительно мерзостна эта мерзопакость, чтобы не отступал, не бежал от нее, охваченный ужасом. Да, меня лишили эмоций. Но не полностью. Тот, кто это сделал, скалтурил, Йен.

Они замолчали. Черная пустельга зашелестела перьями, раскрывая и складывая крылья.

— Геральт...

— Слушаю, Йен.

— Теперь ты ответь на мой вопрос. На тот, который я тебе никогда не задам. Тот, который боюсь... Сейчас я его тоже не задам, но ответь. Потому... потому что я очень хочу услышать твой ответ. То одно-единственное слово, которого ты никогда мне не сказал. Скажи его, Геральт...

— Не смогу, Йен.

— Почему?

— Ты не знаешь? — Он грустно улыбнулся. — Мой ответ был бы всего лишь словом. Словом, которое не выражает чувств, не выражает эмоций, потому что я их лишен. Словом, которое было бы всего лишь звуком, какой издает пустой и холодный череп, если по нему постучать.

Она молча глядела на него. Ее широко раскрытые глаза приобрели цвет фиолетового пламени.

— Нет, Геральт, — сказала она. — Это неправда. А может, правда, но не вся. Ты не лишен чувств. Теперь я вижу. Теперь я знаю, что...

Она замолчала.

— Докончи, Йен. Коль уж решилась. Не лги. Я знаю тебя. Я вижу это в твоих глазах.

Она не отвела глаз. Он знал.

— Йен, — прошептал он.

— Дай руку, — сказала она.

Она взяла его руку в свои, он сразу почувствовал покалывание и пульсирование крови в сосудах предплечья. Йеннифэр спокойным, размеренным голосом шептала заклинания, но он видел капельки пота, покрывавшие ее побледневший лоб, видел расширившиеся от боли зрачки.

Опустив его руку, она протянула ладони, пошевелила ими, ласкающими движениями поглаживая какой-то невидимый предмет, медленно, сверху вниз. Между ее пальцами воздух начал густеть и мутнеть, клубиться и пульсировать, как дым.

Он глядел словно замороженный. Магия творения, которую считали высшим достижением чародеев, всегда увлекала его гораздо больше, нежели иллюзия или трансформация. «Да, Истредд был прав, — подумал он, — по сравнению с такой магией мои Знаки просто смешны».

Между дрожащими от напряжения ладонями Йеннифэр постепенно материализовалось тело птицы, черной как уголь. Пальцы чародейки нежно ласкали встопорщенные перья, плоскую головку, искривленный клюв. Еще движение, гипнотизирующе-плавное, нежное, — и черная пустельга, покрутив головой, громко заверещала. Ее сестра-близнец, все еще неподвижно сидевшая на рогах, ответила тем же.

— Две пустельги, — тихо сказал Геральт. — Две черные пустельги, созданные с помощью магии. Как понимаю, обе тебе нужны.

— Правильно понимаешь, — с трудом сказала она. — Мне нужны обе. Я ошиблась, думая, будто достаточно одной. Как сильно я ошибалась, Геральт... К такой ошибке привела меня гордыня Королевы Зимы, убежденной в своем всемогуществе. А есть вещи... которые невозможно добыть даже магией. И есть дары, которые нельзя принимать, если ты не в состоянии ответить... чем-то, столь же ценным. В противном случае такой дар протечет сквозь пальцы, растает, словно осколок льда, зажатый в кулаке. Останутся только сожаление, чувство потери и вины...

— Йен...

— Я чародейка, Геральт. Власть над материей, которой я обладаю, это дар. Дар, за который я расплачиваюсь. Я заплатила за него... Всем, что имела. Не осталось ничего.

Он молчал. Чародейка потирала лоб дрожащей рукой.

— Я ошибалась, — повторила она. — Но я исправлю свою ошибку. Эмоции и чувства...

Она коснулась головы черной пустельги. Птица нахохлилась, беззвучно раскрывая кривой клюв.

— Эмоции, капризы и ложь, увлечение и игра. Чувства и их отсутствие... Дары, которые нельзя принять... Ложь и правда. Что есть правда? Отрицание лжи? Или утверждение факта? А если факт — это ложь, что же тогда правда? Кто полон чувств, которые разрывают его, а кто — скорлупа пустого холодного черепа? Кто? Что есть правда, Геральт? Что такое правда?

— Не знаю, Йен. Скажи мне.

— Нет, — сказала она и опустила глаза. Впервые. Никогда раньше он не видел, чтобы она это делала. Никогда.

— Нет, — повторила она. — Не могу. Не могу тебе этого сказать. Это скажет птица, рожденная прикосновением твоей руки к моей. Птица? Что такое правда?

— Правда, — сказала пустельга, — это осколок льда.

6

Хотя ему казалось, что он без цели и намерения мотается по переулкам, он вдруг оказался у южного вала, на раскопках, среди сети рвов, пересекающих руины у каменной стены, идущих зигзагами между приоткрытыми квадратами древних фундаментов.

Истредд был там. В рубахе с подвернутыми рукавами и в высоких сапогах, он покрикивал на рабочих, мотыгами разбирающих стену раскопа, заполненную разноцветными слоями земли, глины и древесного угля. Рядом на досках лежали почерневшие кости, черепки горшков и другие предметы, не узнаваемые, проржавевшие, слежавшиеся.

Чародей увидел его сразу. Отдав рабочим несколько громких приказов, он выпрыгнул из раскопа, подошел, вытирая руки о брюки.

— В чем дело? — Вопрос прозвучал неприязненно.

Неподвижно стоявший ведьмак не ответил. Рабочие, делая вид, будто трудятся, перешептываясь, наблюдали за ними.

— Ты так и пынешь ненавистью, — поморщился Истредд. — В чем дело, спрашиваю? Ты решился? Где Йенна? Надеюсь...

— Не слишком надейся, Истредд.

— Ого, — сказал чародей. — Что-то я слышу в твоём голосе. Верно ли я тебя понимаю?

— И что же ты такое понимаешь?

Истредд упер руку в бедро и вызывающе взглянул на ведьмака.

— Не будем обманывать друг друга, Геральт. Ты меня ненавидишь, я тебя тоже. Ты оскорбил меня, сказал об Йеннифэр... сам знаешь что. Я ответил таким же оскорблением. Ты мешаешь мне, я мешаю тебе. Покончим с этим как мужчины. Другого решения я не вижу. За этим ты пришел, верно?

— Да, — ответил Геральт, потирая лоб. — Ты прав, Истредд. За этим. Несомненно.

— И правильно сделал. Так продолжаться не может. Только сегодня я узнал, что уже несколько лет Йенна мотается между нами, как тряпичный мячик. То она со мной, то с тобой. Бежит от меня, чтобы найти тебя, и наоборот. Другие, с которыми она бывает в промежутках, в расчет не идут. Важны только мы двое. Так дольше продолжаться не может. Нас двое. Остаться должен один.

— Да, — повторил Геральт, не отнимая руки ото лба. — Да... Ты прав.

— В своей самонадеянности, — продолжал чародей, — мы думали, будто Йеннифэр не колеблясь выберет лучшего. Кто он будет, ни ты, ни я не сомневались. Дошло до того, что мы, словно мальчишки, начали похваться ее расположением, не больше, чем те мальчишки, понимая, чем было это расположение, что оно означало. Полагаю, ты, как и я, обдумал все и понял, как сильно мы ошибались. Йенна, Геральт, вовсе не намерена выбирать между нами, даже если мы примем ее выбор. Что ж, придется нам проделать это за нее. Я не собираюсь делить Йенну ни с кем, а то, что ты пришел, говорит то же и о тебе. Мы знаем ее, Геральт, слишком хорошо. Пока нас двое, ни один не может быть в ней уверен. Остаться должен один. Ты это понял, правда?

— Правда, — сказал ведьмак, с трудом шевеля помертвевшими губами. — Правда — это осколок льда...

— Что? — не понял Истредд.

— Ничего.

— Что с тобой? Ты болен или пьян? А может, набрался ведьмачьего пойла?

— Со мной все в порядке. Просто что-то... что-то попало в глаз. Остаться, Истредд, должен один. Да, за этим я и пришел. Конечно.

— Я знал, — сказал чародей. — Знал, что ты придешь. Впрочем, буду откровенен. Ты опередил меня.

— Шаровая молния? — слабо усмехнулся ведьмак.

— Возможно, — поморщился Истредд. — Возможно, и шаровая молния. Но наверняка не из-за угла. Честно, лицом к лицу. Ты — ведьмак, это уравнивает шансы. Ну решай, где и когда.

Геральт подумал. И решил.

— Та площадка... — указал он рукой. — Я там проходил.

— Знаю. Там колодец, называется Зеленый Ключ.

— Значит, колодец. Да, у колодца... Завтра, через два часа после восхода солнца.

— Договорились. Приду вовремя.

Они стояли неподвижно, не глядя друг на друга. Наконец чародей что-то буркнул себе под нос, пнул комок глины и разбил его ударом мыска.

— Геральт?

— Что?

— Ты не чувствуешь себя немного глупо?

— Чувствую, — нехотя признался ведьмак.

— Мне полегчало, — буркнул Истредд. — Потому что я, например, чувствую себя последним кретином. Никогда не предполагал, что стану биться с ведьмаками не на жизнь, а на смерть из-за женщины.

— Я знаю, как ты себя чувствуешь, Истредд.

— Ну что ж... — Чародей вымученно улыбнулся. — Коль до этого дошло, коль я решил на шаг, столь противный моей натуре, значит... так надо.

— Знаю, Истредд.

— Конечно, ты знаешь также, что оставшийся в живых должен будет немедленно бежать и спрятаться от Йенны на краю света.

— Знаю.

— И, конечно, рассчитываешь на то, что когда она остынет, к ней можно будет вернуться?

— Конечно.

— Ну значит, все в порядке. — Чародей сделал такое движение, словно хотел повернуться, но после минутного колебания протянул ему руку. — До завтра, Геральт.

— До завтра. — Ведьмак пожал протянутую руку. — До утра, Истредд.

7

— Эй, ведьмак!

Геральт поднял голову от стола, на котором, задумавшись, размазывал пролитое пиво, вырисовывая фантазийные завитушки.

— Нелегко было тебя найти. — Войт Гербольт присел, отодвинул кувшины и кружки. — В трактире сказали, что ты отправился в конюшни, но там я нашел только лошадь и вьюки. А ты здесь... Это, я думаю, самая паршивая забегаловка во всем городе. Сюда заглядывают только последние голодранцы. Что делаешь?

— Пью.

— Это я вижу. Хотел с тобой поговорить. Ты трезв?

— Как новорожденный.

— Рад слышать.

— Что вам надо, Гербольт? Видите, я занят. — Геральт улыбнулся девушке, ставившей на стол очередной кувшин.

— Ходят слухи, — поморщился войт, — что вы с нашим чародеем решили укокошить друг друга.

— Это наше дело. Его и мое. Не встревайте.

— Нет, это не ваше дело, — возразил Гербольт. — Истредд нам нужен, на другого чародея нас не достанет.

— Ну так идите в храм и помолитесь за его победу.

— Не смейся, — проворчал войт. — И не мудрствуй, бродяжья твоя душа. О боги, если б не знал, что чародей мне не простит, то кинул бы тебя в яму, на самое дно, или выволок за стены парой лошадей, а то и велел бы Цикаде прирезать, как свинью. Но, увы, Истредд свихнулся на почве чести и не простит. Знаю, что не простит.

— Ну и чудненько. — Ведьмак допил очередную кружку и выплюнул на пол попавшую в пиво соломинку. — Мне посчастливилось. Это все?

— Нет, — сказал Гербольт, вынимая из-за пазухи туго набитый мешок. — Здесь сто марок, ведьмак, бери и выматывайся из Аэдд Гинваэль. Выматывайся. Лучше всего сделай это немедленно, во всяком случае до восхода солнца. Я сказал, казне не вытянуть второго чародея, а посему не допущу, чтобы мэтр по дури рисковал жизнью в поединке с таким типом, как ты, из-за какой-то...

Он осекся и не закончил, хотя ведьмак даже не дрогнул.

— Уноси-ка отсюда свою паскудную харю, Гербольт, — сказал он. — А свои сто марок можешь засунуть себе в жопу. Уйди, меня начинает тошнить при виде твоей морды, еще немного, и я обложу тебя от шапки до сапог.

Войт спрятал мешок, положил обе руки на стол.

— Нет так нет. Я хотел по-доброму, но коли нет, то нет. Деритесь, режьте себя на куски, жгите заживо, разорвитесь на части ради девки, которая раздвигает ноги перед каждым, кто захочет. Я думаю, Истредд управится с тобой, ты, платный убийца, так что только сапоги от тебя останутся. А ежели у него не получится, то я достану тебя, еще его труп не остынет, и все кости тебе переломаяю. Ни одного целого места не оставляю, ты...

Он не успел убрать рук со стола, движение ведьмака было настолько быстрым, что вылетевшая из-под столешницы рука расплылась в глазах войта, а кинжал со звоном вонзился между его пальцами.

— Возможно, — прошипел ведьмак, сжимая рукоять кинжала и уставившись в лицо Гербольта, от которого отхлынула кровь. — Возможно, Истредд меня убьет. Если же нет... Тогда

я уйду отсюда, а ты, вонючка поганая, не пытайся меня задержать, ежели не хочешь, чтобы улочки вашего грязного городишки запенились от крови. Вон отсюда!

— Господин войт! Что тут происходит? Эй, ты...

— Спокойно, Цикада, — сказал Гербольт, медленно двигая руку по столу подальше от клинка. — Ничего не случилось. Ничего.

Цикада засунул в ножны полувытянутый меч. Геральт не глядел на него. Не глядел он и на войта, который выходил из корчмы под защитой Цикады, прикрывавшего его от возможных выпадов притихших плотогонов и возниц. Он смотрел на маленького человечка с крысиной мордочкой и черными пронзительными глазками, сидевшего в нескольких столах от него.

«Занервничал я, — с удивлением отметил он. — Руки дрожат. А ведь и верно, дрожат руки-то. Со мной творится что-то неладное. Неужто это значит, что... Да, — подумал он, глядя на человечка с крысиной мордочкой. — Пожалуй, да.

Так надо...

Как холодно...»

Он встал.

Глядя на человечка, усмехнулся. Потом отвернул полу куртки, извлек из туго набитого мешочка две золотые монеты, кинул на стол. Монеты звякнули, одна, кружась, ударилась об острие кинжала, все еще торчавшего в гладкой доске стола.

8

Удар был неожиданным, палка тихо свистнула в темноте, так быстро, что еще немного, и ведьмак не успел бы заслонить голову автоматически поднятой рукой и не сумел бы смягчить удара гибким поворотом тела. Он отскочил, упал на колено, перевернулся, встал на ноги, почувствовал колебание воздуха, расступающегося под новым взмахом руки, ушел от удара ловким пируэтом, закружился между двумя наступающими на него в темноте фигурами, протянул руку над правым плечом.

Меча не было.

«Ничего не искоренит во мне этих рефлексов, — подумал он, мягко отскакивая. — Привычка? Клеточная память? Я — мутант, реагирую как мутант», — подумал он, снова падая на колени, и, избегая удара, потянулся за кинжалом к голенищу.

Кинжала не было.

Он криво усмехнулся, тут же получил палкой по голове. В глазах вспыхнуло, боль пронзила до кончиков пальцев. Он упал, расслабляясь и не переставая улыбаться.

Кто-то повалился на него, прижал к земле. Второй сорвал с пояса мешочек. Он уловил глазом блеск ножа. Сидящий у него на груди разорвал куртку под шей, схватил за цепочку, вытянул медальон. И тут же выпустил его из руки.

— Баал-Зебута, — услышал Геральт сопение. — Ведьмак...

Второй выругался.

— У него же не было меча... О боги... Тьфу, тьфу... Бегим отседова, Радгаст! Не касайся его, тьфу, тьфу...

Луна на мгновение пробилась сквозь тонкое облако. Геральт увидел над собой тощее крысиное лицо, маленькие черные блестящие глазки. Услышал топот ног второго, удаляющийся в переулке, из которого несло кошками и прогорклым жиром.

Человек с крысиной мордочкой медленно снял колено с его груди.

— В следующий раз... — Геральт услышал его четкий шепот, — в следующий раз, ведьмак, когда захочешь покончить жизнь самоубийством, не впутывай в свои дела других. Просто повесься на вожжах в конюшне.

9

Ночью, видимо, шел дождь.

Геральт вышел из конюшни, протирая глаза и выбирая пальцами солому из волос. Восходящее солнце блестело на мокрых крышах, золотом горело в лужах. Ведьмак сплюнул, во рту все еще было неприятно, шишка на голове отдавалась тупой болью.

На барьере перед конюшней сидел черный кот и сосредоточенно лизал лапу.

— Кис, кис, кис, — позвал ведьмак.

Кот, застыв, злоежде глянул на него, прижал уши и зашипел, обнажив клыки.

— Знаю, — кивнул Геральт. — Я тебя тоже не люблю. Я просто пошутил.

Он медленными движениями стянул расслабившиеся застежки и шнуровки курточки, выровнял на себе складки одежды, проверил, не стесняют ли они где свободу движений. Перекинул меч за спину, поправил рукоять над правым плечом. Перевязал лоб кожаным ремешком, откинув волосы назад, за уши. Натянул длинные боевые перчатки, набитые короткими конусами серебряных игл.

Еще раз глянул на солнце, сузив зрачки в вертикальные щелочки, подумал: «Прекрасный день. Прекрасный для боя».

Вдохнул, плюнул и медленно пошел вдоль улочки, вдоль стен, выделяющих резкий, пронзительный запах мокрой штукатурки, известкового связующего.

— Эй, чудак!

Он обернулся. Цикада в обществе трех подозрительно выглядевших вооруженных типов сидел на штабеле бревен, уложенных вдоль вала. Встал, потянулся, вышел на середину улочки, старательно обходя лужи.

— Далеко собрался? — спросил он, упершись узкими ладонями в увешанный оружием пояс.

— Не твое дело.

— Чтоб было ясно: чихать я хотел на войта, чародея и весь этот засранный город, — сказал Цикада, медленно выговаривая слова. — Дело в тебе, ведьмак. Ты не дойдешь до конца улочки. Слышишь? Нет? Проверить хочу, каков ты в бою. Не дает мне это покоя, ну не дает, понял? Нет? Стой, говорю.

— Прочь с дороги.

— Стой! — рявкнул Цикада, положив руку на рукоять меча. — Не понял? Драться будем. Я тебя вызываю! Счас увидим, кто из нас лучше!

Геральт, не замедляя шага, пожал плечами.

— Вызываю тебя на бой! Слышь, выродок? — крикнул Цикада, снова загораживая ему путь. — Чего ждешь? Вытягай железяку! Что, страх забрал?

Геральт продолжал идти, заставляя Цикаду пятиться, неловко идти задом. Цикадины провожатые поднялись с бревен, пошли следом за ними, однако держались в отдалении. Геральт слышал, как грязь хлопает у них под ногами.

— Я тебя вызываю! — повторил Цикада, бледнея и краснея попеременно. — Слышь ты, ведьмино дерьмо? Чего тебе еще надо? В харю наплевать?

— Плюй!

Цикада остановился и действительно набрал воздуха, сложив губы для плевок. Он глядел в глаза ведьмаку, а не на его руки. И это была ошибка. Геральт, по-прежнему не замедляя шага, молниеносно ударил его кулаком в игольчатой перчатке, не замахнувшись, лишь слегка согнув колени. Ударил прямо по кривящимся губам. Губы Цикады лопнули, словно раздавленные вишни. Ведьмак сторбился и ударил еще раз в то же самое место, на этот раз сделав короткий замах и чувствуя, как вслед за силой и инерцией удара выхлестывает ярость. Цикада, повернувшись на одной ноге в грязь, а другой в воздухе, рыгнул кровью и навзничь шлепнулся в лужу. Ведьмак, слыша за спиной шипение клинка в ножнах, остановился и медленно повернулся, держа руку на эфесе меча.

— Ну, — сказал он дрожащим от злости голосом. — Ну, давайте!

Тот, который достал оружие, смотрел ему в глаза. Секунду. Потом отвел взгляд. Двое других попятились. Сначала медленно, потом все быстрее. Слыша это, человек с мечом тоже отступил, беззвучно шевеля губами. Тот, который был дальше всех, развернулся и побежал, разбрызгивая грязь. Остальные замерли на месте, не пытаясь приблизиться.

Цикада развернулся в грязи, приподнялся, упершись локтями, забормотал, кашлянул, выплюнул что-то белое вместе с большой порцией красного. Проходя мимо него, Геральт с отвращением пнул его в щеку, сломав лицевую кость и снова повалив в лужу.

И, не оглядываясь, пошел дальше.

Истредд уже ждал у колодца. Он стоял, опершись о венцы деревянной, обросшей зеленым мхом клетки. На поясе висел меч. Прекрасный, легкий терганский меч с полужакрытой гардой, касающийся скованным концом ножен блестящего голенища охотничьего сапога. На плече чародея сидела нахохлившаяся черная птица.

Пустельга.

— Пришел, ведьмак. — Истредд подставил пустельге руку в перчатке, нежно и осторожно посадил птицу на навес над колодцем.

— Пришел, Истредд.

— Не думал. Полагал — выедешь.

— Не выехал.

Чародей свободно и громко рассмеялся, откинув голову назад.

— Она хотела нас... хотела нас спасти, — сказал он. — Обоих. Ничего не получилось, Геральт. Скрестим мечи. Остаться должен один.

— Ты намерен драться мечом?

— Тебя это удивляет? Но ведь и ты намерен драться мечом. Давай!

— Почему, Истредд? Почему мечом, а не магией?

Чародей побледнел, нервно дрогнули губы.

— Давай, говорю! — крикнул он. — Не время задавать вопросы. Время вопросов миновало! Наступило время действий!

— Я хочу знать, — медленно сказал Геральт. — Я хочу знать, почему мечом. Хочу знать, как и зачем оказалась у тебя черная пустельга. Я имею право знать. Имею право на... правду, Истредд.

— Правду? — горько повторил чародей. — Ну что ж, может, и имеешь. Да, может, имеешь. Наши права равны. Пустельга, говоришь? Прилетела на заре, мокрая от дождя. Принесла письмо. Коротенькое, я его знаю на память. «Прощай, Валь. Прости. Есть дары, которых нельзя принимать, а во мне нет ничего, чем бы я могла отблагодарить. И это правда, Валь. Правда — осколок льда». Ну, Геральт? Я удовлетворил тебя? Ты воспользовался своим правом?

Ведьмак медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал Истредд. — Теперь я воспользуюсь своим. Потому что не принимаю во внимание этого письма. Я не могу без нее... Предпочитаю уж... Приступим, черт побери!

Он сгорбился и выхватил меч быстрым, ловким движением, свидетельствующим о навыке. Пустельга заскрежетала.

Ведьмак стоял неподвижно, опустив руки.

— Чего ждешь? — крикнул чародей.

Геральт медленно поднял голову, некоторое время глядел на него, потом развернулся на каблуках.

— Нет, Истредд, — сказал он тихо. — Прощай.

— Что это значит, черт побери?

— Истредд, — бросил Геральт через плечо, остановившись. — Не впутывай в свои дела других. Если иначе не можешь, повесься в конюшне на вожжах.

— Геральт! — крикнул чародей, и голос у него вдруг надломился и резанул уши фальшивой злой нотой. — Я не откажусь! Она не убежит от меня! Я поеду за ней в Венгерберг, поеду за ней на край света, я найду ее! Я не откажусь от нее никогда! Знай об этом!

— Прощай, Истредд.

Он отошел в переулок, ни разу не обернувшись. Шел, не обращая внимания на людей, прытко уступающих ему дорогу, на поспешно захлопывающиеся двери и ставни. Он не замечал никого и ничего.

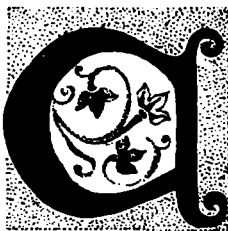
Он думал о письме, которое ожидает его в корчме.

Пошел быстрее. Знал, что в изголовье кровати ожидает мокрая от дождя черная пустельга, держащая в кривом клюве письмо. Он хотел как можно скорее прочесть его.

Хотя знал содержание.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

1

х ты, свинтус! Ах ты, рифмо-
плет паршивый! Ах ты, измен-
щик!

Геральт, заинтригованный, потянул кобылу за угол. Не успел он установить источник воплей, как к ним присоединился глубокий липко-стеклянный звон. «Вишневое варенье, — подумал ведьмак. — Такой звук издает банка вишневого варенья, если запустить ее с большой высоты и с большой силой». Это-то он знал отлично. Йеннифэр, когда они жили вместе, доводилось во гневе кидать в него банками варенья. Которые она получала от клиентов. Потому что сама-то Йеннифэр понятия не имела о том, как варить варенье, а магия в этом отношении не всегда давала положительные результаты.

За углом, перед узким, покрашенным в розовое домиком, собралась солидная кучка ротозеев. На

маленьком, весь в цветах, балкончике, под наклонным навесом стояла молодая светловолосая женщина в ночной сорочке. Выгнув пухленькое и круленькое плечико, выглядывающее из-под оборок, она с размаху запустила вниз обитый по краям цветочный горшок.

Худощавый мужчина в сливового цвета шапочке с белым пером отскочил, словно ошпаренный, горшок шмякнулся о землю прямо у его ног и разлетелся на куски.

— Ну Веспуля! Ну Веспуленька! Ну радость моя! — крикнул мужчина в шапочке с пером. — Не верь сплетням! Я хранил тебе верность, провалиться мне на этом самом месте, если вру!

— Прохвост! Чертово семя! Бродяга! — взвизгнула пухленькая блондинка и скрылась в глубине дома. Видать, в поисках очередных снарядов.

— Эй, Лютик! — окликнул мужчину ведьмак, влача на поле боя упирающуюся и фыркающую кобылу. — Как жизнь? Что происходит?

— Жизнь? Нормально, — ослабившись, проговорил трубадур, — как всегда. Привет, Геральт! Каким ветром занесло? А, черт, осторожней!

Оловянный бокал свистнул в воздухе и с грохотом отскочил от брусчатки. Лютик поднял его, осмотрел и кинул в канаву.

— Забирай свои шмотки! — крикнула блондинка, призывно играя оборками на пухленьких грудках. — И прочь с глаз моих! Чтоб ноги твоей больше тут не было, стихоплет!

— Это не мое, — удивился Лютик, поднимая с земли мужские брюки с гачами разного цвета. — В жизни у меня не было таких штанов.

— Убирайся! Видеть тебя не желаю! Ты... ты... Знаете, какой он в постели? Никудышный! Никудышный, слышишь! Слышите, люди?

Очередной горшок просвистел в воздухе, зафурчал торчащим из него сухим стеблем. Лютик едва увернулся. Вслед за горшком полетел медный котел никак не меньше чем в два с половиной галлона. Толпа зевак, держась за пределами обстрела, тряслась от хохота. Самые большие остряки хлопали в ладоши, кричали «бис» и убеждали блондинку действовать активнее.

— Слушай, а у нее в доме нет катапульты? — забеспокоился ведьмак.

— Не исключено, — сказал поэт, задрав голову к балкону. — У нее дома жуткий склад рухляди. Штаны видел?

— А может, лучше уйти? Вернешься, когда утихомирится.

— Еще чего? — скривился Лютик. — Возвращаться в дом, из которого в тебя бросают оскорбления и медные котлы. Сей непороч... виноват, непрочный союз я в одностороннем порядке объявляю разорванным. Подождем только, пусть выкинет... О мать моя, нет! Веспуля! Моя лютия!

Он бросился к дому, протянув руки, споткнулся, упал, схватил инструмент в последний момент, уже над самой брусчаткой. Лютия проговорила стонуще и певуче.

— Уф-ф, — вздохнул бард, поднимаясь с земли. — Порядок. Отличная штука, Геральт, теперь можно идти. Там, правда, еще остался плащ с куньим воротником, но ничего не попишешь, пусть мне будет хуже. Плащ, насколько я ее знаю, она не выкинет.

— Ах ты, лживое дерьмо! — разоралась блондинка и сплюнула с балкона, разбрызгивая слюну. — Ах ты, бродяга! Ах ты, фанфарон хриплый!

— Что это она тебя так, а? Проштрафился в чем?

— Да нет, все нормально, — пожал плечами трубадур. — Она требует моногамии, мать ее так-то, а сама кидает в людей чужими портками. Слышал, как она меня обзывала? О боги, мне тоже известны такие, которые приятнее отказывают, чем она дает, но я же не кричу об этом на улицах. Пошли отсюда.

— Куда?

— А как думаешь? В Храм Вечного Огня, что ли? Пошли, завалимся в «Наконечник Пики». Надо успокоить нервы.

Ведьмак, не протестуя, повел кобылу за Лютиком, бодро нырнувшим в узкий проулок. Трубадур на ходу подкрутил колки лютии. Потренькал на струнах, взял глубокий вибрирующий аккорд.

Уж осень зиму ветром клочет,
Слова теряют смысл и звук,
И бриллианты слез с ресничек
Дождинками спадают вдруг...

Он замолчал, весело помахал рукой двум девчонкам, проходившим мимо с корзинками, полными овощей. Девчонки захихикали.

— Что привело тебя в Новиград, Геральт?

— Закупки. Упряжь, немного снаряжения. И новая куртка. — Ведьмак одернул шуршащую, пахнущую новизной кожу. — Как тебе нравится моя новая одежда, Лютик?

— Отстаешь от моды, — поморщился бард, стряхивая куриное перо со своего блестящего василькового кафтана с рукавами пухом и воротником зубчиками. — Ах как я рад, что мы встретились. Здесь, в Новиграде, столице мира, центре и колыбели культуры. Здесь просвещенный человек может вздохнуть полной грудью.

— А не перейти ли нам дышать полной грудью на улочку подальше? — предложил Геральт, глядя на оборванца, который, присев на корточки и выкатив глаза, справлял большую нужду в проулке.

— Очень уж язвительным стал твой вечный сарказм. — Лютик снова поморщился. — Говорю тебе: Новиград — пуп мира. Почти тридцать тысяч жителей, не считая гостей столицы, представляешь? Каменные дома, мощеные улицы, морской порт, склады, четыре водяные мельницы, бойни, лесопилки, крупное башмачное производство и вдобавок все вообразимые цехи и ремесла. Монетный двор, восемь банков и девятнадцать ломбардов. Дворец и кордегардия — аж дух захватывает. И развлечения: эшафот, шибеница с опускающейся платформой, тридцать пять трактиров, театр, зверинец, базар и двенадцать борделей. И храмы, не помню уж сколько. Много. Ну а женщины, Геральт! Умытые, чистенькие и ароматные, бархат и шелк, корсеты и ленточки... Ах, Геральт! Стихи так и просятся на уста:

Где ты живешь, белым-бело от снега.
Покрыты льдом и речки, и поля.
В твоих очах печаль, призыв и нега,
Но... зимним сном охвачена земля.

— Новая баллада?

— Ага. Назову ее «Зима». Только она еще не готова, никак не могу окончить. Из-за Веспуги меня так и трясет, и рифмы не держатся в голове. Да, Геральт, совсем забыл, как там Йеннифэр?

— Никак.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Ну где твоя корчма, далеко еще?

— За углом. О, мы уже на месте. Видишь вывеску?

— Вижу.

— Приветствую и низко кланяюсь, — улыбнулся Лютик девушке, подметавшей лестницу. — Вам, милостивая государыня, уже кто-нибудь говорил, что вы прелестны?

Девушка покраснела и крепче ухватила за метлу. Геральт подумал было, что она вот-вот приложит трубадуру палкой. Но ошибся. Девушка мило улыбнулась и затрепыхала ресницами. Лютик, как обычно, не обратил на это никакого внимания.

— Приветствую и желаю всего наилучшего! Добрый день! — загремел он, входя в корчму, и резко провел большим пальцем по струнам лютни. — Мэтр Лютик, знаменитейший поэт в сей благодатной стране, посетил твой неопрятный кабак, хозяин! Ибо возжелал выпить пива. Ценишь ли ты честь, оказываемую тебе мною, мошенник?

— Ценю, — буркнул трактирщик, выходя из-за стойки. — Рад вас видеть, господин певун. Вижу, ваше слово и взаправду не дым. Вы ведь обещали зайти сразу же поутру и заплатить за вчерашнее. А я-то, это ж надо, подумал, вы врете, как всегда. Я прям-таки сгораю со стыда.

— Совершенно напрасно сгораешь, добрый человек, — беспечно бросил трубадур. — Потому как денег у меня нет. Поговорим об этом после.

— Нет уж, — холодно бросил трактирщик. — Поговорим сейчас. Кредит кончился, уважаемый господин поэт. Два раза меня не проведешь.

Лютик повесил лютню на торчащий в стене крюк, уселся за стол, снял шапочку и задумчиво пригладил припиленную к ней эгретку.

— Ты при деньгах, Геральт? — спросил он с надеждой в голосе.

— Нет. Все, что было, ушло на куртку.

— Скверно и паршиво, — вздохнул Лютик. — Черт, ни одной живой души, ну никого, кто мог бы угостить. Эй, хозяин, что так пусто нынче?

— Еще слишком рано для обычных гостей. А подмастерья каменщицкие, те, что храм ремонтируют, уже побывали и вернулись на стройку, забрав мастера.

— И никого больше? Никогошеньки?

— Никого, акромья благородного купца Бибервельта, который завтракает в большом эркере.

— Э, так Даинти тут? — обрадовался Лютик. — Надо было сразу сказать. Пошли в эркер, Геральт. Бибервельта, низушка, знаешь?

— Нет.

— Не беда. Познакомись. Ого! — воскликнул трубадур, направляясь в боковую комнату. — Чую с запада веяние и дух луковой похлебки, столь милые моему обонянию. Ку-ку! Это мы! Нежданчики!

В эркере, за средним столом, у столба, украшенного гирляндами чеснока и пучками трав, сидел пухлощекий кудрявый низушек в фисташково-зеленой жилетке. В правой руке у него была ложка, левой он придерживал глиняную тарелку. При виде Лютика и Геральта низушек замер, раскрыв рот, а его огромные орехового цвета глаза расширились от страха.

— Привет, Даинти, — сказал Лютик, весело помахав шапочкой. Низушек по-прежнему не изменил позы и не прикрыл рта. Рука у него, как заметил Геральт, слегка подрагивала, а свисающая с ложки длинная ниточка вареного лука раскачивалась, словно маятник.

— Пппп-приве-ет, Лю-ю-тик, — заикаясь, выдавил он и громко сглотнул.

— Икота замучила? Хочешь, напугаю? Сразу пройдет! Слушай: на заставе видели твою женушку! Вот-вот явится! Гардения Бибервельт собственной персоной, ха-ха-ха!

— Дурак ты, Лютик, — укоризненно проговорил низушек.

Лютик снова жемчужно рассмеялся, одновременно взяв два сложных аккорда на струнах лютни.

— Потому как мина у тебя исключительно глупая, братец, а тарашнишься ты на нас так, словно у нас рога и хвосты выросли. А может, ведьмака испугался? А? Или, думаешь, начался сезон охоты на низушков? Может...

— Прекрати, — не выдержал Геральт, подходя к столу. — Прости, дружище. Лютик сегодня перенес тяжелую личную трагедию и еще не оправился. Вот и пытается шуткой прикрыть печаль, угнетение и стыд.

— Не говорите. — Низушек втянул наконец содержимое ложки. — Сам угадаю. Любезная Веспуля звезданула его по кумполу горшком и выперла наконец взащей? Так, Лютик?

— Я не разговариваю на деликатные темы с личностями, кои сами жрут и пьют, а друзей заставляют стоять, — проговорил трубадур и тут же, не ожидая приглашения, уселся. Низушек зачерпнул ложку похлебки и слизнул свисающие с нее нитки сыра.

— Что правда, то правда, — урюмо произнес он. — Приглашаю, куда ж деваться. Присаживайтесь и... чем хата богата. Отведайте луковой похлебки.

— В принципе-то, я так рано не ем, — задрал нос Лютик. — Но уж, так и быть, уважу. Только не на пустой желудок. Эй, хозяин! Пива, любезный, да живо!

Девушка с красивой толстой косой, свисающей до ягодиц, принесла тарелки с похлебкой и кубки. Геральт, приглядевшись к ее крутленькой, покрытой пушком мордашке, отметил для себя, что у нее были бы вполне приличные губки, если б она помнила о том, что ротик надобно хоть иногда прикрывать.

— Дриада лесная! — воскликнул Лютик, хватая руку девушки и целуя ее в ладонку. — Сильфида! Волшебница! Божественное создание с глазами, словно васильковые озера! Прелестная, как утренняя заря, а форма губ твоих, возбуждающе приоткрытых...

— Дайте ему пива, быстренько, — простонал Даинти Бибервельт. — Не то случится несчастье.

— Не случится, не случится, — заверил бард. — Правда, Геральт? На всем белом свете не найти более спокойных людей,

нежели мы двое. Я, милсдарь купец, поэт и музыкант, а музыка умягчает обычаи. А наличествующий здесь, в эркере, ведьмак вообще опасен исключительно для чудищ, чудовищ и уродцев. Познакомься: Геральт из Ривии, гроза упырей, упыриц, упырих, оборотней и всяческой мерзопакостности. Небось слышал о Геральте, Даинти?

— Слышал. — Низушек подозрительно глянул на ведьмака. — Ну и что?.. Что подельваете в Новигrade, милсдарь Геральт? Неужто туточки появились какие-нинабудь страшные монстры? Вас... хм-хм... наняли?

— Нет, — улыбнулся ведьмак, — я на отдыхе.

— О! — произнес Даинти, нервно перебирая волосатыми ногами, на пол-локтя не достающими до пола. — Это славно...

— Что — славно? — Лютик проглотил ложку похлебки и запил пивом. — Не хочешь поддержать нас, Бибервельт? В увеселениях, разумеется. Ишь, как все славно складывается. Здесь, в «Наконечнике Пики», мы намерены подвыпить. А потом планируем забежать в «Пассифлору» — это очень дорогой и приличный бордель, на простом языке «Страстоцвetoм» именуемый, где можно пригласить полуэльфку, а если повезет, то и чистокровку. Однако нам нужен спонсор.

— Кто-кто?

— Ну тот, кто будет платить.

— Так я и думал, — буркнул Даинти. — Сожалею. Во-первых, у меня деловая торговая встреча. Во-вторых, нет средств на оплату подобных увеселений. В-третьих, в «Страстоцвет» пускают только людей.

— А мы кто — совы сычные, или как там? Ах да, понимаю. Туда не пускают низушков. Это верно. Ты прав, Даинти. Здесь Новиград. Столица мира.

— Да, — произнес низушек, не отрываясь от ведьмака и странно кривя губы. — Ну так я уж пойду. Я договорился...

Дверь эркера с грохотом отворилась, и в комнату влетел... Даинти Бибервельт.

— О боги! — взвизгнул Лютик.

Низушек, появившийся в дверях, ничем не отличался от низушка, сидящего за столом, если не считать, что за столом сидел чистый, а в дверях стоял грязный, побитый и помятый.

— Вот где ты, сучий хвост! — рявкнул грязный низушек, кидаясь к столу. — Ах ты, ворюга!

Его чистый близнец вскочил, опрокинув табурет и свалив со стола посуду. Геральт отреагировал автоматически и молниеносно: схватив со скамьи меч в ножнах, он съездил Бибервельту по загривку тяжелым ремнем. Низушек рухнул на пол, скуксился, юркнул меж ног Лютика и на четвереньках почимчивовал к выходу, при этом его руки и ноги вдруг вытянулись, словно лапки паука. Увидев это, грязный Даинти Бибервельт разразился бранью, взвыл и отскочил, с грохотом врезавшись спиной в деревянную перегородку. Геральт кинул ножны, пинком отбросил с дороги стул и рванулся в погоню. Чистый Даинти Бибервельт кузнечиком перескочил порог эркера, влетел в общую залу, натолкнулся на девицу с полураскрытым ртом. Увидев его длинные лапы и карикатурно расплывшуюся физиономию, девушка разинула рот на всю возможную ширину и издала пронизывающий уши вопль. Геральт, воспользовавшись потерей темпа, вызванной соударением Лжедаинти с девушкой, догнал его на середине залы и ловким пинком в колено повалил на пол.

— Не рыпайся, братишечка, — прошипел он сквозь стиснутые зубы, приставив к монстру острие меча. — Не рыпайся.

— Что тут творится? — зарычал трактирщик, подбегая с черенком от лопаты в руке. — Что еще за фокусы? Стража! Дэчка, жми за стражей!

— Не-е-е! — взвыло существо, прижимаясь к полу и еще больше деформируясь. — Смилуйтесь, не-е-е!

— Никакой стражи! — поддержал его грязный низушек, вылетая из эркера. — Держи девчонку, Лютик!

Трубадур схватил верещащую Дэчку, невзирая на спешку, старательно выбирая места. Дэчка запищала и осела на пол у его ног.

— Спокойно, хозяин, — с трудом выговорил Даинти, — это дело личное, не надо стражи. Я покрою ущерб.

— Нет никакого ущерба, — трезво проговорил трактирщик, осматривая залу.

— Но будет, — скрежетнул толстенький низушек. — Потому как сейчас я стану его бить. И еще как! Я стану бить его жестоко, долго и страстно, и тогда он тут все раздолбает.

Распластавшаяся на полу длиннолапая карикатура на Даинти Бибервельта жалостливо захрипела.

— Ничего подобного, — проговорил холодно трактирщик, прищурившись и слегка приподняв черенок. — Бейте его сколь влезет на улице или во дворе, господин низушек. Потому как это... это же прямо-таки уродец какой-то!

— Хозяин, — спокойно произнес Геральт, не ослабляя нажатия клинка на шею уродца. — Главное — не волноваться. Никто ничего не разобьет, не будет никакого ущерба. Мы владеем ситуацией. Я — ведьмак, а уродец, как видите, у меня в руках. Однако, поскольку это действительно похоже на личные отношения, мы спокойно выясним их в эркере. Отпусти девушку, Лютик, и иди сюда. У меня в сумке лежит серебряная цепочка. Вынь ее и как следует стяни лапы этому типу. В локтях, за спиной. Не шевелись, братишечка.

Существо тоненько заскулило.

— Порядок, Геральт, — сказал Лютик. — Связал. Пошли в эркер. А вы, хозяин, чего стоите? Я же заказывал пиво. А уж если я заказываю пиво, то его должно подавать до тех пор, пока я не крикну: «Воды!»

Геральт подтолкнул связанное существо к эркеру и грубо усадил у столба. Даинти Бибервельт тоже уселся, глянул с неприязнью.

— Это ж жуть, как оно выглядит, — сказал он. — Ну прямо куча прокисшего теста. Глянь на его нос, Лютик, вот-вот отвалится, собачья мать. А уши — как у моей тещи перед самыми похоронами. Бррр!

— Минуточку, — буркнул Лютик. — Ты — Бибервельт? Ну да, несомненно. Но то, что сидит у столба, только что было тобою. Если я не ошибаюсь. Геральт! Все взоры обращены на тебя. Ты — ведьмак. Что тут, черт побери, дется? Что это?

— Мимик.

— Сам ты мимик, — гортанно проговорило существо, болтая носом. — Никакой я не мимик, а доплер, и зовут меня Тельико Луннгревинк Леторт. Сокращенно Пенсток. Друзья называют меня Дуду.

— Я те щас покажу Дуду, сукин сын! — рявкнул Даинти, замахаясь на него кулаком. — Где мои кони? Ворюга!

— Милсдари, — напомнил трактирщик, входя с кувшином и охажкой кружек. — Вы обещали, что будет спокойно.

— Ох, пиво, — вздохнул низушек. — Ну и жажда, черт побери. И голод!

— Я бы тоже выпил, — невнятно сообщил Тельико Луннгревинк Леторт.

Никто не обратил внимания.

— Что это такое? — спросил трактирщик, поглядывая на существо, которое при виде пива высунуло из-за отвисших тестообразных губ длиннющий язычище. — Что это за штука, господа?

— Мимик, — повторил Геральт, не обращая внимания на гримасы уродца. — Впрочем, у него много названий. Подвойняк, векслинг, бедняр. Или доплер, как он сам себя окрестил.

— Векслинг? — выкрикнул трактирщик. — Здесь, в Новиграде? В моем заведении? А ну быстро, надоть вызвать стражу. И богослужителей.

— Потихе! Потихе! — кашлянул Даинти Бибервельт, спешно подбедая похлебку Лютика из чудом уцелевшей тарелки. — Еще успеется. Но потом. Этот стервец обокрал меня, я не намерен отдавать его здешним властям, пока не получу свою собственность. Знаем мы вас, новиградцев, и ваших судей тоже. Вернут, может, одну десятую, не больше.

— Смилуйтесь, — душераздирающе завопил доплер. — Не выдавайте меня людям! Вы знаете, что они творят с нами?

— Именно что знаем, — кивнул трактирщик. — Над пойманным доплером богослужители читают экзорцизмы. А потом связывают, облепляют толстым слоем глины с опилками и обжигают до тех пор, пока глина не превратится в кирпич. По крайней мере, так делали раньше, когда эти чудища попадались чаще.

— Варварский обычай, воистину человеческий, — поморщился Даинти, отодвигая пустую уже тарелку. — Впрочем, возможно, это и справедливое наказание за бандитизм и воровство. Ну, давай говори, подлец, где мои кони? А ну быстренько, а то протяну твою носяру между ног и засуну в задницу! Где мои кони, спрашиваю?

— Про... продал, — простонал Тельико Лунигревинк Лерторт, а отвисшие уши вдруг собрались у него в шарики, напоминающие миниатюрные кочанчики брюссельской капусты.

— Продал? Вы слышали? — вскипел низушек. — Он продал моих лошадок!

— Ясное дело, — сказал Лютик. — У него было время. Он здесь уже три дня. Я три дня вижу тебя... то есть его... Черт поberi, значит ли это, что...

— Конечно, значит! — зарычал купец, топая покрытыми шерстью ногами. — Он обокрал меня в пути, в дне пути от города! Приехал вроде бы как это я, понимаете? И продал моих лошадей! Я его убью! Удушу своими руками!

— Расскажите, как это случилось, господин Бибервельт.

— Геральт из Ривии, если не ошибаюсь? Ведьмак?

Геральт утвердительно кивнул.

— Все складывается как нельзя лучше, — сказал низушек. — Я — Даинти Бибервельт из Почечуева Лога, фермер, коновод и купец. Называй меня просто Дан, Геральт.

— Рассказывай, Дан.

— Ну так вот. Мы с конюхами вели лошадей на рынок в Чертов Брод на продажу. В одном дне пути от города выпал нам последний постой. Мы заночевали, предварительно управившись с бочонком водочки на жженом сахаре. Посреди ночи я просыпаюсь, чувю, пузырь чуть не разрывается, ну слезаю с возу, дай, думаю, при оказии кину взгляд, как там коняшки на лугу. Выхожу, туман хоть глаз коли, вдруг вижу, идет кто-то. Кто тут? — спрашиваю. Он ни гугу. Подхожу ближе и вижу... себя самого. Словно в зеркале. Думаю, не надо было водку хлебать, отраву проклятую. А этот вон... потому как это был именно он, как даст мне в лоб! Увидел я звезды и накрылся ногами. Утром просыпаюсь в каком-то идиотском кустарнике, на голове — шишка с огурец, кругом — ни души, от нашего обоза тоже ни следа. Бродил я целый день, пока наконец-то тракт отыскал, два дня брел, корешки жевал да сырые грибы. А он... эта засранная Дудулина, или как там его, вместо меня поехал в Новиград и загнал моих лошадей! Я ему сейчас... А своих конюхов высеку, по сто плетей каждому по голому заду, слепым жопам! Чтобы собственного хозяина не узнать, чтобы

дать себя так охмурить! Дурни, капустные лбы, морды протокольные...

— Не обижайся на них, Дан, — сказал Геральт. — Мимик копирует с такой точностью, что его невозможно отличить от оригинала, или от жертвы, которую он себе высмотрел. Ты что, никогда не слышал о мимиках?

— Слышать-то слышал. Да думал — выдумки.

— Не выдумки, как видишь. Допплеру достаточно внимательно присмотреться к жертве, чтобы мгновенно и безошибочно воспроизвести нужную структуру материи. Заметь, это не иллюзия, а абсолютно полное изменение. До мельчайших деталей. Каким образом мимики это делают, неизвестно. Чародеи предполагают, что тут действует та же составляющая крови, что и при ликантропии, но я думаю, это что-то совершенно иное либо же в тысячи раз более сильное. В конце концов, у оборотней всего две, самое большое — три ипостаси, а доплер может превращаться во что угодно, лишь бы более-менее точно совпадала масса тела.

— Масса тела?

— Ну в мастодонта, например, он не превратится. И в мышь тоже.

— Понимаю. А цепь, которой ты его связал, зачем?

— Серебро. Для ликантропа убийственно, у мимики, как видишь, только сдерживает трансформацию. Вот он сидит тут в присутствии ему в виде.

Допплер разлепил склеившиеся губы и зыркнул на ведьмака злыми мутными глазами, радужницы которых уже потеряли свойственный низушкам ореховый цвет и стали желтыми.

— И хорошо, что сидит, сукин сын, — буркнул Даинти. — Подумать только, он даже остановился здесь, в «Наконечнике Пики», где обычно останавливаюсь и я! Ему уже мнится, будто он — это я!

— Даинти, — покрутил головой Лютик. — Он и был тобой. Я встречаюсь с ним уже третьи сутки. Он выглядел как ты, и говорил как ты. Он даже мыслял как ты. А когда дело дошло до выпивона, то он и скучным оказался, как ты! А может, и еще скупее.

— Последнее меня не волнует, — сказал низушек. — Так что, может, верну хотя бы часть своих денег. Мне противно к

нему прикасаться. Возьми у него мешок, Лютик, проверь, что там. Должно быть немало, если этот конокрад действительно продал моих лошадок.

— У тебя сколько было лошадей?

— Двенадцать.

— Считая по мировым ценам, — проговорил трубадур, заглядывая в мешок, — того, что тут есть, хватит разве что на одну, да и то ежели попадется старая и облезлая. А если по новиградским, то вообще на две, самое большее — три козы.

Купец смолчал, но вид у него был такой, будто он вот-вот пустит слезу. Тельико Луннгревинк Леторт низко опустил нос, а нижнюю губу еще ниже и тихонько забулькал.

— Одним словом, — наконец проговорил низушек, — ограбило меня и превратило в нищего существо, существование которого, простите за каламбур, я считал сказкой. Это называется: не повезло.

— Ни добавить, ни прибавить, — сказал ведьмак, окидывая взглядом съездившегося на табурете доплера. — Я тоже был уверен, что мимиков давным-давно истребили. Раньше, говорят, их много обитало в здешних лесах и на плоскогорье. Но их способность к мимикрии очень беспокоила первых поселенцев, и на них начали охотиться. Довольно успешно. А вскоре перебили почти всех.

— К счастью, — сказал трактирщик. — Тьфу, тьфу, клянусь Вечным Огнем, уж лучше дракон или дьявол, которые всегда оказываются драконом или дьяволом, и ведомо, чего держаться. Но вурдалачество, в смысле оборотничество, всяческие изменения и перемены, эта мерзопакостная чертова процедура, обман и предательство людям на урон и погибель — уж это все придумано энтими, хрен знает как их еще и называть-то, паскудами. Говорю вам, давайте вызовем стражу — и в огонь его, погань такую, в огонь.

— Геральт, — заинтересовался Лютик. — Хотелось бы послушать мнение специалиста. Векслинги, они что, действительно такие опасные и агрессивные?

— Их способность к копированию, — сказал ведьмак, — свойство, которое служит скорее защите, нежели нападению. Я не слышал...

— Дьявольщина, — зло прервал Даинти, хватив кулаком по столу, — если бить по морде и обкрадывать — не нападение, то что же тогда считать нападением? Кончайте мудрствовать. Все проще простого: на меня напали и ограбили, отобрали не только добытое тяжким трудом имущество, но и лично мою внешность. Я требую удовлетворения, я не уну...

— Стражу, стражу надоть скликать, — настаивал трактирщик. — И богослужителей призвать! И спалить энто чудище, энту нелюдь!

— Перестаньте, хозяин, — поднял голову низушек. — Надоели вы со своими «энтими». Заметьте, вам-то энтот, тыфу ты, этот нелюдь ничего не сделал. Только мне. Кстати, я-то ведь тоже нелюдь.

— Да что вы, господин Бибервельт, — нервно рассмеялся трактирщик. — Одно дело — вы, другое — он! Вы без малого человек, а он-то монстр. Удивляюсь я с вас, милсдарь ведьмак. Этак вы как-то спокойненько себе сидите. Для чего вы, прошу прощения, существуете? Ваша обязанность — убивать чудовищ или как?

— Чудовищ — да, — холодно сказал Геральт. — Чудовищ, а не представителей разумных рас.

— Ну знаете, милсдарь, — сказал трактирщик. — Теперь-то вы уж явно того, переборщили.

— Это уж точно, — вставил Лютик. — Перегнул ты палку, Геральт, с этой своей разумной расой. Ты только глянь на него.

Телько Луннгревинк Леторт действительно в данный момент никак не походил на представителя разумной расы, а напоминал куклу, вылепленную из грязи и муки, глядящую на ведьмака умоляюще мутными желтыми глазами. Да и сопение, которое он издавал касающимся столешницы носом, было не к лицу представителю разумной расы.

— Кончайте пререкаться! — вдруг рявкнул Даинти Бибервельт. — Не о чем тут рассуждать! Важно одно: мои кони и мои потери! Слышишь, гриб вонючий? Кому продал моих лошадок? Что сделал с деньгами? Говори сразу, не то я тебя запиною, изобью и сдеру с тебя шкуру!

Дэчка, приоткрыв дверь, сунула в эркер светлую головку.

— Гости в корчме, отец, — шепнула она. — Каменщики со стройки и другие. Я их обслуживаю, а вы тута так громко не орите, а то они уж починают зыркать на эркер.

— О Вечный Огонь! — перепутался трактирщик, глядя на распластавшегося доплера. — Если сюды кто-нито заглянет и увидит энто... ой-ей, будет дело. Уж ежели не хотите вызывать стражу, то хоть... милсдарь ведьмак! Если энто и взаправду векслинг, то скажите ему, пусть превратится во что-нито поприличнее, вроде бы чтобы не узнали. Пока.

— Верно, — сказал Даинти. — Пусть он в кого-нибудь передопплерится, Геральт.

— В кого? — неожиданно пробулькал доплер. — Я могу принять форму, к которой как следует пригляжусь. Так в которого из вас мне перемениться?

— Только не в меня, — быстро сказал трактирщик.

— И не в меня, — охнул Лютик. — Впрочем, это был бы никакой не камуфляж. Меня все знают, так что два Лютика за одним столом — бо́льшая сенсация, нежели этот... тип «в собственном соку».

— Со мной то же самое, — усмехнулся Геральт. — Остаешься ты, Дан. И все получается прекрасно. Не обижайся, но ты и сам знаешь, люди с трудом отличают низушка от низушка.

Купец долго раздумывать не стал.

— Лады, — сказал он. — Пусть будет так. Сними с него цепь, ведьмак. Ну, давай превращайся в меня, ты, безмозглая разумная раса.

Как только с него сняли цепь, доплер расставил тестообразные лапы, пощупал нос и вытаращился на низушка. Отвисшая кожа на лице собралась и расцветилась. Нос уменьшился и втянулся с глухим чавканьем, на голом черепе выросли курчавые волосы. Даинти вылупил глаза, трактирщик в немом изумлении раскрыл рот на манер собственной дочки Дэчки. Лютик вздохнул и ахнул.

Последним у доплера изменился цвет глаз.

Даинти Бибервельт-2 откашлялся, перегнулся через стол, схватил кружку Даинти Бибервельта-1 и жадно принял к ней устами.

— Не может быть, не может быть, — прошептал Лютик. — Вы только взгляните, до чего точно скопировал. Не различишь. Все тютелька в тютельку. Даже шишки от комаров и пятна на штанах... Именно что — на штанах! Такого не могут даже чародей! Пощупай, настоящая шерсть, никакая не иллюзия! Невероятно! Как он это делает?

— Никто не знает, — буркнул ведьмак. — И сам он тоже. Я говорил, что он способен произвольно изменять материю, но это органическая способность, инстинктивная...

— Но штаны... Из чего он сотворил штаны? И жилетку?

— Его собственная измененная кожа. Не думаю, что он охотно отдаст штаны. Впрочем, они тут же потеряли бы свойство шерсти...

— А жаль, — проявил сообразительность Даинти. — Я уже подумал было, не приказать ли ему превратить ведро материи в ведро золота.

Допплер, теперь точная копия низушка, расположился поудобнее на скамейке и широко улыбнулся, видимо радуясь, что стал центром внимания. Он сидел точно в такой же позе, что и Даинти, и точно так же болтал волосатыми ногами.

— А ты много знаешь о доплерах, Геральт? — сказал он, отхлебнул из кружки, почмокал и рыгнул. — Воистину много.

— О боги, и голос, и манеры тоже Бибервельтовы, — сказал Лютик. — Нет ли у кого лоскутка красной китайки? Надо бы его, черт побери, пометить, а то может случиться беда.

— Да ты что, Лютик! — возмутился Даинти Бибервельт-1. — Надеюсь, меня-то с ним не спутаешь. С первого...

— ...первого взгляда видно разницу, — закончил Даинти Бибервельт-2 и снова вежливо рыгнул. — И верно, чтобы перепутать, надо быть глупее кобыльего копыта.

— Ну разве я не говорил? — восхищенно шепнула Лютик. — Он мыслит и говорит точно как Бибервельт. Не различишь.

— Преувеличение, — надул губы низушек. — Крупное преувеличение.

— Нет, — возразил Геральт. — Не преувеличение. Верь не верь, но в данный момент он — это ты, Дан. Неведомым образом доплер точно копирует также и психику оригинала.

— Пси... что?

— Ну, свойства разума, характер, чувства, мысли. Душу. И это подтверждает как раз то, что отрицают большинство чародеев и все богослужители. А именно, что душа — тоже материя.

— Святотатство, — шепнул трактирщик.

— И глупость, — твердо заметил Даинти Бибервельт. — Не рассказывай сказок, ведьмак. Свойства разума, ничего себе! Скопировать чужой нос и портки — это куда ни шло, но разум — это тебе не в бочку пер... Простите. Сейчас докажу. Если б этот вшивый доплер скопировал мой купеческий разум, то не продал бы лошадей в Новиграде, где на них нет спроса, а поехал бы в Чертов Брод, на конский рынок, где цены договорные, кто больше даст. Там не прогадаешь...

— Именно что прогадаешь. — Доплер спародировал обиженную мину низушка и фыкнул свойственным тому образом. — Во-первых, цены на аукционе в Чертовом Броде падают, потому что купцы сговариваются, как им торговаться. К тому же идут дополнительные комиссионные аукционщику.

— Не учи меня торговать, задница, — обрушился Бибервельт. — Я в Чертовом Броде взял бы девяносто, а то и сто за штуку. А сколько получил ты от новиградских скряг?

— По сто тридцать, — сказал доплер.

— Бреешь, распустиха.

— Не брешу. Я погнал лошадей прямо в порт, господин Даинти, и нашел там заморского торговца кожами. Скорняки не пользуются волами, снаряжая караваны, потому как волы слишком медлительны. Кожи легкие, но ценные, стало быть, надо ездить быстро. В Новиграде нет спроса на коней, потому-то и коней тоже нет. У меня были единственные доступные, вот я и продиктовал цену. Это просто...

— Не учи меня, сказал! — рявкнул Даинти, покраснев, как бурак. — Ну ладно, стало быть, заработал! А деньги где?

— Пустил в оборот, — гордо ответил Тельико, почесав типичным для низушка движением густую шевелюру. — Деньги, господин Даинти, должны обращаться, а интерес — крутиться.

— Смотри, как бы я тебе голову не скрутил! А ну говори, что сделал с выручкой за лошадей?

— Я же сказал — накупил товаров.

— Каких? Что купил, уродина?

— Ко... кошенили, — с трудом проговорил доплер, а потом быстро продекламировал: — Пятьсот корцев кошенили, шестьдесят два рюйса коры мимозы, пятьдесят пять гарнков розового масла, двадцать три бочонка рыбьего жира, шестьсот глиняных мисок и восемьдесят фунтов пчелиного воска. Рыбий жир, кстати, купил очень дешево, потому как он немного уже прогорк. Да, чуть было не забыл. Еще купил сто локтей хлопчатобумажного шнура.

Наступило долгое, очень долгое молчание.

— Прогорклый жир, — сказал наконец Даинти, очень медленно выговаривая отдельные слова. — Хлопчатобумажный шнур. Розовое масло. Да я, никак, сплю. Да, это кошмар! В Новиграде можно купить все, всякие ценные и полезные вещи, а этот кретин выбрасывает мои деньги на какое-то дерьмо. Прикинувшись мною. Я разорен, уплыли мои денежки, коту под хвост моя купеческая репутация. Нет, довольно! Дай меч, Геральт. Я зарублю его на месте.

Дверь эркера со скрипом отворилась.

— Купец Бибервельт! — пропищал вошедший тип в пурпурной мантии, висевшей на худой фигуре, словно на палке. На голове у него была бархатная шапочка в форме перевернутого ночного горшка. — Есть тут купец Бибервельт?

— Есть, — одновременно откликнулись оба низушка.

В следующий момент один из Даинти Бибервельтов плеснул содержимое кружки в лицо ведьмаку, ловко выбил табурет из-под Лютика и промчался под столом к двери, уронив по пути субъекта в смешной шапочке.

— Пожар! Спасайтесь! — завыл он, влетая в общий зал. — Убивают! Горим!

Геральт, отряхиваясь от пивной пены, кинулся за ним, но другой Бибервельт, тоже бежавший к двери, поскользнулся на опилках и свалился ему под ноги. Оба упали у самого порожка. Лютик, выбравшись из-под стола, дико ругался.

— На-а-ападе-е-ение! — заверещал с пола тощий тип, запутавшись в пурпурной мантии. — На-а-ападе-е-ение! Ба-а-андиты!

Геральт переполз через низушка, влетел в зал, увидел, как доплер, раскидывая гостей, выбегает на улицу. Кинулся следом и тут же уперся в упругую, неподатливую стену людей, загородивших дорогу. Одного, умаруханного глиной и воняющего пивом, ему удалось перевернуть, но остальные зажали его железными тисками плеч. Он яростно рванулся, послышался сухой треск рвущихся ниток, лопающейся кожи, и под правой подмышкой сделалось просторно. Ведьмак рутнулся, перестав вырываться.

— Поймали! — крикнули каменщики. — Мы поймали разбойника! Что делать, господин мастер?

— Известь! — взывал мастер, поднимая голову от столешницы и водя кругом невидящими глазами. — Извести и камней!

— Стра-а-ажа! — рычал пурпурный, на четвереньках выбираясь из эркера. — Нападение на чиновника! Стража! Пойдешь за это на шибеницу, злодей!

— Мы его поймали! — кричали каменщики. — Мы поймали его, господин!

— Не того! — взывал субъект в мантии. — Хватайте подлеца! Догоните его!

— Кого?

— Бибервельта, низушка! Догнать его, догнать! В яму его!

— Сейчас, сейчас, — сказал Даинти, выглядывая из эркера. — Что такое, господин Шван? Не вытирайте себе рот моим именем. И не поднимайте тревоги без нужды.

Шван замолчал, изумленно глядя на низушка. Из эркера вышел Лютик в шапочке набекрень, осматривая свою лютню. Каменщики, пошептавшись, отпустили наконец Геральта. Ведьмак, хоть и очень злой, ограничился сочным плевром на пол.

— Купец Бибервельт! — пропищал Шван, близоруко щурясь. — Что это значит? Нападение на городского чиновника может вам дорого обойтись... Кто это был? Тот низушек?

— Брат, — быстро сказал Бибервельт. — Троюродный брат...

— Да, да, — тут же поддержал Лютик, почувствовавший себя в своей стихии. — Далекий кузен Бибервельта. Известный как Чок Бибервельт. Черная овца в семье. Еще будучи ребен-

ком, он свалился в колодезь. Высохший. К несчастью, бадья упала ему прямо на голову. Вот он и чокнулся малость. Обычно-то он ведет себя тихо, но при виде пурпура впадает в ярость. Чок, одним словом. Но нечего волноваться, он быстро успокаивается, стоит увидеть рыжие волоски на дамском лобке. Потому он и помчался прямо в «Пассифлору». Понимаете, господин Шван...

— Довольно, Лютик, — прошипел ведьмак. — Заткнись, черт побери.

Шван одернул мантию, стряхнул опилки и выпрямился, придав физиономии величественное выражение.

— Да-а, — сказал он. — Следите внимательнее за своими родственниками, купец Бибервельт, потому как сами-то вы, известно, вполне дееспособны. Если б я подал жалобу... Но у меня нет времени. Я здесь по делу. От имени городских властей призываю вас заплатить налог.

— Э?

— Налог, — повторил чиновник и надул губы на манер, который подсмотрел, вероятно, у кого-то более значительного. — Что такое? Вам что, от брата передалось? Занимаешься торговлей — плати налоги. Либо иди в тюрьму.

— Я? — рявкнул Даинти. — Я — торговлей? Да у меня сплошные потери, мать твою! Я...

— Бибервельт, — снова прошипел ведьмак, а Лютик украдкой ударил низушка по волосатой щиколотке. Низушек кашлянул.

— Само собой, — сказал он с трудом, изображая улыбку на пухлой физиономии. — Само собой, господин Шван. Ежели занимаешься выгодной торговлей, надобно платить налоги. Хорошая торговля — большие налоги. И наоборот, как мне кажется.

— Не мне оценивать ваши доходы, купец. — Чиновник соорудил кислую мину, присел за стол, из бездонных складок мантии извлек счета и свиток пергамента, который развернул на столе, предварительно протерев стол полый накидки. — Мое дело считать и принимать. Да-а-а... Итак, подсчитаем... Это будет... хммм... это будет... Два пишем, один в уме... Та-а-ак... Тысяча шестьсот пятьдесят три кроны и двадцать копперов...

Даинти Бибервельт издал глухой вопль. Каменщики удивленно заворчали, трактирщик упустил блюдо. Лютик вздохнул.

— Ну до встречи, ребята, — горько сказал низушек. — Если меня кто-нибудь спросит, так я в тюрьме.

2

— До завтрашнего полудня, — стонал Даинти. — Ну и сукин сын этот Шван, чтоб его скрутило, паршивца, мог бы и подольше подождать. Больше полутора тысяч крон, откуда мне взять до завтра столько наличных? Я погиб, разорен, сгнию в заточении! Нечего сидеть, говорю вам, дьявольщина, надо хватать эту дрянь, доплера! Мы должны его поймать!

Вся троица сидела на мраморной облицовке бездействующего фонтана, расположенного посредине небольшой площади, обрамленной роскошными, но исключительно безвкусными купеческими домами. Вода в бассейне была зеленой и чудовищно грязной, плавающие среди отбросов золотые ельцы натужно работали жабрами и раскрытыми ртами хватали воздух с поверхности. Лютик и низушек жевали оладьи, которые трубадур только что стянул с попавшегося на пути прилавка.

— На твоём месте, — сказал бард, — я бы отказался от погони, а стал искать кого-нибудь, кто одолжит денег. Ну поймаешь ты доплера. И что? Думаешь, Шван примет его в качестве эквивалента?

— Дурак ты, Лютик, хоть и бард. Схватив доплера, я отберу у него мои деньги.

— Какие деньги? То, что было у него в мешочке, пошло на покрытие урона трактирщику и взятку Швану. Больше там ничего не было.

— Лютик, — поморщился низушек, — в поэзии-то ты, возможно, и дока, но в торговых вопросах, уж прости, абсолютный ноль. Ты слышал, какой налог насчитал мне Шван? А за что налоги платят? Ну за что?

— За все, — отметил поэт. — Я так вон даже за пение плачу. И плевать им на мои объяснения, мол, пою я по внутренней потребности.

— Дурак, говорю. Налоги в торговле платят в зависимости от прибыли. Прибыли, Лютик! Понял? Этот паршивец доплер подделался под меня и занялся каким-то нечистым делом. И заработал на нем. Заработал! А я — плати налог да еще и покрывай долги этого голодранца, ежели он их наделал. А не заплачу, так — в яму, а там публично поставят, как на скотине какой, тавро и сошлют на рудники! Дьявольщина!

— Хе! — весело отозвался Лютик. — Стало быть, нет у тебя, Даинти, иного выхода, как тайно сматываться из города. Знаешь что? Есть идея. Давай обернем тебя бараньей шкурой. Ты пройдешь через ворота, крича: «Я овечка, овечка, бе-е-е». Никто тебя не узнает.

— Лютик, — утрюмо проговорил низушек. — Заткнись, а то ведь стукну. Геральт?

— Что, Дан?

— Поможешь схватить доплера?

— Послушай, — сказал ведьмак, все еще безуспешно пытавшийся зашить разорванный рукав куртки. — Мы в Новиграде. Тут тридцать тысяч жителей — людей, краснолюдов, полуэльфов, низушков и гномов, да, вероятно, еще столько же приезжих. Как ты собираешься отыскать его в такой тьме народу?

Даинти дожевал оладью, облизнул пальцы.

— А магия, Геральт? Ваши ведьмачьи чары, о которых столько болтают?

— Магически доплера можно обнаружить, только когда он в своем виде, а в своем-то он по улицам не шастает. И даже если б так, все равно магия не поможет, потому что кругом кишмя кишат слабые чародейские сигналы. У каждого второго дома магические замки, а три четверти людей носят амулеты, самые разные — против воров, блох, пищевых отравлений. Не счастье.

Лютик провел пальцами по грифу лютни, звякнул струнами.

— Идет весна, дождем повеяв теплым! — пропел он. — Нет, скверно. Весна грядет и солнце... Нет, черт возьми. Не получается. Ну никак...

— Перестань скрипеть, — проворчал низушек. — Ты действуешь мне на нервы.

Лютик кинул ельцам остатки олады и сплюнул в бассейн.

— Глядите, — сказал он. — Золотые рыбки. Говорят, такие исполняют желания.

— Так те красные, — заметил Даинти.

— Ну и что, какая разница. Черт возьми, нас трое, а они выполняют по три желания каждая. Получается, по одному на брата от каждой рыбки. А, Даинти? Не хочешь, чтобы рыбка заплатила за тебя налог?

— Почему же. А вдобавок пусть что-нибудь свалится с неба и треснет доплера по башке. И еще...

— Стой, стой. У нас тоже есть желания. Я, к примеру, хочу, чтобы рыбка подсказала мне окончание баллады. А ты, Геральт?

— Отцепись, Лютик. Балаболка.

— Не порти игры, ведьмак. Скажи, чего бы ты хотел? Ведьмак встал.

— Я бы хотел, — проворчал он, — чтобы тот факт, что нас пытаются окружить, оказался недоразумением.

Из переулка напротив фонтана вышли четверо одетых в черное людей в крутых кожаных шляпах и медленно направились к бассейну. Даинти, оглянувшись, тихо выругался.

Из улочки позади них вышли еще четверо. Эти, приближаясь, заблокировали переулочек. В руках они держали какие-то странные кружочки, напоминающие свернутые ремни. Ведьмак осмотрелся, пошевелил плечами, поправляя висящий за спиной меч. Лютик икнул.

Из-за черной четверки вышел невысокий мужчина в белом кафтане и коротком сером плаще. Золотая цепь на его шее поблескивала в ритм шагам, стреляя желтыми отблесками.

— Ляшарель... — простонал Лютик. — Это Ляшарель.

Черные люди у них за спинами медленно двигались к фонтану. Ведьмак потянулся за мечом.

— Нет, Геральт, — шепнул Лютик, прижимаясь к нему. — Ради богов, не доставай оружия. Это храмовая стража. Если мы окажем сопротивление, нас живьем из Новиграда не выпустят. Не трогай меча.

Человек в белом кафтане уверенно шел к ним. Типы в черном следовали поодаль, на ходу окружая бассейн, чтобы занять стратегически верно выбранные позиции. Геральт, слегка сторбившись, внимательно наблюдал. Станные предметы, которые они держали в руках, не были, как он вначале думал, обычными ремненными кнутами. Это были трехвостки. Или, иначе, ламии.

Человек в белом кафтане приблизился.

— Геральт, — шепнул бард, — ради Бога, спокойнее...

— Я не позволю к себе прикоснуться, — буркнул ведьмак. — Не позволю к себе прикоснуться, кем бы он ни был. Внимание, Лютик... Если начнется, убегайте что есть мочи. Я их отвлеку... на какое-то время.

Лютик не ответил. Закинув лютию за спину, он низко склонился перед человеком в белом кафтане, богато расшитом золотыми и серебряными нитками в белую мозаику.

— Благородный Ляшарель...

Человек по имени Ляшарель остановился, окинул их взглядом.

Его глаза, как про себя отметил Геральт, были мерзко холодными и имели цвет стали. Бледный лоб болезненно вспотел, на щеках красные неровные пятна румянца.

— Господин Даинти Бибервельт, купец, — сказал он. — Талантливый мэтр Лютик. И Геральт из Ривии, представитель столь редкой ныне профессии ведьмаков. Встреча старых друзей? У нас, в Новиграде?

Никто не ответил.

— Весьма неудачным, — продолжал Ляшарель, — я считаю тот факт, что на вас поступил донос.

Лютик слегка побледнел, а низушек щелкнул зубами. Ведьмак не глядя на Ляшареля. Он не отрывал глаз от оружия в руках окружавших фонтан людей в кожаных шляпах. В большинстве известных Геральту стран изготовление и владение шиповатой ламией, именуемой еще майенским батогом, было строго запрещено. Новиград не составлял исключения. Геральт видел людей, которых хлестнули ламией по лицу. Эти лица невозможно было узнать.

— Хозяин трактира под названием «Наконечник Пики», — продолжал Ляшарель, — имел наглость обвинить вас в сговоре

с демоном, чудовищем, которого именуют векслингом, либо подвойняком.

Никто не ответил. Ляшарель скрестил руки на груди и одарил их ледяным взглядом.

— Я считаю своей обязанностью сообщить вам о доносе. Сообщаю также, что вышеупомянутый трактирщик помещен в яму. Есть основания полагать, что он болтал спяну, находясь под влиянием пива либо водки. И чего только люди не придумают! Во-первых, векслингов не существует. Это вымысел суеверных мужиков.

Никто не ответил.

— Во-вторых, какой векслинг, он же подвойняк, осмелится подойти к ведьмаку, — усмехнулся Ляшарель, — и останется в живых? Я прав? Посему донос трактирщика был бы достоин осмеяния, если б не одна существенная деталь.

Ляшарель покачал головой, выдержав эффектную паузу. Ведьмак услышал, как Даинти медленно выпускает воздух, втянутый в глубоком вдохе.

— Да, некоторая существенная деталь, — повторил Ляшарель, — а именно: мы имеем дело с ересью и святотатственным кощунством, ибо известно, что ни один, абсолютно ни один подвойняк, равно как и любое иное чудовище, не мог бы даже приблизиться к стенам Новиграда, ибо в девятнадцати храмах города пылает Вечный Огонь, святая сила коего хранит нас. Тот, кто утверждает, будто видел подвойняка в «Наконечнике Пики», на расстоянии броска камня от главного алтаря Вечного Огня, есть кощунствующий еретик и обязан от своего утверждения отказаться... Если же он отказаться не пожелает, мы поможем ему в этом по мере сил и возможностей, которые, поверьте, у нас в ямах всегда под рукой. Пёсему, как видите, беспокоиться не о чем.

Выражения лиц Лютика и низушка свидетельствовали об обратном.

— Совершенно не о чем беспокоиться, — повторил Ляшарель. — Вы можете покинуть Новиград без помех. Я не стану вас задерживать. Однако вынужден потребовать, дабы о достойных сожаления вымыслах трактирщика вы, уважаемые и благородные, не рассказывали никому и не комментировали

вслух данное происшествие. Высказывания, подрывающие божественную силу Вечного Огня, независимо от намерений, мы, скромные служители церкви, вынуждены будем трактовать как ересь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Собственные религиозные убеждения поэта, купца и ведьмака, которые я уважаю вне зависимости от того, каковыми бы они ни были, значения не имеют. Верьте во что хотите. Ваше дело. Я терпим до тех пор, пока почитают Вечный Огонь и не кощунствуют против него. А ежели кто-либо начнет кощунствовать, то такого велю спалить, и точка. В Новигrade все равны перед законом. И закон равен для всех: всяк кощунствующий против Вечного Огня идет на костер, а его имущество конфискуется. Но довольно об этом. Повторяю, вы можете без помех пройти в ворота Новигrade. Лучше всего...

Ляшарель слабо улыбнулся, втянул щеку в хитрой гримасе, повел глазами по площади. Немногочисленные прохожие, наблюдавшие за происходящим, ускорили шаги, быстро отворачиваясь.

— ...лучше всего, — закончил Ляшарель, — немедленно. Незамедлительно. Само собой разумеется, в применении к уважаемому купцу Бибервельту понятие «незамедлительно» означает «незамедлительно по совершении налоговых операций». Благодарю за внимание.

Даинти, отвернувшись, беззвучно шевелил губами. Ведьмак не сомневался, что этим беззвучно произнесенным словом было: «стерва». Лютик опустил голову, глуповато улыбаясь.

— Господин ведьмак, — неожиданно сказал Ляшарель. — Если не возражаете, позвольте на пару слов. Лично.

Геральт подошел. Ляшарель протянул было руку. «Если он коснется моего локтя, ударю, — подумал ведьмак. — Ударю, несмотря ни на что».

Ляшарель локтя Геральта не коснулся.

— Господин ведьмак, — сказал он тихо, отвернувшись от остальных. — Мне известно, что некоторые города не в пример Новигradу лишены божественной опеки Вечного Огня. Допустим, существо, подобное векслингу, шатается по одному из таких городов. Интересно, сколько бы ты взял, чтобы немедленно схватить такого живым?

— Я не нанимаюсь ловить чудид в людных местах, — пожал плечами ведьмак. — Может пострадать посторонний.

— Ты так печешься о судьбе посторонних?

— Так пекусь. Потому что, как правило, за их судьбу обвиняют меня. И мне грозят последствиями.

— Понимаю. А скажем, не была бы забота о судьбе посторонних обратно пропорциональна размеру платы?

— Не была бы.

— Твой тон, ведьмак, мне не очень нравится. Но не в том дело. Я понимаю, что ты хочешь этим сказать. Хочешь сказать, что не намерен сделать того... о чем я мог бы тебя попросить, причем размер платы не имеет значения. А характер оплаты?

— Не понимаю.

— Не думаю.

— И все же.

— Чисто теоретически, — сказал Ляшарель тихо, спокойно, без злобы или угрозы в голосе, — возможно, платой за услуги была бы гарантия, что ты и твои друзья выйдете живыми из... теоретического города. Тогда что?

— На этот вопрос, — криво усмехнулся ведьмак, — невозможно ответить теоретически. Ситуацию, о которой ты говоришь, благородный Ляшарель, следовало бы рассмотреть практически. Я вовсе не стремлюсь к этому, но если потребуется... Если не будет иного выхода... Я готов это... проработать.

— Хм, возможно, ты и прав, — спокойно ответил Ляшарель. — Мы слишком много теоретизируем. Что же до практики, то, вижу, сотрудничества ждать бессмысленно. Может, и к лучшему? Во всяком случае, надеюсь, это не станет поводом к конфликту между нами.

— И я, — проговорил Геральт, — надеюсь.

— Пусть же горит в нас сия надежда, Геральт из Ривии. Ты знаешь, что такое Вечный Огонь? Неугасимое пламя, символ существования, дорога, указанная во мраке, предвестник прогресса, лучшего завтра. Вечный Огонь, Геральт, есть надежда. Для всех, для всех без исключения. Ибо если существует нечто общее... для тебя... для меня... для других... то это как раз и есть надежда. Помни об этом. Приятно было познакомиться, ведьмак.

Геральт молча поклонился. Ляшарель секунду глядел на него, потом энергично развернулся и пошел через площадь, не оглядываясь на эскорт. Люди, вооруженные ламиями, двинулись следом, выстраиваясь в правильную колонну.

— О мамочка моя, — заныл Лютик, пугливо поглядывая на уходящих. — Ну повезло. Если только это конец. Если нас немедля не сцапают...

— Успокойся, — сказал ведьмак, — и перестань скулить. Ничего же не случилось.

— Знаешь, кто это был, Геральт?

— Нет.

— Это был Ляшарель, наместник по делам безопасности. Секретная служба Новиграда подчинена церкви. Ляшарель не богослужитель, но это серый кардинал иерарха, самый могущественный и самый опасный человек в городе. Все, даже Совет и цехи, трясут перед ним портками, потому как он чистой воды подлец, упившийся властью, как паук мушиной кровью. Хотя и втихую, но в городе поговаривают о его делишках. Исчезающие бесследно люди, ложные обвинения, пытки, тайные убийства, террор, шантаж и обычный грабеж. Принуждения, мошенничества и аферы. О боги, в хорошенькую историю ты впутал нас, Бибервельт.

— Прекрати, Лютик, — фыркнул Даинти. — Тебе-то чего бояться? Никто трубадура не тронет. По непонятным причинам вы пользуетесь неприкосновенностью.

— Неприкосновенный поэт, — стонал все еще бледный Лютик, — в Новиграде тоже может попасть под мчащуюся телегу, отравиться до смерти рыбой или неожиданно утонуть во рву. Ляшарель — спец по таким несчастным случаям. По мне, так невероятно уже то, что он вообще с нами разговаривал. Так сказать, снизошел. Ясно, не без причин. Что-то он замышляет. Вот увидите, он сразу же во что-нибудь нас впутает, нас закуют и законно поволокут на пытки. Так тут делается!

— В его словах, — проговорил низушек, обращаясь к Геральту, — довольно много правды. Надо соблюдать осторожность. И как только такого мерзавца, как Ляшарель, земля носит! Уж сколько лет о нем говорят, что он болен, что ему кровь в голову ударяет, и все ждут, когда же он преставится.

— Замолкни, Бибервельт, — испуганно прошипел трубадур, оглядываясь. — Еще кто-нибудь услышит. Гляньте, как все зыряется на нас. Пошли отсюда, говорю вам. И советую, давайте по-серьезному отнесемся к тому, что нам сказал Ляшарель о доплере. Я, к примеру, в жизни не видел никакого доплера, если потребуется, присягну перед Вечным Огнем.

— Гляньте, — вдруг сказал низушек. — Кто-то к нам спешит.

— Бежим! — взвыл Лютик.

— Спокойно, спокойно, — широко улыбнулся Даинти и прошелся по шевелюре пальцами. — Я его знаю. Это Ондатр, местный купец, казначей цеха. Мы вместе торговали. Смотрите, какая у него мина! Словно в штаны наделал. Эй, Ондатр, ты не меня ищешь?

— Клянусь Вечным Огнем, — просипел Ондатр, сдвигая на затылок лисью шапку и вытирая лоб рукавом. — Я был уверен, что тебя заточат в казематы. Истинное чудо. Поразительно...

— С твоей стороны, — ехидно прервал низушек, — очень мило поражаться. Порадуй нас еще, скажи, почему?

— Не прикидывайся дураком, Бибервельт, — поморщился Ондатр. — Весь город знает, сколько ты огреб на кошенили. Все об этом только и болтают, небось и до иерархии дошло, и до Ляшареля, какой ты ловкий, как хитро воспользовался тем, что произошло в Повиссе.

— О чем ты, Ондатр?

— О боги, прекрати мести хвостом, будто лиса. Ты кошениль купил? Купил. Воспользовавшись плохим спросом, заплатил авализованным векселем, не выложив ни гроша наличными. И что? За один день распродал весь груз в четыре раза дороже, да еще и за звонкую монету. Может, станешь утверждать, будто тебе случайно повезло? Мол, покупая кошениль, ты ничегошеньки не знал о перевороте в Повиссе?

— О чем? О чем ты болтаешь?

— В Повиссе был переворот, — рявкнул Ондатр. — И эта, как там ее... Леворюция! Короля Рыда свергли, теперь там правит клан Тиссенидов! Двор и войско Рыда одевались в голубое, потому тамошние ткачи покупали одно индиго. А цвет

Тиссенидов — пурпур. Индиго тут же упало в цене, а кошениль пошла вверх, и сразу стало ясно, что именно ты, Бибервельт, наложил лапу на единственный доступный груз. Хе!

Даинти, задумавшись, молчал.

— Хитро, Бибервельт, ничего не скажешь, — продолжал Ондатр. — И никому ни слова, даже друзьям. Шепни ты мне, глядишь, мы бы все заработали, даже факторию можно было бы совместную основать. Но ты предпочел один, втихую. Твоя воля, но и на меня теперь не рассчитывай. О Вечный Огонь, а ведь и верно: что ни низушек, то самолюбивая дрянь и дерьмо собачье. Мне, к примеру, Вимме Вивальди никогда авалья на векселе не дает, а тебе? Запросто. Потому как вы с ним одна банда, вы, нелюди, окаянные низушки и краснолюды. Чтoб вас холера...

Ондатр сплюнул, развернулся и ушел. Даинти, задумавшись, чесал в голове так, что аж шевелюра хрустела.

— Что-то мне светит, ребята, — сказал он наконец. — Знаю, что надо сделать. Пошли в банк. Ежели кто и может разобраться, так только мой знакомый банкир Вимме Вивальди.

3

— Иначе я представлял себе банк, — шепнул Лютик, осматривая помещение. — Где они тут держат деньги, Геральт?

— Черт их знает, — тихо ответил ведьмак, прикрывая разорванный рукав куртки. — Может, в подвале?

— Вряд ли. Я смотрел — нет тут подвала.

— Ну значит, на чердаке.

— Извольте в контору, господа, — сказал Вимме Вивальди.

Сидевшие за длинными столами молодые люди и краснолюды неведомого возраста занимались тем, что покрывали листы пергамента рядами циферок и буковок. Все без исключения кособочились, и у всех были слегка высунуты языки. Работа, как расценил ведьмак, была чертовски однообразна, но, казалось, поглощала клерков без остатка. В углу сидел дед с внешностью попрошайки, занятый тем, что чинил перья. Дело у него шло ни шатко ни валко.

Банкир старательно запер дверь конторы, пригладил длинную белую ухоженную бороду, местами испачканную чернилами, поправил бордовую бархатную куртку, с трудом сходящуюся на выдающемся брюхе.

— Знаете, мэтр Лютик, — сказал он, усаживаясь за огромный красного дерева стол, заваленный пергаменами. — Я тоже совершенно иначе вас себе представлял. Я знаю ваши песенки, знаю, слышал. О принцессе Ванде, которая утопилась в реке Поппе, потому что никто ее не хотел. И о воробушке, который попал в... тепло и зачирикал...

— Это не мое. — Лютик покраснел от бешенства. — Никогда не певал ничего подобного!

— Вот как? Ну тогда извиняйте.

— А может, перейдем к делу? — вставил Даинти. — Время уходит, а вы о глупостях... Я в серьезном затруднении, Вимме.

— Я этого боялся, — покачал головой краснолюд. — Если помнишь, я тебя предостерегал, Бибервельт. Говорил я тебе три дня тому: не всаживай деньги в прогорклый рыбий жир. Что из того, что он дешевле, номинальная цена не имеет значения, важен размер дохода на перепродаже. То же самое с розовым маслом, и воском, и глиняными мисками. Что тебя дернуло покупать эту дрянь, да вдобавок за наличные, вместо того чтобы по-умному заплатить аккредитивом или векселем? Я же тебе говорил, стоимость хранения в новиградских складах чертовски высока, за две недели она трижды превысит стоимость товара, а ты...

— Ну, — тихо простонал низушек. — Говори, Вивальди. Что — я?

— А ты в ответ: мол, ничего страшного, мол, продашь все за двадцать четыре часа. А теперь являешься и сообщидаешь, что ты в затруднении, при этом глупо и подкупающе лыбишься. Не идет товар, верно? А издержки растут, а? Эхе-хе, скверно, скверно. Ну как тебя вытаскивать, Даинти? Если б ты застраховал свой хлам, я послал бы кого-нибудь из своих, чтобы он втихаря подпалил склад. Нет, дорогой, единственное, что можно сделать, это подойти к вопросу философски, то есть сказать себе: «Хрен с ним». Это торговля — раз получишь, раз потеряешь. Да что это, в конце концов, за деньги — рыбий

жир, воск и масло? Смешно. Давайте поговорим о более серьезных вещах. Скажи, уже пора продавать кору мимозы, ведь спрос начал устанавливаться на пяти и пяти шестых?

— Что?

— Ты оглох? — поморщился банкир. — Последнее предложение было равно пяти и пяти шестым. Ты вернулся, надеюсь, чтобы согласиться? По семь ты все равно не получишь, Даинти.

— Вернулся?

Вивальди погладил бороду и выскреб из нее крошки рулета.

— Ты был тут час назад, — сказал он спокойно, — и распорядился держать до семи. Семикратное превышение при цене, которую ты заплатил, — это две кроны сорок пять копеек за фунт. Чересчур высоко, Даинти, даже для удачно выбранного рынка. Кожевники успели договориться и будут солидарно держать цену. Голову даю...

Дверь отворилась, и в контору влетело нечто в зеленой фетровой шляпе и шубейке из вывороченного кролика, перепоясанной конопляным жгутом.

— Купец Сулимир дает две кроны пятнадцать! — запищало оно.

— Шесть и одна шестая, — быстро подсчитал Вивальди. — Что делать, Дан?

— Продавать! — крикнул низушек. — Шестикратное превышение, а ты еще раздумываешь, холера?

В контору влетело другое нечто, в желтой шапке и плаще, напоминающем старый мешок. Как и в первом, в нем было около двух локтей роста.

— Купец Бибервельт велит не продавать ниже семи! — пискнуло оно, вытерло нос рукавом и выбежало.

— Так, — сказал краснотел после долгого молчания. — Один Бибервельт велит продавать, другой Бибервельт велит ждать. Любопытная ситуация. Что делать, Даинти? Ты сразу начнешь объяснять или тоже подождем, пока какой-нибудь третий Бибервельт прикажет грузить кору на галеры и вывезти в Страну Песоголавцев?

— Что это? — заикаясь, спросил Лютик, указывая на нечто в зеленой шапке, все еще стоявшее в дверях. — Что это, черт побери?

— Молодой гном, — сказал Геральт.

— Несомненно, — сухо подтвердил Вивальди. — Это не старый тролль. Впрочем, неважно, что это. Ну, Даинти? Слушаю.

— Вимме, — начал низушек. — Я тебя прошу. Не задавая вопросов. Произошло нечто чудовищное. Считай, что я, Даинти Бибервельт из Почечуева Лога, честный купец, понятия не имею, что тут творится. Расскажи мне все. Подробно. События последних трех дней. Прошу тебя, Вимме.

— Интересно, — сказал краснотолд. — Впрочем, за проценты, которые мне идут, я должен выполнять желания клиентов, какими бы они ни были. Слушай. Ты, задыхаясь, явился сюда три дня назад, отдал мне в депозит тысячу крон наличными и потребовал аваль на векселе в две тысячи пятьсот двадцать. На предъявителя. Я дал.

— Без гарантии?

— Без. Я люблю тебя, Даинти.

— Продолжай, Вимме.

— На другой день с утра ты влетел сюда с грохотом и топотом, потребовав, чтобы я открыл аккредитив на банк в Вызиме. На приличную сумму в три тысячи пятьсот крон. Получателем должен был стать, насколько я помню, некий Терх Луконян, он же Трюфель. Ну так я открыл такой аккредитив.

— Без гарантии, — проговорил низушек с надеждой в голосе.

— Моя любовь к тебе, Бибервельт, — вздохнул банкир, — кончается на сумме в три тысячи крон. На сей раз я взял у тебя письменное обязательство, гласящее, что в случае невыплаты мельница моя.

— Какая мельница?

— Мельница твоего тестя Арно Хардботтома в Почечуевом Логе.

— Я домой не вернусь, — утрюмо, но решительно известил Даинти. — Попроюсь на какой-нибудь корабль и стану пиратом.

Вимме Вивальди почесал за ухом и подозрительно взглянул на него.

— Э-э-э. Свое обязательство ты давно получил обратно и изорвал на мелкие кусочки. Ты платежеспособен. Ничего удивительного, при таких доходах...

— Доходах?

— Ах да, совсем забыл, — проворчал краснолюд. — Мне же не следует ничему удивляться. Ты здорово провернул операцию с кошенилью. Потому что, видишь ли, в Повиссе произошел переворот...

— Уже знаю, — прервал низушек. — Индиго подешевело, а кошениль подорожала. А я заработал. Это правда, Вимме?

— Чистейшая. В моем депозите твоих тысяча триста сорок шесть крон и восемьдесят копперов. Чистых, уже за вычетом налога и выплаты моих процентов.

— Ты уплатил за меня налог?

— А как же иначе? — удивился Вивальди. — Ведь час назад ты был тут и велел заплатить. Клерк уже отнес всю сумму в ратушу. Что-то около полутора тысяч, потому что продажа лошадей была, естественно, тоже учтена.

Дверь с грохотом отворилась, и в контору влетело нечто в очень грязной шапке.

— Две кроны тридцать! — пискнуло оно. — Купец Хасельквист!

— Не продавать! — крикнул Даинти. — Будем ждать лучшей цены! А ну оба на биржу!

Гномы схватили кинутые краснолюдом медяки и исчезли.

— М-да. Так на чем я остановился? — задумался Вивальди, поигрывая огромным, странной формы кристаллом аметиста, выполняющим роль прижима для бумаги. — Ага, на кошенили, купленной на вексель. А кредитное письмо, о котором я упоминал, было тебе необходимо для покупки большой партии коры мимозы. Ты купил ее много, но довольно дешево, по тридцать пять копперов за фунт у зангвебарского фактора, того самого Трюфеля или Сморчка — не запомнил. Галера вошла в порт вчера. И тут началось.

— Представляю себе, — простонал Даинти.

— Зачем и кому понадобилась кора мимозы? — не выдержал Лютик.

— Ни за чем, — утрюмо проворчал низушек. — К сожалению.

— Кора мимозы, — пояснил краснолюд, — дубильное вещество, применяемое при выделке кож.

— Неужто нашелся глупец, польстившийся на заморскую кору мимозы, — вставил Даинти, — если в Темерии можно за бесценок купить дубовую?

— Тут-то как раз и зарыт вампир, — проговорил Вивальди. — Потому как темерские друиды объявили, что ежели немедленно не прекратится уничтожение дубов, то они нашьют на страну саранчу и крыс. Друидов поддерживали дриады, а у тамошнего короля слабость к дриадам. Короче: со вчерашнего дня объявлено полное эмбарго на темерскую дубовину, поэтому мимоза пошла вверх. У тебя была прекрасная информация, Даинти.

Из канцелярии долетел топот, и в контору ворвалось нечто задыхающееся в зеленой шапке.

— Благородный купец Сулимир... — выдохнул гном, — велел повторить, что купец Бибервельт, низушек, есть вепрь дикий и цетинистый, спекулянт и мошенник, и он, Сулимир, желает, дабы Бибервельт запаршивел. Две кроны сорок пять, и это его последнее слово.

— Продавай, — выпалил низушек. — Вперед, малыш, беги и подтверди. Считай, Вимме.

Вивальди сунул руку под свитки пергамента и извлек краснолюдские счета, истинную игрушку. В отличие от счетов, используемых людьми, у краснолюдских была форма пирамидки. При этом счета Вивальди были изготовлены из золотых проволочек, по которым передвигались отшлифованные в форме призмочек, прилегающие друг к другу кристаллы рубинов, изумрудов, ониксов и черных агатов. Краснолюд быстрыми движениями толстого пальца некоторое время передвигал драгоценные камушки вверх, вниз и в стороны.

— Получается... хммм... хммм... Минус расходы и мои комиссионные... Минус налог... Та-ак. Пятнадцать тысяч шестьсот двадцать две кроны и двадцать пять копперов. Недурно.

— Если я не научился считать, — медленно произнес Даинти Бибервельт, — то, в общем, чистыми я должен у тебя иметь...

— Точно двадцать одну тысячу девятьсот шестьдесят девять крон и пять копперов. Неплохо.

— Неплохо? — рявкнул Лютик. — Неплохо? Да за эти деньги можно купить большую деревню или небольшой замок! Я в жизни не видел сразу такую кучу деньжищ!

— Я тоже, — сказал низушек. — Но не горячись, Лютик. Похоже, этих денег вообще еще никто не видел и неизвестно, увидит ли.

— Эй, Бибервельт! — изумился краснолюд. — Откуда такие грустные мысли? Сулимир заплатит наличными либо векселем, а вексели Сулимира — крепкие. Так в чем же дело? Боишься потерять на вонючем жире и воске? При таких доходах ты запросто перекроешь расходы...

— Не в том дело.

— А в чем же тогда?

Даинти кашлянул, опустил курчавую голову.

— Вимме, — сказал он, глядя в пол. — Ляшарель ходит за нами.

— Скверно, — причмокнул банкир. — Впрочем, этого следовало ожидать. Видишь ли, Бибервельт, информация, которой ты воспользовался при сделках, имеет не только торговое, но и политическое значение. О происшедшем в Повиссе и Темерии не знал никто. Ляшарель тоже, а Ляшарель любит все узнавать первым. Поэтому сейчас, я так думаю, он ломает себе голову над вопросом: откуда узнал ты. И, скорее всего, уже догадался. Потому что догадался и я.

— Интересно.

Вивальди глянул на Лютика и Геральта, сморщил курносый нос.

— Тебе интересно? А мне интересна твоя компания, Даинти, — сказал он. — Трубадур, ведьмак и купец. Чего уж лучше. Мэтр Лютик вхож всюду, даже в королевские дворцы, и, надо думать, у него неплохой слух. А ведьмак? Личная охрана? Выбывала? Деньги выколачивать?

— Поспешные выводы, господин Вивальди, — холодно сказал Геральт. — Мы не в сговоре.

— А я, — процедил Лютик, — никогда не прислуживаюсь. Я поэт, а не шпион!

— Всякое говорят, — поморщился краснолюд. — Всякое, милсдарь Лютик.

— Ложь! — взвизгнул трубадур. — Сплошная ложь!

— Ну хорошо, верю, верю. Только не знаю, поверит ли Ляшарель. Как знать, может, все понемногу и загложнет. Должен сказать, Ляшарель, после того как его в последний раз хватил удар, сильно изменился. Может, страх смерти глянул ему в задницу и заставил призадуматься? Словом, это уже не тот Ляшарель. Он сделался как-то вежливее, рассудительнее, спокойнее и... и как бы порядочнее.

— Э-э-э, — протянул низушек. — Порядочнее? Ляшарель-то?

— Говорю как есть, — возразил Вивальди. — А есть, как говорю. Вдобавок сейчас у церковников в голове другая проблема, имя которой — «Вечный Огонь».

— Ну да?

— Всюду должен гореть Вечный Огонь, как говорят. Всюду, где только можно, следует установить алтари, посвященные этому Огню. Множество алтарей. Не выпрашивай подробности, Даинти, я не очень разбираюсь в людских суевериях. Но знаю, что все священнослужители, а также Ляшарель, практически не занимаются ничем иным, как только этими алтарями и Огнем. Идет солидная подготовка. Налоги будут расти, это уж точно.

— Ну, — сказал Даинти. — Невелика радость, но...

Дверь конторы снова распахнулась, и влетело уже знакомое ведьмаку нечто в зеленой шапке и кроличьей шубейке.

— Купец Бибервельт, — сообщило оно, — велит прикупить мисок, ежели их не хватит. Цена не влияет значения, то бишь не влияет роли. О черт, не играет значения... Э?

— Прекрасно, — улыбнулся низушек, и улыбка его напоминала скривившуюся мордочку взбешенного дикого кота. — Мы купим массу мисок, воля господина Бибервельта для нас закон, а цена не играет роли. А чего еще надо прикупить? Капусты? Дегтя? Железных грабель?

— Кроме того, купец Бибервельт, — прохрипело нечто в шубейке, — просит прислать тридцать крон наличными, потому как должен дать взятку, перекусить и выпить пива, а «Под Пикой» три каких-то проходимца сперли у него мешок с деньгами.

— Ах вот оно что, — протянул Даинти. — Три проходимца! Так, похоже, этот город прямо-таки кишмя кишит проходимцами. А где, если дозволено будет спросить, находится сейчас уважаемый купец Бибервельт?

— Где же, — сказала нечто, хлопнув носом, — как не на Западном Базаре.

— Вимме, — сказал Даинти зловеще. — Не задавай вопросов, но найди мне хорошую толстую палку. Я отправляюсь на Западный Базар, но без палки пойти не могу. Слишком там много проходимцев и воруяг.

— Палку, говоришь? Найду. Но, Даинти, одно хотел бы знать, потому как это меня тяготит. Я не должен был задавать тебе вопросов, поэтому не задам, а попытаюсь угадать, а ты подтвердишь либо нет. А?

— Отгадывай.

— Тот прогорклый жир, масло, воск и миски, тот паршивый шпагат — все это тактические шаги, верно? Ты хотел отвлечь внимание конкурентов от кошенили и мимозы? Вызвать панику на рынке? А, Даинти?

Дверь резко раскрылась, и в контору вбежало нечто без шапки.

— Цаверий докладывает, что все готово! — пискнуло оно. — Спрашивает, наливать?

— Наливать! — загремел низушек. — Немедленно наливать!

— Клянусь рыжей бородой старого Рундурина, — взвыл Вивальди, как только за гномом закрылась дверь. — Ничего не понимаю! Что тут деется? Что наливать? Во что наливать?

— Понятия не имею, — признался Даинти. — Но дело должно крутиться, Вимме.

4

С трудом пробиваясь сквозь толпу, Геральт вышел к ларьку, увешанному медными кастрюлями, котелками и сковородками, отливающими красным в лучах предвечернего солнца. За ларь-

ком стоял рыжеволосый краснолюд в оливковой шапке и тяжелых башмаках из тюленьей кожи. На лице краснолюда рисовалось неудовольствие — коротко говоря, он выглядел так, словно через минуту намеревался оплевать копающуюся в товаре клиентку. Клиентка колыхала бюстом, трясла золотистыми кудряшками и поливала краснолюда бесконечным потоком слов, лишенных склада и лада.

Клиентка была ни много ни мало Веспуля, известная Геральту в качестве метательницы горшков. Не ожидая, пока она его признает, он быстро слился с толпой.

Западный Базар пульсировал жизнью, дорога сквозь скопище народа походила на продираание через кусты боярышника. То и дело что-то цеплялось за рукава и штанины — то дети, потерявшиеся у мам, пока те оттаскивали отцов от палатки с продажей в разлив, то шпики из кордегардии, то торгующие из-под полы продавцы шапок-невидимок, афродизий и похабных картинок, вырезанных на кедровых досочках. Геральт перестал улыбаться и перешел на ругань, одновременно с успехом пользуясь локтями.

Вдруг он услышал звук люти и знакомый жемчужный смех. Звуки шли со стороны сказочно разукрашенного ларька, снабженного вывеской: «Здесь чудеса, амулеты и наживка для рыбы».

— Кто-нибудь уже говорил вам, что вы прелестны? — верещал Лютик, присев на прилавок и весело болтая ногами. — Нет? Не может быть! Это же город слепцов, ничего больше, просто город слепцов. Подходите, добрые люди! Кто желает услышать балладу о любви? Кто хочет воспылать и обогатиться духовно, пусть бросит монету в шляпу. Ты чего туда суешь, засранец? Медь придержи для нищенок, не обижай медью артиста. Я-то, возможно, прощу, но искусство — никогда!

— Лютик, — сказал подходя Геральт. — Я думал, мы разделились, чтобы искать доплера. А ты устраиваешь концерты. И не стыдно петь на ярмарках, словно нищий дед?

— Стыдно? — удивился бард. — Важно, что и как поешь, а не где поешь. Кроме того, я голоден, а хозяин ларька обещал накормить обедом. Что же касается доплера, то ищите его сами. Я для погонь, драк и самосудов не гожусь. Я — поэт.

— Ты б лучше помалкивал, поэт. Здесь твоя невеста, могут быть неприятности.

— Невеста? — Лютик нервно заморгал. — О ком ты? У меня их несколько.

В этот момент сквозь толпу слушателей с силой нападающего тура пробилась Веспуля, держа в руке медную сковороду. Лютик соскочил с прилавка и кинулся бежать, ловко перепрыгивая через корзины с морковью. Веспуля повернулась к ведьмаку, раздувая ноздри. Геральт попятился и уперся спиной в стенку ларька.

— Геральт! — крикнул Даинти Бибервельт, вырываясь из толпы и отталкивая Веспулю. — Быстрее, быстрее! Я его видел. Вон там он, убегает!

— Я еще вас достану, распутники! — взвизгнула Веспуля, стараясь удержать равновесие. — Я еще сочтусь со всей вашей сворой! Хороша компанька! Стиляга, оборванец и карлик с волосатыми пятками! Вы меня попомните!

— Туда, Геральт! — крикнул Даинти, на бегу расталкивая группу школяров, занятых игрой в «три ракушки». — Туда, туда, он между телегами крутится. Заходи слева! Быстрее!

Они кинулись в погоню, сопровождаемые проклятиями перекупщиков и покупателей. Геральт только чудом избежал столкновения с бросившимся под ноги сопливым малышом. Перескочил через него, перевернув при этом два бочонка сельди, за что разъяренный рыбак хлестнул его по спине живым угрем, которого в тот момент демонстрировал клиентам.

И тут он увидел доплера, пытающегося сбежать вдоль загона для овец.

— С другой стороны! — крикнул Даинти. — Обходи его с другой стороны, Геральт!

Доплер стрелой пронесся вдоль заграды, мелькая зеленым жилетом. Теперь было ясно, почему он не превратился ни в кого другого. Проворством никто не мог сравниться с низушком. Никто. Кроме другого низушка. И ведьмака.

Геральт увидел, что доплер резко меняет направление, вздымая тучу пыли, и ловко ныряет в прогал в ограде, окружающей большую палатку, которая выполняла роль бойни и мясной лавки одновременно. Даинти это тоже заметил,

перепрыгнул через жерди и стал пробиваться сквозь сбившуюся в ограде отару блеющих баранов. Было ясно, что он не успеет. Геральт свернул и кинулся вслед за доплером между досками заграды. Неожиданно почувствовал рывок, услышал треск рвущейся кожи, и куртка под другой подмышкой тоже сделалась вдруг очень свободной.

Ведьмак остановился. Выругался. Плюнул. И еще раз выругался.

Даинти влетел в палатку вслед за доплером. Изнутри понеслись крики, звуки ударов, рутань и чудовищный грохот.

Ведьмак выругался в третий раз, особо яростно, заскрежетал зубами, поднял правую руку, сложил пальцы в Знак Аард, направив его прямо на палатку. Палатка вздулась, и изнутри послышался жуткий вой, гул и рев скотины. Палатка осела.

Доплер, ползя на животе, выбрался из-под полотна и кинулся ко второй, меньшей, палатке, скорее всего — леднику. Геральт, не раздумывая, направил руку туда и ударил его в спину Знаком. Доплер повалился на землю как громом пораженный, перевернулся, но тут же вскочил и влетел в палатку-ледник. Ведьмак преследовал его по пятам.

В палатке несло мясом. И было темно.

Тельико Лунингревинк Леторт стоял там, тяжело дыша, обеими руками ухватившись за висящую на крюке половину свиной туши. Второго выхода из палатки не было, а полотно было крепко и жестко привязано к кольям, торчащим из земли.

— Чистое удовольствие снова встретить тебя, мимик, — холодно произнес Геральт.

Доплер тяжело и хрипло дышал.

— Оставь меня в покое, — простонал он наконец. — Зачем ты меня преследуешь, ведьмак?

— Ты задаешь глупые вопросы, Тельико, — сказал Геральт. — Чтобы завладеть лошадьми и внешностью Бибберельта, ты разбил ему голову и бросил на безлюдье. Ты продолжаешь пользоваться его личностью и плюешь на неприятности, которые тем самым ему доставляешь. Дьявол знает, что ты собираешься делать еще, но я поручу твои планы в любом случае. Я не намерен ни убивать тебя, ни выдавать властям, но из города ты должен убраться. Я прослежу за этим.

— А если не захочу?

— Тогда я вывезу тебя на тачке в мешке.

Допплер вдруг раздулся, потом так же неожиданно похудел и начал расти, его кудрявые каштановые волосы побелели и выпрямились, упав на плечи. Зеленый жилет низушка масленно заблестел и превратился в черную кожу, на плечах и манжетах заискрились серебряные шипы. Пухлая, румяная физиономия удлинилась и побледнела.

Над правым плечом выдвинулась рукоять меча.

— Не подходи, — хрипло проговорил второй ведьмак и усмехнулся. — Не приближайся, Геральт. Я не позволю к себе прикоснуться.

«Ну и паршивая же у меня ухмылка, — подумал Геральт, потянувшись за мечом. — Ну и паршивая же морда. Ну и паршиво же я щурю глаза! Так вот как я выгляжу! Зараза!»

Руки доплера и ведьмака одновременно коснулись рукоятей, оба меча одновременно выскочили из ножен. Оба ведьмака одновременно проделали два быстрых мягких шага — один вперед, второй вбок. Оба одновременно подняли мечи и быстро завертели ими в воздухе.

— Ты не можешь меня победить, — буркнул доплер. — Потому что я — это ты, Геральт.

— Ошибаешься, Тельико, — тихо сказал ведьмак. — Брось меч и возвращайся в тело Бибервельта. Иначе пожалеешь, предупреждаю.

— Я — это ты, — повторил мимик. — Ты меня не победишь. Не можешь победить, потому что я — это ты.

— Ты даже понятия не имеешь, что значит быть мной, векслинг.

Тельико опустил руку, стиснутую на рукояти меча.

— Я — это ты, — снова сказал он.

— Нет, — возразил ведьмак. — Нет. И знаешь, почему? Потому что ты — маленький, бедный, мягкосердечный доплер. Допплер, который, как ни говори, мог убить Бибервельта и зарыть его тело в зарослях, обретя тем самым абсолютную безопасность и абсолютную уверенность, что не будет раскрыт никогда, никем, включая и жену низушка, известную Гардению Бибервельт. Но ты не убил его, Тель-

ико, потому что это было свыше твоих сил. Потому что ты маленький, бедный, великодушный доплер, которого друзья называют Дуду. И в кого бы ты ни превратился, ты всегда остаешься таким. Ты умеешь копировать только то, что в нас доброго, а того, что в нас злого, не понимаешь. Вот каков ты — доплер.

Тельяко понятился, упершись спиной о полотно палатки.

— Поэтому, — продолжал Геральт, — сейчас ты превратишься в Бибервельта и спокойно подашь мне лапы, чтобы я мог тебя связать. Ты не можешь сопротивляться мне, потому что я есть то, что ты скопировать не в состоянии. Ты знаешь об этом прекрасно, Дуду. Ведь на несколько секунд ты перенял и мои мысли.

Тельяко неожиданно выпрямился, черты его лица, только что бывшего лицом ведьмака, расплылись и разлились, белые волосы заколебались и начали темнеть.

— Ты прав, Геральт, — проговорил он невнятно, потому что в этот момент его губы изменяли форму. — Я перенял твои мысли. Ненадолго, но этого было достаточно. Знаешь, что я сейчас сделаю?

Кожаная куртка ведьмака вдруг перекрасилась в блестящий васильковый цвет. Доплер улыбнулся, поправил шапочку цвета сливы с эгреткой, подтянул ремень лютни, закинутой за спину. Лютни, которая только что была мечом.

— Я скажу тебе, ведьмак, что сделаю, — засмеялся он звучным и серебристым смехом Лютика. — Я пойду, сольюсь с толпой и потихоньку изменюсь в кого угодно, хоть бы в бродягу. Потому что уж лучше быть бродягой в Новиграде, чем доплером в пустыне. Новиград мне кое-чем обязан, Геральт. Возникновение города нарушило среду, в которой мы могли бы жить, жить в наших естественных телах. Нас уничтожали, охотясь словно на бешеных псов. Я — один из немногих выживших. Я хочу жить и выживу. Раньше, когда за мной в холода охотились волки, я превращался в одного из них и бегал вместе со стаей по несколько недель. И выжил. Сейчас я тоже так поступаю, потому что не хочу больше шнырять по урочищам и зимовать в буреломах, не хочу быть вечно голодным, не хочу бесконечно быть мишенью для стрел. Здесь, в Новиграде,

тепло, есть еда, можно заработать, и тут очень редко стреляют друг в друга из луков. Новиград — это стая волков. Я присоединюсь к ней и выживу. Понимаешь?

Геральт медленно кивнул.

— Вы предоставили, — продолжал доплер, кривя губы в наглой лютиковской улыбке, — скромную возможность ассимилироваться краснолюдам, низушкам, гномам, даже эльфам. А чем я хуже? Почему мне отказывают? Что надо сделать, чтобы получить возможность жить в этом городе? Превратиться в эльфку с глазами серны, шелковистыми волосами и длинными ногами? А? Но чем эльфка лучше меня? Тем, что при виде эльфки вы сучите лапками, а при виде меня вас тянет блевать? Подавитесь вы такими аргументами. Я все равно выживу. Знаю как. Будучи волком, я бегал, выл и грызся с другими за самку. Как житель Новиграда я буду торговать, плести ивовые корзины, попрошайничать или воровать, как один из вас, стану делать то, что обычно делает каждый из вас. Кто знает, может, даже женюсь.

Ведьмак молчал.

— Да, — спокойно продолжал Тельико. — Я ухажу. А ты, Геральт, не станешь меня задерживать, ты даже не пошевелишься. Потому что я несколько секунд знал твои мысли, Геральт. В том числе и те, в которых ты сам себе не хочешь признаваться, скрываешь даже от себя самого. Ведь чтобы меня задержать, тебе пришлось бы меня убить. А эта мысль тебе претит. Правда?

Ведьмак молчал.

Тельико снова поправил ремешок лютни и направился к выходу. Он шел смело, но Геральт видел, как он сутулится и горбится в ожидании свиста клинка. Он сунул нож в ножны. Доплер остановился на полушаге, оглянувшись.

— Бывай, Геральт, — сказал он. — Благодарю тебя.

— Бывай, Дуду, — ответил ведьмак. — Желаю удачи.

Доплер повернулся и двинулся в сторону многолюдного базара резвым, веселым, раскачивающимся шагом Лютика. Так же, как и Лютик, он размахивал левой рукой и так же, как и Лютик, щерил зубы, проходя мимо девушек. Геральт медленно двинулся следом. Медленно.

Тельико на ходу перехватил лютню, замедлив шаг, взял два аккорда, потом ловко отбренчал на струнах знакомую Геральтову мелодию. Слегка повернувшись, пропел. Совсем как Лютик:

Весна вернется и, как прежде,
Дождем омоет скоротечным.
Так есть и будет. Ведь надежда
Всегда горит Огнем Извечным.

— Повтори это Лютику, если запомнишь! — крикнул он. — И скажи, что «Зима» — неудачное название. Баллада должна называться «Вечный Огонь». Прощай, ведьмак!

— Эй! — раздалось вдруг. — Эй, стилигя!

Тельико удивленно обернулся. Из-за палатки вышла Веспуля, бурно раскачивая бюстом и осматривая поэта зловецким взглядом.

— За девками бегашь, изменщик? — прошипела она, все призывнее размахивая грудью. — Песенки распевашь, сукин кот?

Тельико снял шапочку и поклонился, широко улыбаясь характерной Лютиковой улыбкой.

— Веспуля, дорогая, — сказал он ласково. — Как же счастлив вновь видеть тебя. Прости, сладенькая моя! Я должен тебе...

— Должен, должен, — прервала Веспуля громко. — И все, что должен, сейчас заплатишь!

Огромная медная сковорода блеснула на солнце и с глубоким звучным стоном опустилась на голову доплера. Тельико с неописуемо глупой гримасой, застывшей на лице, покачулся и упал, раскинув руки, а его физиономия начала вдруг изменяться и расплываться, переставая походить на что-либо. Видя это, ведьмак прыгнул к нему, на бегу срывая с прилавка ларька огромный ковер. Бросив ковер на землю, он двумя пинками загнал на него доплера и быстро, но плотно завернул.

Усевшись на упаковку, отер лоб рукавом. Веспуля, не отпуская сковороду, зловецки поглядывала на него. Толпа густела.

— Он болен, — сказал ведьмак и вымученно улыбнулся. — Это ради его пользы. Не давите, добрые люди, бедняге нужен воздух.

— Бы слышали? — спокойно, но звучно спросил, проталкиваясь сквозь толпу, Ляшарель. — Давайте не будем! Давайте разойдёмся! Сборища запрещены. Караются штрафом!

Толпа мгновенно рассредоточилась, но только для того, чтобы проявить Лютика, резвым шагом приближающегося под звуки лютни. Увидев его, Веспуля дико взвизгнула, упустила сковороду и помчалась через площадь.

— Что с ней? — спросил Лютик. — Дьявола увидела?

Геральт поднялся с ковра, который тут же начал слабо шевелиться. Ляшарель медленно подошел. Он был один, его личной охраны видно не было.

— Я бы не стал подходить близко, — тихо проговорил Геральт. — Если б я был вами, милсдарь Ляшарель, я бы не подходил.

— Серьезно? — Ляшарель сжал узкие губы, холодно глянул на него.

— Если б я был вами, милсдарь Ляшарель, я прикинулся бы, будто ничего не видел.

— Это уж точно, — произнес Ляшарель. — Но ты не я.

Из-за палатки прибежал Даинти Бибервельт, запыхавшийся и вспотевший. Увидев Ляшареля, он, посвистывая и заложив руки за спину, остановился, сделав вид, будто рассматривает крышу амбара.

Ляшарель подошел к Геральту. Очень близко. Ведьмак не пошевелился, только прищурился. Несколько мгновений они глядели друг на друга, потом Ляшарель наклонился к свернутому коврику.

— Дуду, — сказал он, обращаясь к тисненным козловой кожей, странно деформированным башмакам Лютика, торчащим из свернутого ковра. — Копируй Бибервельта, живо.

— Почему? — крикнул Даинти, отводя глаза от амбара. — Зачем?

— Тихо, — сказал Ляшарель. — Ну, Дуду, как ты там?

— Готово, — глухо донеслось из ковра. — Готово... Сейчас...

Торчащие из ковра козловые башмаки разлились, размазались и превратились в покрытые шерстью босые ступни низушка.

— Вылезай, Дуду, — сказал Ляшарель. — А ты, Даинти, помалкивай. Для людей все низушки на одно лицо. Правда?

Даинти что-то невнятно пробормотал. Геральт, все еще щурясь, подозрительно глядел на Ляшареля. Наместник выпрямился и осмотрелся. К тому времени от зевак, которые еще удерживались поблизости, остался только утихающий вдали топот деревянных башмаков.

Даинти Бибервельт-2 выбрался из рулона, чихнул, сел, протер глаза и нос. Лютик, присев на валяющийся рядом ящик, тренкал на лютне с выражением умеренного любопытства на лице.

— Кто это, как ты думаешь, Даинти? — мягко спросил Ляшарель. — Он здорово похож на тебя, тебе не кажется?

— Это мой троюродный брат со стороны отца, — выпалил низушек и осклабился. — Близкий родственник. Дуду Бибервельт из Почечуева Лога, крупный спец по торговым операциям. Я как раз решил...

— Да, Даинти?

— Я решил назначить его своим представителем в Новиграде. Как ты на это смотришь, братец?

— Ах, благодарю, братец, — широко улыбнулся близкий родственник по отцовской линии, гордость клана Бибервельтов, крупный спец в торговле. Ляшарель тоже улыбнулся.

— Ну как, исполнилась мечта? — буркнул Геральт. — О жизни в городе? И что только вы находите в этих городах, Дуду... и ты, Ляшарель?

— Пожил бы в вересковых зарослях, — ответил Ляшарель, — поел бы корешков, вымок бы и перемерз, так знал бы. Нам тоже кое-что полагается от жизни, Геральт. Мы не хуже вас.

— Нет, — кивнул Геральт. — Не хуже. Бывает даже, лучше. А что с настоящим Ляшарелем?

— Удар его хватил, — шепнул Ляшарель-2. — Уж месяца два как. Апоплексический удар. Да будет земля ему пухом, да светит ему Вечный Огонь. Я как раз был поблизости... Никто не заметил... Геральт? Надеюсь, ты не станешь...

— Чего никто не заметил? — спросил ведьмак с каменной физиономией.

— Благодарю, — шепнул Ляшарель.

— И много вас тут?

— А это важно?

— Нет, — согласился ведьмак. — Не важно.

Из-за фургонов и палаток вылетела трусцой невысокая, локтя в два, фигурка в зеленой шапочке и кроличьей шубейке.

— Господин Бибервельт, — засопел гном и замолчал, водя взглядом от одного низушка к другому.

— Я думаю, малыш, — сказал Даинти, указывая на троюродного брата со стороны отца, — у тебя дело к моему кузену, Дуду Бибервельту. Говори. Вот он.

— Шаверий сообщает, что пошло все, — сказал гном и широко улыбнулся, показав остренькие зубки. — По четыре кроны за штуку.

— Похоже, я знаю, о чем речь, — сказал Даинти. — Жаль, нет здесь Вивальди, тот бы мигом подсчитал доход.

— Позволь, братишка, — проговорил Тельико Луннгревинк Леторт, сокращенно Пенсток, для друзей Дуду, а для всего Новиграда — член многочисленной родни Бибервельтов. — Позволь, я подсчитаю. У меня идеальная память на цифры. Как и на многое другое.

— Изволь, — поклонился Даинти. — Изволь, братишка.

— Расходы, — наморщил лоб доплер, — были небольшие. Восемнадцать за масло, восемь пятьдесят за рыбий жир, хммм... Все вместе, включая шнурок, сорок пять крон. Выручка: шестьсот по четыре кроны, то есть две тысячи четыреста. Комиссионных никаких, потому как без посредников...

— Будь добр, не забудь о налоге, — напомнил Ляшарель-2. — И учти: перед вами представитель городских властей и церкви, который серьезно и честно относится к своим обязанностям.

— От налогов освобождено, — сообщил Дуду Бибервельт. — Потому что это продажа на святые цели.

— То есть?

— Смешанные в соответствующих пропорциях рыбий жир, воск, масло, подкрашенные каплей кошенили, — пояснил доплер, — достаточно налить в глиняные миски и в каждую сунуть кусочек шнурка. Зажженный шнурок дает отличное

красное пламя, которое держится долго и почти не пахнет. Вечный Огонь. Богослужителям нужны были лампы для Вечного Огня. Теперь уже не нужны.

— Черт возьми, — буркнул Ляшарель. — Верно... Не лампы, лампы были нужны... Дуду, ты гений.

— В мать пошел, — скромно проговорил Тельико.

— А как же, вылитая мать, — подтвердил Динти. — Вы только взгляните на его умные глаза. Истинная Бегония Бибervельт, моя любимая двоюродная тетя.

— Геральт, — простонал Лютик. — Он за три дня заработал больше, чем я пением за всю свою жизнь!

— На твоём месте, — серьёзно проговорил ведьмак, — я бы забросил пение и занялся торговлей. Попроси, может, возьмет тебя в ученики.

— Ведьмак, — Тельико потянул его за рукав. — Скажи, чем можно тебя... отблагодарить...

— Двадцать две кроны.

— Что?

— За новую куртку. Смотри, что осталось от моей.

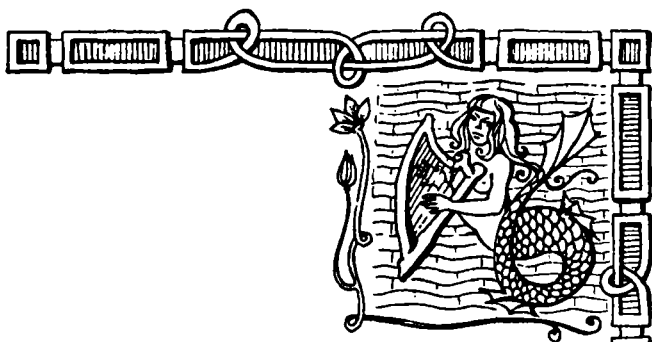
— Знаете что? — вдруг крикнул Лютик. — Пошли вместе в бордель! В «Пассифлору»! Бибervельты платят!

— А низушков туда пускают? — забеспокоился Динти.

— Пусть попробуют не пустить. — Ляшарель состроил грозную мину. — Пусть только попробуют, и я обвиню весь их бордель в ереси.

— Ну! — воскликнул Лютик. — Тогда все в порядке. Геральт? Идем?

— А знаешь, Лютик, — тихо рассмеялся ведьмак, — с удовольствием.

НЕМНОГО ЖЕРТВЕННОСТИ

1

ирена вынырнула из воды до половины тела и бурно, резко захлопала ладонями по поверхности. Геральт отметил, что у нее красивая, прямо-таки идеальная грудь. Эффект портил лишь цвет — темно-зеленые соски, а ореолы вокруг них лишь чуточку светлее. Ловко подстраиваясь к набегающей волне, русалка изящно выгнулась, встряхнула мокрыми бледно-зелеными волосами и мелодично запела.

— Что? — Князь перегнулся через борт когги. — Что она сказала?

— Отказывается, — перевел Геральт. — Говорит — не хочу.

— Ты объяснил, что я ее люблю? Что не представляю себе жизни без нее? Что хочу жениться на ней? Что только она и никакая другая?

- Объяснил.
- И что?
- И ничего.
- Ну так повтори.

Ведьмак прижал к губам пальцы и издал вибрирующую трель. С трудом подбирая слова и мелодию, начал переводить любовные излияния князя.

Сирена легла навзничь на воду и прервала его.

— Не переводи, не мучайся, — пропела она. — Я поняла. Когда он говорит, что любит меня, у него всегда бывает такая глупая физиономия. Он сказал что-нибудь конкретное?

— Не очень.

— Жаль. — Сирена затрепыхалась и нырнула, сильно изогнув хвост и вспенив воду узким плавником, напоминающим плавник султанки.

— Что? Что она сказала? — спросил князь.

— Что ей жаль.

— Чего жаль? Что значит — жаль?

— Мне кажется, это был отказ.

— Мне не отказывают! — крикнул князь, противореча очевидным фактам.

— Ваша милость, — буркнул подходя капитан коты. — Сети готовы — закинем, и она ваша...

— Я бы не советовал, — тихо проговорил Геральт. — Она не одна. Под водой их много, а в глубине может притаиться кракен.

Капитан вздрогнул, побледнел и обеими руками почему-то схватился за ягодицы.

— Кра... кракен?

— Он самый, — подтвердил ведьмак. — Не советую играть с сетями. Ей достаточно крикнуть, и от вашей посуды останутся плавающие доски, а нас утопят, как котят. И вообще, Агловаль, реши, ты хочешь жениться или просто намерен поймать ее и держать в бочке?

— Я ее люблю, — твердо сказал Агловаль. — Хочу взять в жены. Но надо, чтобы у нее были ноги, а не чешуйчатый хвост. И это можно сделать. За два фунта роскошных жемчужин я купил магический эликсир с полной гарантией. Вы-

плет — и ножки отрастут. Помучается недолго, дня три, не больше. Давай вызывай ее, ведьмак, скажи еще раз.

— Я уже говорил дважды. Она ответила, что не согласна. Но добавила, что знает морскую волшебницу, которая с помощью заклинаний готова превратить твои ноги в элегантный хвост. Притом безболезненно.

— Спятила, что ли? У меня — рыбий хвост? Ни за что. Вызывай ее, Геральт.

Ведьмак сильно перегнулся через борт. В тени когти вода была зеленой и казалась густой, как желе. Звать не было нужды. Сирена взвилась над волнами в фонтане воды, какое-то мгновение стояла на хвосте, потом скатилась по волне, перевернулась, демонстрируя все свои прелести. Геральт сглотнул.

— Эй вы! — пропела она. — Долго еще? У меня кожа скорбнет от солнца! Белоголовый, спроси его, он согласен или нет.

— Он не согласен, — пропел в ответ ведьмак. — Шъее-наз, пойми, он не может жить с хвостом и существовать под водой. Ты можешь дышать воздухом, а он водой не может вообще!

— Так я и знала, — взвизгнула сирена. — Знала. Увертки. Глупые, наивные увертки, ни на грош жертвенности! Любящий жертвует! Я ради него жертвовала собой, ежедневно вылезала на скалы, все чешуйки на попе протерла, плавник растрепала, простыла. Насморк схватила! А он ради меня не хочет пожертвовать двумя своими паршивыми обручками? Любить — значит не только брать, но и уметь отказываться от чего-то, жертвовать собою! Повтори ему это!

— Шъееназ! — воскликнул Геральт. — Ты что, не понимаешь? Он не может жить в воде!

— Я не принимаю глупых отговорок! Я тоже... Я тоже его люблю и хочу иметь от него мальков, но как это сделать, ежели он не хочет дать мне молоко? Куда я ему икру положу? В шапку?

— О чем это она? — крикнул князь. — Геральт! Я привез тебя не для того, чтобы ты с ней беседы беседовал, а...

— Она стоит на своем. Она злится.

— А ну давай сюда сети! — рявкнул Агловаль. — Подержу ее у себя в бассейне, так она...

— А вот такого не хотите, ваша милость! — крикнул капитан, демонстрируя рукой, что он имеет в виду. — Под нами может быть кракен! Вы когда-нибудь видели кракена, господин? Прыгайте в воду, ежели на то ваша воля, ловите ее руками. Я мешать не стану. Я этой когтой живу!

— Ты живешь моей милостью, паршивец! Давай сети, а то велю повесить!

— Поцелуй...те пса под хвост! На когте — моя воля выше вашей! Я тут капитан!

— Тихо вы оба! — зло крикнул Геральт. — Она что-то говорит, у них трудный диалект, мне надо сосредоточиться!

— С меня довольно! — певуче воскликнула Шъееназ. — Я есть хочу. Ну, белоголовый, пусть он решает, и немедленно. Скажи ему одно: я больше не хочу быть посмешищем и не стану разговаривать с ним, с этой четырехрукой морской звездой. Повтори ему, что для забав, которые он предлагает мне на скалах, у меня есть подруги, которые делают все гораздо лучше! Но я считаю это играми для детишек, у которых еще не сменилась чешуя на хвостах. Я нормальная, здоровая сирена...

— Шъееназ...

— Не прерывай! Я еще не кончила! Я здоровая, нормальная и созревшая для нереста, а ему, если он действительно меня хочет, надо обзавестись хвостом, плавником и всем, что есть у нормального тритона. Иначе я знать его не знаю!

Геральт переводил быстро, стараясь избегать вульгарностей. Не очень-то это получалось. Князь покраснел, выругался.

— Бесстыжая девка! — рявкнул он. — Холодная макрель! Пусть найдет себе треску покрупнее с большим... ну что там у них есть...

— Что он сказал? — заинтересовалась Шъееназ, подплывая.

— Что не желает заводить хвоста!

— Так скажи ему... Скажи ему, чтобы он высохнул как следует!

— Что она сказала?

— Она сказала, — перевел ведьмак, — чтобы ты утонул!

2

— Эх, жаль, — сказал Лютик, — не мог я с вами поплавать. Что делать, я на море блюю так, что хуже не придумаешь. А знаешь, я ни разу в жизни не болтал с сиреной. Обидно, черт побери.

— Насколько я тебя знаю, — проговорил Геральт, приторачивая व्यюки, — балладу ты напишешь и без того.

— Верно. Уже готовы первые строчки. В моей балладе сирена пожертвует собою ради князя, сменит рыбий хвост на шикарные ножки, но заплатит за это потерей голоса. Князь изменит ей, бросит, и тогда она умрет от тоски, обратится в пену морскую, когда первые лучи солнца...

— Кто поверит в такую чушь?

— Неважно, — фыркнул Лютик. — Баллады пишут не для того, чтобы в них верили. Их пишут, чтобы ими волновать. А, чего с тобой говорить! Что ты в этом смыслишь? Скажи лучше, сколько заплатил Агловаль?

— Нисколько. Сказал, что я не справился с задачей. Что он ожидал другого, а он платит за дела, а не за добрые намерения.

Лютик покачал головой, снял шапочку и сочувственно посмотрел на ведьмака.

— Означает ли сие, что у нас по-прежнему нет денег?

— Похоже на то.

Лютик сделал еще более жалостливую мину.

— Все из-за меня. Моя вина, Геральт, ты не в обиде?

Нет, ведьмак не был на Лютика в обиде. Совершенно не был.

Хотя то, что с ним случилось, несомненно, произошло по вине Лютика. Именно Лютик настаивал на том, чтобы отправиться на гулянье в Четыре Клена. Гулянья, доказывал он, удовлетворяют глубокие и естественные потребности людей. Время от времени, утверждал бард, человеку надобно встречаться с себе подобными там, где можно посмеяться и попеть, набить пузо шашлыками и пирогами, набраться пива, послушать музыку и потискать в танце потные округлости девушек. Если

б каждый человек пожелал удовлетворять эти потребности, так сказать, в розницу, доказывал Лютик, спорадически и неорганизованно, возник бы неописуемый хаос. Поэтому придумали праздники и гулянья. А коли существуют праздники и гулянья, то на них следует бывать.

Геральт не возражал, хотя в перечне его собственных естественных и глубоких потребностей участие в гуляньях занимало далеко не первое место. Однако он согласился сопровождать Лютика, поскольку рассчитывал в сборище людей добыть информацию о возможном задании или занятии — давно его никто не нанимал, и запас его наличных небезопасно уменьшился.

Ведьмак не держал на Лютика зла за то, что тот прицепился к Леснякам. Он и сам был виноват — мог вмещаться и остановить барда. Не сделал этого, потому что тоже терпеть не мог пользующихся дурной славой Стражей Пуци, именуемых в народе Лесняками — добровольной организации, занимающейся истреблением нелюдей. Он сам еле сдерживался, слушая их похвалы о том, как они настигивали стрелами, резали либо повесили эльфа, лешего или духобаба. Лютик же, который, путешествуя в обществе ведьмака, решил, что он в полной безопасности, превзошел самого себя. Сначала Стражи не отвечали на его задирки, ехидные замечания и наглые намеки, вызывающие хохот у наблюдавших за развитием событий крестьян. Однако, когда Лютик пропел заранее заготовленный хамский и оскорбительный куплет, оканчивающийся вообще-то совершенно нейтральными словами: «Я не знаю о таком, кто б хотел быть Лесняком», возник скандал, завершившийся всеобщей потасовкой, а сарай, игравший роль танцзала, сгорел дотла. Вмешалась дружина комеса Будибоба по прозвищу Плешак, которому подчинялись Четыре Клена. Лесняков, Лютика, а заодно и Геральта признали сообща виновными во всем ущербе, уроне и преступлениях, включая и соращение некоей рыжей немой малолетки, которую после случившегося нашли в кустах за гумном порозовевшей и глуповато улыбающейся, в ночной рубашке, задранной аж до подмышек. К счастью, комес Плешак знал Лютика, поэтому все кончилось штрафом, который тем не менее поглотил всю их наличность. К тому же им

пришлось со всех конских ног удирать из Четырех Кленов, потому что изгнанные из деревни Лесняки грозились отыгаться на них, а в окружающих лесах на нимф охотился их отряд, насчитывавший свыше сорока голов. У Геральта не было ни малейшего желания стать мяшёнью для Лесняковых стрел — стрелы были зазубренные, как гарпуны наконечники, и страшно калечили тех, в кого попадали.

Пришлось отказаться от первоначального плана посетить расположенные неподалеку от Пуцци деревни, в которых ведьмак рассчитывал получить работу. Вместо этого они поехали к морю, в Бремервоорд. К сожалению, кроме малообещающей любовной интриги князя Агловаля и сирены Шъесназ, ведьмак работы не нашел. Они уже проели золотой Геральтов перстень с печаткой и брошь с александритом, которую трубадур некогда получил на память от одной из многочисленных невест. Все было скверно. И все же нет, ведьмак не был зол на Лютика.

— Нет, Лютик, — сказал он. — Я на тебя не сержусь.

Лютик не поверил, что явно следовало из его молчания. Лютик молчал редко. Он похлопал коня по загривку, неведомо который раз покопался во вьюках. Геральт знал, что ничего такого, что можно было бы обратить в наличные, там не окажется. Запах еды, несомый бризом от ближайшего дома, становился невыносимым.

— Мэтр! — крикнул кто-то. — Эй, мэтр!

— Слушаю, — повернулся Геральт. Из остановившейся рядом двуколки, запряженной в пару онагров, выбрался брюхатый, солидный мужчина в войлочных башмаках и тяжелой шубе из волчьих шкур.

— Э-э-э... ну, того... — растерялся брюхач, подходя. — Я не вас, господин... Я мэтра Лютика...

— Это я, — гордо выпрямился поэт, поправляя шапочку с пером цапли. — Чего желаете, добрый человек?

— Мое почтение, — сказал брюхач. — Я — Телери Дроухард по прозвищу Краснобай, бакалейщик, старшина здешней гильдии. Сын мой, Гаспар, обручается с Далией, дочерью Мествина, капитана когти.

— Ха, — сказал Лютик, храня достойную трубадура серьезность. — Поздравляю и желаю счастья молодым. Чем могу

служить? Или речь идет о праве первой ночи? От этого я никогда не отказываюсь.

— Э? Не... того... Тут, значить, такое дело, праздник и выпивка по случаю обручения будут нонче вечером. Жена моя, как, значить, узнала, что вы, мэтр, в Бремервоорд заглянули, дырку мне в брюхе провертела... Ну баба есть баба. Слышь, говорит, Краснобай, покажем всем, что мы не хамы, значить, какие, мы за культуру и искусство головы, значить, положим. Что у нас ежели уж застолье, то, стало быть, это, как его, ну духовное, а не то что только надраться и облеваться. Я ей, бабе глупой, толкую: мы, дескать, уже наняли одного барда, тебе мало? А она, что один — это, значить, недостаточно, что, дескать, мэтр Лютик — другое дело. Какая слава и, опять же, соседям шпилька в задницу. Мэтр? Окажи нам, значить, такую честь... Двадцать пять талеров, значить, наличными, как символ, само собой... Только лишь бы искусству потрафить...

— Уж не ослышался ли я? — протянул Лютик. — Я — второй бард? Довесок к какому-то другому музыканту? Да еще этот, как его, символ? Мне? Нет, так низко я еще не пал, милсдарь Краснобай Дроухард, чтобы кому-то подпевать!

Дроухард стал пунцовым.

— Прощения просим, мэтр, — пробормотал он еле слышно. — Не так я, значить, мыслил... Это все жена... Прощения просим... Окажите честь...

— Лютик, — тихо шепнул Геральт. — Не задирай носа. Нам необходимы эти несколько монет.

— Не учи меня жить! — разорался поэт. — Я задираю нос? Глядите-ка на него! А что сказать о тебе, то и дело отвергающем выгодные предложения? Хирриков ты не убиваешь, потому что они вымирают, двусилов — потому как они безвредны, ночниц — потому что миленькие, дракона, вишь ты, кодекс запрещает. Я, представь себе, тоже себя уважаю! У меня тоже есть свой кодекс!

— Лютик, прошу тебя, сделай это для меня. Немного жертвенности, парень, ничего больше. Обещаю, и я не стану заноситься при следующем задании, если попадетсЯ. Ну, Лютик...

Трубадур, глядя в землю, почесал подбородок, покрытый светлым мягким пушком. Дроухард, раскрыв рот, придвинулся ближе.

— Мэтр... Окажите честь. Жена меня, значить, не простит, ежели я вас не уломаю. Ну... Ну пусть будет тридцать. Как символ.

— Тридцать пять, — твердо сказал Лютик. Геральт усмехнулся, с надеждой втянул носом запах еды, доносящийся с подворья.

— По рукам, мэтр, по рукам, — быстро проговорил Телери Дроухард, и стало ясно, что он дал бы и сорок, если б потребовалось. — А теперича... Мой дом, ежели вам надобно отряхнуться и передохнуть, ваш дом. И вы, господин... Как вас там?

— Геральт из Ривии.

— И вас, господин, конешным делом, тоже приглашаю. Перекусить, значить, выпить...

— Ну что ж, с удовольствием, — сказал Лютик. — Указывайте дорогу, милейший господин Дроухард. А кстати, так, между нами, тот второй бард, это кто же?

— Благородная госпожа Эсси Давен.

3

Геральт еще раз протер рукавом серебряные набивки куртки и пряжку пояса, пятерней причесал перехваченные чистой перьевой волосы и очистил голенища сапог, потеряв одно о другое.

— Лютик?

— Ну? — Бард разгладил пришпиленную к шапочке эглетку, поправил и одернул курточку. Оба потратили полдня на чистку одежды и приведение ее хотя бы в относительный порядок. — Что, Геральт?

— Постарайся держаться так, чтобы нас выкинули после ужина, а не до него.

— Надеюсь, ты шутишь? За собой смотри получше. Ну, входим?

— Входим. Слышишь? Кто-то поет. Женщина.

— Только услышал? Это Эсси Давен по прозвищу Глазок. Неужто никогда не встречал женщин-бардов? Ах, правда, я же забыл, ты обходишь стороной места, где цветет искусство. Глазок — талантливая поэтесса и певица, к сожалению, не без недостатков, из которых наглость, как я слышал, не самый малый. То, что она теперь поет, — моя баллада. За это она сейчас услышит несколько теплых слов, да таких, что у нее глазок заслезится.

— Лютик, смилуйся. Ведь выкинут же!

— Не встревай. Это профессиональные вопросы. Входим...

— Лютик?

— Э?

— Почему Глазок?

— Увидишь.

Пиршество имело место в помещении просторного склада, освобожденного от бочонков сельди и рыбьего жира. Запах — не совсем — забили, развесив где попало пучки омелы и вереска, украшенные цветными ленточками. Там и сям, как того требует обычай, висели косы чеснока, назначение которых — отпугивать вампиров. Табуреты и лавки, придвинутые к стенам, накрыли белым полотном, в углу организовали большой костер и вертел. Было тесно, но нешумно. Свыше полусотни человек самых различных состояний и профессий, а также прыцавый жених и не отрывающая от него глаз курносая невеста сосредоточенно и в тишине вслушивались в мелодичную балладу, которую исполняла девушка в скромном голубом платье, сидевшая на возвышении с лютней, опертой о колено. Девушке было не больше восемнадцати. Очень худенькая, с длинными и пушистыми волосами цвета темного золота. Когда они вошли, девушка как раз кончила петь, кивком поблагодарив за громкие хлопки, тряхнула головой.

— Приветствую вас, мэтр, приветствую. — Дроухард, празднично одетый, подскочил к ним, потянул к середине склада. — Приветствую и вас, господин Герард... — Геральт смолчал. — Какая, значить, честь... Да... Позвольте... Уважаемые господа, уважаемые господа! Это наш почетный гость, который оказал нам почести и удостоил чести... Мэтр Лютик,

известный певец и виршепле... э... поэт, стал быть, великую честь нам оказал, почествовав... нас. Поэтому мы почествованы... в смысле... э... положе... нет, польщены...

Раздались восклицания и хлопки. И пора, так как походило на то, что Краснобай Дроухард зачествуеться оказанной ему честью вусмерть. Лютик, порозовевший от гордости, изобразил высокомерную мину и небрежно поклонился, потом помахал рукой девушкам, уместившимся под присмотром старших матрон на длинной лавке, будто куры на насесте. Девушки сидели, чопорно вытянувшись, словно приклеенные к лавке столярным клеем или другим не менее эффективным клеящим средством. Все без исключения держали руки на спазматически сжатых коленях и демонстрировали свои полуоткрытые рты.

— А теперича, — воскликнул Дроухард, — ну-кося, гостюшки, значить, за пиво, кумовья, и за еду! Просим, просим, чем хата богата...

Девушка в голубом протиснулась сквозь толпу, словно морская волна, ринувшуюся к заставленным едой столам.

— Здравствуй, Лютик.

Определение «глаза как звезды» Геральт считал банальным и затасканным, особенно с тех пор, как начал путешествовать с Лютиком, поскольку трубадур привык раздавать этот комплимент направо и налево. Как правило, незаслуженно. Однако в применении к Эсси Давен даже такой мало подверженный влиянию поэзии субъект, как ведьмак, вынужден был признать точность этого определения. На хорошеньком, но ничем особым не выделяющемся личике горел огромный, прекрасный, блестящий темно-голубой глаз, от которого невозможно было оторваться. Второй глаз Эсси Давен был большую часть времени прикрыт и заслонен золотистой прядкой, падающей на щеку. Эсси то и дело откидывала прядку движением головы либо подув на нее, и тогда становилось видно, что второй глазок Глазка ни в чем не уступает первому.

— Здравствуй, Глазок, — сказал Лютик, поморщившись. — Хорошую ты спела балладу. Значительно улучшила репертуар. Я всегда говорил, что, если не умеешь писать стихи сам, следует пользоваться чужими. И много ты их использовала?

— Не очень, — тут же отреагировала Эсси Давен и улыбнулась, показав белые зубки. — Два или три. Хотелось бы больше, да не получилось. Сплошная белиберда, а мелодии, хоть приятные и простенькие, чтобы не сказать примитивные, но вовсе не те, которых ожидают мои слушатели. Может, написал что-то новенькое, Лютик? Не довелось слышать.

— Неудивительно, — вздохнул бард. — Свои баллады я пою в таких местах, куда приглашают исключительно талантливых и известных бардов, а ты ведь там не бываешь.

Эсси слегка зарумянилась и, дунув, откинула прядку.

— Это верно. В борделях я не бываю, они, понимаешь, действуют на меня угнетающе. Жаль, конечно, что тебе придется петь в таких местах. Ну что делать! Коли нет таланта, публику не выбирают.

Теперь вполне заметно покраснел Лютик. Глазок же радостно засмеялась, неожиданно закинула ему руки на шею и громко чмокнула в щечу. Ведьмак изумился, но не шибко. Подруга по профессии, в конце концов, не могла очень-то уж отличаться от Лютика в смысле предсказуемости.

— Лютик, старый ты звонарь, — сказала Эсси, не разжимая объятий. — Рада снова видеть тебя в добром здравии и полном уме.

— Эх, Куколка! — Лютик схватил девушку за талию, приподнял и закружил так, что затрепыхалось платьице. — Ты была прелестна, клянусь Богом, я давно не слышал такого чудесного ехидства! Ссоришься ты еще прекраснее, чем поешь! А выглядишь прямо изумительно!

— Сколько раз я тебя просила, — Эсси дунула на прядку и стрельнула глазом в Геральта, — чтобы ты не называл меня Куколкой. К тому же, думается, самое время представить мне твоего спутника. Сразу видно, он не из нашей братии.

— Упасите, боги, — рассмеялся трубадур. — У него, Куколка, нет ни голоса, ни слуха, а срифмовать он может только «попа» и «жопу». Это представитель цеха ведьмаков, Геральт из Ривии. Подойди, Геральт, поцелуй Глазку ручку.

Ведьмак подошел, не очень-то зная, что делать. В руку, вернее в перстень, было принято целовать исключительно дам,

начиная от дюшессы и выше, и при этом надлежало опуститься на одно колено. В отношении нижестоящих на общественной лестнице женщин такой жест считался здесь, на Юге, эротически двузначным и как таковой использовался в принципе только близкими парами.

Однако Глазок развеяла его сомнения, охотно и высоко протянула руку, опустив пальцы. Он неловко взял ее и запечатлел поцелуй. Эсси, все еще таращась на него своим изумительным глазком, зарумянилась.

— Геральт из Ривии, — сказала она. — Ишь, в каком обществе ты вращаешься, Лютик.

— Вы оказываете мне честь, — пробормотал ведьмак, сознавая, что сравнивается красноречием с Дроухардом. — Милсдарыня...

— К черту, — фыркнул Лютик. — Не смущай Глазка выканьем и титулованием. Ее зовут Эсси, его — Геральт. Конец э... презентации. Переходим к делу, Куколка.

— Если ты еще хоть раз назовешь меня Куколкой, получишь по уху. Ну и к какому же делу мы должны перейти?

— Надо договориться, как будем петь. Предлагаю поочередно по несколько баллад. Для эффекта. Разумеется, каждый поет собственные.

— Согласна.

— Сколько тебе платит Дроухард?

— Не твоя забота. Кто начинает?

— Ты.

— Согласна. Ах, смотрите, кто идет! Его высочество князь Агловаль...

— Тэк-тэк, — обрадовался Лютик. — Качественный уровень публики повышается. Хотя, с другой стороны, на него рассчитывать не приходится. Скупердяй. Геральт может подтвердить. Здешний князь чертовски не любит платить. Нанимать-то нанимает. С расплатой хуже.

— Слышала я кое-что. — Эсси, глядя на Геральта, сдула прядку со щеки. — Болтали в порту и на пристани. Известная Шъееназ, верно?

Агловаль, короткими кивками ответив на глубокие поклоны столпившихся у входа гостей, почти сразу же подошел к

Дроухарду и отвел его в угол, дав понять, что не ожидает от него знаков почтения в центре зала. Геральт наблюдал за ними краешком глаза. Разговор шел тихий, но было видно, что оба возбуждены. Дроухард, то и дело вытирая лоб рукавом, крутя головой, почесывая шею, задавал вопросы, а князь, хмурый и утрюмый, отвечал пожатием плеч.

— Князь, — тихо сказала Эсси, придвигаясь к Геральту, — выглядит озабоченным. Неужто опять сердечные дела? Начавшееся с утра недоразумение с сиреной? А, ведьмак?

— Возможно. — Геральт искоса посмотрел на поэтессу, удивленный и почему-то раздосадованный ее вопросом. — У каждого свои проблемы. Однако не все любят, чтобы о них распевали на ярмарках.

Глазок слегка побледнела, дунула в прядь и вызывающе взглянула на него.

— Говоря так, ты намеревался меня оскорбить или только обидеть?

— Ни то ни другое. Я лишь хотел упредить следующие вопросы касательно проблем Агловаля и сирены. Вопросы, отвечать на которые я не уполномочен.

— Понимаю, — красивый глаз Эсси Давен слегка прищурился. — Я не поставлю тебя перед такой дилеммой. Больше не задам ни одного вопроса из тех, какие собиралась и которые, откровенно говоря, считала просто вступлением и приглашением к приятной беседе. Ну что ж, стало быть, не будет беседы — и нечего бояться, что ее содержание станут распевать на какой-нибудь ярмарке. Было очень приятно.

Она быстро повернулась и отошла к столам, где ее тут же встретили с почетом. Лютик переступил с ноги на ногу и многозначительно кашлянул.

— Не скажу чтобы ты был с ней изысканно любезен, Геральт.

— Глупо получилось, — согласился ведьмак. — Действительно, я ее обидел и, главное, без надобности. Может, пойти извиниться?

— Прекрати, — сказал бард и глубокомысленно добавил: — Никогда не выпадает вторая оказия создать первое впечатление. Пошли лучше выпьем пива.

Напиться пива они не успели. Сквозь толпу протиснулся Дроухард.

— Господин Герард, — сказал он. — Простите. Его высочество желают с вами поговорить. Значить.

— Иду, — сказал Геральт, пропустив «Герарда» мимо ушей.

— Геральт, — схватил его за рукав Лютик. — Не забывай.

— О чем?

— Ты обещал взяться за любое дело, не выпендриваясь. Ловлю на слове. Как ты сказал-то? Немного жертвенности?

— Лады, Лютик. Но почему ты решил, что Агловаль...

— Нюхом чую. Так не забудь, Геральт.

— Ну-ну.

Они с Дроухардом отошли в угол залы, подальше от гостей. Агловаль сидел за низким столом. Его сопровождал пестро одетый загорелый мужчина с короткой черной бородой, которого Геральт раньше здесь не видел.

— Снова встретились, ведьмак, — начал князь, — хотя еще сегодня утром я поклялся, что больше тебя не увижу. Но другого ведьмака под рукой нет, придется довольствоваться тобой. Познакомься: Зелест, мой коморник и ответственный за ловлю жемчуга. Говори, Зелест.

— Сегодня утром, — начал чернобородый, — я задумал расширить ловлю за пределы привычной территории. Одна лодка пошла дальше к западу, за мыс, в сторону Драконьих Клыков.

— Драконьи Клыки, — вставил Агловаль, — это два больших вулканических рифа на окончании мыса. Их видно с нашего берега.

— Ну да, — подтвердил Зелест. — Обычно мы туда не заплывали, там водовороты, камни, нырять опасно. Но у побережья жемчуга все меньше. Вот. Ну, стало быть, пошла туда одна лодка. Семь душ экипажа, два матроса и пятеро ныряльщиков, в том числе одна женщина. Когда они не вернулись к вечеру, мы начали беспокоиться, хотя море было спокойное, словно маслом полили. Послал я несколько быстрых скифов, и они вскоре обнаружили лодку, дрейфующую в море. В лодке не было никого. Канули как камень в воду. Неведомо,

что случилось. Но бой там был, не бой, а побойце... Были следы...

— Какие? — прищурился ведьмак.

— Вся лодка залепана кровью.

Дроухард свистнул и беспокойно оглянулся. Зелест понизил голос.

— Было, как я говорю, — повторил он, стискивая зубы. — Лодка вся забрызгана кровью. Не иначе как там прям-таки резню устроили. Что-то убило этих людей. Говорят, морское чудовище. Не иначе морское чудовище.

— Не пираты? — тихо спросил Геральт. — Не конкуренты-жемчужники? Обычную поножовщину исключаете?

— Исключаем, — сказал князь. — Нет тут никаких пиратов и никаких конкурентов. А ножевые расправы не кончаются исчезновением всех до единого. Нет, Геральт. Зелест прав. Это морское чудовище, ничего другого. Слушай, никто не отваживается выйти в море, даже в близкие и знакомые места. Людей охватил жуткий страх, и порт парализован. Даже когги и галеры не отрываются от пристаней. Понимаешь, ведьмак?

— Понимаю, — кивнул Геральт. — Кто покажет мне место?

— Ха. — Агловаль положил руку на стол и забарабанил пальцами. — Это мне нравится. Вот это по-ведьмачьи. Сразу к делу, без лишней болтовни. Да, так я люблю. Видишь, Дроухард, говорил я тебе, хороший ведьмак — это голодный ведьмак. А, Геральт? Если б не твой музыкальный дружок, ты сегодня снова отправился бы спать на пустой желудок. Хорошие у меня сведения, верно?

Дроухард опустил голову. Зелест тупо смотрел перед собой.

— Кто покажет мне место? — повторил Геральт, холодно глядя на Агловаль.

— Зелест, — сказал князь, переставая усмехаться. — Зелест покажет тебе Драконьи Клыки и дорогу к ним. Когда ты намерен взяться за дело?

— С утра. Будьте на пристани, господин Зелест.

— Договорились, господин ведьмак.

— Ну и прекрасно, — потер руки князь и снова насмешливо ухмыльнулся. — Геральт, я рассчитываю на то, что с

чудовищем у тебя пойдет лучше, чем с Шъееназ. Я действительно на это рассчитываю. Да, вот еще что. Запрещаю болтать об этом: не желаю, чтобы распространилась паника. Ты понял, Дроухард? Язык вею выдрать, если проговоришься.

— Я понял, князь.

— Ну и прекрасно. — Агловаль поднялся. — Теперь иди, не стану мешать пиршеству, не стану провоцировать слухи. Бывай, Дроухард, пожелай нареченным счастья от моего имени.

— Премного благодарен, милсдарь князь.

Эсси Давен, сидевшая на табуретке в окружении плотного венчика слушателей, напевала мелодичную и грустную балладу о достойной сожаления судьбе покинутой любовницы. Лютик, опершись о столб и бормоча себе под нос, высчитывал на пальцах такты и слог.

— Ну как? — спросил он. — Получил работу?

— Получил. — Ведьмак не стал вдаваться в подробности, до которых, впрочем, барду не было никакого дела.

— Говорил я, нюхом чую письма и деньги. Хорошо, очень хорошо. Я заработаю, ты заработаешь, будет на что погулять. Поедем в Цидарис, успеем на праздник сбора винограда. А сейчас, прости на минутку. Я там, на лавке, высмотрел кое-что интересное.

Геральт проследил за взглядом поэта, но, кроме нескольких девушек с полураскрытыми ртами, не обнаружил ничего любопытного. Лютик одернул курточку, сдвинул шапочку набекрень к правому уху и пляшущей походкой направился к лавке. Ловким фланговым маневром обойдя стерегущих девиц матрон, он начал свой обычный «ритуал щерения зубов».

Эсси Давен окончила балладу, получила аплодисменты, небольшой мешочек и большой букет красивых, хоть и несколько привядших хризантем.

Геральт кружил меж гостей, выискивая случай занять место за столом, уставленным яствами. Он тоскливо поглядывал на исчезающие в ускоренном темпе маринованные селедки, голубцы, вареные тресковые головы и бараньи котлеты, на разрываемые на куски кружки колбасы и каплунов, разрубаемых ножами вяленых лососей и свиную ветчину. Проблема состояла в том, что на лавках за столом не было свободного места.

Девушки и матроны, несколько расшевелившиеся, обложили Лютика, пискливо требуя песен. Лютик искренне улыбался и отказывался, неловко изображая из себя скромника. Геральт, преодолев робость, чуть не силой пробился к столу.

Престарелый тип, остро пахнущий уксусом, поразительно вежливо и охотно подвинулся, чуть было не свалив с лавки соседей. Геральт незамедлительно принялся за еду и мгновенно опустошил единственную тарелку, до которой смог дотянуться. Пахнущий уксусом старик подsunул ему следующую. Ведьмак с благодарностью и сосредоточенно выслушал длинную тираду касательно теперешних времен и теперешней молодежи. «Уксусник» упорно именовал послабление нравов «поносом», поэтому Геральту непросто было хранить серьезность.

Эсси стояла у стены, под пучком омелы, в одиночестве, настраивая лютню. Ведьмак видел, как к ней приближается юноша в узком парчовом кафтане, как что-то говорит поэтессе, слабо улыбаясь. Эсси взглянула на юношу, немного скривив красивые губы, быстро произнесла несколько слов. Юноша ссутулился и скоренько отошел, а его уши, красные, как рубины, еще долго светились в полумраке.

— ...мерзость, позор и срамота, — продолжал «уксусник». — Сплошной великий понос, милсдарь.

— Верно, — неуверенно подтвердил Геральт, вытирая тарелку хлебом.

— Прошу тишины, благородные дамы, благородные, значить, господа! — крикнул Дроухард, выходя на середину залы. — Знаменитый мэтр Лютик, хоть и немного, значить, хворый телом и притомившийся, споет для нас знаменитую балладу о знаменитой королеве Марьенне и Черном Вороне! Он проделает это в ответ на горячую, значить, просьбу мельниковой дочери мазели Биелки, которой, как он выразился, отказать не может.

Мельникова дочка Биелка, одна из наименее пригожих девушек среди всех сидевших на лавке, покрасивела в мгновение ока. Поднялись крики и хлопки, заглушившие очередной «понос» старичка, отдающего уксусом. Лютик выждал, пока наступит полная тишина, проиграл на лютне эффектное вступление и начал петь, не отрывая глаз от дочери мельника Биелки,

которая хорошела от куплета к куплету. «Воистину, — подумал Геральт, — этот сукин сын действует эффективнее, чем чародейские кремы и мази, которые продает Йеннифэр в своем Венгерберге».

Он увидел, как Эсси проскользнула за спинами столпившихся полукрутом слушателей Лютика, как осторожно скрылась в дверях, ведущих на террасу. Руководимый странным предчувствием, он ловко выбрался из-за стола и вышел следом.

Она стояла, опершись локтями о перила террасы-помоста, втянув голову в маленькие приподнятые плечи. И глядела на покрытое рябью море, блестящее в свете луны и портовых огней. Под ногой Геральта скрипнула половица. Эсси выпрямилась.

— Прости, я не хотел помешать, — сказал он скучным голосом, думая увидеть на ее губах ту неожиданную гримасу, которой она только что угостила «парчового юношу».

— Ты мне не мешаешь, — ответила она и улыбнулась, откинув прядь. — Мне нужно было не уединение, а свежий воздух. Тебе тоже мешают дым и духота?

— Немножко. Но еще больше тяготит сознание, что я обидел тебя. Я пришел извиниться, Эсси, попробовать найти повод для приятной беседы.

— Извиниться должна я, — сказала девушка. — Я слишком резко отреагировала. Я всегда реагирую резко, не умею сдерживаться. Прости и предоставь мне вторую возможность. Поговорить.

Он подошел, облокотился о перила рядом с ней. Почувствовал пышущее от нее тепло, легкий аромат вербены. Он любил запах вербены, хотя запах вербены и не был запахом сирени и крыжовника.

— С чем у тебя ассоциируется море, Геральт? — вдруг спросила она.

— С беспокойством, — ответил он, почти не задумываясь.

— Интересно. А ты кажешься таким спокойным и сдержанным.

— Я не сказал, что чувствую беспокойство. Ты спросила об ассоциации.

— Ассоциация — зеркало души. Мне кое-что известно об этом, я — поэт.

— А у тебя, Эсси, с чем ассоциируется море? — быстро спросил он, чтобы покончить с рассуждениями о беспокойстве, которое чувствовал.

— С вечным движением, — не сразу ответила она. — С переменой. И с загадкой, с тайной, с чем-то, чего я не схватываю, что могла бы описать тысячью способами, тысячами стихов, так и не дойдя до сути, до сущности. Да, пожалуй, именно так.

— Стало быть, — сказал он, чувствуя, что вербена все сильнее действует на него, — то, что ты ощущаешь, — тоже беспокойство. А кажешься такой спокойной и сдержанной.

— Я и не спокойна, и не сдержанна, Геральт.

Это произошло неожиданно, совершенно неожиданно. Жест, который он сделал и который мог быть лишь прикосновением, легким прикосновением к ее руке, переродился в крепкое объятие. Он быстро, хоть и не грубо, привлек ее к себе, их тела порывисто, бурно соприкоснулись. Эсси застыла, напряглась, сильно выгнула тело, крепко уперлась руками в его руки, так, словно хотела сорвать, сбросить их с талии, но вместо этого только крепче схватила их, наклонила голову, раскрыла губы.

— Зачем... зачем это? — шепнула она. Ее глаз был широко раскрыт, золотой локон опустился на щеку.

Он спокойно и медленно наклонил голову, приблизил лицо, и они вдруг сомкнулись губами в поцелуе. Однако Эсси и теперь не отпустила его рук, стискивающих ее талию, и по-прежнему сильно изгибала спину, стараясь не соприкасаться телами. Оставаясь в такой позе, они медленно, словно в танце, кружились. Она целовала его охотно, смело. И долго. Потом ловко и без труда высвободилась из его рук, отвернулась, снова оперлась о перила, втянув голову в плечи. Геральт неожиданно почувствовал себя отвергательно, неописуемо глупо. Это ощущение удержало его от того, чтобы приблизиться к ней, обнять ссутулившиеся плечи.

— Зачем? — спросила она холодно, не поворачиваясь. — Зачем ты это сделал?

Она глянула на него краешком глаза, и ведьмак вдруг понял, что ошибся. Неожиданно понял, что фальшь, ложь, притворство и бравада завели его прямо в трясины, где между ним и бездной будут уже только пружинящие, сбившиеся в тонкий покров

травы и мхи, готовые в любую минуту уступить, разорваться, лопнуть.

— Зачем? — повторила она.

Он не ответил.

— Идешь женщине на ночь?

Он не ответил.

Эсси медленно отвернулась, коснулась его плеча.

— Вернемся в залу, — свободно сказала она, но его не обманула эта легкость, он почувствовал, как она напряжена. — Не делай такой мины. Ничего не случилось. А то, что я не иду мужчины на ночь, не твоя вина. Правда?

— Эсси...

— Возвращаемся, Геральт. Лютик уже бисировал дважды. Теперь моя очередь. Пойдем, я спою...

Она как-то странно взглянула на него и, дунув, откинула прядь с глаза.

— Спою для тебя.

4

— Ого, — разыграл удивление ведьмак. — Явился, однако? Я думал, не вернешься на ночь.

Лютик закрыл дверь на крючок, повесил на гвоздь лютню и шапочку с эгреткой, снял куртку, отряхнул и положил на мешки, валявшиеся в углу комнаты. Кроме мешков, лохани и огромного, набитого гороховой соломой матраца, в комнате на чердаке не было никакой мебели — даже свеча стояла на полу, в застывшей лужице воска. Дроухард восхищался Лютиком, но, видать, не настолько, чтобы отдать в его распоряжение комнату или хотя бы эркер.

— А почему это ты думал, — спросил Лютик, стягивая башмаки, — что я не вернусь на ночь?

— Думал, — ведьмак приподнялся на локте, хрустнув соломой, — пойдешь петь серенады под окном прекрасной Биелки, в сторону которой весь вечер вывешивал язык, словно кобель при виде суки.

— Ха-ха, — засмеялся бард. — До чего ж ты глуп. Биелка? Чихал я на Биелку. Просто я хотел вызвать ревность у Акаретты, за которой приударю завтра. Подвинься.

Лютик повалился на матрац и стянул с Геральта попону. Геральт, чувствуя странную злобу, отвернулся к маленькому оконцу, сквозь которое, не поработай там пауки, было бы видно звездное небо.

— Чего набылчился? — спросил поэт. — Тебе лихо, что я бегаю за девчонками? С каких пор? Может, ты стал друидом и принес обет чистоты? А может...

— Перестань токовать. Я устал. Ты не заметил, что впервые за две недели у нас есть крыша над головой и матрац? Тебя не радует мысль, что под утро нам не накапает на носы?

— Для меня, — размышлялся Лютик, — матрац без девочки — не матрац. Он — неполное счастье, а что есть неполное счастье?

Геральт глухо застонал, как всегда, когда на Лютика находила ночная болтливость.

— Неполное счастье, — продолжал Лютик, вслушиваясь в собственный голос, — это как... как прерванный поцелуй. Что скрипишь зубами, позволь спросить?

— До чего ж ты нуден, Лютик. Ничего, только матрацы, девочки, попки, сиськи, неполное счастье и поцелуйчики, прерванные собаками, которых науськивают на тебя родители невест. Что ж, видно, иначе ты не можешь. Видимо, только фривольность — чтобы не сказать неразборчивый блуд — позволяет вам слагать баллады, писать стихи и петь. Видимо, это — запиши! — темная сторона таланта.

Он сказал слишком много и недостаточно холодно. И Лютик запросто и безошибочно раскусил его.

— Так, — сказал он спокойно. — Эсси Давен по прозвищу Глазок. Прелестный глазок Глазка остановился на ведьмаке и вызвал в душе ведьмака смятение. Ведьмак повел себя по отношению к Глазку, как жак перед принцессой. И вместо того чтобы винить себя, винит ее и идет в ней темные стороны.

— Глупости, Лютик.

— Нет, дорогой мой. Эсси произвела на тебя впечатление, не скрывай. Впрочем, не вижу ничего безнравственного. Но

будь осторожен, не ошибись. Она не такая, как ты думаешь. Если у ее таланта и есть темные стороны, то наверняка не такие, какие ты себе вообразил.

— Догадываюсь, — сказал ведьмак, совладав с голодом, — ты знаешь ее очень хорошо.

— Достаточно хорошо. Но не так, как думаешь ты. Не так.

— Довольно оригинально для тебя, согласишься.

— Глупый ты. — Бард потянулся, подложил обе руки под голову. — Я знаю Куколку почти с детства. Она для меня... ну... как младшая сестра. Повторяю, не ошибись, не сглуми... Тем самым ты доставишь ей огромную неприятность, потому что и ты произвел на нее впечатление. Признайся, ты хочешь ее?

— Даже если и так, то, в противоположность тебе, я не привык это обсуждать, — отрезал Геральт. — И сочинять об этом песенки. Благодарю за то, что ты о ней сказал. Быть может, действительно спас меня от глупой ошибки. И конец. Тема исчерпана.

Лютик некоторое время лежал неподвижно и молчал, но Геральт знал его слишком хорошо.

— Знаю, — сказал поэт.

— Ни хрена ты не знаешь, Лютик.

— Знаешь, в чем проблема, Геральт? Тебе кажется, будто ты иной. Ты носишься со своей «инностью», с тем, что принимаешь за ненормальность. Ты со своей «ненормальностью» нагло навязываешься всем, не понимая, что для большинства трезво мыслящих людей ты самый нормальнейший в мире человек, и дайте боги, чтобы все были такими нормальными. У тебя более быстрая реакция, вертикальные зрачки? Ты видишь в темноте, как кошка? Разбираешься в чарах? Тоже мне, великое дело! Я, дорогой мой, когда-то знал трактирщика, который ухитрялся в течение десяти минут непрерывно пускать ветры, да так, что они складывались в мелодию псалма: «О, прииди, прииди, утренняя заря». И все же, несмотря на необычный, как там ни говори, талант, трактирщик был самым нормальным среди нормальных, была у него жена, дети и бабка, разбитая параличом...

— Что тут обидега с Эсси Давен? Ты можешь объяснить?

— Само собой. Тебе безо всяких оснований почудилось, якобы Глазок заинтересовалась тобой из нездорового, прямо-таки извращенного любопытства, что она глядит на тебя как на диговинку, двухголового тельца либо саламандру в зверинце. И ты тут же надулся, как индюк, дал ей при первой же okazji неприличный, незаслуженный реприманд, хотя, видят боги, я не знаю, что это означает, возвратил удар, которого она не нанесла. Я был тому свидетелем. Как дальше развивались события, я уже не видел, но заметил ваше бегство из залы и ее порозовевшие ланиты, когда ты вернулся. Да, Геральт. Я пытаюсь предостеречь тебя от ошибки, а ты ее уже совершил. Ты хотел отыграться на ней за нездоровое, по твоим понятиям, любопытство. Решил этим любопытством воспользоваться.

— Повторяю, ты несешь чепуху.

— Решил попробовать, — невозмутимо продолжал бард, — а не удастся ли уволочь ее на сеник, узнать, не будет ли ей интересно заняться любовью с чудачком, перевертышем-ведьмаком. К счастью, Эсси оказалась умнее и благородно смилостивилась над твоей глупостью, поняв ее причину. Я делаю такой вывод на основании того, что ты вернулся с террасы не с распухшей физиономией.

— Ты кончил?

— Кончил.

— Ну тогда спокойной ночи.

— Знаю, отчего ты злишься и скрипишь зубами.

— Еще бы. Ты ведь знаешь все.

— Знаю, кто тебя так переиначил, кому ты обязан тем, что не можешь понять нормальной женщины. Ну и влезла же тебе в печенку твоя Йеннифер, провалиться мне на этом месте, если я понимаю, что ты в ней нашел.

— Прекрати, Лютик.

— А в натуре-то, ты предпочитаешь нормальную девушку, такую как Эсси. Что ты нашел в чародейке такого, чего нет у Эсси? Разве что возраст? Глазок, может, не самая юная, но ей столько лет, на сколько она выглядит. А знаешь, в чем когда-то призналась мне Йеннифер после нескольких бокалов? Ха-ха... Она сказала, что впервые делала это с мужчиной тика в тика через год после того, как изобрели двухлещный плуг.

— Лжешь, Йеннифэр не переносит тебя, как моровую язву, и никогда бы не раскрылась.

— Ладно, соврал я, признаюсь.

— Незачем. Я тебя знаю.

— Тебе только кажется, будто знаешь. Не забывай — я натура сложная.

— Лютик, — вздохнул ведьмак, действительно чувствуя, как слипаются глаза. — Ты циник, свинтус, бабник и лжец. И ничего, поверь, ничего сложного в тебе нет. Спокойной ночи.

— Спокойной.

5

— А ты рано встаешь, Эсси.

Поэтесса улыбнулась, придерживая развевающиеся на ветру волосы. Осторожно вошла на мол, обходя дыры и прогнившие доски.

— Я не могла упустить возможность увидеть ведьмака за работой. Снова будешь утверждать, якобы я слишком любопытна? Ну что ж, не скрываю, и верно, очень любопытна. Как дела?

— Какие дела?

— Ах, Геральт. Ты недооцениваешь моей любознательности, моего таланта улавливать и интерпретировать услышанное. Я уже все знаю о несчастье с ловцами жемчуга, знаю подробности твоего уговора с Агловалем, знаю, что ищешь моряка, который согласится поплыть туда, к Драконьим Клыкам. Ну и как, нашел?

Геральт некоторое время внимательно глядел на нее, потом вдруг решился.

— Нет. Не нашел. Ни одного.

— Боятся?

— Боятся.

— Как же ты думаешь заняться разведкой, не выйдя в море? Как, не имея возможности отплыть, хочешь схватить за шкуру чудовище, которое убило ловцов?

Он взял ее за руку и свел с помоста. Они шли медленно по берегу моря, по каменистому пляжу, вдоль вывелоченных на берег баркасов, меж рядов сетей, развешенных на шестах, меж покачивающихся на ветру занавесей из вялящихся рыб. Геральт неожиданно обнаружил, что общество поэтессы ему вовсе не мешает, что она не утомительна и не нахальна. Кроме того, он надеялся, что спокойная и деловая беседа сотрет последствия того глупого поцелуя на террасе. Тот факт, что Эсси пришла на мол, позволял надеяться, что она на него не в обиде. Он был этому рад.

— Схватить за шкуру чудовище, — проворчал он, повторяя ее слова. — Если б еще ведать как. Я очень мало знаю о морских страховидлах.

— Интересно. Насколько мне известно, в море чудовищ гораздо больше, чем на суше. Как по количеству, так и по разнообразию. Казалось бы, море должно быть неплохим полем деятельности для ведьмака.

— Однако — нет.

— Почему?

— Наступление людей на море, — он отвернулся, откашлялся, — началось недавно. Ведьмаки были нужны раньше, на суше, на первом этапе колонизации. Мы не годимся для войны с существами, обитающими в море, хотя, верно, в нем полным-полно всякой агрессивной нечисти. Но наших ведьмачьих способностей недостаточно в борьбе против морских чудид. Эти существа для нас либо чересчур велики, слишком хорошо защищены броней, либо очень уж уверенно чувствуют себя в своей стихии. А то и одновременно все, вместе взятое.

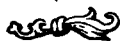
— А чудовище, которое убило ловцов? Не догадываешься, что это было?

— Может, кракен?

— Нет. Кракен разбил бы лодку, а лодка осталась целой. И, говорят, полна крови. — Глазок сглотнула и заметно побледнела. — Не думай, что я умичаю. Я выросла у моря, кое-что видела.

— Так что это могло быть? Гигантский кальмар? Он мог стащить людей с палубы...

— Тогда не было бы крови. Это не кальмар, не касатка, не дракопах. Ведь они не разбили, не перевернули лодку. Это

вошло на палубу и там учинило резню. Возможно, ты ошибаешься, ища в море?

Ведьмак задумался.

— Ты начинаешь меня удивлять, Эсси, — сказал он. Поэтесса покраснела. — Не исключено: это могло напасть с воздуха. Какие-нибудь дракоптица, гриф, выворотень, летюга или вихлохвост. Может, даже рух...

— Прости, — прервала его Эсси. — Гляди, кто идет?

По берегу приближался Агловаль, один, в сильно намокшей одежде. Он был заметно зол, а увидев их, стал прямо-таки пунцовым от ярости.

Эсси сделала книксен, Геральт наклонил голову, приложил руку к груди.

— Я торчу на камнях три часа кряду, почти с рассвета, — сплюнул Агловаль. — А она даже не показала. Три часа, дурак дураком, на камнях, которые заливают волны. В мокрых штанах.

— Сожалею, — буркнул ведьмак.

— Ты сожалеешь? — взорвался князь. — Сожалеешь! Это твоя вина. Ты провалил все. Все испоганил!

— Что именно? Я был всего лишь переводчиком...

— К черту, — живо прервал Агловаль, поворачиваясь к нему боком. Профиль у него был воистину королевский, хоть на монетах чекань. — Зачем только я тебя нанимал! Это звучит парадоксально, но, пока не было переводчика, мы лучше понимали друг друга, я и Шъееназ, если ты знаешь, о чем я. А теперь... Слышал, что болтают в городе? Шушукуются по углам: мол, ловцы погибли потому, что я разозлил сирену. Дескать, это ее месть.

— Ерунда, — холодно бросил ведьмак.

— А если не ерунда? — проворчал князь. — Откуда мне знать, что ты ей тогда наплел? И на что она способна? С какими чудищами якшается там, в глубине? Докажи, что все это ерунда. Принеси мне голову чудовища, которое убило ловцов. Берись за работу, вместо того чтобы флиртовать на пляже.

— За работу? — поинтересовался ведьмак. — Как? Выйти в море верхом на бочке? Твой Зелест угрожал матросам

пытками и шибеницей, и все равно никто не хочет. Сам Зелест тоже не намерен. Тогда как...

— Какое мне дело как? — прервал Агловаль. — Твоя забота! Для чего нужны ведьмаки, если не для того, чтобы порядочные люди не ломали себе голову, решая, как освободиться от чудовищ? Я нанял тебя и требую, чтобы ты свою работу выполнил. А нет, так выматывайся, иначе погоню кнутами до самых границ моих владений!

— Успокойтесь, высокородный князь, — тихо проговорила Глазок, но ее бледность и дрожь в руках выдавали возбуждение. — И не надо угрожать Геральту, убедительно прошу. К счастью, у нас с Лютиком есть друзья. К примеру, король Этайн из Цидариса очень любит нас и наши баллады. Король Этайн — просвещенный монарх и всегда говорит, что наши баллады — не просто бравурная мелодия и рифмы, но и способ передачи сведений и знаний, что это хроника человечества. Вам очень хочется, благородный князь, попасть в хронику человечества? Могу помочь.

Агловаль несколько секунд глядел на нее холодным, пренебрежительным взглядом.

— У погибших ловцов были жены и дети, — сказал он наконец гораздо тише и спокойней. — Оставшиеся в живых, когда голод заглянет им в горшки, быстро выйдут в море снова. Ловцы жемчуга, губок, устриц и омаров, рыбаки. Все. Сейчас они боятся, но голод победит страх. Они выйдут в море. Но вернутся ли? Как считаешь, Геральт? Мазель Давен? Интересно бы послушать вашу балладу, которую вы об этом сложите. Балладу о ведьмаке, бездейтельно стоящем на берегу и взирающем на окровавленные палубы лодок, на плачущих детей.

Эсси побледнела еще больше, но гордо вскинула голову, дунула на прядь и уже собиралась ответить, но Геральт быстро схватил ее за руку и сжал, предупреждая готовые вырваться слова.

— Довольно, — сказал он. — Во всем этом потоке слов было только одно, по-настоящему стоящее. Ты нанял меня, Агловаль. Я согласился и выполняю задание, если оно вообще выполнимо.

— Рассчитываю на это, — коротко ответил князь. — До встречи. Мой поклон, мазель Давен.

Эсси не присела, только кивнула. Агловаль подтянул мокрые брюки и пошел к порту, покачиваясь на камнях. Только теперь Геральт заметил, что все еще держит поэтессу за руку, а та и не пытается вырвать ее. Он разжал пальцы. Эсси, понемногу успокаиваясь, повернулась к нему лицом. Румянец возбуждения уже сошел.

— Тебя легко заставить. Достаточно нескольких слов о женщинах и детях. А сколько говорят, какие бесчувственные вы, ведьмаки. Послушай, Агловалью наплевать на женщин, детей, стариков. Он хочет, чтобы возобновили ловлю жемчуга, потому что каждый день, когда его не приносят, он терпит убытки. Он тебя дурачит голодными детьми, а ты готов тут же рисковать жизнью...

— Эсси, — прервал ведьмак. — Я — ведьмак. Моя профессия — рисковать жизнью. Дети тут совершенно ни при чем.

— Меня не обманешь.

— Откуда ты взяла, что собираюсь?

— А оттуда, что если бы ты был таким холодным профессионалом, каким хочешь казаться, то попытался бы набить цену. А ты словом не обмолвился о плате. Ну хорошо, довольно об этом. Возвращаемся?

— Пройдемся еще.

— С удовольствием. Геральт?

— Слушаю.

— Я ведь говорила, что выросла у моря. Умею управлять лодкой и...

— Выкинь из головы.

— Почему?

— Выкинь, и все тут, — повторил он резко.

— Ты мог бы... сформулировать это повежливее.

— Мог бы. Но ты решила... черт знает, что бы ты решила. А я — бесчувственный ведьмак и холодный профессионал. Я рискую собственной жизнью. Чужой — нет.

Эсси замолчала. Он видел, как она стиснула губы, как мотнула головой. Порыв ветра снова растрепал ей волосы, на мгновение прикрыл лицо путаницей золотых нитей.

— Я просто хотела тебе помочь, — сказала она.

— Знаю. Благодарю.

— Геральт?

— Слушаю.

— А если в слухах, о которых упоминал Агловаль, что-то есть? Ты же знаешь, сирены не везде и не всегда бывают доброжелательными. Известны случаи...

— Не верю.

— Водороски, — задумавшись, продолжала Глазок, — не-реиды, тритоны, морские нимфы. Кто знает, на что они способны. А Шъееназ... У нее есть причины...

— Не верю, — прервал он.

— Не веришь или не желаешь поверить?

Он не ответил.

— И ты хочешь, чтобы тебя считали холодным профессионалом? — спросила она, странно улыбнувшись. — Тем, кто думает не головой, а острием меча? Если хочешь, я скажу, каков ты в действительности.

— Я знаю, какой я в действительности.

— Ты впечатлительный, чуткий, — сказала она тихо. — В глубине души ты полон тревоги. Меня не обманешь каменной физиономией и холодным голосом. Ты — впечатлительный, и именно впечатлительность заставляет тебя бояться, а вдруг да то, против чего ты собираешься выступить с мечом в руке, окажется правым, получит моральный перевес...

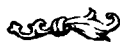
— Нет, Эсси, — медленно проговорил он. — Не ищи во мне тем для трогательных баллад о ведьмаке, разрываемом внутренними противоречиями. Возможно, я и хотел бы, чтобы было так, но этого нет. Мои моральные дилеммы разрешают за меня кодекс и воспитание.

— Не говори так! — воскликнула она. — Я не понимаю, почему ты стараешься...

— Эсси, — снова прервал он. — Попробуй понять меня правильно. Я не странствующий рыцарь.

— Но и не холодный, бездумный убийца.

— Верно, — спокойно согласился он. — Не холодный и бездумный, хотя многие считают иначе. Но не моя впечатлительность и свойства характера возвышают меня, а надменная

и грубая гордость специалиста, убежденного в своей значимости. Профессионала, в которого вколотили, что законы его профессии и холодная рутина важнее эмоций, что они предохраняют его от ошибок, которые можно совершить, ежели запутаться в дилеммах Добра и Зла, Порядка и Хаоса. Не я эмоционален, а ты. Впрочем, того требует твоя профессия, правда? Это ты забеспокоилась, подумав, что симпатичная на первый взгляд, отвергнутая сирена напала на ловцов жемчуга в приступе отчаянной мести. Ты сразу начинаешь искать для сирены оправдания, смягчающие обстоятельства, вздрагиваешь при мысли, что ведьмак, которому заплатил князь, прикончит прелестную сирену только за то, что та осмелилась поддаться эмоциям. А ведьмак, Эсси, свободен от таких дилемм. И от эмоций. Даже если окажется, что виновата сирена, ведьмак не убьет ее, потому что это запрещает кодекс. Кодекс решает дилемму за ведьмака.

Глазок взглянула на него, быстро подняв голову.

— Любую дилемму?

«Она знает про Йеннифэр, — подумал он. — Знает. Эх, Лютик, Лютик, стержовный ты сплетник...»

Они глядели друг на друга.

«Что скрывается в твоих синих глазах, Эсси? Любопытство? Увлеченность моим отличием? Каковы темные стороны твоего таланта, Глазок?»

— Прости, — сказала она. — Глупый вопрос. И наивный. Говорящий о том, что я вроде бы поверила тому, что ты сказал. Возвращаемся. Ветер пронизывает до костей. Смотри, как колышется море.

— Вижу. Знаешь, Эсси, это интересно...

— Что — интересно?

— Голову дам на отсечение, что камень, на котором Агловаль встречается с сиреной, был ближе к берегу и крупнее. А сейчас его не видно.

— Прилив, — коротко сказала Эсси. — Скоро вода дойдет вон туда, под обрыв.

— Даже туда?

— Да. Вода здесь поднимается и опускается сильнее локтей на десять, потому что тут, в теснине и устье реки,

возникает так называемое приливное эхо, или как там его именуют моряки.

Геральт глядел на мыс, на Драконьи Клыки, вгрызающиеся в гудящий, вспененный прибой.

— Эсси, а когда отлив начнется?

— Что?

— Как далеко отступит море?

— А что? Ах, поняла. Да, ты прав. Оно отступит до линии шельфа.

— Линии чего?

— Ну как бы полки, образующей дно, плоского мелководья, резко обрывающегося на границе глубины.

— А Драконьи Клыки?

— Они точно на краю.

— И до них можно будет дойти посуху? Сколько времени будет в моем распоряжении?

— Не знаю, — поморщилась Глазок. — Надо расспросить местных. Но не думаю, Геральт, что это удачная мысль. Посмотри, между сушей и Клыками камни, весь берег изрезан заливчиками и небольшими фиордами. Когда начнется отлив, там образуются ущелья, котлы, заполненные водой. Не знаю...

Со стороны моря, от едва видимых скал, донесся плеск. И громкий певучий окрик.

— Белоголовый! — кричала сирена, грациозно перескакивая с гребня одной волны на другую и молотя по воде быстрыми изящными ударами хвоста.

— Шъееназ! — ответил он, махнув рукой.

Сирена подплыла к камням, встала вертикально в пенящейся глуби, обеими руками откинула волосы на спину, демонстрируя при этом торс со всеми его прелестями. Геральт кинул взгляд на Эсси. Девушка слегка зарумянилась и с сожалением и смущением на мгновение кинула взгляд на собственные выпуклости, едва обозначенные под платтицем.

— Где мой? — пропела Шъееназ, подплывая ближе. — Он должен был ждать.

— Ждал три часа и ушел.

— Ушел? — высокой трелью удивилась сирена. — Не стал ждать? Не выдержал каких-то несчастных трех часов? Так я и

думала. Ни капли жертвенности! Ну нисколько! Противный, противный, противный! А что делаешь здесь ты, белоголовый? Прогуливаешься с любимой? Прекрасная пара, только вот ноги вас уродуют.

— Это не моя любимая. Мы едва знакомы.

— Да? — удивилась Шъееназ. — А жаль. Вы подходите друг другу, прекрасно смотрите рядом. Кто она?

— Я Эсси Давен, поэтесса, — пропела Глазок с акцентом и мелодичностью, по сравнению с которыми голос ведьмака звучал как воронье карканье. — Приятно познакомиться, Шъееназ.

Сирена шлепнула ладонями по воде, звучно рассмеялась.

— Как хорошо! Ты знаешь нашу речь! Даю слово, вы поражаете меня, люди. Воистину, нас разделяет вовсе не так много, как утверждают некоторые.

Ведьмак был удивлен не меньше сирены, хоть и мог предполагать, что образованная и начитанная Эсси лучше его знает Старшую Речь, язык эльфов, певучую версию которого использовали сирены, водороски и nereиды. Ему должно было быть ясно также и то, что певучесть и сложная мелодика речи сирен, осложнявшие ему общение, Глазку его только облегчали.

— Шъееназ! — воскликнул он. — Кое-что нас все-таки разделяет, и порой этим оказывается пролитая кровь! Кто... кто убил ловцов жемчуга там, у двух скал? Скажи!

Сирена нырнула, взбурлив воду. Через секунду снова выскочила на поверхность, а ее красивое личико съежилось в противной гримасе.

— Не смейте! — пронзительно крикнула она. — Не смейте приближаться к Ступеням! Это не для вас! Не ссорьтесь с ними! Это не для вас!

— Что? Что не для нас?

— Не для вас! — воскликнула Шъееназ, бросаясь всем телом на волны.

Высоко взметнулись брызги. Еще мгновение был виден ее хвост, раздвоенный узкий плавник, бьющий по волнам. Потом она скрылась в глубине.

Глазок поправила волосы, взвихренные ветром. Она стояла молча, наклонив голову.

— Не знал, что ты так хорошо владеешь Старшей Речью, Эсси.

— И не мог знать, — ответила она с горечью в голосе. — Ведь... ведь мы едва знакомы.

6

— Геральт, — сказал Лютик, осматриваясь и принюхиваясь, будто гончий пес. — Тут жутко воняет, не считаешь?

— Как сказать. — Ведьмак потянул носом. — Я бывал в таких местах, где воняет еще хуже. Тут — всего-навсего запах моря.

Бард отвернулся и сплюнул меж камней. Вода булькала в каменных распадах, пенясь и шумя, приоткрывая промытые волнами, заполненные галькой расселины.

— Глянь, как все здорово высохло. Куда подевалась вода? Что они такое, эти отливы и приливы? Никогда не задумывался?

— У меня были другие заботы.

— Думаю, — Лютик слегка вздрогнул, — там, в глубине, на самом дне чертова океана, сидит преогромнейшее чудище, толстая чешуйчатая уродина, жаба с рогами на мерзкой башке. И время от времени засасывает воду, а с водой все живое и годное в пищу: рыб, тюленей, черепах — все. А потом, насытившись, вырывает воду — и получается прилив. Как думаешь, Геральт?

— Думаю, что ты глуп. Йеннифер когда-то сказала, что приливы и отливы вызваны Луной.

Лютик захохотал.

— Какая ерундистика! Что общего у Луны с морем? На Луну только собаки воют. Купила тебя, Геральт, твоя врушка, посмеялась над тобой. Насколько мне известно, не в первый раз.

Ведьмак не ответил. Он смотрел на блестевшие от воды камни в проточинах, открывшихся при отливе. В них все время вздымалась пена, но похоже было, что пройти удастся.

— Ну что ж, за дело, — сказал он, встал и поправил на спине меч. — Дольше ждать нельзя, можем не успеть до начала прилива. Ты по-прежнему настаиваешь на том, чтобы идти со мной?

— Да. Темы для баллад — не шишки, их под елками не собирают. Кроме того, у Куколки завтра день рождения.

— Не улавливаю связи.

— А жаль. У нас, нормальных людей, принято делать друг другу подарки по случаю дня рождения. На покупки у меня не хватит финансов. Найду что-нибудь на дне морском.

— Селедку? Каракатицу?

— Дурной! Янтарь, может, морского конька или красивую раковину. Ведь важен символ, доказательство памяти и симпатии. Я люблю Глазок, хочу доставить ей радость. Не понимаешь? Так я и думал. Пошли. Ты — первый, потому как там может сидеть какое-нибудь чудо.

— Ладно. — Ведьмак спустился с обрыва на осклизлые, покрытые водорослями камни. — Пойду первым, чтобы в случае чего защитить тебя. В доказательство памяти и симпатии. Только запомни: как я крикну, хватай ноги в руки и чтоб не путался у меня под мечом. Мы идем не морских коньков собирать. Идем расправляться с чудовищем, которое мордует людей.

Они двинулись вниз, в трещины освободившегося от воды дна, местами по колено в воде, все еще кипевшей в каменных ущельях. Увязали в мульдах, выстланных песком и морскими водорослями. Ко всему прочему начался дождь, так что вскоре они промокли до нитки. Лютик то и дело останавливался, ковырял палочкой в гальке и клубках водорослей.

— Взгляни, Геральт, рыбка. Вся красная, черт меня возьми. А это? О, маленький уторь. А это? Это что такое? Похоже на огромную прозрачную блоху. А это... О Господи! Гера-а-альт!

Ведьмак резко обернулся, держа руку на мече.

Это был человеческий череп, белый, отполированный о камни, заклинившийся в скальной расселине и забитый песком. И не только песком. Лютик, увидев извивающегося в глазнице многощетинкового червя, затрясся и издал очень неприятный

звук. Ведьмак пожал плечами, направляясь в сторону освободившейся от воды каменной равнины, к зубчатым рифам, именуемым Драконьими Клыками и сейчас напоминающим горы. Шел осторожно. Дно было усеяно голотуриями, раковинами, кустиками водорослей. В лужах и впадинах раскатывались огромные медузы и метались змеихвостки. Маленькие пестрые крабы удирали от них, двигаясь бочком, перебирая ножками.

Геральт уже издали заметил труп, застрявший между камнями. Утопленник шевелил выступающей из-под водорослей грудной клеткой, хотя в принципе ему уже нечем было шевелить. Вокруг него и в нем кишмя кишели крабы. Труп не мог находиться в воде больше суток, но крабы ободрали его так, что осматривать не было смысла. Ведьмак молча изменил направление, обходя труп стороной. Лютик ничего не заметил.

— Ну и несет же тут, — выругался он, догоняя Геральта, плюнул, стряхнул воду с шапочки. — И льет, и холодно. Простужусь, потерю голос, черт побери...

— Не ной. Если хочешь вернуться, дорогу знаешь.

Сразу за основанием Драконьих Клыков раскинулась полка, а дальше была голубизна, спокойно волнующееся море. Граница отлива.

— Эй, Геральт, — Лютик осмотрелся. — Твое чудовище, похоже, было достаточно разумно, чтобы выбраться в открытое море вместе с уходящей водой. А ты, верно, думал, оно будет лежать где-нибудь тут брюхом вверх и ждать, пока ты его затюкаешь?

— Помолчи.

Ведьмак приблизился к краю полки, опустил на колени, осторожно оперся руками на острые раковины, прикрепившиеся к скале. Не видно было ничего, вода была темная, а поверхность замутненная.

Лютик исследовал закоулки рифов, пинками отбрасывая от ног наиболее нахальных крабов, осматривал и ощупывал мокрые камни с бородами из свисающих водорослей, украшенных шершавыми колониями ракообразных и улиток.

— Эй, Геральт!

— Что?

— Глянь-ка на эти раковины. Жемчужницы, нет?

— Нет.

— Ты в этом разбираешься?

— Нет.

— Тогда воздержись высказывать свое мнение, пока не начнешь разбираться. Я уверен — жемчужницы. Сейчас наберем жемчуга, будет хоть какая польза от экспедиции, не одна простуда. Собрать, Геральт?

— Собирай. Чудовище нападает на ловцов. Собиратели вроде тебя тоже входят в эту категорию.

— Выходит, мне выпала роль приманки?

— Собирай, собирай. Бери, какие покрупнее, если не будет жемчужин, то хоть похлебку сварим.

— Еще чего. Буду брать только жемчужины, а скорлупу — псу под хвост. Черт... Как это открывать? Ножа нет, Геральт?

— Так ты даже ножа не прихватил?

— Я поэт, а не ножовщик. А, ладно, свалю в сумку, а жемчужины выберем потом. Ах ты! Пшел вон!

Краб, которому досталось от Лютиковой ноги, пролетел над головой Геральта и шлепнулся в воду. Ведьмак медленно шел вдоль края полки, вглядываясь в черную, непроницаемую воду и слушая ритмичный стук камня, которым Лютик отбивал улиток от скалы.

— Лютик! Иди сюда, смотри!

Рваная, потрескавшаяся полка неожиданно оканчивалась ровным острым краем, уходящим вниз под прямым углом. Под поверхностью воды были ясно видны огромные прямоугольные, правильные блоки белого мрамора, обросшие водорослями, моллюсками, актиниями, шевелящимися в воде, как цветы на ветру.

— Что такое? Похоже на... ступени, — удивленно шепнул Лютик. — О-о-о, лестница в подземный город. В легендарный Ис, который поглотили волны. Ты слышал легенду о городе бездны, об Исе под Водами? О-о-о, я напишу об этом балладу, такую, что соперников пот прошибет. Надо осмотреть вблизи... Глянь, там какая-то мозаика, что-то выцарапано. Какие-то надписи. Отодвинься-ка, Геральт.

— Лютик! Там глубина! Соскользнешь...

— А, брось... Я и так весь мокрый. Смотри, здесь неглубоко, едва по пояс, на первой-то ступени. И широко, как в бальном зале. О дьявол...

Геральт мгновенно прыгнул в воду и удержал барда, провалившегося по шею.

— Споткнулся об это дерьмо. — Лютик, хватая воздух, отряхнулся, обеими руками поднял большую плоскую раковину с темно-синим панцирем, обросшую кудряшками водорослей. — Этого добра полно на уступах. Красивый цвет, верно? Дай-ка я положу в твой мешок, мой уже полон.

— Вылезай оттуда, — проворчал разозлившийся ведьмак. — Немедленно поднимайся на полку. Это не игра.

— Тише! Слышал? Что это было?

Геральт, конечно, слышал. Звук долетел снизу, из-под воды. Глухой и глубокий, хоть одновременно хрупкий, тихий, краткий, обрывистый. Звук колокола.

— Колокол, чтоб меня, — шепнул Лютик, выкарабкиваясь на полку. — Я был прав, Геральт. Это колокол из затопленного Иса, колокол города призраков, приглушенный тяжестью глубин. Это проклятые напоминают нам...

— Ты заткнешься наконец?

Звук повторился. На этот раз значительно ближе.

— ...напоминают нам, — продолжал Лютик, выжимая полу куртки, — о своей страшной судьбе. Этот звон — предупреждение...

Ведьмак перестал обращать внимание на голос Лютика и переключился на другие мысли. Он чувствовал. Чувствовал что-то.

— Это предупреждение. — Лютик слегка высунул язык, что привык делать, когда сосредоточивался. — Предупреждение... либо, хммм... Чтобы мы не забыли... хммм... хммм... Готово!

Сердце колокола бьется,
Песнь о смерти нам несет.
И тревожный голос рвется...

Вода рядом с ведьмаком забурлила. Лютик крикнул. Появившееся из пены лупоглазое чуднище замахнулось на Геральта

широким, зазубренным, похожим на косу лезвием. У Геральта меч был в руке с того самого момента, как только вода начала горбиться, так что теперь он лишь развернулся и ударил чудиде в отвисший, покрытый чешуей зоб. Тут же развернулся в другую сторону, где возник второй бурун и появилось нечто в странном шлеме и в чем-то, напоминающем латы из позеленевшей меди. Ведьмак ширококим замахом меча отбил острие направленной в него короткой пики и, с размаху рубанув по змеерыбей зубастой морде, тут же отскочил к краю полки, разбрызгивая воду.

— Беги, Лютик!

— Давай руку!

— Беги, черт поберит!

Новое существо вынырнуло из воды, рассекая воздух кривой саблей, которую держало зеленой шершавой лапой. Ведьмак оттолкнулся от усеянного ракушками края скалы, встал в боевую позицию, но рыбоглазое существо не приближалось. Ростом оно было с Геральта, вода тоже доходила ему до пояса, но внушительно торчащий на спине гребень и раздувшиеся жабры делали его крупнее Геральта. Grimаса, искривившая широкую зубастую пасть, поразительно напоминала жуткую ухмылку.

Существо, не обращая внимания на два вздрагивающих, плавающих в красной воде тела, подняло саблю, которую держало обеими руками за длинную безэфесную рукоять. Еще сильнее напрягая гребень и жабры, оно ловко закрутило клинком в воздухе. Геральт слышал, как легкое острие шипит и жужжит.

Существо сделало шаг вперед, послав в сторону Геральта волну. Геральт тоже завертел мечом. И тоже сделал шаг, принимая вызов.

Рыбоглазый ловко перехватил рукоять пальцами и медленно опустил защищенные черепаховым панцирем и медью руки, погрузив их по самые локти в воду, скрыв под ней оружие. Ведьмак схватил меч обеими руками — правой у самого эфеса, левой за головку, поднял оружие вверх и немного вбок, повыше правого плеча. Он глядел в глаза чудовища, но это были опалесцирующие рыбьи глаза с капельками радужниц, поблескивающие холодом и металлом. Глаза, которые ничего не

выражали и ничего не выдавали. Ничего, что могло бы предупредить о нападении. Из глубины, с низа ступеней, уходящих в черную бездну, долетели звуки колокола. Они были все ближе, все явственнее.

Рыбоглазый рванулся вперед, выхватывая клинок из-под воды, напал быстрым, как мысль, дальним боковым ударом. Геральту просто повезло — он интуитивно предположил, что удар будет нанесен справа. Он парировал острием, направленным вниз, сильно вывернув корпус, тут же повернул меч, скрестив его плашмя с саблей чудовища. Теперь все зависело от того, кто из них скорее развернет пальцы на рукояти, кто первым перейдет от плоского, статичного соприкосновения клинков к удару, силу которого уже готовили оба, перенося вес тела на нужную ногу. Геральт уже видел, что оба они одинаково быстры.

Но у рыбоглазого пальцы были длиннее.

Ведьмак рубанул вбок, повыше бедра, вывернулся вполоборота, рассек, напирая на клинок, без труда уклонился от широкого, отчаянного и лишнего изящества удара. Чудовище, беззвучно разевая рыбью пасть, скрылось под водой, в которой пульсировали темно-красные облака.

— Давай руку, быстро! — крикнул Лютик. — Они плывут. Целая стая! Я их вижу!

Ведьмак ухватился за правую руку барда и вырвался из воды на каменную полку. За ними широким фронтом пошла волна.

Начинался прилив.

Они бежали быстро, преследуемые прибывающей водой. Геральт оглянулся и увидел, как из моря выскакивают многочисленные рыботворы, как кидаются в погоню, ловко прыгая на мускулистых ногах. Он молча ускорил бег.

Лютик бежал, задыхаясь, тяжело разбрызгивая воду, уже доходящую до колен. Вдруг он споткнулся, упал, шлепнулся в водоросли, уперся дрожащими руками. Геральт схватил его за пояс, вырвал из кипящей крутом пены.

— Беги! Беги! Я их задержу!

— Геральт...

— Беги! Сейчас вода заполнит выемки, тогда нам не выбраться! Жми что есть мочи!

Лютик охнул и побежал. Ведьмак бежал следом, рассчитывая на то, что чудища растянутся при погоне в цепь. Он знал, что, борясь со всей группой сразу, не победит.

Они догнали его у самой расселины, потому что вода была уже настолько глубока, что они могли плыть, он же с трудом, то и дело погружаясь в пену, рвался наверх по скользким камням. Однако в расселине было слишком тесно, чтобы можно было напасть на него со всех сторон. Он остановился в мулде, в той, в которой Лютик нашел череп.

Остановился, оглянулся и успокоился.

Первого он достал самым концом меча там, где должен быть висок. Другому, вооруженному чем-то вроде короткого бердыша, вспорол живот. Третий убежал.

Ведьмак кинулся вверх по расселине, но в этот момент вздымающаяся волна загудела, взвихрилась пеной, закружилась водоворотом в расселине, сорвала его с камней и повлекла вниз, в кипень. Он столкнулся с болтающимся в водовороте рыботором, откинул его пинком. Кто-то схватил его за ноги и потянул вниз, на дно. Он ударился спиной о камень, отворил глаза, в самое время, чтобы увидеть темные фигуры, два взлеска. Первый он парировал мечом, от второго автоматически заслонился левой рукой. Почувствовал удар, боль. Оттолкнулся ногами от дна, взвился наверх, к поверхности, сложил пальцы, стрельнул Знаком. Взрыв был глухой, рванул уши коротким пароксизмом боли. «Если выйду живым, — подумал он, молотя по воде руками и ногами, — если выйду живым, поеду к Йен в Венгерберг, попытаюсь еще раз... Если выйду живым...»

Ему показалось, что он слышит звук трубы. Или рога.

Волна, снова вздымаясь в теснине, подняла его, выкинула животом на огромный камень. Теперь он явно слышал звук рога, крики Лютика, которые, казалось, долетают со всех сторон одновременно. Он выдохнул соленую воду из носа, осмотрелся, откинув с лица мокрые волосы.

Он был на берегу, на том самом месте, откуда они отправились. Лежал животом на камнях, крутом белой пеной кипел прибой.

За ним в расселине, которая теперь уже была узким заливающим, танцевал на волнах большой серый дельфин. На его

спине, разметав мокрые зеленоватые волосы, сидела сирена. У нее были изумительные груди.

— Белоголовый! — тягуче пропела она, размахивая рукой, в которой держала большую коническую, спирально закрученную раковину. — Жив?

— Жив, — удивился ведьмак. Пена вокруг него сделалась розовой. Левая рука немела, ее щипало от соли. Рукав куртки был разрезан ровно и прямо, из разреза сочилась кровь. «Вылез, выкарабкался, — подумал он. — Снова удалось. Нет, никуда я не поеду».

Он увидел Лютика, который бежал, спотыкаясь на мокрых глыбах.

— Я их задержала, — пропела сирена и снова подула в раковину. — Но ненадолго! Беги и не возвращайся, белоголовый! Море... не для вас!

— Знаю! — крикнул он в ответ. — Знаю. Спасибо, Шьееназ!

7

— Лютик, — проговорила Глазок, раздирая зубами конец повязки и затягивая узел на кисти Геральта, — объясни ты мне, откуда на ступенях взялась куча раковин? Жена Дроухарда сейчас их убирает и при этом не скрывает, что о вас думает.

— Раковины? — удивился Лютик. — Какие раковины? Понятия не имею. Может, упустили пролетавшие утки?

Геральт усмехнулся, отвернув голову. Усмехнулся, вспомнив дурь Лютика, который все утро убил, вскрывая раковины и копаясь в склизком мясе, при этом порезал пальцы и испачкал рубашку, но не нашел ни единой жемчужины. И не удивительно, потому что, скорее всего, это были никакие не жемчужницы, а обыкновенные мидии. Идею приготовить суп из улиток они отбросили, когда Лютик раскрыл первую раковину — она выглядела так неаппетитно и так воняла, что аж слезы выступали.

Глазок закончила перевязку и присела на перевернутое ведро. Ведьмак поблагодарил, рассматривая ловко перевязанную руку. Рана была глубокая и довольно длинная, задевала локоть, который дьявольски болел при движениях. Его наскоро перевязали еще на берегу, но не успели добраться до дома, как рана снова начала кровоточить. Перед самым приходом девушки Геральт залил рассеченную руку коагулирующим эликсиром, побрызгал обезболивающим. Эсси обнаружила их в тот момент, когда они с Лютиком пытались зашить рану с помощью нитки, привязанной к рыболовному крючку. Глазок изрутала их и сама взялась за перевязку, а в это время Лютик потчевал ее красочным рассказом о борьбе, не забыв выговорить себе исключительное право на балладу. Эсси, естественно, засыпала Геральта лавиной вопросов, на которые он не мог ответить. Она восприняла это с обидой, скорее всего решив, что он что-то утаивает. Надулась и перестала выпрашивать.

— Агловаль уже знает, — сказала она. — Вас видели, когда вы возвращались, а Дроухардова жена, заметив кровь на лестнице, помчалась сплетничать. Люди кинулись к скалам, надеясь, что волны что-нибудь выбросят, и толкуются там до сих пор, но, насколько знаю, ничего не нашли.

— И не найдут, — сказал ведьмак. — К Агловалою я пойду завтра, но предупреди его, если сможешь, чтобы запретил людям крутиться около Драконьих Клыков. Только прошу, ни слова о ступенях или Лютиковых фантазиях относительно города Ис. Тут же найдутся искатели сокровищ и любители сенсаций — и появятся новые трупы.

— Я не сплетница, — надулась Эсси, резко откинув прядку со лба. — Если о чем-то спрашиваю, так не затем, чтобы сразу бежать к колодцу и рассказывать прачкам.

— Прости.

— Мне надо выйти, — вдруг сообщил Лютик. — Я договорился с Акереттой. Геральт, беру твою курточку. Моя сви́нски умарухана и все еще не просохла.

— Все здесь мокрое, — насмешливо заметила Глазок, с отвращением трогая мыском туфельки разбросанные части одежды. — Разве так можно? Надо было развесить, как следует просушить... Вы просто чудовищны.

— Само высохнет. — Лютик натянул влажную курточку Геральта и с завистью взглянул на серебряные набивки на рукавах.

— Не болтай. А это что такое? Неужели сумка все еще полна тины и водорослей? А это... Тьфу!

Геральт и Лютик молча смотрели на темно-синюю раковину, которую Эсси держала перед собой двумя пальцами. Они совсем о ней забыли. Раковина была слегка приоткрыта и отчетливо воняла.

— Это презент, — сказал трубадур, выбираясь к двери. — Завтра твой день рождения, Куколка! Ну так это тебе подарок.

— Это?

— Красивая, верно? — Лютик понюхал и быстро добавил: — От Геральта. Это он для тебя выбрал. Ах, уже поздно. Опаздываю. Бывайте...

— Ты помнил о моем дне рождения? — медленно спросила Эсси, держа раковину подальше от себя. — Серьезно?

— Дай сюда, — резко сказал он. Встал с матраца, оберегая забинтованную руку. — Прости за этого идиота...

— Нет, — возразила она, вынимая из ножен на поясе маленький кинжальчик. — Раковина действительно красивая, я сохраню ее на память. Только надо вымыть, а для начала отделаться от... содержимого. Я выкину в окно, кошкам.

Что-то стукнуло о пол, покатилося. Геральт расширил зрачки и увидел гораздо раньше, чем Эсси.

Это была жемчужина. Переливающаяся и блестящая жемчужина светло-голубого цвета размером с разбухшую горошину.

— О боги! — Глазок тоже заметила ее. — Геральт... Жемчужина!

— Жемчужина, — рассмеялся он. — Стало быть, ты все-таки получила подарок, Эсси. Я рад.

— Геральт, не могу принять. Эта жемчужина стоит...

— Она твоя, — прервал он. — Лютик, хоть и разыгрывает глупенького, действительно помнил о твоём дне рождения. Он и правда хотел доставить тебе радость. Говорил об этом, говорил вслух. Ну видишь, судьба услышала его и исполнила, что требовалось.

— А ты, Геральт?

— Я?

— А ты... Тоже хотел доставить мне радость? Жемчужина такая прекрасная... Она должна сказочно много стоить... Не жалеешь?

— Я рад, что она тебе понравилась. А если и жалею, так о том, что она была только одна. И что...

— Да?

— Что не знаю тебя так долго, как Лютик, так долго, чтобы знать и помнить о твоём дне рождения. Чтобы иметь возможность дарить подарки и доставлять тебе радость. Чтобы иметь право... называть тебя Куколкой.

Она подошла и неожиданно закинула ему руки на шею. Он ловко и быстро предупредил её движения, отстранился от её губ, сдержанно поцеловал в щеку, обняв здоровой рукой осторожно, нежно. Он чувствовал, как девушка напрягается и медленно отстраняется, но только на длину рук, все ещё лежащих у него на плечах. Он знал, чего она ждет, но не сделал этого. Не привлёк её к себе.

Эсси отпустила его, отвернувшись к приоткрытому грязному оконцу.

— Ну конечно, — вдруг сказала она. — Ты же едва меня знаешь. Я совсем забыла, мы едва знакомы...

— Эсси, — проговорил он после недолгого молчания, — я...

— Я тоже едва тебя знаю, — вспыхнула она. — И что с того? Я люблю тебя. Ничего не могу с собой поделать. Ничего.

— Эсси!

— Да. Люблю. Мне совершенно безразлично, что ты думаешь. Я полюбила тебя в тот самый момент, как увидела, там, на приеме по случаю обручения...

Она замолчала и опустила глаза.

Она стояла перед ним, а Геральт сожалел, что это она, а не рыбаглазый с саблей, укрытой под водой. С рыбаглазым у него были шансы... С ней — никаких.

— Ты молчишь, — бросила она. — Ничего, ни слова...

«Я устал, — подумал он, — и страшно слаб. Мне необходимо присесть, у меня темнеет в глазах, я потерял много крови и ничего не ел... Мне нужно присесть. Проклятая комнатка, чтоб она сгорела во время ближайшей бури от молнии. Проклятое

отсутствие мебели, двух идиотских стульев и стола, который разделяет, через который можно так легко и безопасно разговаривать. Можно даже держаться за руки. А я вынужден садиться на матрац и просить ее, чтобы она присела рядом. А набитый гороховой соломой матрац опасен, с него невозможно никуда вывернуться, отстраниться...»

— Сядь рядом, Эсси.

Она присела. Не спеша. Тактично. Далеко. Очень далеко. Слишком близко.

— Когда я узнала, — шепнула она, прерывая затянувшееся молчание, — когда я услышала, что Лютик притащил тебя, окровавленного, я выбежала из дома словно сумасшедшая, помчалась, ничего не видя, ни на что не обращая внимания. И тогда... Знаешь, о чем я подумала? Что это магия, что ты приворожил меня, украдкой, по секрету, предательски очаровал меня, приколдовал Знаком, своим волчьим медальоном, скверным глазом. Так я подумала, но не остановилась, продолжала бежать, потому что поняла, что хочу... хочу оказаться под действием твоей силы, но реальность оказалась страшнее. Ты не приворожил меня, не использовал никаких чар. Почему, Геральт? Почему ты этого не сделал?

Он молчал.

— Если б это была магия, — продолжала она, — все было бы так просто и легко. Я поддалась бы твоей силе и была бы счастлива. А так... Я должна... не знаю, что со мной творится...

«К черту, — подумал он, — если Йеннифэр, когда она со мной, чувствует себя как я сейчас, то я ей не завидую. И уже никогда не стану удивляться. Никогда не буду ненавидеть ее... Никогда...»

Потому что Йеннифэр, вероятно, чувствует то, что невозможно исполнить, чувствует глубокую уверенность, что я обязан выполнить то, что выполнить невозможно, еще невозможнее, чем связать Агловаля и Шъееназ. Уверенность, что немного жертвенности тут недостаточно, что надо пожертвовать всем, да и то неизвестно, достаточно ли этого. Нет, я не буду ненавидеть Йеннифэр за то, что она не может и не хочет проявить хоть немного жертвенности. Теперь я знаю, что немного жертвенности — это... очень много».

— Геральт, — простонала Глазок, втягивая голову в плечи. — Мне так стыдно. Мне так стыдно того, что я чувствую какое-то проклятое бессилие, холод, озноб, как короткое дыхание...

Он молчал.

— Я всегда думала, что это прекрасное и возвышенное состояние души, благородное и восхитительное, даже если оно и лишает тебя счастья. Ведь сколько баллад я сложила о подобном. А это просто химия организма, Геральт, простая и всеохватывающая. Так может чувствовать себя больной, выпивший яд. Да потому что человек, выпивший яд, готов на все взамен за противоядие. На все, даже на унижение.

— Эсси, прошу тебя...

— Да, я чувствую себя униженной, униженной тем, что во всем тебе призналась, забыв о достоинстве, которое велит страдать молча... Тем, что своим признанием причинила тебе беспокойство, неловкость. Я чувствую себя униженной тем, что ты смущен. Но я не могла иначе. Я бессильна. Я отдана на милость сразившей меня болезни. Я всегда боялась болезни, того момента, когда стану слабой, бессильной, беспомощной и одинокой. Я всегда боялась болезни, всегда верила, что болезнь будет самым худшим, что может со мной приключиться...

Он молчал.

— Знаю, — зашептала она снова, — знаю, я должна благодарить тебя за то, что... что ты не используешь ситуации. Но я тебя не благодарю. И этого я тоже стыжусь. Я ненавижу твоё молчание, твои изумленные глаза. Я ненавижу тебя. За то, что ты молчишь. За то, что не лжешь, что не... И ее я тоже ненавижу, твою чародейку, я охотно пырнула бы ее ножом за то, что... ненавижу ее. Прикажи мне уйти, Геральт. Прикажи мне уйти отсюда. Сама, по своей воле, я не могу, а уйти хочу, пойти в город, в трактир... Хочу отомстить тебе за свой стыд, за унижение, хочу найти первого попавшегося...

«Черт побери, — подумал он, слыша, как ее голос скачет, словно трипичный мячик, катящийся по лестнице. — Расплачется, обязательно расплачется. Что делать, дьявол, что делать?»

Державшие его руки Эсси задрожали. Девушка отвернулась и разразилась тихим, поразительно спокойным, несдерживаемым плачем.

«Я ничего не чувствую, — отметил он с ужасом, — ничего, ни малейшего возбуждения. То, что сейчас я обниму ее, будет жест рассудочный, взвешенный, не спонтанный. Я обниму ее, потому что знаю — так надо, а не потому, что хочу. Я ничего не чувствую».

Он обнял ее, она тут же успокоилась, отерла слезы, сильно тряхнула головой и отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лица. А потом прижалась к нему, сильно втиснув голову в грудь.

«Немного жертвенности, — подумал он, — всего лишь немного жертвенности. Это ее успокоит — объятия, поцелуи, тихие ласки... Она не хочет большего. И даже если хочет, то что? Немного жертвенности, совсем немного... ведь она красива и заслуживает этого... Если б она хотела большего... Это ее успокоит. Тихий, спокойный, нежный любовный акт. А я... Ведь мне все безразлично, у меня не возникает эмоций, потому что Эсси пахнет вербеной, а не сиренью и крыжовником, у нее нет холодной электризующей кожи, волосы Эсси не черное торнадо блестящих локонов, глаза Эсси прекрасные, мягкие, теплые и синие, но они не горят холодной, бесстрастной фиолетовой глубиной. Потом Эсси уснет, отвернет голову, немного приоткроет рот. Эсси не улыбнется торжествующе. Потому что Эсси...

Эсси — не Йеннифэр.

И поэтому я не могу. Не могу решиться на эту каплю жертвенности».

— Прошу тебя, Эсси, не плачь.

— Не буду. — Она медленно отодвинулась от него. — Не буду. Я понимаю. Иначе быть не может.

Они молчали, сидя рядом на набитом гороховой соломой матрасе. Надвигался вечер.

— Геральт, — вдруг сказала она, и голос ее дрогнул. — А может... Может, было бы так... как с тем моллюском, с тем дивным подарком? Может, мы все-таки нашли бы жемчужину? Позже? Спустя какое-то время?

— Я вижу ее, — с трудом проговорил он. — Оправленную в серебро, вставленную в серебряный цветок с изумительными

лепестками. Я вижу ее на твоей шее, на серебряной цепочке, которую ты носишь так же, как я ношу свой медальон. Это будет твой талисман, Эсси. Талисман, который защитит тебя от любого зла.

— Мой талисман, — повторила она, опуская голову. — Моя жемчужина, которую я оправлю в серебро, с которой никогда не расстанусь. Моя драгоценность, которую я получила взамен. Разве такой талисман может принести счастье?

— Да, Эсси. Будь уверена.

— Могу я посидеть здесь еще? С тобой?

— Можешь.

Надвигались сумерки, становилось все темнее, а они сидели на набитом соломой матраце в комнатке на чердаке, в которой не было мебели, а только ведро и незажженная свеча на полу в лужице застывшего воска.

Сидели в полном молчании, в тишине, долго, очень долго. А потом пришел Лютик. Они слышали, как он идет, тренькает на лютне и напевает. Лютик вошел, увидел их и не сказал ничего, ни единого слова. Эсси, тоже молча, встала и вышла, не глядя на них.

Лютик не сказал ни слова, но ведьмак видел в его глазах слова, которые не были произнесены.

8

— Разумная раса, — задумчиво проговорил Агловаль, поставив локоть на поручень кресла, а подбородок положив на кисть руки. — Подводная цивилизация? Рыболоуди на дне моря. Ступени в глубины. Геральт, ты принимаешь меня за чертовски легковерного князя.

Глазок, стоявшая рядом с Лютиком, гневно фыркнула. Лютик недоверчиво pokrutil головой. Геральт вовсе не обратил внимания.

— Мне безразлично, — сказал он тихо, — согласишься ты или нет. Просто я обязан предупредить. Лодка, которая приблизится к Драконьим Клыкам, или люди, которые явятся туда

во время отлива, подвергаются опасности. Смертельной опасности. Хочешь проверить, правда ли, хочешь рисковать — твое дело. Я просто предупреждаю.

— Ха, — вдруг проговорил коморник Зелест, сидевший за спиной у Агловаля в оконном проеме. — Если они такие же чудища, как эльфы или другие гоблины, то нам они не страшны. Я-то боялся, как бы это не было что-то похуже или, упасите боги, заколдованное. А по ведьмаковским словам получается, что это вроде каких-то морских утопцев-плавунов... Против них есть средства. Слышал я, один чародей вмиг расправился с плавунами на озере Моква. Влил в воду баррель магического фильтра — и каюк плавунам. И следа не осталось.

— Верно, — заметил молчавший до того Дроухард. — Следа не осталось. И от лешей, значить, щук, раков и беззубок. Сгинула дажить водяная зараза на дне, кою умники элодеей клочут. И засохнул, значить, ольшаник на берегах.

— Блеск! — насмешливо проговорил Агловаль. — Благодарю за изумительное предложение, Зелест. Может, у тебя есть и еще какие?

— Ну вроде правда, — коморник сильно покраснел, — магик переборщил малость, слишком уж крынкой размахался. Но мы и без магиков управимся, князь. Ведьмак говорит, что с этими чужаками можно бороться и убить их тоже можно. Стало быть, война. Как раньше. Нам не впервой, верно? Жили в горах оборотцы, где они теперь? По лесам еще валандаются дикие эльфы и духобабы, но и этим вот-вот конец придет. Перебьем всех до единого. Как деды наши...

— А жемчужины увидят только мои внуки? — поморщился князь. — Слишком долго придется ждать, Зелест.

— Ну так-то уж паршиво не будет. Что-то мне видится... Скажем, с каждой лодкой ловцов — две лодки лучников. Быстренько научим чудищ уму-разуму. Узнают, что такое страх. Верно, господин ведьмак?

Геральт холодно посмотрел на него и ничего не ответил.

Агловаль повернул голову, демонстрируя свой благородный профиль, закусил губу. Потом, прищурясь и морща лоб, взглянул на ведьмака.

— Ты не выполнил задания, Геральт, — сказал он. — Снова испоганил дело. Не возражаю, ты проявил благие намерения. Но я за благие намерения не плачу. Я плачу за результат. За эффект. А эффект, прости за определение, дерьмовый. А посему столько ты и заработал.

— Прелестно, благородный князь, — съехидничал Лютик. — Жаль, вас не было там, у Драконьих Клыков. Может, мы с ведьмаком дали бы вам возможность встретиться с одним из тех, морских-то, с мечом в руке. Может, тогда вы поняли бы, в чем дело, и перестали скаречничать и препираться об оплате...

— Как торговка базарная, — добавила Глазок.

— Я не привык торговаться, препираться или спорить, — спокойно сказал Агловаль. — Я сказал — не заплачу ни гроша, Геральт. Уговор был такой: ликвидировать опасность, ликвидировать угрозу, обеспечить ловлю жемчуга без риска для людей. А ты? Являешься и рассказываешь нам о разумной расе со дна морского. Советуешь держаться подальше от того места, которое приносит мне доход. Что ты сделал? Якобы убил... Скольких?

— Не имеет значения. — Геральт слегка поблел. — Во всяком случае, для тебя, Агловаль.

— Именно. Тем более что доказательств нет. Если б ты принес, к примеру, правые руки этих рыбожаб, как знать, может, и заработал бы обычную ставку, какую берет мой лесник за пару волчьих ушей.

— Ну что ж, — холодно сказал ведьмак. — Мне не остается ничего иного, как распрощаться.

— Ошибаешься, — сказал князь. — Остается кое-что еще. Постоянная работа за вполне приличное вознаграждение и содержание. Должность и патент капитана моей вооруженной охраны, которая с этого дня будет сопровождать ловцов. Не обязательно навсегда, но достаточно долго, до тех пор, пока эта якобы разумная раса наберется ума избегать их как огня. Что скажешь?

— Благодарю, не воспользуюсь. — Ведьмак поморщился. — Такая работа не по мне. Войны с другими расами я считаю идиотизмом. Может, это и отличное развлечение для усталых и поглупевших князей. Для меня — нет.

— Ах как гордо, — усмехнулся Агловаль. — Как благородно. Ты отвергаешь предложение образом, достойным короля. Отказываешься от немалых денег с миной богача, только что сытно пообедавшего. Геральт? Ты сегодня ел? Нет? А вчера? А позавчера? Похоже, у тебя маловато шансов пообедать, очень маловато. Даже здоровым в наше время трудно заработать, а сейчас, с одной рукой на перевязи...

— Да как ты смеешь?! — тонко взвизгнула Глазок. — Как ты смеешь так разговаривать с ним, Агловаль? Руку, которую он носит на перевязи, ему рассадили во время выполнения твоего приказа! Ты не можешь быть настолько низким...

— Прекрати, — сказал Геральт. — Прекрати, Эсси. Это бессмысленно.

— Неправда! — гневно бросила она. — В этом есть смысл. Кто-то должен наконец сказать правду в глаза такому... типу, который сам себя произвел в князья, воспользовавшись тем, что с ним никто не состязался за право владеть участком скалистого побережья, и который теперь считает, будто ему разрешено унижать других.

Агловаль покраснел и поджал губы, но не произнес ни слова, не пошевелился.

— Да, Агловаль, — продолжала Эсси, сжимая в кулаки дрожащие пальцы, — ты рад возможности унижить других, возможности показать презрение к ведьмаку, готовому подставлять шею за деньги. Но знай, ведьмак смеется над твоим презрением и твоими оскорблениями, они не производят на него никакого впечатления, он их даже не замечает. Нет, ведьмак не чувствует даже того, что чувствуют твои слуги и подданные, Зелест и Дроухард, а они чувствуют стыд, глубокий, опалющий стыд. Ведьмак не чувствует того, что мы, я и Лютик, а мы чувствуем отвращение. Знаешь, Агловаль, почему? Я скажу тебе. Ведьмак знает, что он лучше, выше тебя. Достоин гораздо большего, чем ты! И это придает ему ту силу, которая у него есть!

Эсси замолчала, опустила голову, но не настолько быстро, чтобы Геральт не успел заметить слезы, блеснувшие в уголке прекрасного глаза. Девушка коснулась рукой висящего на шее цветочка с серебряными лепестками, цветочка, в середине ко-

торого сияла большая голубая жемчужина. У цветочка были изящные филигранные лепестки, он был изготовлен мастерски. Дроухард оказался на высоте. Рекомендованный им ремесленник выполнил работу прекрасно. И не взял от них ни гроша. Дроухард заплатил за все.

— Поэтому, якобы благородный князь, — продолжала Глазок, поднимая голову, — не ставь себя в смешное положение, предлагая ведьмаку роль наемника в армии, которую ты собираешься поставить против океана. Не выставляй себя на осмеяние, а ведь предложение может вызвать только смех. Ты все еще не понял? Ты можешь заплатить ведьмаку за выполнение задания, можешь его нанять, чтобы он охранял людей от зла, предупреждал грозящую им опасность. Но ты не можешь ведьмака купить, не можешь использовать его в своих целях. Потому что ведьмак, даже раненый и голодный, лучше тебя. Большого стоит. Поэтому он смеется над твоим предложением. Понял?

— Нет, мазель Давен, — холодно произнес Агловаль. — Не понял. Совсем даже наоборот. Понимаю все меньше. Главное же, чего я уж совсем не понимаю, так это почему я все еще не приказал повесить всю вашу троицу, предварительно отколотив батогами и припечатав червонным железом. Вы, мазель Давен, пытаетесь показать, будто знаете все. Так скажите, почему я этого не делаю?

— Извольте, — тут же откликнулась поэтесса. — Ты, Агловаль, не делаешь этого, потому что где-то там, глубоко внутри тебя, тлеет искорка порядочности, хранятся остатки чести, еще не приглушенные спесью нувориша и купчишки. Внутри, Агловаль. На дне сердца. Сердца, которое, что бы там ни говорили, способно любить сирену.

Агловаль побледнел как полотно и стиснул руки на поручнях кресла. «Браво, — подумал ведьмак, — bravo, Эсси, прекрасно». Он гордился ею. Но одновременно чувствовал грусть, чудовищную грусть и раскаяние.

— Уходите, — тихо проговорил Агловаль. — Уходите. Идите куда хотите. Оставьте меня в покое.

— Прощай, князь, — сказала Эсси. — И на прощание прими добрый совет. Совет, который должен был бы дать

тебе ведьмак, но я не хочу, чтобы он тебе его давал. Чтобы унижался до того, чтобы давать тебе советы. Я сделаю это за него.

— Слушаю.

— Океан велик, Агловаль! Еще никто не знает, что лежит там, за горизонтом, если там вообще что-нибудь есть. Океан больше любых пущ и дебрей, в которые вы оттесняли эльфов. Он менее доступен, нежели какие бы то ни было горы и ущелья, в которых вы уничтожали оборотцев. А там, на дне океана, обитает раса, применяющая оружие, знающая секреты обработки металлов. Стерегись, Агловаль. Если вместе с ловцами в море пойдут лучники, ты развяжешь войну против того, чего не знаешь. То, что ты намерен тронуть, может оказаться гнездом шершней. Я советую вам, оставьте им море, ибо море не для вас. Вы не знаете и никогда не узнаете, куда ведут ступени, по которым спускаются к основанию Драконьих Клыкков.

— Ошибаетесь, мазель Эсси, — спокойно ответил Агловаль. — Мы узнаем, куда ведут эти ступени. Больше того, мы спустимся по ним. Проверим, что находится по ту сторону океана, если там вообще что-то есть. И вытянем из этого океана все, что только возможно вытянуть. А не мы, так наши внуки либо внуки наших внуков. Вопрос времени. Да, мы сделаем это, даже если океану придется стать красным от крови. И ты об этом знаешь, Эсси, мудрая Эсси, пишущая хронику человечества своими балладами. Жизнь — не баллада, маленькая бедная прекрасная поэтесса, заплутавшаяся в своих красивых словах. Жизнь — это борьба. А борьбе научили нас именно вот такие, стоящие больше нас ведьмаки. Это они указали нам дорогу, они проторили ее для нас, они усеяли ее трупами тех, кто был для нас, людей, помехой и препятствием, трупами тех, кто защищал от нас этот мир. Мы, мазель Эсси, просто продолжаем эту борьбу. Мы, а не твои баллады, пишем историю человечества. И нам уже нет нужды в ведьмаках, нас и без того ничто уже не удержит. Ничто.

Эсси побледнела, дунула на прядь волос и покачала головой.

— Ничто, Агловаль?

— Ничто, Эсси.

Поэтесса усмехнулась.

Из передней долетел какой-то шум, крики, топот. В зал вбежали пажы и стражники, у самых дверей бросились на колени либо согнулись в поклонах.

В дверях стояла Шьееназ.

Ее светло-зеленые волосы были искусно завиты, охвачены изумительной красоты диадемой из кораллов и жемчужин. Она была в платье цвета морской волны с белыми, как пена, оборками. Платье было сильно декольтировано, так что прелести сирены, хоть частично прикрытые и украшенные ожерельем из нефритов и ляпис-лазури, по-прежнему вызывали величайшее восхищение.

— Шьееназ... — простонал Агловаль, падая на колени. — Моя... Шьееназ...

Сирена медленно подошла, и ее движения были мягкими и полными грации, плавными, как набегающая волна.

Она остановилась перед князем, сверкнула в улыбке мелкими белыми зубками, потом быстро подобрала платье и подняла подол на такую высоту, чтобы каждый мог оценить качество работы морской волшебницы водороски. Геральт сглотнул. Не было сомнений: водороска знала толк в красивых ножках и умела их делать.

— Ох! — воскликнул Лютик. — Моя баллада... Совсем как в моей балладе... Она обрела ради него ножки, но потеряла голос!

— Ничего я не потеряла, — сказала Шьееназ напевно на чистейшем всеобщем. — Пока что. После операции я словно новая.

— Ты говоришь на нашем языке?

— А что, нельзя? Как твои дела, белоголовый? О, и твоя любимая тоже здесь, Эсси Давен, если не ошибаюсь? Ты уже лучше ее знаешь или по-прежнему едва-едва?

— Шьееназ... — пролепетал Агловаль, приближаясь к ней на коленях. — Любовь моя! Моя любимая... единственная... Значит, все-таки наконец-то! Наконец-то, Шьееназ!

Сирена грациозным движением подала ему руку для поцелуя.

— Да. Я ведь тоже люблю тебя, глупышка! А что это за любовь, когда любящий не может иногда хоть чем-то пожертвовать?

9

Они выехали из Бремервоорда ранним холодным утром, в тумане, впитавшем в себя яркость красного шара солнца, выкатывающегося из-за горизонта. Выехали втроем. Как решили раньше. Они не разговаривали об этом, не строили планов, просто хотели быть вместе. Какое-то время.

Покинули каменистый мыс, распрощались с рваными клифами над пляжами, странными формациями иссеченных волнами и водоворотами известняковых скал. Но, спустившись в зеленую, усеянную цветами долину Доль Адалатте, все еще слышали запах моря, гул прибоя и резкие, дикие крики чаек.

Лютик не переставая болтал, перескакивал с темы на тему и практически ни одной не заканчивал. Рассказывал о Стране Барса, где глупый, по его мнению, обычай велит девушкам хранить невинность до самого замужества, о железных птицах с острова Инис Порхет, о живой и мертвой воде, о вкусе и удивительных свойствах сапфирного вина, именуемого «Черр», о королевских четверяшках из Эббинга, жутких надоедливых обжорках по имени Пудди, Грицци, Мицци и Хуан Пабло Вассермиллер. Рассказывал о популярных соперниками новых течениях в музыке и поэзии, которые, по мнению Лютика, были чудовищами, воспроизводящими жизненные отправления организма.

Геральт молчал. Эсси тоже или отвечала односложно. Ведьмак чувствовал на себе ее взгляд. Взгляд, которого избегал.

Через реку Адалатте переправились на пароме, причем тянуть канаты пришлось самим, поскольку паромщик пребывал в состоянии патетически опьяненной, мертвецки-белой, неподвижно трясущейся, устремленной в пространство бледности и не мог оторваться от подпирающего навес столба, за который

ухватился обеими руками, и на все вопросы отвечал одним-единственным словом, звучащим как «вург».

Местность на другом берегу Адалатте понравилась ведьмаку — лежащие вдоль реки деревни были в большинстве своем огорожены частоколом, а это давало некоторые шансы отыскать работу.

Когда утром поили лошадей, Глазок подошла к нему, воспользовавшись тем, что Лютик удалился. Ведьмак не успел отойти. Она застала его врасплох.

— Геральт, — сказала она тихонечко. — Я больше... не могу. Это выше моих сил.

Он пытался не смотреть ей в глаза. Она не позволяла, стояла, поигрывая висящей на шее голубой жемчужиной, оправленной в серебряные лепестки, а он снова жалел, что перед ним нет рыбоглазого чудовища с саблей, укрытой под водой.

— Геральт... Что-то надо делать, верно?

Она ожидала его ответа. Его слова. Немного жертвенности. Но у ведьмака не было ничего такого, чем он мог бы пожертвовать, и она знала об этом. Он не хотел лгать. А по правде говоря, и не мог, потому что не мог решиться сделать ей больно.

Положение спас Лютик, надежный Лютик, появившийся неожиданно. Лютик со своей безотказной тактичностью.

— Ну конечно же! — воскликнул он и, размахнувшись, кинул в воду прутик, которым раздвигал прибрежные заросли и гигантскую приречную крапиву. — Конечно же, вы должны что-то с этим сделать: самое время. Я не намерен бесконечно и безучастно наблюдать за тем, что творится между вами! Чего ты от него ждешь, Куколка? Невозможного? А ты, Геральт, на что рассчитываешь? На то, что Глазок прочтет твои мысли, как... Как та, другая? И что этим удовольствуется, а ты удобненько помолчишь, думая, будто не обязан ничего объяснять, что-либо заявлять, в чем-то отказывать? Не обязан раскрываться? Сколько времени, сколько фактов вам требуется, чтобы понять? И когда вы хотите понять? Через сколько лет? В воспоминаниях? Ведь завтра мы расстанемся, черт побери! Нет, с меня довольно, боги, оба вы у меня вот где сидите, вот тут вот! Хорошо, послушайте, я сейчас в орешнике

выломаю себе ветку и пойду на рыбалку, а вы останетесь только сами с собой. У вас будет время, вы сможете все друг другу сказать. Так скажите же себе все, постарайтесь понять друг друга. Это не так трудно, как кажется. А потом, о боги, сделайте это. Сделай это с ним, Куколка. Сделай это с ней, Геральт, и будь добр. А тогда, черт побери, либо у вас все пройдет, либо...

Лютик резко развернулся и ушел, ломая камыш и громко ругаясь. Сделал удочку из орехового прута и конского волоса и рыбачил дотемна.

Когда он ушел, Геральт и Эсси долго стояли, взявшись за руки и опершись о корявую вербу, наклонившуюся над глубиной. Потом ведьмак говорил, говорил тихо и долго, а глаза Глазка были полны слез.

А потом, о боги, они сделали это. Он и она.

И все было прекрасно.

10

На следующий день они устроили себе нечто вроде торжественного ужина. В попавшейся на пути деревеньке Эсси и Геральт купили освежеванного ягненка. Пока торговались, Лютик стащил немного чеснока, лука и моркови из огорода за домом. Отъезжая, они еще стянули котелок с забора за кузней. Котелок был слегка дыряв, но ведьмак заделал дыру Знаком Игни.

Ужин имел место на поляне, в глубине леса. Костер весело потрескивал, котелок побулькивал. Геральт заботливо помещивал в нем палочкой, изготовленной из ошкуренной макушки елочки. Лютик чистил лук и тер морковь. Глазок, которая понятия не имела о готовке, развлекала их игрой на лютне и скабрзными куплетами.

Это был прощальный ужин, потому что утром им предстояло расстаться. Утром каждый должен был отправиться своим путем на поиски чего-то такого, что у них, вообще-то, уже было. Но не знали они, что уже обладают этим, даже

не догадывались. Не догадывались, куда приведут их дороги, по которым завтра им предстояло отправиться. Каждому в отдельности.

Когда они наелись, напились подаренного Дроухардом пива, посплетничали и посмеялись, Лютик и Эсси устроили певческое соревнование. Геральт, заложив руки под голову, лежал на подстилке из сосновых лап и думал, что никогда не слышал таких прекрасных голосов и таких прекрасных баллад. Думал о Йеннифэр. Думал и об Эсси. И было у него предчувствие, что... Под конец Глазок на пару с Лютиком исполнили известный дуэт Цинтии и Вертверна, прелестную песню о любви, начинающуюся словами: «Немало слез я пролила...» Геральту казалось, что даже деревья наклонились, слушая их.

Потом Глазок, пахнувшая вербеной, легла рядом с ним, втиснулась ему под руку, положила голову на грудь, вздохнула два раза и спокойно уснула. Ведьмак уснул гораздо, гораздо позже.

Лютик, глядя на утасающий костер, еще долго сидел один, тихо потренькивая на лютне.

Все началось с нескольких тактов, из которых сложилась красивая, спокойная мелодия. Стихи, соответствующие мелодии, рождались одновременно с нею. Слова вплетались в музыку, застывали в ней, как мушки в прозрачно-золотистых кусочках янтаря.

Баллада рассказывала о некоем ведьмаке и некоей поэтессе. О том, как ведьмак и поэтесса встретились на берегу моря, под крики чаек, как полюбили друг друга с первого взгляда. О том, как прекрасна и сильна была их любовь. О том, как ничто, даже смерть, не в состоянии было уничтожить эту любовь и разлучить их.

Лютик знал — мало кто поверит в историю, рассказанную балладой, но не грустил об этом. Он знал, что баллады пишут не для того, чтобы им верили. Их пишут для того, чтобы волновать сердца.

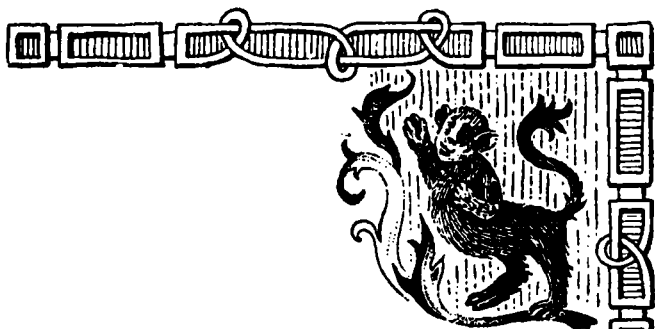
Спустя несколько лет Лютик мог бы изменить содержание баллады, написать, как все было на самом деле. Но не сделал этого. Ведь истинная история не взволновала бы никого. Кому хочется слушать о том, что ведьмак и Глазок расстались и

больше уже никогда не встретились? О том, что четыре года спустя Глазок умерла от оспы во время бушевавшей в Вызиме эпидемии? О том, как он, Лютик, пронес ее на руках между сжигаемыми на кострах трупами и похоронил далеко от города, в лесу, одинокую и спокойную, а вместе с ней, как она и просила, две вещи — ее лютню и ее голубую жемчужину. Жемчужину, с которой она не расставалась никогда.

Нет, Лютик оставил первоначальную версию баллады. Но все равно так и не спел ее. Никогда. Нигде. Никому.

Утром, еще в темноте, к бивуаку подкрался голодный и злющий оборотень, но, увидев, что это Лютик, послушал немало и ушел.

МЕЧ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

1

а первый труп он наткнулся около полудня.

Вид убитых редко волновал ведьмака, гораздо чаще ему доводилось глядеть на останки совершенно равнодушно. На этот раз равнодушен он не был.

Пареньку было лет пятнадцать. Он лежал на-взничь, широко раскинув ноги, на губах застыло что-то вроде гримасы изумления. Несмотря на это, Геральт знал, что мальчик погиб сразу, не страдал и, скорее всего, даже не знает, что умирает. Стрела попала в глаз, глубоко засев в затылочной кости. Стрела была снабжена полосатыми, покрашенными желтым, маховыми перьями фазанихи, которые торчали над метелками трав.

Геральт осмотрелся и легко нашел то, что искал: вторую стрелу, двойника первой, вонзившуюся в ствол сосны всего в шести шагах позади. Он знал,

что произошло. Мальчик не понял предупреждения, услышал свист и удар стрелы о ствол, удивился и побежал не в ту сторону, куда указывала стрела, велевшая остановиться и немедленно убираться из леса. Шипящий, ядовитый и оперенный свист, короткий звон наконечника, врезающегося в дерево. Ни шагу дальше, человек, говорил этот свист и этот удар. Прочь, человек, немедленно убирайся из Брокилона. Ты завоевал весь мир, человек, тебя везде полным-полно, ты всюду приносишь с собой то, что именуешь современностью, эрой изменений, что называешь прогрессом. Но нам здесь не нужен ни ты, ни твой прогресс. Нам не нужны перемены, которые ты несешь. Нам не нужно все то, что ты приносишь. Свист и удар. Прочь из Брокилона!

«Прочь из Брокилона, человек, — подумал Геральт. — Не имеет значения, что тебе лишь пятнадцать и ты прорываешься сквозь лес, ошалев от страха, не в состоянии отыскать дороги домой. Не имеет значения, что тебе уже семьдесят и надо идти за хворостом, иначе тебя за ненадобностью выгонят из халупы, не дадут есть. Не имеет значения, что тебе всего-то шесть лет и тебя приманили цветы, голубеющие на заливной солнцем поляне. Прочь из Брокилона! Свист и удар!»

«Раньше, — еще подумал Геральт, — прежде чем убить, предупреждали дважды. Даже трижды».

«Раньше, — подумал он, трогаясь в путь. — Раньше. Ну что ж, прогресс».

Лес, казалось, не заслуживал дурной славы, которой пользовался теперь. Правда, он был чудовищно диким и труднопроходимым, но это была обычная путаница дебрей, в которых каждый просвет, каждое солнечное пятно, пробившееся сквозь кроны, и усеянные листьями ветви больших деревьев немедленно использовались десятками молодых берез, ольх и грабов, ежевикой, можжевельником и папоротником, покрывающим густыми побегами хрустящий ковер из праха, сухих веток и поросших мхом гниющих стволов самых старых деревьев, тех, что проиграли в борьбе, тех, которые дотянули до конца дней своих. Но чаща не молчала тяжелым, злобешим молчанием, которое, казалось бы, больше соответствовало этому месту. Нет, Брокилон жил. Бренчали насекомые, шуршали под ногами

ящери, бегали радужные жуки-бегунки, тысячи пауков дергали блестящие от капель паутинки, дятлы раздвигали стволы резкими очередями ударов, верещали сойки.

Брокилон жил.

Но ведьмак не дал себя обмануть. Он знал, где находится. Помнил о мальчике со стрелой в глазу. Во мхе и игольнике замечал белые кости, по которым бегали красные муравьи.

Он шел дальше, осторожно, но быстро. Следы были свежие. Он рассчитывал на то, что успеет, сумеет задержать и вернуть людей, идущих впереди. Он льстил себя надеждой, что еще не поздно.

Но было уже поздно.

Второй труп он бы пропустил, если б не солнечный блик на клинке короткого меча, который убитый сжимал в руке. Это был взрослый мужчина. Его простая одежда привычного коричневого цвета говорила о низком происхождении. Одежда, если не считать пятен крови вокруг двух вонзившихся в грудь наконечников стрел, была чистой и новой, значит, это не слуга.

Геральт осмотрелся и увидел труп третьего человека, одетого в кожаную куртку и короткий зеленый плащ. Земля вокруг ног убитого была раскидана, мох и игольник разрыты до песка. Было ясно — этот человек умирал долго.

Геральт услышал стон.

Он быстро раздвинул кусты можжевельника, увидел замаскированную глубокую яму, оставшуюся от вывороченных корней сосны. В яме, на открытых корнях, лежал крупный мужчина с черными вьющимися волосами и такой же бородой, контрастирующими с бледной, прямо-таки трупной белизной лица. Светлый кафтан из оленьей кожи был красным от крови.

Ведмак прыгнул в яму. Раненый открыл глаза.

— Геральт... — простонал он. — О боги, да я сплю...

— Фрейксенет? — изумился ведьмак. — Ты здесь?

— Я... О-о-ох...

— Не шевелись. — Геральт опустился рядом. — Куда ты получил? Я не вижу стрелы...

— Она... прошла навылет. Я отломил наконечник и вытащил... Слушай, Геральт...

— Молчи, Фрейксенет, захлебнешься кровью. У тебя пробито легкое. Дьявольщина, надо тебя вытащить. Что вы, черт вас возьми, делаете в Брокилоне? Это владения дриад, их святая святых, отсюда никто живым не уходит. Ты знал?

— Потом... — застонал Фрейксенет и сплюнул кровью. — Потом расскажу... А сейчас вытащи меня... Ох, черт! Осторожней... О-о-ох...

— Не справлюсь. — Геральт выпрямился, осмотрелся. — Уж очень ты тяжел.

— Тогда оставь меня, — простонал раненый, — оставь. Что делать... Но спаси ее... о боги, спаси ее..

— Кого?

— Княжну... Найди ее, Геральт!

— Лежи спокойно, черт побери! Сейчас что-нибудь соображу и вытащу.

Фрейксенет тяжело закашлялся и снова сплюнул, густая, тягучая нитка крови повисла на бороде. Ведьмак выругался, выбрался из ямы, осмотрелся. Нужны были два молодых деревца. Он быстро пошел к краю поляны, где недавно видел охапку ольх.

Свист и удар.

Геральт застыл на месте. Стрела, вонзившаяся в ствол на уровне его головы, была оперена ястребиными перьями. Он посмотрел в сторону, указанную ясеневым древком, и понял, откуда стреляли. Шагах в пятидесяти была яма от еще одного вывороченного дерева, ствол, выставив наружу путаницу корней, все еще удерживал огромную кучу песчаной земли. Там чернел терновник на границе тени, крапленой более светлыми полосками березовых стволов. Не было видно никого, и он знал, что не увидит.

Он поднял обе руки. Очень медленно.

— Ceadmil! Va an Eithne maeth e Duen Canell! Essea Gwynbleidd!

На этот раз он услышал тихий щелчок тетивы и увидел стрелу, потому что ее выпустили так, чтобы он ее увидел. Отвесно вверх. Он смотрел, как она взвивается, как изменяет направление полета, как падает по кривой. И не пошевелился. Стрела вонзилась в мох почти вертикально в двух шагах от него.

Почти одновременно рядом с ней воткнулась вторая, под таким же углом. Он боялся, что следующей может уже не увидеть.

— Maeth Eithne! — крикнул он снова. — Essea Gwynbleidd!

— Glaeddyv vort! — голос словно дуновение ветра. Голос, не стрела. Он жил. Медленно расстегнул пряжку пояса, выгнул меч, отбросил далеко от себя. Вторая дриада беззвучно появилась из-за охваченного кустарниками можжевельника ствола ели, не больше чем в десяти шагах от него. Хотя она была маленькая и очень худенькая, ствол казался еще тоньше. Совершенно непонятно, как он мог ее не заметить, когда она подходила. Возможно, ее маскировала одежда — не уродующая стройной фигурки комбинация из странно сшитых лоскутков ткани множества оттенков зеленого и коричневого, усыпанная листьями и кусочками коры. У волос, перехваченных на лбу черным платочком, был оливковый цвет, а лицо пересекали полосы, нанесенные ореховой кожей.

Конечно, тетива лука была натянута и дриада целилась в него.

— Eithne... — начал он.

— Thaess aep!

Он послушно замолчал, стоя неподвижно и держа руки подальше от тела. Дриада не опустила лука.

— Duncal! — крикнула она. — Braenn! Caemm vort!

Та, что стреляла первой, выскочила из терновника, пробежала по поваленному стволу, ловко перепрыгивая через вывороченные корни. Хотя там валялась куча сухих веток, он не слышал, чтобы хоть одна хрустнула под ее ногами. Позади, близко, он услышал тихий шорох, что-то вроде шелеста листьев на ветру, и понял, что третья дриада стоит у него за спиной.

Именно она, быстро выдвинувшись сбоку, подняла его меч. У нее были волосы цвета меда, стянутые обручем из камышины. На спине покачивался полный колчан стрел.

Та, что была дальше всех, в вывороченной корнями яме, быстро приблизилась. Ее одежда ничем не отличалась от наряда подруг. На тусклых кирпично-рыжих волосах лежал венок, сплетенный из клевера и вереска. Она держала лук, не натянутый, но стрела была на тетиве.

— T'en thesse in maeth aep Eithne llew? — спросила она, подойдя ближе. Голос был очень мелодичный, глаза огромные и черные. — Ess' Gwynbleidd?

— Ae... aessea... — начал он, но слова брокилонского диалекта, певуче звучащие в устах дриады, застревают у него в горле и раздражали губы. — Вы не говорите на всеобщем? Я не очень хорошо знаю...

— An' vaill. Vort llinge, — прервала она.

— Я — Гвинблейдд, Белый Волк. Госпожа Эитнэ меня знает. Я к ней с поручением. Я уже бывал в Брокилоне. В Дуэн Канэлли.

— Гвинблейдд, — кирпичноволосая прищурилась. — Vatt' ghem?

— Да, — подтвердил он. — Ведьмак.

Оливковая гневно фыркнула, но опустила лук. Кирпичная смотрела на него широко раскрытыми глазами, а ее размазанное зелеными полосами лицо было совершенно неподвижно, мертво, как лицо статуи. Эта неподвижность не позволяла назвать ее ни красивой, ни уродливой, вместо этого напращивалась мысль о безразличии и бездушии, если не жестокости. Геральт мысленно укорил себя за такую оценку, основывающуюся на ложном очеловечивании дриад. Как-никак, а он-то должен знать, что она просто старшая из всех трех. Несмотря на кажущуюся молодость, она была гораздо, гораздо старше их.

Они стояли молча. Геральт слышал, как Фрейксенет стонет, охает и кашляет. Кирпичная тоже не могла не слышать, но лицо ее даже не дрогнуло. Ведьмак подбоченился.

— Там, в яме, — спокойно сказал он, — лежит раненый. Если ему не оказать помощи, он умрет.

— Thaess aep! — Оливковая натянула лук, направив наконец стрелы прямо в лицо Фрейксенету.

— Дадите ему сдохнуть? — сказал Геральт, не повышая голоса. — Позвольте ему вот так просто, медленно захлебнуться кровью? В таком случае уж лучше его добить.

— Заткнись! — пролаяла дриада, переходя на всеобщий, но опустила лук и ослабила тетиву. Вопросительно взглянула на кирпичную. Та кивнула, указала на яму. Оливковая подбежала быстро и бесшелестно.

— Я хочу увидеться с госпожой Эитнэ, — повторил Геральт. — У меня поручение...

— Она, — кирпичная указала на медовую, — проводит тебя в *Duen Canell*. Иди.

— Фрей... А раненый?

Дриада взглянула на него, прицурившись и продолжая играть стрелой, лежащей на тетиве.

— Не тревожься. Иди. Она тебя проводит.

— Но...

— *Va'en vort!* — обрезала она, поджав губы.

Ведьмак пожал плечами, повернулся к медноволосой, которая казалась самой младшей из всей тройки. Впрочем, он мог и ошибиться. Глаза у нее были голубые.

— Ну идем.

— Да, — тихо сказала медовая. После краткого колебания она отдала ему меч. — Пошли.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Заткнись.

Она шла через чащу очень быстро, не оглядываясь. Геральту приходилось прилагать массу усилий, чтобы поспевать за ней. Он знал, что дриада делает это умышленно, хочет, чтобы идущий следом человек увяз в густых зарослях, со стоном повалился бы на землю, обессиленный, неспособный к дальнейшему маршу. Конечно, она не знала, что имеет дело с ведьмаком, а не с человеком. Она была слишком молода, чтобы знать, что такое ведьмак.

Девушка — Геральт уже видел, что она не чистокровная дриада, — резко остановилась, повернулась. Было видно, как под сшитой из лоскутков курткой у нее бурно вздымается грудь и она с трудом сдерживается, чтобы не дышать ртом.

— Пойдем медленнее? — улынувшись, предложил он.

— *Yea*, — она неприязненно взглянула на него. — *Aeseþ esseath Sidh?*

— Нет, не эльф. Как тебя зовут?

— Браэни, — ответила она, снова трогаясь в путь, но уже медленнее, не стараясь опережать его. Они шли рядом, близко. Он чувствовал запах ее пота, обычного пота молодой девчонки. У пота дриад был запах растертых в руке листиков вербены.

— А как тебя звали раньше?

Она взглянула на него, губы у нее неожиданно искривились, он подумал, что она или крикнет, или велит ему молчать. Но она не сделала ни того ни другого. А помедлив, сказала:

— Не помню.

Геральт не очень-то поверил.

Ей можно было дать не больше шестнадцати лет, и вряд ли она пробыла в Брокилоне дольше шести-семи. Попади она сюда раньше, маленьким ребенком или даже грудным младенцем, в ней уже невозможно было бы узнать человека. Голубые глаза и натуральные светлые волосы случались и у дриад. Дети дриад, зачатые в разрешенных церковью контактах с эльфами либо людьми, перенимали свойства организма исключительно от матерей, к тому же это всегда были девочки. Однако невероятно редко и, как правило, в каком-то из последующих поколений рождался ребенок с глазами либо волосами неведомого мужского предка. Но сейчас Геральт был уверен, что у Браэни не было и капли дриадской крови. Впрочем, это не имело особого значения. По крови или не по крови, теперь она была дриадой.

— А тебя, — она искоса глянула на него, — как зовут?

— Гвинблейдд.

— Ну идем, Гвинблейдд, — кивнула она.

Теперь они шли медленнее, но все же достаточно быстро. Браэни, конечно, знала Брокилон, один Геральт не смог бы удержать ни темпа, ни нужного направления. Браэни проскальзывала сквозь путаницу зарослей по извивающимся, замаскированным тропинкам, переходила яры и распадки, ловко, словно по мосткам, по поваленным стволам, смело шлепала по зеленым от ряски, блестящим площадкам трясин, на которые ведьмак не осмелился бы ступить и потерял бы часы, если не дни, чтобы обойти их. Присутствие Браэни защищало его не только от дикости леса — были места, в которых дриада замедляла шаг, двигалась очень осторожно, ощущивая тропинку ногой и держа его за руку. Он знал почему. О ловушках Брокилона ходили легенды — волчьи ямы, утыканные заостренными колями, самострелы, падающие деревья, страшные «ежи» — игольчатые шары на веревках, неожиданно падающие и очищающие тропинки от чужаков. Встречались места, в которых Браэни за-

держивалась и мелодично свистела, а из зарослей ей отвечали тем же. Иногда она приостанавливалась, держа руку на стреле в колчане, приказывая ему не шуметь, и напряженно выжидала, пока то, что шелестело в чаще, удалялось.

Как ни быстро они шли, все же пришлось остановиться на ночь. Браэнн выбрала соответствующее место — на пригорке, на который разность температур приносила порывы теплого воздуха. Они спали на высохшем папоротнике, по обычаю дриад очень близко друг к другу. В середине ночи Браэнн обняла его, крепко прижалась. И ничего больше. Он тоже обнял ее. И ничего больше. Она была дриадой. Важно было только сохранить тепло.

На рассвете, еще почти в темноте, они двинулись дальше.

2

Они пересекали полосы лесистых холмов, переходили низинки, заполненные туманом, шли через просторные травянистые поляны, через буреломы.

Наконец Браэнн в очередной раз остановилась, осмотрелась. Казалось, она потеряла дорогу, но Геральт знал, что это невозможно. Однако, воспользовавшись остановкой, он присел на поваленный ствол.

И тут услышал крик. Тонкий. Высокий. Отчаянный.

Браэнн мгновенно упала на колени, вытянув из колчана одновременно две стрелы. Одну схватила зубами, вторую поставила на тетиву, натянула лук, целясь вслепую, сквозь кусты, на голос.

— Не стреляй! — крикнул он, перепрыгнул через ствол, продрался сквозь заросли.

На небольшой полянке у основания каменистого обрыва, прижавшись спиной к стволу засохшего граба, стояла маленькая девушка в серой курточке. В каких-нибудь пяти шагах от нее, медленно раздвигая траву, что-то двигалось. В этом темно-коричневом «что-то» было около двух сажен длины. В первое мгновение Геральт подумал, что это змея. Но увидел желтые,

подвижные, крючкообразные конечности, плоские сегменты длинного туловища и понял — не змея. Гораздо хуже.

Прижавшись к стволу, девчушка тонко пискнула. Гигантская многоножка приподняла над травой длинные дрожащие сяжки, ловила ими запах и тепло.

— Не двигайся! — рявкнул ведьмак и топнул, чтобы привлечь внимание сколопендроморфа. Но многоножка не отреагировала, она уже учуяла запах близкой жертвы. Чудовище пошевелило конечностями, свернулось буквою «S» и двинулось вперед. Его ярко-желтые лапы равномерно, словно весла галеры, мелькали в траве.

— Yghern! — крикнула Браэни.

Геральт двумя прыжками влетел на поляну, на бегу выхватывая меч из ножен на спине, с размаху бедром ударил окаменевшую под деревом девочку, откинув ее в сторону, в кусты ежевики. Сколопендроморф зашелестел в траве, задробил конечностями и кинулся на него, подняв передние сегменты и клацая челюстями, блестящими от покрывающего их яда. Геральт заплясал, перескочил через плоское туловище и с полуоборота рубанул мечом, целясь в незащищенное место между броневыми плитками на туловище. Однако чудовище оказалось очень прытким, меч ударил в хитиновый панцирь, не разрубив его, — толстый ковер мха самортизировал удар. Геральт отскочил, но недостаточно ловко. Сколопендроморф с чудовищной силой обернул заднюю часть тела вокруг его ног. Ведьмак упал, перевернулся и попытался вырваться. Безуспешно.

Многоножка выгнулась и развернулась так, чтобы дотянуться до него челюстями, при этом резко заскребла когтями о дерево, проползла по нему. В этот момент над головой Геральта просвистела стрела, с хрустом пробила панцирь существа и пригвоздила его к стволу. Многоножка свилась, сломала стрелу и освободилась, но тут же в нее угодили еще два снаряда. Ведьмак, ударом ноги откинув от себя трепещущие останки, отскочил в сторону.

Браэни, стоя на коленях, била из лука в невероятном темпе, всаживая в сколопендроморфа стрелу за стрелой. Многоножка ломала стрелы и освобождалась, но новая стрела снова прибывала ее к стволу. Плоская блестящая темно-рыжая голова

существа металась из стороны в сторону, щелкала челюстями в тех местах, куда попадали стрелы, бездумно пытаясь дотянуться до разящего ее врага.

Геральт подскочил сбоку и, широко размахнувшись, рубанул мечом, закончив борьбу одним ударом. Дерево сыграло роль палаческой плахи. Браэнн, не опуская лука, медленно подошла, пхнула извивающееся в траве, перебирающее конечностями тело, плюнула на него.

— Благодарю, — сказал ведьмак, давя отрубленную голову многоножки ударами каблука.

— Чего?

— Ты спасла мне жизнь.

Дриада взглянула на него. В этом взгляде не было ни понимания, ни эмоций.

— *Yghern*, — сказала она, пнув ботинком свернувшееся туловище. — Он поломал мне шипы.

— Ты спасла жизнь мне и вон той маленькой дриаде, — повторил Геральт. — Черт возьми, где она?

Браэнн ловко раздвинула кусты ежевики, просунула руку меж игольчатых ветвей.

— Так я и думала, — сказала она, вытаскивая из кустов девочку в серой курточке. — Глянь сам, Гвинблейдд.

Это не была дриада. Это не был ни эльф, ни пак, ни сильфида или низушек. Это было обыкновеннейшее на свете дитя человеческое. Девочка. В центре Брокилона, самом наименее обычном месте для самых обычных человеческих детенышей.

У нее были светлые, мышино-серые волосы и огромные, ядовито-зеленые глаза. Ей было не больше десяти лет.

— Ты кто? — спросил Геральт. — Откуда ты тут взялась?

Она не ответила. «Где-то я ее уже видел, — подумал он. — Где-то я ее уже однажды видел. Ее или кого-то, страшно на нее похожего».

— Не бойся, — неуверенно сказал он.

— А я и не боюсь, — невнятно буркнула она. У нее явно был насморк.

— Смятшаемся отсюда, — неожиданно проговорила Браэнн, оглядываясь. — Там, где есть один игерн, жди другого. А у меня осталось мало шипов.

Девочка взглянула на нее, раскрыла рот, отерла мордашку обратной стороной ладони, размазывая пыль.

— Кто ты, черт побери? — наклонившись, повторил Геральт. — Что ты делаешь в Бро... В этом лесу? Как сюда попала?

Девочка опустила голову и шмыгнула носом.

— Отглохла? Я спрашиваю, кто ты? Как тебя зовут?

— Цири, — хлопнула она.

Геральт повернулся. Браэни, рассматривая лук, глядела на него.

— Слушай, Браэни...

— Чего?

— Неужели возможно... неужели возможно... чтобы она... удрала от вас из Дуэн Канэлли?

— Чего?

— Не прикидывайся идиоткой, — вспыхнул он. — Я знаю, что вы похищаете девочек. А ты сама, что, в Брокилон с неба свалилась? Я спрашиваю, возможно ли это...

— Нет, — отрезала дриада. — Я ее никогда в глаза не видела.

Геральт внимательно рассмотрел девочку. Ее пепельно-серые волосы были растрепаны, полны иголок и листиков, но пахли чистотой, не дымом, не хлебом или жиром. Руки, хоть невероятно грязные, были маленькие и нежные, без шрамов и синяков. Мальчишеская одежда, курточка с красным капюшоном ни о чем не говорили, но высокие сапожки были изготовлены из мягкой дорогой телячьей кожи. Нет, это наверняка не деревенский ребенок. «Фрейксенет, — вдруг подумал Геральт. — Ее искал Фрейксенет. За ней пошел в Брокилон».

— Откуда ты, спрашиваю, малюшка?

— Как ты разговариваешь со мной! — Девчушка гордо подняла голову и топнула ножкой. Мягкий мох свел на нет эффект этого движения.

— Ха, — сказал ведьмак и усмехнулся. — И верно, княжна. Во всяком случае, судя по разговору, потому что вид у тебя никудышный. Ты из Вердэна, верно? Знаешь, что тебя ищут? Не волнуйся, я отведу тебя домой. Слушай, Браэни...

Стоило ему отвернуться, как девчонка моментально развернулась и кинулась бегом через лес по пологому склону холма.

— Bloede turd! — воскликнула дриада, потянувшись к колчану. — Caemm'ere!

Девочка, спотыкаясь, мчалась напрямую сквозь лес, хрустя сухими ветками.

— Стой! — крикнул Геральт. — Куда ты, зараза!

Браэни мгновенно натянула лук. Стрела ядовито засвистела, летя по плоской параболе, наконечник со звоном врезался в ствол, чуть не задев волосы беглянки. Малышка сторбилась и припала к земле.

— Ты, чертова идиотка! — крикнул ведьмак, приближаясь к дриаде.

Браэни ловко вытянула из колчана вторую стрелу.

— Ты же могла ее убить!

— Это Брокилон! — гордо проговорила она.

— А это ребенок!

— Ну и что?

Он взглянул на стрелу. На ней были полосатые перья из маховых крыльев фазанихи, покрашенные желтым в отваре коры. Он не произнес ни слова. Повернулся и быстро пошел в лес.

Девочка лежала под деревом, съжившись, осторожно приподняв голову и глядя на стрелу, торчащую в стволе. Услышав его шаги, она вскочила, но он, прыгнув, поймал ее и схватил за красный капюшон курточки. Она повернула голову и взглянула на него, потом на руку, державшую капюшон. Он отпустил ее.

— Почему ты убежала?

— А тебе-то что? — хлюпнула она носом. — Оставь меня, ты... ты...

— Глупая девчонка, — зло зашипел он. — Это Брокилон. Тебе мало сороконожки? Одна ты в здешнем лесу не дотянешь и до утра. Ты еще не поняла?

— Не прикасайся ко мне! — взвизгнула она. — Ты, холоп, ты... Я — княжна, не думай! Понял?

— Ты глупая малявка.

— Я княжна!

— Княжны одни по лесу не гуляют. У княжен бывают чистые носы.

— Я велю отрубить тебе голову! И ей тоже! — Девочка вытерла нос ладонью и враждебно взглянула на подходившую дриаду. Браэнн рассмеялась.

— Ну хорошо, хватит вопить, — прервал ведьмак. — Почему ты убежала, княжна? И куда? И чего боишься?

Она молчала, потягивая носом.

— Ну ладно, твое дело, — он подмигнул дриаде. — Мы пошли. Хочешь остаться в лесу одна — твоя воля. Но в другой раз, когда на тебя нападет игери, не ори. Княжнам это не подобает. Княжны умирают, даже не пикнув, предварительно, конечно, вытерев нос дочиста. Пошли, Браэнн. Прощай, ваше высочество.

— По... погоди...

— Ну?

— Я пойду с вами.

— Ты окажешь нам великую честь. Верно, Браэнн?

— Но ведь ты не отведешь меня обратно к Кистрину. Клянешься?

— Кто такой... — начал он. — А, черт! Кистрин? Князь Кистрин? Сын короля Эрвилла из Вердэна?

Девочка надула маленькие губки, шмыгнула носом и отвернулась.

— Хватит играть, — урюмо бросила Браэнн. — Идем.

— Сейчас, сейчас, — выпрямился ведьмак и глянул на дриаду сверху. — Планы немного меняются, прекрасная моя лучница.

— Чего? — подняла брови Браэнн.

— Госпожа Эитнэ подождет. Надо отвести девчонку домой. В Вердэн.

Дриада прищурилась и потянулась к колчану.

— Никуда вы не пойдете. Ни ты, ни она.

— Осторожней, Браэнн, — скверно усмехнувшись, сказал ведьмак. — Я не мальчик, которому ты вчера из засады всадила стрелу в глаз. Я умею защищаться.

— Bloede arss! — прошипела она, поднимая лук. — Ты идешь в Duen Canell, она тоже! Не в Вердэн!

— Нет! Не в Вердэн! — Пепельноволосая девочка прильнула к дриаде, прижалась к ее худенькому бедру. — Я с

тобой! А он пусть идет в Вердэн один, к глупому Кистрину, если ему так хочется!

Браэни даже не взглянула на нее. Она не сводила глаз с Геральта, но лук опустила.

— 'Ss turd! — сплюнула она ему под ноги. — Да! А, иди куда глаза глядят! Посмотрим, сумеешь ли. Сдохнешь, прежде чем выберешься из Брокилона.

«Она права, — подумал Геральт. — Шансов никаких. Без нее и из Брокилона не выйду, и до Дуэн Канэлли не дойду. Что делать, посмотрим, может, удастся убедить Эитнэ».

— Ну Браэни, — проговорил он примирительно и улыбнулся. — Не злись, красавица. Хорошо, пусть будет по-твоему. Пошли вместе в Дуэн Канэлли. К госпоже Эитнэ.

Дриада буркнула что-то себе под нос и сняла стрелу с тетивы.

— Тогда пошли, — сказала она, поправляя повязку на волосах. — Много времени потеряли.

— О-о-о, — простонала девочка, сделав шаг.

— В чем дело?

— Что-то... с ногой.

— погоди, Браэни! Иди, малышня, возьму на плечи.

Она была тепленькая и пахла мокрым воробушком.

— Как тебя зовут-то, княжна? Запомню.

— Цири.

— А где твои владения, позволь спросить?

— Не скажу, — буркнула она. — Не скажу, и все тут.

— Ну что ж, переживу. Не вертись и не чихай мне в ухо.

Что ты делаешь в Брокилоне? Потерялась? Заблудилась?

— Как же! Я никогда не блужу... блудю...

— Не вертись. Сбежала от Кистрина? Из замка Настрог? До или после обручения?

— Откуда ты знаешь? — Она снова чихнула.

— Я, понимаешь ли, невероятно умный. Почему убежала именно в Брокилон? Что, не было направлений побезопасней?

— Глупый конь понес.

— Лжешь, княжна. При твоей-то фигуре ты могла забраться самое большее на кота. К тому же ласкового.

— Ехал Марк. Оруженосец рыцаря Воймира. А в лесу конь упал и сломал ногу. И мы потерялись.

— Ты же сказала, что с тобой такого не случается.

— Так ведь заблудился же он, а не я. Был туман. И мы потерялись.

«Потерялись, — подумал Геральт. — Бедный оруженосец рыцаря Воймира, которому выпало счастье наткнуться на Бранни и ее спутниц. Сопляк, вероятно, не знающий женщин, помогает сбежать зеленоглазой соплячке, потому что наслушался рыцарских рассказов о девицах, принуждаемых к замужеству. Помогает бежать для того, чтобы пасть от крашеной стрелы дриады, вероятно, не знавшей мужчин. Но уже умеющей убивать».

— Я спросил, ты сбежала из замка Настрог до или после обручения?

— Сбежала, и все тут, тебе-то какое дело, — проворчала Цири. — Бабушка сказала, что я должна туда поехать и познакомиться с этим Кистрином. Только познакомиться. А его отец, этот брюхатый король...

— Эрвилл...

— ...сразу: обручаться — и точка. А я его не хочу. Этого Кистрина. Бабушка сказала...

— Так тебе противен князь Кистрин?

— Я не хочу его, — гордо сообщила Цири, музыкально потянув носом. — Он толстый, глупый и у него скверно пахнет изо рта. Прежде чем я туда поехала, мне показали портретик. А на портретике он толстым не был. Не хочу я такого мужа. И вообще — не хочу я никакого мужа.

— Цири, — неуверенно проговорил ведьмак, — Кистрин еще ребенок, как и ты. Через несколько лет из него может получиться вполне приятный юноша.

— Ну так пусть мне пришлют другой портретик через несколько лет, — фыркнула она. — И ему тоже. Потому как он сказал мне, что на портрете, который ему показали, я была гораздо красивее. И признался, что любит Альвину, фрейлину двора, и хочет быть ее рыцарем. Видишь? Он меня не хочет, и я его не хочу. Так зачем же обручаться?

— Цири, — проворчал ведьмак. — Он — князь, ты — княжна. Князья и княжны женятся именно так, а не иначе. Таков обычай.

— Ты говоришь, как все они. Думаешь, если я маленькая, то мне можно наврать?

— Я не вру.

— Врешь.

Геральт замолчал. Браэни, шедшая впереди, оглянулась, удивленная, вероятно, тишиной. Пожав плечами, пошла дальше.

— Куда мы идем? — угрюмо спросила Цири. — Я желаю знать!

Геральт молчал.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — проговорила она грозно, подтвердив приказ громким хлопаньем забитого вконец носа. — Ты знаешь, кто... кто на тебе сидит?

Он не отреагировал.

— Отвечай, не то укушу за ухо! — крикнула она.

Ведьмаку это надоело. Он стащил девчонку с закорков и поставил на землю.

— Слушай, ты, соплинка, — сказал он резко, расстегивая пряжку ремня. — Сейчас я положу тебя на колено, стяну трусики и всыплю по попке ремнем. Никто меня не удержит, потому что здесь не королевский двор, а я тебе не придворный и не слуга. Сразу пожалеешь, что не осталась в Настроге. Поймешь, что лучше быть княжной, нежели потерявшейся в лесу соплячкой. Потому что княжна — ты права — может вести себя несносно. И даже тогда княжну никто не посмеет отстегать по попке ремнем, разве что князь. Лично.

Цири скорчилась и несколько раз шмыгнула носом. Браэни, опершись о дерево, равнодушно глядела на них.

— Ну как? — спросил ведьмак, накручивая ремень на руку. — Будешь вести себя прилично и достойно? Если нет, приступаем к порке ее королевского высочества. Ну? Да или нет?

Девочка захлопала и зашмыгала носом, потом поспешно кивнула несколько раз.

— Будешь себя вести прилично, княжна?

— Буду, — буркнула она.

— Скоро стемнеет, — проговорила дриада. — Пошли, Гвинблейдд.

Лес поредел. Они шли через песчанистые молодняки, через вересковые заросли, через затянутые мглой луга, на которых паслись стада оленей. Становилось все холодней.

— Благодородный господин... — проговорила Цири после очень долгого молчания.

— Меня зовут Геральт. В чем дело?

— Я ужасненько хочу есть.

— Сейчас остановимся. Скоро стемнеет.

— Я не выдержу, — захныкала она. — Я не ела с...

— Не канючь. — Он полез в мешок, вытащил кусок солонины, небольшой кружок сыра и два яблока. — Получай.

— Что это такое, то, желтое?

— Солонина.

— Я это есть не стану, — буркнула она.

— Ну и прекрасно, — сказал он невинтно, засовывая солонину в рот. — Съешь сыр. И яблоко. Одно.

— Почему одно?

— Не крутись. Съешь оба.

— Геральт?

— Э?

— Благодарю.

— Не за что. Ешь на здоровье.

— Я не... Я не за это. За это тоже, но... Ты спас меня от той тысяченожки... Бррр... Я чуть было не умерла со страху...

— Чуть не умерла, — серьезно подтвердил он и при этом подумал: «Чуть не умерла исключительно болезненным и мерзостным образом». — А благодарить ты должна Браэнн.

— Кто она?

— Дриада.

— Духобаба?

— Да.

— Так она нас... Они похищают детей?! Она нас похитила? Э-э-э, ты же не ребенок. А почему она так странно разговаривает?

— Говорит как говорит. Разве это важно? Важно, как она стреляет. Не забудь ее поблагодарить, когда остановимся.

— Не забуду, — она засопела.

— Не вертись, княжна, будущая княгиня Вердэна.

— Не буду я, — буркнула она, — никакой княгиней.

— Хорошо, хорошо. Не будешь княгиней. Станешь хомячком и будешь жить в норке.

— Неправда! Ничего ты не знаешь!

— Не пищи мне в ухо. И не забывай о ремне!

— Я не буду княгиней. Я буду...

— Ну? Кем?

— Секрет.

— Ах вот оно что. Секрет. Прелестно. — Он поднял голову. — Что случилось, Браэни?

Дриада остановилась, пожала плечами, поглядела на небо.

— Я устала, — сказала она мягко. — И ты, наверно, устал тащить ее, Гвинблейдд. Тут остановимся. Сейчас стемнеет.

3

— Цири?

— У? — Она потянула носом, шелестя веточками, на которых лежала.

— Не холодно?

— Нет, — вздохнула она. — Сегодня тепло. Вот вчера... Вчера я ужасненько замерзла, ой-ей.

— Чудно, — заметила Браэни, расслабляя ремешки длинных мягких сапожков. — Такая малышка, а так далеко в лес зашла. И мимо дозорных прошла, и через мочагу прошла, и через чащобу. Крепкая, здоровая и храбрая. Она взаправду годится... Годится нам.

Геральт быстро взглянул на дриаду, на ее блестящие в полумраке глаза. Браэни оперлась спиной о дерево, сняла повязку, рассыпала волосы движением головы.

— Она вошла в Брокилон, — проговорила тихо, упреждая комментарии Геральта. — Она наша, Гвинблейдд. Мы идем в Duen Canell.

— Госпожа Эитнэ решит, — кисло улыбнулся ведьмак, понимая в то же время, что Браэни права.

«Обидно, — подумал он, глядя на вертящуюся на зеленой постели девочку. — Такая бойкая малышка. Где я ее уже

видел? Неважно. Но обидно. Мир так велик и так прекрасен. А ее миром будет всего лишь Брокилон, до конца дней ее. Быть может, немногих дней. Может, только до того дня, когда она упадет в папоротники под свист стрел и крики, погибнет в бессмысленной бойне за лес на стороне тех, кому суждено проиграть. Суждено. Рано или поздно».

— Цири?

— А?

— Где живут твои родители?

— У меня нет родителей, — потянула она носом. — Они утонули в море, когда я была маленькой.

«Так, — подумал он, — это многое объясняет. Княжна, дитя покойной княжеской пары. Кто знает, не третья ли дочь после четырех сыновей. Титул, практически значащий меньше, чем титул камергера или конюшего. Болтающееся при дворе пепельноволосое и зеленоглазое нечто, которое надобно как можно скорее пристроить, выдать замуж. Как можно скорее, пока она не успела созреть и превратиться в маленькую женщину, грозящую скандалом, мезальянсом или инцестом, что вовсе не так уж и сложно в общей дворцовой спальне».

Ее бегство не удивляло ведьмака. Он уже не раз сталкивался с княжнами и даже королевами, таскавшимися с трупами бродячих актеров и радовавшихся, что им удалось сбежать от дряхлых, но все еще жаждущих потомка королей. Он видывал принцев, предпочитавших неверную судьбу наемника подысканной отцом хромой или рябой принцессе, застарелое или сомнительное девичество которой должно было стать ценой союза и династического родства.

Он прилег рядом с девочкой, укрыл ее курткой.

— Спи. Спи, сиротинушка.

— Как же! — проворчала она. — Я княжна, а никакая не эта... сиротинушка. И у меня есть бабушка. Моя бабушка — королева, не думай. Вот скажу, что ты хотел меня вздуть ремнем, так моя бабушка велит тебе голову отрубить. Вот увидишь тогда.

— Ужасно! Цири, смилостивься!

— Как же, жди!

— Но ведь ты добрая девочка. Когда голову отрубают, это ужасно больно. Ну обещай, что ничего не скажешь.

— Скажу!
— Цири!
— Скажу, скажу, скажу! Испугался, да?
— Страшно. Знаешь, Цири, когда человеку отрубают голову, от этого можно умереть.

— Смеешься?
— Как я смею!
— Сразу перестанешь смеяться! С моей бабушкой шутки плохи, как топнет ногой, так самые храбрые воины и рыцари падают перед ней на колени, я сама видела. А если кто непослушный, то ррраз — и головы нет.

— Страшно. Цири?
— А?
— Пожалуй, тебе голову... отрубят.
— Мне?
— Угу. Ведь твоя бабушка-королева договорилась о твоём замужестве с Кистрином и послала тебя в Вердэн в Настрог. Ты была непослушной. Как только вернешься... Ррраз! И нет головы.

Девочка замолчала, перестала даже крутиться. Он слышал, как она чмокает, грызя верхнюю губу зубками, как хлопает носом.

— Неправда, — сказала она наконец. — Бабушка не позволит отрубить мне голову, потому что... Потому что это моя бабушка, разве нет? Ну самое большее получу по...

— Так, — засмеялся Геральт. — С бабушкой шутки плохи? Ты уже познакомилась с розгами?

Цири гневно фыркнула.

— Знаешь что? — предложил он. — Мы, пожалуй, скажем бабушке, что я тебя уже вздул, а дважды за одно и то же наказывать нельзя. Договорились?

— Думаешь, больно умный? — Цири приподнялась на локте, шестая ветками. — Если бабушка узнает, что ты меня побил, тут уж голову тебе наверняка отрубят!

— Стало быть, тебе все-таки жалко моей головы?

Девочка замолчала, снова потянула носом.

— Геральт?

— Что, Цири?

— Бабушка знает, что я должна вернуться. Я не могу быть никакой княгиней или женой этого глупого Кистрина. Я должна вернуться, и все тут.

«Должна, — подумал он. — Увы, это не зависит ни от тебя, ни от твоей бабки. А только от настроения старой Эйтнэ. И от моих способностей убеждать».

— Бабушка это знает, — продолжала Цири. — Потому что я... Геральт, поклянись, что никому не скажешь. Это страшная тайна. Ужасненькая, говорю тебе. Поклянись.

— Клянусь.

— Тогда скажу. Моя мама была волшебница, не думай. И мой папа тоже был заколдован. Все это рассказала мне одна няня, а когда бабушка узнала, то был страшный скандал. Потому что я, понимаешь, предназначена.

— Чему?

— Не знаю, — возбужденно проговорила Цири. — Но я предназначена. Так говорила няня. А бабушка сказала, что не позволит, что скорее весь этот хоррел... хоррерный замок рухнет. Понял? А няня сказала, что против Предназначения ничего, ну прям совсем ничегошеньки не поможет. Ха! А потом няня плакала, а бабушка кричала. Видишь? Я предназначена. И не буду я женой глупого Кистрина. Геральт?

— Спи. — Он зевнул так, что хрустнула челюсть. — Спи, Цири.

— Расскажи мне сказку.

— Что-о?

— Сказку мне расскажи, — фыркнула она. — Как же я усну без сказки? Давай, давай!

— Не знаю я, черт побери, никаких сказок. Спи.

— Не лги. Знаешь. Когда был маленький, то что, тебе никто сказок не рассказывал? Ты чего смеешься?

— Ничего. Так, вспомнил кое-что.

— Ага! Вот видишь! Ну так расскажи.

— Что?

— Сказку.

Он снова засмеялся, подложил руки под голову, глядя на звезды, помигивающие из-за ветвей над их головами.

— Жил-был... кот, — начал он. — Такой обычный, поло-сатый мышелов. И однажды этот кот пошел один-одинешенек на дальнюю прогулку в страшный темный лес. Ну шел он, шел... шел... шел...

— Ты не думай, — проворчала Цири, прижимаясь к нему, — что я усну, прежде чем он дойдет.

— Тихо, малышня. Да... Шел он, значит, шел и встретил лису. Рыжую лису.

Браэни вдохнула и легла рядом с ведьмаком, по другую сторону, тоже легонько прижавшись к нему.

— Ну, — Цири потянула носом. — Рассказывай же, что было дальше.

— Посмотрела лиса на кота. Кто ты? — спрашивает. Кот отвечает: кот. Ха-ха, сказала лиса, и не боишься ты, кот, один-то по лесу бродить? А если вдруг король отправится на охоту, то как? С собаками, с загонщиками на конях? Говорю тебе, кот, говорит лиса, охота — это страшная беда для таких, как ты и я. У тебя шубка, у меня шубка, ловчие никогда не пропускают таких, как мы, потому что у ловчих есть невесты и любовницы, а у тех лапки мерзнут и шеи, вот и делают из нас воротники и муфты этим девочкам.

— Что такое муфты? — спросила Цири.

— Не прерывай! И добавила лиса: я, кот, знаю, как их перехитрить, у меня против таких охотников тысяча двести восемьдесят шесть способов, такая я хитрая. А у тебя, кот, сколько способов против ловчих?

— Ах какая прекрасная сказка, — сказала Цири, прижимаясь к ведьмаку еще крепче. — Ну рассказывай же, что ей кот-то?

— Ага, — шепнула с другой стороны Браэни. — Кот-то чего?

Ведьмак повернул голову. Глаза дриады блестели, рот был полуоткрыт, и язычком она облизывала губы. «Ясно, — подумал он. — Маленькие дриады тоскуют по сказкам. Как и маленькие ведьмаки. Потому что и тем и другим редко кто рассказывает сказки на сон грядущий. Маленькие дриады засыпают, вслушиваясь в шум деревьев. Маленькие ведьмаки засыпают, вслушиваясь в боль мышц. У нас тоже горели глаза,

как у Браэни, когда мы слушали сказки Весемира там, в Каэр Морхене... Но это было давно... Так давно...»

— Ну, — не выдержала Цири. — Что дальше?

— А кот в ответ: у меня нет никаких способов. Я умею только одно — шмыг на дерево. Этого достаточно, как ты думаешь? Ну лиса в смех. Эх, говорит, ну и глупец же ты. Задирай свой полосатый хвост и удирай быстрее, погибнешь здесь, если тебя ловцы окружают. И вдруг тут ни с того ни с сего как затрубят рога! Да как выскочат из кустов охотники! Увидели кота с лисой — и на них!

— Ой-ей, — хлопнула носом Цири, а дриада резко пошевелилась.

— Тише. И ну кричать да верещать, давайте, орут, сдерем с них шкуры! На муфты их, на муфты! И начали травить собаками лису и кота. А кот шмыг на дерево, по-кошачьи. На самую макушку. А собаки лису цап! Не успела рыжая воспользоваться ни одним из своих хитрых способов, как, глянь, уже превратилась в воротник. А кот с макушки дерева намяукал и нафыркал на этих охотников, и они ничего не могли ему сделать, потому что дерево было высокое, ну прямо до неба. Постояли они внизу, постояли, побранились да и ушли ни с чем. И тогда кот слез с дерева и спокойно вернулся домой.

— И что дальше?

— А ничего. Тут и сказке конец.

— А мораль? — спросила Цири. — У сказок всегда бывает мораль, разве нет?

— Чего? — отозвалась Браэни, сильнее прижимаясь к Геральту. — Что такое мораль?

— У хорошей сказки всегда бывает мораль, а у плохой нет морали, — проговорила Цири убежденно и при этом в который раз хлопнула носом.

— Это была хорошая, — зевнула дриада. — Значит, у нее есть то, что должно быть. Надобно было, кроха, перед игерном на дерево лезть, как тот умный котяра. Не размышлять, а сразу — пиши — на дерево. Вот тебе и вся мораль. Выжить! Не даться!

Геральт тихо засмеялся.

— В дворцовом парке деревьев не было, Цири? В Настроге? Вместо Брокилона могла бы влезть на дерево и сидеть там, на самой макушке, пока у Кистрина не прошла бы охота жениться.

— Смеешься?

— Ага.

— Тогда знаешь что? Не люблю тебя.

— Это ужасно, Цири. Ты поразила меня в самое сердце.

— Знаю, — поддакнула она серьезно, потянув носом, а потом крепко прижалась к нему.

— Спи спокойно, Цири, — проворчал он, вдыхая ее милый воробьиный аромат. — Спи спокойно, девочка. Спокойной ночи, Браэнн.

— Dearme, Gwynbleidd.

Брокилон шумел над их головами миллиардами ветвей и сотнями миллиардов листьев.

4

На следующий день они добрались до Деревьев. Браэнн опустилась на колени, наклонила голову. Геральт почувствовал, что должен сделать то же. Цири удивленно вздохнула.

Деревья — в основном дубы, тисы и гикори — были по несколько сажен в обхвате. Определить их высоту было невозможно, так далеко в небо уходили их кроны. Даже те места, где могучие, искривленные корни переходили в ровный ствол, возвышались далеко над их головами. Здесь можно было идти быстрее — гиганты росли редко, а в их тени не выдерживало ни одно растение, почву покрывал лишь ковер из преюющих листьев.

Можно было идти быстрее, но они шли медленно. Тихо. Склонив головы. Здесь, меж Деревьев, они были маленькими, ничего не значащими, несущественными. Даже Цири молчала — за полчаса не произнесла ни слова.

Через час они миновали полосу Деревьев и снова погрузились в долины, во влажные буковины.

Насморк докучал Цири все больше, у Геральта не было носового платка; но ему надоело ее бесконечное хлюпанье, и он научил ее сморкаться при помощи пальцев. Девочке это страшно понравилось. Глядя на ее улыбку и блестящие глаза, ведьмак был уверен, что ее радует мысль о том, как вскоре она сможет похвастаться новым фокусом во время торжественного пира при дворе или аудиенции заморского посла.

Браэни вдруг остановилась, повернулась.

— Gwynbleidd, — сказала она, снимая зеленый платок, обмотанный вокруг локтя. — Иди сюда. Я завяжу тебе глаза. Так надо.

— Знаю.

— Я тебя поведу. За руку.

— Нет, — запротестовала Цири. — Я поведу. Браэни?

— Хорошо, малышка.

— Геральт?

— Да?

— Что значит Гвин... блейдд?

— Белый Волк. Так меня называют дриады.

— Осторожней, корень. Не споткнись! Тебя так называют, потому что у тебя белые волосы?

— Да... А, черт!

— Я же сказала, корень.

Они шли. Медленно. Под ногами было скользко от опавших листьев. Он почувствовал на лице тепло, свет солнца пробился сквозь прикрывающий глаза платок.

— Ох, Геральт, — услышал он голос Цири. — Как здесь красиво... Жаль, ты не можешь видеть. Сколько цветов. И птиц. Слышишь, как поют? Ох, сколько их здесь! Множество. О, и белочки. Осторожнее, сейчас будем переходить речку по каменному мостику. Не упади в воду. Ох, сколько тут рыбок! Полным-полно. Знаешь, они плавают в воде! А сколько звешушек, ой-ей! Наверно, нигде столько нет...

— Нигде, — проворчал он. — Здесь — Брокилон.

— Что?

— Брокилон. Последнее Пристанище.

— Не понимаю...

— Никто не понимает. Никто не хочет понять.

5

— Сними платок, Gwynbleidd. Теперь можно. Мы на месте.

Браэнн стояла по колено в густом покрове тумана.

— Duen Canell, — показала она рукой.

Дуэн Канэлли. Место Дуба. Сердце Брокилона.

Геральт уже дважды бывал здесь. Но никому не рассказывал. Никто бы не поверил.

Котловина, замкнутая кронами огромных зеленых деревьев. Купающаяся в тумане и испарениях, истекающих из земли, от скал, из горячих источников. Котловина...

Медальон на шее слегка дрогнул.

Котловина, купающаяся в тумане. Duen Canell. Сердце Брокилона.

Браэнн подняла голову, поправила колчан на спине.

— Пойдем. Дай ручку, кроха.

Вначале котловина казалась вымершей, покинутой. Но вскоре раздался громкий модулированный свист, и по едва заметным ступеням из трутовиков, спирально охватывающих ближайший ствол, ловко спустилась стройная темноволосая дриада, одетая, как все, в пятнистую маскирующую одежду.

— Cead, Braenn.

— Cead, Sirussa. Va'n vort maeth Eithne a?

— Neen, aefder, — ответила темноволосая, рассматривая ведьмака глазами с поволокой. — Ess'aen Sidh?

Она улыбнулась, блеснув белыми зубками. Она была необычайно красива. Даже по человеческим меркам. Геральт почувствовал себя неуверенно и глуповато, сознавая, что дриада без стеснения оценивает его.

— Neen, — покачала головой Браэнн. — Ess' vatt'ghern, Gwynbleidd, a vaen maeth Eithne va, a'ss.

— Gwynbleidd, — красивая дриада скривила губы. — Bloede caermel! Aen'ne caen n'wedd vort! T'ess foile!

Браэнн захохотала.

— В чем дело? — спросил ведьмак, начиная злиться.

— Ничего, — снова хохотнула Браэнн. — Ничего. Пошли.

— Ох! — воскликнула Цири. — Взгляни, Геральт, какие смешные домики!

В глубине котловины начиналась настоящая *Duen Canell* — «смешные домики», формой напоминающие огромные шары омелы, на различной высоте облепляли стволы и ветви деревьев — как над самой землей, так и высоко и даже очень высоко — под самыми кронами. Геральт заметил также несколько более крупных наземных сооружений, шалашей из переплетенных, все еще покрытых листьями ветвей. Он видел движение внутри помещений, но наружу дриады почти не показывались. Их было значительно меньше, чем во время его первого посещения.

— Геральт! — шепнула Цири. — Эти домики живут. У них есть листочки!

— Они из живого дерева, — кивнул ведьмак. — Именно так живут дриады, так строят свои дома. Ни одна дриада никогда не причинит боли дереву топором или пилой. Они любят деревья. Но умеют делать так, что ветки растут, образуя домики.

— Чудесно! Я хотела бы иметь такой домик в нашем парке. Браэнн задержалась около одного из шалашей покрупнее.

— Войди, Гвинблейд. Здесь подождешь госпожу Эитнэ. *Va fail!, кроха.*

— Что?

— Она попрощалась. Сказала: до свидания.

— Ах, до свидания, Браэнн.

Они вошли. Внутри дома все перемигивалось, как в калейдоскопе, от солнечных пятен, протиснувшихся сквозь крышу.

— Геральт!

— Фрейксенет!

— Жив, чтоб мне провалиться! — Раненый сверкнул зубами, приподнимаясь на постели из лапника. И тут увидел вцепившуюся в бедро ведьмака Цири, и глаза у него расширились, а румянец покрыл все лицо.

— Ах ты, маленькая чертовка! — крикнул он. — Я из-за тебя чуть с жизнью не распростился. Ну твое счастье, что я не могу встать. Уж я бы тебе отдал шкурку!

Цири надула губки.

— Это второй, — сказала она, смешно наморщив нос, — который хочет меня побить. Я девочка, а девочек бить нельзя!

— Уж я б тебе показал... что можно, а чего нельзя, — раскашлялся Фрейксенет. — Чтоб тебя! Эрвилл там с ума сходит... Королевские грамоты рассылает, весь трясется при мысли, что твоя бабка обрушит на него свою армию. Кто ему поверит, что ты сама смылась? Все знают, что такое Эрвилл и что он любит. Все думают, что он с тобой... что он тебе спяну что-то сделал, а потом велел утопить в пруду! Вот-вот начнется война с Нильфгаардом, а трактат о дружбе и союзе с твоей бабушкой летит из-за тебя к чертовой матери! Видишь, что ты натворила?

— Не раздражайся, — предостерег ведьмак. — Начнется кровотечение. Как ты оказался тут так быстро?

— Знать не знаю, большую часть времени я был... бездыханным. Они вливали мне что-то отвратное в глотку. Силой. Зажмут нос и... Стыдобища, мать их...

— Ты и выжил только благодаря тому, что они вливали тебе в глотку. Тебя сюда несли?

— Тащили на волокушах. Я спрашивал о тебе — молчат. Я был уверен, что ты схлопотал стрелу. Ты так неожиданно тогда исчез... А ты вон цел и невредим, даже не в путях, и к тому ж, надо же, спас княжну Цирилу... Провалиться мне на этом месте, ты всюду успеваешь, Геральт, всегда падаешь на четыре лапы, как кот.

Ведьмак улыбнулся, но не ответил. Фрейксенет тяжело раскашлялся, отвернулся, сплюнул розовую слюну.

— Да. И то, что меня не прикончили, тоже, уверен, твоя работа. Они знают тебя, чертовы духобабы. Ты второй раз вытягиваешь меня из могилы.

— Прекрати, барон.

Фрейксенет застонал, попытался сесть, но из этого ничего не вышло.

— Накрылось мое баронство, — засопел он. — Бароном я был в Хамме. А теперь я что-то вроде воеводы у Эрвилла в Вердэне. То есть тоже был. Даже если я как-то выкарабкаюсь отсюда, в Вердэне мне уже места не будет, разве что на эшафоте. Именно от меня и охраны сбежала эта маленькая

шельма, Цирилла. Думаешь, я что, по собственной охоте отправился сам-третей в Брокилон? Нет, Геральт, я тоже сбежал, на милость Эрвилла я рассчитывать мог, только если б вернул ее. Ну и наткнулись мы на треклятых духобаб, или бабодух, хрен знает, как и называть... Если б не ты, точно подход бы я в той яме. Ты снова спас меня. Это Предназначение, ясно как солнце.

— Преувеличиваешь.

Фрейксенет покрутил головой и повторил:

— Предназначение. Должно быть, наверху записано, что мы снова встретимся, ведьмак, и снова именно ты спасешь мою шкуру. Я помню, об этом поговаривали в Хамме после того, как ты снял тогда с меня тамошний птичий наговор.

— Случайность, — холодно сказал Геральт. — Случайность, Фрейксенет.

— Какая там случайность. Черт, ведь если бы не ты, я до сих пор ходил бы, наверно, в бакланах...

— Ты был бакланом? — возбужденно крикнула Цири. — Настоящим бакланом? Птицей с клювом и перьями?

— Был, — осклабился барон. — Заколдовала меня одна... девка... Мать ее... Из мести.

— Наверно, ты не дал ей меха, — заметила Цири, сморщив нос. — На эту, ну... муфту.

— Была другая причина, — слегка покраснел Фрейксенет и грозно зыркнул на девочку. — А тебе-то какое дело, ты, малышня?

Цири состроила обиженную мину и отвернулась.

— Так, — откашлялся Фрейксенет. — На чем я... Ага, на том, как ты расколдовал меня в Хамме. Если бы не ты, Геральт, остался бы я бакланом до конца дней своих, летал бы вокруг озера и обрывал ветки, лстя себя надеждой, что меня спасет фуфайка из крапивного лыка, которую выткала моя сестренция с упорством, достойным лучшего применения. Черт, как вспомню ту фуфайку, так сразу охота кого-нибудь треснуть. Эта идиотка...

— Не надо так, — усмехнулся ведьмак. — У нее были самые лучшие намерения. Просто ее неверно проинформировали. Вот и все. О снятии заклятий кружит масса бессмысленных

мифов. Тебе еще повезло, Фрей. Она могла велеть тебе нырнуть в кипящее молоко. Слышал я о таком случае. Одежда в виде фуфайки из крапивы не очень помогает, хотя, с другой стороны, и мало вредит здоровью.

— Ну, может, и правда. Может, я слишком много требую от нее. Элиза всегда была недалекой, с детства глупой и красивой, действительно, чудный материал на жену какого-нибудь короля.

— Что такое чудный материал? — спросила Цири. — И почему на жену?

— Не лезь, шпань, я же сказал. Да, Геральт, повезло мне, что ты тогда объявился в Хамме. И что зятюшка-король согласился потратить парочку-другую дукатов, которых ты потребовал за то, чтобы снять заклятие.

— Знаешь, Фрей, — сказал Геральт, еще шире улыбаясь, — весть об этом разошлась широко!

— Истинная версия?

— Не совсем. Во-первых, тебе добавили десяток братьев.

— Надо же! — Барон приподнялся на локте, раскашлялся. — Стало быть, с Элизой вместе нас было двенадцать душ? Ну и идиотизм! Моя мамуля не была крольчихой.

— Это не все. Решили, что баклан малоромантичен.

— Оно и верно. Ничего в нем нет романтического. — Барон поморщился, ощупывая грудь, обвязанную лыком и кусками бересты. — Так во что я был заколдован, если верить рассказам?

— В лебедя. То есть в лебедей. Потому как вас было одиннадцать штук, не забывай.

— А чем, черт побери, лебедь романтичнее баклана?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Но могу поспорить, что в рассказе именно Элиза сняла с меня чары при помощи ее жуткого мешка из крапивы.

— Выиграл. А что с Элизой?

— У нее чахотка, бедняжки. Долго не протянет.

— Печально.

— Печально, — равнодушно подтвердил Фрейксенет, глядя в сторону.

— Вернемся к чарам. — Геральт оперся спиной о стену из переплетенных, пружинящих ветвей. — Рецидивов не бывает? Перья не растут?

— Слава богам, нет, — вздохнул экс-барон. — Все в порядке. Единственное, что у меня осталось от тех времен, так это любовь к рыбе. Нет для меня, Геральт, лучшей жратвы, чем рыба. Иногда я на заре отправляюсь к рыбакам на пристань, и пока они отыщут для меня что-нибудь благородное, я хапну одну-две горстки уклеек, прямо из садка, парочку пескарей, ельца или головля... Шик, не жратва.

— Он был бакланом, — медленно проговорила Цири, глядя на Геральта, — а ты его расколдовал. Ты умеешь колдовать?

— Ну ясно же, — сказал Фрейксенет, — умеет. Какой ведьмак не умеет?

— Ведьмак. Ведьмак?

— Ты не знала, что это ведьмак? Великий Геральт Рив? Хотя, верно, откуда тебе, такой малышке, знать, кто такой ведьмак? Теперь не то что прежде. Теперь ведьмаков мало, почти и не осталось. Вероятно, ты никогда в жизни не видела ведьмаков?

Цири медленно покачала головой, не спуская с Геральта глаз.

— Ведьмак, девочка, это... — Фрейксенет осекся и побледнел, видя входящую в шалаш Браэни. — Нет, нет, не хочу! Не дам ничего себе вливать в горло, никогда, никогда больше! Геральт. Скажи ей!

— Успокойся.

Браэни не удостоила Фрейксенета даже мимолетным взглядом. Сразу подошла к Цири, сидевшей на корточках рядом с ведьмаком.

— Пошли, — сказала она. — Пошли, малышня.

— Куда? — скривилась Цири. — Не пойду. Я хочу с Геральтом.

— Иди, — через силу улыбнулся ведьмак. — Поиграешь с Браэни и молодыми дриадами. Они покажут тебе Дуэн Канэлли...

— Она не завязывала мне глаза, — очень медленно проговорила Цири. — Когда мы сюда шли, она не завязала мне

глаза. Тебе завязала. Чтобы ты не мог сюда больше попасть, когда уйдешь. Это значит...

Геральт взглянул на Браэни. Дриада пожала плечами, потом обняла и прижала к себе девочку.

— Это значит... — Голос Цири вдруг сломался. — Это значит, что я отсюда не уйду? Да?

— Никому не уйти от Предназначения.

Все повернули головы при звуке этого голоса. Тихого, но звучного, твердого, решительного. Голоса, требующего послушания, не признающего возражений. Браэни поклонилась. Геральт опустился на одно колено.

— Госпожа Эитнэ...

Повелительница Брокилона была одета в просторное, легкое, светло-зеленое платье. Как большинство дриад, она была невысока и худощава, но гордо посаженная голова, лицо с серьезными, резкими чертами и решительный рот, казалось, делали ее выше и значительнее. Ее волосы и глаза были цвета расплавленного серебра.

Она вошла в шалаш в сопровождении двух молодых дриад, вооруженных луками. Молча кивнула Браэни, и та тут же схватила Цири за руку и потянула к выходу, низко наклонив голову. Цири шагала напряженно и неловко, бледная, онемевшая. Когда она проходила мимо Эитнэ, сереброволосая дриада быстрым движением взяла ее за подбородок, приподняла, долго глядела девочке в глаза. Геральт видел, что Цири дрожит.

— Иди, — наконец сказала Эитнэ. — Иди, дитя. Не бойся. Ты уже не можешь изменить своего Предназначения. Ты — в Брокилоне.

Цири послушно поплелась за Браэни. На выходе повернулась. Ведьмак увидел, что у нее дрожат губы, а в зеленых глазах блестят слезы. Но не сказал ни слова. Продолжал стоять на колене, склонив голову.

— Встань, Гвинблейд. Приветствую тебя.

— Приветствую тебя, Эитнэ, Повелительница Брокилона.

— Я снова имею удовольствие принимать тебя в моем Лесу. Хотя и являешься ты сюда без моего согласия и ведома. Входить в Брокилон без моего согласия рискованно, Белый Волк. Даже для тебя.

— Я прибыл в качестве посла.

— Ах... — слабо улынулась дриада. — Так вот откуда твоя смелость, которую я не хотела бы называть другим, не столь приятным словом. Геральт, неприкосновенность послов — обычай, принятый у людей. Я его не признаю. Я не признаю ничего человеческого. Все человеческое мне чуждо. Здесь — Брокилон.

— Эйтнэ...

— Молчи, — прервала она, не повышая голоса. — Я приказала тебя отпустить. Ты выйдешь из Брокилона живым. Не потому, что ты посол. По другим причинам.

— Тебя не интересует, чей я посол? Откуда пришел, от чьего имени?

— Откровенно говоря, нет. Здесь Брокилон. Ты пришел извне, из мира, до которого мне нет дела. Чего ради мне терять время на выслушивание послов? Что мне любые предложения, любые ультиматумы, придуманные теми, кто мыслит и чувствует иначе, чем я? Какое мне дело, что думает король Вензлав?

Геральт удивленно покачал головой.

— Откуда ты знаешь, что я пришел от Вензлава?

— Это же ясно, — усмехнулась дриада. — Эккехард слишком глуп. Эрвилл и Вираксас чересчур сильно меня ненавидят. Владения других с Брокилоном не соприкасаются.

— Ты многое знаешь о том, что происходит вне Брокилона, Эйтнэ.

— Я знаю очень много, Белый Волк. Это привилегия моего возраста. Теперь же, если позволишь, я хотела бы завершить одно дело. Тот мужчина с внешностью медведя, — дриада перестала улыбаться и взглянула на Фрейксенета, — твой друг?

— Мы знакомы. Когда-то я его расколдовал.

— Проблема в том, — холодно сказала Эйтнэ, — что я не знаю, как с ним быть. Не могу же я сейчас приказать его добить. Я позволила бы ему выздороветь, но он создает опасность. На фанатика он не похож. Значит, охотник за скальпами. Я знаю, Эрвилл платит за каждый скальп дриады. Не помню сколько. Впрочем, цена возрастает пропорционально падению ценности денег.

— Ошибаешься. Он — не ловец скальпов.

— Зачем же полез в Брокилон?

— Искать девочку, которую поручили его присмотру. Он рисковал жизнью, чтобы отыскать ее.

— Очень глупо, — холодно бросила Эйтнэ. — Это даже трудно назвать риском. Он шел на верную смерть и жив только благодаря лошадиному здоровью и выносливости. Что же до ребенка, то она уцелела случайно. Мои девочки не стреляли, так как думали, что это пак или лепрекаун.

Она снова взглянула на Фрейксенета, и Геральту показалось, что ее губы как бы помягчели.

— Ну хорошо. Отметим как-нибудь этот день.

Она подошла к подстилке из лапника. Сопровождавшие ее дриады приблизились тоже. Фрейксенет побледнел и съежился, хоть и не стал от этого меньше.

Эйтнэ долго смотрела на него, слегка щуря глаза.

— У тебя дети есть? — спросила наконец. — Я с тобой говорю, дубина.

— А?

— Кажется, я выражаюсь ясно.

— Я не... — Фрейксенет отхаркнулся, закашлял. — Я не женат.

— Меня не интересует твоя семейная жизнь. Я хочу знать, в состоянии ли ты что-либо выскрести из своих ожиревших чресел. О Великое Древо! Ты хоть одну женщину сделал беременной?

— Э-э-э... Да... Да, госпожа, но...

Эйтнэ небрежно махнула рукой и повернулась к Геральту.

— Он останется в Брокилоне. До полного выздоровления и еще некоторое время. Потом... Пусть идет куда хочет.

— Благодарю тебя, Эйтнэ, — поклонился ведьмак. — А... девочка? Как с ней?

— Почему ты спрашиваешь? — Дриада взглянула на него своими холодными серебряными глазами. — Ты же знаешь.

— Она не обычная деревенская девочка. Она — княжна.

— Это не производит на меня впечатления. Никакой равнины.

— Послушай...

— Ни слова больше, Гвинблейдд.

Он замолчал, прикусив губу.

— Что с моей миссией?

— Я выслушаю тебя, — вздохнула дриада. — Нет, не из любопытства. Просто ради того, чтобы ты мог явиться к Вензлаву и получить плату, которую он тебе, вероятно, обещал за то, что ты доберешься до меня. Но не сейчас, сейчас я буду занята. Придешь вечером к моему Дереву.

Когда она вышла, Фрейксенет приподнялся на локте, застонал, кашлянул, плюнул на ладонь.

— О чем это она, Геральт? Почему я должен здесь оставаться? И что она имела в виду, когда говорила о детях? Во что ты меня впутал, а?

Ведьмак сел.

— Сохранишь голову, Фрейксенет, — сказал он утомленно. — Станешь одним из немногих, которые выбрались отсюда живыми, по крайней мере за последнее время. И станешь отцом маленькой дриады. Может, нескольких.

— Чего? Стать племенным производителем?

— Называй как хочешь. Выбор у тебя ограниченный.

— Понимаю, — буркнул барон и сладострастно улыбнулся. — Ну что ж, видывал я пленных, работающих на рудниках и копающих каналы. Из двух зол предпочитаю... Лишь бы сил достало. Их тут немало...

— Перестань глупо лыбиться, — поморщился Геральт. — Ишь, размечтался. Пусть тебе не снятся почести, музыка, вино, опахала и рой влюбленных дриад. Будет одна, может, две. И никакого обожания. К этому они отнесутся вполне по-деловому. А к тебе самому — еще больше.

— Им это не доставляет удовольствия? Надеюсь, огорчения тоже?

— Не будь ребенком. В этом смысле они ничем не отличаются от женщин. Во всяком случае, физически.

— То есть?

— От тебя зависит, будет ли это для дриады радостью или же огорчением. Но интересоваться ее будет только результат. Твоя особа — вопрос второстепенный. Не ожидай благодарности. Кстати, ни в коем случае не пытайся что-либо делать по собственной инициативе.

— Собственной... чего?

— Если после содеянного встретишь ее утром, — терпеливо объяснил ведьмак, — поклонись, но, черт побери, без улыбочек или подмигиваний. Дриады воспринимают это чрезвычайно серьезно. Если она улыбнется или подойдет сама, можешь с ней поболтать. Лучше всего о деревьях. А если не разбираешься в деревьях, то о погоде. Но ежели она прикинется, будто тебя не видит, держись подальше. От других дриад тоже. И не давай волю рукам. Дриады, которые не готовы, такие игры не воспринимают. Коснешься — и получишь ножом. Они не поймут твоих намерений.

— А ты, гляжу, в курсе их брачных обычаев, — усмехнулся Фрейксенет. — Случалось?

Ведьмак смолчал. У него перед глазами стояла красивая, стройная дриада, ее бесстыдная улыбка. *Vatt'ghern, bloede saeghe*. Ведьмак, надо же! Вот не повезло! Ты кого привела, Браэнн? К чему он нам? Никакой корысти от ведьмака...

— Геральт?

— Что?

— А княжна Цирилла?

— О княжне забудь. Из нее получится дриада. Через два-три года она всадит стрелу в глаз собственному брату, если тот попытается войти в Брокилон.

— Чертов зуб! — выругался Фрейксенет, поморщившись. — Эрвилл взъярится. Слушай, Геральт, а нельзя ли...

— Нельзя, — перебил Геральт. — Даже не пытайся. Из Дуэн Канэлли ты живым бы не вышел.

— Значит, девочка потеряна.

— Для вас — да.

6

Деревом Эитнэ был, конечно же, дуб. Точнее — три сросшихся комлями дуба, все еще зеленых, безо всяких признаков увядания, хотя Геральт определил их возраст лет в триста, не меньше. Внутри дубы были пустые, а дупло было размером с большую комнату, потолок которой конусом уходил

вверх. Внутри дупло освещалось некоптящим светильником и было превращено в скромное, удобное, далеко не примитивное жилище.

Эитнэ стояла посреди комнаты на коленях на чем-то вроде волокистого мата. Перед ней, прямая и неподвижная, словно окаменевшая, сидела на подогнутых ногах Цири, умытая и вычеленная от насморка, широко раскрывшая огромные зеленые глаза. Ведьмак обратил внимание на то, что ее личико теперь, когда с него сошла грязь и сбежала гримаса зловредного дьяволенка, оказалось довольно приятным.

Эитнэ медленно и заботливо расчесывала длинные волосы девочки.

— Входи, Гвинблейдд. Присаживайся.

Он сел, предварительно церемонно преклонив одно колено.

— Отдохнул? — спросила дриада, не глядя на него и продолжая расчесывать девочку. — Когда намерен отправиться в обратный путь? Как насчет завтрашнего утра?

— Как прикажешь, — холодно ответил он. — Достаточно одного твоего слова, Повелительница Брокилона, и я перестану раздражать тебя своим присутствием в Дуэн Канэлли.

— Геральт, — Эитнэ медленно повернула голову. — Не пойми меня превратно. Я тебя знаю и уважаю. Знаю, что ты ни разу не обидел ни дриады, ни русалки, ни сальфиды или нимфы, совсем наоборот, тебе случалось вставать на их защиту, спасти им жизнь. Но это ничего не меняет. Нас разделяет слишком многое. Мы принадлежим разным мирам. Я не хочу и не могу делать исключений. Ни для кого. Не стану спрашивать, понимаешь ли ты, поскольку знаю, что понимаешь. Я спрашиваю, одобряешь ли ты такое положение?

— А что это изменит?

— Ничего. Но я хочу знать.

— Одобряю. А как с ней? С Цири? Она тоже принадлежит иному миру.

Цири испуганно взглянула на него, потом подняла глаза на дриаду. Эитнэ улыбнулась.

— Теперь уже ненадолго.

— Прошу тебя, Эитнэ, подумай.

— О чем?

— Отдай ее мне. Пусть вернется. В мир, которому принадлежит.

— Нет, Белый Волк, — дриада снова погрузила гребень в пепельные волосы девочки. — Не отдам. Кто-кто, а ты-то должен это понять.

— Я?

— Ты. И до Брокилона доходят вести извне. Вести о некоем ведьмаке, который за оказанные услуги порой требует странных клятв. «Дашь мне то, чего не ожидаешь застать дома». «Дашь мне то, что уже имеешь, но о чем не знаешь». Звучит знакомо? Ведь с некоторых пор вы таким образом пытаетесь направлять Предназначение, ищите мальчиков, которым судьбой показано стать вашими преемниками, хотите спасти себя от вымирания и забвения. От небытия. Почему же ты удивляешься мне? Я забочусь о судьбе дриад. Думаю, это справедливо? За каждую убитую людьми дриадой — одна ваша девочка.

— Задержав ее, ты вызовешь враждебность и стремление отомстить, Эйтнэ. Всколыхнешь застарелую ненависть.

— В человеческой ненависти для меня нет ничего нового. Ничего, Геральт. Я не отдам ее. Тем более что она — здоровый ребенок. Последнее время такое случается нечасто.

— Нечасто?

Дриада уставилась на него своими огромными серебристыми глазами.

— Мне подбрасывают больных девочек. Дифтерия, скарлатина, крупное воспаление легких, последнее время даже оспа. Думают, если у нас нет иммунитета, то эпидемия нас уничтожит или хотя бы уменьшит нашу численность. Разочаруй их, Геральт. У нас есть кое-что посерьезнее иммунитета. Брокилон заботится о своих детях.

Она замолчала, наклонилась и осторожно расчесала прядку спутавшихся волос Цири, помогая себе другой рукой.

— Могу я, — откашлялся ведьмак, — выполнить поручение, с которым меня прислал король Веналав?

— А стоит ли тратить время? — подняла голову Эйтнэ. — Зачем утруждать себя? Я и без того прекрасно знаю, чего хочет король Веналав. Вовсе не надо быть пророком. Он хочет, чтобы

я отдала Брокилон, вероятно, по самую речку Вду, которую, как известно, он считает, или же хочет считать, естественной межой между Брутте и Вердэном. Взамен, думаю, он пожертвует мне анклав, маленький и дикий закоулок леса. И, вероятно, гарантирует своим королевским словом и королевской опекой, что этот маленький и дикий закоулок, этот кусочек пущи, будет принадлежать мне во веки веков, и никто не осмелится там беспокоить дриад. Пообещает, что там дриады смогут жить в покое. Так, Геральт? Вензлав хочет покончить с тянущейся два столетия войной за Брокилон. И чтобы с ней покончить, дриады должны будут отдать то, за что борются и гибнут двести лет? Как просто — отдать! Отдать Брокилон?

Геральт молчал. Ему нечего было возразить. Дриада усмехнулась.

— Именно так звучит королевское послание, Гвинблейдд? А может, оно просто напрямую говорит: «Не задирай носа, лесное чудище, бестия из пущи, реликт прошлого, а послушай, чего желаем мы, король Вензлав. А мы желаем кедра, дуба и гикори, желаем красного дерева, тиса на луки и мачтовых сосен, потому что Брокилон у нас под самым боком, а мы вынуждены тащить деревья из-за гор. Мы желаем железа и меди, которые под землей. Желаем золота, которое лежит на Крааг Ане. Желаем рубить и пилить, и рыть землю, не опасаясь свиста стрел. И, самое главное, жаждем наконец стать королем, которому в королевстве принадлежит все. Мы не желаем терпеть в своих пределах какой-то Брокилон — лес, в который не можем войти. Такой лес раздражает нас, элит и сгоняет сон с вежд, потому что мы — люди, мы распоряжаемся этим миром. Мы можем, ежели захотим, допустить в наш мир нескольких эльфов, дриад или русалок. Если они не будут слишком нахальны. Подчинись нашей воле, Ведьма Брокилона. Или сгинь».

— Ты, Эйтнэ, сама признала, что Вензлав не дурак и не фанатик. Ты наверняка знаешь, что он — король справедливый и стремящийся к миру. Его ужасает льющаяся здесь кровь...

— Пусть держится подальше от Брокилона, и тогда не прольется ни капли крови...

— Ты хорошо знаешь... — Геральт поднял голову, — хорошо знаешь, что все не так. Убивали людей в Выжигях, на

Восьмой Версте, на Соловьих Холмах. Людей убивали в Бруге, на левом берегу Ленточки. За пределами Брокилона.

— Названные места, — спокойно ответила дриада, — это Брокилон. Я не признаю ваших карт и границ.

— Но там вырубали лес сто лет назад!

— Что значат для Брокилона сто лет? И сто зим?

Геральт замолчал.

Дриада отложила гребень, погладила Цири по пепельным волосам.

— Согласись на предложение Вензлава, Эйтнэ.

Дриада холодно взглянула на него.

— Что это нам даст? Нам, детям Брокилона?

— Возможность выжить. Нет, Эйтнэ, не прерывай. Знаю, что ты хочешь сказать. Я понимаю, как гордишься ты тем, что Брокилон независим. Однако мир меняется. Что-то кончается. Хочешь ты того или нет, но человек овладевает миром. Выдерживают те, кто сживает с людьми. Другие погибают. Эйтнэ, есть леса, где дриады, русалки и эльфы живут спокойно, в мире с людьми. Ведь мы так близки. Ведь люди могут быть отцами ваших детей. Что дает тебе твоя война? Потенциальные отцы ваших детей падают под вашими стрелами. А результат? У скольких дриад Брокилона чистая кровь? Сколько из них — похищенные, переделанные человеческие девочки? Даже Фрейксенетом ты вынуждена воспользоваться, потому что у тебя нет выбора. Что-то маловато я вижу здесь маленьких дриад, Эйтнэ. Вижу только ее — человеческую девочку, испуганную и отупевшую от наркотиков, парализованную страхом...

— И вовсе я не боюсь! — вдруг крикнула Цири, на мгновение снова превращаясь в маленького дьяволенка. — И не отупела я нисколько! И не думай! Со мной тут ничего не может случиться! Вот еще! Я не боюсь! Моя бабушка говорит, что дриады не злые, а моя бабушка — самая умная бабушка в мире! Моя бабушка... Моя бабушка говорит, что должно быть больше таких лесов, как этот...

Она замолчала и опустила голову. Эйтнэ засмеялась.

— Дитя Старшей Крови, — сказала она. — Да, Геральт. Все еще рождаются в мире Дети Старшей Крови, о которых

говорят пророчества. А ты утверждаешь, будто что-то кончается... Сомневаешься в том, что мы выживем...

— Девчонка должна была выйти за Кистрина из Вердэна, — прервал Геральт. — Жаль, что не выйдет. Кистрин когда-нибудь унаследует правление после Эрвилла и под влиянием жены с такими взглядами, может, прекратил бы рейды против Брокилона?

— Не хочу я твоего Кистрина! — тонко взвизгнула девчонка, и в ее зеленых глазах что-то сверкнуло. — Пусть твой Кистрин найдет себе красивый и глупый материал! Я никакой не материал! И не буду я никакой княгиней!

— Тише, Дитя Старшей Крови, — дриада прижала к себе Цири. — Не кричи. Ну конечно, ты не станешь княгиней...

— Конечно, — кисло вставил ведьмак. — И ты, Эйтнэ, и я отлично знаем, кем она будет. Я вижу, это уже решено. Что делать. Так какой ответ я должен отнести королю Вензлаву, Повелительнице Брокилона?

— Никакого.

— Что значит «никакого»?

— Никакого. Он поймет. Давно, уже очень давно, когда Вензлава еще не было на свете, к Брокилону подъезжали гарольды, трубили рога и трубы, сверкали латы, развевались знамена и хоругви. «Покорись, Брокилон! — кричали гарольды. — Король Козизуб, Владыка Лысой Горки и Мокрого Луга, требует, чтобы ты покорился, Брокилон!» А ответ Брокилона был всегда одинаков. Когда ты покинешь мой лес, Гвинблейдд, обернись и послушай. В шуме листвы ты услышишь ответ Брокилона. Передай его Вензлаву и добавь, что другого не будет, пока стоят дубы в Дуэн Канэлли. Пока здесь растет хоть одно дерево и живет хоть одна дриада.

Геральт молчал.

— Ты говоришь — что-то кончается, — медленно продолжала Эйтнэ. — Неправда. Есть вещи, которые никогда не кончаются. Ты говоришь о выживании? Я борюсь за выживание. Потому что Брокилон жив благодаря моей борьбе, ибо деревья живут дольше людей, только надо защищать их от ваших топов. Ты говоришь мне о королях и князьях. Кто они? Те, которых я знаю, это белые скелеты в некрополях Крааг Ана, там, в

глубине леса. В мраморных саркофагах, на кучах золотого металла и блестящих камушков. А Брокилон жив, деревья шумят над руинами дворцов, корни разрывают мрамор. А Брокилон жив. Помнит ли твой Вензлав, кем были те короли? Помнишь ли ты, Гвинблейдд? А если нет, то как можешь утверждать, будто что-то кончается? Откуда знаешь, кому предназначена гибель, а кому вечность? Что дает тебе право говорить о Предназначении? Ты хотя бы знаешь, что такое Предназначение?

— Нет, — согласился он. — Не знаю. Но...

— Если не знаешь, — прервала она, — то никакое «но» уже не поможет. Ты не знаешь. Просто: не знаешь.

Она замолчала, коснулась рукой лба, отвернулась.

— Когда много лет назад ты был здесь впервые, — снова заговорила она, — ты тоже не знал. А Моренн... Моя дочь... Геральт, Моренн мертва. Она погибла на Ленточке, защищая Брокилон. Я не узнала ее, когда ее принесли. Лицо было разможено копытами ваших лошадей. Предназначение? И сегодня ты, ведьмак, который не мог дать Моренн ребенка, приводишь ее ко мне, Дитя Старшей Крови. Девочку, которая знает, что такое Предназначение. Нет, это не то знание, которое нравилось бы тебе, которое ты мог бы принять. Она попросту верит. Повтори, Цири, повтори то, что ты сказала мне, прежде чем вошел этот ведьмак, Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак, который не знает. Повтори, Дитя Старшей Крови.

— Уважаем... Благородная госпожа, — проговорила Цири ломающимся голосом. — Не задерживай меня здесь. Я не могу... Я хочу... домой. Я хочу вернуться домой с Геральтом. Я должна... С ним...

— Почему с ним?

— Потому что он... Он — мое Предназначение.

Эйтнэ повернулась. Она была очень бледна.

— И что ты скажешь, Геральт?

Он не ответил. Эйтнэ хлопнула в ладоши. В дупло дуба, словно дух из царящей снаружи ночи, вошла Браэнн, неся обеими руками огромный серебряный кубок. Медальон на шее ведьмака начал быстро и ритмично дрожать.

— И что ты скажешь, Геральт? — повторила серебряно-лосая дриада, вставая. — Она не хочет оставаться в Брокилоне!

Она не желает быть дриадой! Она не хочет заменить мне Морени, хочет уйти, уйти за своим Предназначением! Так, Дитя Старшей Крови? Ты именно этого хочешь?

Цири, не поднимая головы, кивнула. Ее плечи задрожали. Ведьмак не выдержал.

— Зачем ты издеваешься над ребенком, Эйтнэ? Ведь через минуту ты дашь ей отпить Воды Брокилона, и ее желание перестанет что-либо значить. Зачем ты это делаешь? В моем присутствии?

— Хочу показать, что такое Предназначение. Доказать тебе, что ничто не кончается, а только еще начинается.

— Нет, Эйтнэ, — сказал Геральт, вставая. — Прости, но я не намерен смотреть. Ты зашла дальше, чем следовало, Повелительница Брокилона, намереваясь подчеркнуть пропасть, разделяющую нас. Вы, Старший Народ, любите повторять, что вам-де чужда ненависть, что это чувство присуще исключительно людям. Неправда. Вы знаете, что такое ненависть, и умеете ненавидеть, только проявляете это немного иначе, мудрее и не так бурно. Но, возможно, потому и более жестоко. Я принимаю твою ненависть, Эйтнэ, от имени всех людей. Я заслужил ее. Меня огорчила судьба Морени.

Дриада не ответила.

— И это — ответ Брокилона, который я должен передать Вензлаву из Брутте, верно? Предостережение и вызов? Эримое доказательство дремлющей меж ваших Древ Ненависти и Силы, по воле которых через минуту человеческое дитя выпьет стирающий память яд, приняв его из рук другого человеческого ребенка, психику и память которого вы уже изменили? И такой ответ должен отнести Вензлаву ведьмак, который знает и любит обоих детей? Ведьмак виновен в смерти твоей дочери? Хорошо, Эйтнэ, будь по-твоему. Вензлав услышит твой ответ, услышит мой голос, увидит мои глаза и все по ним прочтет. Но глядеть на то, что здесь сейчас произойдет, я не обязан. И не желаю.

Эйтнэ продолжала молчать.

— Прощай, Цири. — Геральт опустил на колени, прижал к себе девочку. Плечи Цири задрожали еще сильнее. — Не плачь. Ты же знаешь, что ничего дурного с тобой здесь случиться не может.

Цири хлопнула носом. Ведьмак встал.

— Прощай, Браэнн, — бросил он младшей из дриад. — Будь здорова и береги себя. Выживи, Браэнн, живи так же долго, как и твое дерево. Как Брокилон. И вот еще что...

— Да, Гвинблейдд? — Браэнн подняла голову, и в ее глазах что-то влажно блеснуло.

— Легко убивать из лука, девочка. Так легко спустить тетиву и думать: мол, это не я, не я, а стрела. На моих руках нет крови того мальчика. Его убила стрела, а не я. Но стреле ничего не снится по ночам. Пусть и тебе ничего не снится по ночам, голубоглазая дриада. Прощай, Браэнн.

— Мона... — невнятно произнесла Браэнн. Кубок, который она держала в руках, дрожал, по переполняющей его прозрачной жидкости шла рябь.

— Что?

— Мона, — простонала она. — Я — Мона. Госпожа Эитнэ! Я...

— Довольно! — резко бросила Эитнэ. — Довольно! Держи себя в руках, Браэнн.

Геральт сухо засмеялся.

— Вот оно, твое Предназначение, Лесная Госпожа. Я уважаю твое упорство и твою борьбу. Но знаю, скоро ты будешь бороться одна. Последняя дриада Брокилона, посылающая на смерть девочек, которые помнят свои настоящие имена. И все-таки я желаю тебе счастья, Эитнэ. Прощай.

— Геральт, — шепнула Цири, по-прежнему сидя неподвижно с опущенной головой. — Не оставляй меня... одну...

— Белый Волк, — сказала Эитнэ, обнимая ссутулившиеся плечи девочки. — Тебе обязательно надо было ждать, пока она попросит? Попросит, чтобы ты оставался с ней до конца? Почему ты бросаешь ее в такой момент? Оставляешь одну? Куда ты собираешься бежать, Гвинблейдд? И от чего?

Цири еще больше наклонила голову. Но не расплакалась.

— До конца, — кивнул ведьмак. — Хорошо, Цири. Ты не будешь одинока. Я буду с тобой. Не бойся ничего.

Эитнэ взяла кубок из дрожащих рук Браэнн, подняла его.

— Ты умеешь читать Старшие Руны, Белый Волк?

— Умею.

— Прочти, что выгравировано на кубке. Это кубок из Крааг Ана. Из него пили короли, которых уже никто не помнит.

— Duettaeann aef cippan Saegthe Glaeddyv. Yn a esseath.

— Знаешь, что это означает?

— «У Меча Предназначения два острия... Одно из них — ты».

— Встань, Дитя Старшей Крови. — В голосе дриады сталью прозвенел приказ, который нельзя было не выполнить, воля, которой нельзя было не подчиниться. — Пей. Это Вода Брокилона.

Геральт закусил губу, глядя в серебристые глаза Эитнэ. Он не смотрел на Цири, медленно подносившую губы к краю кубка. Он уже видел это когда-то, давно. Конвульсии, судороги, невероятный, ужасающий, медленно угасающий крик. И пустота, мертвенность и апатия в медленно открывающихся глазах. Он это уже видел.

Цири пила. По неподвижному лицу Браэинн скатилась слеза.

— Достаточно. — Эитнэ отобрала у нее кубок, поставила на пол, обеими руками погладила волосы девочки, падающие на плечи пепельными волнами.

— Дитя Старшей Крови, — сказала она. — Выбирай. Хочешь ли ты остаться в Брокилоне или же последовать за своим Предназначением?

Ведьмак недоверчиво покачал головой. Цири дышала немного быстрее, на щеках появился румянец. И ничего больше. Ничего.

— Я хочу последовать за моим Предназначением, — сказала она звучно, глядя в глаза дриаде.

— Да будет так, — произнесла Эитнэ, отворачиваясь. — Уходите.

Браэинн схватила Цири, коснулась плеча Геральта, но ведьмак отстранился.

— Благодарю тебя, Эитнэ, — сказал он.

Дриада мгновенно повернулась.

— За что?

— За Предназначение, — улыбнулся он. — За твое решение. Это ведь не была Вода Брокилона, верно? Цири должна была вернуться домой. И ты, Эитнэ, сыграла роль Предназначения. За это я тебя благодарю.

— Как мало ты знаешь о Предназначении, — горько проговорила дриада. — Как мало ты знаешь, ведьмак. Как мало ты видишь. Как мало ты понимаешь. Благодарить меня? Благодарить за ту роль, которую я сыграла? За базарное представление? За фокус, за обман, за мистификацию? За то, что Меч Предназначения был, как ты думаешь, изготовлен из дерева, покрытого позолотой? Продолжай. Не благодари, а разоблачи меня. Поставь на своем. Докажи, что прав ты. Брось мне в лицо твою правду, покажи, как торжествует трезвая, человеческая правда, здравый рассудок, которые, по вашему разумению, помогают вам завоевывать мир. Вот Вода Брокилона, еще немного осталось. Ты отважишься? Завоеватель мира?

Геральт, хоть и был возбужден ее словами, колебался только мгновение. Вода Брокилона, даже самая подлинная, не могла повлиять на него, против содержащихся в ней токсинов, галлюциногенных танинов он был полностью иммунизирован. Но ведь это не могла быть Вода Брокилона, Цири пила ее, и с ней ничего не случилось. Он взял кубок обеими руками, глянул в серебряные глаза дриады.

Земля моментально ушла у него из-под ног и обрушилась ему на спину. Гигантский дуб закружился и задрожал. С трудом водя крутом немеющими руками, он открыл глаза, и это было так, словно он поднимал мраморную плиту саркофага. Увидел перед собой маленькое личико Браэнн, а за ним блестящие ртутью глаза Эйтнэ. И еще другие глаза, зеленые, как изумруды. Нет, более светлые. Как весенняя травка. Медальон на его шее раздражал, вибрировал.

— Гвинблейдд, — услышал он, — смотри внимательно, не закрывай глаза, это тебе не поможет. Смотри, смотри на твое Предназначение.

— Ты помнишь?

Неожиданная, разрывающая завесу дыма вспышка света, огромные, тяжелые от свечей канделябры, истекающие фестоном воск. Каменные стены, крутые ступени. Спускающаяся по ступеням зеленоглазая пепельноволосяя девушка в диадежке с искусно вырезанной геммой, в серебристо-голубом платье со шлейфом, поддерживаемым пажом в пунцовой курточке.

— Ты помнишь?

Его голос, говорящий... Говорящий...

— Я вернусь сюда через шесть лет...

Беседка, тепло, аромат цветов, натужное монотонное гудение пчел. Он один, на коленях, подающий розу женщине с пепельными волосами, локонами выбивающимися из-под узенькой золотой дужки. На пальцах руки, берущей у него розу, перстни с изумрудами, огромные, зеленые кабошоны.

— Возвращайся, — говорит женщина. — Возвращайся, если изменишь мнение. Твое Предназначение будет ждать.

«Я так и не возвратился, — подумал он. — Никогда туда не возвратился. Я никогда не возвратился в...»

Куда?

Пепельные волосы. Зеленые глаза.

Снова ее голос, в темноте, во мраке, в котором гинет все. Есть только огни, огни по самый горизонт. Туман искр в пурпурном дыме. Беллетэйн! Майская ночь! Из клубов дыма смотрят темные, фиолетовые глаза, горящие на бледном треугольном лице, заслоненном черной бурей локонов.

Йеннифэр!

— Слишком мало, — узкие губы видения, неожиданно искривившиеся, по бледной щеке катится слеза, быстро, все быстрее, как капля воска по свече. — Слишком мало. Нужно нечто большее.

— Йеннифэр!

— Тщета за тщету, — говорит видение голосом Эитнэ. — Тщета и пустота, которая в тебе, завоеватель мира, не умеющий даже завоевать женщину, которую любишь. Уходящий и бегающий, когда его Предназначение находится на расстоянии вытянутой руки. У Меча Предназначения два острия. Одно — это ты. А второе? Белый Волк? Что — второе?

— Нет Предназначения, — его собственный голос. — Нет. Его нет. Оно не существует. Единственное, что предназначено всем, — это смерть.

— Правда, — говорит женщина с пепельными волосами и загадочной улыбкой. — Это правда, Геральт.

На женщине серебристые латы, окровавленные, погнутые, продырявленные остриями пик или алебард. Кровь

тонкой струйкой течет из уголка загадочно и некрасиво улыбающихся губ.

— Ты смеешься над Предназначением, — говорит она, не переставая улыбаться. — Насмехаешься над ним, играешь с ним. У Меча Предназначения два острия. Одно из них — ты. Другое — смерть? Но это умираем мы, умираем из-за тебя. Тебя смерть не может достать, поэтому довольствуется нами. Смерть следует за тобой по пятам, Белый Волк. Но умирают другие. Из-за тебя. Ты меня помнишь?

— Ка... Калантэ!

— Ты, Дитя Старшей Крови, можешь его спасти, — голос Эйтнэ из-за занавеса дыма. — Ты можешь его спасти. Прежде чем он погрузится в так полюбившееся ему небытие. В черный бесконечный лес.

Глаза зеленые, как весенняя трава. Прикосновение. Голоса, кричащие невнятным хором. Лица.

Он уже не видел ничего, летел в пропасть, в пустоту, во тьму. Последнее, что он услышал, был голос Эйтнэ:

— Да будет так.

7

— Геральт! Проснись! Пожалуйста, проснись! Геральт!

Он открыл глаза, увидел солнце, золотой дукат с четкими краями, наверху, над вершинами деревьев, за мутной завесой утреннего тумана. Он лежал на мокром, губчатом мхе, твердый корень упирался в спину.

Цири — рядом, на коленях, дергала его за полу куртки.

— Дьявольщина... — Он откашлялся, осмотрелся. — Где я? Как сюда попал?

— Не знаю, — сказала девочка. — Я только что проснулась, здесь, рядом с тобой, я ужасненько замерзла. Не помню, как... Знаешь что? Это чары!

— Вероятно, ты права. — Он сел, выгребая сосновые иглы из-за воротника. — Вероятно, ты права, Цири. Вода Брокилона, черт побери... Похоже, дриады недурно позабавились.

Он встал, поднял лежащий рядом меч, перекинул ремень через плечо.

— Цири?

— А?

— Ты тоже позабавилась?

— Я?

— Ты дочь Паветты, внучка Калантэ из Цинтры. Ты с самого начала знала, кто я такой?

— Нет, — покраснела она. — Не с самого. Ты расколдовал моего папу, правда?

— Неправда, — покрутил он головой. — Это сделала твоя мама. И твоя бабка. Я только помог.

— Но няня говорила... Говорила, что я предназначена. Что я — Неожиданность. Дитя-Неожиданность. Геральт?

— Цири. — Он поглядел на нее, вертя головой и улыбаясь. — Поверь, ты самая большая неожиданность, какая могла со мной приключиться.

— Ха! — Лицо девочки просветлело. — Это правда? Я предназначена! Няня говорила, что придет ведьмак, у которого белые волосы, и заберет меня. А бабушка шумела... Ах, да что там! Куда ты меня забереешь? Скажи?

— Домой. В Цинтру.

— А-а-а... А я-то думала...

— Додумаешь по дороге. Пошли, Цири, надо выйти из Брокилона. Здесь опасное место.

— Я не боюсь!

— А я боюсь.

— Бабушка говорила, что ведьмаки ничего не боятся.

— Бабушка сильно преувеличивает. Ну, в путь, Цири. Если б я еще знал, где мы...

Он взглянул на солнце.

— Ну рискнем... Пойдем туда.

— Нет. — Цири сморщила нос и указала в противоположную сторону. — Туда.

— А ты-то откуда знаешь?

— Знаю, — пожала она плечами и взглянула на него беззащитными, удивленными, изумрудными глазами. — Как-то так... Ну понимаешь... Не знаю...

«Дочь Паветты, — подумал он. — Ребенок... Дитя Старшей Крови? Возможно, унаследовала что-то от матери».

— Цири. — Он распахнул рубашку, вытянул медальон. — Дотронься до него.

— Ой! — Она раскрыла рот. — Какой страшный волк. И клыки... Ого-го!

— Прикоснись.

— Ой-ей!

Ведьмак улыбнулся. Он тоже почувствовал дрожание медальона, резкую волну, пробежавшую по серебряной цепочке.

— Он пошевелился, — вздохнула Цири. — Пошевелился!

— Знаю. Идем, Цири. Веди.

— Это чары, правда?

— Конечно.

Все было так, как он ожидал. Девочка чувствовала направление. Каким образом, неизвестно. Но быстро, быстрее, чем он думал, они вышли на дорогу, на трехлучевой развилок. Здесь была граница Брокилона — во всяком случае, так считали люди. Эитнэ, насколько он помнил, этого не признавала.

Цири прикусила губы, сморщила нос, заколебалась, глядя на развилку, на песчаные разбитые дороги, изрытые копытами и колесами телег. Но Геральт уже знал, где находится, ему не надо было, да он и не хотел, доверяться ее сомнительным способностям. И направился по дороге, ведущей на восток, к Брутте. Цири, все еще морщась, оглянулась на западную дорогу.

— Она ведет к замку Настрог, — съехидничал он. — Тоскуешь по Кистрину?

Девочка пробурчала что-то в ответ и послушно пошла за ним. Но оглядывалась еще не раз.

— В чем дело, Цири?

— Не знаю, — шепнула она. — Но это скверная дорога, Геральт.

— Почему? Мы идем в Брутте к королю Вензлаву, который живет в прекрасном дворце. Отмоемся в баньке, выпьем на кровати с периной...

— Это скверная дорога, — повторила она. — Скверная. Плохая.

— Точно. Мне доводилось видывать и получше. Перестань крутить носом. Идем, быстро.

Они миновали закрытый кустами поворот. И оказалось, что Цири была права.

Их окружили быстро, со всех сторон. Люди в остроконечных шлемах, кольчугах и темно-синих накидках с черно-золотыми клеточками Вердена на груди. Их окружили, но ни один не приблизился, не притронулся к оружию.

— Куда и откудова? — пролаял крижистый тип в потертой зеленой одежде, встав перед Геральтом на широко расставленных тумбообразных ногах. Лицо у него было темное и изборженное морщинами, словно высушенная слива. Лук и белоперистые стрелы торчали высоко над головой из-за спины.

— Из Выжиг, — гладко соврал ведьмак, стискивая ручку Цири. — Возвращаемся к себе в Бругге. А что?

— Королевская служба, — вежливо сказал темнолицый, словно только сейчас заметил меч на спине Геральта. — Мы...

— Давай его сюды, Йунгханс! — крикнул один из тех, что стояли на дороге дальше. Солдаты расступились.

— Не смотри, Цири, — быстро сказал Геральт. — Отвернись. Не смотри.

На дороге лежало поваленное дерево, перекрывающее проезд путаницей ветвей. Надрубленная и сломанная часть ствола белела в придорожных кустах длинными стрелами щепок. Перед деревом стояла телега, накрытая полотном, прикрывающим груз. Маленькие косматые лошадки лежали на земле, запутавшись в дышлах и вожжах, утыканные стрелами, щеря желтые зубы. Одна еще была жива, тяжело хрипела, дергалась.

Были там и люди, валяющиеся в темных пятнах впитавшейся в песок крови, свешивающиеся с края телеги, скорчившиеся у колес.

Из-за спин столпившихся вокруг воза вооруженных людей вышли двое, потом прибавился третий. Остальные — их было около десятка — стояли неподвижно, держа коней.

— Что тут произошло? — спросил ведьмак, вставая так, чтобы заслонить от Цири сцену бойни.

Косоглазый мужчина в короткой кольчуге и сапогах изучающе взглянул на него, потер щетинистый подбородок. На левом

предплечье у него был вытертый и блестящий кожаный манжет, какими пользовались лучники.

— Нападение, — сказал он коротко. — Духобабы перебили. Мы тут следствие ведем.

— Дриады напали на купцов?

— Сам видишь, — указал рукой косоглазый. — Утыканы стрелами, словно ежи. На тракте! Эти лесные ведьмы становятся все наглее. Уже не только в лес не можно зайти, уж и дорогой вдоль леса нельзя.

— А вы, — прищурился ведьмак, — кто такие?

— Эрвиллова дружина. Из настрогских. У барона Фрейксенета служили. Но барон пал в Брокилоне.

Цири раскрыла было рот, но Геральт сильно сжал ей руку.

— Кровь за кровь, говорю! — загремел спутник косоглазого, гигант в украшенном латунью кафтане. — Кровь за кровь! Этого так оставить нельзя! Сначала Фрейксенет и похищенная княжна из Цинтры, теперь вот купцы. О боги, месть, месть — говорю! Потому как ежели нет, то увидите — завтра-послезавтра они начнут убивать людей на порогах собственных домов!

— Брик верно говорит, — сказал косоглазый. — Верно? А ты, брат, откуда?

— Из Бругге, — снова солгал ведьмак.

— А маленькая? Дочка?

— Дочка. — Геральт снова сжал ручку Цири.

— Из Бругге, — нахмурился Брик. — Ну так я тебе скажу, что энто твой король, Вензлав, потворствует чудикам. Не хочет с нашим Эрвиллом стакнуться и с Вираксасом из Керака. А ежели б с трех-то сторон да на Брокилон рушить, мы б вконец выбили энту мерзость...

— Почему случилась бойня? — медленно спросил Геральт. — Кто-нибудь знает? Выжил кто из купцов?

— Свидетелей нет, — сказал косоглазый. — Но мы-то знаем, что случилось. Йунгханс, лесничий, читает по следам, как по книге. Скажи ему, Йунгханс.

— Ну чего ж, — сказал тот, со сморщенным лицом. — Было оно так: ехали купцы трактом. Наткнулись на засеку. Видите, господин, поперек дороги поваленная сосна, недавно срубленная. В чаще есть следы, хотите осмотреть? Ну а когда

купцы остановились, чтобы дерево отбросить, их и расстреляли в один миг. Оттедова, из зарослев, где вона та кривая береза. И тама следы есть. А стрелы, брат, все духобаб лесных работа, перья приклеены смолой, наконечники прикручены лыком...

— Вижу, — прервал ведьмак, глядя на убитых. — Некоторые, сдается, выжили, так тех дриады ножами по горлу... Ножами...

Из-за стоявших перед ним солдат выдвинулся еще один — худой и невысокий, в лосином кафтане. У него были черные, очень коротко остриженные волосы, синие, гладко выбритые щеки. Ведьмаку достаточно было одного взгляда на маленькие узкие ладони в коротких черных перчатках, бледные рыбы глаза, на меч и рукояти кинжалов, торчащих из-за пояса и из голенища левого сапога. Геральт видел достаточно много убийц, чтобы не распознать еще одного.

— Быстрый у тебя глаз, — очень медленно сказал черный, — ты и впрямь много видишь.

— И это славно, — проговорил косоглазый. — Что увидел, пусть королю своему передаст, Вензлав вечно клянется, что не позволит духобаб убивать, потому как они, вишь ты, милые и добрые. Наверняка похаживает к ним майской порою и трахает поманеньку. Потому-то они, может, и добрые. А вот мы сами и проверим, ежели какую живцом возьмем.

— А хоть бы и полуживцом, — захохотал Брик. — Ну, мать вашу, где тот друид? Уж скоро полдень, а его ни следа. Двигаться пора.

— Что собираетесь делать? — спросил Геральт, не отпуская руки Цири.

— А тебе-то какое дело? — прошипел черный.

— Ну что уж ты сразу так-то, Левек, — неприятно усмехнулся косоглазый. — Мы люди порядочные, секретов не держим. Эрвилл присылает нам друида, знаменитого мага, который даже с деревьями ухитряется разговаривать. Он проводит нас в лес отомстить за Фрейксенета, попытаться отбить княжну. Это тебе не кукиш с маслом, брат, а карательная эск... эск...

— Экспедиция, — подсказал чернявый. Левек.

— Ну да. Прям договорить не дал. А ты, братец давай двигай, куда шел. Потому как тут может быть здорово горячо.

— Да-а-а уж, — протянул Левек, глядя на Цири. — Опасно тут, особенно с девчонкой. Духобабы только и ждут такую заграбастать. Как, малышня? Мама дома ждет?

Цири, вздрогнув, кивнула.

— Скверно, — продолжал чернявый, не спуская с нее глаз, — если не дождется. Небось помчится к королю Вензлаву: «Ты вона потворствовалаешь дриадам, король, и вот, изволь, моя дочка и мой муж — на твоей совести». Кто знает, может, Вензлав тогда заново обдумает свой союз с Эрвиллом?

— Прекратите, господин Левек, — буркнул Йунгханс, и его сморщенная физиономия сморщилась еще больше. — Пусть идут.

— Ну бывай, маленькая. — Левек протянул руку, погладил Цири по голове. Цири вздрогнула и попятилась.

— Ты что? Боисся?

— У тебя кровь на руке, — тихо сказал ведьмак.

— Да? — Левек поднял руку. — Верно. Их кровь. Купцов. Я проверял, не уцелел ли кто. Увы, духобабы стреляют метко.

— Духобабы? — дрожащим голосом проговорила Цири, не отвечая на знак ведьмака. — Ах, благородный рыцарь, вы ошибаетесь. Это не могли быть дриады!

— Что там этот клоп пищит? — прищурил блеклые глаза чернявый.

Геральт кинул взгляд направо, оценив расстояние.

— Это не дриады, — повторила Цири. — Ясно же!

— Чего?

— Ну дерево... Оно же срублено! Топором! А дриады никогда не срубили бы дерева, правда?

— Правда, — сказал Левек и глянул на косоглазого. — Ишь, какая смышленная девчонка. Слишком уж мудра.

Ведьмак уже раньше заметил, как узкая рука в перчатке, словно черный паук, ползет к рукояти кинжала. Хотя Левек смотрел на Цири, Геральт знал, что удар будет направлен в него. Он подождал, пока Левек коснется оружия и косоглазый затант дыхание.

Три движения. Только три. Покрытое серебряными набивками предплечье садануло чернявого в висок. Прежде чем он упал, ведьмак уже оказался между Йунгхансом и косоглазым,

а меч, с шипением выскочивший из ножен, завыл в воздухе, разрубая висок Брика, гиганта в украшенном латунью кафтане.

— Беги, Цири!

Косоглазый, выхватывая меч, прыгнул, но опоздал. Ведьмак рубанул его поперек груди, наискось, сверху вниз, и тут же, используя энергию удара, снизу вверх, с колен, разделив солдата в кровавый «Х».

— Парни! — рявкнул Йунгханс остальным, окаменевшим от ужаса. — Ко мне!

Цири подбежала к кривому буку и белочкой шмыгнула наверх по веткам, исчезнув в листве. Лесничий послал её вслед стрелу, но промахнулся. Остальные бежали, рассыпавшись полукругом, выхватывая луки и стрелы. Геральт, все еще на коленях, сложил пальцы Знаком Аард и ударил не в лучников — они были далеко, а в песчаную дорогу перед ними, засыпав их пылью.

Йунгханс отскочил, ловко вытянул из колчана вторую стрелу.

— Нет! — взвизгнул Левек, вскакивая с земли с мечом в правой и кинжалом в левой руке. — Оставь его, Йунгханс!

Ведьмак медленно повернулся.

— Он мой, — сказал Левек, тряся головой и отирая предплечьем щеку и рот. — Только мой!

Геральт, наклонившись, двинулся полукругом, но Левек не кружил, наскочил сразу, в два прыжка.

«Хорош», — подумал ведьмак, с трудом отбив меч убийцы коротким вращением своего меча, одновременно полуоборотом уходя от удара кинжалом. Он умышленно не ответил, отскочил, рассчитывая на то, что Левек попытается достать его длинным ударом и потеряет равновесие. Но убийца не был новичком. Он сгорбился и тоже пошел полукругом мягкими, кошачьими шагами. Неожиданно прыгнул, закрутил мечом, завертел, сокращая расстояние. Ведьмак не пошел навстречу, ограничившись быстрым верхним финтом, который принудил убийцу отскочить. Левек сгорбился, спрятав руку с кинжалом за спину. Ведьмак и на этот раз не напал, не сократил дистанцию, снова пошел полукругом, обходя его.

— Лады, — процедил Левек, выпрямляясь. — Продолжим наши игры? Почему бы и нет? Хорошая игра никогда не надоедает!

Он прыгнул, закружил, ударил раз, другой, третий в быстром темпе — верхний удар мечом и тут же слева плоский, косой удар кинжалом. Ведьмак не сбивал ритма — парировал, отскакивая, и снова шел полукрутом, принуждая убийцу крутиться. Левек неожиданно попятился и тоже пошел полукрутом, но в противоположном направлении.

— У каждой игры, — прошипел он сквозь стиснутые зубы, — должен быть свой конец. Что скажешь об одном ударе, ловкач? Один удар, а потом мы уберем с дерева твоего выродка. Как ты на это смотришь?

Геральт видел, что Левек наблюдает за своей тенью, ждет, когда она коснется противника, показав, что тому солнце бьет в глаза. Он перестал кружить, чтобы облегчить убийце задачу.

И превратил зрачки в вертикальные щелочки, два узеньких штришка. При этом слегка сморщился, прикидываясь, будто ослеплен.

Левек прыгнул, закружил, отставив руку с кинжалом вбок, чтобы сохранить равновесие, ударил, невероятно, казалось, изогнув кисть, снизу, целясь в промежность.

Геральт рванулся вперед, развернулся, отбил удар, выгнув руку и кисть так же невероятно, откинул убийцу силой броска тела и хлестнул его концом клинка по левой щеке. Левек сжался, упал на колени, согнулся и зарылся лицом в песок.

Геральт медленно обернулся к Йунгхансу. Тот, искривив лицо в отвратительной гримасе, прицелился из лука. Ведьмак наклонился, схватил меч обеими руками. Солдаты тоже подняли луки. Стояла глухая тишина.

— Чего ждете? Бейте! Бейте в не... — рявкнул лесничий и тут же споткнулся, закачался, сделав несколько шагов, и упал лицом вниз, в шее у него торчала стрела. На стреле были полосатые перья из маховых перьев фазанихи, раскрашенные желтым в отваре из коры.

Стрелы летели со свистом по длинным плоским параболам со стороны черной стены леса. Они летели, казалось, медленно и спокойно, шумя перьями, и чудилось, что набирают скорость и силу, только ударяя в цель. А били они безошибочно, кося настрогских наемников, валя их в песок дороги, бессильных, срезанных, словно подсолнухи, по которым ударили палкой.

Выжившие, расталкивая друг друга, кинулись к лошадям. Стрелы продолжали свистеть, догоняя их на бегу, настигая в седлах. Только трем удалось пустить коней галопом и умчаться, вереща, кровавая им шпорами бока. Но и эти не ушли далеко.

Лес замкнулся, заблокировал дорогу. Уже нигде не было видно купающегося в солнце, песчанистого тракта. Была плотная, непроницаемая стена темных стволов.

Наемники, изумленные и отупевшие, остановили коней, попытались завернуть, но стрелы летели неустанно. И догоняли, и валили их с седел под топот и ржание лошадей, под всеобщий крик и вой.

А потом опустилась тишина.

Замыкавшая тракт стена леса замигала, расплылась радужным туманом и исчезла. Снова возникла дорога, на дороге — сивая лошадь, а на сивой лошади — наездник, могучий, с метлообразной бородой, в куртке из тюленьей шкуры, наискось перехваченной клетчатым шерстяным шарфом.

Конь, отворачивая морду и грызя удила, сделал шаг вперед, высоко поднимая передние ноги, храпя и косясь на трупы, на запах крови. Наездник, выпрямившийся в седле, поднял руку, и резкий порыв ветра ударил по ветвям деревьев.

Из зарослей на дальнем краю леса показались маленькие фигурки в облагающих одеждах, скомбинированных из зеленого и коричневого, с лицами, покрытыми полосами, нанесенными скорлупой ореха.

— Ceadmil, Wedd Brokiloene! — воскликнул наездник. — Faill, Ana Woodweddl!

— Faill! — Голос из леса, словно веяние ветра.

Коричнево-зеленые фигурки начали исчезать, одна за другой растворяясь в чаще. Осталась только одна с развевающимися волосами медового цвета. Она сделала несколько шагов, приблизилась.

— Va faill, Gwynbleidd! — воскликнула она, подходя ближе.

— Прощай, Мона, — сказал ведьмак. — Я не забуду тебя.

— Забудь, — ответила она твердо, поправляя колчан на спине. — Нет Моны. Мона — был сон. Я Браэни. Браэни из Брокилона.

Она еще раз махнула рукой. И исчезла.

Ведьмак повернулся.

— Мышовур, — сказал он, глядя на наездника на сивом коне.

— Геральт, — кивнул наездник, измеряя его холодным взглядом. — Любопытная встреча. Но начнем с самого важного. Где Цири?

— Здесь! — крикнула девочка, скрытая в листве. — Уже можно слезать?

— Можно, — сказал ведьмак.

— Но я не знаю как!

— Так же, как залезла, только наоборот.

— Я боюсь! Я на самой макушке!

— Слезай, говорю! Нам надо поговорить, девочка моя!

— Это о чем же?

— Зачем, черт побери, ты залезла туда вместо того, чтобы убежать в лес? Я убежал бы за тобой, и не пришлось бы... А, черт! Слезай!

— Я сделала, как кот в сказке! Что бы я ни... получается плохо! Почему, хотела бы я знать?

— Я тоже, — сказал друид, слезая с коня, — хотел бы это знать. И твоя бабушка, королева Калантэ, тоже хотела бы знать. Давай слезай, княжна.

С дерева посыпались листья и сухие веточки. Потом послышался резкий треск разрываемой ткани, и наконец появилась Цири, съезжающая верхом по стволу. Вместо капюшона на курточке болтались художественные лоскуты.

— Дядя Мышовур!

— Собственной персоной. — Друид обнял девочку, прижал к себе.

— Тебя прислала бабушка? Она очень страдает?

— Не очень, — улыбнулся Мышовур. — Она слишком увлечена вымачиванием розог. Дорога в Цинтру, Цири, займет у нас некоторое время. Посвяти его тому, чтобы придумать объяснения своим поступкам. Это должно быть, если ты согласишься воспользоваться моим советом, очень краткое и дельное объяснение. Такое, которое можно проговорить очень-очень быстро. И все равно, я думаю, последние слова тебе придется уже выкрикивать, княжна. Очень, очень громко.

Цири болезненно поморщилась, тихонечко фыркнула, а руки против желания поползли у нее к угрожаемому месту.

— Пошли отсюда, — сказал Геральт, осматриваясь. — Пошли отсюда, Мышовур.

8

— Нет, — сказал друид, — Калантэ изменила планы, она уже не желает замужества Цири с Кистрином. У нее есть на то свои причины. Ко всему прочему, думаю, тебе не надо объяснять, что после той мерзопакостной аферы с подстроенным нападением на купцов король Эрвилл серьезно пал в моих глазах, а с моими глазами в королевстве считаются. Нет, мы в Настрог даже не заглянем. Я забираю малышку прямо в Цинтру. Поехали с нами, Геральт.

— Зачем? — Ведьмак взглянул на накрытую кожушкой Мышовура Цири, дремавшую под деревом.

— Ты отлично знаешь зачем. Этот ребенок, Геральт, твое Предназначение. Третий раз, да, третий, пересекаются ваши пути. В переносном, конечно, смысле, особенно если говорить о двух предыдущих. Пожалуй, ты не назовешь это случайностью?

— Какая разница, как назову, — криво улыбнулся ведьмак. — Не в названии дело, Мышовур. Зачем мне в Цинтру? Я уже бывал там, скрещивал уже, как ты это назвал, пути. И что?

— Тогда ты потребовал, чтобы Калантэ, Паветта и ее муж поклялись. Они клятву сдержали. Цири — Неожиданность. Предназначение требует, чтобы...

— Чтобы я забрал ребенка и переделал в ведьмака? Девочку? Посмотри на меня, Мышовур. Ты представляешь себе меня пригожей девочкой?

— К черту твое ведьмачество, — занервничал друид. — О чем ты вообще говоришь? Что тут общего? Нет, Геральт, вижу, ничего ты не понимаешь, придется объяснить проще. Слушай, любой дурак, в том числе и ты, может потребовать клятвы,

может добиться обещания и из-за этого не станет необычным. Необычен ребенок. И необычна связь, которая возникает, когда рождается такой ребенок. Надо еще ясней? Пожалуйста. С момента рождения Цири уже не имеет значения, чего ты хочешь и от чего отказываешься. Ты, черт побери, не идешь в расчет. Не понимаешь?

— Не кричи. Разбудишь ее. Наша Неожданность, наш Сюрприз спит. А когда проснется... Мышовур, даже от самого необычного можно... порой надо уметь отречься.

— Ты же знаешь, — холодно посмотрел на него друид, — собственного ребенка у тебя не будет никогда.

— Знаю.

— И отказываешься.

— Отказываюсь. Вероятно, имею право?

— Имеешь, — сказал Мышовур. — А как же. Но это довольно рискованно. Есть такое древнее пророчество: у Меча Предназначения...

— ...два острия, — докончил Геральт. — Слышал.

— А! Делай как хочешь. — Друид отвернулся, сплонул. — Подумать только, я готов был подставить за тебя шею...

— Ты?

— Да. В противоположность тебе я верю в Предназначение. И знаю, как опасно играть с обоюдоострым мечом. Не играй, Геральт. Воспользуйся представившейся возможностью. Преврати то, что связывает тебя с Цири, в нормальные, здоровые узы ребенка и опекуна. Ибо если нет... Тогда эта связь проявится иначе. Страшной. Негативным и разрушительным образом. Я хочу уберечь от этого и тебя, и ее. Если ты захочешь ее забрать, я возражать не стану. Я взял бы на себя риск объяснить Калантэ, почему...

— Откуда ты знаешь, что Цири захочет пойти со мной? Из древних пророчеств?

— Нет, — серьезно сказал Мышовур. — Оттуда, что уснула она только тогда, когда ты ее приласкал. Что она мурлычет сквозь сон твоё имя и ручкой идет твою руку.

— Достаточно, — Геральт встал, — а то я уж готов и вовсе взволноваться. Бывай, бородач. Мои поклонны Калантэ. А относительно Цири... Придумай что-нибудь.

— Тебе не уехать, Геральт.

— От Предназначения? — Ведьмак подтянул подпруту трофейного коня.

— Нет, — сказал друид, глядя на спящую девочку. — От нее.

Ведьмак покачал головой, вскочил в седло. Мышовур сидел неподвижно, копаясь прутиком в погасшем костре.

Геральт отъехал тихо, через вереск, доходящий до стремян, по косогору, ведущему в долину, к черному лесу.

— Гера-а-альт!

Он обернулся. Цири стояла на вершине холма, маленькая, серая фигурка с развевающимися пепельными волосами.

— Не уходи!

Он помахал ей рукой.

— Не уходи, — тихо вскрикнула она. — Не ухо-о-оди!

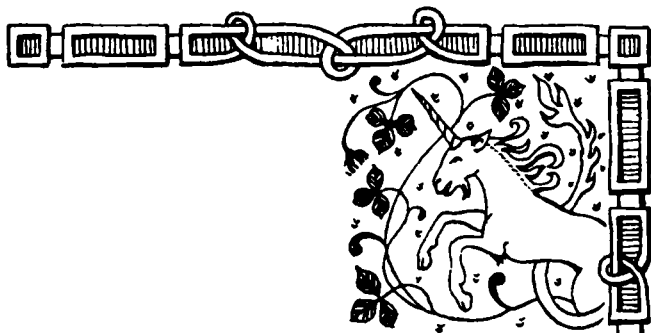
«Я должен, — подумал ведьмак. — Должен, Цири. Потому что... Я всегда уйду».

— Ничего у тебя не получится все равно. Вот увидишь! — крикнула она. — И не думай! Не убежишь! Я твоё Предназначение, слышишь?!

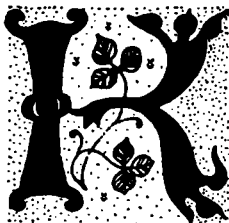
«Предназначения не существует, — подумал он. — Не существует. Единственное, что предназначено всем, это смерть. Именно смерть — второе острие обоюдоострого меча. Одно — это я. А второе — смерть, идущая за мной по пятам. Я не могу, мне нельзя подвергать опасности Цири».

— Я — твоё Предназначение! — донеслось до него с вершины холма, тихо, отчаянно.

Он тронул коня пяткой и поехал вперед, словно в бездну углубляясь в черный, холодный и подмокнувший лес, в дружелюбную тень, во мрак, которому, казалось, нет конца.

НЕЧТО БОЛЬШЕЕ

1

Когда по доскам моста вдруг зацокали копыта, Йурга даже не поднял головы, только тихо завыл, отпустил колесо, с которым мучился, и со всей доступной резвостью вполз под телегу. Распластавшись, сдирая спиной шершавую корку засохшего навоза и грязи, покрывающую снизу дно повозки, он дрожал и прерывисто повизгивал от страха.

Конь медленно приблизился к телеге. Йурга видел, как он осторожно и мягко ступает по прогнившим, омшелым доскам.

— Вылезай, — сказал невидимый наездник.

Йурга щелкнул зубами и втянул голову в плечи. Конь фыркнул, топнул.

— Спокойно, Плотва, — проговорил наездник. Йурга услышал, как он похлопывает лошадь

по шее. — Вылезай оттуда, человек. Я тебе ничего плохого не сделаю.

Купец ни на грош не поверил в заверения незнакомца. Однако в голосе было что-то такое, что успокаивало и в то же время интриговало, хотя вряд ли можно было назвать этот голос приятным. Йурга, вознося шепотом молитвы нескольким богам сразу, осторожно высунул голову из-под телеги.

У наездника были белые, как молоко, волосы, стянутые на лбу кожаным ремешком, и черный шерстяной плащ, ниспадающий на круп каштановой лошади. На Йургу верховой не смотрел. Наклонившись в седле, он разглядывал колесо телеги, по самую ступицу застрявшее между растрескавшимися досками. Неожиданно поднял голову, скользнул по купцу взглядом и принялся рассматривать заросли вдоль устья. Лицо его ничего не выражало.

Йурга выкарабкался из-под телеги, заморгал, вытер нос, размазывая по физиономии деготь, прихваченный со ступицы. Наездник устался на него темными прищуренными, пронизательными, острыми, как рыбы косточки, глазами. Йурга молчал.

— Вдвоем не выгащить, — сказал наконец незнакомец, указав на застрявшее колесо. — Один ехал?

— Сам-третей, — промямлил Йурга. — Со слугами. Сбежали, гады...

— Неудивительно, — сказал наездник, глядя под мост, на дно устья. — Ничего странного. Думаю, тебе следует поступить так же. Самое время.

Йурга не проследил за взглядом незнакомца. Не хотел смотреть на груды черепов, ребер и берцовых костей, разбросанных меж камней и выглядывающих из-под лопухов и крапивы, покрывавших русло высохшей речки. Боялся, что достаточно еще раз увидеть черные провалы глазниц, выдеренные зубы и потрескавшиеся мослы, чтобы все его самообладание резвелося и жалкие остатки храбрости улетучились, как воздух из рыбьего пузыря, заставив мчаться по тракту в гору, обратно, давясь собственным криком, как это было с возницей и слугой меньше часа назад.

— Чего ждешь? — тихо спросил наездник, поворачивая коня. — Темноты? Тогда будет поздно. Они явятся за тобой,

как только стемнеет. А может, и раньше. Давай прыгай на коня за мной, сзади. Убираемся отсюда, и как можно скорее.

— А телега? — в голос завыл Йурга, не очень понятно, со страха ли, отчаяния или бешенства. — А товары? Целый год трудов. Уж лучше подохнуть! Не оставляю-ю-ю!

— Сдается мне, ты еще не знаешь, куда тебя лихо занесло, дружище, — спокойно проговорил незнакомец, указывая рукой на чудовищное кладбище под мостом. — Говоришь, не бросишь телеги? Да пойми ты, когда наступит темнота, тебя не спасет даже сокровищница короля Дезмода, не то что твой паршивый воз. Какого черта тебе взбрело в голову ехать через это урочище? Решил дорогу срезать. Не знаешь, что тут творится со времен войны?

Йурга покрутил головой: не знаю, мол.

— Не знаешь, ну-ну, — бросил незнакомец. — Но то, что лежит на дне, видел? Трудно не заметить. Это те, которые тоже срезали дорогу. А ты говоришь, не бросишь телеги. А кстати, интересно узнать, что там у тебя?

Йурга не ответил, глядя на наездника исподлобья и пытаясь решить, что лучше — «пакля» или «старые тряпки».

Наездника, казалось, не очень интересовал ответ. Он успокоил каштанку, грызущую удила и потряхивающую гривой.

— Господин, — пробормотал наконец купец. — Помогите. Спасите. До конца жизни помнить буду... Не оставляйте... Что захотите дам, чего только захотите... Спасите, господин!

Незнакомец резко повернул голову, обеими руками опершись о луку.

— Как ты сказал?

Йурга молчал, раскрыв рот.

— Дашь, чего захочу? А ну повтори.

Йурга хлопнул носом, закрыл рот и пожалел, что у него нет бороды, в которую можно бы наплевать. В голове кипело от фантастических предположений касательно награды, которую мог потребовать странный пришелец. Однако все, включая и право ежедневных любовных игр с его молодой женой Златулиной, казалось не столь страшным, как перспектива потерять воз, и, уж конечно, не таким ужасным, как возможность оказаться на дне поймы в качестве еще одного побелевшего

скелета. Купеческая привычка заставила его мгновенно произвести расчеты. Верховой, хоть и не походил на привычного оборванца, бродягу или мародера, каких после войны расплодилось на дорогах тьма-тьмуцкая, не мог все же ни в коем разе быть и вельможей, комесом или одним из зазнавшихся рыцарьков, слишком много мнящих о себе и находивших удовольствие в том, чтобы сдирать три шкуры с ближних. Йурга решил, что больше чем на двадцать шпук золота он не потянет. Однако натура торговца удержала его от того, чтобы назвать цену самому, и он ограничился лишь бормотанием о благодарности до конца дней своих.

— Я спросил, — спокойно напомнил незнакомец, переждав, пока купец замолкнет, — дашь ли ты мне то, что я пожелаю?

Выхода не было. Йурга сглотнул, наклонил голову и несколько раз утвердительно кивнул. Незнакомец, вопреки его ожиданиям, не рассмеялся злоежде, а совсем даже наоборот, казалось, его вовсе не обрадовала победа в переговорах. Наклонившись в седле, он плюнул вниз и угрюмо проворчал:

— Что я делаю? Зачем все это? Ну ладно, хорошо. Попробую тебя вытащить, хотя, как знать, не кончится ли все это скверно для нас обоих. А если удастся, то взамен...

Йурга съежился, готовый зареветь.

— Дашь мне то, — неожиданно быстро проговорил наездник в черном плаще, — что, вернувшись, застанешь дома, но чего застать не ожидал. Обещаешь?

Йурга застонал и быстро кивнул.

— Хорошо, — проговорил незнакомец. — А теперь отойди. А еще лучше — лезь снова под телегу. Солнце вот-вот сядет.

Он соскочил с седла, скинул плащ, и Йурга увидел, что незнакомец носит за спиной на ремне, наискось пересекающем грудь, меч. У него было туманное ощущение, что когда-то он уже слышал о людях, именно так носящих оружие. Черная кожаная, доходящая до бедер куртка с длинными манжетами, искрящимися от серебристых набивок, могла указывать на жителя Новиграда или его окрестностей, впрочем, мода на такую одежду в последнее время вообще широко распростра-

нилась, особенно среди молодежи. Однако молодым незнакомец не был наверняка.

Наездник стащил с лошади выюки, повернулся. На груди у него покачивался на серебряной цепочке медальон. Под мышкой он держал небольшой окованный сундучок и продолговатый сверток, окутанный кожей и перехваченный ремнем.

— Ты все еще не подлез? — спросил он, подходя. Йурга увидел, что медальон изображает оскаленную клыкастую волчью морду.

— Вы... ведьмак? — вспомнил он тут же.

— Угадал, — пожал плечами незнакомец. — Ведьмак. А теперь отойди. На другую сторону телеги. Не высовывайся оттуда и сиди смирно. Мне надо недолго побыть одному.

Йурга послушался. Присел у колеса, накрывшись епанчой. Он не хотел смотреть, что делает незнакомец по другую сторону телеги, а тем более глядеть на кости, валяющиеся на дне высохшего русла. Поэтому рассматривал собственные башмаки и зеленые звездочки мха, покрывающего прогнившие доски моста.

Ведьмак.

Солнце заходило.

Он слышал шаги.

Незнакомец медленно, очень медленно вышел из-за телеги на середину моста. Он стоял к Йурге спиной, и на спине у него был уже не тот меч, который Йурга видел недавно. Теперь это было красивое оружие — головка и эфес меча и оковка ножен горели, как звезды, блестели даже в наступающих сумерках, хотя света уже почти не было — погасло даже пурпурно-золотистое мерцание, еще совсем недавно висевшее над лесом.

— Господин...

Незнакомец обернулся. Йурга с трудом сдержал крик.

Лицо чужака было белым — белым и пористым, как отжатый, только что вынутый из тряпки творог. А глаза... О боги, взыло что-то в Йурге. Глаза...

— За телегу, быстро, — прохрипел незнакомец. Это был не тот голос, который Йурга слышал раньше. Купец вдруг почувствовал, как сильно докучает ему переполненный мочевого пузырь. Незнакомец повернулся и пошел дальше на мост.

Ведьмак.

Конь, привязанный к обрешетке телеги, фыркнул, заржал, глухо забил копытами по доскам.

Над ухом Йурги зазвенел комар. Купец даже не пошевелил рукой, чтобы его отогнать. Зазвенел второй. Целые тучи комаров звенели в зарослях на противоположной стороне яра. Бренчали.

И выли.

Йурга, до боли стиснув зубы, сообразил, что это вовсе не комары.

Из мрака, густеющего на покрытом кустами склоне, появились маленькие уродливые фигурки — не больше четырех локтей, худые, словно скелеты. Они вышли на мост странной походкой, словно цапли, резкими быстрыми движениями высоко поднимая шишковатые колени. Глаза под плоскими складчатыми лбами светились желтым, в широких лягушачьих пастьях блестя белые конские зубы. Уродцы, шипя, приближались.

Незнакомец, словно статуя, неподвижно стоявший посреди моста, вдруг поднял правую руку, странно сложив пальцы. Отвратительные карлики попятись, зашипели громче, но тут же снова двинулись вперед, все быстрее, поднимая длинные, тонкие, как прутки, когтистые лапы.

По доскам слева заскребли когти, из-под моста выскочил вдруг очередной уродец, остальные, странно подпрыгивая, ринулись вперед. Незнакомец закружился на месте, сверкнул меч, выхваченный неведомо когда. Голова забирающегося на мост существа отлетела на сажень вверх, волоча за собой косу крови. Белоголовый прыжком налетел на группу других, завертелся, быстро рубя налево и направо. Уродцы, размахивая лапами и воя, кинулись на него со всех сторон, не обращая внимания на сверкающий, режущий, как бритва, клинок. Йурга скорчился, прижавшись к телеге.

Что-то упало ему под ноги, обрызгало кровью. Это была длинная, костявая, чешуйчатая, как куриная нога, лапа с четырьмя когтями.

Купец вскрикнул. И тут же почувствовал, как что-то пробегает рядом. Он скрючился еще больше, хотел нырнуть под телегу, в этот самый момент что-то свалилось ему на шею, а когтистые лапы впились в висок и щеку. Он заслонил глаза, рыча и дергая головой, вскочил и нетвердыми шагами выбежал

на середину моста, спотыкаясь о валяющиеся на досках трупы. На мосту кипел бой — Йурга не видел ничего, кроме яростной борьбы, кучи, из которой то и дело высверкивал луч серебристого острия.

— Спа-а-асите! — завопил он, чувствуя, как острые клыки, пробив войлочную шапку, впиваются в затылок.

— Голову вниз!

Он втиснул подбородок в грудь, ловя глазом блеск меча. Клинок засвистел в воздухе, скользнул по шапке. Послышался отвратительный мокрый хруст, и Йурге на спину, словно из ведра, хлынула горячая жидкость. Он упал на колени, пригнетаемый мертвым уже грузом, висющим на шее.

На его глазах еще три чудища выскочили из-под моста. Подпрыгивая наподобие странных кузнециков, они вцепились в бедра незнакомца. Один, получив короткий удар по жабьей морде, дернулся и упал на доски. Вторым, пораженный самым концом меча, повалился, дергаясь в судорогах. Остальные облепили белоголового, словно муравьи, оттеснили к краю моста. Один из них вылетел из клубка, выгнувшись назад, брызжа кровью, дергаясь и воя. И тут весь спутавшийся клубок перевалил через край моста и рухнул вниз. Йурга упал, закрывая голову руками.

Из-под моста взвились торжествующие визги уродцев, которые тут же перешли в крики боли, вопли, прерываемые свистом клинка. Из темноты донесся грохот камней и хруст скелетов, потом снова свист меча и мгновенно оборвавшийся, отчаянный, замораживающий кровь в жилах скрежет.

Потом была уже только тишина, прерываемая резкими криками испуганной птицы в глубине леса, в гуще огромных деревьев. Вскоре замолчала и она.

Йурга соглотнул, поднял голову, с трудом встал. По-прежнему было тихо, не шелестели даже листья, весь лес, казалось, онемел от ужаса. Рваные тучи затянули небо.

— Эй...

Он обернулся, машинально заслоняясь поднятыми руками. Ведьмак стоял перед ним, неподвижный, черный, с блестящим мечом в низко опущенной руке. Йурга обратил внимание на то, что стоит он как-то криво, клонится набок.

— Что с вами, господин?

Ведьмак не ответил. Шагнул неловко и тяжело, с трудом двигая левую ногу. Протянул руку, ухватился за телегу. Йурга увидел кровь, блестящую и черную, текущую по доскам.

— Вы ранены, господин!

Ведьмак не ответил. Глядя прямо в глаза купцу, он вдруг повис на краю телеги и медленно сполз на доски моста.

2

— Осторожнее, помаленьку... Под голову... Эй, поддержите ему голову!

— Сюда, сюда, на телегу!

— О боги, он истечет кровью... Господин Йурга, кровь просачивается сквозь повязку...

— Не болтать! Вперед, гони, Поквит, живей! Накрой его кожушкой, Велль, не видишь — дрожит?

— Может, дать немного самогонки?

— Он же в обмороке! Ну ты и впрямь сдурел, Велль. А самогон давай сюда, надо глотнуть... Вы, псы, стервецы, подлые трусы! Сбежать, оставить меня одного!

— Господин Йурга! Он что-то бормочет!

— Что? Что бормочет-то?

— Э, чтой-то непонятное... Вроде имя чье-то...

— Какое?

— Йеннифэр...

3

— Где... я?

— Лежите, господин, не двигайтесь, а то снова все разорвется и полопается. До кости бедро рассадили, паскуды, жуть, сколь крови вытекло... Не узнаете? Йурга я! Это меня вы на мосту спасли, помните?

— Угу...

— Пить, небось, хотите?

— Чертовски...

— Пейте, господин, пейте. Горячка вас пекет.

— Йурга... Где мы?

— На телеге едем. Молчите, господин, не шевелитесь. Надо из лесов выбраться к людским хатам. Найти кого, кто в лечении смыслил. Того, что мы вам намотали, мало. Кровь все едино течет...

— Йурга...

— Да?

— В моем сундучке... Флакон... С зеленой жидкостью. Сорви печать и дай мне... В какой-нибудь чарке. Чарку вымой как следует и чтоб никто не прикасался к флакону... Если жизнь дорога... Быстрее, Йурга. Черт, ну и трясет твою колымагу. Флакон, Йурга, флакон...

— Уже готово... Пейте...

— Спасибо... Теперь слушай. Сейчас я усну. Буду метаться и бредить, потом лежать словно мертвый. Это ничего, не бойся...

— Лежите, господин, не то рана отворится и кровь из вас уйдет.

Он упал на шкуры, запрокинул голову, чувствовал, как купец укрывает его кожаной и попоной, от которой сильно несло конским потом. Телега тряслась, каждый толчок отзывался дикой болью в бедре. Геральт стиснул зубы.

Над собой он видел

миллиарды звезд. Они были так близко, что, казалось, достаточно протянуть руку. Над самой головой, над самыми верхушками деревьев.

Он выбирал дорогу так, чтобы держаться в стороне от света, от огней костров, чтобы все время находиться в укрытии из колеблющихся теней. Это было нелегко — кругом пылали костры из пихтовых стволов, языки пламени взвивались к небу красными сполохами, усеянными блестящими искрами, метили тьму более светлыми полотнищами дыма, стволы трещали, стреляли вспышками, высвечивая пляшущих повсюду людей.

Геральт задержался, чтобы пропустить мчащийся на него, бушующий, перекрывающий дорогу, орущий и дикий хоровод.

Кто-то дернул его за рукав, пытаясь сунуть в руку деревянный, исходящий пеной жбанчик. Он легко, но решительно отстранил качающегося мужчину, разбрызгивающего вокруг пиво из бо-
чонка, который держал под мышкой. Он не хотел пить.

Не в такую ночь, как эта.

Неподалеку, на подмостках из березовых стволов, вздымающихся рядом с огромным костром, светловолосый Майский Король в венке и в брюках из голубой ткани целовал рыжую Майскую Королеву, тиская ее груди, выпирающие сквозь тонкую, пропотевшую полотняную рубаху. Монарх был более чем слегка пьян, покачивался, старался удержать равновесие, обнимая плечи Королевы, прижимал к ней пятерню, стиснутую на кружке пива. Королева, тоже не вполне трезвая, в венке, сползшем на глаза, обнимала Короля за шею и перебирала ногами. Толпа плясала под помостом, пела, верещала, потрясала палками, обмотанными гирляндами зелени и цветов.

— Беллетэйн! — крикнула прямо в ухо Геральту юная невысокая девушка. Потянув его за рукав, заставила вертеться посреди окружившего их хоровода. Сама заплясала рядом, хлопая юбкой. Ее волосы развевались, полные цветов. Он позволил ей увлечь себя в танце, они закружились, ловко уворачиваясь от других пар.

— Беллетэйн! Майская Ночь!

Вокруг возня, писк, нервный смех, изображающий борьбу и сопротивление очередной девушки, уносимой парнем в темноту, за пределы круга света. Хоровод, покрикивая, извивался змеей меж кострами. Кто-то споткнулся, упал, разорвав цепь рук, разделив людей на небольшие группки.

Девушка, глядя на Геральта из-под украшавших ее лоб листьев, приблизилась, прижалась к нему, охватив руками, порывисто дыша. Он грубо схватил ее, грубее, чем намеревался. Руки, прижатые к ее спине, почувствовали горячую влажность тела, проникающую сквозь тонкий лен. Она подняла голову. Глаза были закрыты, зубы блестели из-под приподнятой верхней губы. От нее несло потом и аиром, дымом и желанием.

«А почему бы и нет», — подумал он, продолжая мять ее платье и спину, тешась влажным, парящим теплом на паль-

цах. Девушка была не в его вкусе — слишком маленькая, слишком пухленькая, — он чувствовал под рукой место, где чересчур тесный лифчик врезался в тело, делил спину на две четко различимые округлости там, где их быть не должно. «Почему бы и нет, — подумал он, — ведь в такую ночь... Это не имеет значения».

Беллетэйн... Огни по самый горизонт. Беллетэйн, Майская Ночь.

Ближайший костер с треском сожрал брошенные ему сухие растопыренные можжевельники, брызнул ярким золотом, залившим все вокруг. Девушка подняла голову, раскрыла глаза, взглянула ему в лицо. Он услышал, как она громко втягивает воздух, почувствовал, как напрягается, как резко упирается руками ему в грудь. Он тут же отпустил ее. Она качнулась, отбросив тело на длину не полностью выпрямленных рук, но не оторвала своих бедер от его. Потом опустила голову, отвела руки, отстранилась, глядя в сторону.

Они несколько мгновений не двигались, но вот возвращающийся хоровод снова налетел на них, захватил, развел. Девушка быстро отвернулась и убежала, неловко пытаясь присоединиться к танцующим. Оглянулась. Только один раз.

Беллетэйн...

«Что я здесь делаю?»

Во мраке заискрилась звезда, замигала, приковала взгляд. Медальон на шее ведьмака дрогнул. Герайт непроизвольно расширил зрачки, без труда пробил взглядом тьму.

Женщина не была кметкой. Кметки не носят черных бархатных плащей. Кметки, которых мужчины несли либо тянули в заросли, кричали, хохотали, трепыхались и сопротивлялись, как форели, которых вытаскивают из воды. И ни одна из них не вела во мрак высоких, светловолосых парней в развевающихся рубахах. Эта — вела.

Деревенские девушки никогда не носят на шее бархоток и усеянных бриллиантами обсидиановых звезд.

— Йеннифэр...

Неожиданно расширившиеся фиолетовые глаза, горящие на бледном треугольном лице.

— Герайт...

Она отпустила руку светловолосого херувима с грудью, блесневшей от пота, словно надраенная медная пластина. Парень покачулся, упал на колени, водил головой, оглядывался, моргал. Медленно встал, глянул на них ничего не понимающим, растерянным взглядом, потом нетвердыми шагами пошел к кострам. Чародейка даже не посмотрела ему вслед. Она пристально глядела на ведьмака, а ее рука сильно стискивала край плаща.

— Приятно снова встретиться, — сказал он свободно. И тут же почувствовал, как улетучивается возникшее было между ними напряжение.

— И верно, — улыбнулась она. Ему казалось, что в этой улыбке было что-то вымученное, но уверен он не был. — Весьма приятная неожиданность, не отрицаю. Что ты тут делаешь, Геральт? Ах... Прости, извини за бестактность. Ну конечно, то же, что и я. Ведь это Беллетэйн. Просто ты поймал меня, так сказать, на месте преступления.

— Я тебе помешал.

— Переживу, — засмеялась она. — Ночь не кончилась. Захожу, увлеку другого.

— Жаль, я так не умею, — сказал он, с большим трудом изображая равнодушие. — Только что одна увидела при свете мои глаза и сбежала.

— Под утро, — сказала Йеннифэр, улыбаясь все искусственное, — когда они совсем уже ошалеют, им это станет безразлично. Еще найдешь какую-нибудь, не волнуйся...

— Йен... — слова застряли у него в горле. Они смотрели друг на друга долго, очень долго, а красный отсвет огня играл на их лицах. Йеннифэр вдруг вздохнула, прикрыв глаза ресницами.

— Нет, Геральт. Не надо начинать...

— Это Беллетэйн, — прервал он. — Ты забыла?

Она, не торопясь, подошла, положила ему руки на плечи, медленно и осторожно прижалась к нему, коснулась лбом груди. Он гладил ее волосы цвета воронова крыла, рассыпавшиеся локонами, крутыми, как змеи.

— Поверь, — шепнула она, поднимая голову. — Я не задумалась бы ни на миг, если б дело было только... Но это

бессмысленно. Все начнется заново и кончится тем же, что и раньше. Это бессмысленно...

— Разве все должно иметь смысл? Это Беллетэйн.

— Беллетэйн, — она отвернулась. — Ну и что? Что-то ведь привело нас к их кострам, к этим веселящимся людям. Мы собирались плясать, безумствовать, слегка задурманиться и воспользоваться ежегодно царящей здесь свободой, неразрывно связанной с праздником повторяющегося цикла природы. И пожалуйста, мы встречаемся после... Сколько же прошло... Год?

— Год, два месяца и восемнадцать дней.

— Как трогательно. Ты специально?

— Специально, Йен...

— Геральт, — прервала она, резко отстраняясь и поднимая голову. — Скажем ясно: я не хочу.

Он кивнул в знак того, что сказано достаточно ясно.

Йеннифэр откинула плащ на спину. Под плащом была очень тонкая белая блузка и черная юбка, стянутая пояском из серебряных звеньев.

— Не хочу, — повторила она, — начинать сначала. А сделать с тобой то, что я собиралась сделать с тем блондинчиком... По тем же правилам... Это, Геральт, кажется мне каким-то неладным. Оскорбительным и для тебя, и для меня. Понимаешь?

Он снова кивнул. Она поглядела на него из-под опущенных ресниц.

— Не уйдешь?

— Нет.

Она немного помолчала, беспокойно пошевелила пальцами.

— Ты обиделся?

— Нет.

— Тогда пойдем присядем где-нибудь подальше от гомона, поболтаем немного. Потому что, видишь ли, я ведь рада нашей встрече. Серьезно. Посидим... Хорошо?

— Хорошо, Йен.

Они отошли во мрак, в заросли вереска, к черной стене леса, обходя свившиеся в объятиях пары. Чтобы найти место только для себя, им пришлось уйти далеко. Сухой холмик, помеченный стройным, словно кипарис, кустом можжевельника.

Чародейка расстегнула брошь плаща, тряхнула им, расстелила на земле. Он сел рядом с ней. Ему очень хотелось ее обнять, но из упрямства он не сделал этого. Йеннифэр поправила глубоко вырезанную блузку, проницательно взглянула на него, вздохнула и обняла. Можно было этого ожидать. Чтобы читать мысли, ей приходилось напрягаться, но намерения она улавливала произвольно.

Они молчали.

— Эх, — сказала она вдруг, отодвигаясь. Подняла руку, выкрикнула заклинание. Над их головами взлетели красные и зеленые шары, разрываясь высоко в небе. Они распускались разноцветными пушистыми цветами. Со стороны костров долетел смех и радостные восклицания.

— Беллетэйн, — грустно сказала она, — Майская Ночь... Цикл повторяется. Пусть радуются... если могут.

В округе были и другие чародеи. Вдалеке врезались в небо три оранжевые молнии, а с другой стороны, из-за леса, взвился настоящий гейзер радужных, кружащихся метеоров. Люди у костров громко и изумленно ахали, кричали. Геральт сдержанно гладил локоны Йеннифэр, вдыхал аромат сирени и крыжовника. «Если я слишком сильно буду ее желать, — подумал он, — она почувствует и обидится. Нахохлится, оцетинится и оттолкнет меня. Я спрошу спокойно, что у нее слышно...»

— Ничего у меня не слышно, — сказала она, а в ее голосе что-то дрогнуло. — Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

— Не надо, Йеннифэр. Не читай меня. Это смущает.

— Прости. Я произвольно. А у тебя, Геральт, что нового?

— Ничего. Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

Помолчали.

— Беллетэйн! — проворчала она вдруг, и он почувствовал, как она напрягается и как напружинивается рука, прижатая к его груди. — Веселятся. Празднуют извечный цикл обновления природы. А мы? Что делаем здесь мы? Мы, реликты, обреченные на вымирание, на гибель и забвение? Природа возрождается, повторяется цикл. Но не мы, Геральт. Мы не можем повторяться. Нас лишили такой возможности. Нам дана способность творить с природой невероятное, порой просто проти-

воречащее ей. И одновременно отобрали самое простое и самое естественное, присущее природе. Какая корысть с того, что мы живем дольше их? После нашей зимы не придет весна, мы не возродимся, то, что кончается, кончается вместе с нами. Но и тебя, и меня влечет к этим огням, хотя наше присутствие здесь — злая и кощунственная насмешка над их праздником.

Он молчал. Он не любил, когда она впадала в такое настроение, источник которого ему был слишком хорошо известен. «Опять, — подумал он, — опять это начинается ее мучить». Было время, когда казалось, что она забыла, примирилась, как и другие. Он обнял ее, прижал, легонько покачивал, как ребенка. Она не сопротивлялась. Он не удивился. Он знал, что ей это необходимо.

— Знаешь, Геральт, — вдруг сказала она уже спокойно. — Больше всего мне доставало твоего молчания.

Он коснулся губами ее волос, уха. «Я хочу тебя, Йен, — подумал он. — Я хочу тебя, ты же знаешь. Ведь ты знаешь, Йен».

— Знаю, — шепнула она.

— Йен...

Она снова вздохнула.

— Только сегодня, — взглянула она на него широко раскрытыми глазами. — Только эта ночь, которая сейчас кончится. Пусть это будет наш Беллетэйн. Завтра мы расстанемся. Пожалуйста, не рассчитывай на большее, я не могу, я не могла бы... Прости. Если я тебя обидела, поцелуй меня и уйди.

— Если поцелую — не уйду.

— Я надеялась на это.

Она наклонила голову. Он коснулся губами ее раскрытых губ. Осторожно. Сперва верхней, потом нижней. Вплетая пальцы в крутые локоны, коснулся ее уха, бриллиантовой сережки, шеи. Йеннифэр, возвращая поцелуй, прижалась к нему, а ее ловкие пальцы быстро и уверенно расправлялись с застежками его куртки.

Она опустилась навзничь на плащ, раскинутый на мягком мхе. Он прижался губами к ее груди, почувствовал, как твердеют и обозначаются соски под тоненькой тканью блузки. Она порывисто дышала.

— Йен...

— Молчи... Прошу тебя...

Прикосновение ее гладкой, холодной кожи, электризирующие пальцы и ладонь. Дрожь вдоль спины, в которую впились ее ногти. Со стороны костров крики, пение, свист, далекий туман искр в пурпурном дыме. Ласка и прикосновение. Ее. Его. Дрожь. И нетерпение. Плавное прикосновение ее бедер, охватывающих его, стискивающих замком.

Беллетэйн!

Дыхание, разрываемое на вздохи. Вспышки под веками, аромат сирени и крыжовника. Майская Королева и Майский Король? Коцунственная насмешка? Беспамятство?

Беллетэйн! Майская Ночь!

Стон. Ее? Его? Черные локоны на глазах, на губах. Сплетенные пальцы дрожащих рук. Крик. Ее? Черные ресницы. Мокрые. Стон. Его?

Тишина. Вечность в тишине.

Беллетэйн... Огни по самый горизонт...

— Йен?

— Ах, Геральт...

— Йен... Ты плачешь?

— Нет!

— Йен...

— Ведь я обещала себе... Обещала...

— Молчи. Не надо. Тебе не холодно?

— Холодно.

— А теперь?

— Теплее.

Небо светлело в пугающем темпе, черная стена леса выострила контуры, выглянула из бесформенного мрака четкая, зубчатая линия верхушек деревьев. Выползающий из-за них голубоватый предвестник зари разлился вдоль горизонта, гася лампадки звезд. Стало холодней. Он крепче прижал ее, накрыл плащом.

— Геральт?

— У?

— Сейчас рассветет.

— Знаю.

- Я тебя обидела?
- Чутьочку.
- Все начнется сначала?
- Это никогда не кончалось.
- Пожалуйста... Я начинаю чувствовать себя...
- Молчи. Все прекрасно.

Запах дыма, плывущего по вереску. Запах сирени и крыжовника.

- Геральт?
- Да?
- Помнишь нашу встречу в Пустульских Горах? И того золотого дракона... Как его звали?
- Три Галки. Помню.
- Он сказал нам...
- Я помню, Йен.

Она целовала его в то место, где шея переходит в ключицу, потом положила туда голову, щекоча волосами.

— Мы созданы друг для друга, — шепнула она. — Может быть, предназначены? Но ведь из этого ничего не получится. Жаль, но когда рассветет, мы расстанемся. Иначе быть не может. Мы должны расстаться, чтобы не обидеть друг друга. Мы, предназначенные друг другу. Созданные друг для друга. Жаль. Тот или те, кто создавал нас, должны были позаботиться о чем-то большем. Одного Предназначения недостаточно, его слишком мало. Необходимо нечто большее. Прости меня. Я должна была тебе это сказать.

- Я знаю.
- Я знала, что не было смысла любить друг друга.
- Ошибаешься. Был. Несмотря ни на что.
- Поезжай в Цинтру, Геральт.
- Что?
- Поезжай в Цинтру. Поезжай туда и на этот раз не отказывайся. Не делай того, что сделал тогда... Когда ты там был...
- Откуда ты знаешь?
- Я знаю о тебе все. Запомнил? Поезжай в Цинтру, поезжай туда как можно скорее. Грядут тяжелые времена, Геральт. Очень тяжелые. Ты обязан успеть...

- Йен...
- Молчи, прошу тебя.
- Холодает. Все холодней. И светлее.
- Не уходи. Дождемся утра...
- Дождемся.

4

— Не шевелитесь, господин. Надо сменить повязку, потому как рана кровоточит, а нога страшно опухла. О боги, как это паршиво выглядит... Надо как можно скорее добыть лекаря...

— Чихал я на лекаря, — простонал ведьмак. — Давай сюда мой сундучок, Йурга. Вон тот флакон. Лей прямо на рану. О дьявольщина!!! Ничего, ничего, лей еще... О-о-ох! Лады. Заверни покрепче и накрой меня...

— Распухло, господин, все бедро. И горячка бьет.

— Чихал я на горячку. Йурга?

— Да?

— Я забыл тебя поблагодарить...

— Не вы, господин, должны благодарить, а я. Это вы мне жизнь спасли, меня защищая, урон понесли. А я? Что я такого сделал? Человека раненого, без чувств, перевязал, на воз положил, не дал помереть? Обычная штука, господин ведьмак.

— Не такая уж обычная, Йурга. Меня уже бросали... в подобных ситуациях... Как пса...

Купец, опустив голову, помолчал.

— Оно, конечно, так, отвратный нас свет окружает, — пробормотал он наконец. — Токмо это не повод, чтобы все мы паршивели. Добро нам требуется. Этому меня учил мой отец, тому же я своих сынов учу.

Ведьмак молчал, рассматривая ветви деревьев, висящие над дорогой и перемещающиеся по мере движения телеги. Бедро рвало, но боли он не чувствовал.

— Где мы?

— Перешли вброд речку Тра́ву, едем по Мехунским Лесам. Это уже не Темерия, а Содден. Вы проспали границу,

когда таможенники в телеге шуrowали. Ну, скажу вам, охали они, видя вас, сильно. Но старший над ними знал вас, без задержки велел пропустить.

— Знал меня?

— Ага. Геральтом величал. Сказал так: Геральт из Ривии. Это ваше имя?

— Мое...

— Этот таможник обещал послать кого-нито с вестью, что, дескать, лекарь надобен. Ну я еще сунул ему то-се в лапу, чтоб не запамятовал.

— Благодарю, Йурга.

— Нет, господин ведьмак. Я же сказал, что я вас благодарю. И не только. Я вам еще кой-чего должен. Мы уговорились... Что с вами? Вам скверно?

— Йурга... Флакон с зеленой печаткой...

— Господин... Вы же снова... Уж как вы тогда страшно кричали сквозь сон...

— Надо, Йурга.

— Воля ваша. Погодите, щас в чарку вылью. Ну, боги, лекарь надобен, как шибчей, не то...

Ведьмак отвернул голову. Он слышал

крики детей, играющих в высохшем внутреннем рве, окружающем дворцовые стены. Ребят было около десятка, и шумели они жутко, перекрикивая друг друга тонкими, возбужденными, ломкими, переходящими в фальцет голосами. Носились по рву туда и обратно, напоминая косяк быстрых рыбок, молниеносно и неожиданно меняющих направление, но всегда держащихся вместе. Как обычно, вслед за шумливыми, тощими, как пугала, старшими мальчиками бегал не поспевающий за ними, задыхающийся малец.

— Много их, — заметил ведьмак.

Мышовур, тербя бороду, кисло ухмыльнулся, пожал плечами.

— Верно. Много.

— А который из них... Который из пареньков — та знаменитая Неожиданность?

Друид отвел глаза.

— Я не имею права, Геральт...

— Калантэ?

— Конечно. Вряд ли ты думал, что она так просто отдаст ребенка. Ты же ее знаешь. Железная женщина. Я скажу тебе нечто такое, чего говорить не должен, надеюсь, ты поймешь. Полагаю, ты меня не выдашь.

— Говори.

— Когда ребенок родился, это было шесть лет назад, она вызвала меня, приказала отыскать тебя и убить.

— Ты отказался.

— Калантэ не отказывают, — серьезно сказал Мышовур, глядя ему в глаза. — Я был готов отправиться, но тут она снова вызвала меня. И отменила приказ, не объяснив почему. Будь осторожен, когда станешь с ней разговаривать.

— Буду. Скажи, Мышовур, что случилось с Дани и Паветтой?

— Они плыли из Скеллиге в Цинтру. Попали в шторм. Не нашли даже обломков корабля. Геральт... То, что ребенка не было тогда с ними, чертовски странное дело. Необъяснимое. Они хотели взять его с собой на корабль, но в последний момент отказались. Никто не знает причины, Паветта никогда не расставалась с...

— Как это Калантэ перенесла?

— А как ты думаешь?

— Понимаю.

Топоча, словно банда гоблинов, ребятишки забрались наверх и пронесли мимо них. Геральт заметил, что недалеко от головы мчащегося стада бежит развевающая светлой косой девочка, такая же худая и вопящая, как мальчишки. С диким воем ватага снова ринулась вниз по крутому склону рва, по крайней мере половина из них, включая девочку, съехали на ягодицах. Самый маленький, все еще не догнавший остальных, упал, захныкал и уже внизу громко расплакался, схватившись за разбитую коленку. Другие мальчишки окружили его, дразня и посмеиваясь, потом помчались дальше. Девочка опустила перед мальчуганом, обняла, вытерла ему слезы, размазав по мордашке кровь и грязь.

— Идем, Геральт, королева ждет.

— Идем, Мышовур.

Калантэ сидела на большой, подвешенной цепями к ветке огромной липы скамье со спинкой. Казалось, она дремлет, но этому противоречило слабое движение ног, время от времени принуждающих качели двигаться. С королевой были три молодые женщины. Одна сидела на траве, рядом с качелями, ее раскинутое платье белело на зелени, как пятно снега. Две другие, неподалеку, щебетали, осторожно раздвигая побеги малины.

— Госпожа, — склонился Мышовур.

Королева подняла голову. Геральт опустился на одно колено.

— Ведьмак, — сухо проговорила она.

Как и раньше, ее украшали изумруды, гармонировавшие с зеленым платьем. И цветом глаз. Как и раньше, она носила узкий золотой ободок на пепельно-серых волосах. Но руки, которые он помнил белыми и тонкими, были уже не так тонки. Королева пополнела.

— Приветствую тебя, Калантэ из Цинтры.

— Приветствую тебя, Геральт из Ривии. Встань. Я ожидала тебя. Мышовур, друг, проводи девушек в замок.

— Слушаюсь, королева.

Они остались одни.

— Шесть лет, — проговорила Калантэ, не улыбаясь. — Ты поразительно пунктуален, ведьмак.

Он не ответил.

— Бывали минуты, что я говорю, бывали годы, когда я тешила себя надеждой, что ты забудешь. Или иные причины помешают тебе приехать. Нет, несчастья в принципе я тебе не желала, но все же должна была учитывать не очень-то безопасный характер твоей профессии. Говорят, смерть идет за тобою следом, Геральт из Ривии, но ты никогда не оглядываешься. А потом... Когда Паветта... Ты уже знаешь?

— Знаю, — Геральт склонил голову, — и сочувствую от всей души.

— Нет, — прервала она. — Это было давно. Я, как видишь, уже не ношу траура. Носила достаточно долго. Паветта и Дани... Предназначенные друг другу... До конца. Ну и как тут не верить в силу Предназначения?

Оба замолчали. Калантэ пошевелила ногой, снова заставив скамейку качаться.

— И вот спустя шесть условленных лет ведьмак вернулся, — медленно проговорила она, а на ее губах заиграла странная улыбка. — Вернулся и потребовал исполнения клятвы. Как думаешь, Геральт, вероятно, так о нашей встрече станут распевать сказители через сто лет. Я думаю, именно так. Да, это они умеют. Могу себе представить. Послушай. И сказал жестокосердный ведьмак: «Исполни клятву, королева, либо падет на тебя мое проклятие». А королева, заливаясь слезами, пала перед ведьмаком на колени, умолая: «Смилуйся! Не забирай у меня мое дитя! У меня осталось только оно!»

— Калантэ...

— Не прерывай, — резко остановила она. — Я рассказываю сказку, разве не видишь? Слушай дальше. Злой, жестокосердный ведьмак затопал ногами, замахал руками и крикнул: «Берегись, клятвопреступница, берегись возмездия судьбы. Если не сдержишь клятвы, кара не минует тебя». И ответила королева: «Ну хорошо, ведьмак. Да будет так, как пожелает судьба. Вон там, гляди, играют десять детишек. Если угадаешь, который предназначен тебе, забереешь его и оставишь меня с разбитым сердцем».

Ведьмак молчал.

— В сказке, — улыбка Калантэ становилась все менее приятной, — королева, как я себе представляю, позволила бы ведьмаку угадывать трижды. Но мы ж не в сказке, Геральт. Мы здесь в реальности, ты, я и наша проблема. И наше Предназначение. Это не сказка, это жизнь. Паршивая, скверная, тяжелая, не прощающая ошибок, обид, не знающая жалости, разочарований и несчастий, не щадящая никого, ни ведьмаков, ни королев. И потому, Геральт из Ривии, ты будешь отгадывать только один раз.

Ведьмак продолжал молчать.

— Только один-единственный раз, — повторила Калантэ. — Но, как я сказала, это не сказка, а жизнь, которую мы сами должны заполнять моментами счастья, ибо на улыбки судьбы рассчитывать, как ты знаешь, не приходится. Поэтому, чем бы ни кончилось угадывание, ты не уйдешь отсюда с

пустыми руками. Возьмешь одного ребенка. Того, на которого падет твой выбор. Ребенка, из которого ты сделаешь ведьмака. Если этот ребенок, ясное дело, выдержит Испытание Травами.

Геральт резко поднял голову. Королева усмехнулась. Он знал эту усмешку, противную, злую, презрительную.

— Ты удивлен, — отметила она. — Ну что ж, я немного подучилась. Поскольку у дитяти Паветты есть шансы стать ведьмаком, я взяла на себя этот труд. Однако мои источники, Геральт, молчат относительно того, сколько детей из десятка выдерживают Испытание Травами. Ты не мог бы удовлетворить мое любопытство?

— Королева, — откашлялся Геральт, — вероятно, ты немало потрудилась, изучая проблему, и должна знать, что кодекс и клятва запрещают мне даже произносить это название, не то что рассуждать о нем.

Калантэ резко остановила качели, упершись каблуком в землю.

— Трое, самое большое — четверо из десяти, — сказала она, покачивая головой в притворной задумчивости. — Крутая селекция, я бы сказала, очень крутая и притом на каждом этапе. Вначале отбор, потом испытания. А затем изменения. Сколько юношей в результате получают медалионы и серебряные мечи? Один из десяти? Один из двадцати?

Ведьмак молчал.

— Я долго размышляла, — продолжала Калантэ уже без улыбки. — И пришла к выводу, что селекция детей на этапе выбора имеет ничтожное значение. Какая, в общем-то, разница, Геральт, какой ребенок умрет или спятит, напичканный наркотиками? Какая разница, чей мозг разорвется от бредовых видений, чьи глаза лопнут и вытекут вместо того, чтобы стать глазами кошки? Какая разница, в собственной ли крови и блевотине умрет действительно указанный Предназначением или же совершенно случайный ребенок? Ответь.

Ведьмак скрестил руки на груди, чтобы сдержать их дрожь.

— Зачем? — спросил он. — Ты ждешь ответа?

— Верно, не жду, — королева снова усмехнулась. — Как всегда, ты безошибочен в выводах. Как знать, однако, может, не ожидая ответа, я согласилась бы уделить немного внимания

твоим добровольным и искренним словам? Словам, которые, быть может, ты пожелал бы произнести, а вместе с этим освободиться от того, что гнетет тебя? Ну давай примемся за дело, надо же подбросить сказителям материал. Идем выбирать ребенка.

— Калантэ, — сказал он, глядя ей в глаза. — Оставь сказителей в покое. Если им не хватит материала, они сами что-нибудь придумают. А имея в руках истинный материал, они его исказят. Как ты верно заметила, это не сказка, а жизнь. Паршивая и скверная. А посему, черт побери, давай проживем ее по возможности порядочно и хорошо. Ограничим количество творимых другими несправедливостей неизбежным минимумом. В сказке, конечно, королева может умолять ведьмака, а ведьмак требовать своего и топтать ногами. В жизни королева может просто сказать: «Не забирай ребенка, прошу тебя». А ведьмак ответит: «Коли ты просишь, не заберу». И уйдет вслед за заходящим солнцем. Но за такое окончание сказки сказитель не получит от слушателей ни гроша, самое большее — пинок в зад. Потому что скучная получится сказка.

Калантэ перестала улыбаться, в ее глазах мелькнуло что-то знакомое.

— В чем дело? — прошипела она.

— Давай не будем ходить вокруг да около, Калантэ. Ты знаешь, о чем я. Как приехал, так и уеду. Выбрать ребенка? А зачем? Ты думаешь, он мне так уж нужен? Думаешь, я ехал сюда, в Цинтру, гонимый жаждой отнять у тебя внука? Нет, Калантэ. Я хотел, быть может, взглянуть на этого ребенка, посмотреть в глаза Предназначению... Потому что я и сам не знаю... Но не бойся. Я не отберу у тебя его, достаточно, если ты попросишь...

Калантэ вскочила со скамеечки, в ее глазах разгорелся зеленый огонь.

— Просить? — яростно прошипела она. — Тебя? Бояться? Мне тебя бояться, треклятый шаман? Ты осмеливаешься бросать мне в лицо презренную милость? Оскорблять своим сочувствием? Обвинять в трусости, сомневаться в моей воле? Ты обнаглел от моего доверительного к тебе отношения! Берегись!

Ведьмак решил, что, пожалуй, безопасней всего будет не пожимать плечами, а опуститься на колено и склонить голову. И не ошибся.

— Ну, — прошипела Калантэ, стоя перед ним. Руки у нее были опущены, пальцы, униженные перстнями, сжаты в кулаки. — Ну наконец-то. Это соответствующая поза. Именно так отвечают королеве, если королева задает вопрос. А если не вопрос, а приказ, то надобно еще ниже опустить голову и отправиться его исполнять. Без проволоочки. Ты понял?

— Да, королева.

— Прекрасно. Встань.

Он встал. Она посмотрела на него, закусил губу.

— Тебя очень обидела моя вспышка? Я говорю о форме, а не о содержании.

— Не очень.

— Ну и славно. Постараюсь больше не вспыскивать. Итак, я сказала: там, во рву, играют десять ребятишек. Выберешь одного, который покажется тебе самым подходящим, забереешь, и, о боги, сотворишь из него ведьмака, ибо таково Предназначение. А если не Предназначение, то моя воля.

Он посмотрел ей в глаза, низко поклонился.

— Королева. Шесть лет назад я доказал тебе, что есть нечто более могущественное, нежели королевская воля. Ради богов, ежели таковые существуют, докажу тебе это еще раз. Ты не принудишь меня сделать выбор, делать который я не хочу. Прости за форму, не за содержание.

— Под моим дворцом есть глубокие ямы. Предупреждаю: еще немного, еще слово — и ты закончишь в них свою жизнь.

— Ни один мальчик из тех, что играют во рву, не годится на роль ведьмака, — медленно проговорил он. — И среди них нет сына Паветты.

Калантэ придурилась. Он даже не дрогнул.

— Пошли, — сказала она наконец, развернувшись на каблуках.

Он последовал за ней между рядами цветущих кустов, между клумбами и живыми изгородями. Королева прошла в ажурную беседку. Там, вокруг стола из малахита, стояли четыре больших плетеных ивовых кресла. На покрытой жилками плите,

поддерживаемой четырьмя грифонами, стоял кувшин и два серебряных кубка.

— Садись и налей.

Она выпила, подняв в его сторону кубок, резко, солидно, по-мужски. Он, не садясь, ответил тем же.

— Садись, — повторила она. — Я хочу поговорить.

— Слушаю.

— Откуда ты знаешь, что среди детей во рву нет сына Паветты?

— Я не знал. — Геральт решил на откровенность. — Я бросил наобум.

— Так. Можно было догадаться. А то, что ни один из них не годится на роль ведьмака? Это правда? И как ты определил? С помощью магии?

— Калантэ, — тихо сказал он. — Мне не надо было ни определять, ни проверять. В том, что ты сказала раньше, была чистая правда. Годится любой ребенок. Все дело в селекции. Последующей.

— О боги моря, как говаривал мой вечно отсутствующий муж, — рассмеялась она. — Так все это неправда? Все пресловутое Право Неожиданности? Легенды о детях-нежданчиках, о тех, кто встречается первым? Так я и думала! Все — игра! Игра со случаем, забавы с судьбой! Но это чертовски опасная игра, Геральт.

— Знаю.

— Игра с чьим-то несчастьем, несправедливостью. Зачем, скажи мне, заставлять родителей или опекунов давать такие трудные и тяжелые клятвы? Зачем отбирают детей? Ведь кругом полно таких, отбирать которых нет нужды. По дорогам шастают ватаги бездомных и сирот. В любой деревне можно чуть не даром купить ребенка, в голодную пору любой кмет охотно продаст, что ему, он тут же заделает другого. Тогда зачем же? Зачем ты заставил покаяться Дани, Паветту и меня? Зачем явился точно через шесть лет после рождения ребенка? И почему, черт побери, не хочешь его взять, почему говоришь, что он тебе ни к чему?

Геральт молчал.

— Молчишь, — отметила Калантэ, покачав головой и откидываясь на спинку кресла. — Подумаем над причиной твоего

молчания. Логика — мать знания. И что же она нам подсказывает? Что мы, так сказать, имеем? Ведьмака, ищущего Предназначение, укрытое в странном и сомнительном праве Неожиданности. Ведьмак находит это Предназначение. И вдруг отказывается от него. Ему, видите ли, не нужен Ребенок-Неожиданность. Лицо у него каменеет, в голосе — лед и металл. Он считает, что королева — как ни говори, женщина — даст себя обмануть, сбить с толку кажущейся мужской твердостью. Нет, Геральт, не жди от меня пощады. Я знаю, почему ты отказываешься выбрать ребенка. Потому что ты не веришь в Предназначение. А когда ты в чем-то не уверен... тебя охватывает страх. Да, Геральт. Тобой руководит страх. Ты боишься. Скажи — нет?

Он медленно поставил кубок на стол. Медленно, чтобы звоном серебра о малахит не выдать дрожь рук, которую унять не мог.

— Нет?

— Ты права.

Она быстро наклонилась, схватила его руку. Сильно сжала.

— Ты вырос в моих глазах, — сказала она и улыбнулась. Улыбка была хорошей. Невольно, наверняка невольно, он ответил улыбкой.

— Как ты догадалась, Калантэ?

— Я не догадалась, — она не отпустила его руку. — Бросила наобум.

Они одновременно рассмеялись. Потом долго и молча сидели среди зелени и запаха черемухи, тепла и брнчания пчел.

— Геральт?

— Да, Калантэ.

— Ты не веришь в Предназначение?

— Не знаю, верю ли я вообще во что-нибудь. А что до Предназначения... Боюсь, одного его недостаточно. Нужно нечто большее...

— Хочу тебя спросить. Что с тобой? Ведь вроде бы ты и сам был Неожиданностью? Мышовур утверждает...

— Нет, Калантэ. Мышовур имел в виду совершенно другое. Мышовур... Он-то, пожалуй, знает. Но пользуется удобным мифом, когда ему выгодно... Неправда, будто я был тем,

кого застали дома, хоть и не ожидали. Неправда, будто именно поэтому я стал ведьмаком. Я самый обыкновенный подкидыш, Калантэ. Нежеланный, незаконнорожденный сын некоей женщины, которой я не помню. Но знаю, кто она...

Королева проницательно взглянула на него, но ведьмак не продолжал.

— Неужто все рассказы о Праве Неожиданности — легенды?

— Все. Случай трудно назвать Предназначением.

— Но вы, ведьмаки, не перестаете искать?

— Не перестаем. Но это бессмысленно. Вообще бессмысленно все...

— Вы верите, что Дитя Предназначения пройдет через Испытания без риска?

— Мы верим, что такому ребенку не понадобятся Испытания.

— Один вопрос, Геральт. Совершенно личный. Разрешить? Он кивнул.

— Как известно, нет лучшего способа передать наследственные свойства, чем естественным путем. Ты прошел Испытания и выжил. Если тебе так нужен ребенок с особыми свойствами и сопротивляемостью... Почему бы тебе не найти женщину, которая... Я бестактна, да? Но, похоже, я отгадала?

— Как всегда, — грустно улыбнулся Геральт, — ты ошибочно делаешь выводы, Калантэ. Угадала, конечно. То, о чем ты говоришь, для меня недостижимо.

— Прости, — сказала она, и улыбка сошла с ее лица. — Что ж, это по-людски.

— Это не по-людски.

— Да?.. Значит, ни один ведьмак...

— Ни один. Испытание Травами, Калантэ, ужасно. А то, что с мальчиками происходит во время Трансмутации, еще страшнее. И необратимо.

— Только ты уж не раскисай, — буркнула она. — Это тебе не к лицу. Неважно, что с тобой вытворяли. Результат я вижу. На мой вкус, вполне удовлетворительный. Если б я могла предположить, что ребенок Паветты когда-нибудь станет таким, как ты, я не колебалась бы ни минуты.

— Слишком велик риск, — быстро сказал он. — Как ты и думаешь. Выживают самое большее четверо из десяти.

— Черт возьми, разве только Испытание Травами рискованно? Разве только будущие ведьмаки рискуют? Жизнь полна риска: в жизни тоже идет отбор, Геральт. Селекция. Зачастую все решает скверный случай, болезнь, война. Сопротивляться судьбе, может быть, не менее рискованно, чем отдать себя в ее руки. Геральт... Я отдала бы тебе этого ребенка... Но... Я тоже боюсь.

— Я не взял бы. Не мог бы взять на себя ответственность. Не согласился бы отягощать ею тебя. Не хотел бы, чтобы ребенок когда-нибудь вспоминал тебя так... как я...

— Ты ненавидишь ту женщину, Геральт?

— Мою мать? Нет, Калантэ. Догадываюсь, что она оказалась перед выбором... А может, и не было выбора? Нет, был, ведь ты знаешь, достаточно нужного заклинания или эликсира... Выбор. Выбор, который надо уважать, потому что это священное и неоспоримое право каждой женщины. Эмоции тут ни при чем. У нее было неоспоримое право решать, и она решила. Но, думаю, встреча с ней, выражение ее лица... Это дало бы мне что-то вроде извращенного удовлетворения, если ты понимаешь, о чем я.

— Я прекрасно понимаю, о чем ты... — улыбнулась она. — Но у тебя мало шансов испытать такое удовлетворение. Я не могу определить твой возраст, ведьмак, но полагаю, ты гораздо старше, чем об этом говорит твоя внешность. А значит, та женщина...

— Та женщина, — прервал он, — наверняка сейчас выглядит много моложе меня.

— Чародейка?

— Да.

— Интересно. Я думала, чародейки не могут...

— Она, вероятно, тоже так думала.

— Вероятно. Но ты прав, не будем обсуждать право женщины принимать решения, это обсуждению не подлежит. Вернемся к нашей проблеме. Так ты не возьмешь ребенка? Бесспорно?

— Бесспорно.

— А если... если Предназначение не только миф? Если оно все же существует, то не может ли оно отомстить?

— Если будет мстить, то мне, — спокойно ответил он. — Ведь против него выступаю я. Ты-то выполнила свою часть обязательства. Ведь если Предназначение не легенда, то из указанных тобою детей я должен был выбрать соответствующего. Но ведь ребенка Паветты нет среди них?

— Есть. — Калантэ медленно подняла голову. — Хочешь увидеть? Хочешь взглянуть в глаза Предназначению?

— Нет. Не хочу. Отказываюсь, отрекаюсь. Отрекаюсь от этого мальчика. Не хочу смотреть в глаза Предназначению, потому что не верю в него. Ибо знаю: чтобы соединить двух человек, одного Предназначения недостаточно. Нужно нечто большее, чем Предназначение. Я смеюсь над таким Предназначением, я не последую за ним, как мальчишка, которого ведут за руку, ничего не понимающий и наивный. Это мое бесповоротное решение, Калантэ из Цинтры.

Королева встала. Улыбнулась. Он не мог угадать, что кроется за ее улыбкой.

— Да будет так, Геральт из Ривии. Быть может, тебе как раз и было предначертано отречься. Может быть, это было твоим Предназначением. Думаю, так оно и есть. Так знай же, если б ты выбрал и выбрал правильно, то увидел бы, что Предназначение, над которым смеешься ты, жестоко посмеялось бы над тобой.

Он посмотрел в ее ядовито-зеленые глаза. Она улыбнулась. Разгадывать ее улыбки он не умел.

Рядом с беседкой росли розы. Целый куст. Он наклонил ветку, сорвал цветок, опустил на колено и двумя руками подал ей, опустив при этом голову.

— Как жаль, что я не узнала тебя раньше, белоголовый, — проговорила она, принимая розу из его рук. — Встань.

Он встал.

— Если изменишь решение, — она поднесла розу к лицу, — если решишь... Возвращайся в Цинтру. Я буду ждать. И твое Предназначение тоже будет ждать тебя. Возможно, не до бесконечности, но наверняка еще какое-то время.

— Прощай, Калантэ.

— Прощай, ведьмак. Будь осторожен. У меня... У меня минуту назад было предчувствие... Странное предчувствие... будто я вижу тебя в последний раз.

— Прощай, королева.

5

Он проснулся и с удивлением отметил, что мучительная боль исчезла, казалось также, что перестала досажать пульсирующая, натягивающая кожу припухлость. Он хотел вытянуть руку, потрогать, но не мог пошевелиться. Пока понял, что сдерживает его лишь тяжесть кож, которыми он накрыт, холодный, отвратительный ужас опустился ему на живот, впился во внутренности, словно ястребиные когти. Он сжимал и разжимал пальцы, мысленно повторяя: нет, я не...

Парализован...

— Ты проснулся.

Не вопрос, констатация. Тихий, но вынятный мягкий голос. Женщина. Молодая, вероятно. Он повернул голову, застонал, пытаясь подняться.

— Не шевелись. Во всяком случае, не так резко.

— Нинн, — налет, склеивавший губы, разорвался, — ниннет... Не рана... Спина...

— Пролежни, — спокойная, холодная констатация, не соответствующая мягкому альту. — Я помогу. Вот, выпей. Медленно, малыми глотками.

У жидкости был в основном запах и вкус можжевельника. «Старый способ, — подумал он. — Можжевельник либо мята просто добавки, значения не имеют, введены лишь для того, чтобы замаскировать настоящий состав». И, однако, он распознал паперник, может, корнежом. Да, наверняка корнежом, корнежом нейтрализует токсины, очищает кровь, испорченную гангреной либо заражением.

— Пей. До конца. Медленней, а то подавишься.

Медальон на шее начал легонько вибрировать. Стало быть, в напиток была и магия. Он с трудом расширил зрачки. Теперь,

когда она подняла ему голову, он мог рассмотреть ее получше. Небольшая. В мужской одежде. Маленькое и бледное в темноте лицо.

— Где мы?

— На поляне смолокуров.

Действительно, в воздухе плавал запах смолы. Он слышал голоса, долетающие от костра. В этот момент кто-то подкинул хвороста, пламя с треском взвилось вверх. Он снова взглянул, воспользовавшись светом. Волосы у нее были стянуты опояской из змеиной кожи. Волосы...

Волосы были рыжие, огненно-рыжие, подсвеченные пламенем костра, они казались красными, как киноварь.

— Больно? — прочитала она его ощущения, но неточно. — Сейчас... Минуточку...

Он почувствовал резкий удар тепла, исходящего от ее рук, разливающегося по спине, сплывающего вниз, к ягодицам.

— Мы тебя перевернем, — сказала она. — Не пытайся сам. Ты очень слаб. Эй, кто-нибудь поможет?

Шаги со стороны огня, тени, силуэты. Кто-то наклонился. Йурга.

— Как вы себя чувствуете, господин? Вам лучше?

— Помогите перевернуть его на живот, — сказала женщина. — Осторожнее, медленнее. Вот так... Хорошо. Благодарю.

Ему больше не надо было на нее смотреть. Теперь, лежа на животе, уже не надо было рисковать взглянуть ей в глаза. Он успокоился, сдержал дрожь рук. Она могла почувствовать. Он слышал, как позвякивают застежки сумки, как она идет флаконы и фарфоровые баночки. Слышал ее дыхание, чувствовал тепло ее бедра. Она стояла рядом на коленях.

— Рана, — проговорил он, не в состоянии переносить тишину, — доставила тебе хлопот?

— Да, немного. — В голосе холод. — Как обычно при кусаных ранах. Самый паршивый вид ран. Но тебе это, кажется, не внове, ведьмак?

«Знает. Копается в мыслях. Читает? Вряд ли. И знаю почему. Она боится».

— Да, пожалуй, не внове, — повторила она, снова звякая стеклом. — Я насчитала на твоём теле несколько рубцов... Я,

понимаешь ли, чародейка. И лекарка одновременно. Специализация.

«Совпадает», — подумал он, но не произнес ни слова.

— А что касается раны, — спокойно продолжала она, — то тебе следует знать, что спас тебя ритм сердцебиения, четырехкратно замедленный по сравнению с ритмом обычного человека. Иначе бы ты не выбрался, могу сказать со всей ответственностью. Я видела, чем тебе заштопали ногу. Это должно было изображать перевязку, но изображало неудачно.

Он молчал.

— Потом, — продолжала она, задрав ему рубашу по самую шею, — добавилось заражение, обычное при кусаных ранах. Ты его приостановил. Конечно, ведьмачий эликсир? Хорошо помогло. Только вот, не понимаю, зачем одновременно было принимать галлюциногены? Наслушалась я твоего бреда, Геральт из Ривии.

«Читает, — подумал он, — все-таки читает. А может, Йурга сказал, как меня зовут? Или я сам проболтался во сне под влиянием «черной чайки»? Кто его знает... Только ей ничего не даст знание моего имени. Ничего. Она не знает, кто я. Понятия не имеет, кто я».

Он почувствовал, как она осторожно втирает ему в спину холодную успокаивающую мазь с резким запахом камфоры. Руки были маленькие и очень мягкие.

— Прости, что делаю это обычным способом, классическим, — сказала она. — Можно было бы удалить пролежни с помощью магии, но я немного притомилась, когда занималась раной на ноге, и чувствую себя не лучшим образом. На ноге я связала и стянула все, что было можно, теперь тебе ничто не угрожает. Однако ближайшие два дня не вставай. Магически сросшиеся сосудики имеют тенденцию лопаться, у тебя остались бы скверные кровоподтеки. Шрам, конечно, сохранится. Еще один для полноты коллекции.

— Благодарю... — Он прижал щеку к кожаным, чтобы изменить голос, замаскировать его неестественное звучание. — Можно узнать... Кого благодарю?

«Не скажет, — подумал он. — Либо солжет».

— Меня зовут Висенна.

«Вот как», — подумал он и медленно, все еще не отрывая щеки от кож, сказал:

— Я рад. Рад, что пересеклись наши пути, Висенна.

— Случайность, не больше, — холодно сказала она, натягивая ему рубаху на спину и накрывая кожихами. — Сообщение о том, что я нужна, мне передали таможенники с границы. Послушай, мазь я оставляю купцу, попроси натирать тебя утром и вечером. Он утверждает, что ты спас ему жизнь, так пусть отблагодарит.

— А я? Могу ли я отблагодарить тебя, Висенна?

— Не будем об этом. Я не принимаю платы от ведьмаков. Назови это солидарностью, если хочешь. Профессиональной солидарностью. И симпатией. В силу этой симпатии — дружеский тебе совет, или, если предпочитаешь, указание лекаря. Перестань принимать галлюциногены, Геральт. Галлюцинации не излечивают. Ничего.

— Спасибо, Висенна. За помощь и совет. Благодарю тебя за... за все.

Он вытянул руку из-под кож, надул ее колени. Она вздрогнула, потом положила свою руку на его, слегка пожала. Он осторожно высвободил пальцы, провел ими по ее руке, по предплечью.

Ну конечно, гладкая девическая кожа. Она вздрогнула еще сильнее, но он не отнял руки. Он вернулся пальцами к ее ладони, сжал.

Медальон на шее завибрировал, дернулся.

— Благодарю тебя, Висенна, — повторил он, сдерживая дрожь голоса. — Рад, что пересеклись наши пути.

— Случайность, — повторила она, но на этот раз в ее голосе не было холода.

— А может, Предназначение? — спросил он и удивился, потому что возбуждение и нервозность улетучились вдруг без следа. — Ты веришь в Предназначение, Висенна?

— Да, — не сразу ответила она. — Верю.

— В то, — продолжал он, — что люди, связанные Предназначением, всегда встречаются?

— И в это тоже... Что ты делаешь? Не поворачивайся...

— Хочу увидеть твоё лицо... Висенна. Хочу взглянуть в твои глаза. А ты... Ты должна взглянуть в мои.

Она сделала такое движение, словно хотела подняться с колен. Но осталась около него. Он медленно отвернулся, скривив губы от боли. Стало светлей, кто-то снова подбросил хвороста в костер.

Она не пошевелилась. Только отвернула голову, но он ясно видел, что у нее дрожат губы. Она стиснула пальцы на его руке. Сильно.

Он смотрел.

Не было ничего общего. Совершенно другой профиль. Маленький нос. Узкий подбородок. Она молчала. Потом вдруг наклонилась и взглянула ему прямо в глаза. Вблизи. Молча.

— Как тебе нравятся, — спокойно спросил он, — мои подправленные глаза? Такие... необычные. А знаешь, Висенна, что делают с глазами ведьмаков, чтобы их подправить? Знаешь ли, что это удастся не всегда?

— Перестань, — мягко сказала она. — Перестань, Геральт.

— Геральт... — Он вдруг почувствовал, как что-то разрывается внутри. — Это имя мне дал Весемир. Геральт из Ривии! Я даже научился подражать ривскому акценту. Вероятно, из внутренней потребности иметь родную сторону. Пусть даже выдуманную. Весемир... дал мне имя. Весемир выдал мне также и твое. Правда, очень неохотно.

— Тише, Геральт, тише.

— Теперь ты говоришь, что веришь в Предназначение. А тогда... тогда — верила? Ну конечно же, должна была верить. Должна была верить, что Предназначение обязательно сведет нас. Только этому следует приписать тот факт, что сама ты отнюдь не стремилась к нашей встрече.

Она молчала.

— Я всегда хотел... Размышлял над тем, что скажу, когда мы наконец встретимся. Думал о вопросе, который тебе задам. Считал, что это даст мне извращенное удовлетворение...

То, что сверкнуло у нее на щеке, было слезой. Несомненно. Он почувствовал, как ему до боли перехватывает горло. Почувствовал утомление. Сонливость. Слабость.

— Днем... — Он застонал. — Завтра при солнечном свете я загляну в твои глаза, Висенна... И задам тебе свой вопрос.

А может, и не задам, слишком уж поздно. Предназначение? О да, Йен была права. Недостаточно быть друг другу предназначенными. Надобно нечто большее... Но я посмотрю завтра в твои глаза... При солнечном свете...

— Нет, — проговорила она мягко, тихо, бархатным, дрожащим, разрывающим слои памяти голосом, памяти, которой уже не было. Которой никогда не было, а ведь она же была... Была...

— Да! — возразил он. — Да. Я этого хочу...

— Нет. А теперь ты уснешь. И проснувшись, перестанешь хотеть. Зачем нам смотреть друг другу в глаза при солнечном свете? Что это изменит? Ведь ничего не вернешь, не изменишь. Какой смысл задавать вопросы, Геральт? Неужели то, что я действительно не сумею на них ответить, доставит тебе, как ты говоришь, извращенное удовлетворение? Что даст нам взаимная обида? Нет, не станем мы смотреть друг на друга при свете дня. Усни, Геральт. А так, между нами, вовсе не Весемир дал тебе твое имя. Хотя это тоже ровным счетом ничего не изменит и ничего не вернет, я все же хотела б, чтобы ты об этом знал. Будь здоров и береги себя. И не пытайся меня искать...

— Висенна...

— Нет, Геральт. А теперь ты уснешь... Я... я была твоим сном. Выздоровливай.

— Нет! Висенна!

— Усни, — в бархатном голосе тихий приказ, ломающий волю, разрывающий ее, словно ткань. Тепло, неожиданно истекающее из ее руки...

— Усни.

Он уснул.

6

— Мы в Заречье, Йурга?

— Со вчерашнего дня, господин Геральт. Скоро река Яруга, а там уже мои края. Гляньте, даже кони шибчей пошали, ушами прядут. Чуют — дом близко.

— Дом... Ты живешь в городе?

— В пригороде.

— Интересно, — ведьмак осмотрелся. — Почти не видно следов войны. Говорили, ваши края жутко разрушены.

— Точно, — сказал Йурга, — уж чего-чего, а руин туточки было вдосталь. Посмотрите внимательней, почти на каждой халупе, за каждым забором все бело от новой тесины. А за рекой, вот увидите, там еще хуже было, там под корень все погорело... Ну что ж, война войной, а жить надоть. Самую-то заваруху мы пережили, когда Черные катились через нашу землю. Точно, тогда казалось, все они тута спялят и вытопчут. Многие из тех, что тогда сбегли, так и не возвратились. А на их местах поселились новые. Жить-то надоть.

— Факт, — буркнул Геральт. — Жить надо. Неважно, что было. Жить надо.

— Это точно, господин. Ну получайте. Зашил вам портки, залатал. Будут что новые. Это как с нашей землей, господин Геральт. Разодрали ее войной, перепахали, словно плугом прошли, бороной, исковеркали. Но теперича будет как новая. И еще лучше уродит. Даже те, что в той земле погнили, добру послужат, удобряют почву. Цас-то пахать трудно — кости, железяки всюду на полях, но земля и с железом управится.

— Не бонтесь, что нильфгаардцы... что Черные вернутся? Если уж однажды нашли путь через горы...

— А как же. Страшно. Однако что ж? Сесть и сопли распускать? Трястись? Жить надоть. А что будет, то будет. Того, что предназначено, не избежать.

— Веришь в Предназначение?

— А как же не верить-то? Опосля того как мы на мосту встренулись, на урочище, как вы меня от смерти спасли? Ох, господин ведьмак, бухнется вам моя Златулина в ноги...

— Прекрати. Честно говоря, я тебе больше обязан. Там, на мосту... Ведь это моя работа, Йурга, моя профессия. Я защищаю людей за деньги. Не по доброте душевной. Признайся, Йурга, ты слышал, что люди болтают о ведьмаках? Мол, неведомо, кто еще хуже — они или чудовища, которых они убивают...

— Неправда ваша, господин, не знаю, почему вы так говорите. Что ж, али у меня глаз нету? Вы тоже из той же самой глины вылеплены, что и та лекарша...

— Висенна...

— Она нам себя не назвала. Но ведь она мчалась за нами галопом, потому как знала, что потребна, догнала вечером, сразу занялась вами, едва с седла соскочила. Да, господин, намучилась она с вашей ногой, от этой магии аж воздух звенел, а мы со страху в лес драпанули. У нее потом из носа кровь пошла. Непростая, видать, штука — колдовать. И так заботливо вас перевязывала, ну прям-таки как...

— Как мать? — Геральт стиснул зубы.

— Во-во. Точно сказали. А когда уснули...

— Ну, Йурга?

— Она едва на ногах держалась, бледная была как полотно. Но пришла, спрашивала, не нужно ли кому из нас помощи. Вылечила смолокуру руку, которую ему стволом пришибло. Гроша не взяла да еще и лекарства оставила. Нет, господин Геральт, на свете, знаю, мало ли что о ведьмаках болтают, да и о чародеях тоже. Но не у нас. Мы, из Верхнего Соддена, и люди из Заречья лучше знаем. Слишком многим мы чародеям обязаны, чтобы не знать, какие они. Память о них у нас не в сплетнях и трепотне, а в камне высечена. Увидите, как только роцца кончится. Да вы и сами, надо думать, лучше знаете. Битва-то была — на весь мир слыхать, а едва год минул. Должны были слышать.

— Не было меня здесь, — буркнул ведьмак. — Год не было. На Севере я был. Но слышал... Вторая битва за Содден...

— В сам раз. Сейчас увидите холм и камень. Раньше-то мы этот холм называли просто: Коршунья гора, а ныне все говорят: Холм Чародеев, или Холма Четырнадцати. Потому как двадцать два их было на том холме, двадцать и два чародея там бились, а четырнадцать пало. Страшный был бой, господин Геральт. Земля дыбом вставала, огонь валил с неба, что твой дождь, молнии били... Мертвые валялись, аж жуть. Но превозмогли чародеи Черных, одержали Силу, коя их вела. А четырнадцать все же пали в той битве. Четырнадцать сложили живот свой. Что, господин? Что с вами?

— Ничего. Продолжай, Йурга.

— Страшный был бой, ох, если б не те чародеи с Холма, кто знает, может, не болтали бы мы с вами сегодня тут, домой

поврачаючись, потому как и дома-то не было бы, и меня, и, может, вас... Да, всё чародей. Четырнадцать их сгинуло, нас защищая, людей из Соддена и Заречья. Ну, конечно, другие тоже там бились, воины и рыцари, да и крестьяне, кто мог, схватили вилы да мотыги, а то и просто колья... Все стояли насмерть, и множество полегло. Но чародей... Не фокус воину погибать, потому как это ж его специальность, а жизнь короткая. Но ведь чародей могут жить, сколь им хочется. А не задумались...

— Не поколебались, — сказал ведьмак, потирая рукой лоб. — Не поколебались. Я был на Севере...

— Вы что, господин?

— Так, ничего.

— Да... Так мы туда, все с округи, цветы все время носим, на тот Холм, а майской порой, на Беллетэйн, завсегда там огонь горит. И во веки веков гореть будет. И вечно жить они будут в памяти людской, те четырнадцать. А такая жизнь в памяти — это ж... это... Нечто побольше! Больше, господин Геральт!

— Ты прав, Йурга.

— Каждый ребенок у нас знает имена тех четырнадцати, выбитые на камне, что на вершине Холма стоит. Не верите? Послушайте: Алекс по кличке Рябой, Трисс Меригольд, Атлан Курк, Ваньелле из Брутте, Дагоберт из Воле...

— Прекрати, Йурга.

— Что с вами, господин? Бледный как смерть!

— Нет, ничего.

7

Он поднимался на Холм медленно, осторожно, вслушиваясь в работу сухожилий и мускулов в магически вылеченной ноге. Хотя рана вроде бы полностью затянулась, он по-прежнему берег ногу и старался не опираться на нее всем телом. Было жарко, аромат трав бил в голову, дурманил, но дурманил приятно.

Обелиск стоял не в центре плоско срезанной вершины, а был слегка сдвинут вглубь, за пределы круга из угловатых,

словно позвонки, камней. Если б он поднялся сюда перед самым заходом солнца, то тень менгира, падая на круг, точно прошла бы по его диаметру, указав направление, куда были обращены лица чародеев во время битвы. Геральд глянул туда, на бескрайние холмистые поля. Если там еще оставались кости polegших, а они там были наверняка, то их скрывала буйная трава. Там парил ястреб, спокойно наворачивавший круги на широко раскинутых крыльях. Единственная подвижная точка среди замершего в жару ландшафта.

Обелиск был широкий у основания, чтобы его охватить, пришлось бы соединить руки по меньшей мере пяти-шести человек. Было ясно, что без помощи магии его втащить наверх не удалось бы. Обращенная к каменному позвоночнику плоскость менгира была гладко отесана, на ней виднелись выбитые рунические письмена.

Имена тех четырнадцати, что погибли.

Он медленно подошел. Йурга был прав. У основания обелиска лежали цветы — обычные полевые цветы: маки, люпины, просвирняки, незабудки. Он медленно читал сверху, а перед его глазами возникали лица тех, кого он знал.

Веселая Трисс Меригольд с каштановыми волосами, хохотущая по любому поводу, выглядевшая как девчонка. Он любил ее. И она его тоже.

Лоудбор из Мурривеля, с которым когда-то он чуть было не подрался в Вызиме, когда поймал волшебника на махинациях с костями во время игры при помощи тонкого телекинеза.

Литта Нейд по прозвищу Коралл. Прозвище ей дали из-за цвета губной помады, которой она пользовалась. Литта когда-то накапала на него королю Белогуну, да так, что ему пришлось неделю отсидеть в яме. Когда его выпустили, он отправился к ней, чтобы узнать о причинах. Не заметил, как оказался у нее в постели, и провел там вторую неделю.

Старый Горазд, который хотел уплатить ему сто марок за право исследовать его глаза и предложил тысячу за возможность провести вскрытие, «не обязательно сейчас», как он тогда выразился.

Оставались три имени, и в этот момент он услышал за спиной легкий шорох и обернулся.

Она была босая, в простом льняном платице. На длинных светлых волосах, свободно спадающих на плечи и спину, лежал веноч, сплетенный из маргариток.

— Привет, — сказал он.

Она подняла на него холодные глаза, но не ответила.

Он отметил, что она почти совсем не загорела. Это было странно сейчас, в конце лета, когда деревенские девушки обычно загорали дочерна, ее лицо и открытые руки лишь слегка золотились.

— Принесла цветы?

Она улыбнулась, опустив ресницы. Он почувствовал холод. Она прошла мимо, не произнеся ни слова, опустилась на колени у основания менгира, коснулась ладонью камня.

— Я не приношу цветов, — слегка подняла она голову. — А те, что лежат, для меня.

Он глядел на нее. Она стояла на коленях так, что заслоняла от глаз последнее имя, высеченное на камне. Она была светлой, неестественно светлой, какой-то даже светящейся на темном фоне менгира.

— Кто ты? — медленно спросил он.

Она улыбнулась, и снова повеяло холодом.

— Не знаешь?

«Знаю, — подумал он, глядя в холодную голубизну ее глаз. — Да, кажется, знаю».

Он был спокоен. Иначе он не умел. Уже не умел.

— Меня всегда интересовало, как ты выглядишь, госпожа.

— Не надо меня так величать, — тихо ответила она. — Ведь мы знакомы много лет.

— Верно, — подтвердил он. — Говорят, ты все время идешь следом. Не отступая ни на шаг.

— Иду. Но ты никогда не оглядывался. До сих пор. Сегодня оглянулся впервые.

Он молчал. Ему нечего было сказать. Он устал.

— Как... как это произойдет? — спросил он наконец, холодно и без эмоций.

— Я возьму тебя за руку, — сказала она, глядя ему в глаза. — Возьму за руку и поведу через луг. В туман, холодный и мокрый.

— А дальше? Что там дальше, за туманом?

— Ничего, — усмехнулась она. — Дальше ничего. Ничего...

— Ты шла следом за мной, — сказал он. — А догнала других, тех, с которыми я встречался на пути. Почему? Важно было, чтобы я остался один, верно? Чтобы наконец испытал страх. Признаюсь тебе. Я всегда тебя боялся, всегда. Не оглядывался из-за страха. Из-за боязни увидеть тебя идущей следом. Боялся всегда, всю жизнь, вся моя жизнь прошла в страхе. Я боялся до... сего дня.

— До этого дня?

— Да. До этого. Вот мы стоим лицом к лицу, а я не чувствую страха. Ты отняла у меня все. Даже страх.

— Почему же тогда твои глаза полны ужаса, Геральт из Ривии? Твои руки дрожат, ты бледен. Почему? Неужто так сильно боишься увидеть последнее, четырнадцатое имя, выбитое на обелиске? Хочешь, я скажу тебе, как оно звучит?

— Не надо. Я знаю его. Круг замыкается, змея погружает зубы в собственный хвост. Так должно быть. Ты и это имя. И цветы. Для нее и для тебя. Четырнадцатое имя, выбитое в камне, имя, которое я произносил среди ночи и при свете солнца, в холод, жару и дождь. Нет, я не боюсь произнести его сейчас.

— Ну так произнеси.

— Йеннифэр... Йеннифэр из Венгерберга.

— А цветы для меня.

— Давай кончать, — с трудом проговорил он. — Возьми меня за руку.

Она встала, подошла, он почувствовал исходящий от нее холод, резкий, пронизывающий холод.

— Не сегодня, — проговорила она. — Когда-нибудь — да. Но не сегодня.

— Ты взяла у меня все...

— Нет, — прервала она. — Я ничего не забираю. Я только беру за руку. Чтобы никто не был в такую минуту одинок. Один в тумане... До свидания, Геральт из Ривии. До встречи. Когда-нибудь.

Он не ответил. Она медленно повернулась и ушла. Во мглу, которая неожиданно затянула вершину Холма, во мглу, в ко-

торой исчезло все, в белую, мокрую мглу, в которой растворились обелиск, лежащие у его основания цветы и четырнадцать высеченных на нем имен. Не было ничего — только мгла и мокрая, блестящая от росы трава под ногами, трава, которая пахла дурманяще, тяжело, сладко, до боли в висках, до забывтья, усталости...

— Господин Геральт! Что с вами? Вы уснули? Я же говорил, вы еще слабы. Зачем было лезть на откос?

— Я уснул, — протер лицо рукой ведьмак. — Уснул, надо же... Ну ничего, Йурга, жара...

— Да уж печет — не продохнешь... Надоть ехать, господин. Пошли, я помогу вам спуститься с кручи.

— Да нет, ничего...

— Ничего, ничего. А что ж тогда качаетесь? На кой хрен лезли в гору в такую жару? Приспичило имена прочитать? Так я мог вам их и без того перечислить. Ну что с вами?

— Ничего, Йурга... Ты действительно помнишь все имена?

— Само собой.

— Давай-ка проверим, как у тебя с памятью... Последнее. Четырнадцатое. Какое?

— Ну и невера. Ни во что не верите. Проверить хотите, не вру ль? Я же сказал, эти имена у нас каждый ребенок знает. Последнее, говорите? Ну что ж, последнее — Йойоль Гретхен из Каррераса. Может, знали?

Геральт отер запястьем веки. И глянул на менгир. На все имена.

— Нет. Не знал.

8

— Господин Геральт?

— Да, Йурга?

Купец наклонил голову, некоторое время помолчал, накручивая на палец кончик тонкого ремешка, которым приводил в порядок седло ведьмака. Потом легонько ткнул кулаком в спину державшего вожжи парня.

— Садись на запасную, Поквит. Я повезу. Садитесь ко мне на козлы, господин Геральт. А ты чего возле телеги околачиваешься, Поквит? А ну давай скачи вперед! Нам тута поговорить надить, твои уши нам ни к чему!

Плотва, следовавшая за телегой, заржала, дернула постромки, видимо позавидовав кобыле Поквита, галопом пошедшей по тракту.

Йурга чмокнул, слегка тронул коней вожжами.

— Да, — сказал он, немного помешкав, — дело такое, господин... Я обещал вам... Тогда на мосту... Покаялся... Дал обет...

— Не надо, — быстро прервал ведьмак. — Не надо, Йурга.

— Надо, — резко сказал купец. — Мое слово не дым. То, что я дома застану, а чего не ожидал, будет ваше.

— Прекрати. Ничего мне от тебя не надо. Мы квиты.

— Нет уж, господин. Ежели я чего такое в дому застану, сталбыть, это Предназначение. А если над Предназначением посмеяться, ежели соврать — оно строго покарает.

«Знаю, — подумал ведьмак. — Знаю».

— Но... господин Геральт...

— Что, Йурга?

— Ничего в доме я не застану такого, чего б не ожидал. Ничего и уж наверняка не то, на что вы рассчитывали. Господин ведьмак, слышь-ка, Златулина, моя жена, боле детей после остатнего иметь уже не может, и уж чего-чего, а ребеночка-то дома не будет. Похоже, здорово вы маху дали.

Геральт не ответил.

Йурга тоже замолчал. Плотва снова фыркнула, дернула мордой.

— Но у меня двое сынов, — вдруг быстро проговорил Йурга, глядя вперед, на тракт. — Двое здоровых, сильных и неглупых. Ведь должен же я их куда-нито со временем определить. Один, думал, со мной по купецкому делу пойдет, а другой...

Геральт молчал.

— Что скажете? — Йурга повернул голову, взглянул на него. — Вы потребовали на мосту поклясться. Вам нужен пацан для вашего ведьмачьего дела, ведь ничто другое. Так

почему ж этот ребенок обязательно должен быть неожиданный? А жданный быть не может? Двое у меня, один, сталбыть, пусть на ведьмака учится. Дело как дело. Не лучше, не хуже...

— Ты уверен, — тихо отозвался Геральт, — что не хуже?

— Защищать людей, — прищурился Йурга, — жизнь им спасти — какое это, по-вашему, дело, плохое или хорошее? Те четырнадцать на Холме? Вы на том мосту? Что делали — добро или зло?

— Не знаю, — с трудом проговорил Геральт. — Не знаю, Йурга. Порой мне кажется, что знаю. А в другой раз — сомневаюсь. Ты хотел бы, чтобы твоего сына мучили такие сомнения?

— Пусть мучают, — серьезно сказал купец. — Пусть бы мучили. А Предназначения своего никто не минует.

Ведьмак не ответил.

Тракт сворачивал к высокому откосу, к кривым березам, неведомо как державшимся на почти отвесном склоне. У берез были желтые листья. «Осень, — подумал Геральт, — снова осень». Внизу посверкивала река, белел новенький частокол сторожевой вышки, крыши домишек, ошкуренные бревна пристани. Скрипел ворот. Подходил к берегу

паром, гоня перед собою волну, расталкивая воду тупым носом, разгоняя плавающие на поверхности соломинки и листья, неподвижные в грязной корке пыли. Скрипели канаты, которые тянули перевозчики. Собравшаяся на берегу толпа шумела, все было в этом шуме: крик женщин, брань мужчин, плач детей, рев скота, ржание лошадей, бляение овец. Однообразная басовая музыка страха.

— Прочь! Прочь, сдай назад, чертовы дети! — кричал конный, голова которого была обмотана окровавленной тряпкой. Его конь, погрузившись по брюхо, пробивался, высоко поднимая передние ноги, разбрызгивая воду. На пристани галдеж, крик — щитоносцы грубо расталкивали толпящихся, били куда попало наконечниками копий.

— Прочь от парома! — рычал конный, размахивая мечом. — Только армия! Прочь, не то буду головы рубить!

Геральт натянул поводья, остановил Плотву, танцующую у самого края ущелья.

По ущелью, бряцая оружием и латами, шли тяжеловооруженные воины, вздымая облака пыли, закрывающей бегущих в арьергарде магов.

— Гера-альт!

Он глянул вниз. На сброшенном с тракта возу, заполненном деревянными клетками, подскакивал и размахивал руками худощавый мужчина в вишневой курточке и шапочке с пером цапли. В клетках трепыхались, кудахтали и гоготали гуси и куры.

— Гера-альт! Это я!

— Лютик? Давай сюда!

— Прочь! Прочь от парома! — ревел на пристани конный с перевязанной головой. — Паром только для солдат! Хотите на тот берег, сукины дети, так за топоры и в лес, плоты вязать! Паром только для солдат!

— О боги, Геральт, — сопел поэт, взбираясь по склону ущелья. Его вишневая курточка была, словно снегом, усыпана птичьими перьями. — Видишь, что творится? Эти, из Соддена, наверняка проиграли бой, началось отступление. Да что я говорю, какое там отступление? Бегство, просто-напросто паническое бегство! И нам надо отсюда драпать, Геральт! На тот берег Яруги...

— Ты что тут делаешь, Лютик? Откуда взялся?

— Что делаю? — буркнул бард. — И ты еще спрашиваешь! Бегу, как все, весь день на заднице шишки набиваю на этой колымаге! Коня ночью у меня спер какой-то стервец! Геральт, умоляю, вытащи меня из этого ада! Говорю тебе, нильфгаардцы могут тут появиться в любой момент! Кто не оттородится от них Яругой, пойдет под нож. Под нож, понимаешь?

— Не паникуй, Лютик.

Внизу, на пристани, ржание коней, силой затаскиваемых на паром, бьющих копытами по доскам. Вопли. Суматоха. Плеск воды, в которую плюхнулась телега, рев волов, выставивших морды на поверхность. Геральт смотрел, как мешки и ящики с воза перевернулись в потоке, ударились о борт парома, поплыли. Крик, проклятия, ругань. В ущелье туча пыли, топот.

— По очереди! — орал перевязанный, напирая лошадью на толпу. — Порядок, мать вашу! По очереди!

— Геральт, — простонал Лютик, хватаясь за стремяна. — Видишь, что творится? Нам ни в жизнь не попасть на паром. Солдаты переправятся, сколько успеют, а потом сожгут, чтобы им не воспользовались нильфгаардцы. Так ведь делают всегда, нет?

— Точно, — кивнул ведьмак. — Так обычно делают. Однако я не понимаю, почему такая паника? Что это, первая война, других не бывало? Как обычно, дружины королей поперебивают половину друг друга, а потом короли договорятся, подпишут мир, и оба надерутся по сему случаю. Для тех, кто сейчас ломает ребра на пристани, в принципе ничего не изменится. Так чего же ради такой шум-гам?

Лютик внимательно посмотрел на него, не отпуская стремяна.

— Похоже, у тебя паршивые сведения, Геральт, — сказал он. — Или ты не в состоянии понять их значения. Это не обычная война за наследование трона или отрывок земли. Это не стычка двух феодалов, за которой кметы наблюдают, не прерывая сенокоса.

— Тогда что же это такое? Объясни ты мне, потому как я в самом деле не знаю, что творится. Между нами говоря, меня не очень-то все это интересует, но все же объясни, будь добр.

— Подобной войны никогда еще не было, — серьезно сказал бард. — Армии Нильфгаарда оставляют за собой выжженную землю и трупы. Поля трупов. Это война на уничтожение, на полное уничтожение, Нильфгаард против всех. Жестокость...

— Нет и не было войн без жестокостей, — прервал ведьмак. — Ты преувеличиваешь, Лютик. Тут все равно как с тем паромом: так обычно делается. Этакая, я бы сказал, войсковая традиция. С тех пор, как существует мир, идущие по стране армии убивают, грабят, жгут и насилуют. Не обязательно в такой последовательности. С тех пор, как существует мир, крестьяне во время войн прячутся по лесам с бабами и скарбом, а когда приходит конец, возвращаются...

— Не в этой войне, Геральт. После этой войны некому и некуда будет возвращаться. Нильфгаард оставляет за собой пожарища, армия идет лавиной и вырубает на своем пути все и вся. Виселицы и колья растянулись на версты вдоль трактов, дыммы застилают небо по всему горизонту. Ты говоришь: с тех

пор, как существует мир, не было ничего такого? Это верно. Да, с тех пор как существует мир. Наш мир. Потому как, похоже, нильфгаардцы прибыли из-за гор, чтобы наш мир уничтожить.

— Бессмысленно! Кому нужно уничтожить мир? Войны не для того ведутся, чтобы уничтожать. Войны ведут по двум причинам. Одна из них — власть, другая — деньги.

— Не философствуй, Геральт! Того, что творится, философией не изменишь! Почему ты не слушаешь? Почему не видишь? Почему не хочешь понять? Поверь, Яруга не остановит нильфгаардцев. Зимой, когда река встанет, они пойдут дальше. Говорю тебе, надо бежать, бежать аж на Север, может, туда они не дойдут. Но даже если и не дойдут, наш мир уже никогда не будет таким, как прежде. Геральт, не бросай меня здесь. Я не справлюсь сам! Не бросай меня!

— Да ты никак спятил, Лютик. — Ведьмак наклонился в седле. — Ты, похоже, совсем сбрендил, если мог подумать, что я тебя брошу. Давай руку, прыгай на коня. Тут тебе искать нечего, на паром все равно не протолкнешься. Отвезу тебя вверх по реке, поищем лодку или плот.

— Нильфгаардцы захватят нас. Они уже близко. Видел конников? Похоже, они идут прямо из боя. Поехали вниз по реке, к устью Ины.

— Перестань каркать. Мы проскользнем, вот увидишь. Вниз по реке тоже тянутся толпы людей, у каждого парома будет то же, что и здесь, все лодки, вероятно, уже захапали. Поехали вверх, против течения, не бойся, я переправлю тебя хоть на колоде.

— Тот берег едва виден!

— Прекрати ныть. Я сказал — переправлю.

— А ты?

— Забирайся на лошадь. Поговорим в пути. Эй, ты что! Только не с мешком! Хочешь, чтобы у Плотвы спина переломилась?

— Это Плотва? Но Плотва же была гнедой, а эта каштановая.

— Все мои лошади зовутся Плотвами. Ты прекрасно знаешь и перестань болтать. Я сказал — выкинь мешок. Что у тебя там, золото?

— Рукописи! Стихи! И немного жратвы...

— Выкинь в реку. Напишешь новые. А едой я поделюсь.

Лютик сделал жалостливую мину, но раздумывать не стал, а с размаху кинул мешок в воду. Запрыгнул на лошадь, устраиваясь на выюке, схватился за Геральтов пояс.

— Вперед, вперед, — торопил он. — Нечего терять время, Геральт, давай — в лес, прежде чем...

— Перестань, Лютик, твоя паника начинает передаваться Плотве.

— Не смейся. Если б ты видел то, что я...

— Заткнись, дьявольщина. Едем, я хочу до темноты обеспечить тебе переправу.

— Мне? А ты?

— У меня есть дела по эту сторону.

— Да спятил-то, кажись, ты, Геральт. Тебе что, жизнь не мила? Какие еще дела?

— Не твоего ума... Я еду в Цинтру.

— В Цинтру? Нет уже Цинтры.

— Ты что это?

— Нет, говорю, Цинтры. Есть пепелище и куча камней. Нильфгаардцы...

— Слезай, Лютик.

— Что?

— Слезай! — Ведьмак резко обернулся. Трубадур взглянул ему в лицо и мигом слетел на землю, отступил на шаг, споткнулся.

Геральт слез медленно. Перекинул поводья через голову кобылы, минуту стоял в нерешительности, потом вытер лицо, не снимая перчатки. Присел на край ямы, оставшейся от вывороченного куста свидины с кроваво-красными плодами.

— Иди сюда, Лютик, — сказал он. — Садись и рассказывай, что с Цинтрой. Все.

Поэт сел.

— Нильфгаардцы вошли туда через перевал, — начал он после недолгого молчания. — Тысячи. Окружили армию Цинтры в долине Марнадаль. Разгорелся бой, длившийся целый день от зари до ночи. Люди из Цинтры яростно сопротивлялись, но их наполовину перебили. Король погиб, и тогда их королева...

— Калантэ.

— Да. Не допустила паники, не позволила оставшимся разбежаться, собрала вокруг себя и знамени, кого только смогла, они прорвались сквозь кольцо, выбрались за реку к городу. Кто сумел.

— А Калантэ?

— С горсткой рыцарей защищала переправу, прикрывала отступление. Говорили, билась, как мужчина, кидалась, словно сумасшедшая, в самый водоворот. Ее искололи пиками, когда она мчалась на нильфгаардскую пехоту. Тяжелораненую, вывезли в город. Что в манерке, Геральт?

— Водка. Хочешь?

— Пожалуй.

— Продолжай, Лютик. Говори все.

— Город в принципе не защищался, осады не было, уж некому было стоять на стенах. Остатки рыцарей с семьями, вельможи и королева... забаррикадировались во дворце. Нильфгаардцы взяли дворец с ходу, их маги в пыль раскрошили ворота и часть стены. Не поддавался только донжон, видимо, был сильными чародеями заговорен, потому что сопротивлялся нильфгаардской магии. И все же через четыре дня нильфгаардцы ворвались в покои. Но не застали никого живого. Никого. Женщины убили детей, мужчины убили женщин и кинулись на мечи либо... Что с тобой, Геральт?

— Продолжай, Лютик.

— Либо... как Калантэ... Головой вниз с балкона, с самого верха. Говорят, просила, чтобы ее... Никто не хотел. Тогда она доползла до балкона и... головой вниз. Рассказывают, с ее телом делали ужасные вещи. Не хочу об этом... Что с тобой, Геральт?

— Ничего, Лютик... В Цинтре была... девочка. Внучка Калантэ, лет десяти-одиннадцати. Ее звали Цири. О ней слышал что-нибудь?

— Нет. Но в городе и дворце была жуткая резня, и почти никто не уцелел. А из тех, кто защищал башню, не выжил никто, я же сказал. Большинство женщин и детей из самых знатных родов были именно там.

Ведьмак молчал.

— Калантэ, — спросил Лютик. — Ты знал ее?

— Знал.

— А девочку, о которой спрашиваешь? Цири?

— И ее знал.

От реки понесло ветром, по воде пошла рябь, ветер рванул ветки. С них мигнущей пылью полетели листья. «Осень, — подумал ведьмак. — Снова осень».

Он встал.

— Ты веришь в Предназначение, Лютик?

Трубадур поднял голову, глянул на него широко раскрытыми глазами.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ответь.

— Ну... верю.

— А знаешь ли ты, что одного Предназначения мало? Что надобно нечто большее?

— Не понимаю.

— Не ты один. Но так оно и есть. Надо нечто большее. Проблема в том, что я... Я уже никогда не узнаю, что именно.

— Что с тобой, Геральт?

— Ничего, Лютик. Давай садись. Едем, день пропадает. Как знать, сколько времени нам потребуется, чтобы найти лодку, а лодка нужна будет большая. Не оставлять же Плотву.

— Переправимся вместе? — обрадовался поэт.

— Да. На этом берегу мне уже искать нечего.

9

— Йурга!

— Златулина!

Она бежала от ворот, развевая выпроставшимися из-под платка волосами, спотыкаясь, крича. Йурга бросил вожжи слуге, прыгнул с телеги, помчался навстречу, ухватил ее за талию, крепко поднял, закружил, завертел.

— Я приехал, Златулинка! Вернулся!

— Йурга!

— Вернулся! Эй, раскрывайте ворота! Хозяин вернулся! Эх, Златулинка!

Она была мокрая, пахла мылом. Видимо, стирала. Он поставил ее на землю, но и тогда она, вцепившись, не отпускала его, дрожащая, теплая.

— Веди в дом, Златулина.

— Боги, ты вернулся... Ночей не спала... Йурга... Я не спала по ночам.

— Я вернулся. Ох, вернулся. И богато вернулся. Видишь телегу! Эй, погоняй, заезжай в ворота! Видишь воз, Златулинка? Много добра везу, потому как...

— Йурга, что мне добро, что мне воз... Ты вернулся... Здоровый... Целый...

— Богато вернулся, говорю. Сейчас увидишь...

— Йурга? А это кто? Вон тот, в черном? Боги, он с мечом...

Купец обернулся. Ведьмак слез с коня, отвернувшись, делая вид, будто поправляет подпругу и вьюки. Не глядел на них, не подходил.

— Потом расскажу. Ох, Златулинка, если б не он... А где дети? Здоровы?

— Здоровы, Йурга, здоровы. В поле пошли, ворон стрелять, но соседи им дадут знать, что ты дома. Тотчас примчатся, все трое...

— Трое? Откуда? Златуля? Да ты уж не...

— Нет... Но надобно тебе кое-что сказать... Не станешь злиться?

— Я? На тебя?

— Я приютила девчушку. От друидов взяла, знаешь, от тех, что после войны детей спасали... Собирали по лесам* бездомных и потерявшихся... Едва живых... Йурга. Ты злишься?

Йурга приложил ладонь ко лбу, оглянулся. Ведьмак медленно шел следом за телегой, ведя лошадь под уздцы. На них не глядел, все время отводил взгляд.

— Йурга?

— О боги, — простонал купец. — О боги! Златулина... Такое, чего я не ожидал! Дома!

— Не злись, Йурга... Вот увидишь, как ты ее полюбишь. Девочка умненькая, милая, работающая... Немного странная. Не хочет говорить откуда, сразу плачет. Ну я и не спрашиваю. Йурга, знаешь, я ведь всегда хотела, чтобы была дочка... Что с тобой?

— Ничего, — проговорил он тихо. — Ничего. Предназначение. Всю дорогу он во сне говорил, бредил, ничего, только Предназначение да Предназначение... О боги... Не нашего ума это... Затулина. Не понять нам, что думают такие, как он. Что видят во сне. Не нашего это разума...

— Папа!

— Надбор! Сулик! Ну и выросли, ну бычки, истые бычки! А ну живо ко мне! Живо...

Он осекся, увидев маленькую, худенькую, пепельноволосую девочку, медленно бредущую за мальчиками. Девочка взглянула на него, он увидел огромные глаза, зеленые, как весенняя травка, блестящие, как две звездочки. Увидел, как девочка вдруг срывается, как бежит, как... Услышал, как она кричит, тоненько, пронзительно...

— Геральт!

Ведьмак отвернулся от коня мгновенным ловким движением. И побежал навстречу. Йурга изумленно смотрел на него. Никогда он не думал, что человек может двигаться так быстро.

Они встретились на середине двора. Пепельноволосая девочка в сером платье и белоголовый ведьмак с мечом на спине, весь в горячей серебристой черной коже. Ведьмак мягкими прыжками, девочка трусцой, ведьмак на коленях, тонкие ручки девочки вокруг его шеи, пепельные, мышино-серые волосы на его плечах. Затулина глухо вскрикнула. Йурга обнял ее, молча прижал к себе, другой рукой обхватил и прижал мальчиков.

— Геральт! — повторяла девочка, прильнув к груди ведьмака. — Ты нашел меня! Я знала! Я всегда знала! Я знала, что ты меня отыщешь!

— Цири!

Йурга не видел его лица, спрятавшегося в пепельных волосах. Он видел только руки в черных перчатках, сжимающие плечи и руки девочки.

— Ты нашел меня! Ах, Геральт! Я все время ждала тебя! Я так ужасненько долго... Мы будем вместе, правда? Теперь будем вместе, да? Скажи, ну скажи. Геральт! Навсегда! Скажи!

— Навсегда, Цири!

— Так как говорили, Геральт! Как говорили... Я — твоё Предназначение? Ну скажи? Я — твоё Предназначение?

Йурга увидел глаза ведьмака. И очень удивился. Он слышал тихий плач Златулины, чувствовал, как дрожат ее руки. Глядел на ведьмака и ждал, весь напряженный, его ответа. Он знал, что не поймет этого ответа, но ждал его. Ждал. И дождался.

— Ты — нечто большее, Цири. Нечто большее.

Содержание

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ	5
Глас рассудка I	9
Ведьмак	11
Глас рассудка II	41
Крупница истины	47
Глас рассудка III	77
Меньшее Зло	82
Глас рассудка IV	122
Вопрос цены	127
Глас рассудка V	167
Край света	174
Глас рассудка VI	216
Последнее желание	223
Глас рассудка VII	279
 МЕЧ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ	 289
Предел возможного	293
Осколок льда	367
Вечный огонь	407
Немного жертвенности	457
Меч Предназначения	517
Нечто большее	579

Сапковский Анджей

**Последнее желание
Меч Предназначения**

Фантастические романы

Художественный редактор: О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать 07.06.00.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 33,60.

Доп. тираж 5 000 экз. Заказ № 233.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.

366720, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Кирова, д. 13

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнат, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудхайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников** по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Б.Фоминский пер., д.3. Тел. 911-2107.

Луганская, д.7. Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31;
проспект Просвещения, д.76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46. Издательство «Фолон»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества",

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

**Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?**

**Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!**

В этой серии вышли:

Антология «Темная любовь» — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология «Холод страха», которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и «Смеющийся труп» Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогающего его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

ISBN 5-17-002001-5

9 785170 020010